Т4.03(2)5
П24

371
П-24
2
П24

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАГО И ОБЩЕНАУЧНАГО САМООБРАЗОВАНІЯ ВОСПИТАТЕЛЕЙ И НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшенъ для учительскихъ библіотекъ и безплатныхъ народныхъ читаленъ.

1899 г.

Годъ изданія тридцать первый.

Книжка пятая.

ПЕРЕВІРЕНО
2005

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева, Петровка, д. Обидиной.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Школа на Пушкинскомъ праздникѣ. *Д. И. Тихомирова* 483

II. Учительскіе курсы въ г. Рязани въ іюнѣ 1898 г. *А. Н. Кирпичникова.* 494

III. Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. А. А. Фетъ. *Н. П. Демидова.* Продолженіе. 505

IV. О популяризаціи правовѣдѣнія. *В. А. Гольцева.* Гл. V. Продолженіе. 517

V. О прямомъ и наклонномъ почеркѣ. *П. Евсѣева.* 522

VI. Изъ дневника учительницы. I. Прогулка съ дѣтьми на рѣку и въ степь. II. Наглядное обученіе - разсматриваніе естественно-истор. коллекцій; посѣщеніе музея; знакомство съ заводами и пр. *N.* 532

VII. Изъ текущей литературы. Наставники въ воспоминаніяхъ своихъ учениковъ. I. С. М. Соловьевъ, какъ преподаватель. II. Изъ воспоминаній П. Н. Обнинскаго. III. Изъ воспоминаній Д. Н. Свербеева. IV. Какая самая лучшая опера на свѣтѣ? По міру съ букваремъ. Что знаетъ народъ о Пушкинѣ. Рѣчь М. Стасюлевича о народномъ образованіи въ Петербургѣ. Отношеніе земства къ народному образованію. Что сдѣлало по народному образованію вятское земство къ 1 янв. 1899 года. Къ закрытію земск. пед. курсовъ въ Саратовѣ. Педагог. классы при городскомъ училищѣ. О съѣздахъ народныхъ учителей. 546

VIII. Библіографія. Книги для родителей и учителей. *В. Острогорскій.* Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. *Ан.*—Иностранные университеты. Вып. I и II. *Ан.—И. Горбуновъ.* Первыя понятія о томъ, какъ живетъ наше тѣло, и что для него полезно и вредно. *Н. Ск.—И. Горбуновъ.* Русскій сельскій календарь на 1900 годъ. *Ан.*—Книги для дѣтей. *Б. Б. Глинскій.* Царскія дѣти и ихъ наставники. *Ан.—В. И. Немировичъ-Данченко.* О чемъ разсказывалъ вѣтеръ. *Ан.—Богдановскій.* Какъ Петръ Захарычъ переселился въ сибирскіе лѣса. *Ан.* 582

Приложеніе. Наши тайные друзья и враги. 65—80 стр. Бактеріологическіе очерки Перси Фаредэя Франклэнда. Пер. подъ ред. *Д. А. Коропчевскаго.* Съ рисунками.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАГО И ОБЩЕНАУЧНАГО САМООБРАЗОВАНІЯ ВОСПИТАТЕЛЕЙ И НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшенъ для учительскихъ библіотекъ и безплатныхъ народныхъ читаленъ.

1899 г.

Годъ изданія тридцать первый.

Книжка пятая.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева, Петровка, д. Обидиной.
1899.

Дозволено цензурою. Москва. 20 августа, 1899 г.

Школа на Пушкинскомъ праздникѣ *).

Всѣ мы, господа, хотя и при различныхъ условіяхъ, только что пережили одни и тѣ же радостныя чувства свѣтлыхъ пушкинскихъ дней, которые поистинѣ могутъ быть названы всенароднымъ праздникомъ русскаго просвѣщенія, свѣтлымъ торжествомъ всеобщаго признанія великихъ заслугъ передъ родиной нашего геніальнаго поэта, какъ выразителя высоко-гуманныхъ идей, призывающихъ къ добру и свѣту; это—рѣдкое для насъ литературно-гражданское торжество, въ которомъ слились всѣ много и мало просвѣщенные русскіе люди, отъ Царя до простолюдина, отъ ученаго до деревенскаго школьника; раздѣлили съ нами этотъ нашъ свѣтлый праздникъ и лучшіе просвѣщенные люди всего міра. Праздникъ этотъ, по своему просвѣтительному значенію, по небывалому еще на Руси участію въ такомъ торжествѣ простолюдина и школьника, особенно дорогъ и знаменателенъ для народной школы и народнаго учителя: вездѣ по лицу земли Русской, во многихъ тысячахъ возникли въ честь великаго поэта новыя образовательныя для народа учрежденія,—какъ школы, библіотеки, читальни и проч.,—во исполненіе вѣщаго слова—«слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой»; въ подтвержденіе того, что это пророческое слово исполняется уже и нынѣ, народная школа наша, существующая всего лишь съ небольшимъ три десятка лѣтъ, изобильно послала на это торжество своихъ учениковъ, открыла для народа двери народныхъ аудиторій, въ милліонахъ экземпляровъ роздала біографіи и безсмертныя произведенія Пушкина, украсила свои стѣны его портретами. И сейчасъ, при началѣ нашихъ занятій на пользу просвѣщенія народа, и во все время продолженія этихъ занятій, онъ, великій нашъ учитель добра и свѣта, къ глубокой нашей радости,

*) Изъ вступительной бесѣды руководителя при открытіи земскихъ педагогическихъ курсовъ въ Саратовѣ, 1-го іюня 1899 г.

ное, неясно выражаемое словами, чувство собственной виновности въ дочерниномъ горѣ («я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса»... «Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?»), сознаніе непоправимости и дочернинаго и своего несчастія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе сохранить передъ дѣтьми свое достоинство,—все это вполнѣ ясно выражаютъ слова Бориса.—Отвѣтъ Ѳеодора, объясняющій географическую карту, передаетъ и радостное удовольствіе обладанія интересующими его самого знаніями, и радостная дѣтская готовность подѣлиться съ отцомъ этими знаніями—безъ всякой фальшивой хвастливости, безъ горделиваго самомнѣнія. Закрывъ глаза, можно подумать, что это ребенокъ, вернувшись изъ школы, радостно толкуетъ свой урокъ полуграмотному, но любимому и уважаемому отцу... Нескрываемое удовольствіе отъ успѣховъ и знаній сына, уваженіе къ жизненной силѣ этихъ знаній, и при этомъ естественно-авторитетный—наставительный тонъ, жизненная опытность выразительно переданы въ словахъ Бориса («Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья!... Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ намъ опыты быстротекущей жизни»...)—Вся эта бытовая сцена, полная задушевныхъ чувствъ и глубокихъ мыслей, въ общемъ передана просто, естественно, задушевно; она, очевидно, продумана, и прочувствована, и всецѣло воспринята; Пушкинъ, несомнѣнно, пробудилъ въ юныхъ читателяхъ своихъ добрыя чувства, и эти чувства отца къ дѣтямъ и дѣтей къ отцу будутъ перенесены въ жизнь и найдутъ въ ней доброе примѣненіе...

Одна изъ взрослыхъ воспитанницъ съ задушевной выразительностію передала мысли и чувства несчастнаго Кочубея—наканунѣ его казни: и неотразимая прелесть тихой, полной красоты, украинской ночи, вкрадчиво заглядывающей въ истерзанную душу узника—Кочубея, и страшная буря душевная съ неутолимою лютою жаждою мести; и переходъ къ примиряющимъ съ жестокою судьбою воспоминаніямъ о мирной, полной тихаго семейнаго счастья прежней жизни въ обычномъ кругу семьи, друзей; и тщетная безцѣльность этой жажды мести, и, наконецъ, примиреніе съ судьбою, твердая успокоительная рѣшимость отдать все на судъ Богу, предъ нимъ излить тоску мольбы своей... все-все это было вызвано чтеніемъ и пережито слушателями вмѣстѣ съ Кочубеемъ и Пушкинымъ, вмѣстѣ съ читавшей дѣвочкой.

Съ тѣмъ же неподдѣльнымъ глубокимъ чувствомъ были переданы

дѣтьми и «Анчаръ», «Наполеонъ», «Въ деревнѣ», «Памятникъ» и многія другія стихотворенія Пушкина. Нужно было слышать Пушкина въ продуманномъ и прочувствованномъ—въ истолковательномъ чтеніи дѣтей, чтобы во-очію убѣдиться, какъ заразительны мысли и чувства геніальнаго поэта, какъ вразумительно-понятны онѣ и для дѣтей, какъ онъ, великій художникъ, возвышаетъ дѣтей до себя, какъ развиваетъ и воспитываетъ ихъ! Здѣсь открывается тайна духовнаго общенія генія-художника съ простыми смертными; здѣсь до очевидности подтверждается возможность и осуществимость важнѣйшаго изъ всѣхъ важныхъ дѣлъ человѣческихъ,—возможность воспитывающихъ воздѣйствій на дѣтей и юношей: пріобщите вашего воспитанника по мыслямъ и чувствамъ къ царямъ мыслей и чувствъ, и вы образуете его, т.-е. дадите ему образъ и подобіе этихъ величайшихъ изъ царей, этихъ боговъ земныхъ.

Съ такимъ же точно успѣхомъ были исполнены дѣтьми и разныя пѣсенки на слова Пушкина, и гимнъ Пушкину—«Памятникъ», и «Слава Александру II», и заключительный народный гимнъ. Глубокое, искреннее чувство слышалось въ дѣтскихъ голосахъ при пѣніи словъ—«И долго буду тѣмъ народу я любезенъ, что чувства добрыя я лирой пробуждалъ, что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу и милость къ падшимъ призывалъ». Восторгомъ, горячею благодарностію гремѣли голоса дѣтей при пѣніи много-много разъ повторенной «Славы Александру II»: «Славься, народу давшій свободу! Доля народа, счастье его, свѣтъ и свобода прежде всего! Благослови, Господи правый, счастьемъ и славой дѣло любви»...

Мнѣ близки всѣ эти дѣти, участвовавшія въ пушкинскомъ торжествѣ, мнѣ давно и хорошо знакомы они и въ учебные будни, и въ праздники экзаменовъ, когда они убѣдительно и настойчиво просятъ—«еще-еще спросить» ихъ по тому или другому предмету, «еще-еще позволить сказать» то или другое стихотвореніе и проч.,—и безконечно рады и благодарны бываютъ, когда «еще и еще» послушаютъ ихъ; но и для меня пушкинскій праздникъ представляется теперь—важнымъ по своему значенію экзаменомъ, и экзаменомъ не въ школьномъ только смыслѣ, но и въ общественномъ: здѣсь школа должна была проявить результаты своихъ воздѣйствій,—насколько она развиваетъ мысль и чувство дѣтей, насколько она подготовляетъ ихъ къ пониманію жизненныхъ явленій, насколько она дѣлаетъ ихъ способ-

ными къ добрымъ проявленіямъ себя въ жизненной дѣйствительности?—И школа съ успѣхомъ выдержала этотъ трудный экзаменъ...

Я видѣлъ дѣтей—школьниковъ (отъ всѣхъ московскихъ учебныхъ заведеній) участниками и во всеобщемъ (московскомъ) торжествѣ—у памятника Пушкина, и вынесъ такое же бодрящее впечатлѣніе. Дѣтей и здѣсь было болѣе чѣмъ взрослыхъ: они занимали и огромную эстраду—это тысячеголосый сборный хоръ, подъ управленіемъ директора консерваторіи г. Сафонова; они занимали большое мѣсто и вокругъ эстрады, и передъ самымъ памятникомъ. Здѣсь были мужскія и женскія школы, низшія, среднія и высшія учебныя заведенія. Ученики и ученицы разныхъ учебныхъ заведеній и открыли праздникъ—торжественнымъ шествіемъ изъ манежа, гдѣ они всѣ были предварительно собраны,—мимо университета по Воздвиженкѣ и бульварами къ Тверской—къ памятнику Пушкина—съ гирляндами, вѣнками, съ цвѣтами,—какъ благодарными дарами поэту,—своему великому наставнику. И нужно было видѣть это торжественное, полное сдержаннаго спокойствія и достоинства шествіе! Чинно вступали дѣти въ праздничный кругъ и занимали свои мѣста; съ сознаніемъ важности минуты стояли эти многотысячныя группы въ ожиданіи начала торжества. Стройно, съ полнымъ увлеченіемъ была пропѣта дѣтьми кантата въ честь Пушкина, спокойно и торжественно возложены къ подножію памятника вѣнки, гирлянды, цвѣты. Съ неудержимымъ восторгомъ пропѣтъ дѣтьми, при участіи взрослыхъ, и безъ числа повторенъ, по требованію тѣхъ же дѣтей, народный гимнъ. Въ стройномъ порядкѣ, безъ малѣйшаго замѣшательства и суеты и разошлись дѣти съ площади.—Это уже не прежніе школяры, смирненькіе и тихонькіе лишь на глазахъ надзирателя; это и не стадная толпа глупыхъ зѣвакъ: это проникнутые пониманіемъ важности минуты, сознательные участники гражданскаго торжества, — это уже маленькіе граждане, разумно, съ любовью и съ достоинствомъ исполняющіе свой гражданскій долгъ.—И здѣсь, на площади, передъ памятникомъ Пушкина, наша юная народная школа съ полнымъ успѣхомъ сдала свой экзаменъ. Здѣсь же стало яснымъ для всякаго и воспитывающее значеніе для дѣтей подобныхъ торжествъ: кто сознательно чествуетъ великаго, тотъ тѣмъ самымъ воспитываетъ въ себѣ чувство уваженія, чувство долга передъ великимъ, тотъ и самъ возвышаетъ себя этимъ облагораживающимъ гражданскимъ чувствомъ.

Знаменательно и трогательно было и внѣпрограмное зрѣлище вечеромъ, при яркомъ свѣтѣ электрическихъ фонарей, на площади и на бульварѣ вокругъ памятника Пушкина. Памятникъ съ возложенными у подножія цѣнными вѣнками и другими приношеніями, былъ охваченъ тѣсною цѣпью стражниковъ; а вокругъ нихъ густо сплоченная, многотысячная толпа. Поднимается надъ толпой одна рука, другая, сотни рукъ, и летятъ къ подножію Пушкина пучки простыхъ цвѣтовъ,—ландышей, незабудокъ, сирени,—и все подножіе сплошь устлано, какъ ковромъ, цвѣтами: это никѣмъ неподготовленная, внѣпрограмная, но также важная часть торжества; это безыскусственная, самопроизвольная дань благодарности безхитростныхъ сердецъ пѣвцу деревни, пророку просвѣщенной свободы, печальнику униженныхъ и оскорбленныхъ; это тѣ же, въ большинствѣ, школьники, но теперь уже взрослые люди,—и они черезъ школу знаютъ Пушкина, и онъ близокъ имъ и дорогъ. Посѣянное въ школѣ, доброе и разумное чувство перешло, очевидно, въ жизнь, и не гаснетъ, не умираетъ отъ времени.

Такъ чѣмъ же проявила себя на пушкинскомъ праздникѣ современная народная школа, возникшая въ эпоху освобожденія русскаго народа?—Свободной, внутренней дисциплиной, способностью понимать разумное, доброе, великое, свободнымъ и сознательнымъ къ нему тяготѣніемъ; усвоеніемъ мыслію, чувствомъ и дѣломъ началъ гражданственности; и можно надѣяться, что эти добрые навыки и чувства перейдутъ изъ школы въ жизнь.

Переживая вмѣстѣ съ другими въ праздничные пушкинскіе дни праздничныя мысли и чувства, я какъ-то невольно и безсознательно, до осязательности ясно, припомнилъ свое собственное дѣтство и ту школу, которую мнѣ пришлось пережить... Эти дѣтскія воспоминанія время отъ времени всплывали во мнѣ и до этого: во снѣ иной разъ увидишь себя школьникомъ... раннимъ утромъ идешь въ училище, по пути въ соборъ заходишь, и на колѣняхъ, передъ чудотворной иконой, на холодной плитѣ храма проливаешь горячія слезы въ жаркой молитвѣ, чтобы учитель не вызвалъ къ отвѣту (хотя отвѣтъ и былъ съ полнымъ стараніемъ приготовленъ), — хотя бы на этотъ день, только на этотъ день... но не дошли, видно, дѣтскія слезы, не оправдалась горячая молитва... Вотъ пришелъ въ классъ, вотъ звонокъ, вотъ отворяется дверь, тревожно бьется дѣтское сердце,

и кровью облилось оно, — меня вызвали къ отвѣту на середку класса, — страхомъ скована память, нейдутъ въ голову слова твердо заученнаго отвѣта... и въ слезахъ, въ холодномъ поту просыпаешься... И какой радостью забьется много пережившее сердце, когда сознаешь, что это былъ только сонъ!.. Знать сильны, могучи, неизбытчивы эти дѣтскія впечатлѣнія и чувства, что такъ свѣжо сохранились они до старости! И съ живымъ восторгомъ благословляешь дѣтство нынѣшняго поколѣнія дѣтей, благословляешь тѣ благодатныя мощныя силы, которыя совершили эти великія перемѣны!

Откуда же проистекалъ этотъ тягостный, мучительный дѣтскій страхъ передъ отвѣтомъ, передъ учителемъ?—Проистекалъ онъ отъ постоянной неувѣренности въ себѣ, хотя бы урокъ и выученъ былъ твердо; ребенокъ не зналъ и не могъ знать,—знаетъ или не знаетъ онъ свой урокъ, потому что въ дѣйствительности онъ никогда не зналъ его, т.-е. не сознавалъ заученнаго имъ наизусть, совсѣмъ не понималъ того, что заучилъ, и достаточно было потерять въ отвѣтѣ хоть одно слово, чтобы «*сбиться*» и потерять все; а не понималъ ребенокъ и не могъ понять заученнаго потому, что оно превышало силы его разумѣнія и по своей формѣ, и по содержанію. Мы начинали тогда ученіе закона Божія такъ: «Единъ Богъ, во Святой Троицѣ поклоняемый, есть вѣченъ, т.-е. не имѣетъ ни начала, ни конца Своего бытія, но всегда былъ, есть и будетъ. Кромѣ Бога все имѣетъ начало; Богъ сотворилъ міръ изъ ничего»... Грамматика начиналась такъ: «Русская грамматика есть наука, которая учитъ правильно говорить, читать и писать по-русски. Грамматика состоитъ изъ этимологіи, синтаксиса и правописанія»... Первыя слова въ Русской Исторіи были: «Русская Исторія есть наука, объясняющая постепенное развитіе русскаго государства отъ перваго его начала и до настоящаго времени». — Естественно, что ребенокъ только поневолѣ, по жестокому принужденію, подъ страхомъ наказанія, могъ заучивать свой урокъ, и нести это страшное бремя во весь школьный періодъ. Отсюда постоянный жгучій страхъ и передъ отвѣтомъ, и передъ учителемъ, передъ возможнымъ всегда наказаніемъ...

Но теперь, при воспоминаніяхъ давно прошлаго, особенно страшными кажутся уже не эти дѣтскія переживанія страха,—страшно здѣсь другое, болѣе важное. Въ ребенкѣ выжигаются чувства человѣческой личности, — стыдъ, униженіе, оскорбленіе, свое безправіе и

и кровью облилось оно, — меня вызвали къ отвѣту на середку класса, — страхомъ скована память, нейдутъ въ голову слова твердо заученнаго отвѣта... и въ слезахъ, въ холодномъ поту просыпаешься... И какой радостью забьется много пережившее сердце, когда сознаешь, что это былъ только сонъ!.. Знать сильны, могучи, неизбытчивы эти дѣтскія впечатлѣнія и чувства, что такъ свѣжо сохранились они до старости! И съ живымъ восторгомъ благословляешь дѣтство нынѣшняго поколѣнія дѣтей, благословляешь тѣ благодатныя мощныя силы, которыя совершили эти великія перемѣны!

Откуда же проистекалъ этотъ тягостный, мучительный дѣтскій страхъ передъ отвѣтомъ, передъ учителемъ?—Проистекалъ онъ отъ постоянной неувѣренности въ себѣ, хотя бы урокъ и выученъ былъ твердо; ребенокъ не зналъ и не могъ знать,—знаетъ или не знаетъ онъ свой урокъ, потому что въ дѣйствительности онъ никогда не зналъ его, т.-е. не сознавалъ заученнаго имъ наизусть, совсѣмъ не понималъ того, что̀ заучилъ, и достаточно было потерять въ отвѣтѣ хоть одно слово, чтобы «*сбиться*» и потерять все; а не понималъ ребенокъ и не могъ понять заученнаго потому, что оно превышало силы его разумѣнія и по своей формѣ, и по содержанію. Мы начинали тогда ученіе закона Божія такъ: «Единъ Богъ, во Святой Троицѣ поклоняемый, есть вѣченъ, т.-е. не имѣетъ ни начала, ни конца Своего бытія, но всегда былъ, есть и будетъ. Кромѣ Бога все имѣетъ начало; Богъ сотворилъ міръ изъ ничего»... Грамматика начиналась такъ: «Русская грамматика есть наука, которая учитъ правильно говорить, читать и писать по-русски. Грамматика состоитъ изъ этимологіи, синтаксиса и правописанія»... Первыя слова въ Русской Исторіи были: «Русская Исторія есть наука, объясняющая постепенное развитіе русскаго государства отъ перваго его начала и до настоящаго времени». — Естественно, что ребенокъ только поневолѣ, по жестокому принужденію, подъ страхомъ наказанія, могъ заучивать свой урокъ, и нести это страшное бремя во весь школьный періодъ. Отсюда постоянный жгучій страхъ и передъ отвѣтомъ, и передъ учителемъ, передъ возможнымъ всегда наказаніемъ...

Но теперь, при воспоминаніяхъ давно прошлаго, особенно страшными кажутся уже не эти дѣтскія переживанія страха,—страшно здѣсь другое, болѣе важное. Въ ребенкѣ выжигаются чувства человѣческой личности, — стыдъ, униженіе, оскорбленіе, свое безправіе и

неправота другихъ — не сознаются имъ, а живетъ и развивается въ немъ одинъ рабскій страхъ передъ тяготѣющимъ надъ нимъ всегда наказаніемъ... Страшно то, что такое ученіе, по существу своему, мертвенно, безплодно,—оно не только не въ силахъ сдѣлать человѣка умнѣе и добрѣе, но способно навѣки забить въ немъ и все то разумное и доброе, чѣмъ надѣлила его природа. Страшна здѣсь, наконецъ, и безвозвратная гибель многихъ и многихъ людей — для истиннаго просвѣщенія, для плодотворной, разумной и доброй, жизненной дѣятельности... Страшна та губительная сила, власть имѣющая угашать навсегда самое святое въ человѣкѣ — духъ животворящій!

Но сколь же благодѣтельна та сила, которая живетъ и плодотворитъ человѣческій духъ, та сила, которая въ короткое сравнительно время переродила народную школу и изъ мертвенной сдѣлала ее живою! Что же это за сила? это важно знать учителю!

Благодѣтельная сила эта—въ гуманной жизненной идеѣ, вложенной въ воспитаніе и ученіе: естественное развитіе духовныхъ силъ (умственныхъ и нравственныхъ) ученика, соотвѣтственно природѣ этихъ силъ, при свободномъ и охотномъ, самодѣятелькомъ участіи въ этомъ развитіи самого ученика; прививка ученику, до полнаго имъ усвоенія, гуманныхъ, для всѣхъ равно нравственно-обязательныхъ идей разумнаго и добраго, какъ руководящихъ началъ жизни,—прививка умѣлая, искусная, основывающаяся на изученіи природы передаваемаго для усвоенія содержанія. Разъясненіе этихъ двухъ основныхъ вопросовъ воспитывающаго ученія и составляетъ главную цѣль предстоящихъ намъ занятій: а) какъ наилучшимъ образомъ, планомѣрно, развить духовныя силы ученика (умственныя и нравственныя)—соотвѣтственно духовной природѣ этихъ силъ; б) какое содержаніе, какія понятія и идеи, можемъ и должны мы передать ученику, и *какъ* передать,—соотвѣтственно природѣ этихъ знаній.

Что возрождающая сила гуманныхъ идей могущественна, что воспитаніе, а стало-быть и воспитывающее ученіе, могутъ благодѣтельно воспитать человѣка, — въ этомъ убѣждаетъ насъ исторія; наглядный, поучительно-ободряющій примѣръ этого указалъ намъ и нашъ великій поэтъ въ своемъ произведеніи «Галубъ»: припомните, какъ перемѣнился, подъ вліяніемъ могучей силы воспитанія, младшій сынъ Галуба Тазитъ: необузданнаго дикаря-хищника, кровожаднаго мсти-

теля воспитаніе переродило въ человѣка во все вдумчиваго, кроткаго, жалостливаго, готоваго на жертву своимъ благополучіемъ и собой во имя воспитанной имъ гуманной идеи. А развѣ свѣтлые пушкинскіе дни не служатъ неопровержимымъ доказательствомъ того же, какъ школа и цѣлое общество, и даже до извѣстной степени народъ, перерождаются подъ вліяніемъ тѣхъ же гуманныхъ идей: Пушкинъ «въ свой жестокій вѣкъ» лишь возславлялъ просвѣщенную свободу, страстно желая видѣть «народъ неугнетенный и рабство падшее по манію царя», возбуждалъ чувства добрыя, призывая всѣхъ къ правдѣ и справедливости, уваженію къ личности человѣческой; онъ и самъ себя отдалъ на служеніе просвѣщенію отчизны, и другихъ призывалъ къ тому же подвигу — посвятить отчизнѣ души прекрасные порывы, и глубоко вѣрилъ въ силу и власть просвѣтительной идеи: «Товарищъ! вѣрь, взойдетъ она, заря плѣнительнаго счастья: Россія вспрянетъ ото сна», — и вотъ теперь эти высокія гуманныя идеи стали общепризнанными истинами и переходятъ постепенно въ жизнь.

Рабство пало по манію великодушнаго царя, и Внукъ Освободителя всенародно призналъ достойнымъ начертать это великое дѣяніе Дѣда золотыми буквами на страницахъ исторіи; взошла съ того великаго дня и «заря просвѣщенной свободы»... но и до нашихъ дней все еще остаются справедливыми слова поэта: «Другъ человѣчества печально замѣчаетъ вездѣ невѣжества губительный позоръ»... И это позорное иго невѣжества, эта страшная власть тьмы тяготѣетъ преимущественно надъ нашимъ народомъ, и школа призвана къ тому, чтобы избавить народъ отъ этого ига,—въ этомъ все назначеніе школы.

Старое и отжившее въ жизни и въ школѣ умерло,—но пока еще далеко не совсѣмъ,—оно, уже обреченное на смерть, все еще живетъ и въ новомъ, хотя и въ подновленномъ видѣ,—и это не здѣсь, не въ Саратовской только губерніи, но и вездѣ, повсюду.

Школа заботится, болѣе или менѣе, объ усовершенствованіи орудій-методовъ преподаванія, и мало задумывается надъ самыми предметами ученія: и совершеннѣйшіе методы преподаванія не дадутъ никакихъ результатовъ, если будутъ примѣняемы къ усвоенію учениками незначительнаго (въ образовательномъ смыслѣ) содержанія.

Школа болѣе всего озабочена разъясненіемъ методическихъ вопросовъ обученія грамотѣ, изученія первой сотни чиселъ, и вообще заботится о правильности первыхъ шаговъ обученія, и мало, очень мало ду-

маетъ о послѣдующихъ шагахъ и о конечной цѣли, къ которой должны привести эти первые и послѣдующіе шаги.

Очень часто школа посвящаетъ свое исключительное вниманіе менѣе важнымъ предметамъ и сторонамъ обученія въ ущербъ важнѣйшимъ и болѣе всего воспитывающимъ ученика, и въ современномъ школьномъ ученіи преобладаетъ нерѣдко изсушающій душу формализмъ.

Давъ въ обладаніе ученика орудіе просвѣщенія, научивъ ученика грамотѣ, школа очень часто не предоставляетъ ему возможности примѣнить это искусство къ дѣлу,—къ чтенію книгъ для дальнѣйшаго развитія и совершенствованія: а безъ хорошо-поставленныхъ библіотекъ для школьнаго и внѣшкольнаго чтенія безплодно гибнетъ и то, что съ такими усиліями и жертвами достигается школой.

Совершенно законно возлагая на учителя нравственную отвѣтственность за успѣхи просвѣщенія, устроители школы не даютъ ему, въ большинствѣ случаевъ, необходимыхъ средствъ къ наилучшему исполненію возложенныхъ на него обязанностей; учитель не имѣетъ подъ руками книги и журнала, какъ единственныхъ источниковъ, откуда онъ могъ бы почерпать для себя знанія, пополнять свое, въ большинствѣ случаевъ, скудное образованіе; а мало имѣя самъ,—что онъ можетъ дать своимъ ученикамъ?

И положеніе учителя, матеріальное и нравственное, подчасъ бываетъ таково, что у него опускаются руки и не хватаетъ силъ и энергіи на достойное продолженіе своего важнаго дѣла.

Будемъ надѣяться, что наши курсы освѣтятъ существующіе недостатки школы, укажутъ средства къ ихъ исправленію, посильно отвѣтятъ на школьные вопросы о конечныхъ задачахъ народной школы, о средствахъ къ разрѣшенію этихъ задачъ — о предметахъ и способахъ обученія.

Д. И. Тихомировъ.

Учительскіе курсы въ г. Рязани въ іюнѣ 1898 г. *).

I.

Въ концѣ мая прошлаго года я получилъ предложеніе отъ предсѣдателя губернской рязанской управы присутствовать на учительскихъ курсахъ, устраиваемыхъ земствомъ. Такъ какъ и учительскіе съѣзды, и курсы, да и самъ народный учитель, полезнѣйшій въ настоящее время дѣятель земли русской, были знакомы мнѣ только по книгамъ, то я и рѣшился воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ.

Вотъ документальная исторія этого дѣла въ изложеніи г. директора рязанской учительской семинаріи, бывшаго и главнымъ руководителемъ курсовъ.

Краткосрочные педагогическіе курсы были устроены въ семинаріи лѣтомъ текущаго 1898 года на средства губернскаго земства, съ разрѣшенія г. попечителя учебнаго округа, на основаніи правилъ 5-го августа 1875 года. Курсы продолжались отъ 1-го по 15 іюня. Къ слушанію ихъ, согласно постановленію земскаго собранія, были привлечены 120 учителей и учительницъ земскихъ школъ губерніи по 10-ти отъ уѣзда. Въ числѣ 120 слушателей было 75 учителей и 45 учительницъ. Всѣ эти лица содержались на средства земства и помѣщались въ зданіяхъ семинаріи и начальнаго училища**). Помимо

*) Докладъ проф. А. И. Кирпичникова въ М. Обществѣ Грамотности.

**) Изъ доклада управы собранію видно, что окончательному установленію списковъ слушателей предшествовали очень характерныя, но, по счастію, не имѣвшія серьезныхъ послѣдствій пререканія между земствомъ и учебнымъ начальствомъ. Вотъ что разсказываетъ управа:

Уже по отправленіи списковъ въ Министерство губернской управѣ сдѣлалось извѣстно, что въ то время какъ трое изъ инспекторовъ изъявили свое согласіе на сообщенные уѣздными управами списки, дополнивъ

названныхъ слушателей, по согласію съ управой, было предоставлено мѣсто въ помѣщеніи семинаріи еще 9 лицамъ—1 учителю и 8 учительницамъ, допущеннымъ къ слушанію курсовъ въ качествѣ вольно-слушателей. Всѣ эти лица обязаны были представить главному

лишь эти списки присоединеніемъ къ поименованнымъ лицамъ нѣсколькихъ учителей по каждому уѣзду, въ качествѣ кандидатовъ для замѣны назначенныхъ на курсы, если бы такіе почему-либо не явились,—по двумъ участкамъ инспекторами г. Соколовымъ и г. Стратилатовымъ были сдѣланы измѣненія въ самыхъ спискахъ, выпущены одни лица и вмѣсто нихъ поставлены другія. Оба означенные инспектора находили, что учителямъ, внесеннымъ ими въ списки взамѣнъ лицъ, записанныхъ уѣздными управами, полезнѣе будетъ послушать курсы, чѣмъ тѣмъ, которые были намѣчены земствомъ. Свое право сдѣлать такое измѣненіе упомянутые инспектора основывали на предоставленномъ имъ по министерскимъ правиламъ о педагогическихъ курсахъ правѣ назначать участниковъ курсовъ, совершенно упустивъ изъ виду, что это правило, установленное для тѣхъ случаевъ, когда курсы устраиваются самими училищными совѣтами, не можетъ быть примѣнено въ томъ же самомъ видѣ къ курсамъ, устраиваемымъ земствомъ. Для этихъ курсовъ, устраивать которые земство никакимъ закономъ не обязывается, означенное правило можетъ, слѣдовательно, предоставить гг. инспекторамъ лишь право допустить намѣченныхъ земствомъ лицъ къ участію въ курсахъ или нѣтъ, а не присылать лицъ по своему усмотрѣнію. Такого распоряженія не сдѣлалъ бы и самъ министръ безъ согласія земства, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока устройство педагогическихъ курсовъ не признано въ законодательномъ порядкѣ обязательною земскою повинностью, а слѣдовательно подобнаго права никакою инструкціею Министерства предоставлено инспекторамъ народныхъ училищъ быть не могло. Словомъ, произошла одна изъ тѣхъ, часто повторяющихся ошибокъ, въ которыя мы такъ легко впадаемъ, вездѣ, гдѣ обычный кругъ дѣятельности нашей опредѣляется не закономъ, а административнымъ усмотрѣніемъ. Эта ошибка едва не испортила дѣла, ибо хотя, разумѣется, и можно бы было путемъ жалобы добиться разъясненія вызванныхъ недоразумѣній текста инструкцій, но, очевидно, пока такое разъясненіе было бы сдѣлано Министерствомъ или Сенатомъ, курсы фактически не могли бы осуществиться.

Поэтому губернская управа, увѣдомивъ уѣздныя о происшедшихъ измѣненіяхъ въ спискахъ, просила ихъ, не найдутъ ли онѣ возможнымъ въ интересахъ общаго дѣла согласиться на нѣкоторыя перемѣны, въ общемъ впрочемъ незначительныя, сдѣланныя господами инспекторами, объяснивъ, что въ противномъ случаѣ губернская управа вынуждена будетъ отказаться отъ устройства курсовъ вовсе, и объявивъ въ то же время, что она оплатитъ проѣздъ и содержаніе лишь тѣхъ учителей, которыхъ укажетъ въ своемъ отношеніи уѣздная управа. Такъ какъ въ сущности и уѣздныя

наблюдателю письменный отчетъ о своихъ занятіяхъ на курсахъ. Сверхъ указанныхъ 129 лицъ, главнымъ наблюдателемъ были допущены къ слушанію курсовъ съ обязательствомъ представленія отчета въ занятіяхъ еще 2 учителя и 13 учительницъ, согласно ихъ желанію. Эти 15 лицъ помѣщались на частныхъ квартирахъ и содержались на свои средства. Такимъ образомъ, всѣхъ постоянныхъ слушателей было 144, изъ нихъ 78 учителей и 66 учительницъ. Эти цифры показываютъ, что выражавшееся устроителями курсовъ до открытія ихъ опасеніе, что на курсы не явятся изъ уѣздовъ многія изъ назначенныхъ лицъ, совершенно не оправдалось, а, наоборотъ, прибыло желающихъ слушать курсы болѣе, чѣмъ назначалось, при чемъ эти желающіе не остановились предъ довольно значительною затратою своихъ скудныхъ средствъ на путевые расходы и 15-дневное содержаніе въ Рязани. Кромѣ постоянныхъ вольныхъ слушателей, свободно допускались къ слушанію курсовъ и посторонніе случайные посѣтители. Число посѣтителей курсовъ, начавъ съ 37 въ 1-й день занятій, ежедневно увеличивалось и доходило въ послѣдніе дни, особенно во время вечернихъ бесѣдъ руководителей, до 200 слишкомъ. Всего выдано было билетовъ на посѣщеніе 272. Многіе изъ посѣтителей аккуратно посѣщали курсы изо дня въ день.

Занятія на курсахъ открыты были въ 1-й же день іюня вечеромъ *) бесѣдами руководителей и продолжались ежедневно вплоть до 15 іюня—дня закрытія курсовъ, съ неполнымъ перерывомъ въ воскресные дни, такъ какъ и въ послѣдніе происходили двухчасовыя послѣ-

управы и инспектора одинаково желали успѣха курсамъ, то согласіе естественно состоялось. Согласія же было тѣмъ легче достигнуть, что гг. инспектора, замѣнивъ въ спискахъ нѣкоторыхъ изъ названныхъ уѣздными управами лицъ другими, не выключили и первыхъ изъ списка вовсе, но поставили ихъ въ числѣ кандидатовъ, имѣвшихъ замѣстить учителей, назначенныхъ для участія въ курсахъ, въ случаѣ выбытія послѣднихъ по какой-либо причинѣ. Само собой разумѣется, что какъ скоро учителя, получившіе командировку (командировки уже были разосланы господами инспекторами) на устраиваемые земствомъ педагогическіе курсы не по предложенію земскихъ управъ, а на мѣсто предложенныхъ послѣдними, которые зачислены въ кандидаты, они поспѣшили отказаться отъ своего права, и такимъ образомъ лица, намѣченныя управами, получили возможность попасть на курсы за исключеніемъ трехъ случаевъ. Послѣ этого недоразумѣній уже не было.

*) Утро было посвящено обычному молебствію.

обѣденныя бесѣды руководителя по садоводству. Занятія ежедневно происходили утромъ отъ $8^1/_2$ до 2 часовъ дня и вечеромъ отъ 6 до 9 часовъ. Утреннія занятія заключались: а) въ ежедневныхъ школьныхъ урокахъ по русскому языку и ариѳметикѣ, даваемыхъ въ начальной школѣ, организованной при курсахъ, или самими руководителями (образцовые уроки) или участниками курсовъ (съ цѣлью демонстрированія практикуемыхъ ими способовъ и пріемовъ обученія), б) въ разборѣ уроковъ, данныхъ въ школѣ, в) въ ежедневномъ урокѣ пѣнія руководителя Шумова для слушателей курсовъ (для всѣхъ обязательно) и г) въ бесѣдахъ по школоустройству (директоръ) и по садоводству и огородничеству (наставникъ Святославскій)*). Вечернія занятія заключались въ бесѣдахъ руководителей съ слушателями. Бесѣды эти вели исключительно руководители по русскому языку (2 часа) и ариѳметикѣ (часъ), по заранѣе составленной ими программѣ; предметомъ ихъ было разрѣшеніе какъ общихъ дидактическихъ, такъ и частныхъ методологическихъ вопросовъ по обученію указаннымъ предметамъ въ народной школѣ, на основаніи указаній науки и опыта въ соотвѣтствіи съ запросами самихъ учителей по интересовавшимъ ихъ вопросамъ въ области этихъ предметовъ. Съ цѣлью предоставленія слушателямъ возможности высказать свои запросы и указать на ихъ затрудненія въ учительской практикѣ по вопросамъ школьнаго обученія и воспитанія, всѣмъ участникамъ курсовъ заблаговременно были высланы въ школы главнымъ наблюдателемъ курсовъ подробные вопросные пункты, отпечатанные въ формѣ брошюры, по предметамъ обученія русскому языку, ариѳметикѣ и пѣнію. Вопросы эти были составлены руководителями курсовъ. Полученные на нихъ письменные отвѣты участниковъ были заблаговременно препровождены руководителямъ. Послѣдніе въ своихъ бесѣдахъ и соображались съ

*) Видя на урокахъ по пѣнію и садоводству сравнительно очень немного посѣтителей, я недоумѣвалъ, зачѣмъ присоединены эти предметы къ урокамъ русскаго языка и ариѳметики, на которые не хватало времени. По справкамъ оказалось, что безъ этого на курсы могло быть принято только 60 человѣкъ, такъ какъ на каждаго руководителя допускается только 30 слушателей. Я не понимаю цѣли такого распоряженія, вызывающаго только затрудненія и поощряющаго мало полезный обходъ. Вѣдь руководители никогда не дѣйствуютъ одновременно, и аудиторія, состоящая изъ вполнѣ взрослыхъ людей, съ одинаковымъ удобствомъ можетъ работать при составѣ и въ 60 человѣкъ, и въ 120.

полученными отвѣтами, разрѣшая общими силами съ участниками курсовъ вопросы намѣченной программы и возникавшія по симъ вопросамъ сомнѣнія. Такая совмѣстная работа руководителей и участниковъ курсовъ оказалась весьма плодотворной.

Подробный ежедневный отчетъ о всѣхъ курсовыхъ занятіяхъ составлялся подъ наблюденіемъ директора семинаріи и по его распоряженію самими очередными слушателями. Въ очередь вступали каждодневно слушатели одного уѣзда. Редакцію отчета о бесѣдахъ руководителей и ихъ урокахъ приняли на себя сами руководители.

Во все время курсовъ общая работа участниковъ курсовъ была самая оживленная и энергичная. Въ бесѣдахъ были затронуты и посильно разрѣшены многіе серьезные практическіе вопросы школьнаго обученія по главнѣйшимъ предметамъ—русскому языку и ариѳметикѣ. Сверхъ того, по пѣнію была сообщена краткая теорія хороваго пѣнія и практическія указанія къ веденію его въ школѣ, при чемъ сами курсисты прошли практическій курсъ пѣнія; по садоводству были сообщены свѣдѣнія о постановкѣ этого занятія при школьныхъ садахъ и даны практическія указанія для веденія занятій растеніеводствомъ. По школоустройству сообщены свѣдѣнія относительно наилучшаго устройства школъ и достиженія ихъ внѣшняго благоустройства, свѣдѣнія о нормахъ освѣщенія, кубическаго содержанія воздуха и т. д. и практическія указанія относительно внѣшкольнаго обученія посредствомъ чтеній, библіотекъ и т. п. Опытъ показалъ, что времени, отведеннаго курсамъ (2 недѣли), было недостаточно. Несмотря на самую энергичную и безпрерывную, не знавшую отдыха, работу всѣхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ курсахъ,—руководителей и слушателей, несмотря на то, что помимо общихъ занятій въ опредѣленные для занятій часы, въ промежуточные часы работали еще частныя комиссіи изъ слушателей для рѣшенія вопросовъ, требовавшихъ болѣе продолжительнаго и серьезнаго обсужденія, далеко не всѣ затронутые вопросы были разрѣшены, а нѣкоторые вопросы, преимущественно вопросы воспитанія, и совсѣмъ не были затронуты. Въ виду этого, если бы курсы повторились на будущее время, слѣдовало бы для нихъ избрать срокъ по крайней мѣрѣ трехнедѣльный. Безъ сомнѣнія, всѣ курсисты вынесли изъ этого двухнедѣльнаго труда много цѣнныхъ указаній для своей практики. Видимымъ результатомъ курсовъ во время ихъ же самихъ было необыкновенное

одушевленіе, охватившее слушателей, нравственный подъемъ ихъ силъ и ободреніе, которые они вынесли съ курсовъ, благодаря умственному сближенію между собою и нравственной поддержкѣ, оказанной имъ руководителями курсовъ. Это одушевленіе выразилось и въ горячихъ рѣчахъ участниковъ курсовъ, сказанныхъ при ихъ закрытіи; въ нихъ выражалась, съ одной стороны, простая и сердечная благодарность всѣмъ устроителямъ курсовъ за 15-дневный праздникъ умственнаго труда, а съ другой—надежда и пожеланія прочимъ учителямъ губерніи испытать счастье быть участниками такого же праздника въ будущемъ времени *).

Устройство курсовъ принесло косвенную пользу и самой семинаріи въ смыслѣ ближайшаго ознакомленія ея дѣятелей съ практическими нуждами учащихъ лицъ, цѣлесообразное приготовленіе которыхъ составляетъ задачу семинаріи.

Въ заключеніе отчета слѣдуетъ указать, что отношеніе всѣхъ слушателей курсовъ къ занятіямъ на курсахъ было все время самое серьезное и дѣловое и стоитъ выше похвалы.

Вотъ какъ излагается дѣло въ офиціальномъ документѣ. Я разскажу, какъ оно представлялось мнѣ, постороннему наблюдателю.

II.

Я пріѣхалъ въ Рязань въ началѣ второй недѣли курсовъ и попалъ на утреннія занятія часу въ десятомъ. Они происходили въ большомъ, почти квадратномъ залѣ семинаріи, могущемъ вмѣстить человѣкъ до 400. Въ этотъ моментъ онъ былъ занятъ нѣсколько менѣе, чѣмъ на половину. Все пространство его было раздѣлено на двѣ части широкимъ проходомъ, въ которомъ стоялъ длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, для начальства и почетныхъ посѣтителей.

Направо и налѣво отъ прохода стояли скамьи, при чемъ стоящія направо были параллельны проходу, а налѣво—перпендикулярны къ нему. Налѣво противъ скамеекъ стояла каѳедра. Мнѣ объяснили, что направо отъ прохода помѣщаются сторонніе посѣтители курсовъ, а налѣво противъ каѳедры—постоянные курсисты и курсистки; ихъ было по крайней мѣрѣ вдвое болѣе, нежели посѣтителей, и они-то были

*) Управа справедливо подчеркиваетъ, что участникамъ этого *праздника* приходилось не быть *праздными*, но работать по 12 ч. въ сутки.

главными дѣятелями и объектомъ, надъ которымъ работали руководители.

Прежде всего я сталъ всматриваться въ лица и фигуры учителей и учительницъ. Мужчинъ, какъ видно и изъ официальнаго документа, было значительно больше, чѣмъ женщинъ; возрастъ былъ самый разнообразный: отъ 20 лѣтъ до 40 слишкомъ, но значительное большинство составляли совсѣмъ молодые люди, отъ 23 до 27 лѣтъ.

Костюмы поражали своимъ разнообразіемъ: были и люди красиво и изящно, почти франтовски одѣтые, были и въ сибиркахъ и въ высокихъ сапогахъ (послѣдніе, какъ оказалось изъ разспросовъ, такъ называемые *учителя грамотности*, никогда не вступавшіе въ пренія). Учительницы тоже въ значительномъ большинствѣ были совсѣмъ молодыя дѣвушки отъ 20 до 25 лѣтъ, одѣтыя скромно, многія бѣдно, но всѣ вполнѣ прилично. Общее выраженіе на всѣхъ лицахъ было напряженное и *умное* вниманіе, которое, какъ извѣстно, осмысливаетъ физіономіи и не особенно интеллигентныя.

Я попалъ на бесѣду руководителя по русскому языку; онъ сидѣлъ на каѳедрѣ, съ вопросами, напечатанными заранѣе, и съ писаннымъ конспектомъ желательныхъ отвѣтовъ; онъ обращался только къ лѣвой сторонѣ аудиторіи. Онъ показался мнѣ человѣкомъ серьезнымъ и знающимъ, но не особенно находчивымъ и немного рутинеромъ. Форма бесѣды была такая: онъ задавалъ вопросъ и старался подвести отвѣты курсистовъ къ готовой уже у него формулѣ; если онъ не могъ сразу добиться этой формулы или встрѣчалъ возраженія (послѣднія чаще шли отъ учительницъ, изъ которыхъ значительная часть, какъ оказалось по справкамъ, окончили среднюю школу: гимназію или епархіальное училище), онъ не умѣлъ довести слушателей до убѣжденія въ томъ, что его формула есть наилучшая, не всегда умѣлъ отпарировать возраженіе и въ концѣ концовъ заявлялъ *свой* отвѣтъ категорически. Но въ общемъ, пока я не имѣлъ матеріала для сравненія, мнѣ показалось, что дѣло идетъ довольно оживленно и вполнѣ цѣлесообразно. Со стороны курсистовъ и курсистокъ не замѣчалось и тѣни самомнѣнія или рѣзкости, а съ другой стороны не было и того равнодушно-рабскаго отношенія къ словамъ руководителя, которое такъ часто встрѣчается въ средней школѣ и которое было бы особенно нежелательно со стороны болѣе или менѣе опытныхъ преподавателей. Спорящіе не перебивали ни предсѣдателя ни другъ

друга; *все* записывали только двое-трое; остальные дѣлали отмѣтки, повидимому, преимущественно фактическаго характера.

Но совсѣмъ иное впечатлѣніе получилось у меня, когда въ тотъ же день послѣ обѣда я попалъ на бесѣду руководителя по ариѳметикѣ. Онъ былъ тоже основательный знатокъ своего дѣла, но при этомъ живой и очень талантливый человѣкъ: остроумный, находчивый, обладающій въ высокой степени даромъ слова и разумной мягкостью. Сразу можно было видѣть, что онъ любимецъ курсистовъ: во-первыхъ, вся аудиторія была наполнена; во-вторыхъ, хотя порядокъ не нарушался ни на минуту, но здѣсь дѣйствительно происходили «оживленныя пренія», всецѣло захватывающія интересъ не только участвующихъ, но и присутствующихъ. Если руководитель въ отвѣтъ на свой всегда прекрасно разъясненный вопросъ получалъ отвѣтъ невѣрный по существу или неудачно выраженный, онъ быстро, оставаясь въ положеніи вопрошающаго, обнаруживалъ его слабую сторону и не самъ, а устами курсистовъ давалъ отвѣтъ надлежащій, не гоняясь однако за буквальной точностью, допуская иногда и двѣ-три формулы. Его резюмированіе преній и заключеніе поражали своей ясностью, наглядностью и даже красотой формы, при чемъ однако же слушателямъ могло казаться, что руководитель только повторяетъ ихъ слова, только, такъ сказать, съ корректурными поправками.

Ту же талантливость и ту же разумную мягкость обнаруживалъ онъ и при разборѣ примѣрныхъ уроковъ, и въ этомъ случаѣ казалось, что это вовсе не курсы, и что онъ не руководитель, а свободно выбранный предсѣдатель съѣзда опытныхъ и въ значительномъ большинствѣ талантливыхъ народныхъ учителей. Аудиторія, такъ сказать, умнѣла на моихъ глазахъ; умнѣли и лучше понимали дѣло, какъ мнѣ казалось, и тѣ почетные посѣтители и посѣтительницы, которые сидѣли за зеленымъ столомъ и которые почти отсутствовали на бесѣдахъ по русскому языку. Работа руководителя по ариѳметикѣ не ограничивалась назначенными часами: передъ урокомъ и въ антрактахъ онъ былъ постоянно окруженъ курсистами и посторонними посѣтителями.

Для меня было чрезвычайно удобно то обстоятельство, что я жилъ у г. предсѣдателя управы, который уже много лѣтъ занимается школьнымъ дѣломъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ: къ нему заходили знакомые ему учителя по дѣламъ послѣ занятій, а въ воскресенье утромъ ихъ

перебывало человѣкъ восемь; съ помощью ихъ откровенныхъ рѣчей я могъ составить себѣ нѣкоторое понятіе и о степени ихъ развитія, и о ихъ бытѣ. О курсахъ они отзывались въ общемъ очень благопріятно, иные даже восторженно; можетъ быть, они немного грѣшили относительно перваго руководителя, слишкомъ понижая его, но въ общемъ оказались вполнѣ способными къ разумной критикѣ. Я узналъ, что внѣ занятій они, разбившись на кружки, ведутъ долгія, долгія бесѣды, иногда до двухъ часовъ ночи, что̀ не мѣшало имъ въ восемь часовъ утра быть уже на мѣстѣ съ карандашами въ рукахъ. Они, дѣйствительно, наслаждаются этимъ живымъ общимъ дѣломъ и искренно жалѣютъ своихъ товарищей, которые не могли попасть на курсы. Относительно ихъ быта зимой и вообще внѣ курсовъ я узналъ, что главная тягостная сторона ихъ жизни—это почти полное уединеніе, такъ какъ съ окружающимъ ихъ обществомъ, хотя бы они и сами вышли изъ крестьянъ, связи очень мало вслѣдствіе отсутствія тождественныхъ интересовъ. Я пришелъ къ заключенію, что изъ нихъ можно выдѣлить нѣсколько довольно обособленныхъ группъ, а именно: тѣ учителя, которые на бесѣдахъ выдѣлялись своимъ изящнымъ костюмомъ, оказались не сыновьями богатенькихъ отцовъ, какъ я думалъ, а просто ловкими и энергичными практическими людьми, поставленными къ тому же судьбою въ благопріятныя условія, т.-е. живущими въ большихъ селахъ; тамъ они умѣютъ найти себѣ и уроки у управляющаго, у священника, иногда у помѣщика, и конторскія работы и даже снимаютъ землю въ аренду, при чемъ обрабатываютъ ее не своими руками, а наемными; такіе учителя и женятся большею частью не безъ приданаго, да и сами сумѣютъ добыть средства для семьи, хотя бы и не особенно малочисленной. Учителя, не наклонные къ практической дѣятельности или живущіе въ такой мѣстности, гдѣ она невозможна, если они не женаты, несмотря на крайне, повидимому, недостаточное содержаніе, легко сводятъ концы съ концами, и даже находятъ возможность покупать кой-какія дешевенькія книжки и досугъ свой наполняютъ чтеніемъ, занятіями ботаникой, изрѣдка собираніемъ пѣсенъ и проч. Если въ школѣ два учителя, и они живутъ ладно, то жизнь ихъ представляется имъ даже какъ будто не особенно тяжелой. Всего хуже положеніе семейныхъ и въ особенности многосемейныхъ, т.-е. имѣющихъ двоихъ, троихъ дѣтей и старуху-мать (женатый учитель, имѣющій одного ребенка, не считаетъ своего

положенія тяжелымъ) одинъ изъ такихъ, получающій, кажется, 15 руб. въ мѣсяцъ, на мой вопросъ, какъ же живетъ онъ на эту сумму, довольно бодро отвѣтилъ мнѣ: «Разносоловъ, конечно, не бываетъ, но живемъ ничего себѣ, не особенно нуждаемся»): вся ихъ энергія поневолѣ уходитъ на тягостную и почти непрестанную борьбу съ жизнью, и они старѣются чрезвычайно быстро; но и въ нихъ не угасаетъ искра Божія и уваженіе къ своему дѣлу.

Справедливо считается нелегкою жизнь гимназическаго учителя, до старости во всякую погоду ежедневно шагающаго на однообразные уроки, большею частью почти безъ надежды на движеніе впередъ. Но сравните это съ положеніемъ сельскаго учителя, и гимназическій педагогъ покажется баловнемъ судьбы: онъ живетъ въ большомъ городѣ, читаетъ всѣ журналы и газеты, видается ежедневно съ десяткомъ товарищей, обмѣнивается мыслями, споритъ на совѣтахъ, имѣетъ возможность чуть не каждый годъ мѣнять классы, даже иногда предметъ преподаванія; онъ живетъ не богато, но семья его не нуждается; раза три въ годъ онъ можетъ повести жену въ театръ и въ концертъ; дѣтей своихъ онъ помѣщаетъ въ гимназіи, и ихъ воспитаніе ему обходится сравнительно дешево. А въ глухой деревнѣ, чуть не полгода занесенной снѣгомъ, гдѣ единственное общественное мѣсто—кабакъ, гдѣ все общество составляетъ полуньяный писарь, грубый староста, важничающій урядникъ, и два-три представителя сельскаго духовенства, всецѣло погруженные въ собственную тяжелую борьбу изъ-за копейки, живетъ и дѣйствуетъ, учитель, вѣчно учащій грамотѣ да начальной ариѳметикѣ, по цѣлымъ мѣсяцамъ не видящій товарищей; жена его занята стиркой, изготовленіемъ почти нищенскаго обѣда; новые ботинки для подростающаго ребенка для него огромный, почти непосильный расходъ,—какъ бы тутъ, повидимому, при такъ называемой нашей славянской распущенности, не махнуть на все рукой, не лишиться всякой бодрости и способности къ дѣлу? А люди все же живутъ и работаютъ и интересуются курсами!

Окончились курсы; разъѣхались учителя и учительницы, потерявъ каждый примѣрно по 10—12 фунтовъ въ вѣсѣ, но зато энергія и работоспособность каждаго увеличилась на 30—40%. А такъ какъ эти 120 человѣкъ будутъ въ продолженіе слѣдующаго года работать надъ нѣсколькими тысячами дѣтей, то нужно ли доказывать, какую огромную пользу принесли эти двѣ недѣли цѣлой губерніи?

А чего все это стоило на деньги, мы имѣемъ подробную вѣдомость, представленную управой собранію: это обошлось въ 1869 руб. 48 коп. *), что превысило смѣту на 269 р. 48 к. Надо отдать честь нашему земству, что управа, сколько знаю, ни минуты не сомнѣвалась въ полномъ одобреніи собранія за эту передержку.

Мнѣ не случалось бывать на учительскихъ съѣздахъ, которые, по мнѣнію большинства спеціалистовъ, еще оживленнѣе, а стало быть и полезнѣе курсовъ. Не смѣю противъ этого спорить, но смѣло могу утверждать, что если бы вездѣ были такіе устроители курсовъ, какъ кн. Н. С. Волконскій, и такіе руководители, какъ В. К. Бѣлюстинъ, а главное, если бы такими курсами могли пользоваться не *отборные* сельскіе учителя, а *всѣ* безъ исключенія, то наша земская школа (другой я не знаю), *по качеству* и теперь мало уступающая западной, скоро обогнала бы ее въ силу энергіи и любви къ дѣлу ея рядовыхъ дѣятелей.

А. Кирпичниковъ.

*) Самыми крупными статьями расхода явились: вознагражденіе руководителямъ—600 р., прогонныя деньги курсистамъ 545 р., на продовольствіе же курсистамъ и прислугѣ пошло 466 р. 90 к.

Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу.

Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ *).

При скудости идейнаго содержанія, нельзя, конечно, въ поэзіи типичнѣйшаго представителя лагеря сторонниковъ «чистаго искусства»—*Фета*—искать значительнаго разнообразія мотивовъ. Даже тонкій цѣнитель эстетическихъ достоинствъ, И. С. Тургеневъ, находитъ его поэзію, при всей ея «плѣнительности»,—«однообразной».

Изъ стихотвореній Фета, пригодныхъ для дѣтскаго чтенія, должны быть указаны прежде всего нѣсколько пьесокъ *съ сюжетами изъ жизни самихъ дѣтей*. Таково, напримѣръ, извѣстное стихотвореніе *„Воротъ“*. Няня укладываетъ спать ребенка, заботливо разстегиваетъ ему воротъ рубашки, чтобы ночью ангелъ сидѣлъ у дѣтской кроватки. Стихотвореніе проникнуто наивной граціей и настолько просто, что вполнѣ доступно для дѣтей младшаго возраста.

Воротъ.

Спать пора! Свѣча сгорѣла,
Да и ты моя краса,—
Голова отяжелѣла,
Кудри лѣзутъ на глаза.
Стань вотъ тутъ передъ иконы,
Я постельку стану стлать.
Не спѣши же класть поклоны,
Богородицу читать!
Видишь, глазки-то бѣдняжки
Такъ и просятся уснуть!
Только воротъ у рубашки
Надо прежде разстегнуть.
«Отчего же, няня, надо?»
Надо, другъ мой, чтобъ тобой,
Не сводя святого взгляда,
Любовался Ангелъ твой.
Твой хранитель, Ангелъ Божій,
Прилетаетъ по ночамъ,

*) Продолженіе. См. „Пед. Лист.“ № 4, 1899 года.

Какъ и ты, дитя, пригожій,
Только крылья по плечамъ.
Коль твою онъ видитъ душку,
Воротъ вскрытъ, и тихъ той сонъ:
Тихо справа на подушку,
Улыбаясь, сядетъ онъ.
А закрыта душка, спрячетъ
Душку воротъ, мутны сны:
Ангелъ взглянетъ и заплачетъ,
Сядетъ съ лѣвой стороны.
Надъ тобой Господня сила!
Дай, я воротъ распущу.
Ужъ подушку я крестила—
И тебя перекрещу.

Изъ дѣтской жизни взятъ сюжетъ и другой пьески *„Бѣдный мальчикъ"*. Зимнимъ вечеромъ въ комнатѣ играетъ кудрявый мальчикъ, подлѣ него за работой старая няня. Вотъ она подзываетъ къ себѣ дитя, чтобъ погадать по дѣтской ручкѣ объ его будущей долѣ. Не сулитъ эта ручка счастья, и горько плачетъ добрая суевѣрная старушка, плачетъ и мальчикъ, глядя на нее, и самъ не понимая, о чемъ.

Бѣдный мальчикъ.

На дворѣ не слышно вьюги,
Надъ землей туманный паръ;
Ужъ давно вода остыла,
Смолкъ шумливый самоваръ.
Няня старая не видитъ
И не слышитъ,—все прядетъ;
Мочку лѣвою пощиплетъ,
Правой нитку отведетъ.
А ребенокъ все играетъ...
Какъ хорошъ онъ при огнѣ!
И кудрявая головка
Отразилась на стѣнѣ.
Вотъ задумалася няня,
Со свѣчи нагаръ сняла,
И прекраснаго малютку
Ближе къ свѣчкѣ подвела.
«Дай-ка ручки!» Няня хочетъ
Посмотрѣть на ихъ черты.
«Что, на пальчикахъ дорожки
«Не кружками ль завиты?
«Ахъ, послѣдній даже пальчикъ
«Безъ кружка, дитя мое!»
Вотъ заплакала,—и плачетъ
Мальчикъ, глядя на нее.

Вотъ опять зимній вечеръ въ обстановкѣ той же дѣтской. Со двора доносится завываніе бури. Но здѣсь въ теплой комнаткѣ такъ уютно: котъ разлегся, мурлычитъ, мальчикъ расположился съ игрушками на коврѣ. Вотъ его уговорили спрятать игрушки, попрощаться и идти спать.

Котъ поетъ, глаза прищуря,
Мальчикъ дремлетъ на коврѣ,
На дворѣ играетъ буря,
Вѣтеръ свищетъ на дворѣ.
«Полно тутъ тебѣ валяться,
«Спрячь игрушки, да вставай!
«Подойди ко мнѣ прощаться,
«Да и спать къ себѣ ступай».
Мальчикъ всталъ. А котъ глазами
Поводитъ и все поетъ;

Въ окно снѣгъ валитъ клоками,
Буря свищетъ у воротъ.

Несложное по сюжету, стихотвореніе это представляетъ уютную картинку изъ дѣтской жизни.

Таково же стихотвореніе—„*Мама! глянь-ка изъ окошка*“—неподдѣльная радость ребенка при видѣ изъ окна перваго выпавшаго снѣга и радостныя мечты о предстоящемъ катаньѣ съ горы на салазкахъ.

Мама! глянь-ка изъ окошка:
Знать, вчера недаромъ кошка
Умывала носъ.
Грязи нѣтъ, весь дворъ одѣло,
Посвѣтлѣло, побѣлѣло:
Видно, есть морозъ.

Неколючій, свѣтлосиній
По вѣтвямъ развѣшенъ иней:
Погляди хоть ты!
Словно кто-то тороватый
Свѣжей, бѣлой, пухлой ватой
Всѣ убралъ кусты.

Ужъ теперь не будетъ спору:
За салазки, да и въ гору
Весело бѣжать.
Правда, мама? Не откажешь,
А сама, навѣрно, скажешь:
«Ну, скорѣй гулять!»

Къ этой же группѣ стихотвореній примыкаетъ картинка бушующей въ полѣ бури, отъ которой надежно укрыта въ тепломъ гнѣздышкѣ „милая птичка“ поэта:

Задрожали листы облетая,
Тучи неба закрыли красу,
Съ поля буря ворвавшися злая
Рветъ, и мечетъ, и воетъ въ лѣсу.

Только ты, моя милая птичка,
Въ тепломъ гнѣздышкѣ еле видна,
Свѣтлогруда, легка, невеличка,
Не запугана бурей одна.

И грохочетъ громовъ перекличка,
И шумящая мгла такъ черна...
Только ты, моя милая птичка,
Въ тепломъ гнѣздышкѣ еле видна.

Это пристрастіе поэта къ узенькому мірку идиллическаго существованія въ обстановкѣ уютнаго уголка, „теплаго гнѣздышка“ семейной жизни, скрашиваемое и нѣсколько примиряющее съ собою любовнымъ отношеніемъ къ дѣтскому міру,—выражается и въ стихотвореніи „*Деревня*“,—обаяніе поэзіи мирнаго деревенскаго быта съ его незатѣйливой обстановкой, тихихъ вечернихъ бесѣдъ за самоваромъ и кружка ребятишекъ, поглощенныхъ слушаніемъ сказки.

Деревня.

Люблю я пріютъ вашъ печальный,
И вечеръ деревни глухой,
И за лѣсомъ благовѣстъ дальній,
И кровлю, и крестъ золотой.
Люблю я немятаго луга
Къ окну подползающій паръ,
И тѣснаго, тихаго круга
Не разъ долитой самоваръ.
Люблю я на тѣхъ посидѣлкахъ
Старушки чепецъ и очки;
Люблю на окнѣ на тарелкахъ
Овса золотые злачки;
На столикѣ близко къ окошку
Корзину съ узорнымъ чулкомъ,
И по полу рѣзвую кошку
Въ прыжкахъ за проворнымъ клубкомъ;
И милой застѣнчивой внучки
Красивый дѣвичій нарядъ,
Движеніе блѣдненькой ручки,
И робко опущенный взглядъ;
Прощанье смолкающихъ пташекъ,
И мѣсяца блѣдный восходъ,
Дрожанье фарфоровыхъ чашекъ,
И рѣчи замедленный ходъ;
И собственной выдумки сказки,
Прохлады вечерней струю,
И васъ, любопытныя глазки,
Живую награду мою.

Во вторую группу могутъ быть выдѣлены стихотворенія, посвященныя *родинѣ*. Такова, напримѣръ, одна изъ знакомыхъ всѣмъ картинокъ:

Изъ дебрей туманы несмѣло
Родное закрыли село;
Но солнышкомъ вешнимъ согрѣло
И вѣтромъ ихъ вдаль разнесло.
Знать, долго скитаться наскуча
Надъ ширью земель и морей,
На родину тянется туча,
Чтобъ только поплакать надъ ней.

Сюда же можно отнести картину весенняго разлива Днѣпра (*„На Днѣпрѣ въ половодье“*), картину лѣтней ночи въ степи (*„Теплымъ вѣтромъ потянуло“*).

На Днѣпрѣ въ половодье.

Свѣтло.—Вѣтеръ гнулъ упругое стекло
Днѣпра, еще въ волнахъ не пробуждая звука...
Старикъ отчаливалъ, опершись на весло,
А между тѣмъ ворчалъ на внука.
Отъ веселъ къ берегу кудрявый слѣдъ бѣжалъ,
Струи подъ лодкой закипѣли;
Нашъ парусъ, медленно надувшись, задрожалъ,
И мы, какъ птица, полетѣли.
И яркимъ золотомъ, и чистымъ серебромъ
Змѣились облаковъ прозрачныхъ очертанья;
Надъ разыгравшимся, казалося, Днѣпромъ
Струился отъ волнъ и травъ благоуханья.

За нами мельница едва-едва видна,
И берегъ поснѣлъ зеленый...
И вотъ, подъ лодкою вздрогнувшей, быстрина
Сверкаетъ сталью вороненой...
А тамъ затопленный навстрѣчу лѣсъ летѣлъ...
Въ него зеркальные врывалися заливы;
Надъ сонной влагою тамъ тополь зеленѣлъ,
Бѣлѣли яблони и трепетали ивы.
И подъ лобзаніе немолкнувшей струи,
Пѣвцы, которымъ лѣсъ да волны лишь внимали,
Съ какой-то нѣгою задорной соловьи
Пустынный воздухъ раздражали.
Вотъ изумрудный лугъ, вотъ желтые пески
Горятъ въ сіяньи золотистомъ;
Вонъ утка крадется въ тростникъ,—вонъ кулики
Безпечно бѣгаютъ со свистомъ...
Остался бъ здѣсь дышать, смотрѣть и слушать вѣкъ...

*
* *

Теплымъ вѣтромъ потянуло,
Смолкъ далекій гулъ;
Поле тусклое уснуло,
Гуртовщикъ уснулъ.
Въ загородкѣ улеглися
И жуютъ волы.
Звѣзды чистыя зажглися
По навѣсу мглы.

Только выше все всплываетъ
Мѣсяцъ золотой,
Только стадо обѣгаетъ
Песъ сторожевой.
Рѣдко-рѣдко, кочевая
Тучка броситъ тѣнь...
Неподвижная, нѣмая
Ночь свѣтла, какъ день.

Близко примыкаютъ къ этимъ стихотвореніямъ тѣ, многочисленныя у Фета, пьески, въ которыхъ поэтъ рисуетъ *картинки родной природы въ разныя времена года.*

Изъ весеннихъ мотивовъ для чтенія дѣтямъ могутъ быть отобраны слѣдующіе:

„Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ“—очень извѣстное стихотвореніе, изъ котораго можно взять первую половину; *„Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ“*—картина весенняго ликованія природы въ степи. Картину постепеннаго пробужденія природы, когда „еще овраги полны снѣга, еще зарей гремитъ телѣга на замороженномъ пути“, но, наряду съ этимъ, появляются уже и вѣстники возрожденія—тянувшіяся съ теплаго юга вереницы журавлей—даетъ стихотвореніе *„Еще весны душистой нѣта“*... Вотъ рыбная ловля въ теплый

солнечный день, когда „весна беретъ свои права“ (*„Рыбка“*) *), вотъ первый весенній дождикъ сквозь солнце (*„Весенній дождь“*), послѣ котораго такъ живительно дышется въ освѣженномъ воздухѣ и „отъ лишь душистымъ медомъ пахнетъ“.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;
Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся, вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой...

* * *

Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ,
Жизнью свѣжей дышитъ степь;
И кургановъ зеленѣетъ
Убѣгающая цѣпь,
И далеко межъ кургановъ,
Темносѣрою змѣей,
До блѣднѣющихъ тумановъ
Пролегаетъ путь родной.

Къ безотчетному веселью
Подымаясь въ небеса,
Сыплютъ съ неба трель за трелью
Вешнихъ птичекъ голоса.

* * *

Еще весны душистой нѣга
Къ намъ не успѣла низойти,
Еще овраги полны снѣга,
Еще зарей гремитъ телѣга
На замороженномъ пути.
Едва лишь въ полдень солнце грѣетъ,
Краснѣетъ лина въ высотѣ,
Сквозя, березникъ чуть желтѣетъ,
И соловей еще не смѣетъ
Запѣть въ смородинномъ кустѣ.
Но возрожденья вѣсть живая
Ужъ есть въ пролетныхъ журавляхъ,
И, ихъ глазами провожая,
Стоитъ красавица степная,
Съ румянцемъ сизымъ на щекахъ.

Рыбка.

Тепло на солнышкѣ. Весна
Беретъ свои права;
Въ рѣкѣ мѣстами глубь ясна,
На днѣ видна трава.

Чиста холодная струя;
Слѣжу за поплавкомъ,—
Шалунья рыбка, вижу я,
Играетъ съ червякомъ.

Голубоватая спина,
Сама какъ серебро,
Глаза—бурмитскихъ два зерна,
Багряное перо.

Идетъ, не дрогнетъ подъ водой.
Пора! Червякъ во рту!
Увы, блестящей полосой
Юркнула въ темноту!

*) Ср. „Рыбная ловля“ Майкова.

Но вотъ опять лукавый глазъ
Сверкнулъ невдалекѣ.
Постой, авось на этотъ разъ
Повиснешь на крючкѣ!

Весенній дождь.

Еще свѣтло,—передъ окномъ
Въ разрывы облакъ солнце блещетъ,
И воробей своимъ крыломъ,
Въ пескѣ купаяся, трепещетъ, —
А ужъ отъ неба до земли,
Качаясь, движется завѣса
И, будто въ золотой пыли,
Стоитъ за ней опушка лѣса.
Двѣ капли брызнули въ стекло,
Отъ липъ душистыхъ медомъ тянетъ,
И что-то къ саду подошло, —
По свѣжимъ листьямъ барабанитъ.

Къ этой же группѣ слѣдуетъ отнести двѣ картинки лѣтняго вечера: вечеръ въ степи (*„Степь вечеромъ“*) и вечеръ на рѣкѣ (*„Вечеръ“*). Картину тихаго лѣтняго вечера и незамѣтной смѣны дня ночью на морскомъ берегу даетъ стихотвореніе *„Жди яснаго на завтра дня“*—видъ залива съ дремлющими на стоянкѣ кораблями и съ теряющейся на горизонтѣ перспективой морской дали.

Степь вечеромъ.

Клубятся тучи, млѣя въ блескѣ аломъ,
Хотятъ въ росѣ понѣжиться поля,
Въ послѣдній разъ, за третьимъ переваломъ
Пропалъ ямщикъ, звеня и не пыля.
Нигдѣ жилья не видно на просторѣ,
Вдали огня иль пѣсни—и не ждешь!
Все степь да степь. Безбрежная, какъ море,
Волнуется и наливаетъ рожь.
За облакомъ до половины скрыта,
Луна свѣтитъ еще не смѣетъ днемъ;
Вотъ жукъ взлетѣлъ и прожужжалъ сердито,
Вотъ лунь проплылъ, не шевеля крыломъ.
Покрылись нивы сѣтью золотистой,
Тамъ перепелъ откликнулся вдали,
И слышу я, въ изложинѣ росистой
Вполголоса скрипятъ коростели.
Ужъ сумракомъ пытливый взоръ обманутъ,
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вотъ—съ неба звѣзды глянутъ
И, какъ рѣка, засвѣтитъ млечный путь.

Вечеръ.

Прозвучало надъ ясной рѣкою,
Прозвенѣло въ померкшемъ лугу,
Прокатилось надъ рощей нѣмою,
Засвѣтилось на томъ берегу.

Далеко, въ полумракѣ, луками
Убѣгаетъ на западъ рѣка;
Погорѣвъ, золотыми каймами
Разлетѣлись, какъ дымъ, облака.

На пригоркѣ то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть въ дыханьи ночномъ...
Но зарница ужъ теплится ярко
Голубымъ и зеленымъ огнемъ.

* * *

Жди яснаго на завтра дня...
Стрижи мелькаютъ и звенятъ,
Пурпуровой полосой огня
Прозрачный озаренъ закатъ.

Въ заливахъ дремлютъ корабли,
Едва трепещутъ вымпела.
Далеко небеса ушли,—
И къ нимъ морская даль ушла.

Такъ робко набѣгаетъ тѣнь,
Такъ тайно свѣтъ уходитъ прочь,
Что ты не скажешь: минулъ день,
Не говоришь: настала ночь.

Изъ картинъ осенней природы для дѣтскаго чтенія болѣе другихъ пригодно стихотвореніе „*Осень*“.

Осень.

Ласточки пропали.
А вчера, зарей,
Все грачи летали
Да, какъ сѣть, мелькали
Вонъ надъ той горой.
Съ вечера все спится:
На дворѣ темно,
Листъ сухой валится,
Ночью вѣтеръ злится
Да стучитъ въ окно.

Лучше бъ снѣгъ да вьюгу
Встрѣтить грудью радъ!
Словно какъ съ испугу,
Раскричавшись, къ югу
Журавли летятъ.
Выйдешь,—поневолѣ
Тяжело, хоть плачь!
Смотришь: черезъ поле
Перекати-поле
Прыгаетъ, какъ мячъ.

Изъ многочисленныхъ въ поэзіи Фета картинъ зимней природы могутъ быть отобраны для педагогическихъ цѣлей слѣдующія четыре стихотворенія: „*Вотъ утро сѣвера, сонливое, скупое*“ — картина зимняго утра въ деревнѣ; „*Печальная береза у моего окна*“—одно изъ лучшихъ стихотвореній, доступныхъ и для дѣтей младшаго возраста; „*Чудная картина, какъ ты мнѣ родна*“—ночной видъ залитыхъ луннымъ свѣтомъ родныхъ снѣговыхъ равнинъ; „*Скрипъ шаговъ вдоль улицъ бѣлыхъ*“—впечатлѣнія зимней морозной ночи.

Вотъ утро сѣвера, сонливое, скупое,
Лѣниво смотрится въ окно волоковое;
Въ печи трещитъ огонь,—и сѣрый дымъ ковромъ
Тихонько стелется надъ кровлею съ конькомъ;
Пѣтухъ заботливый, копаясь на дорогѣ,
Кричитъ... А дѣдушка брадатый на порогѣ
Крехтитъ и крестится, схватившись за кольцо,
И хлопья бѣлыя летятъ ему въ лицо...
И полдень настаетъ. Но, Боже! какъ люблю я,
Какъ тройкою ямщикъ кибитку удалую
Промчитъ—и скроется!.. И долго, мнится мнѣ,
Звукъ колокольчика трепещетъ въ тишинѣ.

* * *

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.

Какъ гроздья винограда,
Вѣтвей концы висятъ,—
И радостенъ для взгляда
Весь траурный нарядъ.

Люблю игру денницы
Я замѣчать на ней,
И жаль мнѣ, если птицы
Стряхнутъ красу вѣтвей.

* * *

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна!
Бѣлая равнина,
Полная луна,

Свѣтъ небесъ высокихъ,
И блестящій снѣгъ,
И саней далекихъ
Одинокій бѣгъ.

* * *

Скринъ шаговъ вдоль улицъ бѣлыхъ,
Огоньки вдали;
На стѣнахъ оледенѣлыхъ
Блещутъ хрустали.
Отъ рѣсницъ нависнулъ въ очи
Серебристый пухъ;
Тишина холодной ночи
Занимаетъ духъ.
Вѣтеръ спитъ, и все нѣмѣетъ,
Только бы уснуть;
Ясный воздухъ самъ робѣетъ
На морозъ дохнуть.

Наконецъ, среди стихотвореній Фета есть не мало такихъ, которыя, не выражая какой-нибудь опредѣленной идеи, ярко воспроизводятъ извѣстное *настроеніе*, и тѣ изъ нихъ, которыя еще при этомъ отличаются *музыкальностью* стиха и ритма, не могутъ быть обойдены при выдѣленіи матеріала для эстетическаго развитія ребенка. Не слѣдуетъ, конечно, злоупотреблять въ воспитаніи такими красивыми, но безыдейными вещами, но совершенно изъять ихъ изъ дѣтскаго чтенія было бы несправедливымъ пуризмомъ. Къ такимъ пьескамъ относятся, напримѣръ, общеизвѣстное *„Спи,—еще зарею холодно и рано“*..., нѣсколько nocturno *(Ты спишь одинъ, забытъ на мѣстѣ дикомъ, старинный монастырь“, „Растутъ, растутъ причудливыя тѣни“, „Вдали огонекъ за рѣкою“)*.

Спи,—еще зарею
Холодно и рано;
Звѣзды за горою
Блещутъ средь тумана;

Пѣтухи недавно
Въ третій разъ пропѣли,
Съ колокольни плавно
Звуки пролетѣли.

Дышутъ мнѣ верхушки
Нѣгою отрадной,
А углы подушки—
Влагою прохладной.

* * *

Nocturno.

Ты спишь одинъ, забытъ на мѣстѣ дикомъ,
Старинный монастырь!
Твой сводъ упалъ; кругомъ летаютъ съ крикомъ
Сова и нетопырь.
И стеколъ нѣтъ, и свищетъ вихорь ночи
Во впадину окна,
Да плющъ растетъ, да устремляетъ очи
Полночная луна.
И кто-то тамъ мелькаетъ въ свѣтѣ лунномъ,
Блеститъ его уборъ,
И слышатся на помостѣ чугунномъ
Шаги и звуки шпоръ.
И грустную симфонію печали
Звучитъ во тьмѣ органъ...
Но—тихо все, какъ-будто вѣчно спали
И стѣны, и органъ.

* * *

Вдали огонекъ за рѣкою,
Вся въ блесткахъ струится рѣка;
На лодкѣ—весло удалое,
На цѣпи не видно замка.

Никто мнѣ не скажетъ:—«Куда ты
Поѣхалъ, куда загадалъ?»
Шевелись же, весло, шевелися, —
А берегъ во мракѣ пропалъ!

Да что же? Зачѣмъ бы не ѣхать?
Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
Весла и огня за рѣкой?..

* * *

Растутъ, растутъ причудливыя тѣни,
Въ одну сливаясь тѣнь...
Ужъ позлатилъ послѣднія ступени
Перебѣжавшій день.
Что звало жить, что силы горячило,—
Далеко за горой.
Какъ призракъ дня, ты, блѣдное свѣтило,
Восходишь надъ землей.
И на тебя, какъ на воспоминанье,
Я обращаю взоръ...
Смолкаетъ лѣсъ, блѣднѣй ручья сіянье,
Потухли выси горъ.
Лишь ты одно скользишь стезей лазурной;
Недвижно все окрестъ...
Да сыплетъ ночь своей бездонной урной
Къ намъ міріады звѣздъ.

Сюда же могутъ быть присоединены: *„Буря на небѣ вечернемъ, моря сердитаго шумъ“*, *„Ахъ, дитя, къ тебѣ привязанъ я“*, *„Серенада“* („Тихо вечеръ догораетъ“) и *„Узникъ“* („Густая крапива шумитъ подъ окномъ“)

Буря на небѣ вечернемъ,
Моря сердитаго шумъ,
Буря на морѣ и думы,
Много мучительныхъ думъ.

Буря на морѣ и думы,
Хоръ возрастающихъ думъ,
Черная туча за тучей,
Моря сердитаго шумъ.

* * *

Ахъ, дитя, къ тебѣ привязанъ
Я любовью безвозмездной!
Нынче ты, моя малютка,
Снилась мнѣ въ коронѣ звѣздной...

Что за искры эти звѣзды,
Что за кроткое сіянье!
Ты сама, моя малютка,
Что за свѣтлое созданье!

Серенада.

Тихо вечеръ догораетъ,
Горы золотя;
Знойный воздухъ холодаетъ...
Спи, мое дитя!
Соловьи давно запѣли,
Сумракъ возвѣстя;
Струны робко зазвенѣли...
Спи, мое дитя!
Смотрятъ ангельскія очи,
Трепетно свѣтя;
Такъ легко дыханье ночи!
Спи, мое дитя!

Узникъ.

Густая крапива
Шумитъ подъ окномъ,
Зеленая ива
Повисла шатромъ;
Веселыя лодки
Въ дали голубой;
Желѣзо рѣшетки
Визжитъ подъ пилой.
Бывалое горе
Уснуло въ груди;
Свобода и море
Горятъ впереди...
Прибавилось духа,
Затихла тоска,
И слушаетъ ухо,
И пилитъ рука.

* * *

Облакомъ волнистымъ
Пыль встаетъ вдали;
Конный или пѣшій,—
Не видать въ пыли!
Вижу: кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ.
Другъ мой, другъ далекій,
Вспомни обо мнѣ!

Кромѣ оригинальныхъ произведеній, Фетъ извѣстенъ въ нашей литературѣ переводами римскихъ поэтовъ. Къ подобному предпріятію нельзя не отнестись сочувственно; но переводы Фета довольно далеки отъ оригиналовъ и выполнены очень тяжелымъ языкомъ.

Н. Демидовъ.

О популяризаціи правовѣдѣнія.

V.

У насъ очень мало сочиненій, оригинальныхъ и переводныхъ, въ которыхъ излагаются политическія ученія, а безъ знакомства съ ними нѣтъ возможности отчетливо разобраться въ различныхъ взглядахъ на государство и общество. Нельзя не рекомендовать превосходнаго труда Б. Н. Чичерина: «*Политическіе мыслители древняго и новаго міра*» (два выпуска), но оно и недостаточно популярно, и слишкомъ велико для народнаго учителя. Для него необходимы свѣдѣнія лишь о величайшихъ политическихъ мыслителяхъ, которыми знаменуются историческія эпохи. Достаточно при этомъ знакомства съ основными идеями такихъ мыслителей. Возьмемъ, напримѣръ, Платона и Аристотеля.

Для Платона государство состоитъ изъ гражданъ (воиновъ и правителей) и массы населенія, живущаго физическимъ трудомъ—земледѣліемъ, ремеслами и торговлею. Существованіе рабства греческій мыслитель признаетъ необходимымъ. Вотъ черта, которая глубоко отличаетъ греко-римскій взглядъ на государство отъ современнаго, по которому все населеніе составляетъ равноправное гражданское общество, всѣ люди являются гражданами государства.

Въ платоновскомъ государствѣ нѣтъ частной собственности, нѣтъ частной семьи, все общее. Женщины получаютъ такое же воспитаніе, какъ и мужчины, и за воспитаніемъ этимъ строго слѣдятъ правители. Правителей должно быть немного. Они выходятъ изъ воиновъ и отличаются мудростью. Такіе правители-философы пользуются неограниченною властью и слѣдятъ за жизнью гражданъ съ рожденія до смерти. Наблюденіе государства простирается даже на то, чтобы своевременно рождалось достаточное число и притомъ здоровыхъ дѣтей (болѣзненныя дѣти удаляются или убиваются).

При такомъ устройствѣ, по мнѣнію Платона, государство воплощаетъ на землѣ *правду* (или справедливость). Въ правителяхъ живетъ мудрость, въ воинахъ — храбрость, въ низшемъ, подчиненномъ сословіи—умѣренность. Каждый поставленъ на свое мѣсто и дѣлаетъ то, къ чему онъ способенъ.

Подобнаго государства никогда не существовало, но къ нему, по мнѣнію Платона, должно стремиться. Въ дѣйствительности, существуютъ *тимократія*, гдѣ огромное значеніе придается уже богатству, *олигархія*, гдѣ богатые владычествуютъ, *демократія*, то-есть народовластіе, «при которомъ, говоритъ Платонъ, неудержимо развивается полное безначаліе, разнуздываются страсти, и затѣмъ водворяется *тиранія*»—худшій видъ правленія, когда властвуетъ неразумный и жестокій тиранъ.

Въ другомъ сочиненіи, написанномъ въ глубокой старости, въ «*Законахъ*», Платонъ описываетъ государство, возможное въ дѣйствительности, отдѣльныя черты котораго были уже осуществлены въ Спартѣ и на островѣ Критѣ. Здѣсь онъ не относится отрицательно къ демократіи, но считаетъ цѣлесообразнымъ ограничить ее аристократіей, посредствомъ имущественнаго ценза и сложною системою выборовъ въ правительственныя должности.

Мысли Платона отражаютъ,—конечно, въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ,—условія современной ему жизни Греціи. Его государство, въ сущности, городъ: въ немъ, по «*Законамъ*», не должно быть болѣе 5040 семействъ. Платонъ желаетъ помѣстить свое государство подальше отъ моря, т.-е. отъ торговыхъ сношеній, ведущихъ къ роскоши и развращенію демократіи. Частная собственность допускается, но съ большими ограниченіями и стѣсненіями во имя государственнаго блага. Семья также находится подъ строгимъ наблюденіемъ правительственной власти.

Полноправные граждане не должны заниматься ремеслами, имъ запрещается торговля. Лишь правители могутъ покупать за границей вещи, нужныя для государства. Разъ установленный порядокъ воспитанія и нравовъ долженъ быть строго соблюдаемъ. Въ первомъ изъ указываемыхъ сочиненій Платонъ изгоняетъ поэтовъ изъ государства, опасаясь ихъ воображенія, не подчиняющагося установленному строю, въ «*Законахъ*» надъ поэтами учреждается цензура.

Свободный человѣкъ исчезаетъ, стало-быть, въ платоновскомъ уче-

ніи о государствѣ. Онъ родится и живетъ по предписаніямъ государства, его и хоронятъ по этимъ предписаніямъ.

Если читатель заинтересуется ученіемъ Платона, то онъ можетъ ближе познакомиться съ нимъ, какъ и съ Аристотелемъ, въ первомъ томѣ «*Исторіи политическихъ ученій*», Б. Н. Чичерина. Тамъ эти ученія изображены въ связи съ общимъ движеніемъ философской мысли. Правда, Б. Н. Чичеринъ—гегеліанецъ и укладываетъ, а то и втискиваетъ историческіе факты въ рамки своей системы, въ четыре (а не въ три, какъ полагалось по Гегелю) ступени развитія, *четвертуетъ* исторію, по остроумному выраженію профессора Н. И. Карѣева. Но, въ качествѣ противоядія, для заинтересовавшагося философскимъ ученіемъ Платона можно рекомендовать «*Исторію философіи*», Льюиса, напримѣръ.

Перейдемъ къ Аристотелю.

Государство у Аристотеля является высшею формою осуществленія человѣческихъ цѣлей. Оно происходитъ изъ другихъ союзовъ: мужъ и жена, господинъ и рабы—образуютъ семью, домъ; соединеніе семей составляетъ поселокъ, соединеніе поселковъ—государство. Человѣкъ—существо государственное; въ государствѣ объединяются и достигаются всѣ его разумныя стремленія.

И Аристотель оправдываетъ рабство, какъ общественною, по его мнѣнію, необходимостью,—чтобы полноправные граждане могли всецѣло посвятить себя политической дѣятельности,—такъ и природою: рабъ—живое орудіе, не способное, будто бы, къ умственной и общественной дѣятельности.

И во времена Аристотеля были въ Греціи мыслители, которые отвергали такое ученіе; но лишь христіанство внесло побѣдоносно идею равенства разныхъ народовъ, господъ и рабовъ передъ лицомъ Божественнаго Судіи и этимъ повело людей къ признанію ихъ равенства и въ государствѣ.

По Аристотелю, существуютъ три правильныхъ образа правленія: монархія (главою государства является одно лицо), аристократія (господство, относительно, немногихъ лучшихъ людей) и республика, политія, подъ которой разумѣется разумное владычество народа. Во всѣхъ этихъ формахъ верховная власть должна принадлежать закону, а законъ основывается на разумѣ.

«*Политика*» Аристотеля переведена на русскій языкъ, и знаком-

ство съ этимъ геніальнымъ произведеніемъ нельзя достаточно рекомендовать.

Я не думаю, чтобы знакомство съ писателями римско-католической церкви—съ блаженнымъ Августиномъ и Ѳомою Аквинскимъ,—было необходимо для популяризаціи политическихъ ученій. Ихъ ученіе проникнуто мыслью о подчиненіи государства церкви, и поэтому въ философскомъ и политическомъ отношеніи составляло шагъ назадъ по сравненію съ ученіемъ Аристотеля. Желающіе могутъ познакомиться съ средневѣковыми схоластами изъ названныхъ сочиненій Б. Н. Чичерина.

Иное дѣло политическіе мыслители новаго времени. Конечно, изложенію ихъ ученій должно предшествовать достаточное знакомство съ общимъ ходомъ историческаго развитія. Идеи, даже самыя смѣлыя и неожиданныя, имѣютъ историческіе корни и объясненіе. Необходимо знать, что̀ такое за эпоха западно-европейское *Возрожденіе*, бывшее и возрожденіемъ греко-римской цивилизаціи, и борьбою съ римско-католической церковью. Величайшій политическій писатель эпохи *Возрожденія*, Макіавелли (о немъ есть на русскомъ языкѣ сочиненіе профессора Алексѣева), освобождаетъ ученіе о государствѣ отъ церковно-схоластическихъ цѣпей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ освобождаетъ политику отъ нравственныхъ требованій. Государственная польза—для него высшая цѣль, оправдывающая всякія средства. Макіавелли очень плохого мнѣнія о нравственныхъ свойствахъ людей, и его время въ значительной степени оправдывало такой взглядъ. Онъ не рисуетъ лучшаго, возможнаго, идеальнаго государства, а отправляется отъ дѣйствительныхъ государствъ, но всего болѣе сочувствуетъ онъ демократіи.

Прямою противоположностью Макіавелли является англичанинъ, Томасъ Моръ, издавшій въ 1513 году «*Утопію*» (т.-е небывалое мѣсто), гдѣ изображается наилучшее, по этому мыслителю, государственное устройство. Слова макіавеллизмъ, какъ коварство, утопія, какъ несбыточное, получили съ шестнадцатаго вѣка необычайно широкое употребленіе.

Въ началѣ знаменитаго сочиненія Томаса Мора находится сильная критика современнаго ему государственнаго устройства и законовъ. Въ «*Утопіи*», какъ у Платона, частная собственность уничтожается. Любопытно, что Моръ сохраняетъ въ своемъ идеальномъ государствѣ

рабовъ: они исполняютъ непріятныя работы. Населеніе, по очереди, живетъ то по городамъ, то по деревенскимъ домамъ, занимаясь земледѣліемъ. Въ городѣ процвѣтаютъ ремесла. Никому не позволяется быть праздными. Управленіе городомъ выборное. Во главѣ государства стоятъ пожизненный князь, сенатъ и депутаты отъ каждаго города.

Устанавливая полную общность имущества, Моръ не идетъ за Платономъ далѣе и отвергаетъ общность женъ. Онъ допускаетъ лишь разводъ съ разрѣшенія сената.

Воюютъ жители «*Утопіи*» только для обороны или для избавленія другихъ народовъ отъ деспотизма. Воинская служба необязательна, и «*Утопія*» прибѣгаетъ къ наемнымъ войскамъ. На войнѣ рекомендуются хитрость, убійство непріятельскихъ вождей, и т. п.

«Въ *Утопіи*,—говоритъ Б. Н. Чичеринъ,—общественное зданіе строится на двухъ началахъ, которыя были неизвѣстны древнему міру: на «равенствѣ людей и святости труда». Признаніе Томасомъ Моромъ рабства не противорѣчитъ этому: въ рабы поступаютъ осужденные преступники.

Утопія такъ и осталась утопіей, но великія идеи, ею выдвинутыя, получили дальнѣйшее развитіе.

В. Гольцевъ.

О прямомъ и наклонномъ почеркѣ *).

Вопросы гигіены за послѣдніе годы довольно много и часто интересовали наше учительское сословіе. Врачи-гигіенисты, съ рѣдкой добросовѣстностью удѣляя время и силы изученію болѣзней, возникающихъ у дѣтей, главнымъ образомъ, благодаря пребыванію ихъ въ школѣ, само собою разумѣется, прежде всего заинтересовали людей, которымъ ввѣрено попеченіе о дѣтяхъ въ школьное время,— именно преподавателей.

Нельзя не сознаться, что по нѣкоторымъ вопросамъ преподаватели и врачи иногда не совсѣмъ одинаково смотрѣли на дѣло, благодаря чему приходилось вывести заключеніе, что интересы двухъ партій какъ бы сталкивались, а нерѣдко можно было даже услышать и голосъ, что врачи не по праву далеко ушли въ своихъ требованіяхъ.

Правда, послѣднее замѣчаніе основывалось только на непривычкѣ у насъ въ Россіи подвергать школьные вопросы равноправному сужденію врачей и педагоговъ. За границей, гдѣ школьный врачъ почти всюду—равноправный членъ педагогической конференціи, не приходится считаться съ вышеуказаннымъ замѣчаніемъ.

Къ числу вопросовъ, волновавшихъ за послѣднее время многихъ педагоговъ и врачей, безспорно, надо отнести вопросъ о способѣ письма, съ которымъ тѣсно связано правильное положеніе туловища и головы при письменныхъ занятіяхъ и, благодаря которому, по мнѣнію гигіенистовъ, слѣдуетъ приписать происхожденіе многихъ изъ такъ называемыхъ школьныхъ болѣзней, каковы, напр., близорукость, искривленіе позвоночника и др.

Съ легкой руки московскаго гигіеническаго общества, гдѣ въ 1893 году на одномъ изъ засѣданій вопросъ этотъ былъ поставленъ

*) Читано въ засѣданіи состоящей при Музеѣ Прикладныхъ Знаній въ въ Москвѣ Спеціальной Комиссіи по обученію чистописанію.

на обсужденіе—д-ромъ мед. Н. В. Закомъ, и, благодаря тому интересу, который проявила къ этому новому дѣлу спеціальная комиссія по чистописанію при Музеѣ Прикладныхъ Знаній, вопросъ этотъ заинтересовалъ не только тѣсный кружокъ московскихъ преподавателей, но проникъ и далеко за предѣлы Москвы, становясь предметомъ обсужденія уже не одного учительскаго сословія, но даже родителей и общества. Въ короткое время въ защиту какъ прямого, такъ и наклоннаго писанія на газетныхъ столбцахъ и журналахъ появились нѣсколько замѣтокъ, и теперь «вопросъ о прямомъ почеркѣ» имѣетъ у насъ свою литературу.

Вспоминая первые опыты съ прямымъ письмомъ въ настоящую минуту, когда чадъ новизны сталъ уже нѣсколько проходить, давая мѣсто болѣе покойному обсужденію вещей, приходится сознаться, что выясненіе вопроса о достоинствахъ и недостаткахъ прямого почерка не лишено было нѣкоторой страстности, мѣшавшей, въ свою очередь, спокойно высказаться и сдѣлать наблюденія какъ педагогамъ, такъ и врачамъ. Представители врачебнаго сословія въ направленіи почерка видѣли почти единственную причину всякаго рода школьныхъ недомоганій; учительская корпорація громаднымъ большинствомъ отвергла нарождающееся новшество, не желая зачастую даже и выслушивать какіе бы то ни было доводы въ пользу нововведенія.

Въ обсужденіи вопроса о прямописаніи какъ нельзя болѣе оправдалось выраженіе Шиллера, что „распознать истину среди криковъ и неистовства партій бываетъ довольно трудно“. Нѣкоторыхъ преподавателей, заинтересованныхъ предлагаемымъ способомъ писанія, въ средѣ своего же учительскаго сословія, считали чуть ли не зараженными ересью. Въ проведеніи опытовъ прямого почерка въ школахъ нѣкоторые учителя готовы были видѣть надвигающуюся черную тучу, способную чуть ли не до основанія уничтожить все то, что сдѣлано было до сего времени въ смыслѣ выработки у учащихся краснваго почерка. Однакоже, несмотря на то, что опыты съ прямымъ почеркомъ были сдѣланы во многихъ школахъ, этотъ новый родъ письма не оказалъ ровно никакого дурного вліянія на выработку у учащихся краснваго почерка, и въ тѣхъ школахъ, гдѣ было некрасивое письмо наклоннымъ шрифтомъ, и гдѣ никакихъ опытовъ съ прямымъ шрифтомъ не производилось,—отрицательныя стороны почерка, конечно, остались попрежнему.

Въ свое время, насколько мнѣ позволяли силы и умѣнье, я уже достаточно высказался о недостаткахъ и достоинствахъ прямого почерка, стараясь по возможности объективнѣе относиться къ этому интересовавшему меня вопросу.

Три года тому назадъ въ заграничныхъ школахъ особенно усердно пропагандировался этотъ новый родъ писанія, и въ то же время вопросъ о прямомъ почеркѣ находился тамъ въ лучшей стадіи своего развитія. Теперь даже въ австрійскихъ школахъ, гдѣ прямое письмо пользовалось особымъ гостепріимствомъ, наклонный почеркъ все же преобладаетъ, и предлагаемый новый способъ письма находитъ уже для себя меньше приверженцевъ.

Причину этого явленія, конечно, надо усматривать какъ въ общемъ законѣ быстраго увлеченія всякой новизной, а затѣмъ и охлажденія къ ней, такъ и въ виду наступленія такого момента, когда «холодный разсудокъ», уступая «жару страстей», беретъ верхъ и даетъ возможность безпристрастнѣе отнестись къ дѣлу.

Личное мое возвращеніе къ вопросу о прямомъ почеркѣ объясняется тѣмъ, что, по моему мнѣнію, вопросъ этотъ у насъ въ Россіи далеко еще не исчерпанъ. Сравнительно съ наблюденіями, произведенными надъ этого рода письмомъ въ Западной Европѣ, у насъ чрезвычайно мало извѣстно о такихъ опытахъ и наблюденіяхъ. На происходившемъ въ Москвѣ 2-мъ съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, на одномъ изъ засѣданій секціи по школьной гигіенѣ, учителемъ радомской гимназіи, П. И. Истринымъ, былъ внесенъ на обсужденіе гг. членовъ съѣзда докладъ о введеніи обязательнаго обученія прямому почерку во всѣхъ русскихъ школахъ. Наблюденія г. Истрина произведены были всего лишь надъ 7-ю учениками, и самый докладъ не заключалъ въ себѣ ничего обоснованнаго, что́ могло бы клониться въ пользу введенія прямого почерка. Въ моемъ возраженіи, сдѣланномъ г. Истрину по поводу его реферата, я провелъ ту мысль, что прежде чѣмъ хлопотать о повсемѣстномъ введеніи прямого почерка, слѣдуетъ намъ самимъ, на нашихъ русскихъ дѣтяхъ, убѣдиться въ достоинствѣ предлагаемаго новаго способа писанія. Мною было указано, что сами врачи далеко еще не пришли къ одинаковымъ выводамъ въ вопросѣ о прямомъ письмѣ. Съ одной стороны, извѣстные гигіенисты, какъ, напр., проф. Конъ въ Бреславлѣ, д-ръ Шубертъ въ Штутгартѣ, педагогъ Е. Байръ въ

Вѣнѣ, наши русскіе врачи: проф. Эрисманъ, проф. Рейхъ, д-ръ Закъ— видятъ за прямымъ письмомъ одни только достоинства, между тѣмъ какъ проф. Берлинъ, Цеэндеръ, д-ра Рембольдъ, Цандеръ, проф. Кохеръ и нашъ извѣстный врачъ-гигіенистъ, А. С. Виреніусъ,— утверждаютъ, что косой почеркъ считается вполнѣ отвѣчающимъ анатомо-физіологическимъ требованіямъ органа зрѣнія и пишущей руки.

Въ своей резолюціи секція постановила просить Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ виду желательности болѣе широкаго проведенія опытовъ съ прямымъ письмомъ, выяснить гг. учителямъ, что со стороны Министерства къ проведенію опытовъ письма прямымъ почеркомъ препятствій не встрѣчается *).

Мои собственные опыты съ прямымъ письмомъ (о которыхъ я немного впослѣдствіи коснусь) произведены были лишь въ теченіе одного учебнаго года и въ одномъ только младшемъ классѣ. Дѣлать какіе-либо выводы на основаніи такихъ незначительныхъ опытовъ я не берусь; было бы желательно услышать заключенія о прямомъ почеркѣ отъ тѣхъ товарищей, какіе имѣли возможность производить наблюденія гораздо въ большемъ размѣрѣ и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Сообщеніе, которое я сегодня намѣренъ прочесть, однакоже, навѣяно именно наблюденіями надъ прямымъ письмомъ. Въ продолженіе моихъ опытовъ я не разъ задавался вопросомъ, достаточно ли для удержанія правильнаго положенія корпуса учащихся во время письменныхъ работъ только одного того, чтобы ученики писали прямымъ шрифтомъ?

Мои соображенія по этому вопросу подкрѣплены, какъ вы услышите въ этой запискѣ, ссылками на нѣкоторые взгляды многихъ извѣстныхъ врачей, интересовавшихся способомъ обученія письму. А такъ какъ способъ обученія письму, по мнѣнію многихъ, служитъ причиною разныхъ дѣтскихъ заболѣваній, то я и начну именно съ перечисленія этихъ школьныхъ болѣзней.

Одною изъ наиболѣе распространенныхъ школьныхъ болѣзней, несомнѣнно, является близорукость (myopia). Проф. Конъ, сдѣлавшій

*) Это и сдѣлано со стороны М. Н. Пр., — см. „Примѣрныя программы" для начальныхъ училищъ. *Ред.*

свои знаменитыя изслѣдованія надъ 10060 дѣтьми и 410 студентами, нашелъ, что въ народныхъ школахъ число близорукихъ немного превышало 1%, а среди студентовъ являлось 60% близорукихъ. Проф. Пфлюгеръ въ Люцернѣ насчитывалъ въ начальныхъ училищахъ 5,5%, а въ гимназіяхъ—51,8%. То же самое замѣчалось и другими изслѣдователями; всѣ они приходили къ одинаковому результату, указывая, что самое меньшее число близорукихъ учениковъ встрѣчается въ элементарныхъ школахъ при сравнительно короткомъ пребываніи дѣтей въ классной обстановкѣ, и что по мѣрѣ увеличенія учебнаго времени, при прохожденіи, напр., курса гимназіи или реальнаго училища, число близорукихъ въ такихъ школахъ являлось уже очень значительное.

Помимо близорукости на оба глаза, существуетъ еще особый родъ этой болѣзни, наз. анизометропіей, при которой какъ лѣвый, такъ и правый глазъ не въ одинаковой степени близоруки.

По изслѣдованіямъ Шуберта надъ 7416 дѣтьми, насчитывалось 1789 болѣе близорукими на правый глазъ и 982—на лѣвый. Флоршицъ изъ 2625 человѣкъ находилъ близорукихъ на правый глазъ 136 и на лѣвый—10. Шмидтъ-Римплеръ изъ 1710 насчиталъ съ болѣе сильною близорукостью праваго глаза 177 человѣкъ и 125—лѣваго.

Искривленіе позвоночнаго столба (Skoliosis) считается болѣзнью, распространенною между дѣтьми школьнаго возраста, чуть ли не въ большей степени, чѣмъ близорукость. По изслѣдованіямъ Фарнера, 90% всѣхъ искривленій позвоночника приходится на школьный возрастъ. То же самое подтверждали и другіе врачи: Гильомъ находилъ 29%, Вильгельмъ Майеръ 56%, Феликсъ Шенкъ даже 99% и т. д.

Я не стану останавливаться на перечисленіи другихъ разнаго рода школьныхъ заболѣваній, о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія несутъ за собою эти недуги, и о мѣрахъ, какія слѣдуетъ принимать для предупрежденія этихъ болѣзней, я уже упоминалъ въ своей брошюрѣ *). Въ настоящее время я лишь упомяну о томъ, насколько виновата школа въ причинѣ перечисленныхъ заболѣваній, и насколько тотъ или дру-

*) И. В. Евсѣевъ.—„Обученіе искусству письма съ гигіенической точки зрѣнія". М. 1894 г. 2-е изд.

гой способъ письма вліяетъ на развитіе и усиленіе этихъ, такъ называемыхъ, школьныхъ недуговъ.

Отрицать, что всѣ эти болѣзни имѣютъ начало въ большинствѣ случаевъ во время школьнаго періода, во всякомъ случаѣ нельзя. Что не только школа причина этихъ болѣзней, но и обстоятельства жизни, и въ особенности домашняя обстановка, въ которой ребенку больше приходится пребывать, чѣмъ въ школѣ, играютъ весьма важную роль въ этомъ вопросѣ,—все это ни однимъ безпристрастнымъ наблюдателемъ, ни однимъ гигіенистомъ не можетъ быть оспариваемо.

Проф. В. Е. Черновъ изъ Кіева, говоря о домашнемъ воспитаніи дѣтей до-школьнаго возраста, между прочимъ замѣчаетъ въ своей брошюрѣ, что большинство нашихъ дѣтей въ продолженіе недѣль и даже цѣлыхъ мѣсяцевъ не разстается съ комнатной атмосферой. «Признано за необходимое,—говоритъ онъ,—заключенныхъ арестантовъ выводить нѣсколько разъ въ недѣлю на чистый воздухъ, а свободныхъ дѣтей въ нашихъ семьяхъ держатъ въ заключеніи, и, что прискорбно,—часто по совѣту врача». Изслѣдованія, произведенныя въ Швеціи и Даніи надъ 48000 дѣтьми, показали, что четвертая часть всѣхъ дѣтей (20% мальчиковъ и 25% дѣвочекъ) до поступленія въ учебныя заведенія уже поражены были тѣми болѣзнями, которыя принято было обозначать именемъ «школьныхъ болѣзней».

Что касается близорукости, то развитіе этой болѣзни, несомнѣнно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ надо отнести къ школѣ. Пребываніе въ продолженіе многихъ часовъ въ четырехъ стѣнахъ, полнѣйшая невозможность наблюдать предметы на далекомъ разстояніи отъ глаза,—дѣлаютъ послѣдній менѣе воспріимчивымъ къ разсмотрѣнію на дальнемъ пространствѣ. Говорятъ даже, что близорукость не составляетъ исключительной привилегіи человѣческой расы; дикія животныя, глазъ коихъ приспособленъ къ дальнозоркости, будучи заперты въ звѣринцахъ, становятся близоруки, и въ этомъ случаѣ міопія развивается въ клѣткѣ подъ вліяніемъ тѣхъ же условій, что и у дѣтей, замкнутыхъ въ классной комнатѣ.

Однако, и среди врачей находятся очень многіе, которые говорятъ, что міопія вызывается не столько школой, сколько передается путемъ наслѣдственности, отъ поколѣнія къ поколѣнію. Д-ръ Hoor, изслѣдовавшій глаза 87 рекрутовъ, пришелъ именно къ такому заключенію. Не слѣдуетъ забывать и заявленія д-ра Рейха, говорящаго,

что къ развитію близорукости не только у дѣтей, но и у взрослыхъ, располагаютъ плохое питаніе, такъ называемое золотушное состояніе, различныя заболѣванія, каковы—корь, скарлатина и т. п. Всѣ мы хорошо знаемъ, что послѣднимъ болѣзнямъ едва ли кто изъ дѣтей не бываетъ подверженъ, поэтому, опять-таки, съ нѣкоторою осторожностью слѣдуетъ всю тяжесть вины возлагать на школу, и только на школу. Что касается того, что писанье будто бы въ сильнѣйшей степени располагаетъ къ близорукости, чѣмъ чтеніе, то это едва ли можетъ подлежать предмету спора: д-ръ Рембольдтъ и проф. Берлинъ, при изслѣдованіи дѣтей, замѣчали, что «дурная привычка ненужнаго, излишняго приближенія глазъ къ предмету занятій встрѣчается не только при писаніи, но одинаково часто и въ такой же сильной степени—и при другой изъ главнѣйшихъ школьныхъ работъ—чтеніи».

Относительно развитія анизометропіи необходимо замѣтить, что еще далеко не всѣ изслѣдователи этой болѣзни пришли къ одинаковымъ результатамъ въ своихъ выводахъ. Упомянутые мною авторы: Шубертъ, Флоршицъ, Шмидтъ-Римплеръ, правда, находили значительную разницу въ степени близорукости обоихъ глазъ; зато, напр., Берлинъ, Рембольдтъ изъ 932 дѣтей насчитали лишь 109 близорукихъ на правый глазъ и 102—на лѣвый. Рейсъ изъ 420-ти 135 и 134, Эммертъ изъ 1823-хъ 61 и 64, Котельманъ изъ 413-ти по 47 человѣкъ съ тою и другою формою близорукости. Одною изъ причинъ встрѣчаемой анизометропіи на правый глазъ, несомнѣнно, является то, что мы чаще всего работаемъ правой рукою, слѣдовательно, вся работа будетъ находиться направо отъ средины корпуса, и правый глазъ въ этомъ случаѣ будетъ болѣе приближенъ къ полю дѣятельности, нежели лѣвый.

Кромѣ этой причины, вѣроятно, имѣются и другія, вызывающія анизометропію, какъ наслѣдственность и т. п. Съ этимъ соглашаются и врачи; такъ, д-ръ Шубертъ говоритъ, напр.:—«неодинаковая способность видѣть при помощи обоихъ глазъ, кромѣ положенія тетрадки направо, безусловно вызывается и другими причинами, а часто является наслѣдственностью».

Изслѣдованія врачей относительно искривленія позвоночника у дѣтей школьнаго возраста сводятся къ тому, что причиной служитъ долгое, черезчуръ утомительное сидѣнье учащихся въ классахъ. Неправильное положеніе при письмѣ является только одною изъ мно-

гихъ причинъ, обусловливающихъ появленіе этой болѣзни у дѣтей школьнаго возраста. Значительная часть дѣтей поступаетъ въ школу уже съ зачатками Skoliosis'a. Д-ръ Бруннеръ въ Мюнхенѣ, осматривая позвоночники у дѣтей народныхъ школъ, нашелъ, что изъ 2000 школьниковъ третья часть была подвержена такъ называемой англійской болѣзни (Rhachitis). Прирожденная слабость скелета и мускулатуры, недостаточное и нецѣлесообразное питаніе въ дѣтскомъ возрастѣ, а также и несоотвѣтствующая одежда служатъ также причиной развитія искривленія позвоночнаго столба. Д-ръ Эленбургъ замѣчаетъ, что и при появленіи Skoliosis'a наслѣдственныя начала играютъ не послѣднюю роль; по произведеннымъ имъ изслѣдованіямъ было доказано, что изъ 1000 дѣтей 254 имѣли искривленія, полученныя ими по наслѣдству.

О томъ, насколько способъ письма находится въ связи съ развитіемъ только что перечисленныхъ школьныхъ болѣзней, очень хорошо высказывается Баварскій Королевскій Медицинскій Совѣтъ, и я, прежде чѣмъ перейти къ вопросу о прямомъ почеркѣ, позволю привести здѣсь мнѣніе этого авторитетнаго учрежденія.

«Никто не можетъ отрицать,—говорится въ докладѣ Медицинскаго Совѣта,—что съ достовѣрностью пока не доказано, насколько положеніе тетради и направленіе почерка являются главной причиной измѣненій позвоночника и глаза. Если допустить опасность замѣченныхъ измѣненій и вѣроятность ихъ въ связи съ способомъ письма, то все-таки желательно раньше, чѣмъ выработать обязательныя постановленія относительно употребленія того или другого способа писанія, узнать, не играютъ ли болѣе важную роль при этихъ болѣзненныхъ явленіяхъ и другія причины, а также доказать, что при считающемся правильномъ положеніи дурныхъ послѣдствій вовсе не будетъ встрѣчаться».

Далѣе совѣтъ указываетъ на многочисленныя другія причины, которыя обусловливаютъ косое положеніе корпуса и близорукость, а именно: на чрезмѣрное чтеніе дома, несоотвѣтствующая росту учащихся школьная мебель, плохое освѣщеніе, слишкомъ близкое разстояніе между глазомъ и тетрадью, переутомленіе мышцъ, прирожденная болѣзнь костей и т. п.

«Только тогда, если связь положенія при письмѣ съ измѣненіемъ позвоночника и близорукостью будетъ доказана; если будетъ оконча-

тельно выяснено, что положеніе при письмѣ безусловно является главною причиною этихъ измѣненій, и что никакимъ другимъ способомъ, какъ введеніемъ новаго положенія тетради, это зло не можетъ быть устранено, только тогда, по нашему мнѣнію,—говорится въ докладѣ,—правительство страны въ состояніи во всѣхъ училищахъ преобразовать методъ преподаванія письма». Въ концѣ доклада Баварскій Медицинскій Совѣтъ дѣлаетъ слѣдующее любопытное примѣчаніе:—„слѣдуетъ обращать вниманіе также и на степень измѣненія позвоночника и глазъ; если и самое незначительное отклоненіе отъ нормальнаго построенія считать за нѣчто болѣзненное и вредное, то врядъ ли можно найти хотя одинъ вполнѣ нормальный организмъ. Развитіе большого сложнаго организма происходитъ не всегда съ абсолютною правильностью и точностью; всегда будутъ проявляться нѣкоторыя неправильности, которыя, однако, никогда не будутъ угрожать особенною опасностью не только жизни, но и здоровью".

Послѣ такихъ выводовъ, идущихъ отъ лица компетентной корпораціи врачей и педагоговъ, казалось бы, ничего не остается прибавить къ указанному замѣчанію, если бы не было вполнѣ основательныхъ доводовъ нѣкоторыхъ сторонниковъ прямого почерка, говорящихъ, что со введеніемъ этого способа письма они вовсе не надѣются разомъ уничтожить всякаго рода встрѣчающіяся аномаліи, но что нѣкоторыя неправильности путемъ прямописанія будутъ все-таки устранены.

Практическая сторона наклоннаго почерка, въ смыслѣ возможности болѣе быстраго исполненія письменныхъ работъ, не отвергается даже весьма многими приверженцами прямого письма,—слѣдовательно, объ этой сторонѣ дѣла говорить нечего. За прямымъ письмомъ, по мнѣнію врачей, остаются только гигіеническія преимущества, но, какъ было уже сказано, сами гигіенисты также далеко еще не пришли къ одинаковому результату въ своихъ выводахъ относительно выгодъ прямописанія, и намъ, учителямъ, пока еще придется выждать время, прежде чѣмъ окончательно отвергать новый способъ писанія.

Мое личное мнѣніе таково, что не столько принципъ прямого почерка гарантируетъ правильное положеніе корпуса учащихся при письменныхъ занятіяхъ, сколько исполненіе всѣхъ требованій относительно положенія туловища, головы, рукъ, тетради и проч. Можетъ быть, врачами и будутъ со временемъ вполнѣ и безусловно доказаны гигіе-

ническія преимущества прямого письма, но таковое явится только одною изъ многочисленныхъ причинъ, обусловливающихъ хорошее положеніе учащихся при школьныхъ занятіяхъ. Пока число учащихся въ классѣ не будетъ такимъ значительнымъ, какъ оно теперь въ большинствѣ нашихъ школъ, пока не будетъ вполнѣ достаточнаго освѣщенія и воздуха, пока не дадутъ всѣмъ ученикамъ въ руки необходимыхъ принадлежностей для письма и не заведутъ раціональной школьной мебели и т. д. и т. д.,—едва ли тотъ или другой способъ письма въ состояніи надолго удерживать правильное положеніе слабаго, еще неокрѣпшаго дѣтскаго организма.

И. Евсѣевъ.

Изъ дневника учительницы.

1. Прогулки съ дѣтьми на рѣку и въ степь.

Прогулка можетъ имѣть различныя цѣли: во-первыхъ, она имѣетъ важное значеніе со стороны гигіенической, какъ средство, укрѣпляющее легкія, мышцы ногъ, освѣжающее мозгъ послѣ умственныхъ занятій и поддерживающее хорошее пищевареніе; во-вторыхъ, прогулка сама по себѣ представляетъ удовольствіе, если совершается въ хорошую погоду, при обстановкѣ болѣе или менѣе пріятной: прогулка, напримѣръ, въ хорошемъ саду, на берегу большой рѣки, или на лугу, конечно, доставитъ больше удовольствія, чѣмъ въ узкихъ городскихъ улицахъ, вблизи заводовъ, базара, болота и т. п.

Внѣшнія условія пріятной прогулки—красивая мѣстность, цвѣты, горы и проч.,—кромѣ удовольствія, вліяютъ хорошо на развитіе чувства красоты въ душѣ какъ взрослаго, такъ и ребенка. Ребенокъ привязывается къ природѣ, онъ начинаетъ любить ее. Знакомство съ природой и ея великими законами можетъ развить дѣтскій пытливый умъ, дать ему разумное пониманіе явленій природы, облагородить дѣтей, часто, безъ всякаго смысла, позволяющихъ себѣ жестокое обращеніе съ малыми животными.

Но для такого разумнаго сближенія съ природой необходимо умѣлое руководительство воспитателей. Мы часто видимъ въ нашихъ городскихъ садахъ дѣтей съ нянъками, боннами и гувернантками или же съ самими родителями. Обратите вниманіе на проходящую группу взрослыхъ и дѣтей: по большей части, и у тѣхъ, и у другихъ *скучающій, недовольный видъ:* скучно гулять *съ дѣтьми*, а послѣднимъ тоже *очень скучно молча, механически* шагать изъ аллеи въ аллею... Слѣдствіемъ этого бываютъ у дѣтей «капризы» и даже слезы; приходится тогда видѣть, какъ недовольная воспитательница спѣшитъ

увести дѣтей домой, всю дорогу упрекая ихъ и стращая наказаніемъ...

Я постоянно слышу отъ матерей:—«терпѣть не могу *таскать* съ собой ребенка: всю дорогу спрашиваетъ, все ему надо знать! Надоѣдаетъ, и я не отвѣчаю, потому что меня раздражаютъ эти *глупые* вопросы!»

— Какіе же вопросы вамъ задаетъ ребенокъ?

— Да что ни увидитъ, обо всемъ спрашиваетъ: для чего? зачѣмъ? изъ чего сдѣлано? Просто голова разболится!...

Тщетно приходилось доказывать такимъ близорукимъ матерямъ, что вопросы эти должны бы только радовать ихъ, такъ какъ свидѣтельствуютъ о дѣтскомъ умѣ, который, въ извѣстномъ періодѣ развитія, именно требуетъ объясненій и руководительства со стороны воспитателей.

— Отчего же вы не разговариваете съ ребенкомъ? Развѣ это тяжело? Съ дѣтьми, вообще, очень пріятно бесѣдовать: и ихъ удовлетворяешь, и сама узнаешь ближе дѣтскую логику, характеръ...

На это обыкновенно отвѣчаютъ такъ:—«И безъ нихъ въ головѣ много заботъ: еще отвѣчать на каждый *пустой* вопросъ!.. *Лучше* оставлять дѣтей дома, а то никакого удовольствія не получишь...»

Значитъ, всѣ разсужденія матери основываются на эгоистической подкладкѣ: «*мнѣ* было бы пріятно, я погуляла бы спокойно». А ребенокъ?—ну, онъ и такъ обойдется...

И вотъ такія дѣти попадаютъ въ школу. Сколько вопросовъ накопилось у нихъ, сколько непонятнаго, которое такъ и осталось нерастолкованнымъ!..

За время моей педагогической практики мнѣ встрѣчались въ городѣ такія семилѣтнія дѣти, которымъ въ первый разъ приходилось разъяснять слова «воробей», «ласточка». Одна восьмилѣтняя дѣвочка (изъ богатой семьи, мать этой дѣвочки *окончила курсъ гимназіи*), слушая чтеніе маленькой сестры о коровѣ, брезгливо отплевываясь, стала спорить: «не корова даетъ молоко, а торговка, это въ книжкѣ—не вѣрно!»

— Отъ кого же торговка его получила?—спрашиваю.

— А отъ другой торговки!

— А эта?...

— Тоже отъ торговки... а то развѣ можно отъ «поганой» коровы молоко пить?—говорила съ гримасой и увѣренно дѣвочка...

Другіе въ классѣ спорятъ, что у собаки не четыре ноги, а двѣ и т. п.*).

Просто удивляешься, до какой степени умъ ребенка уродуется, притупляются разсудокъ, любознательность...

До-школьный періодъ дѣтства проходитъ, нерѣдко, только «въ формѣ растительнаго процесса»,—умственныхъ потребностей въ ребенкѣ не удовлетворяютъ,—его только кормятъ и одѣваютъ... Я здѣсь говорю о томъ, что мнѣ часто приходилось наблюдать въ нѣкоторыхъ семьяхъ; конечно, это не общее правило, но далеко и не исключеніе...

На ряду съ такими уродливыми явленіями нашего домашняго воспитанія, мнѣ приходилось встрѣчать другую крайность,—дѣтей, которымъ старшіе успѣли навязать массу своихъ личныхъ наблюденій, свѣдѣній, расчетовъ, умозаключеній... Видишь, что говоритъ какъ-будто и ребенокъ, а за нимъ выглядываетъ ученый папенька—врачъ, или учитель, или коммерсантъ... Одинъ, подражая отцу, толкуетъ о медицинскомъ дѣлѣ... Другой серьезно вычисляетъ выгодное предпріятіе, неотступно допрашивая:—сколько рублей прибыли можно получить, если везти на своемъ пароходѣ столько-то пудовъ товара и столько-то людей?..

Въ подобныхъ случаяхъ приходится отдѣлываться общими фразами, отвлекая вниманіе ребенка на предметы, болѣе доступные его разумѣнію и болѣе полезные...

Меня увѣряютъ, что осуждать современныхъ родителей за нерадѣніе къ дѣтямъ, небрежное воспитаніе, или нежеланіе «возиться съ дѣтьми»,—нельзя: современная жизнь такъ осложнилась, такъ «трудно жить», что упрекать родителей—было бы несправедливо... Я съ этимъ взглядомъ не согласна: на ряду съ вопросомъ о воспитаніи дѣтей, который находится въ такомъ загонѣ, мы видимъ очень энергичное разрѣшеніе маловажныхъ вопросовъ, какъ-то: сколько разъ на

*) Не хотѣлось бы всему этому вѣрить, но, къ сожалѣнію, все это справедливо. Въ дополненіе къ приведеннымъ примѣрамъ прибавимъ нѣсколько и отъ себя. Умненькая въ общемъ дѣвочка, переѣхавъ съ родными на новую квартиру, при которой былъ садъ, съ радостью замѣтила:—„Вотъ хорошо, теперь намъ не нужно будетъ покупать дровъ!"—Почему?—спрашиваютъ ее.—„Да, вѣдь, дрова на деревьяхъ растутъ!"—Другой случай:—Отчего ты подала только заднія ноги отъ гуся?—смѣясь, спрашиваетъ барыня дѣвочку-служанку.—Переднія въ кухнѣ остались,—отвѣчаетъ дѣвочка.—Мы знали пріютъ, гдѣ дѣти сроду не видали (даже и на картинкахъ) коровы, овцы, галки, вороны... *Ред.*

недѣлѣ собираться для карточной игры? сколько сшить для себя обновъ? съ кѣмъ вести знакомство? и т. д. Значитъ, на эту жизнь находятся же и досугъ, и энергія (сколько этой *энергіи* безъ слѣда исчезаетъ за зеленымъ столомъ,—ужасъ!), и *охота*... Иные родители и воспитатели *не имѣютъ охоты быть ближе къ дѣтямъ*, постепенно развивая ихъ дѣтскія мысли и чувства, знакомя съ природой, бесѣдуя съ малышами о предметахъ имъ близкихъ и интересныхъ. А между тѣмъ, сколько радости, *неподдѣльной, чистой радости*, можно испытать отъ этого общенія съ дѣтьми, вѣчно бодрствующими, внимательными ко всему живому!.. Я сама въ дѣтствѣ любила природу и теперь люблю, но наблюдать ее въ обществѣ дѣтей—мнѣ всегда пріятнѣе: *дѣти къ каждому незначительному явленію чутки*, отзывчивы, а потому съ ними полнѣе получается впечатлѣніе... Вѣрьте этимъ словамъ, читатели и читательницы, у которыхъ хватаетъ *терпѣнія* по два часа выбирать въ модныхъ магазинахъ отдѣлки, шляпки, да столько же тратить на совѣщаніе съ модисткой о нарядномъ платьѣ,—а на бесѣду съ дѣтьми, хоть на тридцать минутъ, нѣтъ ни терпѣнья, ни желанья...

Только не подходите къ дѣтямъ съ предвзятой мыслью, а говорите о томъ, что въ данный моментъ занимаетъ ребенка, и такъ говорите, чтобы ребенку все было ясно. Гуляйте съ дѣтьми во всякое время года: каждая пора доставляетъ имъ свои особыя удовольствія.

Опишу нѣкоторыя изъ нашихъ школьныхъ прогулокъ. Въ минувшую весну Волга тронулась 26-го февраля. Мы собрались на другой день смотрѣть... Подходя къ Волгѣ, еще издали мы услышали особенный звукъ ломающихся льдинъ... Дѣти поспѣшно взобрались на берегъ: передъ нами медленно плыла широкая масса льда; красиво сталкиваясь, льдины складывались въ фантастическія фигуры; шумъ стоялъ въ воздухѣ. Пароходъ т-ва Нобель и К° два дня уже гудитъ густымъ басомъ, удивляя всѣхъ этой неожиданностью: кругомъ ледъ еще, а свистки, обычные въ лѣтнюю пору, громогласно объявляютъ, что пароходъ (ледорѣзъ особой конструкціи) въ путь собирается!.. Мы пошли на пристань; пароходъ давалъ второй свистокъ. Масса публики на берегу; всѣ въ какой-то ажитаціи, оживленно разговариваютъ, и всѣ тянутся ближе къ мѣсту, откуда вотъ-вотъ отойдетъ пароходъ, уже пустившій пары и оглушительно извѣстившій объ

этомъ... Дали третій свистокъ, и довольно большой пароходъ началъ осторожно отходить отъ пристани; льдины тотчасъ разступались подъ носомъ парохода и давали послѣднему дорогу... Дѣти придвинулись къ барьеру пристани и жадно слѣдили за движеніемъ стальнаго богатыря: послѣдній пошелъ, было, храбро, но скоро его окружили льдины и плотно сомкнулись, мѣшая правильному движенію... Пароходъ осторожно попятился и сталъ «бочкомъ» продираться и разгонять окружавшія его льдины; минутъ пять, десять эта тихая борьба длилась, но дѣти видѣли, что, въ концѣ концовъ, паръ восторжествуетъ, и точно: пароходъ повернулъ-таки носомъ *впередъ* и плавно, быстро пошелъ... Позади него нѣсколько минутъ еще видна была широкая лента воды; но ледяная масса не отставала въ движеніи и опять покрывала свободное пространство, тѣсня и выпирая своихъ сосѣдокъ, разсыпавшихся при сталкиваніи въ красивые, бѣлые, крупные и мелкіе кристаллы, блестѣвшіе на солнцѣ...

Мы пошли послѣ уроковъ, въ первомъ часу дня; небо было синее, погода ясная и теплая. Назадъ возвратились въ три часа дня. Дѣтямъ не хотѣлось уходить: такъ притягивала къ себѣ пробуждавшаяся природа въ лицѣ нашей родной, могучей рѣки, которую всѣ мы любимъ, какъ близкій, давно знакомый и милый образъ...

Въ мартѣ погода была холодная, дулъ вѣтеръ, шелъ снѣгъ, стало грязно и пасмурно, — дѣти съ нетерпѣніемъ ждали теплаго дня,— хотѣлось еще погулять и посмотрѣть на Волгу.

Большинство родителей совсѣмъ не заботится о доставленіи дѣтямъ такого рода удовольствій; имъ чаще даютъ шаблонныя удовольствія—елку съ сусальными украшеніями и «дѣтскій вечеръ въ клубѣ», или вовсе никакихъ удовольствій не доставляютъ. Больно за дѣтей!..

На Пасху, въ апрѣлѣ, когда уже вступила въ свои права южная, благоухающая весна, мы собрались въ степь. Дѣти пробыли на свѣжемъ воздухѣ отъ двѣнадцати до трехъ ч. на берегу Кутума (большой широкій рукавъ Волги). Прошли въ два конца порядочное разстояніе, но и туда и оттуда шли они бодро, даже спѣшно, и я едва поспѣвала за ними...

Одинъ изъ мальчиковъ захватилъ удочку; дѣти попросили у меня ржаного хлѣба для приманки рыбы и рѣшили по очереди удить. Удили и, конечно, ничего не поймали: не могли удержаться отъ

громкихъ восклицаній, бѣгая взапуски по скользкой, молодой травѣ и мѣшая удильщику. Большой охотникъ удить,—спокойный и кроткій Коля Д—нъ, долго стоитъ на одномъ мѣстѣ, застывъ въ одной и той же позѣ, и шепчетъ суетливымъ товарищамъ, не отрываясь отъ поплавка:—«тише, тише, клюетъ!..» А тѣ опять съ крикомъ и смѣхомъ несутся по берегу. Ваня З—въ, завидѣвъ бѣленькую бабочку, одиноко летавшую вблизи отъ него, погнался за ней, ловилъ и руками, и картузомъ, присѣдалъ, надѣясь вотъ-вотъ схватить увертливое созданьице, но бабочка уже летѣла низко надъ водой, мелькая крылышками и сверкая на солнцѣ бѣленькимъ пятнышкомъ... З—въ задорно продолжалъ нагонять ее, опуская каждый разъ свой картузъ надъ порхающей бабочкой, но та будто дразнила его,—то слишкомъ близко подлетала, то уносилась вверхъ, кружась то тамъ, то сямъ...

Сначала дѣти, лежа, смѣялись надъ З—вымъ, но, видя его забавный бѣгъ, пустились тоже за нимъ: бѣгали, вертѣлись, падали отъ усердія, но такъ и не поймали рѣзвой бабочки, улетѣвшей далеко куда-то. Хорошо было всѣмъ: воздухъ чистый и свѣжій, сильно и пріятно пахнетъ зацвѣтающими почками «тальниковъ» (ивъ). Дѣти не могли удержаться отъ желанія нарвать молодыхъ вѣточекъ, такъ ароматично пахнувшихъ, и всѣ принялись мячемъ сбивать эти вѣточки, такъ какъ онѣ росли очень высоко. Я позволила это сдѣлать, потому что отъ двѣнадцати сорванныхъ маленькихъ вѣточекъ растеніе не погибнетъ, а между тѣмъ очень ужъ хороши душистыя, свѣжія вѣтки ивы; мнѣ самой было пріятно принести домой вѣточку. Дѣти неотступно просили каждый день «такъ» ходить въ степь, и я обѣщала еще собраться (каждый день не могла обѣщать, хотя сама очень бы рада была этому: люблю степь), но и дѣти устанутъ, и я устаю, да и времени свободнаго мало.

Маленькая, смѣшная сценка была въ степи: я дала дѣтямъ «горбушку» чернаго хлѣба—такъ, съ $^1/_2$ фунта,—дѣти говорили:—«куда столько?»—но я полѣнилась возвратиться въ комнату, отрѣзать ломтикъ, да и думала, что, можетъ быть, кому и пригодится хлѣбъ: ученики давно уже завтракали, могли и проголодаться на свѣжемъ воздухѣ, послѣ долгой ходьбы. Хотѣла и всю остальную часть хлѣба (всего-то его было около двухъ фунтовъ) захватить, но дѣти сказали то они сыты, и мы не взяли ничего съ собой. А тутъ гляжу,—нѣ-

которые изъ учениковъ удаляются отъ меня и усердно жуютъ черный хлѣбъ (вчерашній, и безъ соли, вдобавокъ). Я, смѣясь, смотрю на нихъ. Ученикъ Ч—въ, большой джентльменъ, говоритъ мнѣ, что они дѣлаютъ...—Ну, что жъ, говорю, имъ ѣсть хочется. А ты не хочешь? Иди къ нимъ!—Нѣтъ!..—а самъ внимательно смотритъ въ сторону товарищей...

З—въ, такъ тотъ прямо подошелъ ко мнѣ съ коркой хлѣба, съ удовольствіемъ уплетая его. Я стала шутить:

— Большую рыбку поймали!—говорю.

— Гдѣ, гдѣ?—спрашиваетъ З—въ.

— А ты—большая рыбка!

— Я проголодался,—смѣется З—въ.

Этотъ откровенный отвѣтъ мнѣ очень понравился. Я говорю:

— Безъ соли не вкусно...

— Нѣтъ,—отзывается Ч—въ, еще остававшійся на мѣстѣ,—и безъ соли очень вкусно, я люблю черный хлѣбъ!—Другіе тоже подхватили:—И мы его больше бѣлаго любимъ.

— Ну,—говорю,—идите и раздѣлите остальное.

Ч—въ побѣжалъ за Д—мъ. Послѣдній взялъ хорошую корку и предлагалъ раздѣлить поровну съ Ч—мъ, но этотъ, конфузясь и краснѣя, не хотѣлъ самъ дѣлить и предлагалъ Д—ву, тотъ тоже не рѣшался: какъ бы неровно не вышло. Я взяла и разломила корку пополамъ и дала обоимъ. Живо покончили съ хлѣбомъ, слѣдя, чтобы одинъ и тотъ же два раза не бралъ, пока другому не досталось. Весело и пріятно было наблюдать за дѣтьми, просто и мило державшимися.—Рѣшили въ другой разъ собраться въ степь съ запасомъ съѣстного.

Вторая прогулка состоялась 22-го апрѣля. Для разнообразія пошли правымъ берегомъ Кутума, мимо садовъ. На этотъ разъ многія изъ дѣтей запаслись удочками и червячками. Дѣти поочередно удили. Поймали ершей маленькихъ и средней величины воблу. Самые живые, веселые не принимались удить,—скакали по травѣ, играли въ мячъ, рѣзвились. На этотъ разъ дѣтей было двадцать пять человѣкъ; я не знала, какъ успѣвать наблюдать за всѣми,—и ради безопасности дѣтей, и прямо изъ желанія познакомиться ближе съ характеромъ каждаго ребенка. Весело, незамѣтно прошло время: пошли въ $4^1/_2$ часа, вернулись въ семь часовъ, на закатѣ солнца. Хорошо было въ степи: изъ садовъ выглядывали бѣлые цвѣтки вишенъ, яблонь и грушъ,—точно снѣж-

комъ усыпаны онѣ! А душистая ива еще сильнѣе пахла... На дорогѣ попалась намъ ласточка, сидѣвшая на проволокѣ телеграфнаго столба; въ первый еще разъ мы увидѣли ее: весна очень медленно развивалась. Нѣсколько разъ приходилось собирать дѣтей въ обратный путь: все упрашивали еще немножко остаться.

Передъ закатомъ солнца рѣка точно замираетъ и перестаетъ волноваться,—этотъ моментъ очень красивъ, и мы шли домой какъ разъ въ это время: стихаетъ природа, вѣтерокъ куда-то исчезаетъ и не нагоняетъ даже мелкой зыби; рѣка точно задумывается и спокойно отражаетъ заходящее яркое солнышко съ его послѣдними косыми лучами... Птички слабѣе чирикаютъ, готовясь ко сну; коровы спокойно бредутъ, мѣстами останавливаясь и, лѣниво разсѣянно щипнувъ разъ-два травку, медленно подвигаются далѣе... На всемъ отражается спокойствіе приближающагося вечера; и дѣти какъ-то ровнѣе и спокойнѣе возвращались домой. На этотъ разъ всѣ захватили съ собой съѣстной провизіи. Не хорошо только, что не всѣ одно и то же принесли и ѣли врозь: нужно артелью устраивать ѣду.

Цѣлую недѣлю послѣ этой прогулки вспоминали о ней съ удовольствіемъ. Теперь очередь новаго удовольствія, многими дѣтьми еще не испытаннаго: это катанье на лодкѣ. Заранѣе уже уговорились,—кто будетъ на рулѣ, и кто—въ веслахъ! Но послѣднее удовольствіе у насъ не состоялось: два-три мальчика съ большимъ прискорбіемъ объявили, что родители ихъ боятся разрѣшить имъ катанье на лодкѣ, а потому мы всѣ уже не катались: зачѣмъ дѣлать удовольствіе однимъ, когда другіе останутся дома? С — въ Ваня признался, что онъ много плакалъ, когда отецъ настойчиво отказалъ ему... Рѣшили устроить прогулку на пароходѣ — поѣхать до Х... селенія, куда ежедневно, въ опредѣленные часы, отправляется пароходъ,—значитъ, мы *можемъ безопасно* покататься по самой Волгѣ!..

Итакъ, почти каждое воскресенье, мы уходили въ степь; случалось, послѣ игръ, читали интересные дѣтскіе разсказы, укрываясь отъ солнышка въ тѣни старыхъ ивъ.

Прогулки наши прекратились въ концѣ мая, когда уже солнышко начинаетъ припекать, и ходить въ степь утомительно. Я позволила себѣ остановиться на этихъ прогулкахъ, чтобы показать читателямъ, что у каждаго изъ насъ подъ рукой могучее средство воспитать въ дѣтяхъ любовь къ природѣ, къ ея красотѣ безыскусственной. Были

мы и въ городскомъ скверѣ; но дѣтей привлекала больше степь, широкая рѣка, съ скользившими по ней парусными и другими судами, вообще, *сама природа*, безъ прикрасъ.

Въ заключеніе, приведу слова покойнаго Бѣлинскаго: «Больше всего постарайтесь развить въ дѣтяхъ чувство безконечнаго; заставьте дѣтей любить Бога, Который является имъ и въ ясной лазури неба, и въ ослѣпительномъ блескѣ солнца, и въ торжественномъ великолѣпіи возстающаго дня, и въ грустномъ величіи наступающей ночи, и въ ревѣ бури, и въ раскатахъ грома, и въ цвѣтахъ радуги, и въ зелени лѣсовъ, и во всемъ, что есть въ природѣ живого, такъ безмолвно и такъ краснорѣчиво говорящаго душѣ юной и свѣжей, и, наконецъ, во всякомъ чистомъ движеніи ихъ младенческаго сердца».

2. Наглядное обученіе — разсматриванье естественно-историческихъ коллекцій; посѣщеніе музея; знакомство съ заводами и проч.

Городскія дѣти, воспитанныя вдали отъ деревни, совершенно незнакомы съ «исторіей» хлѣба, который они каждый день ѣдятъ. Они знаютъ и видятъ лишь *готовый* хлѣбъ. Гдѣ же познакомить городскихъ дѣтей съ полевыми работами и продуктами земледѣльческаго труда? Цѣлесообразнѣе, конечно, всѣ полевыя работы и послѣдующія—на гумнѣ и на мельницѣ,—показать дѣтямъ прямо на мѣстѣ въ деревнѣ. Но для насъ,—астраханцевъ, это трудно выполнимо: ближайшее къ намъ село Ч., гдѣ хоть немного сѣютъ рожь, отстоитъ отъ города, примѣрно, на 10 верстъ; чтобы осмотрѣть по порядку всѣ полевыя работы, нужно нѣсколько разъ посѣтить село съ дѣтьми, а это и дорого, и неудобно. Остается каждаго новичка въ школѣ знакомить съ естественно-историческими коллекціями: показывать хлѣбные колосья, попутно объяснять полевыя работы по картинкамъ.

Бесѣды о земледѣльческомъ трудѣ и наглядное знакомство съ орудіями и продуктами этого труда всегда интересуютъ городскихъ дѣтей *).

*) Вообще, дѣти очень любятъ разсматривать всевозможныя коллекціи: когда приходится вновь поступившихъ учениковъ знакомить съ коллекціями насѣкомыхъ и растеній, то мы ихъ всегда разсматриваемъ всей школой: прочіе ученики съ прежнимъ интересомъ смотрятъ знакомые имъ предметы.

Конечно, какъ подробно ни объяснять всей процедуры обработки поля, приготовленія муки изъ зерна,—ребенокъ все-таки плохо представляетъ себѣ весь этотъ процессъ, потому что *самъ* онъ всего этого не видѣлъ; но съ хорошимъ, живымъ воображеніемъ дѣти довольно толково усваиваютъ понятія «жатва», «молотьба», «вѣяніе» и т. п. Строгой научной послѣдовательности первоначальныя бесѣды съ малолѣтними имѣть не могутъ: нужно развивать дѣтское вниманіе, любознательность и наблюдательность. Дѣти знакомятся по коллекціямъ съ бабочками и ихъ превращеніями, съ шелковичнымъ червемъ и его коконами, осой, пчелой, сотами; разсматриваютъ листья и плоды дуба, сосны, ели, кукурузы, касторки, своеобразные, красивые плоды клена и т. п. Дѣти подолгу разсматриваютъ коллекціи, забрасывая мѣткими вопросами, сравненіями... Весной дѣти *сами* наблюдаютъ превращенія гусеницъ: каждый отыскиваетъ въ садикѣ, на деревьяхъ гусеницъ, осторожно снимаетъ ихъ, захвативъ про запасъ нѣсколько свѣжихъ листочковъ съ того же дерева, такъ какъ дѣтямъ извѣстно, что всякая гусеница кормится только листьями того дерева, на которомъ она была найдена. Сначала, обыкновенно, ребенокъ недовѣрчиво берется за эту работу,—неужели, молъ, и въ самомъ дѣлѣ, изъ червячка выйдетъ красивая бабочка съ крылышками и ножками? Этотъ вопросъ постоянно задаютъ дѣти.

А дома частенько ихъ разувѣряютъ, что, молъ, червякъ останется червякомъ, *издоръ*—ждать какую-то бабочку!.. Дѣти откровенно объявляютъ объ этомъ въ школѣ и отчасти склоняются на сторону сомнѣвающихся старшихъ... Но имѣющія терпѣніе и желающія воочію убѣдиться въ правдѣ, ждутъ... Гусеница скоро превращается въ толстенькую неподвижную куколку, обматывается въ паутинку и лежитъ смирно въ стаканчикѣ. Ребятишки непрерывно и съ радостью объ этомъ заявляютъ... Еще нѣсколько скучныхъ дней, и, наконецъ, ученикъ приноситъ новорожденную бабочку, еще живую, слабую, плохо летающую... Восторгамъ, восклицаніямъ, удивленію—нѣтъ конца! Тогда ужъ и скептики тщательно обшариваютъ всѣ кустики и вѣточки на деревьяхъ, чтобы отыскать гусеницъ и дома получить изъ нихъ интересныхъ бабочекъ. Теперь ужъ дома не смѣются надъ увѣреніями ребенка...

И такъ постепенно восполняется незнаніе окружающей насъ природы, укрѣпляется авторитетъ школы и учителя, и дѣти увѣренно

разсказываютъ другъ другу, какъ у нихъ изъ куколки образовалась бабочка; нѣкоторыя съ большимъ вниманіемъ по цѣлымъ днямъ осторожно наблюдаютъ за куколками; случалось, что они первые замѣчали движеніе бабочки и нетерпѣливо помогали ей высвободиться изъ наружной оболочки. Весной, когда въ школьномъ садикѣ очень много различныхъ гусеницъ, дѣти ежедневно, во время перемѣны и послѣ уроковъ, усердно собираютъ гусеницъ съ листьевъ капусты, ивы, тополей и несутъ ихъ домой на «воспитаніе». Къ осени у каждаго любознательнаго ученика составляется небольшая коллекція—коробочки съ различными бабочками. Дѣти старательно укладываютъ ихъ, берегутъ. Такое отношеніе дѣтей къ природѣ и ея твореніямъ имѣетъ глубоко-воспитательное значеніе. Съ такимъ же интересомъ дѣти относятся и къ растеніямъ: весной, когда въ садикѣ вырубали старыя деревья, погибшія отъ мороза, и зеленую иву, на которой постоянно заводится масса прожорливыхъ гусеницъ, портящихъ листья даже на сосѣднихъ деревьяхъ,—дѣти съ жалостью смотрѣли на срубленныя деревья и вспоминали разсказы изъ книжки Толстого о рубкѣ лѣса:—«какъ стонало дерево и, падая, роняло капли росы, будто слезы...»

Зеленую иву, дѣйствительно, жалко было, но и ее мы вынуждены были срубить. Дѣти набрали отъ нея молодыхъ побѣговъ и понесли домой; каждый захотѣлъ посмотрѣть, какъ вѣточка пуститъ въ водѣ корешки и начнетъ развиваться. Впослѣдствіи вѣтки дали молодые корни, и дѣти радостно сообщали объ этомъ въ школѣ, спрашивая, что дѣлать дальше? Я посовѣтовала пересадить молодые побѣги въ грунтъ: еще не скоро на нихъ появятся гусеницы, а пока дѣтямъ интересно дома ухаживать за молодымъ растеніемъ, посаженнымъ *собственными руками*.

Обыкновенно, дѣти, познакомившись съ коллекціями, предлагаютъ мнѣ принести въ школу живую, «исправдышную» саранчу, или осу, или какой-нибудь цвѣточекъ и т. п., говоря:—«вы эти вещи бережете, чтобы дѣтямъ показывать!»

Разсматривая ракушки, одинъ смышленый ученикъ замѣтилъ:

— Мы жили лѣтомъ въ саду; тамъ, на Ильменѣ, очень много ракушекъ я собралъ; мама увидала, сказала, что онѣ—«поганыя», надо ихъ бросить, и я бросилъ. А вы вотъ собираете!..»

Другой охотно понесъ домой колосья хлѣбныхъ растеній, различ-

ныя сѣмена деревьевъ, еловыя и сосновыя шишки, листья дуба, клена и проч., которые были розданы всѣмъ ученикамъ съ тѣмъ, чтобы они берегли ихъ у себя, размѣстивъ всѣ въ коробочки съ надписями, показывали бы и объясняли своимъ сестрамъ и братьямъ,—и что же?—на другой день умный, живой и способный ребенокъ сообщаетъ мнѣ, что его мама велѣла всѣ эти вещи выбросить на дворъ, какъ ненужныя...

Ребенокъ этотъ былъ въ высшей степени самолюбивый и застѣнчивый: небрежное и насмѣшливое отношеніе матери къ принесеннымъ вещамъ такъ сильно укололо его, что ужъ послѣ онъ мало интересовался подобными коллекціями и *никогда домой ничего не бралъ*. Но, къ счастью, *подобные факты* не повторялись болѣе ни въ какой семьѣ... Вообще же, замѣтно, что слова родителей западаютъ и остаются въ памяти дѣтей надолго... Разсматривая коллекціи, дѣти перестаютъ бояться живыхъ червяковъ, свободно берутъ ихъ руками; знакомясь съ ракушками, они сами видятъ, что въ ракушкѣ живетъ особое животное, а не лягушка, какъ ихъ увѣряла няня; слѣдя за превращеніемъ гусеницъ, дѣти научаются наблюдать явленія; познакомившись съ образомъ жизни лягушекъ и другихъ полезныхъ животныхъ, они начинаютъ разумно относиться къ нимъ, отрѣшаясь отъ прежнихъ суевѣрныхъ понятій, навязанныхъ старой няней,—темной, невѣжественной крестьянкой...

Постепенно въ дѣтяхъ развивается любовь къ природѣ, животнымъ, растеніямъ; развиваются наблюдательность и вниманіе къ окружающимъ предметамъ; умъ обогащается знаніями, научными и практическими. Въ этомъ отношеніи большую пользу приноситъ посѣщеніе мѣстнаго музея. Мы были тамъ весной. Дѣти съ большимъ интересомъ разсматривали модели земледѣльческихъ орудій, различную утварь нашихъ степняковъ; долго разсматривали идола буддистовъ (калмыковъ), ихъ жертвенный столъ, ткацкій станокъ, чучела различныхъ птицъ и звѣрей, коллекціи бабочекъ, птичьихъ гнѣздъ и яицъ, остатки допотопныхъ животныхъ, минералы...

Разсматриваніе коллекцій музея развиваетъ въ дѣтяхъ не только простую любознательность, но и желаніе изучать выставленные предметы подробнѣе: каждый изъ видѣнныхъ предметовъ вызываетъ рядъ новыхъ вопросовъ въ дѣтскомъ умѣ, которые необходимо правильно и толково объяснять дѣтямъ.

Осмотръ музея конченъ, а дѣти еще долго разсуждаютъ по поводу только что разсмотрѣнныхъ новыхъ вещей, и всю дорогу запасъ разговора не истощается. Первый вопросъ:—почему *даромъ* показываютъ? (Наши дѣти подъ словомъ «музей» привыкли понимать балаганъ, гдѣ за плату показываютъ живыхъ змѣй, звѣрей и т. п.). Я объяснила имъ разницу въ понятіяхъ и сказала, что городской музей устраивается для народа, чтобы *всѣ* могли приходить и смотрѣть.

— Какіе добрые,—сказалъ В—въ.

Я объяснила, что это — дѣло общественное, музей содержится на городскія деньги; все это дѣлаетъ общество: люди собираютъ между собой деньги и составляютъ музей. Воспитываемый на меркантильной почвѣ, ученикъ В—въ (9 лѣтъ) освѣдомился:

— А сколько даютъ за вещи, если приносить ихъ для музея?

— Много платятъ?—спросилъ и Д—въ.

Мнѣ очень не понравились этотъ вопросъ, и, вообще, денежные интересы мальчиковъ... Я разсмѣялась и отвѣтила:

— Развѣ за каждую услугу, или хорошее, доброе дѣло непремѣнно нужно брать деньги? Человѣкъ приноситъ въ даръ музею различныя вещи, которыя или самъ нашелъ, или же свои старинныя вещи даритъ музею, засушиваетъ бабочекъ, заспиртовываетъ змѣй, рыбъ, — и никто за это *не получаетъ денегъ;* а такимъ людямъ напишутъ благодарность и запишутъ въ журналѣ музея, какія вещи получены и отъ кого; люди часто дѣлаютъ другъ другу добро, но не за деньги,—нельзя за всякое дѣло брать деньги...

Дѣти слушали и молчали... Не нравится мнѣ эта черта у *теперешнихъ* дѣтей: разсматриваютъ каждый фактъ со стороны его матеріальной выгоды. Спрашивая о платѣ, они думали именно о себѣ: «если *я принесу* что-нибудь интересное для музея, *сколько* за это заплатятъ?» Я поэтому и *обрѣзала* ихъ, — чтобы стыдъ проникалъ въ ихъ *расчетливый умъ*... Потомъ я прибавила:

— Вы видѣли домашнюю утварь — одежду и посуду киргизовъ, калмыковъ и татаръ: эти не сами дарятъ обществу,—они и не знаютъ о музеѣ, и не понимаютъ, что кому-нибудь интересно будетъ познакомиться съ ихъ вещами,—къ нимъ пріѣзжаютъ члены музея и спрашиваютъ ихъ: продастъ ли татаринъ или калмыкъ кувшинъ, котелъ и др. вещи, и за сколько? Эти люди—бѣдные, у нихъ брать даромъ нельзя: имъ самимъ эти вещи нужны,—и у нихъ покупаютъ

посуду, кафтаны и другія интересныя для всѣхъ насъ вещи. А если вы говорите, что найдете какую-нибудь вещь и захотите ее принести въ музей,—то вамъ ее продавать не годится: тутъ въ музеѣ мы много видѣли вещей, которыя разные учители и ученики собирали, приготовляли и дарили музею для пользы города, для нашей съ вами пользы.

Какъ въ дѣтяхъ прозрачно сказывается алчность ихъ родителей! Всѣ будничные разговоры о копейкѣ, барышѣ и т. п. сильно запечатлѣваются въ свѣжемъ мозгу дѣтей, и они рефлективно усваиваютъ направленіе папенекъ и маменекъ...

Сколько *хорошихъ разсказовъ* уже читали мы съ различными поясненіями, читали «Большака», гдѣ мальчикъ безъ всякой корысти, съ опасностью жизни спасаетъ тонувшихъ, и его отецъ погибаетъ, спасая другихъ на пожарѣ; сколько слезъ дѣти проливали при этомъ, увлекаясь хорошимъ поступкомъ: наконецъ, Христосъ, кроткій и милостивый съ врагами, такъ умилялъ всѣхъ дѣтей Своимъ величіемъ и любовью къ человѣку,—и все-таки, *устои* домашней сѣрой жизни, съ ея мелкими расчетами и *духомъ наживы* давятъ дѣтскую, неокрѣпшую душу, выращивая въ ней плевелы...

Возвратимся къ начатой бесѣдѣ: если дѣтей такъ интересуетъ музей, то еще болѣе заинтересовываетъ ихъ заводъ, или фабрика, гдѣ дѣти видятъ наглядно работу и продукты ея. Мнѣ удалось собраться съ дѣтьми на стекляный заводъ Б—ва и лѣсопильный Н—ля. Рабочіе передъ нами приготовляли бутылки, ламповыя стекла, банки и другія вещи, а пильщики легко, безъ труда, посредствомъ машинъ, распиливали бревна, доски; дѣти, изумленныя и отчасти восхищенныя, пристально наблюдали за проворными рабочими и еще болѣе проворной *машиной*. Впечатлѣнія эти надолго остались въ памяти дѣтей. Конечно, дѣти успѣли разглядѣть среди рабочихъ и дѣтей-подростковъ, которыя бойко помогали взрослымъ рабочимъ стекляннаго завода. Условія труда какъ тѣхъ, такъ и другихъ въ лѣтнее время крайне тяжелы: работать въ жару, близъ огромныхъ печей—куда какъ нелегко, если даже постороннимъ зрителямъ хочется скорѣе выбраться на свѣжій воздухъ. И дѣти это поняли: уходя съ завода, они всѣ пожалѣли маленькихъ работниковъ.

Натуральная природа, натуральная жизнь людей — это великія воспитывающія книги, къ пониманію конхъ надо пріучаться съ дѣтства,—такъ какъ безъ этого печатныя наши книги не принесутъ и сотой доли своей пользы... *N.*

Изъ текущей литературы.

Наставники въ воспоминаніяхъ своихъ учениковъ.

Обществу распространенія полезныхъ книгъ пришла счастливая мысль собрать и издать «*Воспоминанія о студенческой жизни*». Въ сборникъ этотъ вошли статьи такихъ почтенныхъ общеизвѣстныхъ дѣятелей науки и литературы, каковы нынѣ здравствующіе—*В. О. Ключевскій*, *П. М. Обнинскій*, *А. И. Кирпичниковъ* и *В. А. Гольцевъ*, а равно и умершихъ—*С. М. Соловьева*, *Ѳ. И. Буслаева*, *Д. Н. Свѣребеева* и друг.

Преподавательская дѣятельность отличается тою особенностью, что вся она проходитъ въ четырехъ стѣнахъ, безъ *постороннихъ* свидѣтелей, съ глазу на глазъ учителя съ учениками, и даже самъ учитель не можетъ во всей полнотѣ и безпристрастно оцѣнить свои труды. Если онъ и можетъ судить о своемъ преподаваніи, то лишь въ узкомъ смыслѣ этого слова, о воспитывающихъ же воздѣйствіяхъ на своихъ учениковъ, о томъ, что и какъ отразится на складѣ ихъ характера, что будетъ перенесено ими въ жизнь и отразится на ней и проч. и проч.,—преподавателю узнать очень трудно, почти невозможно, какъ трудно вообще безпристрастно судить о своихъ достоинствахъ и недостаткахъ. А видѣть и знать это, хотя бы и на примѣрахъ другихъ лицъ, очень важно и поучительно для преподавателя: преподаватель вдумчивый и добросовѣстный можетъ найти въ чужихъ портретахъ и свои черты и многому научиться; преподаватель, не желающій ни у кого и ничему учиться, можетъ все-таки задуматься, что и для него, рано или поздно, настанетъ «страшный судъ», и не въ воспоминаніяхъ однихъ только учениковъ, не въ отрицательныхъ только воздѣйствіяхъ ни ихъ жизнь,—но и въ жестокомъ и безапел-

ляціонномъ приговорѣ общества,—судъ гласный, правый и—немилостивый.—Мы глубоко убѣждены въ томъ, что школьныя воспоминанія о тѣняхъ сошедшихъ со сцены учителей-воспитателей имѣютъ важное воспитательное значеніе—для здравствующихъ и дѣйствующихъ руководителей дѣтства и юношества.

«Воспоминанія», подобныя названнымъ выше, имѣютъ еще и глубокое общественное значеніе: въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражена не только *студенческая* жизнь, не только жизнь университета въ цѣломъ его составѣ, но и вліяніе общественной и государственной жизни на университетскую жизнь, и вліяніе университета на жизнь общественную и государственную: въ этомъ отношеніи, каждый добросовѣстный общественный и государственный дѣятель также найдетъ въ «воспоминаніяхъ» не одинъ, а много уроковъ, положительнаго и отрицательнаго характера, поучительныхъ для нашего времени.

Мы положительно убѣждены въ значительной важности «воспоминаній», и желали бы, чтобы названный сборникъ былъ бы только началомъ, первымъ выпускомъ въ цѣлой серіи такихъ изданій, и чтобъ примѣръ этотъ вызвалъ многочисленныя подражанія: въ высшей степени полезно для всѣхъ, чтобы составлялись и оглашались школьныя воспоминанія нашими выдающимися современниками; не менѣе важно составлять и издавать подобные сборники и изъ напечатанныхъ уже трудовъ, гдѣ *воспоминанія входятъ* въ *общій* трудъ, какъ небольшая часть большого цѣлаго: отовсюду собранныя воедино воспоминанія эти составятъ цѣнную, поучительную картину.

Хотя «воспоминанія» и относятся исключительно къ «студенческой жизни», но они и интересны, и назидательны и для учителя гимназіи, и для учителя народной школы, и для всякаго мыслящаго человѣка, которому не чужды общественные интересы, особенно же педагогическіе. Рекомендуя нашимъ читателямъ ознакомиться съ названнымъ сборникомъ въ цѣломъ его составѣ, мы позволимъ себѣ здѣсь привести въ извлеченіяхъ, лишь нѣкоторыя страницы, рисующія «старыхъ» наставниковъ, какъ сохранились они въ памяти своихъ учениковъ. Повторяемъ, это поучительно для каждаго учителя-воспитателя, отъ учителя народной школы до профессора университета: школы различны, различны въ нихъ и пріемы преподаванія, но духъ преподаванія, его направленіе, существо воспитывающаго содержанія должны быть вездѣ одинаковы: одно и то же солнце отражается и въ

морѣ, и въ каплѣ воды. Болѣе всего даютъ матеріала для нашей цѣли глубоко вдумчивая и талантливая статья В. О. Ключевскаго и полныя горячаго чувства и современнаго жизненнаго интереса воспоминанія П. М. Обнинскаго,— изъ нихъ прежде всего мы и сдѣлаемъ извлеченія.

I. С. М. Соловьевъ, какъ преподаватель.

(Изъ студенческихъ воспоминаній В. О. Ключевскаго)

Преподаваніе принадлежитъ къ разряду дѣятельностей, силу которыхъ чувствуютъ только тѣ, на кого обращены онѣ, кто непосредственно испытываетъ на себѣ ихъ дѣйствіе, стороннему трудно растолковать и дать почувствовать впечатлѣніе отъ урока учителя или отъ лекціи профессора. Въ преподавательствѣ много индивидуальнаго, личнаго, что трудно передать и еще труднѣе воспроизвести. Учитель—что проповѣдникъ: можно слово въ слово записать проповѣдь, даже урокъ, читатель прочтетъ записанное, но проповѣди и урока не услышитъ.

*Но и въ преподаваніи много, даже очень много значитъ наблюденіе, преданіе, даже подражаніе. Всегда ли знаемъ мы, преподаватели, свои средства, ихъ сравнительную силу и то какъ, гдѣ и когда ими пользоваться? Въ преподавательствѣ есть своя техника и даже очень сложная**). Понятное дѣло: преподавателю прежде всего нужно вниманіе класса или аудиторіи, а въ классѣ и аудиторіи сидятъ существа, мысль которыхъ не ходитъ, а летаетъ и поддается только добровольно. Въ преподаваніи самое важное и трудное дѣло—заставить себя слушать, поймать эту неносѣдную птицу,—юношеское вниманіе. Не безполезно знать, какими пріемами, какимъ процессомъ складывается ученическое впечатлѣніе.

Сколько помнится, Соловьевъ читалъ на третьемъ курсѣ общій обзоръ исторіи древней Руси, на четвертомъ болѣе подробный курсъ

---

*) Это свидѣтельство талантливаго, вдумчиваго и популярнаго профессора, обладающаго искусствомъ увлекать своихъ слушателей, особенно поучительно для тѣхъ изъ современныхъ „*педагоговъ*“, которые отрицаютъ необходимость для будущаго педагога педагогической подготовки.

Ред.

русской исторіи XVIII в. Въ 1863 г., когда я началъ слушать его, это былъ цвѣтущій 42-лѣтній человѣкъ.

Обыкновенно, мы уже смирно сидѣли по мѣстамъ, когда торжественной, немного раскачивающейся походкой, съ откинутымъ назадъ корпусомъ, вступала высокая и полная фигура въ золотыхъ очкахъ, съ необильными бѣлокурыми волосами и круглыми пухлыми чертами лица, безъ бороды и усовъ, которые выросли послѣ. Съ закрытыми глазами, немного раскачиваясь на каѳедрѣ взадъ и впередъ, не спѣша, низкимъ регистромъ своего немного жирнаго баритона начиналъ онъ говорить свою лекцію и въ продолженіе 40 минутъ рѣдко поднималъ тонъ. Онъ именно говорилъ, а не читалъ, и говорилъ отрывисто, точно рѣзалъ свою мысль тонкими удобопріемлемыми ломтиками, и его было легко записывать.

При отрывистомъ произношеніи рѣчь Соловьева не была отрывиста по своему складу, текла ровно и плавно, пространными періодами съ придаточными предложеніями, обильными эпитетами и пояснительными синонимами. Чтеніе Соловьева не трогало и не плѣняло, не било ни на чувство, ни на воображеніе; но оно заставляло размышлять. Съ каѳедры слышался не профессоръ, читающій въ аудиторіи, а ученый, размышляющій вслухъ въ своемъ кабинетѣ. Вслушиваясь въ это, какъ бы сказать, говорящее размышленіе, мы старались ухватиться за нить развиваемыхъ передъ нами мыслей и не замѣчали словъ. Я бы назвалъ такое изложеніе прозрачнымъ. Оттого, вѣроятно, и слушалось такъ легко: лекція Соловьева далеко не была для насъ развлеченіемъ, но мы выходили изъ его аудиторіи безъ чувства утомленія.

Легкое дѣло—тяжело писать и говорить, но легко писать и говорить—тяжелое дѣло, у кого не дѣлается это само собой, какъ бы физіологически. Слово—что походка: иной ступаетъ всей своей ступней, а шаги его едва слышны; другой крадется на цыпочкахъ, а подъ нимъ полъ дрожитъ. У Соловьева легкость рѣчи происходила отъ ясности мысли, умѣвшей находить себѣ подходящее выраженіе въ словѣ. Гармонія мысли и слова—это очень важный и даже нерѣдко роковой вопросъ для нашего брата-преподавателя. Мы иногда портимъ свое дѣло нежеланіемъ подумать, какъ надо сказать въ данномъ случаѣ, и корень тяжкихъ неудачъ нашихъ—въ неумѣніи выразить свою мысль, одѣть ее, какъ слѣдуетъ. Иногда бѣдненькую и худень-

кую мысль мы облечемъ въ такую пышную форму, что она путается и теряется въ ненужныхъ складкахъ собственной оболочки, и до нея трудно добраться; а иногда здоровую, свѣжую мысль выразимъ такъ, что она вянетъ и блекнетъ въ нашемъ выраженіи, какъ цвѣтокъ, попавшій подъ тяжелую жесткую подошву. Во всемъ, гдѣ слово служитъ посредникомъ между людьми, а въ преподаваніи особенно, неудобно какъ переговорить, такъ и не договорить. У Соловьева слово было всегда по росту мысли, потому что въ выраженіи своихъ мыслей онъ слѣдовалъ поговоркѣ: сорокъ разъ примѣрь и одинъ разъ отрѣжь. Голосъ, тонъ и складъ рѣчи, манера чтенія,—вся совокупность преподавательскихъ средствъ и пріемовъ давала понять, что все, что говорилось, было тщательно и давно продумано, взвѣшено и измѣрено, отвѣяно ото всего лишняго, что обыкновенно пристаетъ къ зрѣющей мысли, и получило свою настоящую форму, окончательную отдѣлку. Вотъ почему его мысль чистымъ и полновѣснымъ зерномъ падала въ умы слушателей.

Гармонія мысли и слова! Какъ легко произнести эти складныя слова и какъ трудно провести ихъ въ преподаваніи! Студенты, какъ извѣстно, обладаютъ особымъ чутьемъ профессорской подготовки: они очень быстро угадываютъ, излагаетъ ли имъ преподаватель продуманныя и провѣренныя знанія, хорошо выдержанныя и устоявшіяся воззрѣнія, или только вчерашнія пріобрѣтенія своего ума, сырыя мысли, если можно такъ выразиться. Слушая Соловьева, мы смутно чувствовали, что съ нами бесѣдуетъ человѣкъ, много и очень много знающій и подумавшій обо всемъ, о чемъ слѣдуетъ знать и подумать человѣку, и всѣ свои передуманныя знанія сложившій въ стройный порядокъ, въ цѣльное міросозерцаніе,—чувствовали, что до насъ доносятся только отзвуки большой умственной и нравственной работы, какая когда-то была исполнена надъ самимъ собою этимъ человѣкомъ, *и которую должно рано или поздно исполнить надъ собой каждому изъ насъ, если онъ хочетъ стать настоящимъ человѣкомъ.* Этимъ особенно и усиливалось впечатлѣніе лекцій Соловьева: его слова представлялись намъ яркими строками на освѣщенномъ изнутри фонарѣ. Послѣ я получилъ нѣкоторую возможность слѣдить за непрерывной, строго размѣренной и разнообразной работой неутомимаго ума, и я понялъ, какъ вырабатывается и во что обходится эта гармонія мысли и слова.

Чего только онъ не зналъ, не читалъ, чѣмъ не интересовался и о чемъ не думалъ! Онъ внимательно и съ удивительной экономіей досуга слѣдилъ за иностранной литературой по географіи, по всему кругу наукъ историческихъ и политическихъ, какъ и за текущими международными отношеніями. Я встрѣчалъ немного такихъ образованныхъ и дѣятельныхъ умовъ, а судьба нерѣдко и незаслуженно дарила меня счастьемъ встрѣчаться съ образованными, мыслящими людьми.

Превосходная первая глава XIII тома его Исторіи, содержащая въ себѣ общій обзоръ хода древней русской исторіи, вмѣстѣ со статьями общаго характера, напечатанными въ посмертномъ изданіи нѣкоторыхъ сочиненій С. М. Соловьева, каковы начало Русской земли, Древняя Россія, Историческія письма и др., даютъ нѣкоторую возможность читателю представить себѣ содержаніе и даже характеръ этого общаго курса. Въ этихъ статьяхъ есть все, что проводилось и развивалось въ курсѣ; но для читателя останутся неуловимыми концепція содержанія и впечатлѣнія изложенія, а въ преподаваніи—это главное, если не все. Соловьевъ давалъ слушателю удивительно цѣльный, стройной нитью проведенный сквозь цѣпь обобщенныхъ фактовъ взглядъ на ходъ русской исторіи, а извѣстно, какое наслажденіе для молодого ума, начинающаго научное изученіе, чувствовать себя въ обладаніи цѣльнымъ взглядомъ на научный предметъ. Въ курсѣ Соловьева эта концепція и это впечатлѣніе были тѣсно связаны съ однимъ пріемомъ, которымъ легко злоупотребить, но который въ умѣломъ преподаваніи оказываетъ могущественное образовательное вліяніе на слушателя. Обобщая факты, Соловьевъ вводилъ въ ихъ изложеніе осторожной мозаикой общія историческія идеи, ихъ объяснявшія. Онъ не давалъ слушателю ни одного крупнаго факта, не озаривъ его свѣтомъ этихъ идей. Слушатель чувствовалъ ежеминутно, что потокъ изображаемой передъ нимъ жизни катится по руслу исторической логики; ни одно явленіе не смущало его мысли своей неожиданностью или случайностью. Въ его глазахъ историческая жизнь не только двигалась, но и размышляла, сама оправдывала свое движеніе. Благодаря этому, курсъ Соловьева, излагая факты мѣстной исторіи, оказывалъ на насъ сильное методическое вліяніе, будилъ и складывалъ историческое мышленіе: мы сознавали, что не только узнаемъ новое, но и понимаемъ узнаваемое, и вмѣстѣ учились, какъ надо понимать, что узнаемъ. Ученическая мысль наша не только пробуж-

далась, но и формировалась, не чувствуя на себѣ гнета учительскаго авторитета: думалось, какъ будто мы сами додумались до всего этого, что намъ осторожно подсказывалось.

Съ двухъ сторонъ Соловьевъ освѣщалъ излагаемые имъ историческіе факты: одну изъ нихъ можно назвать прагматическою, другую—моралистическою. Настойчиво говорилъ и повторялъ онъ, гдѣ нужно, о связи явленій, о послѣдовательности историческаго развитія, объ общихъ его законахъ, о томъ, что называлъ онъ необычнымъ словомъ—*историчностью*. Вы думаете, легкое дѣло растолковать сидящему на школьной скамьѣ понятіе объ основахъ людского общежитія, объ историческомъ процессѣ, о закономѣрности исторической жизни! Я встрѣчалъ взрослыхъ и по-своему умныхъ людей, которымъ никакъ не удавалось усвоить себѣ самую идею историческаго процесса. У Соловьева сравненія, аналогія жизни народовъ съ жизнью отдѣльнаго человѣка, отвлеченные аргументы и, наконецъ, его столь извѣстная и любимая фраза «естественно и необходимо», повторявшаяся при всякомъ удобномъ случаѣ, какъ припѣвъ,—все врѣзывало въ сознаніи слушателя эту идею исторической закономѣрности. Съ другой стороны,—да не покажется намъ это страннымъ,—Соловьевъ былъ историкъ-моралистъ: онъ видѣлъ въ явленіяхъ людской жизни руку исторической Немезиды или, приближаясь къ языку древнерусскаго лѣтописца, «знаменіе правды Божіей». Я не вижу въ этомъ научнаго грѣха: эта моралистика у Соловьева была та же прагматика, только обращенная къ сознанію своею нравственной стороной, та же научная связь причинъ и слѣдствій, только приложенная къ явленіямъ добра и зла, къ категоріямъ преступленія и возмездія. Соловьевъ былъ историкъ-моралистъ въ томъ простомъ смыслѣ, что не исключалъ изъ среды своихъ наблюденій мотивовъ и явленій нравственной жизни. Кто изъ слушателей Соловьева не запомнилъ на всю жизнь этихъ нравственныхъ комментаріевъ, что общество можетъ существовать только при условіи жертвы, когда члены его сознаютъ обязанность жертвовать частнымъ интересомъ интересу общему, что уже первоначальное, естественное общество человѣческое, семейство, основано на жертвѣ, ибо отецъ и мать перестаютъ жить для самихъ себя, что обществу тѣмъ крѣпче, чѣмъ яснѣе между его членами сознаніе, что основа общества есть «жертва», что «европейское качество всегда торжествовало надъ азіатскимъ количествомъ», и что

это качество состоитъ въ «перевѣсѣ силъ нравственныхъ надъ матеріальными», что величіе древней Руси заключалось въ сознаніи своихъ несовершенствъ, въ сбереженной ею способности не мириться со зломъ, въ искреннемъ и горячемъ исканіи выхода въ положеніе лучшее посредствомъ просвѣщенія.

Въ дѣтствѣ, помню, гдѣ-то я видѣлъ старинныя колонны, обвитыя вьющимся растеніемъ. Молодая жизнь бѣжала по холодному мрамору старины и такъ стройно обвивала его, что мнѣ казалось, будто эти вьющіеся побѣги растутъ изъ самаго мрамора. Когда я вслушивался, какъ Соловьевъ перевивалъ факты исторіи нашей общими историческими идеями, своею прагматикой и моралистикой, мнѣ не разъ вспоминались эти старыя колонны, съ обвивающими ихъ побѣгами вьющагося растенія, и мнѣ думалось, что эти идеи органически вырастали изъ объясняемыхъ ими фактовъ.

II. Изъ воспоминаній П. Н. Обнинскаго.

„Воспитаніе есть дѣло сердца, а не ученыхъ хитросплетеній. Во времена Квинтиліана ученикъ сознавалъ, что обязанъ учителю серьезнымъ взглядомъ на жизнь, а учитель подъ видомъ обученія риторикѣ училъ правиламъ честности и прямодушія. О, великая и святая школа воспитателей юношества! Жизнь не что иное какъ тѣнь; этой тѣни сообщаютъ нѣкоторую реальность, когда посвящаютъ себя неуклонному исканію того, что честно, искренно, справедливо и чисто“... (Изъ рѣчи Ренана на могилѣ академика К. Флери).

Какимъ обаяніемъ пользовался тогда университетъ (1855 г.) и съ какимъ правомъ носилъ свое дорогое юношеству прозвище—Alma Mater!

Первую лекцію читалъ Т. Н. Грановскій. *Еще въ гимназіи* мы привыкали благоговѣть передъ этимъ именемъ, предвкушая минуту, когда услышимъ его живое слово. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ аудиторія ждала появленія профессора. Уже сама по себѣ она производила импозантное впечатлѣніе: громадная зала была биткомъ набита студентами, задолго до начала поспѣшившими занять ближайшія мѣста; на каѳедрѣ по обѣимъ боковымъ колонкамъ стояли два

студента въ выжидающихъ позахъ съ тетрадками и готовымъ карандашемъ въ рукахъ; всѣ ступеньки, окружавшія каѳедру, были заняты; толпа виднѣлась и сзади каѳедры, и въ промежуткахъ между скамьями, и на подоконникахъ. Въ залѣ стоялъ оглушительный гулъ молодыхъ голосовъ, мелькали оживленныя лица, чинились перья и карандаши; видно было, что вся эта шумная толпа готовилась къ чему-то необычайному, праздничному, интересному. Но вотъ все стихло и угомонилось; въ мертвой тишинѣ откуда-то издали послышались тяжелые шаги, и Тимоѳей Николаевичъ своею грузной походкой взошелъ на каѳедру. Началъ онъ лекцію тихо, шепелявымъ голосомъ, присюсюкивая; вся фигура выражала собою не то апатію, не то усталость. Но это впечатлѣніе исчезло очень скоро, съ первыхъ же фразъ, отрывочныхъ, нерѣдко безсвязныхъ (Т. Н. читалъ безъ конспекта), произносимыхъ съ долгими интервалами и тяжелыми вздохами. Передъ аудиторіей, какъ бы застывшей въ глубочайшемъ вниманіи, стали понемногу развертываться одна за другою картины средневѣковой жизни, исполненныя смысла и красоты; цѣлыя фаланги дѣятелей повѣствуемой эпохи живыми вставали передъ ней; чѣмъ дальше говорилъ знаменитый профессоръ, тѣмъ дальше отодвигалась окружающая дѣйствительность; онъ уводилъ свою аудиторію въ сѣдую глубь вѣковъ, воскрешалъ передъ нею давно минувшіе идеалы, оживлялъ въ чарующихъ образахъ давно сошедшіе со сцены типы, а надъ всѣмъ этимъ, *какъ-то незамѣтно, сами собою вставали въ сердцахъ слушателей великія начала человѣчности, свѣта, правды и добра.* Рядомъ съ мастерски-очерченными историческими фактами слушатели воспринимали и тѣ руководящіе принципы, тѣ гражданскія чувства, которыя, вложенныя въ молодую душу, вели и охраняли ее потомъ на предстоящемъ жизненномъ пути до старости и даже у этой старости отымали присущіе ей недуги индифферентизма, своекорыстія, черствости и ретроградства.

Легко себѣ представить наше горе, весь нашъ ужасъ, когда, послѣ нѣсколькихъ такихъ лекцій, по университету пронеслась грозная вѣсть, что Т. Н. внезапно скончался, и вскорѣ затѣмъ мы, вмѣстѣ съ несмѣтною толпой, уже провожали тѣло дорогого учителя на Пятницкое кладбище!.. Эта преждевременная, неожиданная смерть сообщила особенный характеръ тому впечатлѣнію, какое успѣло уже, на счастье нашему выпуску, образоваться отъ коротенькаго ряда

прослушанныхъ лекцій; оно стало для насъ какъ бы завѣщаніемъ, «свято и нерушимо» хранимымъ.

Возвращаюсь къ первому дню моей университеткой жизни. Раздавшійся звонокъ какъ бы пробудилъ насъ отъ сладкаго, волшебнаго сна. Часъ пролетѣлъ незамѣтно. Профессоръ уже оставилъ аудиторію, а мы сидѣли по своимъ мѣстамъ въ прежнемъ глубокомъ молчаніи; для насъ звучалъ еще его тихій говоръ, на насъ глядѣлъ его грустный, какъ бы обращенный въ вѣковую даль, взоръ, а въ воображеніи проносилась чарующая вереница только что нарисованныхъ картинъ и образовъ.

Пробужденіе пріобрѣло еще большую горечь, когда въ аудиторію вошелъ вицмундиръ, — субъ-инспекторъ. Всѣ вновь принятые студенты были приглашены на завтра явиться къ нему въ полной формѣ для осмотра и назиданія. На другой день въ 9 часовъ утра мы, въ числѣ 5—6 новичковъ, уже стояли въ пріемной, куда не замедлилъ явиться и субъ-инспекторъ. Начался осмотръ; почти всѣ мы оказались не въ порядкѣ: у одного былъ замѣченъ еле пробивающійся пушокъ на верхней губѣ, у другого волосы были слишкомъ длинны, третій не застегнулъ всѣхъ четырехъ крючковъ на подиравшемъ шею воротникѣ и т. д. Затѣмъ было показано, какъ носить шляпу, какъ отдавать честь, сбрасывая шинель съ праваго плеча и т. п. артикулы, которые мы должны были неоднократно продѣлывать уже сами; подъ конецъ получили мы строжайшее запрещеніе появляться гдѣ-либо и когда-либо въ фуражкѣ, и аудіенція кончилась.

Къ счастію, этотъ фронтовой фанатизмъ свирѣпствовалъ недолго. На второмъ курсѣ, съ новымъ царствованіемъ, съ новыми вѣяніями, мы получили и новую форму: фуражка была возстановлена въ своихъ естественныхъ правахъ, и четыре крючка на высокомъ воротникѣ, за которыми такъ ревниво наблюдали «субы», «упразднены» вовсе, и наши головы получили «право» нагибаться за лекціями и не зябнуть на морозѣ; не позабыли равнымъ образомъ и о животахъ, дозволивъ прикрыть ихъ широкими фалдами мундира, взамѣнъ торчавшихъ хвостиковъ сзади и «потѣшныхъ» бантовъ спереди.

Одновременно съ исчезновеніемъ остроконечной треуголки, высокаго воротника и узенькихъ фалдочекъ отошла въ область исторіи и «шагистика», которой усердно обучали студентовъ всѣхъ четырехъ курсовъ. Послѣдняя отмѣна была особенно привѣтствуема нами.

«Шагистика» эта не столько досаждала намъ своими упражненіями, какъ тѣмъ нравственнымъ гнетомъ, который невольно чувствовался каждымъ гражданиномъ-студентомъ, когда этотъ «гражданинъ» съ вытянутыми по швамъ руками шагалъ, изображая гуся, подъ выбиваемый ладонями командира-бурбона тактъ: «разъ-два! правой-лѣвой, правой-лѣвой!» На ученье являлся иногда и попечитель, любитель и знатокъ дѣла; какъ теперь помню его озабоченную физіономію съ щетинистыми усами и бровями, которыми онъ умѣлъ какъ-то очень страшно шевелить, его внушительно вздрагивающіе на плечахъ жирные эполеты и побрякивающія шпоры; со средоточеннымъ вниманіемъ обходилъ онъ нашъ строй, выправлялъ груди, училъ «равненію» и добродушно пояснялъ студентамъ, что если онъ и не вполнѣ компетентенъ для нихъ въ другихъ отношеніяхъ, зато фронтъ — его дѣло, его наука, и въ немъ онъ уже полный хозяинъ. Подобное «откровеніе» не могло, конечно, не быть принято студентами къ надлежащему свѣдѣнію.

Государственное право читалъ намъ профессоръ О—ій. Невольно встаетъ въ моей памяти архаическая фигура почтеннаго профессора въ свѣтло-голубомъ вицмундирѣ допотопнаго покроя и съ высокимъ галстукомъ на пружинахъ. На этомъ устойчивомъ постаментѣ вертѣлась то вправо, то влѣво плѣшивая, какъ ладонь, и красная, какъ кумачъ, голова съ сердито-глумливой физіономіей, а съ каѳедры неистово раздавались быстрымъ говоркомъ самая безшабашная хула, самыя отчаянныя проклятія всему «западному», всему человѣческому, всему (какъ это дико сказать въ данномъ случаѣ) научному. Особенною ненавистью профессора пользовались несчастныя Франція и Америка; авторитеты, великія историческія имена, великія завоеванія въ области мысли—все это безпощадно топталось ногами и разсыпалось, какъ это думалъ ораторъ, въ прахъ. Отсюда понятно наше холодное отношеніе къ предмету преподаванія, къ этимъ такъ неуклюже проводимымъ взглядамъ, отношеніе, давшее для многихъ толчекъ къ крайнимъ шагамъ въ противуположную сторону...

По смерти Т. Н. Грановскаго оспротѣвшія студенческія симпатіи всецѣло были перенесены на П. Н. Кудрявцева, и безъ того пользовавшагося уже громаднымъ обаяніемъ въ нашей средѣ. Онъ читалъ намъ ту же исторію, только древнѣйшій періодъ ея. Все, уже сказанное о Т. Н., можно повторить и по отношенію къ его глубоко-

симпатичному преемнику: та же художественная обработка слова, тотъ же благородный полетъ, широта и жизненность мысли. Разница заключалась лишь въ томъ, что если у Грановскаго выпуклѣе выдѣлялся для слушателя гражданскій элементъ, то въ изложеніи Кудрявцева преобладалъ эстетическій; особенно мастерскими выходили у него пластическія описанія памятниковъ древняго міра.

Разъ испуганные неожиданною утратою, мы боялись и за Петра Николаевича. Онъ уже тогда имѣлъ видъ крайне-болѣзненнаго, хилаго, худой, какъ скелетъ, съ матово-смуглымъ, безкровнымъ лицомъ, съ тусклымъ взоромъ, грустнымъ и задумчивымъ, какъ у Т. Н., съ ввалившеюся грудью и едва слышнымъ, глухимъ, точно замогильнымъ голосомъ. Но все это нисколько не лишало его физіономіи отпечатка трогательной доброты, тонкаго ума и изящнаго благородства, чѣмъ-то необыкновенно-чистымъ, дѣтски-наивнымъ, чѣмъ-то не отъ міра сего» вѣяло отъ нея.

Съ неменьшею яркостію выдѣляется въ моихъ студенческихъ воспоминаніяхъ и типичная маленькая фигурка Н. И. Крылова, подымающагося тихимъ, методически-размѣреннымъ шагомъ въ верхнюю аудиторію, съ склоненною на бокъ головкою и непремѣнно со шляпой въ согнутой локтемъ рукѣ. Занявъ свое мѣсто на каѳедрѣ, Никита Ивановичъ неизмѣнно клалъ съ одного ея боку красный платокъ, съ другого табакерку, внушительно откашливался и тихимъ шопотомъ начиналъ лекцію всегда такими словами: «въ прошедшій разъ, господа, мы остановились на»... и послѣ такого вступленія постепенно возвышалъ голосъ, который къ концу лекціи уже гремѣлъ на всю аудиторію. Иногда послѣ словъ «мы остановились на»... Крыловъ внезапно обращался къ кому-нибудь изъ студентовъ, дѣлалъ угрожающую мину и спрашивалъ: «а? на чемъ бишь? а? Обнинскій!.. Не помнишь?» (Н. И. любилъ иногда обращаться къ намъ на «ты»). «Только смѣяться умѣете на лекціи»... А не смѣяться было не возможно; нерѣдко вся аудиторія грохотала раскатистымъ неудержимымъ хохотомъ отъ выраженій, сопоставленій, жестовъ и мимики, которыми Н. И. щедро уснащалъ свое изложеніе. Въ такія веселыя минуты Н. И. обыкновенно пріостанавливалъ чтеніе и, когда хохотъ стихалъ, продолжалъ съ серьезнѣйшей миной и совершенно-спокойнымъ голосомъ свою начатую и прерванную фразу. Н. И., кромѣ блестящаго таланта по существу своего предмета, обла-

далъ и замѣчательнымъ комическимъ даромъ. Его мѣткій, сжатый, необыкновенно образный языкъ не довольствовался словомъ: ему необходимы были еще и тѣлодвиженія. Онъ вертѣлся на своемъ креслѣ, упираясь въ ручки, ерзалъ имъ по каѳедрѣ, рискуя слетѣть внизъ, стучалъ по пюпитру, комкалъ свой красный платокъ, а разъ, объясняя символизацію проявленія права собственности посредствомъ «наложенія руки», такъ размахнулся и треснулъ по своей табакеркѣ, съ крикомъ, «моя вещь!», что та кубаремъ покатилась на полъ и завертѣлась по паркету. Студенты бросились ее догонять; Н. И. спокойно выждалъ возстановленія порядка и прежнимъ ровнымъ голосомъ продолжалъ лекцію. Благодаря подобнымъ украшеніямъ, сухой, отвлеченный, такъ далекій отъ дѣйствительности предметъ слушался съ глубочайшимъ, постоянно-освѣжаемымъ вниманіемъ; основные тезисы и правовыя нормы врѣзывались въ памяти.

Дорогія тѣни моихъ незабвенныхъ учителей! Чѣмъ, чѣмъ могу я отплатить за все, воспринятое отъ васъ? Мужественные проводники правды, свѣта и добра, самодержавные властелины думъ и сердецъ готячо преданнаго студенчества! Благодаря вамъ, воплотившимъ идеалъ, взятый эпиграфомъ къ этой главѣ, оно зоветъ тотъ университетъ, въ которомъ такъ честно работали вы на пользу родины, зоветъ до сихъ поръ, зоветъ сознательно и любовно—*своею „Alma Mater“*. Подъ ея роднымъ кровомъ тогдашній студентъ не чувствовалъ себя чужимъ, одинокимъ; онъ не зналъ разобщенія, не замѣчалъ розни, ни надъ собою, ни вокругъ себя: общіе университетскіе (въ самомъ строгомъ значеніи слова) интересы, «общинное пользованіе» въ кружкахъ его «угодьями», общія симпатіи. Спасительный девизъ «viribus unitis» тогдашній студентъ уносилъ съ собою и покидая университетъ. Студентъ не зналъ оправданія—«одинъ въ полѣ не воинъ», а вѣрилъ, *вѣрилъ по опыту* въ то, что «на людяхъ и смерть красна». Силу, любовь и отвагу несъ онъ съ собою въ жизнь, и сила эта направлялась и регулировалась *тѣмъ*, о чемъ онъ съ восхищеннымъ вниманіемъ слушалъ нѣкогда съ каѳедры. Какъ бы нарочно, счастливая судьба готовила ему на этотъ разъ дѣло, которому прежде всего надобились такія рыцарскія свойства, и Московскій университетъ можетъ съ полноправною увѣренностью занести въ свои лѣтописи, что ему главнымъ образомъ обязана страна тѣми качествами дѣятельности мировыхъ посредниковъ «перваго призыва»,

о которыхъ такъ часто, съ такимъ непререкаемымъ основаніемъ вспоминаетъ текущая современность, которыхъ ищутъ вокругъ и не находятъ. Сомкнулись вѣщавшія нѣкогда уста, унеслись въ небо, къ себѣ, духотворившіе дѣло идеалы, и лишь въ воспоминающемъ былое надгробномъ словѣ отдыхаетъ современная мысль...

Сравнивая студенчество вспоминаемыхъ мною годовъ съ современнымъ, я поражаюсь тѣмъ кореннымъ различіемъ, какое бросается въ глази чуть ли не на всѣхъ точкахъ этой параллели. Все—жизнь, міровоззрѣнія, интересы, вкусы и антипатіи, бытовая обстановка и т. д., вплоть до внѣшняго облика и привычекъ, было совершенно иное, нежели то, какое наблюдается теперь. Прежде всего, теперь мы не знаемъ *студенчества*, а знаемъ только *студентовъ*—обывателей, отличающихся отъ всѣхъ прочихъ своимъ мундиромъ, да хожденіемъ по утрамъ на лекціи. Въ мое время было совсѣмъ не то: каждый изъ насъ глубоко и ясно сознавалъ ту грань, которая выдѣляла университетскій міръ изъ окружающей его среды; каждый изъ насъ твердо вѣрилъ, что этотъ замкнувшійся и *самодовлѣющій* міръ *выше и чище* этой окружающей его среды, и сознательно готовился стать достойнымъ славнаго призванія поднять эту среду до себя или, по крайней мѣрѣ, сберечь отъ нея то, что вынесется изъ университета. Такое сознаніе, пожалуй, суетное и горделивое, питало, однако, собою тотъ духъ корпоративной чести, ту вѣру въ науку, то самостоятельное и критическое отношеніе къ житейскимъ явленіямъ, которыя въ стѣнахъ университета заставляли насъ *только учиться*, пребывая совершенно безучастными ко всему тому, что творится за ними, а потомъ, въ жизни, спасло насъ отъ того, что зовется «заѣдающей средой», и помогло тѣмъ изъ насъ, кому пришлось работать по крестьянскому дѣлу, «ввести Положеніе 19 февраля въ дѣйствіе» въ неприкосновенной цѣлостности его, въ духѣ, сообщенномъ ему законодателемъ, не отступая ни передъ чѣмъ, что такъ или иначе влекло съ этого труднаго и скользкаго пути въ сторону, запугивало или прельщало. Подобный «закалъ» былъ въ особенности необходимъ юристу, призванному вообще вносить въ жизнь начало высшей справедливости и бороться за него противъ множества исконныхъ враговъ; онъ въ особенности необходимъ былъ нашему выпуску, которому прямо съ университетской скамьи приходилось начать эту борьбу и на плечахъ своихъ вынести кряду три

послѣдовательныя великія реформы—крестьянскую, земскую и судебную,—реформы, которыя такъ круто разрывали съ прошлымъ и окружающимъ и такъ тѣсно сплачивались съ тѣмъ, чему училъ насъ *тогдашній* университетъ.

Существуетъ мнѣніе, что замкнутое воспитаніе готовитъ странѣ непрактичныхъ гражданъ, что оно не должно чуждаться житейскихъ требованій, должно приспособляться къ нимъ... Подобныя воззрѣнія особенно распространены между современными самозванными педагогами и публицистами. Задача же науки, идущей всегда впереди жизни, состоитъ не въ «приспособленія» къ жизни, а въ ея совершенствованіи. Усвоивать начала науки юноша можетъ только въ уединеніи отъ жизни, мѣшающей этому дѣлу, въ корпоративномъ сообществѣ, облегчающемъ и развивающемъ его; а для того, чтобы усвоенныя такимъ путемъ начала претворялись въ жизнь въ качествѣ руководящаго и общедоступнаго свѣточа, необходимо, чтобы носитель его съ одной стороны непререкаемо сознавалъ главенствующее надъ нею значеніе науки, а съ другой—былъ въ юности своей, всегда податливой къ воспріятіямъ извнѣ, увлеченіямъ и самомнѣніямъ, хорошо защищенъ на это опасное время отъ того рекомендуемаго „знакомства съ жизнію“, которое вмѣсто ожидаемаго знанія ея даетъ въ итогѣ лишь самые антисоціальные результаты—своекорыстіе, карьеризмъ, уживчивость и покладистость къ тому, что требуетъ самаго энергичнаго протеста, способность „ходить по вѣтру“ и „плавать по теченію“,—однимъ словомъ, то предательство, которое прикрывается скромнымъ названіемъ „практичности“ и которое, какъ ржа, выѣдаетъ все, что даетъ лучшаго университетъ. „Жизнь—лучшая школа“ и „книга жизни—лучшая изъ книгъ“,—совершенно вѣрно; но не слѣдуетъ забывать, что научиться въ этой школѣ можетъ только *грамотный*, и читать въ этой книгѣ съ пользою можетъ только тотъ, кто уже *выучился понимать и усвоивать прочитанное*, а не тотъ, кого, какъ гоголевскаго Петрушку, интересуетъ лишь „процессъ чтенія“. Для того, чтобы выработать въ юношѣ эту способность критически-самостоятельно относиться къ той жизни, которая ждетъ его за стѣнами университета, и совершенствовать ее, *воспитаніе*, въ нихъ получаемое, должно быть замкнутымъ, должно быть *„самовоспитаніемъ“*, руководимымъ не внѣшними, а внутренними собственными факторами. Университетъ моего времени былъ близокъ

къ этому идеалу, во всякомъ случаѣ былъ несравненно ближе къ нему, нежели теперешній. Какъ между профессорами и студентами, такъ и между самими студентами существовала живая связь, крѣпкая преподаваемою наукой и тѣми идеалами, о которыхъ учила она,—связь, которую и теперь, черезъ тридцать лѣтъ, отрадно вспоминать, хотя и невыразимо-грустно говорить о ней, какъ о безвозвратно пока утраченной.

Тогдашнія среднія учебныя заведенія не грѣшили противъ евангельской заповѣди, · *не угашали духа* переутомленіемъ. Тогдашняя школа оставляла ученику (неумышленно, конечно) много свободныхъ часовъ для саморазвитія чтеніемъ и бесѣдами, для синтеза и анализа, для вдумчивости, для оцѣнки и наблюденій при свободной помощи непридавленныхъ, неизвращенныхъ природныхъ способностей ума и сердца.

„Какъ бы то ни было,—говоритъ Н. Н. Терпигоревъ въ своихъ школьныхъ «*Воспоминаніяхъ*»,—а мы жили, развивались, и развивались въ то, что мы теперь представляемъ, *поучительнымъ и удивительнымъ путемъ*. По-настоящему, по тому, что дѣлалось для нашего развитія начальствомъ, по тому, что оно внушало намъ, по тому, какіе мы видѣли примѣры,—изъ насъ изо всѣхъ должны бы обязательно выйти подлецы. Если что спасло насъ, такъ это—недостатокъ педагогическихъ на насъ воздѣйствій, слишкомъ большой примѣръ живой жизни, которую педагоги своими системами и методами еще не успѣли въ школахъ того времени задавить. Этотъ примѣръ живой жизни спасъ насъ, не далъ намъ задохнуться и сдѣлаться тѣми жалкими, несчастными, блѣдными, съ искривленными спинами, близорукими, *какихъ сколько угодно въ теперешнихъ школахъ*, устроенныхъ и ведомыхъ чиновниками-педагогами съ изсохшими мозгами и сердцемъ. *Жажда чтенія доходила у насъ въ кружкахъ до степени какого-то запоя*. Мы читали вечерами, ночами, утромъ, для чего вставали за часъ и больше до положеннаго по расписанію времени, а зимой читали при свѣтѣ топившейся печки. И читали не вздоръ какой, а все серьезныя вещи: Соловьева, Бѣлинскаго, который тогда только что вышелъ, Тургенева, Костомарова, Гончарова, только что проявившагося тогда Добролюбова. *И я, и всѣ мы—можемъ прямо сказать, что этому чтенію*, или этой охотѣ къ чтенію, развитой въ насъ этими учителями, *мы обязаны всѣмъ нашимъ развитіемъ*.

Такова была средняя школа, таковъ былъ и университетъ 50-хъ годовъ съ незабвенною плеядою своихъ профессоровъ; таковъ былъ и студенческій тогдашній бытъ.

Тамъ, гдѣ нѣкогда мы восхищались идейнымъ отношеніемъ къ задачѣ, душевнымъ интересомъ къ своему дѣлу, мы впослѣдствіи наблюдали лишь холодное „прохожденіе службы", узкую, карьерную цѣль, а полученное университетское, „высшее образованіе" распознавалось только по формулярному списку.

Вотъ почему такъ страстно хочется *прошлое* видѣть не только *настоящимъ*, но и *будущимъ*. Вотъ почему А. Ф. Кони, такъ много и мѣтко наблюдавшій съ высоты своего служебнаго поста, долженъ былъ начать свой превосходный очеркъ, посвященный памяти знаменитаго дѣятеля эпохи реформъ, Д. А. Ровинскаго, такими словами: «Наше время упрекаютъ, — и не безъ основанія, — въ измельчаніи личности и въ господствѣ чрезмѣрной спеціализаціи. Оба эти явленія въ тѣсной связи между собою, и оба печально отражаются на духовномъ складѣ общественной жизни. Личность чаще и чаще умаляется, стушевывается... Слабѣетъ воля, тускнѣютъ идеалы, и все рѣже встрѣчаются такъ называемые характеры. Современный образованный человѣкъ можетъ, если хочетъ, обладать гораздо большимъ богатствомъ по части знаній, чѣмъ его отцы и дѣды; онъ окруженъ и гораздо болѣе удобною внѣшнею обстановкой. Но, на ряду съ этою возможностью и съ этими удобствами, въ немъ нерѣдко замѣчается *недостатокъ нравственной силы и дѣятельнаго отношенія къ жизни во всемъ, что не касается узко-личныхъ, по большей части, мелкихъ интересовъ*».

III. Изъ воспоминаній Д. Н. Сверебеева *).

Профессоръ всеобщей исторіи, Никифоръ Евтропіевичъ Черепановъ, былъ бичомъ студенческаго рода. Онъ умерщвлялъ въ насъ всякое умственное стремленіе къ исторической любознательности, будучи самъ воплощенною скукою и бездарностію. И такого-то профессора въ коротко обстриженномъ, рыжемъ парикѣ, въ коричневомъ, полиняломъ фракѣ, въ пестромъ жилетѣ, въ желтыхъ панталонахъ съ пятнами, немытаго и съ небритой бородой, обязаны мы были слушать

*) Д. Н. Сверебеевъ поступилъ въ университетъ въ 1813 г.

въ послѣобѣденное время съ 2-хъ часовъ до 4-хъ безъ перерыва. Такую пытку пришлось мнѣ выдерживать цѣлые два года и прослушать безсвязныя его сказанія объ Ассирійской, Вавилонской, Мидійской и Персидской монархіяхъ съ самыми сухими подробностями и въ непонятномъ переводѣ древнихъ историковъ. Какъ же мы его и слушали всѣ безъ исключенія! Не успѣетъ пройти и четверть часа, и уже начинаетъ слышаться сопѣнье, а потомъ и храпѣнье то въ томъ, то въ другомъ углу обширной аудиторіи, наполненной до тѣсноты студентами. (Всеобщая исторія была обязательна для всѣхъ студентовъ). Не засыпали у него только тѣ, которые запасались какой-нибудь книгой; читалъ онъ вяло, длинно, монотонно и какимъ-то гробовымъ голосомъ. Разъ какъ-то неумышленно разыгралась въ этомъ классѣ презабавная исторійка. Ему, входящему въ этотъ классъ съ поклонами слушателямъ, мы отвѣчали шарканьемъ и продолжали этотъ шумъ и скрипъ отъ нашихъ ногъ гораздо дольше, чѣмъ было нужно для поклона. Онъ догадался, что тутъ вмѣсто овацiи кроется насмѣшка, и заговорилъ обычнымъ своимъ учительскимъ тономъ:

«Съ вашего позволенія, государи мои, такое учтивство, такъ сказать, хуже всякаго невѣжества»,—и тѣмъ же тономъ, безъ перерыва, шагая по ступенямъ на каѳедру, продолжалъ:—«Семирамида была хотя и легкомысленная женщина, но монархиня наизамѣчательнѣйшая». Такой даровитой профессоръ у всѣхъ, у кого только могъ, отбилъ надолго охоту изучать всякую человѣческую исторію.

Профессоръ славянской словесности, Матвѣй Гавриловичъ Гавриловъ, обучалъ насъ, собственно говоря, церковному нашему языку посредствомъ одного упражненія въ чтеніи нашихъ божественныхъ книгъ и преимущественно—Четьи-Минеи. Едва ли и самъ зналъ онъ во всемъ объемѣ церковнославянскій языкъ, имъ преподаваемый, потому-то и выбраны были для чтенія Житія святыхъ, составленныя св. Димитріемъ Ростовскимъ. Славянскій языкъ Четьи-Минеи Ростовскаго святителя былъ доступенъ, ибо сближался уже съ простонароднымъ. У Гаврилова я, издѣтства начетчикъ священныхъ книгъ по милости моего дядьки, Варѳоломеевича, отличался передъ всѣми. Въ борзомъ чтеніи и даже въ разумѣніи читаемаго мнѣ уступали иные семинаристы, и часто передъ классомъ забавлялъ я моихъ товарищей передразниваніемъ Гаврилова, такого же допотопнаго во всемъ старика, какъ и нашъ всеобщій историкъ, подбирая, подобно ему, забав-

ные синонимы славянскихъ словъ и изобрѣтая, тоже подобно ему, самыя затѣйливыя объясненія. Разскажу кстати, чтобы показать, какія были отношенія студентовъ къ профессору и профессоровъ—къ попечителю, что́ разъ случилось со мной на лекціи Гаврилова.

У него былъ обычай передъ приходомъ своимъ на лекцію посылать *со сторожемъ* тѣ, тяжело переплетенныя, съ мѣдными задвижками книги, изъ которыхъ онъ располагалъ читать для перевода, примѣра или объясненія; кто-то изъ преподавателей передъ нимъ почему-то не пришелъ, мы же не расходились въ ожиданіи Гаврилова. И вотъ младшіе изъ насъ вздумали предложить мнѣ его передразнивать. Я усѣлся на каѳедру, старательно принялъ на себя образъ и подобіе Матвѣя Гавриловича, вынулъ изъ кармана свои очки, спустилъ на самый кончикъ носа, по его обычаю, разложилъ увѣсистую Четьи-Минею и началъ публичное свое чтеніе разсѣвшимся по лавкамъ студентамъ. Начало было весьма торжественное, объясненія были подходящіе къ профессорскимъ со всѣми его синонимами, какъ, напр., Богъ (Творецъ,—Вседержитель) и т. д., какъ вдругъ, поднявъ глаза сверхъ очковъ, увидѣлъ я смиренно прислонившуюся къ двери фигуру профессора. Это видѣніе поразило меня благоговѣйнымъ ужасомъ, я обомлѣлъ и онѣмѣлъ, ноги мои подо мною подкосились, я даже не могъ встать, а Гавриловъ просилъ продолжать. Все благополучно кончилось приличными извиненіями одного и увѣщаніями другого. Самъ учитель возсѣлъ на каѳедру и съ какимъ-то необыкновеннымъ одушевленіемъ, на этотъ разъ довольно увлекательно началъ читать Житіе св. мученицъ Миродоры, Митродоры и Нимфодоры. И что же? Тихо отворилась дверь, и къ ней прислонился внезапно вошедшій новый попечитель университета, князь Андрей Петровичъ Оболенскій; чтеніе продолжалось въ тишинѣ, не нарушимой даже скрипомъ студенческихъ перьевъ. Въ свою очередь, мой профессоръ, взглянувъ сверхъ очковъ, узрѣлъ вновь назначеннаго университету попечителя и вострепеталъ, подобно мнѣ несчастному, благоговѣйнымъ ужасомъ, едва могъ встать и сойти дрожащими ногами съ каѳедры, чтобы преклониться передъ величіемъ начальника. Напрасно кроткій князь Оболенскій, человѣкъ весьма набожный, радушно просилъ продолжать; продолженіе обѣщано было впредь, а посѣщеніе ограничилось любезностями. Гавриловъ, конечно, не могъ основательно выучить никого славянскому языку.

Мудрено бы подумать, что самымъ потѣшнымъ преподавателемъ и самыми веселыми предметами были профессоръ Михаилъ Матвѣевичъ Снѣгиревъ и его каѳедра—исторія философіи и церковная Исторія. Въ той и другой разсказывалось множество всякаго рода анекдотовъ и заманчиво любопытныхъ повѣствованій; приведу изъ нихъ два, мнѣ особенно памятныя. Желая дать понятіе слушателямъ о древней философіи индійцевъ либо аравитянъ и объ опредѣленіи ихъ философами божественныхъ свойствъ Творца вселенной, Снѣгиревъ выразился однажды такъ:—«по созерцанію такого-то древняго философа, перешедшему въ сознаніе его народа, Богъ такъ всевидящъ, что Онъ въ самую черную ночь, на самомъ черномъ камнѣ, самаго чернаго жука видитъ». Я, любя всегда посмѣяться, конечно, исподтишка, обыкновенно садился на снѣгиревскихъ лекціяхъ на первой лавкѣ, прямо у него подъ носомъ, и, выслушавъ такое древнее восточное ученіе о всевидѣніи Божіемъ, имѣлъ неосторожность довольно громко засмѣяться. Благочестивый профессоръ сдѣлалъ мнѣ выговоръ не дерзать глумиться надъ священными предметами. Какъ нарочно, мнѣ на бѣду, слѣдующая снѣгиревская лекція была изъ преподаваемой имъ же церковной исторіи. Повѣствуя о различныхъ ересяхъ, онъ дошелъ до одной изъ нихъ, въ которой христіанство нисходило съ высоты своего великаго значенія и обращало послѣдователей этой ереси къ самому невѣжественному суевѣрію. Преподаватель перешелъ тутъ къ различнымъ грубымъ видамъ послѣдняго и въ нашемъ народѣ.—«Вотъ, напримѣръ, разскажу я вамъ, какъ прошлымъ лѣтомъ, будучи визиторомъ народныхъ школъ нашего учебнаго округа, зашелъ я въ небольшомъ городкѣ Владимірской губерніи въ одну церковь и вдругъ, теперичка (любимое его слово), вижу я огромнѣйшую икону. Подхожу, теперичка, къ ней; горитъ лампадка, да и безъ того это было днемъ, смотрю: образъ человѣческій, длины необычайной, волосы взъерошены, борода всклокочена, глазища страшнѣйшіе, руки, ноги длиннѣйшія, сумрачный, дикій, ужасающій, и вижу надпись: Великъ Господь и страшенъ зѣло! Видите, господа, теперичка, какой-то суздальскій богомазъ»...—Тутъ я, сидѣвшій напротивъ, уронилъ платокъ, которымъ во все время этого разсказа заглушалъ мой смѣхъ, и разразился такимъ хохотомъ, а за мной—и всѣ безъ исключенія слушатели, что профессоръ сперва покраснѣлъ, а потомъ страшно поблѣднѣлъ отъ негодованія; встали ли дыбомъ у него волосы, осталось покрыто

мракомъ неизвѣстности, но глаза страшно вытаращились, и въ видѣ описываемой имъ иконы сбѣжалъ онъ съ каѳедры, дернулъ меня за руку, велѣлъ сейчасъ выйти изъ класса и ждать его въ канцеляріи. Что происходило въ аудиторіи по моемъ исчезновеніи,—мнѣ не было до того дѣла, я придумывалъ, что со мною будетъ, и обдумывалъ, какъ бы не оробѣть. Классъ кончился скорѣе обыкновеннаго; профессоръ настоятельно приказывалъ мнѣ просить прощенія, я отвѣчалъ:—«я не виноватъ». «Какъ ты смѣешь смѣяться?»—«Воля ваша, смѣшно разсказываете».—«Я непремѣнно отведу тебя сейчасъ къ ректору».—«Пойдемте».—Мы оба съ нимъ надѣли наши теплыя платья и пошли. Онъ меня взялъ за воротъ и всю дорогу торговался, чтобы я просилъ прощенія,—я упорствовалъ; наконецъ, мы пришли къ самой двери ректорской квартиры, и тутъ только выпустилъ онъ меня изъ рукъ, впрочемъ, нисколько не убѣжденнаго въ моей виновности, но съ надеждой, какъ онъ заключилъ, что я исправляюсь въ моемъ неприличномъ поведеніи. Студенты встрѣтили меня, освобожденнаго, рукоплесканіемъ.

IV.

Закончимъ наши извлеченія—искренно и тепло написанной картинкой, рисующей закулисную сторону «безпечальной жизни» студентовъ, изъ числа тѣхъ, конечно, которые идутъ въ университетъ не за дипломомъ и карьерой, а за наукой.

«Какая самая лучшая опера на свѣтѣ?»

(Изъ воспоминаній В. А. Гольцева).

Нанимали мы, четверо студентовъ, большую комнату въ домѣ на углу Никитской и Газетнаго переулка, во дворѣ. Приближалось Рождество. Двое товарищей уѣхали на праздники домой, пообѣщавъ прислать намъ малую толику денегъ. Я и Балашовъ (онъ давно уже умеръ) остались въ довольно затруднительномъ положеніи. Были у насъ чай, сахаръ; булочникъ отъ Савостьянова приносилъ намъ ежедневно, въ кредитъ, по бѣлому хлѣбу,—вотъ и все. Я тогда прилежно изучалъ разсужденіе о богатствѣ народовъ, но наша собственная скудость приводила меня все-таки въ большое огорченіе. Да и надоѣлъ, наконецъ, все бѣлый и бѣлый хлѣбъ.

Четвертый день праздника. Грустно сидимъ мы съ коллегой. Мнѣ и чай не пьется, и Адамъ Смитъ не читается. Является милѣйшій

корридорный, охотно ждущій отъ насъ «на чай», и приноситъ повѣстку на мое имя изъ Петербурга на двадцать пять рублей. Въ Петербургѣ у меня не было тогда ни родныхъ, ни знакомыхъ. Недоумѣніе.—«Должно быть, какое-нибудь порученіе»,—неувѣренно говорю я. Занимаемъ у ждущаго «на чай» корридорнаго гривенникъ,— и вотъ повѣстка засвидѣтельствована. Я одѣваюсь. На улицѣ довольно холодно и маленькая метель. Балашовъ смотритъ на меня вопросительно почти жалобными глазами. Я вижу это и произношу вслухъ нашу общую въ то мгновеніе мысль:—«если порученіе можетъ потерпѣть,—пойдемъ сегодня пообѣдать въ кухмистерскую?»—Коллега одобрительно киваетъ головой и сладострастно улыбается.

До почтамта довольно далеко. На тротуарахъ наметено много рыхлаго снѣга, вѣтеръ продувалъ мое не особливо устойчивое пальто. Наконецъ,—у пристани. Записали у одного стола, иду къ другому. Выдаютъ конвертъ за пятью красными печатями. Почеркъ на адресѣ незнакомый. Прошу ножницы, тутъ же разрѣзаю конвертъ: двадцать пять рублей въ чистомъ листѣ почтовой бумаги. Отхожу къ окну, всячески повертываю бумагу: ни одного слова. Недоумѣніе у меня сначала тревожно выросло, но вслѣдъ затѣмъ разрѣшилось побѣднымъ восклицаніемъ:—«сегодня обѣдаемъ!»

Мало этого: я заѣхалъ,—на извозчикѣ возвращался,—купить бутылку вина и,—о, верхъ легкомыслія!—кусокъ сыру (очень любилъ).

Пообѣдали мы по-лукулловски: по сорока коп. съ особы въ кухмистерской Родіонова (она давно не существуетъ). И вотъ съ этого-то момента мы приближаемся къ лучшей оперѣ въ мірѣ.

Я тогда страстно любилъ музыку (теперь люблю еще сильнѣй, только печальнѣй). Въ итальянской оперѣ не былъ еще ни разу, а пѣли знаменитыя пѣвицы и не менѣе знаменитые пѣвцы. И пошли мы въ Большой театръ, въ «рай», сытые, счастливые, восторженные,— и слушали... *Марту.*

По міру съ букваремъ. Какъ велико стремленіе нашего народа къ грамотѣ, даже въ глухихъ окраинахъ, напр. Вятской губ., и съ какими затрудненіями приходится бороться крестьянину, чтобы научиться читать и писать, можно убѣдиться изъ приводимыхъ ниже случаевъ, разсказанныхъ въ *Вятской газетѣ*.

Нужда въ хлѣбѣ отзывается въ нашей мѣстности (Орловск. уѣзда, В. г.) не только на взрослыхъ, но и на ребятахъ. Многіе крестьяне

взяли изъ школы дѣтей и посылаютъ ихъ *по міру*, а иногда и сами идутъ съ ними. Мнѣ глубоко врѣзался въ память слѣдующій случай. Крестьянинъ Колковской вол., д. Лелековы, ходитъ просить милостыню вмѣстѣ со своимъ сыномъ, ученикомъ *школы*.

— Развѣ сынъ-то у тебя нынче не учится?—спросилъ я.

— Нѣтъ, учится,—отвѣтилъ онъ.

— Какъ же учится, вѣдь, онъ съ тобой же ходитъ?

— Вотъ и со мной ходитъ, да учится,—загадочно сказалъ онъ.

— Какъ же это? Что-то не понятно!

— А вотъ видишь?—При этомъ крестьянинъ досталъ изъ кошеля, висѣвшаго черезъ плечо, три учебника изъ школы.—Вотъ учится по этимъ книгамъ. Самъ-то я неграмотный, а сына-то такъ да сякъ думаю научить: неграмотному—охъ, какъ трудно, ужъ я по себѣ знаю. Вотъ мы гдѣ остановимся ночевать, я добываю изъ кошеля книжки и заставляю учить урокъ, и когда парень скажетъ, что ужъ выучилъ, мы идемъ въ обратный путь черезъ село, и тамъ я его покидаю въ школѣ дня на два, на три: насколько кусковъ хватитъ. А тамъ опять «въ міръ».

— Ты бы одинъ ходилъ, чѣмъ его отрывать отъ дѣла.

— Одинъ-то я не успѣю насобирать хлѣба на все семейство, а у обоихъ-то и ладно выходитъ: онъ на себя сбираетъ, а я—на семью. Учительница журитъ, зачѣмъ де пропускаетъ уроки, да я на себя сказываю, что къ работѣ отдергиваю.

А вотъ и другой случай.

Учится въ школѣ мальчикъ лѣтъ 11. Съ осени домашніе его кое-какъ снабжали провизіей, но съ теченіемъ времени хлѣба дома не стало, а черезъ это и ученію мальчика—конецъ. Но мальчикъ во что бы то ни стало хотѣлъ доучиться до конца зимы, и вотъ недѣлю учится, а въ воскресный или праздничный день бѣжитъ въ деревню сбирать,—иногда хлѣба достаточно на недѣлю, иногда ученики даютъ,—вотъ такъ-то и тянется бѣдняга. Должно-быть, сильно желаніе учиться, и легко себѣ представить, съ какимъ трудомъ рѣшается ребенокъ протянуть руку за подаяніемъ. Одинъ мальчикъ, изъ подобныхъ же, разсказывалъ, какъ онъ въ первый разъ пошелъ по міру.—«Охъ, какъ стыдно мнѣ было, а главное», —досадно, что бѣдность ученью помѣха.

Что знаетъ народъ о Пушкинѣ. Въ послѣдніе дни русскую печать болѣе всего интересовалъ вопросъ: что знаетъ народъ о Пушкинѣ? Въ Ярославской губерніи по этому вопросу даже произведено было спеціальное изслѣдованіе. Между прочимъ выяснилось, что почти въ половинѣ школьныхъ районовъ Ярославской губерніи не оказалось «тѣхъ или иныхъ признаковъ знакомства населенія (взрослаго) съ Пушкинымъ». Такъ обстоитъ дѣло въ губерніи, которая находится въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Экономическое положеніе населенія стоитъ на высокомъ уровнѣ. Отхожіе промыслы получили здѣсь весьма широкое развитіе. Волга и желѣзныя дороги связы-

ваютъ губернію съ такими культурными центрами, какъ Петербургъ и Москва. Все это, казалось бы, создаетъ тѣ условія, при которыхъ хорошей книгѣ легко проникнуть въ народъ. И тѣмъ не менѣе, на дѣлѣ оказалось, что и къ столѣтнему юбилею масса населенія не успѣла хотя бы нѣсколько ознакомиться съ своимъ геніальнѣйшимъ поэтомъ.

Гдѣ же лежитъ причина столь печальнаго явленія? Въ этомъ случаѣ, говоритъ «Южн. Обозр.», прежде всего напрашивается мысль: не самъ ли поэтъ виновенъ въ томъ, что не всѣ, а только избранные могутъ быть его читателями? Факты не подтверждаютъ такого предположенія. Ярославское изслѣдованіе показало, что куда только проникали сочиненія Пушкина, вездѣ они завоевывали горячія симпатіи простого читателя. Въ статьѣ г. Свирщевскаго, который въ газетѣ «Сѣверный Край» опубликовалъ результаты ярославскаго изслѣдованія, приведены многочисленные факты, краснорѣчиво говорящіе, что Пушкинъ можетъ читаться народомъ, что онъ понятенъ и интересенъ для него. Объ этомъ неопровержимо свидѣтельствуютъ сотни писемъ народныхъ учителей, послужившихъ сырымъ матеріаломъ для ярославскаго изслѣдованія.

Такимъ образомъ, не въ произведеніяхъ поэта лежитъ причина того, что они не имѣютъ должнаго распространенія въ народѣ. Причинъ надо искать во внѣшнихъ условіяхъ, опредѣляющихъ у насъ ходъ народнаго просвѣщенія, т.-е. въ дѣятельности такихъ народно-просвѣтительныхъ учрежденій, какъ школы, народныя чтенія, библіотеки.

Роль народной школы въ данномъ случаѣ достаточно опредѣлится, когда мы посмотримъ, какое мѣсто отведено Пушкину въ книгѣ для класснаго чтенія, этой энциклопедіи, изъ которой, главнымъ образомъ, черпаетъ свои знанія ученикъ народной школы, и на школьную библіотеку, при посредствѣ которой восполняются пробѣлы школьнаго обученія. Если въ школѣ проходится весьма распространенная книга «Вешніе Всходы», то ученикъ прочитываетъ изъ Пушкина 26 отрывковъ, которые, вмѣстѣ взятые, составляютъ 584 строки. Всего же за это время ученикъ прочтетъ 29.245 строкъ. Тотъ же результатъ получится и въ тѣхъ случаяхъ, когда «Вешнимъ Всходамъ» школа предпочтетъ «Наше родное» А. Г. Баранова или «Книгу для чтенія» А. Радонежскаго. Не мало школъ и такихъ, гдѣ классной книгой служатъ «Въ школѣ и дома», «Солнышко» и «Приходская школа». Въ этихъ случаяхъ ученикъ уже совсѣмъ ничего не будетъ знать о произведеніяхъ своего величайшаго поэта, ибо 36 строкъ изъ его сочиненій безслѣдно погибнутъ въ общей массѣ прочитаннаго, не говоря уже о $3^1/_4$ строкахъ, которыя на долю Пушкина отвела на своихъ страницахъ «Приходская школа».

Школьныя библіотеки, которыя въ этомъ случаѣ могли бы служить хорошимъ коррективомъ, къ сожалѣнію, также склонны слѣдовать той же тенденціи, и потому Пуш-

кину въ нихъ принадлежитъ весьма скромное мѣсто.

Полное собраніе сочиненій Пушкина для низшихъ школъ остается неразрѣшеннымъ. Мало того: до 1895 года, когда по ходатайству одного изъ губернскихъ земствъ послѣдовало разрѣшеніе пріобрѣтать въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ книги, одобренныя для ученическихъ библіотекъ среднихъ заведеній, даже народные учителя принуждены были ограничивать свое чтеніе изъ Пушкина только нѣкоторыми, такъ-называемыми, «избранными» его сочиненіями.

Мы видѣли выше, что черезъ школу и библіотеку трудно проникнуть въ народъ сочиненіямъ Пушкина. Если мы посмотримъ теперь съ этой точки зрѣнія на народныя аудиторіи, справедливо признаваемыя однимъ изъ лучшихъ средствъ ознакомленія народа съ литературными произведеніями, то увидимъ, что и онѣ являются не лучшими проводниками въ народную среду произведеній нашего великаго поэта. Достаточно сказать,—говорятъ «Рус. Вѣд.»,—что до послѣдняго времени, именно до 17-го іюля 1896 г., къ произнесенію въ народныхъ аудиторіяхъ изъ Пушкина были допущены только три вещи: «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ», «Полтава» и «Капитанская дочка» (то и другое въ сокращенномъ видѣ). Да и теперь послѣ пополненія списка произведеній, допущенныхъ для народныхъ чтеній, дѣло измѣнилось къ лучшему весьма незначительно: очень многое изъ Пушкина, напримѣръ, «Борисъ Годуновъ», попрежнему остается запретнымъ для народной аудиторіи. Остаются еще безплатныя народныя библіотеки-читальни, черезъ которыя народъ могъ бы знакомиться съ своими лучшими писателями, въ томъ числѣ и съ Пушкинымъ; но, во-первыхъ, во всей Россіи этихъ библіотекъ не болѣе 4.000 п., во-вторыхъ, существованію ихъ не насчитывается и 10-ти лѣтъ. Такимъ образомъ, народная школа, библіотека и аудиторія, при современной своей организаціи, оказываются весьма плохими проводниками въ народъ произведеній Пушкина. Онѣ могутъ предложить народу изъ безсмертныхъ твореній своего національнаго поэта только жалкія крохи, и потому естественно, что Пушкинъ и черезъ сто лѣтъ остается мало извѣстнымъ своему народу.

Остается еще взглянуть, что́ можетъ народъ позаимствовать для ознакомленія съ поэтомъ изъ книжныхъ магазиновъ? «Од. Нов.» отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, приводя для справокъ слѣдующія данныя по издательскому дѣлу за тѣ 12 лѣтъ, которыя прошли съ тѣхъ поръ, какъ творенія нашего великаго поэта стали народнымъ достояніемъ. Сочиненія Пушкина у насъ издаются въ видѣ полныхъ собраній, въ видѣ сборниковъ съ избранными сочиненіями, и, наконецъ, въ видѣ изданій отдѣльныхъ произведеній.

Отъ 1887 г. по 1898 г. было выпущено на рынокъ 31 изданіе полныхъ собраній сочиненій, 4 изданія избранныхъ сочиненій, 62 изданія сборниковъ и 300 изданій

отдѣльныхъ произведеній. Это составило экземпляровъ:

Полныя собранія сочиненій	282.200
Избранныя сочиненія . .	27.600
Сборники	252.500
Собранія	90.400
Отдѣльныя произведенія .	2.038.473
Итого .	2.691.223.

Слѣдовательно, около 2,7 милліоновъ—вотъ число всякаго рода книжекъ съ пушкинскими произведеніями, которое имѣлось въ послѣднія 12 лѣтъ во всей Россіи. Между тѣмъ какъ переписью 1897 года въ 49 губерніяхъ и 1 области Европейской Россіи насчитано 94 милліона населенія обоего пола.

Если мы перейдемъ къ болѣе детальному разсмотрѣнію данныхъ, то картина получится еще менѣе утѣшительная.

Первымъ дѣломъ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что спросъ на Пушкина не возрастаетъ у насъ, а, повидимому, даже падаетъ. Такъ, за вторую половину интересующаго насъ 12-лѣтія было выпущено въ свѣтъ всего только 40 проц. тѣхъ экземпляровъ, которые были выпущены за все 12-лѣтіе.

Особенно не повезло полнымъ собраніямъ сочиненій. Въ годъ, когда Пушкинъ сдѣлался народнымъ достояніемъ, было сразу выпущено 22 собранія сочиненій въ 231.950 экземпляровъ. Затѣмъ въ слѣдующемъ году были выпущены еще 4 собранія сочиненій въ 30.900 экземпляровъ, и дѣло заглохло на 5 лѣтъ. Повидимому, спросъ былъ удовлетворенъ, и издательство пришлось пріостановить. Въ 1894 г. выпускается новое собраніе сочиненій въ 6.000 экземпляровъ, въ 1895 г.—3 собранія въ 12.400 экземпляровъ и, наконецъ, въ 1896 г.—одно изданіе въ 1.000 экземпляровъ, чѣмъ дѣло и ограничивается до конца 12-лѣтія.

Очевидно, что слабый приростъ полныхъ изданій сочиненій Пушкина объясняется тѣмъ, что большинство русскаго народа еще не доросло до полныхъ собраній его сочиненій.

Видно это изъ того, что приростъ сборниковъ и отдѣльныхъ произведеній поэта происходитъ гораздо быстрѣе: дешевыя изданія спрашиваются въ обѣ половины двѣнадцатилѣтія почти съ одинаковой силой. Этотъ выводъ важенъ для опредѣленія тѣхъ слоевъ населенія, достояніемъ которыхъ Пушкинъ все болѣе дѣлается.

Какъ бы то ни было, приведенныя нами данныя ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть названы утѣшительными, тѣмъ болѣе, что судьбу Пушкина раздѣляютъ и сочиненія Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Льва Толстого. Наступятъ юбилейные дни этихъ писателей, и опять окажется, что народъ не знаетъ тѣхъ, кто составляютъ гордость его родной литературы. Великій и вѣчный памятникъ былъ бы воздвигнутъ Пушкину, если бы въ ознаменованіе прошедшей столѣтней годовщины его рожденія наши народно-образовательныя учрежденія получили право на безпрепятственное пользованіе въ своихъ цѣляхъ всѣмъ, что произвела лучшаго какъ наша, такъ и иностранная литература, всѣмъ, что поль-

зуется общепризнанной извѣстностью. Это былъ бы дѣйствительно памятникъ «нерукотворный, вѣчный». (*Волынь*).

Рѣчь М. М. Стасюлевича о народномъ образованіи въ Петербургѣ.

Въ теченіе Пушкинскихъ дней въ городской петерб. думѣ былъ устроенъ актъ городскихъ училищъ, на которомъ говорилъ извѣстный публицистъ Стасюлевичъ. Рѣчь его касалась дѣятельности городскихъ училищъ за истекшій учебный годъ. «Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный, къ нему не зарастетъ народная тропа»...—такъ началась рѣчь М. М. Стасюлевича. Эти слова великаго поэта сдѣлались пророческими для нашего городского самоуправленія въ отношеніи школьнаго дѣла. Оглядываясь на весьма недавнее прошлое, когда не только «финнъ, тунгусъ и другъ степей—калмыкъ», но и самъ великій русскій народъ не могъ подписать своего имени, и, сравнивая это прошлое съ настоящимъ, можно сказать, что пророческія слова поэта сбылись. Лишь съ первой половины 60-хъ годовъ, усиліями общественныхъ силъ, впервые началась дѣятельная прокладка народной тропы къ поэзіи Пушкина. Теперь тропа эта проложена... Въ этомъ отношеніи наше городское управленіе потрудилось болѣе всего. 22 года тому назадъ, когда народное образованіе въ Петербургѣ перешло въ завѣдываніе думы, городскихъ училищъ въ столицѣ насчитывалось всего 14, а въ сентябрѣ 1898 года было уже 396 училищъ съ 19.000 учащихся. А вотъ, что было сдѣлано городскимъ управленіемъ въ отчетномъ 1898—1899 году для цѣли расширенія тропы къ поэту: городскою думою открыто 20 новыхъ классовъ на 1.000 учащихся, и постановлено думою открыть первое городское четырехклассное училище на 200 мальчиковъ, окончившихъ курсъ городскихъ начальныхъ училищъ. Благодаря быстрому росту числа школъ, число отказовъ въ пріемѣ въ школы за недостаткомъ мѣстъ ежегодно уменьшается, и въ отчетномъ году оно едва достигло 690, тогда какъ еще недавно отказы насчитывались тысячами. Число многоклассныхъ училищъ достигло 21 съ 76 классами; въ минувшемъ году дума сдѣлала постановленіе о постройкѣ второго городского училищнаго дома съ 18 классами на 1.000 дѣтей обоего пола. Около 1.000 бѣдныхъ дѣтей получали въ училищахъ ежедневные даровые завтраки, многія получали даровыя пособія, и около 500 слабыхъ и больныхъ дѣтей были отправлены на городской счетъ въ лѣчебныя колоніи, санаторіи и т. п., на что, вмѣстѣ съ устройствомъ лѣтняго дѣтскаго сада для остающихся въ городѣ дѣтей, было израсходовано около 17.000 р. Общій итогъ расходовъ городского управленія на начальное народное образованіе достигъ въ отчетномъ году 870.000 рублей; на текущій же гражданскій годъ городскою думою ассигновано на народное образованіе 1.103.000 р., что при городскомъ бюджетѣ въ 12.783.000 руб. составитъ 9 проц. Одновременно съ расширеніемъ площади

народнаго образованія, городское управленіе, какъ образно выразился М. М. Стасюлевичъ, принимало мѣры и къ углубленію его.

Отношеніе земства къ народному образованію. Въ происходившемъ собраніи членовъ административнаго отдѣленія юридическаго общества М. И. Свѣшниковъ сдѣлалъ докладъ объ отношеніи земства къ народному образованію. Устанавливая въ первомъ положеніи своего доклада тотъ фактъ, что *начальная народная школа до введенія у насъ земскихъ учрежденій фактически не существовала*, докладчикъ приписываетъ иниціативу въ дѣлѣ народнаго образованія—земству. Въ этомъ можно убѣдиться при самомъ бѣгломъ обзорѣ того, что было въ этомъ отношеніи до введенія земскихъ учрежденій, и что сдѣлано земствомъ. Тѣ немногіе законодательные акты по народному образованію, которые издавались въ дореформенную эпоху, носили такой характеръ, что не только не способствовали увеличенію числа школъ, но, наоборотъ, были причиною закрытія многихъ существовавшихъ тогда школъ. Таковъ былъ законъ 1828 года, который, подчинивъ уѣздныя училища вѣдѣнію администраціи, былъ причиною того, что многіе, содержавшіе школы на свой счетъ, помѣщики стали закрывать эти школы, какъ только ихъ устранили отъ завѣдыванія ими. Законъ 1831 года былъ еще болѣе стѣснителенъ для народнаго образованія; въ 1832 году новымъ закономъ были закрыты всѣ школы Юго-Западнаго края, находившіяся въ вѣдѣніи католическаго духовенства. Заботы о школѣ начинаются только съ эпохи великихъ реформъ. Въ 1861 году была образована комиссія для разработки вопроса объ отношеніи государства къ народному образованію и о томъ, въ вѣдѣніи какого изъ органовъ государственнаго управленія должно находиться народное образованіе. По поводу появившейся въ то время въ нѣкоторыхъ кругахъ тенденціи сосредоточенія всего школьнаго дѣла въ вѣдомствѣ духовномъ, въ 1862 году было издано Высочайшее повелѣніе, коимъ разъяснено, что въ вѣдѣніи Св. Синода должны находиться лишь приходскія и духовныя школы.

Первое положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ, регулирующее дѣло народнаго образованія, было опубликовано въ годъ введенія земскихъ учрежденій 14 іюля 1864 г. Уже въ этомъ положеніи было сказано о допущеніи въ училищные совѣты членовъ отъ земства. Въ 1874 году было издано новое положеніе, которое дѣйствуетъ и донынѣ, и въ которое вошли главныя основанія положенія 1864 года. Въ обоихъ этихъ положеніяхъ земству отведена очень незначительная роль въ дѣлѣ народнаго образованія, но и въ положеніяхъ о земскихъ учрежденіяхъ, опубликованныхъ въ 1864 и 1890 году, отношеніе земства къ народному образованію обозначено въ совершенно неопредѣленныхъ юридическихъ выраженіяхъ. Отсюда и выраженіе—«*земская школа*» является крайне неопредѣленнымъ. Неясно, значитъ ли это, что земство можетъ управлять этою шко-

лою, и какова степень власти надъ своимъ училищемъ. Но фактически дѣло обстоитъ очень просто; «земская школа» есть учебное заведеніе вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, содержимое на счетъ земства. Сравнивая положенія о начальныхъ училищахъ 1864 и 1874 гг., докладчикъ указалъ на то, что послѣднее изъ нихъ старается довести до минимума участіе въ училищныхъ совѣтахъ какого бы то ни было общественнаго элемента и этимъ положеніемъ устранены отъ участія въ совѣтахъ попечители земскихъ училищъ, допускавшіеся по положенію 1864 года. Участіе дворянства, допущенное тѣмъ, что предводители дворянства назначены предсѣдателями училищныхъ совѣтовъ, также выразилось очень слабо, и практическими руководителями народной школы явились правительственные агенты — инспекторы народныхъ училищъ.

Однако, несмотря на то, что роль земства была ограничена лишь финансовымъ участіемъ его въ дѣлѣ народнаго образованія, оно, при всей стѣсненности своихъ дѣйствій, сумѣло воспользоваться и тою крошечною долею участія въ этомъ дѣлѣ и широкими затратами на школы довело это дѣло до того состоянія, въ которомъ оно находится теперь. Состояніе это пока нельзя назвать блестящимъ, но, принимая во вниманіе всѣ стѣснительныя условія, при которыхъ пришлось работать земству, приходится признать, что въ короткій періодъ существованія земскихъ учрежденій сдѣлало оно очень много. Земство поняло государственное значеніе народнаго образованія, расходуетъ на это дѣло почти 16 проц. своего бюджета и своею дѣятельностью еще разъ доказало, что завѣдываніе народною школою должно быть и у насъ, какъ въ западной Европѣ, предоставлено органамъ мѣстнаго самоуправленія. (*Олонецк. В.*).

Что сдѣлало по народному образованію вятское земство къ 1 января 1899 года. Еще на очередномъ губернскомъ собраніи 1869 г. вятское земство такъ опредѣлило задачи народной школы: «Народная школа должна давать населенію не одну только грамотность,—она должна искоренять въ населеніи совокупностью положительныхъ знаній не только тѣ предразсудки, которые касаются явленій природы, но и тѣ, которые гнетутъ крестьянское хозяйство, истощаютъ естественныя богатства края и тѣмъ неотразимо влекутъ населеніе ко всеобщей бѣдности и нищетѣ, а отсюда—и къ преступленіямъ».

Въ 70-е и 80-е гг. земство почти сплошь потратило силы и время на устройство губернскаго сельскохозяйственнаго училища (института); 90-е годы ушли на распространеніе школъ въ губерніи, съ тѣмъ, чтобы, въ концѣ-концовъ, достигнуть всеобщаго обученія. 11 декабря 1895 г. вятское губернское земство единогласно постановило въ пособіе уѣзднымъ земствамъ на открытіе новыхъ школъ дать 40.000 р., а въ послѣдующіе годы расходовать по 150.000 р. ежегодно. Благодаря этому, къ концу 1898 г. вновь открылись 381 начальныя

школы, 8 школъ преобразованы изъ одноклассныхъ въ 2-классныя и *при 11 школахъ открыты четвертыя отдѣленія.* А такъ какъ пособіе по постановленію общаго собранія дается подъ условіемъ такого же расхода на каждую вновь открываемую школу со стороны уѣзднаго земства, то, естественно, эта мѣра сильно подняла уѣздные школьные расходы, которые для всѣхъ 11 уѣздовъ Вятской губерніи достигли почтенной цифры — 592.707 р. Число же земскихъ училищъ достигло 901, а церковно-приходскихъ—337. Значитъ, каждая организованная школа приходится на 2375 жителей.

Съ такимъ количествомъ школъ вятское губернское земство еще въ прошлогоднемъ очередномъ губернскомъ собраніи могло уже приступить къ введенію всеобщаго обученія въ губерніи Признавъ таковое необходимымъ, земство ассигновало 1500 р. на производство подробнаго изслѣдованія, гдѣ и сколько школъ въ губерніи нужно открыть еще и проч. Всѣ уѣздныя земства, спрошенныя на этотъ счетъ, своевременно отвѣтили въ губернскую управу обстоятельными данными, надъ разработкой которыхъ теперь занимается статистика. Постановленіемъ послѣдней сессіи земскаго собранія открываются въ 1899 г.: въ Яранскомъ уѣздѣ 7 новыхъ школъ, въ Нолинскомъ 13, въ Слободскомъ 11, въ Уржумскомъ 8 школъ и 1 одноклассная преобразовывается въ двухклассную, въ Сарапульскомъ — 5 вторыхъ классовъ. Несмотря на усиленное открытіе школъ, ежегодная сумма въ 150.000 руб. вся не израсходуется, и получаются остатки. Отъ 1897 года было остатковъ 44.900 руб. Тогда же общее собраніе постановило: вопросъ о томъ, на какія нужды въ школьномъ дѣлѣ слѣдуетъ расходовать эти деньги, передать губернской управѣ для разработки, по сношеніи съ уѣздными земствами. Большинство земствъ высказалось за то, чтобы остатки отъ 150.000 руб. шли на устройство школьныхъ помѣщеній, въ большинствѣ никуда негодныхъ; нѣкоторыя земства полагали ихъ употребить на пополненіе учительскихъ и ученическихъ библіотекъ и пособій для нагляднаго обученія. Управа губернская, сообразуясь съ мнѣніями уѣздныхъ земствъ, предложила собранію слѣдующее: $^2/_3$ остатковъ, то-есть 29.000 руб., затратить на постройку школьныхъ помѣщеній въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне не могутъ дать помѣщеній для школы, и гдѣ школьный округъ въ то же время принимаетъ большой размѣръ, при чемъ отпускъ 2.636 р., *причитающихся* на каждый уѣздъ, распредѣляемый равномѣрно, долженъ быть обусловленъ отпускомъ такой же суммы со стороны уѣзднаго земства. Остальную $^1/_3$ остатковъ, то-есть 14.400 р., израсходовать такъ: часть (7000 руб.) на наглядныя школьныя пособія, которыя губернская управа, изготовивъ въ своей мастерской, разошлетъ по школамъ; на учительскіе порайонные курсы— 5400 р.; 1000 руб. на составленіе школьной сѣти, а на послѣднюю 1000 р. губернская управа вышлетъ книгъ для библіотекъ учи-

тельскихъ и ученическихъ, которыя — особенно первыя — очень бѣдны даже самыми необходимыми, при преподаваніи, методиками. Что касается 20.000 рублей—процентовъ на капиталъ имени Императора Николая II, основанный для введенія всеобщаго обученія въ 1895 году, то управа предложила раздавать уѣзднымъ земствамъ въ помощь вновь открытымъ народнымъ училищамъ Вятской губерніи, основанным послѣ 1896 года. Губернское собраніе всѣ эти предложенія управы утвердило. Кромѣ дѣятельности на пользу начальной школы, земство въ 1898 году выдало значительную сумму на среднія школы,—стипендіи учащимся въ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ, на постройки зданій, ихъ ремонтъ и проч.—124.542 рубля. Въ это число вошла сумма, ассигнуемая на устройство вечернихъ и воскресно-повторительныхъ курсовъ или занятій со взрослыми.

Нужно сказать, что эти занятія въ различныхъ мѣстахъ Вятской губерніи ведутся по различнымъ программамъ примѣнительно къ мѣстнымъ, бытовымъ, климатическимъ и экономическимъ условіямъ жизни населенія. Учащіеся — въ возрастѣ отъ 13 до 60 лѣтъ. По 9 уѣздамъ губерніи въ учебномъ $189^{7}/_{8}$ году учащихся было 3.037 человѣкъ, обученіе которыхъ обошлось земству въ 8.374 руб. 75 к. Повторительныя занятія раздѣляются на слѣдующія 4 группы: воскресныя школы — 30; воскресно-повторительныя при училищахъ—39, вечернія школы—4; вечерне-будничныя занятія при школахъ—11. Итого въ 84 пунктахъ губерніи. (*„Сарат. Лист.“*).

Къ закрытію земскихъ педагогическихъ курсовъ въ Саратовѣ. 4-го іюля состоится актъ закрытія земскихъ педагогическихъ курсовъ. Несомнѣнно, курсы нынѣшняго года не прошли безслѣдно для земскихъ учителей въ отношеніи пріобрѣтенія ими новыхъ познаній, какъ въ смыслѣ спеціально-педагогическомъ, такъ и общеобразовательномъ. За это говорятъ и составъ опытныхъ руководителей курсовъ, и весьма многочисленный составъ участниковъ ихъ—учителей и учительницъ (всего до 350 человѣкъ), вплоть до послѣдняго времени аккуратно посѣщавшихъ занятія. Нельзя не отмѣтить одну особенность нынѣшнихъ курсовъ, это—первую попытку на земскихъ педагогическихъ курсахъ ввести бесѣды по общеобразовательнымъ предметамъ, а именно—по гигіенѣ, міровѣдѣнію и педагогической психологіи. Этотъ первый опытъ саратовскаго губернскаго земства оказался по меньшей мѣрѣ не безрезультатнымъ, а по міровѣдѣнію—и вполнѣ удачнымъ. Весьма возможно, что общеобразовательные предметы на земскихъ учительскихъ курсахъ въ ближайшемъ будущемъ займутъ такое же мѣсто, какое занимаютъ теперь на курсахъ методики русскаго языка и ариѳметики. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляютъ учительскіе курсы въ Павловскѣ (Петербург. губерніи), на которыхъ уже второй годъ, подъ покровительствомъ Великаго Князя Константина Константиновича, устраи-

ваются курсы по исторіи русской и всеобщей, по исторіи литературы и искусствъ. Въ Германіи, въ цѣломъ рядѣ университетовъ, уже нѣсколько лѣтъ существуютъ капикулярные курсы, посѣщаемые преимущественно учителями и учительницами народныхъ школъ. Извѣстный германскій педагогъ І. Тевсъ говоритъ, что «въ прогрессивные учительскіе круги все сильнѣе и сильнѣе проникаетъ мнѣніе, что народные учителя должны получать образованіе въ университетѣ». Конечно, мы не можемъ даже и мечтать о такой роскоши, но сознаніе необходимости болѣе широкаго образованія проникло уже какъ въ среду самихъ учителей, такъ и въ земство. Хорошо было бы, если бы существующіе временные педагогическіе курсы превратились-бы въ ежегодные, съ общеобразовательными предметами, преподаваніе которыхъ велось бы въ извѣстной послѣдовательности.

Но педагогическіе курсы, помимо результатовъ повышенія образовательнаго уровня земскихъ учителей, а слѣдовательно и улучшенія преподаванія въ школахъ, весьма важны еще и въ другомъ отношеніи. На педагогическихъ курсахъ, несмотря на ихъ строго учебный характеръ, обнаруживаются нужды начальной школы и нужды и потребности учителей этой школы. Когда руководителю того или иного предмета, преподаваемаго на курсахъ, приходится говорить о томъ, какъ должно вестись въ начальной школѣ преподаваніе, то онъ невольно сталкивается съ тѣми условіями, въ которыхъ находится эта школа въ дѣйствительности, и при которыхъ поставить преподаваніе правильнымъ путемъ оказывается невозможнымъ. Недалеко ходить за примѣромъ. Д. И. Тихомировъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ говорилъ, что учить писать слѣдуетъ сразу же на бумагѣ, а не на грифельной доскѣ. Учителя и учебная администрація вполнѣ согласны съ этимъ. Но оказалось, что многіе изъ учащихъ не могутъ учить писать сразу на бумагѣ по очень простой причинѣ—за неимѣніемъ у учениковъ бумаги! Нѣкоторыя земства отпускаютъ слишкомъ мало средствъ на учебныя пособія и классныя принадлежности.

Мы еще укажемъ на два-три подобныхъ примѣра. Д. И. Тихомировъ говорилъ о странномъ на первый взглядъ явленіи—переполненіи въ школахъ Саратов. губерніи среднихъ отдѣленій. Онъ объяснилъ этотъ фактъ тѣмъ, что вслѣдствіе краткости трехлѣтняго курса школы и поздняго начала, и ранняго окончанія ученія, учитель за такой короткій промежутокъ учебнаго времени, да еще при 70—80 ученикахъ, вынужденъ обращать особое вниманіе на старшее отдѣленіе, которое нужно подготовить къ выпускному экзамену. Отъ этого страдаютъ, конечно, ученики. Отсюда г. Тихомировъ сдѣлалъ выводъ о необходимости скорѣе установить 4-лѣтній курсъ школы. Къ тому же заключенію пришелъ и другой руководитель, г. Аржениковъ. На основаніи ознакомленія съ школьной жизнью нашей губерніи, руководители обращаютъ вниманіе на значительность пропуска-

емыхъ учащимися учебныхъ дней. Это явленіе, крайне вредное для школы, возможно если не устранить, то смягчить, напр., устройствомъ ночлежныхъ пріютовъ, пособіемъ бѣднымъ ученикамъ одеждою, обувью и т. п.

Выше было сказано о важности для учителя начальной школы общаго образованія. А между тѣмъ ни при одной изъ уѣздныхъ земскихъ управъ не существуетъ сносной общеобразовательной библіотеки, и учитель долженъ довольствоваться совершенно случайными книгами, которыя ему приходится, если удастся, доставать у своихъ знакомыхъ. Еще болѣе важный недостатокъ обнаруживается въ книгахъ чисто педагогическаго содержанія. Школьныя учительскія библіотеки въ Саратов. губерніи настолько жалки, что о нихъ стыдно и говорить.

Кромѣ только что указанныхъ нуждъ и потребностей, во время нынѣшнихъ курсовъ выдвинулось много еще и другихъ, напр., вопросъ о самостоятельности учителей въ выборѣ учебниковъ и т. п. Не остались въ сторонѣ и вопросы о положеніи самихъ учителей.

Недавно директоръ народныхъ училищъ обратился къ учителямъ и учительницамъ съ предложеніемъ доставить свѣдѣнія о семейномъ положеніи тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ имѣются дѣти, перешедшія за возрастъ начальной школы. Положеніе такихъ учителей, если бы они захотѣли отдать своихъ дѣтей учиться въ городскія школы или въ гимназіи,—въ высшей степени тяжелое при томъ жалованьѣ, которое получаетъ у насъ земскій учитель. Не къ чести земствъ, если инициативу въ обезпеченіи такихъ учителей принимаетъ на себя учебная администрація, такъ какъ непосредственнымъ хозяиномъ земскихъ школъ должно быть земство. А между тѣмъ земскіе гласные очень плохо знаютъ свои школы и еще менѣе—работниковъ ихъ,—учителей.

Всѣ эти вопросы войдутъ, какъ мы полагаемъ, въ видѣ ходатайствъ со стороны учителей и учительницъ, въ ихъ послѣднемъ обычномъ обращеніи при закрытіи курсовъ къ земству въ лицѣ губернской земской управы. Эти ходатайства въ глазахъ губернскаго и уѣздныхъ земскихъ собраній должны имѣть серьезное значеніе, потому что они отчасти вызваны, отчасти подкрѣплены, во 1-хъ, авторитетомъ такихъ опытныхъ руководителей, какъ Д. И. Тихомировъ, во 2-хъ - учебной администраціей и, наконецъ, выражаютъ коллективный голосъ земскаго учителя о насущныхъ его нуждахъ и потребностяхъ школы.

Весьма кстати, при закрытіи курсовъ, вѣроятно, будутъ присутствовать съѣхавшіеся на экстренное губерн. земское собраніе гласные. Здѣсь они могли бы въ открытой бесѣдѣ съ земскими учителями если не узнать всѣ нужды послѣднихъ, то хотя бы услышать лично отъ работниковъ народной школы ихъ пожеланія, ихъ ходатайства. Въ заключеніе, и мы съ своей стороны пожелаемъ прежде всего, чтобы педагогическіе курсы повторились и на будущій годъ, а также — чтобы наше губернское

земство присоединилось къ другимъ наиболѣе передовымъ земствамъ въ ходатайствованіи о разрѣшеніи учительскихъ съѣздовъ. Мы увѣрены, что нашимъ пожеланіямъ вполнѣ сочувствуютъ всѣ учителя и учительницы Саратовской губерніи. (*Саратовскій листокъ*).

Педагогическіе классы при городскомъ училищѣ. Александровское городское 3-классное училище въ Майкопѣ желая, съ своей стороны, ознаменовать какимъ-либо полезнымъ для города дѣломъ сотую годовщину дня рожденія А. С. Пушкина, остановилось на мысли о необходимости открыть при названномъ училищѣ педагогическіе курсы имени А. С. Пушкина для подготовленія къ учительской дѣятельности воспитанниковъ этого учебнаго заведенія. По проекту педагогическаго совѣта расходъ на содержаніе такихъ курсовъ начисляется лишь въ 300 р. въ годъ, третью часть каковой суммы училище брало на себя, съ тѣмъ, чтобы остальные 200 руб. выдавалъ городъ.

Избранная думою Пушкинская комиссія, на заключеніе которой поступило вышеизложенное предложеніе, одобряя его въ *принципѣ*, высказалась за предпочтительность учрежденія, вмѣсто проектируемыхъ курсовъ, *спеціальнаго педагогическаго класса* съ отдѣльнымъ учителемъ размѣръ содержанія котораго долженъ быть таковъ же, какъ и содержаніе прочихъ учителей названнаго училища, т.-е. 740 руб., при чемъ половину этой суммы 370 руб. городъ, по мнѣнію Пушкинской комиссіи, могъ бы принять на себя.

Съ своей стороны, городская управа, по поводу приведеннаго предложенія Александровскаго училища, раздѣляя точку зрѣнія Пушкинской комиссіи, высказала слѣдующее: имѣя спеціальный педагогическій классъ съ *отдѣльнымъ учителемъ*, училище будетъ имѣть возможность составить опредѣленную программу этого класса, включивъ въ нее элементарный курсъ методики тѣхъ предметовъ, которые придется преподавать народному учителю, въ нее же могутъ быть внесены и начала педагогики и дидактики, а главное,—подъ руководствомъ учителя класса молодые люди будутъ имѣть возможность давать пробные уроки, производить разборы ихъ, слушать преподавателей въ другихъ начальныхъ училищахъ и вообще готовиться и проходить опредѣленную программу *не тогда, когда будетъ свободное отъ уроковъ время у наличнаго состава преподавателей городского училища*, а опредѣленные утренніе часы, установленные для занятій. При такой постановкѣ дѣла одинъ учитель сдѣлаетъ больше, чѣмъ всѣ наличные преподаватели городского училища вмѣстѣ взятые, потому что у всѣхъ у нихъ, за исключеніемъ учителей 1 и 2 отдѣленій 1-го класса, свободнаго времени въ учебные часы нѣтъ.

Предположивъ, что учителю педагогическаго класса будетъ назначено то же содержаніе, какъ и остальнымъ учителямъ городского училища, т.-е. по 740 руб. въ годъ, слѣдуетъ еще допустить, что понадобится добавить законоучителю за преподаваніе методики За-

кона Божія и инспектору училища за завѣдываніе классомъ: первому примѣрно, 75 руб., а послѣднему—50 руб. и, такимъ образомъ, расходъ на педагогическій классъ выразится приблизительно въ суммѣ 865 руб. Переходя затѣмъ къ вопросу, изъ какого источника подлежатъ отпуску тѣ средства, которыя необходимы на содержаніе педагогическаго класса, городская управа высказала, что въ содержаніи такихъ классовъ должны принять участіе не столько города, сколько казна, на счетъ которой и должно быть отнесено всецѣло содержаніе педагогическаго класса или курсовъ въ Майкопѣ, какъ это сдѣлано въ городѣ Екатеринодарѣ. Въ виду этого городская управа полагала, что если педагогическій совѣтъ городского училища признаетъ существованіе педагогическихъ курсовъ или педагогическаго класса необходимымъ при училищѣ, то ему надлежитъ, выработавши программу этихъ курсовъ, возбудить предъ попечителемъ учебнаго округа надлежащее ходатайство объ отнесеніи расхода по содержанію ихъ, частью на счетъ казны, а частью на счетъ спеціальныхъ средствъ училища. (*Куб. Обл. Вѣд.*).

О съѣздахъ народныхъ учителей. Въ газетахъ появилось сообщеніе, что ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія высказался за разрѣшеніе періодическихъ съѣздовъ народныхъ учителей и учительницъ, и что этимъ съѣздамъ предполагается дать правильную организацію. Учительскіе съѣзды, какъ извѣстно, существовали у насъ до 1885 г. и, по общему отзыву всѣхъ компетентныхъ людей, играли огромную роль въ дѣлѣ педагогической подготовки преподавателей сельскихъ училищъ и, вообще, содѣйствовали правильному ходу всего школьнаго дѣла, что было, между прочимъ, признано въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія барона Николаи, отъ 31 іюля 1881 г. За послѣднее время, всюду въ Россіи, съѣзды не разрѣшались, и устраивались только педагогическіе курсы. Но какъ ни велико значеніе этихъ курсовъ, они во многомъ далеко уже не могутъ соотвѣтствовать современнымъ требованіямъ, не охватываютъ по самому своему существу всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ въ учительской средѣ, ставятъ преподавателей народныхъ училищъ въ ненормальное положеніе относительно учениковъ, обязанныхъ пассивно воспринимать сообщаемыя имъ знанія, а мѣстами подчинены такой строгой регламентаціи, что часто утрачиваютъ почти всякое значеніе. Поэтому, вполнѣ понятно, что вопросъ о желательности учительскихъ съѣздовъ и о необходимости возвращенія къ порядку, дѣйствовавшему до 1885 г., обсуждался за послѣдніе годы съ особенной энергіей и настойчивостью, какъ въ общей и педагогической прессѣ, такъ и на засѣданіяхъ различныхъ просвѣтительныхъ обществъ и, разумѣется, болѣе всего—въ земскихъ собраніяхъ. Наиболѣе обстоятельное освѣщеніе этотъ вопросъ получилъ въ земствахъ Московской, Тверской и Курской губерній. Серьезно затрогивался

онъ и въ Херсонской губ.; надо, напр., отмѣтить ходатайство елисаветградскаго земства, возбужденное по этому предмету въ позапрошломъ очередномъ земскомъ собраніи. Болѣе всего, конечно, устройство съѣздовъ интересуетъ самихъ учителей, которые неоднократно высказывались за необходимость и благотворное вліяніе этого рода учительскихъ собраній.

Однимъ словомъ, въ настоящее время найдется, вѣроятно, немного лицъ, имѣющихъ то или иное соприкосновеніе съ дѣломъ народнаго образованія, которыя отрицали бы пользу учительскихъ съѣздовъ, а упомянутое выше мнѣніе ученаго комитета народнаго просвѣщенія показываетъ, что и въ высшей администраціи взгляды на этотъ предметъ начинаютъ принимать благопріятный оборотъ.

Надо, поэтому, надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ вопросъ объ учительскихъ съѣздахъ будетъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

Огромную важность будетъ имѣть въ этомъ дѣлѣ та форма организаціи, которая будетъ придана съѣздамъ.

Особенно важно, чтобы учительскому персоналу была предоставлена на съѣздахъ возможно большая самодѣятельность, такъ какъ только при этомъ условіи возможно ожидать всесторонняго освѣщенія истинныхъ нуждъ школы и ея учителей; только тогда можно будетъ надѣяться на прочное единеніе всѣхъ дѣятелей по народному просвѣщенію, а желательность такого единенія давно уже сознается представителями нашей интеллигенціи, въ особенности—просвѣщенными земцами. Такъ, напр., въ прошломъ году на педагогическихъ курсахъ въ Воронежской губ., мѣстный предсѣдатель губернской земской управы, г. Колюбакинъ, прощаясь съ учителями, говорилъ:—«Помните, что въ единеніи—сила, и эта сила является крупнымъ факторомъ въ исторіи народнаго просвѣщенія». Мы, съ своей стороны, добавимъ, что проявленію этой могущественной силы въ жизни наибольшую услугу могутъ оказать правильно организованные съѣзды преподавателей народныхъ училищъ.

(„*Южное Обозрѣніе*“).

Библіографія.

Книги для родителей и учителей.

Викторъ Острогорскій. *Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу.* Изданіе 4-е. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Какъ видно изъ предисловія къ настоящему изданію «Русскихъ писателей», заключающіяся въ немъ статьи являются результатомъ всей многолѣтней педагогической дѣятельности маститаго автора, вступившаго на избранное имъ поприще въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Это рѣдкое обстоятельство сообщаетъ книгѣ исключительную цѣнность, особенно, если принять во вниманіе, что В. П. Острогорскій принадлежитъ къ числу людей, сумѣвшихъ сохранить до «сѣдыхъ волосъ» лучшіе идеалы своей далекой юности, созданные и воспитанные одной изъ самыхъ свѣтлыхъ и славныхъ эпохъ въ исторіи русской жизни. Вѣрность этимъ идеаламъ трогательно выражается между прочимъ и въ томъ, что работу по составленію этой книги онъ началъ *еще студентомъ*, когда въ одной изъ первыхъ въ Россіи безплатныхъ школъ велъ объяснительное чтеніе писателей, подъ руководствомъ покойнаго педагога Ѳ. Ѳ. Резенера. И эта-то работа юноши продолжалась затѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ и, постепенно расширяясь и дополняясь, дошла до нашихъ дней, въ видѣ вышедшаго теперь 4-го изданія. Такимъ образомъ, прекрасная идея, положенная въ основу труда почти сорокъ лѣтъ назадъ, продолжала питать сердце неутомимаго педагога во всю его плодотворную жизнь. Поэтому авторъ имѣлъ полное основаніе предпослать своей книгѣ слѣдующее оригинальное посвященіе: «*Вамъ, ученики и ученицы мои, изъ коихъ многіе теперь сами учатъ своихъ и чужихъ дѣтей и служатъ дѣлу русскаго народнаго образованія, посвящаю свой многолѣтній трудъ*». Послѣдній имѣетъ цѣлью дать обстоятельныя руководящія указанія по чрезвычайно важному вопросу о выборѣ матеріала для чтенія изъ лучшихъ писателей родной литературы, какъ элемента эстетическаго и нравственнаго развитія дѣтей отъ 10 до 16 лѣтъ, а также — «предложить выборъ художественнаго чтенія *народу въ школахъ, читальняхъ, и особенно для народныхъ чтеній*, въ которыхъ до сихъ поръ, по какой-то странной случайности, художественный элементъ упорно игнорируется почти вовсе, между тѣмъ какъ опытъ блестящимъ образомъ доказываетъ, что именно такого-то рода матеріалъ очень желателенъ». Въ виду этого, настоящая

книга является необходимымъ и прекраснымъ пособіемъ не только для родителей и воспитателей, но также и для земствъ, устроителей народныхъ чтеній, народныхъ учителей и издателей дешевыхъ народныхъ книгъ. Къ настоящему ея изданію авторомъ добавлена вновь статья о С. Т. Аксаковѣ, и такимъ образомъ общее число русскихъ писателей, о сочиненіяхъ которыхъ идетъ въ немъ рѣчь, достигаетъ до двадцати двухъ. Развивая свою мысль о великомъ воспитательномъ значеніи знакомства дѣтей съ лучшими художественными произведеніями, г. Острогорскій касается мимоходомъ одного существеннаго недостатка, присущаго нашей, особенно, средней школѣ. Онъ указываетъ именно на холодный, казенный характеръ учебныхъ комнатъ и классовъ, кое-гдѣ устраняемый уже, къ счастію, различными украшеніями въ родѣ цвѣтовъ, картинъ, акваріумовъ, терраріумовъ и пр., и предлагаетъ, въ дополненіе къ этому, развѣшивать по стѣнамъ классныхъ помѣщеній портреты лучшихъ изъ нашихъ писателей, уже знакомыхъ дѣтямъ, или иллюстрацій къ ихъ сочиненіямъ, при чемъ рамки для такихъ портретовъ и картинъ могли бы дѣлаться руками самихъ же учащихся. Прекрасная мысль объ уничтоженіи въ нашихъ школахъ ненужной казенности, на ряду съ чиновничьимъ формализмомъ, угнетающимъ впечатлительную душу ребенка, должно бы лечь въ основу той реформы, которой такъ давно ожидаетъ русское общество для средней школы и которая, кажется, становится въ наши дни на очередь. Нельзя, конечно, не присоединиться отъ души и къ рекомендуемымъ тѣмъ же авторомъ другимъ мѣрамъ того же характера, состоящимъ въ разучиваніи пьесъ, которыя доступно для дѣтей положены на музыку, въ устройствѣ небольшихъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, на которыхъ дѣти явились бы сами исполнителями того, что имъ особенно понравилось, и, наконецъ, въ устройствѣ небольшой *своей* (классной) библіотеки. Все это, по справедливому мнѣнію опытнаго педагога, можетъ имѣть важное воспитательное значеніе:—уваженіе къ великимъ людямъ своей родины, *развитіе въ себѣ съ мягкихъ отроческихъ лѣтъ чувства прекраснаго*—немало способствуютъ тому, чтобы изъ дѣтей вышли впослѣдствіи добрые люди, стремящіеся къ идеалу и уважающіе свое отечество». Добавимъ, что, кромѣ статей о 22-хъ русскихъ писателяхъ, въ началѣ книги имѣются особыя статьи: «О книгахъ художественнаго содержанія для чтенія народу» и «Выражающееся въ пословицахъ народное воззрѣніе на Слово», а въ концѣ ея—весьма интересный и цѣнный списокъ книгъ, «для ознакомленія дѣтей и народа съ русскими писателями», раздѣленный на два отдѣла. Первый заключаетъ въ себѣ «Пособія для руководства чтеніемъ русскихъ писателей вообще», а второй—«Пособія при изученіи каждаго изъ указанныхъ въ этой книгѣ писателя», при чемъ книги, годныя только для учителя, отмѣчены особымъ знакомъ.

Ан.

Иностранные университеты. Выпускъ I. Университеты Англіи и годы студенчества ея знаменитыхъ людей. Составлено подъ редакціей Л. А. Богдановича. М. 1899 г. Ц. 1 р. Изд. Общества распространенія полезныхъ книгъ.

То же. Выпускъ II. Университеты Германіи и годы студенчества ея знаменитыхъ людей. Ц. 1 р.

Эти два выпуска открываютъ собою цѣлую серію изданій, задуманную названнымъ въ заголовкѣ Обществомъ и имѣющую въ виду познакомить русскихъ студентовъ и «всѣхъ образованныхъ читателей» съ тѣмъ, какъ живетъ и учится студенчество въ другихъ странахъ, на ряду съ описаніемъ иностранныхъ университетовъ. Изданія предприняты *съ благотворительною* цѣлью—въ пользу образованія фонда для помощи недостаточнымъ студентамъ. Такимъ образомъ, какъ цѣль, такъ и самая идея, положенная въ основу настоящаго издательскаго предпріятія Общества распространенія полезныхъ книгъ, заслуживаютъ полной симпатіи, тѣмъ болѣе, что ознакомленіе читателей со строемъ и развитіемъ иностранныхъ университетовъ, а также съ бытомъ заграничныхъ студентовъ, является весьма своевременнымъ, въ виду постановки на очередь вопроса о нашихъ отечественныхъ университетахъ и ихъ воспитанникахъ. При составленіи вышедшихъ теперь въ свѣтъ первыхъ выпусковъ, авторъ ихъ (*или* «редакторъ») *широко* пользовался (какъ онъ говоритъ) авторитетными «источниками», которые и перечислены въ предисловіяхъ къ выпускамъ. Послѣдніе производятъ впечатлѣніе, однако, сборниковъ статей различныхъ авторовъ (преимущественно иностранныхъ), частью переведенныхъ дословно (цѣликомъ или въ сокращеніи), частью изложенныхъ своими словами и мало объединенныхъ редакторской работой. Такъ, въ первомъ выпускѣ встрѣчаемъ цѣлыя главы изъ отмѣченной у насъ извѣстной книги Макса Леклерка (см. напр. главу «Распространеніе университетскаго образованія и народные университеты»). Въ общемъ, первый выпускъ производитъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ только что появившійся второй: «Университеты Германіи». Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе крайняя небрежность корректуры текста: опечатки встрѣчаются почти на каждой страницѣ. Съ другой стороны, въ книгѣ усвоено довольно своеобразное правописаніе: напр., слово *впослѣдствіи* всюду пишется «*въ послѣдствіе*» (стр. 16, 19, 46, 201, 203, 233), слово «*сказки*» пишется—«*сказски*» (189, 192, 194). Слогъ книги, предназначенной для студентовъ и «образованныхъ читателей», также нерѣдко отличается безграмотностью. Приведемъ два образца: «*Твердо* говоря, университетъ есть учрежденіе государственное» (61 стр.).... «онъ (Гегель)... предпочитаетъ одиночество и *съ удивительной пластичностью натуры* извлекаетъ изъ неприглядпаго окружающаго *возможную пользу для своего развитія*» (228).

По плану, принятому при составленіи книгъ, къ каждому выпуску, трактующему объ универси-

тетахъ данной страны, приложено нѣсколько біографическихъ данныхъ о «студенческихъ годахъ» (см. заголовки) знаменитыхъ людей страны. Данныя эти должны иллюстрировать вліяніе университетской жизни на лучшихъ и знаменитыхъ людей. Мысль, какъ видно, прекрасная, и она довольно удачно осуществлена въ первомъ выпускѣ, гдѣ читатель знакомится со студенческими годами *Адама Смита*, *Уилльяма Питта*, Байрона, Карлейля и Гладстона. Съ тою же цѣлью ко второму выпуску приложены біографическія свѣдѣнія о Лейбницѣ, Гете, Гегелѣ и Гейне. Но въ біографіи Лейбница какъ разъ и отсутствуютъ свѣдѣнія именно о студенческихъ годахъ («о томъ, какъ Лейбницъ провелъ свои студенческіе годы, мы знаемъ,—говоритъ составитель книги,—*очень мало*»). Восполняя этотъ пробѣлъ, авторъ даетъ затѣмъ общую характеристику студенческаго быта и университетской жизни того времени, занявшую цѣлыхъ 35 страницъ, не имѣющихъ никакой связи собственно съ біографіей знаменитаго человѣка. Не менѣе скудны свѣдѣнія о тѣхъ же годахъ жизни и другихъ лицъ, біографіи которыхъ, приведенныя въ книгѣ не иллюстрируютъ ни одного положенія изъ общей части книги (но иногда, какъ мы видѣли, даже противорѣчатъ ей). Нужно еще замѣтить, что студенты и «образованные читатели» хорошо знакомы съ *біографіями названныхъ* знаменитостей Германіи и помимо отрывочныхъ компиляцій второго выпуска. Очень жаль, вообще, что хорошій замыселъ издателей осуществляется въ настоящемъ случаѣ такъ небрежно и неумѣло.

Ан.

Первыя понятія о томъ, какъ живетъ наше тѣло, и что для него полезно и вредно. Для первоначальныхъ школъ и для бесѣдъ въ семьѣ. Съ предисловіемъ *И. Горбунова-Посадова*, 26-ю черными рисунк. и 2 хромолитограф., № 300 изд. «Посредника».

Исходя изъ того, къ сожалѣнію, вѣрнаго положенія, что «невѣжество наше въ области знаній о жизни нашего тѣла полнѣйшее — какъ и среди массы такъ называемыхъ необразованныхъ классовъ, такъ и среди массы образованныхъ классовъ» (стр. 1)», Г. И. Горбуновъ-Посадовъ въ своемъ предисловіи къ этой,—*очень оригинальной*—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, книжкѣ, доказываетъ необходимость для каждаго человѣка знать о томъ, «какъ устроено наше тѣло, и какъ оно живетъ, и что для него полезно и что вредно». Изъ того же, что особенно вредно для организма человѣка, Г. Горбуновъ останавливается на табакѣ и особенно—на *спиртныхъ напиткахъ*, *имѣющихъ* пагубное вліяніе не только на здоровье людей, но и на ихъ благосостояніе и нравственность. Съ цѣлью наиболѣе успѣшной борьбы съ алкоголизмомъ, Г. Горбуновъ,—желаетъ привлечь къ этому дѣлу и учителей, и воспитателей, и родителей. «Учители, воспитатели и родители, *сердечно относящіеся* къ дѣтскому будущему!»—восклицаетъ онъ на стр. 9-й своего предисловія:—«отъ васъ зависитъ, въ значительной мѣрѣ, предохранить ввѣ-

ренныя вамъ дѣтскія души отъ этого (пьянства), а отъ другихъ подобныхъ тяжкихъ язвъ нашей жизни. Тѣ изъ васъ, въ комъ есть искренняя, серьезная, глубокая любовь къ подрастающему поколѣнію, должны дѣлать все, чтобы избавить его отъ тѣхъ пагубныхъ ошибокъ и связанныхъ съ ними бѣдствій, которыя дѣлали, во многомъ по легкомыслію и невѣжеству, предшествующія поколѣнія». Для облегченія этой трудной задачи гг. учителямъ, Г. Горбуновъ предпринялъ переводъ и изданіе «Руководства для преподаванія свѣдѣній о вредѣ спиртныхъ напитковъ» Деми, а пока онъ выпустилъ въ свѣтъ разбираемую книжку, какъ «первый учебникъ или книгу для чтенія для младшаго возраста, для первоначальныхъ школъ» (стр. 11). Сама по себѣ эта книжка представляетъ переводъ одного изъ тѣхъ учебниковъ, которые введены въ школахъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ съ цѣлью знакомить учениковъ на ряду съ первоначальной анатоміей, физіологіей и гигіеной, такъ же и со вредомъ отъ спиртныхъ напитковъ и другихъ «дурмановъ». Нѣтъ сомнѣнія, что только-что указанная задача въ высшей степени важна и симпатична, но насколько она разрѣшена данными учебниками,—въ этомъ у насъ, къ сожалѣнію, является большое сомнѣніе. Прежде всего, книжка написана довольно сухо, поучительно; самое изложеніе мѣстами не ясно и не понятно: особенно это надо сказать о гл. IV «спиртные напитки» и о VI-й «кровь»; въ послѣдней, между прочимъ, автору зачѣмъ-то понадобилось сравнивать тѣло и движеніе въ немъ крови съ городомъ, стоящимъ на берегу рѣки, большой, «со снующими по ней суднами» (судами?); рисунки хотя и хороши и въ достаточномъ количествѣ, но тоже не вездѣ поясненны, какъ слѣдуетъ (см. рисунки 1, 10, 12, 24, 26, 27 и 28-й). Кромѣ того, въ почтенномъ стремленіи, во что́ бы то ни стало, удержать дѣтей отъ употребленія водки и табаку, авторъ мѣстами увлекается до забвенія истины. Такъ, напримѣръ, на стр. 56 авторъ говоритъ: «Если вы обратите вниманіе на мальчика, курящаго табакъ, вы замѣтите, что для него *очень трудно сидѣть прямо или стоять, не прислоняясь къ чему-нибудь (?!)*. Табакъ дѣлаетъ его мускулы слабыми». Мало того, что здѣсь явная погрѣшность противъ истины (мы что-то не встрѣчали людей, *шатающихся* отъ куренія табаку),—здѣсь, кромѣ того, проглядываетъ стремленіе еще и *запугать* дѣтей. Пріемъ, по нашему мнѣнію, крайне не раціональный. Что касается содержанія разсматриваемой книжки, то оно, кромѣ предисловія, распадается на слѣдующія 12 главъ: 1) для чего мы ѣдимъ, 2) что́ мы ѣдимъ, 3) тѣлу необходима вода, известь и соль, 4) спиртные напитки, 5) какъ пища переходитъ въ кровь, 6) кровь, 7) какъ очищается кровь, 8) строеніе тѣла, 9) мышцы, 10) мозгъ и нервы, 11) наши пять чувствъ, 12) кожа. Само собою разумѣется, что на 60 страницахъ текста, при 28 рисункахъ, авторъ могъ обо всемъ вышеизложенномъ коснуться только слегка,—очень кратко. Оригинальность этой книги составляютъ тѣ сентенціи и поученія, которыя авторъ печата-

етъ курсивомъ, напр.: «мы должны ѣсть, чтобы предохранить тѣло отъ истощенія», «жиръ, крахмалъ, и сладкая пища полезны тѣмъ, что развиваютъ тепло въ тѣлѣ», «не нужно пить вино, потому что въ немъ есть алкоголь», «пиво мѣшаетъ ребенку сдѣлаться сильнымъ и умнымъ человѣкомъ», «не отравляйте кровь пивомъ, виномъ и табакомъ», «алкоголь не помогаетъ человѣку переносить ни холода, ни жара» (стр. 72) и т. д.

Во всякомъ случаѣ рекомендуемъ пріобрѣсти книжку тѣмъ изъ гг. учителей или родителей, которые заинтересовались самой *идеей* книжки *). **Н. Ск.**

Русскій Сельскій календарь на 1900 годъ. *Сост. И. Горбунова-Посадова.* Годъ VII. Ц. 20 коп.

Намъ приходилось неоднократно отмѣчать на страницахъ «Пед. Л.» выпуски «Русскаго Сельскаго Календаря» за прежніе годы. Только что вышедшій въ свѣтъ тотъ же календарь на предстоящій годъ отличается прежними достоинствами и своимъ содержаніемъ стремится отвѣтить на всѣ дѣловые запросы и практическія нужды сельскаго читателя, при чемъ не ограничивается простой перепечаткой разныхъ положеній и правилъ, но, гдѣ нужно (напр., относительно почтовыхъ и телеграфныхъ порядковъ и др.), излагаетъ ихъ яснымъ и доступнымъ для неопытныхъ читателей языкомъ. Особенно много удѣлено, по обыкновенію, мѣста матеріалу по различнымъ видамъ сельскаго хозяйства и промысловъ, въ видѣ главъ о земледѣліи, огородничествѣ, садоводствѣ, лѣсоводствѣ, скотоводствѣ, пчеловодствѣ. Интересы народнаго образованія трактуются въ главахъ: «Откуда выписывать полезныя книги», «Школа и книга». Цѣнныя для деревенскихъ жителей свѣдѣнія сообщаются также въ главѣ «Учрежденія, полезныя для крестьянъ» (Сельскохозяйственные союзы (статья Д. Б.), крестьянскія вещества сельскаго хозяйства, наставленія объ устройствѣ потребительскихъ товариществъ и лавокъ, полезныя книги объ устройствѣ артелей и кредитныхъ товариществъ). Есть оригинальныя статьи и по другимъ отдѣламъ. Такъ, г. Е. Чистову принадлежитъ статья «Предсказатели погоды» (вѣтры, примѣты по вѣтрамъ, облака и примѣты по облакамъ, видъ и цвѣтъ неба, солнца, мѣсяца и звѣздъ), г. Е. Ч—нко — статья «Какъ обрабатывать землю, чтобы лучше родила хлѣбъ и не страдала отъ засухи», С. Красноперову—статья «Уходъ за пчелами во всѣ времена года». По статьѣ агронома Г. Молчанова изложены свѣдѣнія о томъ, что дѣлается для улучшенія земледѣлія. Но всего богатаго и полезнаго содержанія «Календаря», конечно, здѣсь нѣтъ возможности перечислить. Можно только сказать, что во всѣхъ отдѣлахъ его чувствуются жизнь и движеніе. Составитель внимательно слѣдитъ за жизнью и не забываетъ

*) Было бы очень желательно, если бы тѣ лица, которыя будутъ читать дѣтямъ эту книжку,—не отказались прислать, не стѣсняясь формой изложенія, въ редакцію „Пед. Листка", для передачи мнѣ свои заключенія и замѣчанія, которыя явятся у нихъ при чтеніи этого учебника. Самъ по себѣ вопросъ важный и интересный, и подробная разработка его была бы въ высокой степени интересна. *Н. Ск.*

освѣжать свое замѣчательное изданіе всегда новымъ матеріаломъ, отмѣчая все, что только заслуживаетъ вниманія деревенскаго жителя. Благодаря такому отношенію къ дѣлу изданія «Сельскаго Календаря», книжки послѣдняго за прежніе годы не теряютъ интереса, являясь въ совокупности огромнымъ сборникомъ энциклопедическихъ свѣдѣній по всѣмъ сторонамъ сельской жизни. Необходимо упомянуть еще объ одной чрезвычайно симпатичной и важной особенности этого изданія. Въ концѣ почти каждой главы, трактующей о томъ или другомъ практическомъ вопросѣ крестьянскаго быта, неизбѣжно приведенъ списокъ соотвѣтствующихъ спеціальныхъ книгъ и руководствъ, которыми можетъ пользоваться читатель, съ указаніемъ ихъ точныхъ заглавій, цѣнъ и мѣстъ, откуда слѣдуетъ ихъ выписывать. Календарь всегда обильно снабженъ и поясните́льными къ тексту рисунками и чертежами. Такъ, кромѣ отдѣльныхъ рисунковъ, въ настоящемъ выпускѣ имѣются изображенія орудій, употребляемыхъ въ садоводствѣ и необходимыхъ пчеловодныхъ принадлежностей; на многихъ страницахъ помѣщены также рисунки лучшихъ породъ куръ и разныхъ приспособленій для искусственной выводки цыплятъ. Приложены на особомъ листѣ и карты Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ и Сибирской жел. дороги. По богатству содержанія, по способу изложенія и по доступной цѣнѣ, «Русскій Сельскій Календарь» представляетъ выдающееся явленіе въ нашей литературѣ для народа и, конечно, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ обычнымъ типомъ дешевыхъ народныхъ календарей, издаваемыхъ обыкновенно не съ цѣлью принести пользу малограмотному люду, а съ цѣлью личной наживы лубочныхъ издателей. Замѣчательная дѣятельность составителя календаря, г. И. Горбунова-Посадова, должна найти себѣ должную оцѣнку прежде всего со стороны всѣхъ людей, стоящихъ близко къ нашей деревнѣ и ея нуждающемуся въ знаніяхъ населенію.

Ан.

Книги для дѣтей.

Библіотека „Дѣтскаго Чтенія". Царскія дѣти и ихъ наставники. Историческіе очерки. Б. Б. Глинскаго. Съ портретами и иллюстраціями. М. 1899. Ц. 1 р. 25 к.

Очерки посвящены въ высшей степени интересному и важному вопросу о способахъ и условіяхъ воспитанія и образованія русскихъ императоровъ и императрицъ, начиная съ Петра I-го и кончая Александромъ II-мъ. Излагая въ живомъ и связномъ разсказѣ, по имѣющимся источникамъ, довольно подробныя данныя, относящіяся къ избранной темѣ, авторъ, гдѣ нужно, останавливается и на характеристикѣ самихъ наставниковъ царскихъ дѣтей. Изъ приведеннаго въ книгѣ матеріала видно, что во всѣ времена живо сознавалась необходимость весьма тщательной постановки дѣла образованія будущихъ монарховъ Россіи, хотя на этомъ важномъ пути встрѣчались и неодолимыя затрудненія. Однимъ изъ

этихъ послѣднихъ явилось отсутствіе на Руси наличныхъ ученыхъ силъ и выработанныхъ принциповъ правильной педагогики, вынуждавшее обращаться къ помощи иностранцевъ, а другимъ—самыя условія воспитанія дѣтей при дворѣ, нарушавшія нерѣдко правильный ходъ занятій царственныхъ учениковъ. Избранная въ книгѣ эпоха, начавшаяся и окончившаяся двумя великими обновителями русской жизни—Петромъ Великимъ и Александромъ II-мъ, представляетъ еще тотъ интересъ, что наглядно показываетъ читателю постепенный ходъ улучшеній и усовершенствованій въ дѣлѣ воспитанія и образованія царскихъ дѣтей. Тогда какъ геніальный умъ юнаго Петра I-го, жаждавшій знаній, не могъ получить ихъ отъ приставленныхъ къ нему наставниковъ и схватывалъ эти знанія самостоятельно безъ всякой системы, преимущественно, отъ представителей московской «Нѣмецкой слободы», мы видимъ сложныя и широкія приготовленія, серьезную работу по выработкѣ общаго плана образованія и воспитанія Александра II-го, имѣвшаго своими главными руководителями такихъ выдающихся лицъ, какъ Мердеръ и Жуковскій. Но и они должны были создавать свой воспитательный планъ, главнымъ образомъ, основываясь на работахъ нѣмецкихъ педагоговъ, за отсутствіемъ таковыхъ на нашей родинѣ. Въ книгѣ, между прочимъ, отмѣчается оригинальный педагогическій пріемъ, употреблявшійся Жуковскимъ для поощренія своего царственнаго ученика и его товарищей по ученію. По класснымъ правиламъ, заведеннымъ Жуковскимъ, *каждая дурная отмѣтка ученика уничтожалась хорошей его работой, сдѣланной по собственному почину.* Подобная работа засчитывалась сначала еженедѣльно, а позднѣе—по полугодіямъ. Вообще, въ очеркѣ, относящемся къ воспитанію Александра II-го, отведено, по справедливости, много мѣста извѣстнымъ «планамъ» Жуковскаго и изложенію его воспитательныхъ пріемовъ. Не можемъ не остановиться, между прочимъ, на той мысли знаменитаго русскаго поэта-воспитателя, которую онъ особенно настойчиво старался внушить будущему преобразователю Россіи. «Теперь мы начнемъ,—говорилъ, между прочимъ, поэтъ ученику,—заниматься исторіею; она будетъ для насъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что уваженіе пріобрѣтается однѣми *постоянными* добродѣтелями. Вы, великій князь, по тому мѣсту, на которое назначилъ васъ Богъ, будете, со временемъ, замѣчены въ исторіи; отъ этого ничто избавить васъ не можетъ, она скажетъ о васъ свое мнѣніе передъ цѣлымъ свѣтомъ и на всѣ времена,—мнѣніе, которое будетъ жить въ ней и тогда, когда васъ и насъ не будетъ. Отечество прежде начнетъ судить васъ строго и потомъ уже станетъ любить васъ, если вы это заслужите». Излагая различные педагогическіе планы и пріемы наставниковъ царскихъ дѣтей, авторъ иногда даетъ имъ и краткую критическую оцѣнку. Для дѣтей, изучающихъ русскую исторію, настоящій трудъ Б. Б. Глинскаго можетъ служить превосходнымъ пособіемъ, но книга его прочтется съ боль-

шимъ интересомъ и пользой всякимъ грамотнымъ читателемъ. Страницы ея украшены многими портретами императоровъ, императрицъ и наставниковъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ «очеркахъ»; изданы «очерки» на прекрасной бумагѣ, въ большомъ форматѣ. Въ концѣ книги приведенъ списокъ главнѣйшихъ источниковъ. Очерки печатались въ «Дѣтскомъ Чтеніи» за 1897 и 1898 годы, но для настоящаго изданія они исправлены и дополнены, а также снабжены новыми портретами. Очеркъ же *«Николай I и графъ Ламсдорфъ»* появляется здѣсь въ первый разъ.

Библіотека „Дѣтскаго Чтенія". О чемъ разсказывалъ вѣтеръ. Повѣсти и разсказы. Вас. Ив. Немировича-Данченко. М. 1899. Ц. 50 к.

Подъ общимъ заглавіемъ «О чемъ разсказывалъ вѣтеръ» въ книгѣ помѣщены: одна повѣсть *Счастье*, четыре разсказа *Дѣти конунга, Наша сестра, Затерянные въ океанѣ и Змѣиный дядя* и восточная легенда — *Гнѣвъ Аллаха*. Общими всѣмъ перечисленнымъ произведеній нашего талантливаго писателя свойствами являются: прекрасный языкъ и мастерское описаніе картинъ разнообразной природы и ея явленій и всегда интересное и проникнутое гуманною мыслью содержаніе. «Дѣти конунга»—это легендарные герои сѣдой древности, предводители суровыхъ норманновъ (варяговъ). Умеръ старый конунгъ и оставилъ послѣ себя трехъ сыновей. Старшему—самому смѣлому и сильному, жаждущему побѣдъ, онъ оставилъ Югъ, среднему, любившему трудъ—Сѣверъ, младшему—пѣвцу и поэту—весь міръ. Много крови пролилъ старшій конунгъ, предавая мечу и огню прекрасныя царства Юга, съ ихъ лѣнивымъ, избалованнымъ, но рабскимъ населеніемъ. Уважая только равныхъ себѣ по храбрости, суровый воинъ относился презрительно къ трусливымъ рабамъ и, покоряя ихъ, жестоко угнеталъ. Но угнетеніе и убійство научили, наконецъ, рабовъ защищаться; рабы возстали и истребили своихъ угнетателей, вмѣстѣ съ ихъ конунгомъ. Послѣ этого они сдѣлались свободными и у нихъ явилось отечество. Второй сынъ конунга, отправившись на Сѣверъ, тоже далъ исходъ жаждѣ своего народа къ боямъ и опаснымъ предпріятіямъ, но онъ ихъ велъ не на смерть и истребленіе, а на борьбу съ суровой природой, путемъ разумнаго труда и просвѣщенія. Въ результатѣ, на Сѣверѣ возникли города, торговля, мирный трудъ, на ряду со свободой, добрыми мыслями и высокими чувствами. Наконецъ, третій конунгъ, бродя повсюду со своею лютней, правдивыми пѣснями пробуждалъ въ людяхъ добрыя чувства, училъ щадить слабыхъ и не клонить головы передъ сильными, обличалъ несправедливость, мстилъ сильнымъ за слабыхъ, утѣшалъ заключенныхъ... Такимъ образомъ, сыновья стараго конунга дали людямъ три великія блага: свободу, довольство, пѣсню... Зло ушло изъ міра, осталось одно добро... Явилось потомъ много новаго зла, но и оно исчезнетъ... «И зло у судьбы не даромъ... Выходитъ какъ-то такъ, что и на его мѣстѣ растетъ добро!» Въ разсказѣ «Наша сестра» читатели найдутъ живое изображеніе жестокихъ стра-

даній людей во время послѣдней войны нашей съ турками и на фонѣ этой жестокой картины — чудный образъ «сестры», общей любимицы раненыхъ, боготворившихъ эту слабую на видъ, но сильную духомъ женщину. Талантливое перо автора заставляетъ и читателя преклониться передъ святою преданностью этой слабой, и почти необразованной женщины, преданной христіанской идеѣ самоотверженной любви къ ближнему.—Прекрасная легенда «Гнѣвъ Аллаха» передаетъ характерный взглядъ людей Востока на происхожденіе страшной болѣзни, извѣстной подъ названіемъ «чумы». Чума—это безсмертная старуха съ чернымъ лицомъ, единственный уцѣлѣвшій свидѣтель существованія на землѣ блаженнаго царства, въ которомъ не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни зла, ни убійства. Случайно на обломкахъ разбитаго корабля принесены были къ берегу этой счастливой страны чужеземные люди. Эти люди (не убитые, какъ во снѣ совѣтовалъ Аллахъ султану) остались въ странѣ, научили жителей искусствамъ, торговлѣ и... съ того времени въ странѣ появились роскошь, богатство и бѣдность, тюрьмы и убійства. Одна только старуха сумѣла воспитать своихъ дочь и сына въ страхѣ Божіемъ, но ихъ у нея отняли и продали въ рабство. Тогда старуха обратилась съ мольбой къ Аллаху. Аллахъ внялъ ея молитвѣ и далъ страшную силу ея глазамъ, отъ одного взгляда которыхъ шла къ людямъ смерть. Старуха пошла искать по свѣту своихъ дѣтей, но ихъ взялъ уже на небо Аллахъ, а люди продолжаютъ и до сего времени умирать отъ ея взгляда.—Самымъ большимъ произведеніемъ въ сборникѣ является превосходная повѣсть «Счастье». Закоренѣлый бродяга «Иванъ-Прощай», сумѣвшій спастись бѣгствомъ изъ тюрьмы, скитаясь по лѣсамъ, нашелъ тамъ маленькую дѣвочку, плакавшую на груди своей умершей матери-нищенки. Дрогнуло суровое сердце бродяги, и онъ рѣшилъ взять на свое попеченіе неожиданную находку. Не имѣя возможности устроиться среди людей, «Иванъ-Прощай» окончательно поселился въ глухомъ лѣсу вмѣстѣ съ дѣвочкой, въ качествѣ охотника. Описаніе нѣжныхъ заботъ человѣка-волка объ этой крошкѣ и ихъ взаимныхъ отношеній принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ книги, производитъ сильное впечатлѣніе и будитъ лучшія чувства въ душѣ читателя.—Въ разсказѣ «Затерянные въ океанѣ» дается блестящее описаніе тринадцати-дневнаго плаванія троихъ охотниковъ на оторванной отъ берега льдинѣ, а «Змѣиный дѣдъ» представляетъ собою одинъ изъ очерковъ Марокко, переносящій васъ въ оригинальныя условія жизни жаркой Африки. Таково содержаніе этой заслуживающей большого вниманія книги г. Немировича-Данченко, доступной для чтенія дѣтямъ средняго возраста, но могущей доставить наслажденіе и взрослому читателю. Что касается до повѣсти «Счастье», то ее весьма желательно видѣть въ отдѣльномъ изданіи, такъ какъ она заслуживаетъ по своему содержанію самаго широкаго круга читателей.

Н. Богдановскій. Какъ Петръ Захарычъ переселился въ сибирскіе лѣса. «Книжка за Книжкой».

Издан. М. Н. Слѣпцовой. Май, 1899 г. Ц. 20 коп.

Это одна изъ тѣхъ дѣльныхъ книжекъ, которыя стремятся внести въ крестьянскую среду сознательное отношеніе къ вопросу о переселеніи въ Сибирь. Чрезвычайно выгодное впечатлѣніе на читателя произведетъ этотъ разсказъ тѣмъ, что авторъ ведетъ его отъ своего имени, передавая какъ бы дѣйствительный фактъ изъ жизни, иллюстрируемый притомъ личными изслѣдованіями и наблюденіями лѣсной природы Тарскаго округа, Тобольской губерніи, производившимися имъ по дѣламъ службы. Петръ Захарычъ—это дѣльный, грамотный и начитанный крестьянинъ Вятской губ., Сарапульскаго уѣзда. Личное развитіе этого крестьянина новаго типа пошло настолько далеко, что въ обиходъ своей семейной жизни онъ уже внесъ многіе культурные пріемы и привычки, рѣзко отличающіеся отъ дѣдовскихъ, которыхъ фанатично придерживаются его менѣе просвѣщенные односельчане. Въ разсказѣ, написанномъ простымъ, но вполнѣ литературнымъ языкомъ, выясняются вполнѣ точно экономическія причины и соображенія, заставившія умнаго и дѣльнаго крестьянина предпринять трудное и сложное дѣло переселенія въ Тарскій округъ. Изъ писемъ Петра Захарыча къ автору мы узнаемъ далѣе о всѣхъ подробностяхъ путешествія, способныхъ привести въ ужасъ всякаго цивилизованнаго человѣка. Рядъ главъ отводится характеристикѣ мѣстныхъ условій природы и хозяйственной жизни среди первобытныхъ лѣсовъ Сибири и опять-таки вполнѣ точному и дѣловому выясненію того, что́ можетъ дать трудолюбивому человѣку мѣстная природа со всѣми ея оригинальными особенностями. «Многіе думаютъ,—въ Сибири рѣки молочныя въ берегахъ кисельныхъ текутъ, только ѣшь да прихлебывай, а работать не надо... Нѣтъ, братъ, шалишь! Сибирь тоже даромъ не кормитъ»,—говоритъ старикъ-хозяинъ изъ переселенцевъ, переживщій на мѣстѣ не мало невзгодъ. А вотъ и руководящій выводъ изъ приводимыхъ въ книгѣ данныхъ о сибирскихъ лѣсахъ названнаго округа: «кто безъ трехсотъ рублей сюда прибылъ, тотъ не хозяинъ. И заработокъ здѣсь тому, кто ремесла не знаетъ, найти трудно». Въ концѣ концовъ выясняется еще, что «здѣсь впрямь только и жить вятичамъ, пермякамъ... Справятся со здѣшнимъ лѣсомъ витебскіе, смоленскіе, минскіе, эсты, латыши... а южанамъ, степнымъ людямъ, другія мѣста нужны». Всѣ эти практическіе выводы, подкрѣпленные превосходнымъ описаніемъ характера первобытныхъ лѣсовъ, дѣлаютъ книжку г. Богдановскаго весьма цѣнной для читателей—крестьянъ Европейской Россіи. Описанія мѣстной природы сдѣланы не только знатокомъ ея, но и любителемъ. Добавимъ, что книжка снабжена 10-ю фотографическими видами, снятыми на мѣстѣ и отпечатанными на отдѣльныхъ листахъ. Нечего и говорить, что она прочтется съ большимъ интересомъ и пользой и образованными людьми.

Ан.

нія B. subtilis. Рисунокъ 25 *b* представляетъ болѣе молодую колонію сибирской язвы, разросшуюся въ глубинѣ желатина, прежде, чѣмъ она поднялась на поверхность. Рис. 26 *a* и *b* показываетъ особи бациллъ, разросшіяся въ отдѣльности, въ видѣ длинныхъ, червеобразныхъ нитей; въ *c* можно видѣть ихъ споры. Въ крови зараженнаго субъекта эти бациллы сибирской язвы не могутъ образовать споръ, но внѣ тѣла онѣ даютъ начало большому количеству этихъ крайне стойкихъ формъ; именно эта способность производить споры дѣлаетъ этотъ организмъ столь опаснымъ и упорнымъ. Такъ, если трупы животныхъ, павшихъ отъ сибирской язвы, зарываются въ землю или оставляются на поверхности земли, бациллы образуютъ споры въ почвѣ, и здоровыя животныя могутъ заразиться, воспринимая эти споры съ пищей на пастбищахъ. Кромѣ того, и кожи животныхъ, павшихъ отъ сибирской язвы, нерѣдко поступаютъ въ продажу и оказываются губительными для кожевниковъ, даже долго спустя послѣ того, какъ онѣ были сняты.

Рис. 26. Бациллы сибирской язвы (a и b) индивидуальныя бациллы, растущія въ отдѣльности въ видѣ нитей; (c)— споры;

Отсюда можно видѣть, насколько необходимъ самый строгій надзоръ во всѣхъ случаяхъ появленія сибирской язвы, и съ какой настойчивостью нужно добиваться сожженія труповъ больныхъ животныхъ. Къ несчастью, тѣ, кому приходится всего ближе соприкасаться съ этой болѣзнью, часто совершенно не сознаютъ ея опасности. Такъ, во время недавняго появленія этой болѣзни въ земледѣльческомъ округѣ Англіи, мясникъ, которому было поручено убивать зараженныхъ животныхъ, не имѣлъ понятія объ опасности, какой онъ подвергался, и узналъ о ней только тогда, когда самъ палъ жертвою этой болѣзни.

Мы должны обратиться теперь къ другой болѣзни, которая у человѣка встрѣчается гораздо чаще сибирской язвы и, подобно послѣдней, также вызывается микроорганизмомъ,—впрочемъ, не бациллой, а микрококкомъ. Мы говоримъ о рожистомъ воспаленіи, микрококки котораго соединяются въ видѣ цѣпей и извѣстны поэтому подъ названіемъ стрептококковъ (рис. 27).

Эти организмы легко разводятся внѣ тѣла въ искусственной средѣ. Болѣзнь, несомнѣнно, вызывается именно упомянутыми стрептококками: рожистое воспаленіе, дѣйствительно, могло появляться у человѣка путемъ намѣренной прививки стрептококковъ, результатомъ котораго было появленіе типической формы этой болѣзни. Я долженъ прибавить, что эти опыты надъ человѣческими существами производились не только съ цѣлью научнаго изслѣдованія, но и на пользу лицъ, подвергавшихся прививкѣ, страдавшихъ отъ злокачественныхъ опухолей, иногда облегчающихся рожистымъ воспаленіемъ. Эти опыты, поэтому, даютъ намъ возможность утверждать, что упомянутый

Рис. 27. Стрептококкъ рожистаго воспаленія.

Рис. 28. Бациллы бугорчатки (по Коху.)

организмъ можетъ вызывать рожистое воспаленіе не только у животныхъ, но и у человѣка.

Несомнѣнно, однако, что величайшимъ и замѣчательнѣйшимъ дѣломъ, касающимся связи между болѣзнями и жизнью микроорганизмовъ, должно быть названо доказательство, доставленное Кохомъ, относительно причины чахотки, болѣзни, встрѣчающейся чаще многихъ другихъ и въ нашей странѣ являющейся величайшимъ врагомъ для человѣческой жизни, уничтожая около пятой части всего населенія, преимущественно въ лучшихъ и самыхъ дѣятельныхъ годахъ жизни. Эта болѣзнь, какъ мы знаемъ теперь съ несомнѣнной точностью, причиняется мельчайшею бациллой, встрѣчающейся неизмѣнно во всѣхъ формахъ бугорчатки. Путемъ весьма остроумныхъ методовъ, эту бациллу разводили внѣ тѣла въ искусственной средѣ; попадая затѣмъ вновь въ тѣло животнаго, она опять вызывала характерныя болѣзненныя явленія.

Точный способъ передачи этой болѣзни отъ одного индивидуума къ другому, въ дѣйствительности, еще не удостовѣренъ; но если мы будемъ помнить, что мокрота чахоточныхъ больныхъ почти всегда

содержитъ описанный организмъ, и что бацилла эта, какъ извѣстно, производитъ споры, намъ не трудно будетъ понять, что существуютъ много путей, которыми ядъ можетъ сообщаться. Повидимому, простого перенесенія организмовъ отъ одного лица къ другому еще недостаточно, чтобы вызвать болѣзнь: для этой послѣдней нужно большее или меньшее предрасположеніе къ ней. Во всѣхъ заразныхъ болѣзняхъ предрасположеніе, несомнѣнно, играетъ важную роль въ процессѣ зараженія, но, въ случаѣ бугорчатки, это предрасположеніе имѣетъ, повидимому, особое значеніе.

О возможности передачи этой болѣзни низшими животными человѣку также не слѣдуетъ забывать. Бугорчатка, сравнительно, часто встрѣчается среди рогатаго скота и, такъ же какъ въ другихъ заразныхъ болѣзняхъ, молоко требуетъ особенно осторожнаго отношенія къ нему, будучи особенно удобною средой для перенесенія заразнаго яда.

Громадное значеніе имѣетъ совершившееся въ послѣдніе годы установленіе специфической причины столбняка. Уже съ тѣхъ поръ, какъ Карле и Ратоне доказали въ 1884 г., что столбнякъ можетъ передаваться однимъ лицомъ другому, такъ какъ привитые кролики умирали отъ этой болѣзни, многочисленные изслѣдователи обращались къ этой области изысканія. Николайеръ открылъ первый, что нѣкоторыя бациллы, имѣющія большое распространеніе въ слояхъ почвы, могутъ при подкожной прививкѣ мышамъ, морскимъ свинкамъ, кроликамъ и проч. вызывать типическіе симптомы столбняка, отъ котораго эти животныя впослѣдствіи умирали. Эти результаты подтверждены были Розенбахомъ; но всѣ стремленія добыть бациллу въ чистомъ состояніи не имѣли успѣха, пока Китозато, японецъ, ученикъ д-ра Коха, не напалъ на слѣдующую остроумную мысль, давшую ему возможность выдѣлить бациллу столбняка. Китозато привилъ этотъ ядъ къ особому желатину и держалъ его въ температурѣ около 38° Ц. въ инкубаторѣ: уже черезъ 24 часа замѣтно было большое разрастаніе бациллъ. Разсматривая эти разводки подъ микроскопомъ, онъ нашелъ различные микроорганизмы и, между прочимъ, бациллу, которую онъ сразу призналъ за бациллу столбняка, найденную Николайеромъ и др. Эти бациллы давали споры на концѣ палочки, схожіе по виду съ булавкой. (Приложенный рисунокъ заимствованъ изъ оригинальной статьи Китозато, въ которой онъ описываетъ

бациллу столбняка). Эти бациллы ни въ какомъ случаѣ не разрастаются въ присутствіи воздуха; отсюда и происходитъ затрудненіе для полученія ихъ въ чистомъ видѣ.

Черезъ двое сутокъ эти характерныя палицеобразныя споры бациллъ разрослись въ громадной степени; сосудъ, содержащій разводку, былъ поставленъ въ воду, уже нагрѣтую до 80° Ц. и оставался въ этой температурѣ около трехъ-четвертей часа. При изслѣдованіи разводки послѣ того, все оказалось мертвымъ, кромѣ споръ; тогда эти споры привиты были къ мыши, и она умерла вслѣдъ затѣмъ отъ столбняка. Китозато убѣждался въ выдѣленіи бациллъ столбняка фактомъ, что онѣ быстрѣе образовали споры, чѣмъ другія бациллы, вмѣстѣ съ которыми онѣ часто встрѣчаются, и что эти споры успѣшно противостояли высокой температурѣ, убивающей другіе микроорганизмы. Въ теченіе своихъ опытовъ Китозато успѣлъ добыть разводки на плоскости и вызвать прививкою ихъ столбнякъ у мыши, чѣмъ, по его мнѣнію, доказывается несомнѣнная связь между этимъ особымъ микроорганизмомъ и столбнякомъ.

Рис. 29. Бациллы столбняка (a)—индивидуальныя бациллы; (b)—споры (по Китозато).

Споры бациллъ столбняка имѣютъ обширное распространеніе не только въ садовой почвѣ, но и въ конюшняхъ, сѣнныхъ сараяхъ и проч.; сохраняя свою жизненность и свою ядовитость въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, даже и тогда, когда тѣ высушены и содержатся при обыкновенной температурѣ воздуха или зарыты онѣ въ почвѣ, должны быть признаны одними изъ несомнѣнныхъ и жестокихъ невидимыхъ враговъ человѣка.

Недавно наблюдался замѣчательный примѣръ ихъ распространенія. Маленькій ребенокъ нечаянно обрѣзалъ палецъ обыкновеннымъ кухоннымъ ножомъ; отецъ его, стараясь остановить кровотеченіе, обмоталъ палецъ обыкновенною паутиной. Этотъ суевѣрный обычай

оказался весьма вреднымъ, такъ какъ ребенокъ, спустя мѣсяцъ послѣ того, обнаружилъ типическіе симптомы столбняка. Было доказано несомнѣнно, что причиной того оказалась паутина, такъ какъ кролики и морскія свинки, которымъ привита была паутина, взятая съ того же мѣста, умерли при особенно опредѣленныхъ симптомахъ столбняка. Безъ сомнѣнія, споры были захвачены паутиной, будучи принесены туда какимъ-либо случайнымъ потокомъ воздуха, и оставались тамъ до тѣхъ поръ, пока для нихъ не представился случай выказать свою губительную силу.

Давно уже извѣстно, что ядовитыя стрѣлы дикихъ племенъ вызываютъ у своихъ жертвъ явленіе столбняка; не можетъ быть вопроса, что, приготовляя такія стрѣлы опущеніемъ ихъ въ илъ нѣкоторыхъ болотъ и послѣдовательнымъ высушиваніемъ ихъ на солнцѣ, дикари безсознательно надѣляютъ ихъ прочными и вредоносными свойствами споръ столбняка.

Рис. 30. Спирилла азіатской холеры, обыкновенно называемая бациллой-запятой Коха (по Коху).

Другой организмъ, который былъ весьма тщательно изученъ, и характеръ котораго до сихъ поръ еще составляетъ предметъ споровъ,— извѣстная бацилла, признанная Кохомъ причиной азіатской холеры. Въ настоящее время, пока какой-нибудь другой дѣятель не заявитъ болѣе дѣйствительныя права на это отличіе, мы должны довольствоваться признаніемъ организма Коха за причину, вызывающую холеру. такъ какъ это право опирается на множество свидѣтельствъ и тщательное опытное изслѣдованіе.

На приложенномъ рисункѣ представленъ микроскопическій препаратъ бациллъ—запятыхъ или спириллъ, какъ ихъ называютъ вслѣдствіе искривленной, штопорообразной формы, которую онѣ часто принимаютъ, разрастаясь въ жидкостяхъ.

Бацилла тифа можетъ служить другимъ примѣромъ особаго микроорганизма, находящагося въ связи съ болѣзнью; но относительно ея трудности прямого опытнаго изслѣдованія не были побѣждены еще въ такой степени, чтобы она могла доставить такое же несомнѣнное доказательство своего дѣйствія, какое мы видимъ въ бациллахъ столбняка или бугорчатки. Слѣдующій рисунокъ изображаетъ

обыкновенный видъ такъ-называемой тифозной бациллы Эберта-Гафки. На одномъ изъ предыдущихъ рисунковъ, какъ мы помнимъ, она была представлена окруженною жгутиками или органами передвиженія, которые становятся видимыми лишь въ такомъ случаѣ, когда препаратъ передъ микроскопическимъ изслѣдованіемъ подвергается особой обработкѣ.

Но и сказаннаго довольно для оцѣнки замѣчательнаго пути изслѣдованія, которое привело и обѣщаетъ привести къ еще болѣе важнымъ результатамъ въ медицинѣ. Предохранительная медицина, являющаяся, въ сущности, произведеніемъ нашего столѣтія, сдѣлала громадный шагъ впередъ, благодаря быстрому росту нашихъ свѣдѣній относительно этихъ микроскопическихъ враговъ и ихъ привычекъ. Въ этомъ движеніи Англія, къ сожалѣнію, нѣсколько осталась позади. Но многіе признаки уже указываютъ, что общественное мнѣніе видимо измѣняется въ своемъ отношеніи къ этой отрасли науки и уже начинаетъ оцѣнивать важность этихъ полезныхъ изслѣдованій.

Дополненіе по Кэнну.

Нѣкоторые виды бактерій приносятъ вредъ человѣку, нарушая тѣмъ или другимъ путемъ его нормальные жизненные процессы. Эти патогенныя бактеріи, или зародыши болѣзней, не всѣ дѣйствуютъ одинаково, но причиняютъ вредъ человѣку различными способами. Мы различаемъ между ними два класса, которые, впрочемъ, связываются другъ съ другомъ промежуточными типами. Къ первому изъ этихъ классовъ принадлежатъ патогенныя бактеріи, которыя не могутъ быть названы паразитами въ строгомъ смыслѣ слова и ведутъ свободное существованіе въ природѣ; ко второму классу относятся настоящіе паразиты, живущіе въ тѣлѣ человѣка или животныхъ. Чтобы понять различіе между этими классами, мы должны сперва ознакомиться съ способомъ, какимъ бактеріи вообще причиняютъ болѣзни.

Съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, что нѣкоторые виды бактерій имѣютъ способность вызывать болѣзни, на первый планъ выступилъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ онѣ это дѣлаютъ. Если онѣ разрастаются въ тѣлѣ,—какимъ образомъ присутствіе ихъ даетъ начало характернымъ болѣзненнымъ симптомамъ? На этотъ вопросъ въ прошломъ давались различные отвѣты. Предполагалось, что своимъ раз-

растаніемъ онѣ потребляютъ вещество тѣла и этимъ путемъ истощаютъ его; что онѣ производятъ окисленіе тканей тѣла; что онѣ причиняютъ уменьшеніе этихъ тканей или механически мѣшаютъ кровообращенію. Ни одно изъ этихъ предположеній не имѣло большого значенія. Давно уже былъ высказанъ другой взглядъ, котораго время не могло поколебать: онъ указываетъ, что бактеріи, разрастаясь въ тѣлѣ, производятъ яды, и эти яды имѣютъ непосредственное вліяніе на тѣло. Дѣйствительно, бактеріи, размножаясь въ той или другой средѣ, производятъ большія количества двойныхъ продуктовъ разложенія. Среди этихъ продуктовъ нѣкоторые имѣютъ ядовитыя свойства; будучи привиты къ тѣлу животнаго, они вызываютъ отравленіе и смерть. Мы можемъ предположить только, что патогенныя бактеріи, разрастаясь, въ видѣ паразитовъ, въ человѣкѣ, производятъ такіе яды, и въ этомъ мы находимъ объясненіе того, какимъ образомъ ими вызываются болѣзни.

Объясненіе болѣзней дѣйствіемъ зародышей нельзя назвать только теоріей, такъ какъ оно, несомнѣнно, доказано во многихъ случаяхъ. Оказалось, что бактеріи, причиняющія дифтеритъ, столбнякъ, тифъ, бугорчатку и мн. др. болѣзни, разрастаясь въ обыкновенныхъ культурныхъ срединахъ, производятъ весьма сильные яды. Эти яды, привитые къ тѣлу животнаго, даютъ начало тѣмъ же симптомамъ, какъ и бактеріи, когда онѣ разрастаются въ видѣ паразитовъ. Главное различіе въ результатахъ прививки животному яда изъ живой бактеріи заключается въ быстротѣ дѣйствія, которое въ первомъ случаѣ проявляется медленнѣе, чѣмъ въ послѣднемъ. Хотя и не доказано, что всѣ болѣзнетворные зародыши производятъ дѣйствіе этимъ путемъ, но и этотъ способъ представляется несомнѣннымъ во многихъ случаяхъ и весьма вѣроятнымъ въ другихъ. Дѣйствіе ядовъ, производимыхъ бактеріями, во всякомъ случаѣ, можно считать обычною, непосредственною причиной симптомовъ болѣзней.

Признавая способность бактерій производить яды, мы легко можемъ понять, что онѣ не должны жить непремѣнно въ нашемъ тѣлѣ, чтобы вызывать болѣзни. Разрастаясь въ природѣ, онѣ могутъ не причинять намъ никакого вреда. Онѣ выдѣляютъ свои яды въ разлагающемъ веществѣ, но рѣдко попадаютъ въ человѣческое тѣло. Эти яды, появляющіеся въ первыхъ стадіяхъ гніенія, окисляются на дальнѣйшихъ ступеняхъ разложенія и превращаются въ безвредные про-

дукты. Но если случится, что нѣкоторыя изъ этихъ бактерій получаютъ возможность усиленнаго размноженія въ органическихъ продуктахъ, которые употребляются человѣкомъ въ пищу, то, очевидно, это можетъ повести къ весьма вреднымъ послѣдствіямъ. Если пища проглочена уже послѣ отложенія яда бактеріями, можетъ произойти немедленное отравленіе организма, болѣе или менѣе сильное, смотря по количеству ядовитаго вещества. Извѣстно много примѣровъ отравленія мороженнымъ, сыромъ, молокомъ, рыбой или мясомъ, въ которыхъ удалось размножиться бактеріямъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ ядъ воспринимается въ достаточныхъ количествахъ, чтобы быстро произвести симптомы, могущіе привести къ роковому концу. При меньшихъ количествахъ яда дѣйствіе его не столь быстро и рѣшительно. Всѣ подобныя нарушенія исходятъ отъ пищи, въ которой совершаются броженіе или разложеніе.

Можетъ случиться, что бактеріи, разрастающіяся въ пищѣ, продолжаютъ размножаться въ ней уже послѣ того, какъ она попадетъ въ желудокъ или кишки. Это въ особенности можно сказать о молочныхъ бактеріяхъ. Бактеріи, попадающія въ такихъ условіяхъ въ человѣческое тѣло, не могутъ быть названы въ строгомъ смыслѣ паразитическими: онѣ только продолжаютъ выдѣлять яды, дѣйствуя одинаково въ молочной посудѣ и въ человѣческомъ организмѣ. Если эти яды поглощаются тѣломъ, они производятъ легкія или серьезныя заболѣванія, продолжающіяся болѣе или менѣе долгое время, въ зависимости отъ употребленія той же самой пищи и содержащихся въ ней бактерій. Самою важною изъ этихъ болѣзней является, повидимому, дѣтская холера, столь обычная у дѣтей, которыхъ кормятъ молокомъ въ теплую погоду. Мы легко поймемъ свойство этой болѣзни, припомнивъ, какое громадное количество бактерій развивается въ молокѣ въ теплое время и принявъ во вниманіе слабый организмъ ребенка. Намъ не трудно понять также, почему эта болѣзнь уступаетъ, когда больному начинаютъ давать стерилизованное молоко. Понятно также, почему лѣтомъ чаще случаются желудочныя разстройства: въ это время бактеріи размножаются сильнѣе и проглатываются чаще съ пищей или питьемъ.

Но самымъ обычнымъ и опаснымъ источникомъ такихъ ядовъ является молоко, которое въ теплое время можно пить только или совершенно свѣжимъ или кипяченымъ.

Паразитическими называются такія бактеріи, которыя попадаютъ въ наше тѣло и питаются ея тканями. Нѣкоторыя изъ нихъ, впрочемъ, какъ, напр., дифтеритная бактерія, не проникаютъ внутрь тѣла, а разрастаются въ горлѣ, прикрѣпляясь къ его стѣнкамъ, и ограничиваютъ свое распространеніе поверхностными тканями. Эта бацилла прикрѣпляется къ слизистой оболочкѣ и, быстро распространяясь въ ней, изливаетъ чрезвычайно сильный ядъ, который проникаетъ въ тѣло и производитъ общіе симптомы болѣзни. Тоже можно сказать о бациллѣ столбняка; она прививается къ мышцамъ жертвы посредствомъ раны, нанесенной какимъ-нибудь предметомъ, лежавшимъ на землѣ, гдѣ живутъ эти бациллы. Эта бацилла быстро разрастается послѣ прививки, но не проходитъ далѣе поверхности раны. Она даетъ начало чрезвычайно сильнымъ ядамъ, которые, попадая въ тѣло, производятъ опасные симптомы названной болѣзни. Тоже можно сказать и объ азіатской холерѣ, которая вызывается бациллой, быстро разрастающейся въ кишкахъ, питаясь, быть можетъ, заключающеюся въ ней пищей и отчасти выдѣленіями тѣла. Ее нельзя назвать настоящимъ паразитомъ, и роковой исходъ болѣзни зависитъ отъ поглощенія ядовъ, выдѣляемыхъ ею въ кишкахъ.

Напротивъ, тифозная бактерія разрастается въ кишкахъ, проникая въ ткани глубже, чѣмъ зародыши холеры. Эти бактеріи не распространяются по всему тѣлу, но сосредоточиваются въ особыхъ железахъ, каковы печень, селезенка и т. п. Повсюду, гдѣ онѣ разрастаются, онѣ выдѣляютъ ядъ, называемый тифотоксиномъ, и именно этотъ ядъ вызываетъ лихорадочныя явленія. Многіе другіе болѣзнетворные зародыши также болѣе или менѣе ограничиваются извѣстными мѣстами въ организмѣ. Самымъ обыкновеннымъ примѣромъ такой заразительной бактеріи можетъ служить бацилла бугорчатки, являющаяся причиной чахотки, золотухи, бѣлой опухоли, волчанки и пр. Эта бацилла можетъ сосредоточиваться въ небольшой железѣ, въ одномъ сочлененіи или незначительномъ участкѣ легкаго, причемъ остальныя части тѣла остаются свободными отъ зараженія.

Есть и такіе паразиты, которые, попадая въ тѣло, производятъ общее зараженіе, одновременно дѣйствуя на кровь и почти на всѣ ткани. Примѣромъ такой бактеріи является бацилла сибирской язвы, размножающаяся въ крови и производящая общее гибельное зараженіе всего тѣла.

Какъ мы видимъ, такъ-называемые болѣзнетворные зародыши дѣйствуютъ на тѣло посредствомъ ядовъ, выдѣляемыхъ ими посредствомъ разрастанія. Весьма важно, поэтому, опредѣлить, въ какой степени болѣзни человѣка зависятъ отъ бактерій. Въ настоящее время, однако, это еще не легко опредѣлить съ точностью. Не говоря уже о томъ, что для каждой болѣзни надо выдѣлить соотвѣтственную бактерію, найти способъ разведенія ея внѣ тѣла въ культурной средѣ и доказать ея отсутствіе въ здоровомъ организмѣ, мы можемъ дѣлать опытныя прививки только животнымъ, а не людямъ, что̀ далеко не всегда убѣдительно. Кромѣ того извѣстно, что нѣкоторые виды патогенныхъ бактерій въ различныхъ условіяхъ даютъ различные результаты. Нѣкоторыя болѣзни, правда, находятся въ опредѣленномъ отношеніи къ извѣстнымъ бактеріямъ; такъ, зародышъ сибирской язвы всегда вызываетъ эту болѣзнь, гдѣ бы и какъ бы онъ ни былъ привитъ къ тѣлу; съ другой стороны, многія патогенныя бактеріи далеко не такъ опредѣленны въ своемъ дѣйствіи и иногда встрѣчаются внутри и вокругъ тѣла даже въ здоровомъ состояніи. Способность ихъ приносить вредъ зависитъ отъ состоянія индивидуума и отъ измѣненія въ самихъ бактеріяхъ. Нѣкоторые виды микроорганизмовъ всегда находятся въ пищеварительномъ каналѣ, не производя никакого вреда, а при другихъ обстоятельствахъ они проникаютъ въ ткани и даютъ начало серьезнымъ и даже опаснымъ заболѣваніямъ.

Все это показываетъ, что теченіе и даже самое появленіе болѣзни опредѣляется другими факторами, помимо простого присутствія извѣстнаго вида патогенной бактеріи. Подъ этими факторами мы разумѣемъ измѣняемость бактерій и измѣняемость индивидуума въ смыслѣ чувствительности его къ болѣзни. Извѣстно, что различныя условія дѣйствуютъ на ядовитость бактеріи. Такъ, бацилла, которой приписывается способность вызывать чахотку, теряетъ свою силу, подвергшись кратковременному пребыванію въ обыкновенной культурной средѣ въ лабораторіи. Это легко понять, зная, что эта заразительная бацилла разрастается только при условіи паразитическаго состоянія. Тоже можно сказать о патогенной бактеріи сибирской язвы и микрококкѣ, вызывающемъ куриную холеру. Многія патогенныя бактеріи, при извѣстной обработкѣ, отчасти или вполнѣ теряютъ способность причинять опасныя болѣзни. Съ другой стороны, въ извѣстныхъ условіяхъ ядовитая сила ихъ возрастаетъ. Микрококкъ куриной хо-

леры, будучи ослабленъ путемъ прививки, возвращаетъ себѣ силу, если будетъ привитъ къ мелкой птицѣ, въ родѣ воробья.

Организмы, причиняющіе болѣзни, не всѣ принадлежатъ къ группѣ бактерій. Нѣкоторые изъ нихъ относятся къ растеніямъ болѣе высокой организаціи, а другіе, несомнѣнно, должны быть причислены къ микроскопическимъ животнымъ. По своему образу жизни, они отличаются отъ бактерій, и теченіе причиняемыхъ ими болѣзней имѣетъ нѣсколько другой характеръ. Изъ этихъ болѣзней нѣкоторыя заслуживаютъ особаго упоминанья. Самою важною изъ нихъ можно назвать малярію, называемую обыкновенно лихорадкой, съ различными прибавленіями, въ родѣ перемежающейся, болотной и т. п. Эта столь распространенная болѣзнь долго изучалась врачами и учеными и приписывалась различнымъ причинамъ. Нѣкоторое время она считалась результатомъ разрастанія бактерій, и даже описывалась особая бацилла, будто бы производящая ее. Но въ концѣ-концовъ было доказано, что она вызывается микроскопическимъ организмомъ, принадлежащимъ къ группѣ одноклѣточныхъ животныхъ, близко родственнымъ извѣстной всѣмъ амёбѣ. Полная исторія организма маляріи еще не установлена. Несомнѣнно, зародышъ маляріи находится гдѣ-нибудь внѣ человѣческаго тѣла, но до сихъ поръ еще не опредѣлено съ точностью, гдѣ именно. Возможно, что въ иныхъ случаяхъ вода, а въ другихъ—воздухъ,—служатъ средствами передачи его человѣку. Изъ какого-то внѣшняго источника она попадаетъ въ тѣло человѣка и проникаетъ въ его кровь. Здѣсь она нападаетъ на красныя кровяныя тѣльца, причемъ въ каждое изъ нихъ входитъ организмъ маляріи. Здѣсь онъ разрастается, увеличиваясь въ размѣрахъ на счетъ вещества кровяного шарика. Вырастая, онъ становится зернистымъ и вскорѣ выказываетъ склонность раздѣляться на нѣсколько неправильныхъ массъ. Подъ конецъ онъ распадается на множество мелкихъ тѣлецъ, споръ, которыя выходятъ изъ кровяныхъ шариковъ и нѣкоторое время свободно живутъ въ крови. Потомъ они опять проникаютъ въ красныя кровяныя тѣльца и развиваются въ новыя споры; этотъ процессъ можетъ повторяться, повидимому, множество разъ. Въ этихъ организмахъ, поэтому, можно видѣть паразитовъ красныхъ тѣлецъ крови. Распространеніе ихъ и разрушеніе тѣлецъ, безъ сомнѣнія, является вреднымъ для индивидуума, и сила болѣзни зависитъ отъ степени того и другого явленія. Пароксизмы болѣзни, называе-

мые ознобомъ, случаются въ то время, когда споры выходятъ изъ кровяныхъ тѣлецъ и свободно плаваютъ въ крови. Послѣ того, какъ онѣ вновь войдутъ въ кровяныя тѣльца, лихорадка уменьшается, и во время ихъ роста въ тѣльцахъ, до слѣдующаго выхода споръ, индивидуумъ отдыхаетъ отъ болѣе сильныхъ приступовъ. Повидимому, существуетъ болѣе одной разновидности организма малярiи; различные типы требуютъ не одинаковаго времени для своего роста и выдѣленія споръ. Самая обыкновенная разновидность требуетъ для этого два дня, вслѣдствіе чего пароксизмъ происходитъ одинъ разъ въ теченіе двухъ сутокъ; другая разновидность требуетъ трехъ дней для своего роста; третья, наконецъ, обнаруживаетъ меньшую правильность въ этихъ явленіяхъ.

Организмъ малярiи, повидимому, весьма чувствителенъ къ хинину, погибая даже отъ небольшого количества его. На этомъ обстоятельствѣ построено значеніе хинина въ медицинѣ. Если лѣкарство окажется въ крови въ то время, когда споры выходятъ изъ кровяныхъ тѣлецъ, онѣ быстро убиваются имъ и не могутъ уже войти въ другое тѣльце. Во время своего роста внутри тѣльца онѣ менѣе чувствительны къ хинину, и въ это время лѣкарство оказываетъ менѣе дѣйствія. Организмъ малярiи—животное, и поэтому его нельзя культивировать въ лабораторiи описанными выше искусственными средствами. Его исторiя, какъ мы уже говорили, еще не вполнѣ изучена. Бактеріологамъ не удалось еще выяснить чего-либо опредѣленнаго въ этомъ отношенiи. Пока мы не узнаемъ о его жизни внѣ крови человѣка, мы не можемъ указать вѣрныхъ средствъ для предохраненія отъ него. Пока мы можемъ только сказать, что организмъ малярiи не выдѣляется изъ человѣческаго тѣла, и поэтому онъ не заразителенъ.

VI.

Теорiя и практика предохраненія отъ болѣзней.

Какъ доказываютъ новѣйшія изслѣдованія, многія опасныя болѣзни у человѣка и животныхъ производятся микроскопическими организмами, которые въ нихъ разрастаются и размножаются. Но, повидимому, не самое ихъ присутствіе въ живомъ тѣлѣ вызываетъ эти болѣзни; послѣднія происходятъ отъ того, что эти организмы выраба-

тываютъ въ тканяхъ тѣла нѣкоторыя химическія вещества крайне ядовитаго свойства,—и именно эти яды, а не сами микробы, составляютъ настоящую причину заболѣванія. Ядовитыя химическія вещества могутъ вырабатываться микробами, когда они разрастаются въ искусственныхъ разводкахъ и внѣ живого тѣла; такъ, когда, напр., мясо и др. бѣлковыя вещества начинаютъ подвергаться разложенію, они нерѣдко обнаруживаютъ крайне ядовитыя качества. Намъ весьма знакомы подобные случаи, о которыхъ часто приходится читать въ газетахъ, когда цѣлая семья отравилась, поѣвъ какого-нибудь мясного или рыбнаго блюда. Эти случаи всегда происходятъ оттого что пища, о которой идетъ рѣчь, была испорчена; въ ней уже заключались нѣкоторые микроорганизмы, выдѣлившіе особыя химическія вещества. Послѣ того, какъ пища была сварена, самые микробы были уничтожены, а ядовитыя вещества уцѣлѣли, нисколько не измѣнившись отъ процесса приготовленія пищи.

Поэтому особыя разстройства нашего организма, характерныя для извѣстныхъ болѣзней, сводятся къ поглощенію и разнесенію по нашему тѣлу этихъ крайне ядовитыхъ веществъ, вырабатываемыхъ особыми микроорганизмами. Дѣйствіе болѣзнетворныхъ бактерій, на самомъ дѣлѣ, нельзя сравнивать съ отравленіемъ какимъ-либо растительнымъ ядомъ; оно скорѣе походитъ на введеніе въ организмъ сѣмянъ ядовитаго растенія, вслѣдствіе чего въ тѣлѣ вырастаетъ само ядовитое растеніе и отравляетъ его производимымъ имъ ядомъ. Вводя въ тѣло животнаго организованные яды, каковы столбнякъ или бугорчатка, мы, строго говоря, вовсе не вносимъ въ него яда, а вводимъ цѣлую лабораторію для выработки яда или машину, вырабатывающую смертельные яды изъ тканей и соковъ животнаго, благодаря чему сама она становится сильнѣе и увеличивается въ размѣрахъ. Это вовсе не воображаемая картина: во многихъ случаяхъ удавалось открывать и выдѣлять настоящіе яды, производимые этими чужеядными мелкими существами. Такъ Бригеръ описалъ вещества, которыя ему удалось получить изъ частыхъ разводокъ бациллы тифа и столбняка. Въ первомъ случаѣ онъ выдѣлилъ вещество, названное имъ тифотаксиномъ, а изъ продуктовъ, выработанныхъ бациллами столбняка, онъ добылъ особое вещество тетанинъ, которое, будучи впрыснуто въ тѣло животнаго, производитъ характерные признаки столбняка; изъ тѣхъ же разводокъ онъ получилъ тетаноксинъ, при упо-

требленіи котораго ему удавалось вызывать нѣкоторые изъ признаковъ, сопровождающихъ столбнякъ. Тотъ же ученый выдѣлилъ весьма ядовитое вещество изъ разлагающихся ракушекъ и другіе ядовитые матеріалы изъ гнилого сыра и т. д.

Научное изслѣдованіе пошло далѣе; ученые не удовольствовались простымъ разъясненіемъ причины страшныхъ явленій, постоянно совершающихся около насъ. Они, такъ сказать, приняли строгія мѣры противъ этихъ безчисленныхъ полчищъ, враждебныхъ человѣческой жизни; они обозрѣли ихъ укрѣпленія и осмотрѣли оружіе, которымъ тѣ пользуются, не покидая своей неусыпной работы; они въ то же время изобрѣтали способы уничтоженія страшной силы, благодаря которой эти безчисленные враги такъ долго и почти безнаказанно торжествовали надъ беззащитнымъ человѣчествомъ и всѣмъ животнымъ царствомъ.

Существовали вѣскія причины, чтобы направить изслѣдованіе именно въ эту сторону: богатый опытъ, какой доставленъ былъ заразными болѣзнями въ прошлыя времена, давалъ ясное указаніе пути, какимъ эти болѣзни могли быть рано или поздно приведены къ покорности и какимъ могла быть ограничена ихъ разрушительная сила. Обыкновенное наблюденіе давало понять, что проявленіе заразной болѣзни предохраняетъ отъ второго проявленія ея; хотя нѣкоторые настолько несчастливы, что заболѣваютъ по два или даже по три раза корью или скарлатиной; но мы знаемъ, что въ большинствѣ случаевъ заболѣваніе этими и другими заразными болѣзнями ограничивается однимъ разомъ. Врачамъ было также давно извѣстно, что напряженность этихъ болѣзней подвергается большимъ измѣненіямъ не только у различныхъ лицъ, но и въ различныя времена, и въ различныхъ мѣстахъ. Такъ, иногда скарлатина или дифтеритъ появлялись въ какомъ-нибудь мѣстѣ въ очень серьезныхъ формахъ съ большимъ количествомъ тяжелыхъ случаевъ и смертельныхъ исходовъ, а въ другое время и въ другомъ мѣстѣ они замѣчаются въ болѣе легкой формѣ съ немногими смертями и тяжелыми случаями. Эти замѣчательныя явленія давно уже привлекали къ себѣ вниманіе по отношенію къ оспѣ; для этой болѣзни было сдѣлано еще дальнѣйшее поразительное наблюденіе, заключавшееся въ томъ, что когда эта болѣзнь случайно передавалась прямой прививкой отъ одного лица къ другому, въ особенности, въ дѣтствѣ, проявленіе ея бывало гораздо

легче обыкновеннаго, и субъектъ, испытавшій прививку, предохранялся отъ приступовъ болѣзни въ будущемъ. Это повело къ обычаю правильной прививки оспы, который былъ въ большомъ употребленіи на Востокѣ и въ прошломъ вѣкѣ былъ введенъ въ Англіи. Къ этому способу часто прибѣгали до тѣхъ поръ, пока знаменитое открытіе Дженнера въ 1799 г. не указало, что подобное же предохраненіе отъ оспы можетъ быть достигнуто прививкой коровьей оспы—болѣзни, нерѣдко поражающей корову и лошадь, но въ естественномъ видѣ не встрѣчающейся у человѣка. Прививка этой болѣзни, или вакцинація, какъ ее обыкновенно называютъ, имѣла то преимущество надъ прививкой оспы, что вызывало болѣе легкую и менѣе опасную болѣзнь, чѣмъ прививка натуральной оспы. Это великое открытіе, сдѣланное много лѣтъ тому назадъ и значительно ограничившее опустошенія, производимыя натуральной оспой, считается однимъ изъ величайшихъ тріумфовъ медицины и, дѣйствительно, оно послужило основою того отдѣла этой науки, которую мы называемъ предохранительной медициной, и отъ которой въ будущемъ мы ожидаемъ развитія еще болѣе величественнаго, чѣмъ въ прошломъ. Открытіе Дженнера оставалось, впрочемъ, лишь одиночнымъ успѣхомъ врачебной науки, пока тщательное изслѣдованіе микроорганизмовъ и дѣйствія, производимаго ими, въ послѣднія пятнадцать лѣтъ не бросили новаго свѣта на эти удивительныя и загадочныя явленія.

Новый путь въ этомъ направленіи впервые открытъ былъ Пастеромъ при изслѣдованіи губительной заразной болѣзни, поражающей домашнихъ птицъ и названной имъ *куриной холерой*.

Пастеръ нашелъ, что если искусственныя разводки этой бациллы сохраняются въ теченіе девяти или десяти мѣсяцевъ, то при прививкѣ курицамъ онѣ производятъ незначительную болѣзнь, вмѣсто смертельной, и затѣмъ птицы оказываются предохраненными навсегда отъ послѣдующихъ заболѣваній этой болѣзнью. Свѣжія искусственныя разводки этой ослабленной заразы передавали лишь болѣе легкую форму этой болѣзни. Такимъ простымъ способомъ Пастеру удалось искусственно развести породу бациллъ куриной холеры, не только лишенную губительныхъ свойствъ, но могущую предохранять отъ послѣдующихъ вторженій зловредныхъ бациллъ. Это открытіе, сдѣланное въ 1877 г., было самымъ рѣшительнымъ шагомъ въ изслѣдованіи великаго вопроса о предохранительныхъ прививкахъ; хотя прак-

тически оно касалось только благосостоянія скромнаго населенія куринаго хлѣва и его хозяина, но, въ дѣйствительности, оно было самой важной побѣдой надъ заразными болѣзнями, какая была извѣстна въ то время.

Вслѣдъ затѣмъ изслѣдована была Сибирская язва, гибельно дѣйствующая не только на рогатый скотъ, но и на овецъ, кроликовъ, морскихъ свинокъ, бѣлыхъ мышей и даже на человѣка.

Способы, примѣнявшіеся для предохраненія отъ этой болѣзни, были разнообразны и поучительны, и потому мы ознакомимся съ ними поближе.

Изслѣдуя сибирскую язву, Пастеръ нашелъ, что заразительность бациллъ значительно ослабляется температурой, лишь немного превышающей теплоту крови; если ихъ держать въ искусственныхъ разводкахъ при температурѣ 42—43° Ц. въ теченіе 43 дней, онѣ настолько ослабѣваютъ, что не могутъ принести вреда даже самымъ чувствительнымъ, по отношенію къ нимъ, животнымъ. Кромѣ того, свѣжія разводки, выведенныя изъ этихъ ослабленныхъ разводокъ, сохраняютъ ихъ свойства и сразу оказываются безвредными; животныя, къ которымъ онѣ привиты, почти не подвергаются заболѣваніямъ и въ то же время могутъ считаться совершенно предохраненными отъ сибирской язвы.

Бациллы куриной слѣпоты.

Пастеръ не замедлилъ сдѣлать этотъ блестящій лабораторный опытъ доступнымъ для практическаго употребленія, и, въ теченіе почти всего послѣдняго десятилѣтія, эти ослабленныя бациллы разводились въ большихъ размѣрахъ подъ наблюденіемъ Пастера для разсылки по всему свѣту. Первый крупный опытъ Пастера съ этими ослабленными бациллами, внѣ лабораторіи заслуживаетъ особеннаго вниманія.

5-го мая 1881 г. къ нему доставлены были 24 овцы, 1 коза и 6 коровъ, т.-е. животныя, крайне подверженныя названной болѣзни. Всѣмъ имъ были привиты въ тотъ же день ослабленныя бациллы Пастера, а черезъ 12 дней послѣ того имъ привиты были бациллы еще болѣе ослабленныя. 31-го мая всѣмъ привитымъ животнымъ, а также 24 овцамъ, 1 козѣ и 4 штукамъ рогатаго скота, не подвергавшимся предохранительной прививкѣ, нѣсколько разъ была впрыснута матерія сибирской язвы. 2-го іюня, т.-е. черезъ три дня послѣ того, 21 овца и коза, не испытавшія прививки, уже издохли; двѣ другія овцы были близки къ смерти, а послѣдняя заболѣла въ тотъ же

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАГО И ОБЩЕНАУЧНАГО САМООБРАЗОВАНІЯ ВОСПИТАТЕЛЕЙ И НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшенъ для учительскихъ библіотекъ и безплатныхъ народныхъ читаленъ.

1899 г.

Годъ изданія тридцать первый.

Книжка шестая.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева, Петровка, д. Обидиной.
1899.

Дозволено цензурою. Москва, 21-го сентября 1899 г.

Неотложныя нужды земскихъ школъ.

(Докладъ Саратовской губернской земской управѣ руководителя педагогическихъ курсовъ 1899 г. Д. И. Тихомирова. *)

Свѣдѣнія наши касаются слѣдующихъ сторонъ школьнаго дѣла губерніи: а) образованіе школьныхъ учителей, число лѣтъ службы, матеріальное обезпеченіе и семейное положеніе; б) количественный составъ школы по отдѣленіямъ, время начала и окончанія учебныхъ занятій, руководства и пособія, учительскія и школьныя библіотеки, отъ кого зависитъ выборъ книгъ и пополненіе библіотекъ; в) школьныя программы и характеристики учебнаго дѣла; г) выпускные экзамены въ школахъ.

Полученныя изъ первоисточника свѣдѣнія по всѣмъ этимъ вопросамъ даютъ вполнѣ ясное представленіе и объ учительскомъ персоналѣ и о состояніи школъ въ губерніи и тѣмъ самымъ указываютъ на тѣ вопіющія нужды, кои могутъ быть удовлетворены земствомъ, какъ ближайшимъ попечителемъ школъ.

---

*) Излагаемыя въ докладѣ свѣдѣнія почерпнуты изъ сообщеній участниковъ губернскихъ педагогическихъ курсовъ 1899 г. Такъ какъ на курсы были командированы учительницы и учителя отъ нѣкоторыхъ только уѣздовъ губерніи, отъ каждаго уѣзда по нѣсколько лицъ, то и нельзя было собрать *полныхъ* свѣдѣній о состояніи *всѣхъ школъ* губерніи, почему настоящій докладъ заключаетъ въ себѣ лишь *общую* характеристику школъ губерніи, обоснованную на матеріалахъ, почерпнутыхъ изъ первоисточниковъ и потому не подлежащихъ сомнѣнію. Правильность нашихъ обобщеній удостовѣряется и слѣдующимъ, непредвидѣннымъ для насъ, совпаденіемъ: наши выводы относительно библіотекъ при школахъ совершенно совпадаютъ съ выводами статьи „Школьныя библіотеки въ Саратовской губ.“ („Сарат. Земск. Недѣля“), а статья эта, основанная на точныхъ, полныхъ статистическихъ данныхъ, заслуживаетъ во всѣхъ отношеніяхъ полнѣйшаго уваженія.

Прежде чѣмъ передать свѣдѣнія, почерпнутыя мною изъ учительскихъ «сообщеній», нахожу необходимымъ болѣе или менѣе формулировать тѣ впечатлѣнія относительно учительскаго персонала, какія мною получены, благодаря близкому знакомству съ преподавателями на курсахъ: «свѣдѣнія» этого рода не подлежатъ никакимъ цифровымъ измѣреніямъ, никакому статистическому учету, между тѣмъ какъ они опредѣляютъ собою рѣшающія данныя, отъ которыхъ прежде всего зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ школьнаго дѣла: мы говоримъ о нравственномъ обликѣ учащихся въ ихъ отношеніяхъ къ школѣ.

Крайне разнообразенъ и разнороденъ образовательный цензъ учащихъ, неодинаково и матеріальное (хотя въ общемъ и скудное) и семейное положеніе учительницъ и учителей; но всѣ они, или почти всѣ, сходятся въ одномъ,—во взглядѣ на свою жизненную задачу, на школу,—у всѣхъ одинаковы, въ общемъ, «*душевныя*» отношенія къ школѣ. Всѣ безъ исключенія преподаватели школъ, съ тяжелымъ чувствомъ, сознаютъ крайнюю недостаточность своего общаго и спеціально-педагогическаго образованія и съ полною охотою готовы восполнять эти недостатки, лишь бы нашлись къ тому возможныя для нихъ средства. Уже одинъ тотъ фактъ, что на педагогическіе курсы явилось болѣе 200 лицъ вольнослушателей, безъ всякаго пособія отъ земства, на свои личныя скудныя средства, жертвуя своимъ отдыхомъ послѣ годичныхъ занятій, не страшась продолжительности курсовъ, и эти «вольные» слушатели, какъ и «обязательные», отдавали занятіямъ на курсахъ весь длинный, лѣтній, жаркій день, отъ ранняго утра и до поздняго вечера, слушая уроки и бесѣды съ напряженнымъ и не слабѣющимъ вниманіемъ и полнымъ интересомъ, безропотно подчиняясь всѣмъ курсовымъ—школьнымъ правиламъ. Требуя отъ каждаго изъ слушателей значительныхъ жертвъ, педагогическіе курсы не даютъ и не обѣщаютъ даже въ будущемъ своимъ участникамъ никакихъ матеріальныхъ благъ; нѣтъ здѣсь возможности и показать себя, отличиться, стать выше другихъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи: единственнымъ побужденіемъ всѣхъ и каждаго служитъ желаніе увидѣть и услышать то, что́ всесторонне освѣтило бы каждому его жизненную задачу, дало бы духовную помощь, цѣнную въ его жизненномъ дѣлѣ. А эти задачи, это дѣло исчерпываются не многими, но много содержащими въ себѣ словами: какъ скорѣе и вѣрнѣе просвѣтить дѣтей школьнымъ ученіемъ, какъ духовно помочь

темному деревенскому люду. И достойно полнаго вниманія то, что это стремленіе не навѣяно и не внушено извнѣ, и не «изъ головы» только оно идетъ, а и отъ сердца, отъ горячаго искренняго чувства, и не въ словахъ оно выражается, а въ самомъ живомъ дѣлѣ, и трудно удовлетворить это стремленіе чѣмъ-либо не относящимся прямо къ дѣлу, а тѣмъ болѣе идущимъ въ разрѣзъ съ его истинными интересами. Земскій учитель чутко и ревниво стережетъ истинные духовные интересы *своей* школы, и въ этомъ отношеніи онъ достаточно устойчивъ, безошибочно различая друга отъ недруга, отдавая первымъ всѣ свои искреннія, ничѣмъ не подкупныя симпатіи. Искреннимъ призваніемъ учителя къ своему дѣлу опредѣляются и душевныя (лучше сказать—*самыя задушевныя*) его отношенія, по крайней мѣрѣ—большинства преподающихъ въ земскихъ школахъ,—и къ школьнымъ занятіямъ, и къ дѣтямъ, и къ окружающей средѣ. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать: кто желаетъ видѣть въ современной жизни наглядное проявленіе идеализма, тому слѣдуетъ поближе познакомиться съ современнымъ земскимъ учителемъ.

Многіе не вполнѣ, какъ бы, полагаются на «*направленіе*» современнаго земскаго учителя,—и глубоко въ этомъ ошибаются. Наша деревня до крайности устойчива въ своихъ вѣковыхъ воззрѣніяхъ, и тамъ сотни ревниво-подозрительныхъ глазъ слѣдятъ и за школою, и за учителемъ, и мы имѣемъ много неопровержимыхъ доказательствъ утверждать, что эта деревня, эти зоркіе глаза не видятъ и не могутъ увидѣть въ учителѣ ничего, внушающаго «*подозрѣніе*». Земскій учитель—добрый слуга земства, и слуга не за страхъ, не за выгоду, а за совѣсть; причина понятна: его нравственные интересы и стремленія совершенно тождественны съ земскими, и онъ охотно и всецѣло отдается земству, съ любовію приводя въ исполненіе его просвѣтительныя заботы по отношенію къ народной школѣ. «*Направленіе*» учителя можно опредѣлить однимъ словомъ — любовь, искренняя привязанность къ своему дѣлу, а такое-то «направленіе» у насъ часто и признается «*подозрительнымъ*».

Учебная администрація и земство въ правѣ дорожить этимъ честнымъ непритязательнымъ въ своихъ желаніяхъ и терпѣливымъ работникомъ, и интересы народной школы настойчиво требуютъ поддержать этого труженика, сдѣлать для него существованіе хотя бы только сноснымъ, пока у него не опустились руки, не изсякли силы въ борьбѣ

съ жизненными невзгодами: легко растерять и вовсе лишиться такихъ работниковъ и трудно, очень трудно найти и создать ихъ вновь; а неизбытная необходимость, особенно же нравственнаго свойства, заставляетъ нерѣдко и ко всему притерпѣвшагося учителя искать не перемѣны своей профессіи, а лишь новаго *мѣста*, гдѣ легче жилось бы *«усталой, изболѣвшейся душѣ»*. Мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что поиски лучшихъ условій для примѣненія своихъ силъ наблюдались и наблюдаются среди учителей губерніи.

Неотложныхъ нуждъ, матеріальныхъ и нравственныхъ, у сельскаго учителя такъ много, что мы остановимся здѣсь лишь на главнѣйшихъ изъ нихъ.

Образовательный цензъ преподавателей въ губерніи довольно разнообразенъ. Вотъ что представляли изъ себя обязательные участники курсовъ въ отношеніи полученнаго ими образованія: имѣющіе званіе сельскаго учителя и учительницы составляли почти половину общаго числа; остальная половина приходится на долю среднеучебныхъ заведеній; изъ нихъ окончившія курсъ въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ составляютъ болѣе одной трети общаго числа слушателей курсовъ; окончившіе курсъ въ спеціально-педагогическихъ учебныхъ заведеніяхъ (мужскихъ и женскихъ семинаріяхъ)—одну восьмую долю; имѣющія званіе домашнихъ учительницъ—одну десятую и проч. Учительницъ, въ общемъ, было на курсахъ нѣсколько болѣе, чѣмъ учителей.

Такимъ образомъ, почти половина учительскаго персонала обладаетъ образованіемъ *ниже средняго*. Но для того, чтобы составить объ учительскомъ персоналѣ правильное сужденіе въ этомъ отношеніи, нужно нѣсколько пристальнѣе всмотрѣться въ сущность удостовѣряемаго цифрами факта. Во всякомъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе въ педагогическомъ, достоинство работника опредѣляется не однимъ только *дипломомъ*, но и природными дарованіями, особенно же влеченіемъ къ излюбленному дѣлу. Откуда берутся лица, имѣющія званіе сельскаго учителя и учительницы? Учителя, по большой части, изъ окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ, рѣже въ уѣздныхъ (городскихъ) училищахъ; учительницы—изъ лицъ, получившихъ домашнее образованіе, или же вышедшихъ изъ средней школы ранѣе окончанія курса. Окончившіе курсъ въ двухклассномъ сельскомъ училищѣ и другія лица этой категоріи, по малолѣтству своему, не

могутъ тотчасъ же держать экзамена на учительское званіе и сдаютъ этотъ экзаменъ черезъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ изъ школы, и въ эти нѣсколько лѣтъ они не только не утрачиваютъ полученныхъ въ школѣ знаній, но и умножаютъ ихъ до требованій экзаменаціонной программы, какъ это ни трудно сдѣлать въ деревнѣ, и притомъ еще при скудной матеріальной обстановкѣ. Что же побуждаетъ ихъ къ этому?—Нѣтъ сомнѣнія,—«*охота*» быть учителемъ. При этомъ нужно замѣтить, что изъ окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ училищахъ приготовятся къ экзамену и выдержатъ его только наиболѣе способные, а охота и способности прибавляютъ нѣчто очень цѣнное къ малозначительному самому по себѣ диплому.

Понятно само собою, что мы не имѣемъ намѣренія возвышать или унижать ту или другую группу школьныхъ работниковъ, мы лишь желаемъ надлежащимъ образомъ освѣтить существующій фактъ. Но, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что учителя и учительницы народныхъ школъ губерніи сильно нуждаются въ расширеніи своего образованія, и не только спеціально-педагогическаго, но и общаго; въ этомъ отношеніи не составляютъ исключенія и получившіе среднее образованіе учителя и учительницы: много изъ того, чему учились они въ средней школѣ, совсѣмъ не находитъ себѣ примѣненія въ школѣ народной; многое перезабыто, многое требуетъ лучшаго освѣщенія, серьезныхъ истолкованій, болѣе широкихъ обобщеній, чѣмъ это можетъ быть сдѣлано и дѣлается у насъ въ нашихъ среднихъ школахъ. Потребность въ дальнѣйшемъ образованіи есть общая для всѣхъ безъ исключенія народныхъ учителей потребность, не говоря уже объ образованіи спеціально-педагогическомъ, котораго вовсе нѣтъ и не было у громаднаго большинства учителей. И чѣмъ больше поможетъ земство своему учителю въ образовательномъ отношеніи, тѣмъ еще крѣпче привяжетъ оно къ себѣ учителя, и тѣмъ больше внесетъ этотъ учитель свѣта въ деревенскую тьму.

Средства для поднятія умственнаго развитія и вообще образованія народнаго учителя достаточно всѣмъ извѣстны: это хорошо обставленныя и вполнѣ доступныя для пользованія библіотеки и организуемые на опредѣленное время курсы; о послѣднихъ мы и скажемъ здѣсь нѣсколько словъ (о библіотекахъ будетъ сказано ниже).

Школьный учитель, какъ замѣчено было выше, одинаково нуждается въ восполненіи какъ общаго, такъ и спеціально-педагогическаго

образованія. До настоящаго года курсы для учителей въ Саратовѣ носили исключительно педагогическій характеръ и преимущественно методическій. Въ нынѣшнемъ году курсы организованы были по расширенной программѣ, въ которую вошли и общепедагогическіе предметы, и общеобразовательные (психологія, бесѣды о природѣ, гигіена и друг.), и опытъ нынѣшняго года показалъ и интересъ учителей къ этимъ предметамъ, и возможность успѣшной постановки этихъ предметовъ на курсахъ. Вполнѣ раздѣляя справедливую мысль о желательности и даже необходимости *ежегоднаго* устройства курсовъ для учителей земскихъ школъ, мы находимъ также необходимымъ, чтобы программа курсовъ нынѣшняго года была не только удержана для послѣдующихъ курсовъ, но и расширена и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи. Учителя крайне нуждаются, сверхъ того,—что осуществлено въ этомъ году,—въ знаніяхъ по педагогикѣ и физіологіи, по литературѣ, по исторіи, географіи, естествознанію, законовѣдѣнію (общему и школьному). Всѣ эти предметы могутъ быть, въ томъ или другомъ числѣ, вводимы въ программу курсовъ. При выработкѣ программы каждаго изъ общеобразовательныхъ предметовъ нужно имѣть прежде всего въ виду самого учителя, желаніе обогатить его самого знаніями: что́ и какъ преподать ученикамъ школы изъ каждаго предмета,—это уже другая задача, задача методики преподаванія. Дополненные общепедагогическими и общеобразовательными предметами, курсы, изъ года въ годъ повторяемые, станутъ могучимъ орудіемъ для восполненія и освѣженія знаній учителей, для возбужденія въ нихъ стремленій къ дальнѣйшему самообразованію, что благотворно отразится и на ихъ школьныхъ занятіяхъ.

Заботы земства о расширеніи образованія народнаго учителя, просвѣтивъ его самого, увеличивъ плодотворность его дѣла, послужатъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ средствъ для болѣе устойчиваго прикрѣпленія учителя къ своему мѣсту.

Насколько учителя крѣпки своему мѣсту въ настоящее время, можно видѣть изъ подсчета лѣтъ учительской службы каждаго изъ нихъ.

По *количеству лѣтъ службы* въ земскихъ школахъ слушатели курсовъ группируются такъ: служащихъ въ школахъ отъ одного до трехъ лѣтъ включительно—четвертая часть общаго числа всѣхъ слушателей (изъ нихъ три черверти—однолѣтки); отъ четырехъ до шести лѣтъ—тоже четвертая часть; отъ семи до десяти лѣтъ—менѣе четвертой ча-

сти, и отъ 11 до 27—нѣсколько болѣе четвертой части (почти по одному лицу на каждый возрастающій годъ, и рѣже—по два и по три лица; одинъ учитель служитъ 33 года). Если бы можно было эти показатели принять за основаніе для всей губерніи *), тогда нужно было бы придти къ тому заключенію, что около одной пятой доли всего учительскаго персонала въ губерніи ежегодно покидаетъ свою службу, и большинство лицъ оставляетъ свою службу по истеченіи четырехъ, пяти и шести лѣтъ. Такое явленіе ни въ какомъ случаѣ нельзя признать желательнымъ. При обычныхъ благопріятныхъ условіяхъ учитель въ силахъ работать съ пользою для дѣла отъ 20 до 25 лѣтъ, а учительница—отъ 15 до 20 лѣтъ. Въ интересахъ школьнаго дѣла крайне важно, чтобы учителя, въ большинствѣ своемъ, особенно же лучшіе изъ нихъ, удерживались на своихъ мѣстахъ до предѣльнаго возраста: только при этомъ условіи и могутъ сложиться въ каждомъ школьномъ районѣ извѣстныя добрыя традиціи, незамѣтно сообщающіяся и каждому новому работнику, и всѣ школы неуклонно пойдутъ впередъ по пути совершенствованія. Школы, если онѣ не скованы мертвеннымъ формализмомъ, а представляютъ изъ себя живой организмъ, постепенно растутъ и послѣдовательно развиваются въ качественномъ отношеніи, подъ вліяніемъ общихъ для всѣхъ условій, какъ и всякія другія жизненныя учрежденія, какъ и отдѣльныя лица (школы того или другого города, уѣзда, цѣлой губерніи, цѣлаго государства), и одно изъ многихъ условій, вліяющихъ на ихъ развитіе, это—извѣстная продолжительность срока службы добрыхъ работниковъ школьнаго дѣла. А благопріятныя условія, прикрѣпляющія работника къ своему мѣсту, хорошо всѣмъ извѣстны,—болѣе или менѣе удовлетворительное существованіе въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніи; матеріальное положеніе опредѣляется годичнымъ жалованьемъ, постепенно возрастающимъ съ числомъ лѣтъ службы, и обезпеченіемъ старости, поддержкой въ непредвидѣнномъ несчастьи. Но и при благопріятныхъ условіяхъ, опредѣляющихъ сносное (нравственное и матеріальное) существованіе учителя, все же

*) Командируя учителей на курсы, земскія управы различныхъ уѣздовъ руководствовались *различными соображеніями*; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что большинство командированныхъ принадлежитъ къ числу *болѣе опытныхъ* учителей.

извѣстный процентъ преподавательскаго персонала выбываетъ изъ строя, хотя и не въ такой высокой степени, какъ это опредѣлилось между слушателями курсовъ; кромѣ того, съ каждымъ годомъ увеличивается и количество школъ, и требуются новые и новые учителя и учительницы. Такимъ образомъ, земству предстоитъ серьезно озаботиться приготовленіемъ кандидатовъ на должности школьнаго учителя. Лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли служитъ, безъ сомнѣнія, устройство спеціальныхъ школъ, каковы учительскія семинаріи; но это—дорогое средство и принесетъ оно желаемые плоды лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Устраиваемые земствомъ краткосрочные педагогическіе курсы крайне важны для работающихъ уже учителей и учительницъ, но задаваться при этомъ и цѣлью приготовленія кандидатовъ на учительскія должности педагогическіе курсы не могутъ. Единственнымъ пока и недорогимъ и неотдаленнымъ, по своимъ близкимъ результатамъ, средствомъ представляется намъ устройство *постоянныхъ, изъ года въ годъ повторяющихся*, однолѣтнихъ (отъ сентября до мая) педагогическихъ курсовъ (при одной изъ существующихъ лучшихъ школъ города), на которые могли бы поступать лица обоего пола, ищущія мѣста учителя и учительницы начальной школы и имѣющія званіе, по крайней мѣрѣ, учителя и учительницы сельской школы *).

И *матеріальное положеніе* учителей и учительницъ въ губерніи (мы имѣемъ въ виду только ежегодное жалованье) ни въ какомъ случаѣ нельзя признать въ общемъ нормальнымъ: небольшое только число лицъ (меньше трети всего числа слушателей) получаетъ въ годъ свыше 350 рублей (отъ 350 до 420); менѣе трети всего числа получаютъ 300 р.; болѣе трети всего числа слушателей имѣютъ въ годъ отъ 180 до 240 и до 280 р. Если принять во вниманіе, что на курсы были присланы въ большинствѣ болѣе опытные учителя и учительницы, то приходится заключить, что добрая половина учительскаго персонала въ губерніи существуетъ на окладъ отъ 20 руб. и ниже въ мѣсяцъ. При нынѣшней общей дороговизнѣ жизни даже и въ деревнѣ на 25 р. ежемѣсячнаго жалованья учительница и

*) Подробное разъясненіе вопроса о педагогическихъ курсахъ и съѣздахъ для народныхъ учителей, см. въ „Педагогическомъ Листкѣ“ (при жур. „Дѣтское Чтеніе“) за 1898 и 1899 годъ.

учитель могутъ еще на первое время свести концы съ концами: но на 20, а тѣмъ болѣе на 15 р. въ мѣсяцъ существовать очень и очень трудно. Крайне ограничены потребности нашихъ чернорабочихъ, но и то каждый изъ нихъ зарабатываетъ не менѣе низшей нормы учительскаго оклада, а нѣсколько выдѣляющіеся изъ массы, *особенно же мастера*, хотя бы и неграмотные, а тѣмъ болѣе артельщики, приказчики, конторщики и т. п. получаютъ жалованье значительно выше оклада сельскаго учителя. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что всякій другой работникъ имѣетъ впереди надежду на повышеніе, на улучшеніе своего положенія; только учитель и учительница лишены этого утѣшенія. Нельзя при этомъ успокоивать себя тѣмъ соображеніемъ, что и при окладѣ въ 15—20 р. охотники занять подобныя мѣста всегда найдутся: во-первыхъ, возможность пріисканія учителей и учительницъ становится съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе трудною, и теперь уже нерѣдки случаи, когда земства чрезъ объявленія въ газетахъ принуждены вызывать желающихъ занять учительскія мѣста; извѣстны также изъ газетъ и случаи временной пріостановки занятій въ школахъ за неимѣніемъ замѣстителей; во-вторыхъ, на «голодный окладъ» идетъ въ большинствѣ случаевъ лишь временный замѣститель, до пріисканія лучшаго мѣста. Мы уже указали выше, какъ невыгодны для успѣховъ школы частыя перемѣны учительскаго персонала, а теперь къ этому прибавимъ, что учитель, принимающій мѣсто лишь на время, въ расчетѣ найти занятія, лучше оплачиваемыя, всегда занимается спустя рукава, и для дѣла мало полезенъ.

Возвышеніе нормальнаго оклада учительскаго (равнаго для учителей и учительницъ) жалованья до 300 руб. въ годъ, какъ цифры минимальной, прогрессивное увеличеніе этого жалованья, соотвѣтственно числу лѣтъ службы (въ формѣ прибавки, хотя бы шестидесяти рублей черезъ каждыя пять лѣтъ), обезпеченіе пенсіи за установленныя 25 лѣтъ службы—вотъ тѣ необходимыя нормы, опредѣляющія болѣе или менѣе приличное существованіе школьнаго сельскаго учителя: и интересы школы настойчиво требуютъ этихъ улучшеній въ жизни учителя, и самъ онъ, этотъ скромный и терпѣливый труженикъ, давно заслужилъ законное воздаяніе за свои добросовѣстные труды.

Указанныя матеріальныя улучшенія тѣмъ болѣе необходимы, что большая часть учителей и учительницъ живутъ не одиноко, а съ

семьею, или же даютъ у себя пріютъ ближайшимъ родственникамъ (бѣдность и трудъ не скупы на помощь). Особенно достойно полнѣйшаго вниманія и участія положеніе тѣхъ изъ учителей, которые имѣютъ дѣтей и не въ силахъ имъ дать образованіе—выше сельской школы. Всю жизнь посвятить образованію чужихъ дѣтей и не имѣть средствъ дать хотя бы равное своему образованіе собственнымъ дѣтямъ—положеніе тягостное, мучительное. Земство имѣетъ (а если и нѣтъ,—могло бы устроить) стипендіи въ различныхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, земство оказываетъ часто денежную поддержку таковымъ, и дѣти народныхъ учителей должны бы быть первыми кандидатами на эти стипендіи.

Преобладающій типъ школъ въ губерніи—школа, смѣшанная для мальчиковъ и дѣвочекъ, съ трехлѣтнимъ курсомъ при одномъ учителѣ, въ составѣ отъ 30 до 180 (!) учениковъ. Существуютъ въ незначительномъ числѣ школы и для однихъ мальчиковъ, видимо, тамъ, гдѣ устроена въ томъ же селеніи и церковно-приходская школа исключительно для дѣвочекъ; существуютъ школы и для однѣхъ дѣвочекъ (чѣмъ это объяснить?) Въ нѣкоторыхъ изъ многолюдныхъ школъ два учителя при трехгодичномъ курсѣ и при трехъ нормальныхъ группахъ. Школы съ четырехлѣтнимъ курсомъ при двухъ преподавателяхъ не только не составляютъ исключенія, но преставляютъ собою, повидимому, довольно значительное число (по имѣющимся у насъ даннымъ—пятая часть общаго числа школъ).

При нормальномъ положеніи дѣла, нѣтъ, конечно, никакой необходимости, даже и при исключительномъ многолюдствѣ дѣтей, устраивать въ одномъ и томъ же селеніи двѣ школы и притомъ еще съ раздѣленіемъ ихъ на мужскую и женскую. Содержаніе одной, общей для всѣхъ, школы обходится значительно дешевле; обученіе какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ должно быть одинаково, а совмѣстное обученіе тѣхъ и другихъ представляетъ, какъ это всѣмъ извѣстно, много выгодъ въ воспитательномъ отношеніи.

Жизнь, при нормальномъ ея теченіи, сама собою вырабатываетъ извѣстныя формы, наилучшія для удовлетворенія ея потребностей. Такъ, сама собою сложилась у насъ въ свое время смѣшанная для обоихъ половъ школа, съ трехгодичнымъ курсомъ; сама собою возникаетъ теперь и увеличивается въ числѣ смѣшанная же школа съ четырехгодичнымъ курсомъ—при двухъ преподавателяхъ (не считая

въ этомъ числѣ законоучителя). Мы не ошибемся, если скажемъ, что этотъ послѣдній типъ, въ недалекомъ будущемъ, такъ же будетъ распространенъ у насъ, какъ и господствующій теперь типъ школы съ трехгодичнымъ курсомъ, утвердясь прежде всего въ многолюдныхъ селеніяхъ, а стало-быть, и въ многолюдныхъ школахъ.

Четырехгодичная школа, съ четырьмя отдѣленіями, при двухъ преподавателяхъ, имѣетъ много преимуществъ въ учебномъ отношеніи. Программы школы растутъ вмѣстѣ съ внутреннимъ ея развитіемъ-совершенствованіемъ, и школа грамотности сама собою преобразуется въ правильно организованную школу съ законченнымъ общеобразовательнымъ элементарнымъ курсомъ. Въ эту же сторону направляетъ нашу народную школу и сама жизнь деревни, которая предъявляетъ школѣ все бо́льшія и бо́льшія требованія, и существованіе церковно-приходскихъ школъ, преимущественно школъ грамоты по своему существу; того же требуетъ, наконецъ, и значительное расширеніе новыхъ программъ М. Н. Пр., обязательныя требованія коихъ трудно выполнимы при преобладающемъ теперь трехлѣтнемъ типѣ школъ. А самое главное—распространенія новаго типа школъ съ четырехлѣтнимъ курсомъ настойчиво требуетъ экономія времени, по отношенію къ ученикамъ,—экономія силъ учителя, т.-е. болѣе производительное ихъ употребленіе на пользу учащихся и, наконецъ, экономія матеріальныхъ средствъ.

Остановимся нѣсколько на разъясненіи этихъ положеній.

Ошибается тотъ, кто думаетъ, что полный курсъ трехгодичной школы ученикъ проходитъ теперь въ три года: въ огромномъ большинствѣ случаевъ, оканчивающіе курсъ ученія обучались въ школѣ четыре и пять лѣтъ; проучившіеся три года, по большей части, покидаютъ школу, не окончивъ въ ней курса, усвоивъ, стало-быть, одну простую грамотность. Отчего это происходитъ?—Исключительно благодаря трехгрупповому составу школы при одномъ учителѣ. Одновременно заниматься съ тремя группами, *равномѣрно* отдавая каждой свое время и силы, чрезвычайно трудно, почти невозможно. Въ каждую данную минуту учитель, обыкновенно, занятъ бываетъ съ одною только группою, остальныя двѣ должны выполнять самостоятельныя работы, заданныя имъ учителемъ,—работы, представляющія результатъ предшествующихъ занятій съ учителемъ. Такимъ образомъ, каждый часъ занятій съ учителемъ долженъ дать матеріалъ для двухъ

часовъ самостоятельныхъ работъ, а это требуетъ особаго искусства въ преподаваніи и изобрѣтательности со стороны учителя. Въ большинствѣ случаевъ дѣло сводится къ тому, что въ часы самостоятельныхъ занятій дѣти остаются безъ дѣла, или же выполняютъ не имѣющія особаго значенія механическія работы. Предположимъ, что ежедневно учитель занимается со всѣми дѣтьми пять часовъ, и на долю каждой группы приходится, такимъ образомъ, съ небольшимъ полтора часа; но и эти полтора часа учитель долженъ дѣлить между прохожденіемъ предметовъ вновь и исправленіемъ самостоятельныхъ работъ, такъ что оказывается, что часъ занятій съ учителемъ новымъ дѣломъ долженъ дать матеріалъ не для двухъ, а для трехъ и болѣе часовъ самостоятельной работы. Но на самомъ дѣлѣ и это еще далеко не такъ. Исполняя самостоятельныя работы, дѣти требуютъ нерѣдко помощи учителя и отрываютъ его отъ занятій, что еще болѣе сокращаетъ время занятій новымъ дѣломъ и мѣшаетъ правильному ходу ихъ. Такимъ образомъ, выходитъ, какъ будто бы, что учитель занимается новымъ дѣломъ ежедневно по часу (съ неизбѣжными отвлеченіями) съ каждой группой. Но и этого въ дѣйствительности не бываетъ, и занятія складываются иначе. Въ началѣ года, когда организуется группа ничего еще незнающихъ и неумѣющихъ новичковъ, учителю приходится отдавать много своего времени, ежедневно и ежечасно, этой группѣ, такъ какъ она безъ непосредственнаго участія учителя ничего еще сдѣлать не можетъ; такъ продолжается дѣло до тѣхъ поръ, пока новички пройдутъ букварь, т.-е. до Рождества. Итакъ, первую половину года остаются въ забросѣ—старшая и средняя группы. Со второй половины года учитель начинаетъ думать о предстоящихъ вблизи экзаменахъ, и по необходимости бо́льшую часть своего времени и силъ отдаетъ *старшей* группѣ; теперь младшая и средняя пользуются наименьшимъ вниманіемъ и временемъ учителя. Что же изъ всего этого выходитъ? Въ первую половину года учитель отдаетъ себя преимущественно *младшей* группѣ; во вторую половину—*старшей*,—а *средняя* группа остается всегда при наименьшемъ вниманіи къ ней со стороны учителя. Но это еще не все. Желая составить младшую группу исключительно изъ однихъ неграмотныхъ, учитель *всѣхъ* дѣтей этой группы переводитъ въ среднюю группу; боясь экзаменовъ, учитель изъ средней группы переводитъ въ старшую съ очень строгимъ выборомъ, оставляя не только неуспѣшныхъ и сомни-

тельныхъ, но даже и посредственныхъ—въ средней группѣ. Можете себѣ представить, что же представляетъ собою эта средняя группа? И составъ ея разнохарактеренъ, и времени на нее учитель тратитъ очень мало! Въ этой-то третьей группѣ ученики и засиживаются, естественно, по два и по три года, и очень часто, не видя никакихъ результатовъ отъ этого «сидѣнія», покидаютъ школу, не окончивъ въ ней полнаго курса,—вступаютъ въ жизнь съ одной простой грамотностью.

Изучая цифры, опредѣляющія численный составъ каждой изъ группъ школы съ трехгодичнымъ курсомъ при одномъ учителѣ, невольно останавливаешься въ изумленіи передъ сравнительной многочисленностью средней группы. Численный составъ этой группы, естественно, превышаетъ составъ старшей группы; но средняя группа по своей численности бываетъ во многихъ школахъ не только равна *младшей* группѣ, но иногда даже и превышаетъ ее: откуда же взялся этотъ приростъ дѣтей? Сказанное нами выше о средней группѣ вполнѣ объясняетъ это ненормальное явленіе: въ средней группѣ неестественно засиживаются дѣти,—исключительно благодаря трехгодичному курсу при одномъ учителѣ; ихъ старательно переводятъ въ среднюю группу изъ младшей, ихъ заботливо не допускаютъ въ старшую, оставляя въ средней. Такимъ образомъ, въ средней группѣ и подолгу сидятъ, и помалу учатся.

Совсѣмъ иная картина получится, когда школа усвоитъ себѣ четырехгодичный курсъ, съ четырьмя группами, при двухъ преподавателяхъ. Каждый преподаватель занимается только съ двумя группами, и чередованіе занятій между ними очень легко. Все учебное время—пять часовъ—дѣлится болѣе равномѣрно; отдавая періодически бо́льшую долю своего вниманія то младшей, то старшей группѣ, учитель все же имѣетъ достаточно досугу обращать свое вниманіе и на другую группу (объ группы—младшая и старшая—не сойдутся никогда одновременно въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ *). Удѣляя каждой группѣ несравненно больше своего времени и вниманія, учитель достигнетъ и несравненно бо́льшихъ результатовъ, почти *вдвое* бо́льшихъ сравни-

*) Вотъ какъ могутъ быть раздѣлены группы въ теченіе всего школьнаго курса между двумя учителями: *первый годъ ученія:* I и III; II и IV гр.; *второй годъ:* II и IV, I и III; *третій годъ:* III и I, II и IV; *четвертый годъ:* IV и II, III и I *и т. д.*

тельно съ настоящимъ положеніемъ, между тѣмъ какъ ученикъ, не засиживаясь безъ нужды въ одной и той же группѣ, затратитъ на *полный* курсъ тѣ же четыре года, какъ и теперь *). Итакъ, образовательные результаты ученія увеличатся въ два раза, а продолжительность времени ученія останется въ сущности та же; число оканчивающихъ полный курсъ ученія поднимется тоже почти вдвое, между тѣмъ какъ матеріальныя затраты увеличатся лишь на одну треть настоящаго школьнаго бюджета, т.-е. на содержаніе одного лишняго учителя. Потому-то мы и въ правѣ были сказать, что четырехлѣтній курсъ школы при двухъ преподавателяхъ носитъ въ себѣ экономію силъ, времени и матеріальныхъ средствъ.

Относительно матеріальныхъ средствъ мы должны замѣтить, что и въ настоящее время и при существующихъ *трехъ* группахъ, крайне необходимо имѣть въ многолюдныхъ школахъ не одного, а *двухъ* учителей: если вообще очень трудно заниматься съ тремя разнородными группами, то при многолюдномъ составѣ каждой группы и вдвое, и втрое труднѣе и непроизводительнѣе: учителю нѣтъ никакой возможности слѣдить за каждымъ ученикомъ въ отдѣльности, и успѣвать будутъ лишь сильнѣйшіе, а болѣе слабые совсѣмъ могутъ пропасть, изъ посредственныхъ же дойдутъ до конца лишь нѣкоторые.—Мы предложили бы принять за правило: при трехъ группахъ на одного учителя должно приходиться никакъ не болѣе 40 учениковъ (во всѣхъ трехъ группахъ), между тѣмъ какъ въ настоящее время есть школы, съ однимъ учителемъ, въ 60, въ 80, въ 100 и болѣе учениковъ. А если необходимость заставляетъ дать школѣ *второго* учителя, въ такомъ случаѣ нѣтъ никакихъ основаній отказываться отъ болѣе выгоднаго во всѣхъ отношеніяхъ четырехгодичнаго типа школы.

На основаніи всего сказаннаго, мы и приходимъ къ слѣдующему совершенно необходимому, по нашему глубокому убѣжденію, выводу, къ которому привела уже сама жизнь и многія земства, и что во многихъ губерніяхъ съ полнымъ успѣхомъ осуществляется на дѣлѣ: трехгодичный и четырехгодичный типъ школы одинаково пока жиз-

*) Мы говоримъ все это не на основаніи гадательныхъ предположеній, а на основаніи личнаго опыта и личныхъ наблюденій надъ дѣйствительною жизнію школы.

ненны и необходимы; школа съ трехгодичнымъ курсомъ существуетъ (въ виду исключительно лишь *экономическихъ* соображеній, какъ и школа грамоты) въ селеніяхъ малолюдныхъ, при малолюдномъ составѣ учениковъ (не болѣе 40 человѣкъ въ школѣ); въ селеніяхъ многолюдныхъ, при многочисленномъ составѣ учащихся, школа имѣетъ двухъ преподавателей, состоитъ изъ четырехъ группъ, курсъ ученія продолжается четыре года.—На первой очереди преобразованія изъ трехгодичнаго курса въ четырехгодичный стоятъ тѣ школы, гдѣ въ настоящее время имѣются уже налицо два преподавателя, и гдѣ, ради удержанія трехгодичнаго типа, организовано два параллельныхъ отдѣленія средней группы. Далѣе, безотлагательно необходимо дать второго преподавателя въ тѣ многолюдныя школы, гдѣ число учениковъ превышаетъ общепризнанную для одного учителя норму.—Не входя въ разъясненіе подробностей, что вывело бы насъ изъ границъ нашей программы, считаемъ съ своей стороны необходимымъ обратить вниманіе на тѣ школы Саратовской губерніи (единственныя, какъ мы полагаемъ, во всей Россіи), гдѣ число учащихся въ одномъ «*помѣщеніи*» (мы не можемъ назвать это комнатой, классомъ...) доходитъ до 400 и даже до 600 учениковъ—при одномъ или двухъ учителяхъ! *)

Въ многолюдныхъ школахъ, при двухъ преподавателяхъ, но при трехгодичномъ курсѣ, существуетъ и еще слѣдующее непормальное явленіе: средняя или младшая группа дѣлится на параллельныя отдѣленія, и учитель такимъ образомъ не имѣетъ возможности доводить своихъ учениковъ до окончанія курса и по необходимости долженъ передавать ихъ своему товарищу, что представляетъ крайнія неудобства и для учениковъ, и для учителя.

Есть еще и *особенный*, довольно, повидимому, распространенный типъ школъ,—въ другихъ губерніяхъ вовсе неизвѣстный: преподавателей въ школѣ два, классныхъ группъ три; одинъ преподаватель занимается съ каждою изъ трехъ группъ по всѣмъ предметамъ (какъ

*) Это школы нѣмецкихъ колоній... Причины, поясняющія такое ненормальное явленіе, достаточно извѣстны всѣмъ мѣстнымъ дѣятелямъ.—Представители этихъ школъ присутствовали на курсахъ. Одинъ изъ нихъ обратился съ вопросомъ: „какой наилучшій *методъ* для занятія съ 600 учениками?"—Прежде всего, конечно, надо раздѣлить школу по крайней мѣрѣ на 10 классовъ.

это ведется и при одномъ преподавателѣ), а другой—когда съ кѣмъ придется, чѣмъ ему укажутъ... Мы говоримъ о тѣхъ многолюдныхъ школахъ, гдѣ учитель имѣетъ помощника или помощницу,—на обязанности которыхъ лежитъ исполнять все то, что̀ укажутъ сдѣлать. Нѣтъ никакой надобности разъяснять здѣсь всѣ неудобства такого распорядка,—неудобства и для старшаго учителя, и для его помощника,—нерасчетливости въ малопроизводительной затратѣ силъ. Очевидно, такой распорядокъ вызывается желаніемъ подготовить этимъ путемъ изъ помощника или помощницы *настоящаго* преподавателя; но этотъ расчетъ не можетъ быть оправданъ. Служа сначала какъ бы „на посылкахъ", все же не сдѣлаешься отъ этого настоящимъ мастеромъ, развѣ усвоишь только внѣшнюю сторону дѣла. Иными средствами подготовляются настоящіе мастера: а) обстоятельнымъ изученіемъ педагогической литературы и общеобразовательныхъ предметовъ; б) наблюденіемъ надъ занятіями мастеровъ; в) постепенными самостоятельными опытами—упражненіями въ обученіи. Выборъ отвѣтственныхъ преподавателей *изъ новичковъ* дѣлается, при правильной постановкѣ этого дѣла, такъ: кандидатамъ на учительскія должности должны быть извѣстны тѣ требованія, коимъ они обязываются удовлетворять для полученія учительскаго мѣста,—какъ по отношенію къ общеобразовательнымъ, такъ равно и спеціально педагогическимъ предметамъ *). Въ опредѣленное время назначается для всѣхъ ищущихъ мѣста—*собесѣдованіе* по общеобразовательнымъ и спеціальнымъ предметамъ, при чемъ можетъ быть предложена и письменная работа по тому или другому спеціально-педагогическому вопросу; удовлетворившимъ эти требованія предоставляется право посѣщать ту или другую школу и наблюдать занятія и, наконецъ, назначается пробный урокъ. Удовлетворительно прошедшіе весь этотъ искусъ получаютъ мѣсто и уже самостоятельно ведутъ свои занятія.

Переходя къ вопросу о началѣ и окончаніи школьныхъ занятій, мы считаемъ нужнымъ прежде всего обратить вниманіе на тотъ фактъ, что народная школа въ губерніи далеко не одинаково равно для всѣхъ

*) Примѣромъ послѣдняго рода требованій можетъ служить „Перечень вопросовъ, съ коими должны ознакомиться практиканты и практикантки въ теченіе года" (см. „Отчетъ инспектора народныхъ училищъ П. П. Романовича за 1897—98 г.); мы только прибавили бы еще къ этому и указаніе тѣхъ источниковъ, изъ коихъ могутъ быть почерпнуты требуемыя знанія.

открыта: для лицъ, не принадлежащихъ къ данному сельскому обществу, между тѣмъ живущихъ среди него, ставятся извѣстныя препятствія къ опредѣленію въ школу своихъ дѣтей; такъ, напримѣръ, съ лицъ этихъ требуется извѣстный денежный взносъ, и нерѣдко довольно значительный, превышающій размѣръ тѣхъ денежныхъ взносовъ, какіе дѣлаетъ на школу каждый изъ общественниковъ. Конечно, если школа существуетъ исключительно только на средства *общества*, тогда общество это въ правѣ устанавливать тѣ или другія требованія по отношенію къ невходящимъ въ составъ этого общества лицамъ, такъ какъ они не несутъ на себѣ вмѣстѣ со всѣми тяготы школьныхъ расходовъ. Но если въ содержаніи школы принимаетъ участіе и земство, тогда школьный налогъ на лицъ, не причастныхъ данному обществу, долженъ быть опредѣленно и безпристрастно установленъ—не школою и не обществомъ,—а самимъ земствомъ: каждый обыватель несетъ земскія тяготы, почему и имѣетъ право, наравнѣ со всѣми, пользоваться и земской больницей, и земской школой, и проч. По своему существу, земская школа тѣмъ и должна отличаться отъ всѣхъ другихъ сословныхъ и вѣроисповѣдныхъ школъ, что эта школа равно для всѣхъ открыта—безъ различія вѣроисповѣданій, національностей, званій, общественныхъ состояній,—*это мірская школа*. Не слѣдуетъ забывать, что прежде всего для самой народной школы *невыгодно* будетъ (мы имѣемъ въ виду не матеріальныя, конечно, выгоды или невыгоды) обособиться въ школу сословную,—какъ школу крестьянскую, мужицкую: всесословная школа, равно для всѣхъ открытая (мірская), носитъ сама въ себѣ высокую, гуманную, объединяющую идею, которую нужно свято хранить—для блага прежде всего того же народа.

Возвращаясь къ вопросу о началѣ и концѣ ежегодныхъ школьныхъ занятій, мы должны прежде всего замѣтить, что не только въ губерніи, но и въ каждомъ изъ уѣздовъ наблюдается въ этомъ отношеніи замѣчательное разнообразіе. Занятія начинаются въ началѣ и *въ* серединѣ сентября (*большинство*), въ началѣ и въ серединѣ октября, въ ноябрѣ и даже—*въ неопредѣленное время*; оканчиваются занятія—къ марту, апрѣлю, къ 15 мая (*большинство*) и къ 1-му іюня; такимъ образомъ, занятія въ разныхъ школахъ продолжаются отъ 6 и до 8 мѣсяцевъ въ теченіе года. Если къ короткому сроку ученія прибавить еще и довольно частыя манкировки—по случаю сельскихъ и

семейныхъ празднествъ, по семейнымъ надобностямъ, по неимѣнію обуви и одежды въ зимніе холода, тогда и безъ того короткій срокъ ученія еще болѣе сократится.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что на продолжительность срока ученія очень значительное вліяніе оказываютъ экономическія причины, и устройство при школахъ ночлежныхъ пріютовъ и другія формы матеріальной помощи учащимся въ значительной мѣрѣ упорядочили бы посѣщеніе учениками школы. Но, помимо этого, многое здѣсь зависитъ и отъ самихъ родителей, отъ недостатка уваженія ихъ къ требованіямъ школы. Такъ именно было и во всѣхъ нашихъ школахъ въ первое время ихъ возникновенія; такъ точно смотрѣли и наши прадѣды на школьное ученіе,—но время и сама школа исправили эти недостатки. Но не слѣдуетъ на долгій срокъ откладывать установленіе опредѣленныхъ порядковъ и ожидать, пока населеніе само сознаетъ ихъ законность: уважая дѣйствительную нужду, неизбытную необходимость, учитель долженъ быть настойчивъ тамъ, гдѣ исполненіе его правильныхъ требованій зависитъ исключительно отъ воли родителей. Пусть совершенно правильныя занятія въ школѣ «настроятся» къ октябрю, а открывать школу, начинать учить дѣтей, твердо настаивая—гдѣ это возможно—на ихъ посѣщеніи,—слѣдуетъ съ 1 сентября и продолжать классныя занятія до 1 мая. Быть-можетъ, начало и конецъ ученія будутъ происходить при половинномъ (и даже менѣе) составѣ учениковъ,—бѣды въ этомъ никакой не будетъ,—учитель всегда найдетъ возможность занять аккуратныхъ посѣтителей не въ ущербъ общему ходу дѣла. Мы убѣждены и знаемъ это по опыту, что твердая при всей гуманности настойчивость учителя многое сдѣлаетъ для приведенія въ норму начала и конца школьныхъ занятій.

При настоящемъ, далеко незавидномъ, положеніи нашей школы и народнаго учителя, выборъ того или другого руководства для классныхъ занятій имѣетъ рѣшающее значеніе относительно содержанія и объема школьнаго курса, относительно общаго склада и направленія занятій—и не только въ школѣ, но и по выходѣ учениковъ изъ школы. Будетъ ли школа лишь простою школою грамотности, или она дастъ дѣтямъ нѣкоторые начатки формальнаго развитія, или же вмѣстѣ съ формальнымъ развитіемъ сообщитъ своимъ ученикамъ и опредѣленное содержаніе, и какое именно — узко-утилитарное, цер-

ковное, популярно-научное, художественно-литературное, или же, наконецъ—всесторонне-общеобразовательное и проч.,—всѣ эти вопросы разрѣшаются на практикѣ выборомъ руководствъ вообще и книги для класснаго чтенія въ особенности. Выборомъ этимъ рѣшается вопросъ не о пріемахъ и методахъ только преподаванія, а болѣе важное и самое существенное для школы дѣло — вопросъ о воспитывающемъ ученіи, объ отношеніяхъ школы къ жизни, о продолженіи самообразованія по выходѣ изъ школы. Понятно поэтому, какъ заботливо и внимательно должна относиться школа къ дѣлу выбора классныхъ руководствъ и пособій.

Изъ учительскихъ сообщеній видно, что въ школахъ Саратовской губерніи употребляются *разнообразныя* руководства и пособія. Изъ букварей употребительны *): Букварь Тихомирова, Азбука Бунакова, Букварь Пуцыковича, Азбука Ислентьева, Азбука Баранова; изъ книгъ для класснаго чтенія: «Наше родное» Баранова (принята въ преобладающемъ большинствѣ школъ), «Родное Слово» Ушинскаго, г. П, «Вешніе Всходы» Тихомирова, «Русскія книги» Л. Н. Толстого, «Родной Мірокъ» Руднева, «Первая книжка» Паульсона, «Въ школѣ и дома» Бунакова, «Первая Пчелка» Поливанова, «Первинка» Бунакова, Христоматія Полевого, Христоматія Барышникова; изъ книгъ для церковно-славянскаго чтенія: Евангеліе, «Книга для церковно-славянскаго чтенія» Тихомирова, «Учебный Часословъ», книга Грушевскаго, Псалтирь, Церковно-славянская книга Ильминскаго; по грамматикѣ и правописанію приняты руководства: Пуцыковича, Тихомирова, Некрасова, Ислентьева, Архіереева; кромѣ всѣхъ названныхъ книгъ, встрѣчаются—Вольперп, Ислентьева (для инородцевъ), Овчинникова (тетрадь для упражненій въ чтеніи рукописнаго).—Такимъ образомъ, крайне разнообразны книги въ школахъ губерніи,—разнообразны онѣ бываютъ и въ отдѣльно взятой школѣ; такъ, въ одной и той же школѣ, скажемъ для примѣра,—въ младшей группѣ приняты Азбука Бунакова и Первая книга Толстого, въ средней группѣ—«Вешніе всходы» Тихомирова, въ старшей—«Наше родное» Баранова; или же: во всѣхъ классахъ принято руководство одного и того же автора, Баранова, напримѣръ, а въ дополненіе къ ней, для

*) Мы будемъ называть книги въ порядкѣ ихъ распространенности въ школахъ: впереди идутъ болѣе, а за ними менѣе и менѣе распространенныя.

каждой группы, книги другихъ авторовъ. Послѣднее явленіе, какъ намъ извѣстно, объясняется тѣмъ, что *основное* руководство въ школѣ не удовлетворяетъ учителя, и для восполненія его недостатковъ онъ пользуется другими книгами; но почему же не взять, какъ основное, другое руководство, которое бы болѣе удовлетворяло учителя? Чѣмъ, наконецъ, объяснить отсутствіе основного руководства одного и того же автора во всѣхъ трехъ группахъ школы?

Мы совсѣмъ не желаемъ настаивать на *единообразіи* учебныхъ руководствъ,—не только для цѣлой губерніи, но и для отдѣльнаго уѣзда,—но единообразіе въ каждой отдѣльной школѣ—безусловно необходимо: отдѣльныя части одного и того же руководства извѣстнаго автора есть органическія и однородныя части извѣстнаго цѣлаго, а соединяя вмѣстѣ разнородныя части,—никакого единаго цѣлаго не составишь. Возможно, конечно, и даже иногда необходимо, пользоваться въ школѣ и книгами разныхъ авторовъ, какъ вспомогательными пособіями, но основнымъ руководствомъ должны быть книги одного и того же автора, который въ различныхъ частяхъ своего труда проводитъ ту или другую общую идею, разрабатываетъ одну опредѣленную программу, располагаетъ матеріалъ въ одной извѣстной системѣ,—словомъ, изъ однородныхъ, тѣсно связанныхъ частей созидаетъ одно стройное, законченное зданіе.

Употребленіе въ школѣ того или другого руководства стоитъ въ тѣсной связи *съ правомъ учителя принимать участіе въ выборѣ руководствъ для своей школы.* Изъ сообщеній учителей видно, что *въ большинствѣ* школъ учитель пользуется, въ извѣстныхъ предѣлахъ, правомъ голоса при выборѣ для себя руководствъ. И это совершенно естественно и законно. Естественно потому, что учитель лучше всего будетъ заниматься по такому руководству, которое онъ находитъ по своимъ взглядамъ наилучшимъ, направленію коего вполнѣ сочувствуетъ, взгляды автора раздѣляетъ; учителя нельзя *заставить* раздѣлять тѣ или другія мысли, съ которыми онъ не согласенъ, нельзя предписать ему убѣжденій,—потому-то и естественно предоставить учителю право въ выборѣ книги для класснаго чтенія, грамматики, сборника упражненій въ правописаніи и т. п. изъ числа книгъ, разрѣшенныхъ учебнымъ вѣдомствомъ. Законно это потому, что и «Примѣрныя программы» Мин. Нар. Пр. предоставляютъ учителю право вести занятія по тому или другому методу, предоставляютъ,

стало-быть, и право выбора того или другого руководства.—Но всѣмъ этимъ вопросъ о выборѣ руководствъ далеко еще, къ сожалѣнію, не исчерпывается: многіе изъ учителей не имѣютъ возможности надлежащимъ образомъ воспользоваться своимъ правомъ, не имѣя никакихъ средствъ для знакомства съ педагогической литературой, почему и представляется прежде всего необходимымъ предоставить эти средства каждому изъ земскихъ учителей.

Библіотека нашего школьнаго учителя обставлена крайне скудно, правильнѣе сказать—библіотеки этой, въ большинствѣ школъ, почти, а иногда и вовсе нѣтъ. Въ преобладающемъ большинствѣ школъ, руководствъ для учителя нѣтъ никакихъ,—нѣтъ никакихъ другихъ книгъ для класснаго чтенія кромѣ той, по какой учатся дѣти, нѣтъ методическаго руководства даже и къ этой книгѣ, и лишь въ нѣкоторыхъ только школахъ найдутся кой-какія случайныя руководства. Приведемъ фактическія данныя, изъ которыхъ мы сдѣлали этотъ выводъ.

На вопросъ—«*Какими руководствами, пособіями и другими книгами пользуется самъ учитель при своихъ занятіяхъ*»,—мы получили слѣдующіе отвѣты (свѣдѣнія собраны отъ 66 лицъ): Руководство къ книгѣ Баранова—имѣется въ 19 школахъ; Руководство къ букварю Тихомирова—17; Руководство къ Родному Слову Ушинскаго—13; Обученіе грамотѣ Бунакова—6; Объяснительное чтеніе Зимницкаго—6; Азбука правописанія Тихомирова—6; Методика Тихомирова—5; Народная школа Анастасіева—5; Методика Ельницкаго—5; Руководство къ Вешнимъ Всходамъ Тихомирова—4; Методика чистописанія Гербача—4; Методика Солонины—3; Руководство Руднева—3; Опытъ плана и конспекта Тихомирова—2; Руководство къ церковно-славянской книгѣ Тихомирова—2; Руководство Исленьтьева—2; Методика Яхонтова—1; Методика Миропольскаго—1; Руководство Некрасова—1; Руководство Пуцыковича—1; Правописаніе Грота—1; Образцовые уроки Зелинскаго—1; Руководство Ильминскаго—1; Дидактика Коменскаго—1; *нѣтъ никакихъ руководствъ въ 13 школахъ.*—Такимъ образомъ, учитель лишенъ возможности имѣть даже педагогическое руководство и къ той самой книгѣ, по которой онъ учитъ дѣтей,—каковы книги Баранова, Тихомирова и другихъ: это все равно, что дать земледѣльцу ту или другую земледѣльческую машину и не объяснить ему, какъ надо пользоваться ею! Достойно вниманія,

что въ перечнѣ книгъ не указано *ни одного* пособія общеобразовательнаго характера, какъ, напримѣръ, — по исторіи, по географіи, естествознанію и проч.

На вопросъ — «*Существуетъ ли при школѣ учительская библіотека и находитъ ли ее учитель достаточною*», мы имѣемъ 72 отвѣта.

Есть «библіотеки» при 31 школѣ, изъ коихъ только *шесть* признаются удовлетворительными, остальныя же 25 совершенно не удовлетворяютъ даже и скромному требованію учителя. Насколько требованія учителя скромны въ этомъ отношеніи, можно заключить изъ того, что за «библіотеку» считается даже и собраніе *изъ шести* случайныхъ книгъ; большинство же учителей и вовсе обходитъ молчаніемъ вопросъ о количествѣ книгъ.

«Учительскія библіотеки», совершенно неудовлетворяющія самымъ скромнымъ требованіямъ, существуютъ при 25 школахъ, *а при 41 школѣ никакихъ библіотекъ совсѣмъ нѣтъ.*

Педагогическихъ и дѣтскихъ журналовъ ни въ одну школу (изъ 72) вовсе не выписывается.

По одному экземпляру трое изъ всѣхъ преподавателей выписываютъ на свой счетъ одинъ изъ педагогическихъ журналовъ. Одинъ учитель выписываетъ для себя «Ниву». По одному экземпляру выписываются—«Вокругъ Свѣта», «Деревня», Крестьянское хозяйство»; въ двухъ школахъ получаются «Губернскія Вѣдомости».

Нѣтъ надобности давать какія-либо истолкованія всѣмъ этимъ «свѣдѣніямъ»,—факты говорятъ сами за себя.

Не лучше обстоитъ дѣло *и съ ученическими библіотеками:* въ большинствѣ школъ библіотеки хоть и есть, но онѣ не удовлетворяютъ своему назначенію. Вотъ точныя свѣдѣнія о 72 школахъ: въ 15 школахъ ученическія библіотеки признаются удовлетворительными; въ 51 школѣ «библіотеки» есть, но онѣ *не удовлетворяютъ потребности въ чтеніи; въ 6 школахъ библіотекъ вовсе нѣтъ.* На вопросы о школьныхъ библіотекахъ почти всѣ учителя отвѣчаютъ одинаково: «охота къ чтенію большая, дѣти постоянно пристаютъ съ просьбой дать книжку почитать»; «библіотека существуетъ и время отъ времени пополняется земствомъ, но потребности въ чтеніи не удовлетворяетъ»; «всѣ книги перечитаны, новыхъ нѣтъ и не высылаютъ,—читать нечего»; «всѣ книги истрепались,—нельзя выдать на

руки»; «сначала очень приставали за книгами, а теперь видятъ, что нѣтъ,—перестали спрашивать»...

Много сдѣлало и дѣлаетъ земство для народнаго образованія, но еще болѣе того предстоитъ ему работы впереди, такъ какъ жизнь предъявляетъ все новые и новые запросы, и эти новые запросы — непосредственный и естественный результатъ дѣятельности земской. Земство начало понемногу устраивать первыя народныя школы; школы привились къ населенію, и оно требуетъ все бо́льшаго и бо́льшаго числа школъ, и не устаетъ настойчиво требовать до тѣхъ поръ, пока земство не удовлетворитъ потребности во всеобщемъ обученіи. Устроенныя земствомъ школы, очевидно, дѣлаютъ свое дѣло: онѣ порождаютъ и въ ученикахъ, и въ населеніи потребность въ чтеніи, развиваютъ охоту и любовь къ нему, и потребность эта растетъ изъ года въ годъ, развиваясь все шире и шире, и будетъ до тѣхъ поръ заявлять о себѣ, пока она не будетъ удовлетворена правильно организованными и заботливо пополняемыми изъ года въ годъ библіотеками. Заботами земства привлечены къ народной школѣ лучшія, сравнительно съ прежнимъ, просвѣтительныя силы; земство же старается возбуждать и поддерживать въ нихъ интересъ къ школьному дѣлу,— и въ отвѣтъ на это являются новые и новые желанія, запросы, требованія въ увеличеніи просвѣтительныхъ средствъ. Не было школъ, библіотекъ,—и не требовалось ихъ; были учителя—«мастерки грамоты», и не надо было для нихъ ни педагогическихъ руководствъ, ни журналовъ, ни учительскихъ библіотекъ. Такимъ образомъ, земство по праву можетъ гордиться возрастаніемъ просвѣтительныхъ потребностей въ деревнѣ,—оно ихъ посѣяло и развиваетъ,—и это самое нравственно обязываетъ земство и поддерживать, и развивать, и совершенствовать все то, что̀ имъ же самимъ вызвано къ жизни. Увеличеніе числа школъ—до полнаго удовлетворенія потребности во всеобщемъ просвѣщеніи, и устройство, и правильная изъ года въ годъ поддержка учительскихъ и ученическихъ библіотекъ,—вотъ ближайшія неотложныя задачи, кои могутъ быть разрѣшены совокупными усиліями губернскаго и уѣздныхъ земствъ.

По поводу организаціи учительскихъ библіотекъ позволю себѣ сказать нѣсколько словъ.

Желательно организовать два рода учительскихъ библіотекъ: а) фундаментальная библіотека для цѣлаго района, для цѣлаго уѣзда, напримѣръ, и б) настольная библіотека при каждой изъ школъ.

Фундаментальная библіотека (одна или нѣсколько въ уѣздѣ) состоитъ изъ книгъ—художественно-литературныхъ, общенаучныхъ и педагогическихъ. Послѣдній отдѣлъ долженъ заключать въ себѣ педагогическіе и дѣтскіе журналы, книги по педагогикѣ, дидактикѣ и методикѣ, руководства и пособія для учениковъ, дѣтскія и народныя книги. Каждый изъ учащихъ въ земской школѣ пользуется правомъ на безплатное (и безъ залога) полученіе книгъ. Удобнѣе всего такою библіотекою сдѣлать одну изъ существующихъ уже земско-общественныхъ библіотекъ, или же организовать таковую вновь для всѣхъ служащихъ въ земствѣ лицъ,—что дастъ возможность широко обставить каждый изъ отдѣловъ, руководствуясь общими правилами для устройства общественныхъ библіотекъ, пользоваться которыми, какъ извѣстно, не возбраняется и народному учителю.

Настольная при каждой школѣ библіотека состоитъ изъ необходимѣйшихъ для учителя руководствъ и пособій,—въ коихъ можетъ встрѣчаться ежедневная надобность,—каковы: а) главнѣйшія методическія руководства и пособія по каждому изъ предметовъ школьнаго обученія; б) необходимѣйшія по каждому изъ предметовъ школьнаго ученія популярно-научныя книги, коими учитель могъ бы пользоваться для восполненія свѣдѣній, имѣющихся въ учебныхъ руководствахъ для учениковъ. Крайне желательно, чтобы въ школу выписывался журналъ—педагогическій для учителя и дѣтскій для учениковъ.

Организацію настольныхъ учительскихъ библіотекъ, какъ дѣло совершенно новое, могло бы принять на себя Губернское земство, а постоянную изъ года въ годъ поддержку учительскихъ и ученическихъ библіотекъ — уѣздныя земства съ ежегоднымъ пособіемъ губернскаго.

Не подлежитъ сомнѣнію, что повторяющіеся изъ года въ годъ губернскіе педагогическіе курсы только тогда принесутъ надлежащую пользу, когда учитель всегда будетъ имѣть подъ руками тѣ руководства и пособія, какія ему рекомендуютъ руководители, а безъ этого и при самомъ добромъ желаніи и усердіи и курсы помогутъ не много, и помощь ихъ будетъ лишь временная, и школьный учитель, въ большинствѣ случаевъ, будетъ участвовать въ курсовыхъ занятіяхъ лишь въ роли слушателя и ученика. Вполнѣ возможно въ ближайшемъ времени устройство давно желанныхъ и безотложно необходимыхъ учительскихъ съѣздовъ: и здѣсь богатый личнымъ опытомъ учитель только

тогда съ большею основательностію выскажетъ свое мнѣніе и убѣдительно для всѣхъ поддержитъ его, когда онъ явится на съѣздѣ вооруженнымъ и знаніями, и опытами другихъ.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о книгахъ для класснаго и внѣкласснаго чтенія стоитъ о вопросъ и *о программѣ курса школы*—о порядкѣ и объемѣ сообщаемыхъ въ школѣ знаній, о навыкахъ и умѣньяхъ, усвоиваемыхъ дѣтьми въ теченіе школьнаго курса. Еще въ недавнемъ прошломъ народная школа наша не имѣла вовсе никакой программы, представляя изъ себя, въ отношеніи содержанія курса и всего характера и направленія школьнаго ученія, нѣчто неустановившееся, неопредѣленное, давая тѣмъ самымъ широкое мѣсто произволу, какъ въ выборѣ самыхъ предметовъ ученія, такъ и въ опредѣленіи объема каждаго изъ нихъ; въ силу существующаго порядка вещей, то или другое *направленіе* школѣ давали, по своему усмотрѣнію, ближайшіе оффиціальные руководители школы и, главнымъ образомъ,—экзаминаторы. И въ послѣднее время, до изданія правительственныхъ школьныхъ программъ (1897 г.), народная наша школа, все болѣе и болѣе утрачивая характеръ общеобразовательной школы, стала повсюду усвоивать себѣ узко-формальное и одностороннее направленіе. Правительственныя программы 1897 г. положили конецъ произволу и личнымъ вкусамъ въ направленіи школы, ясно и точно установивъ предметами школьнаго ученія ея общеобразовательный характеръ. Въ этомъ заключается важное, по нашему убѣжденію, *историческое значеніе* правительственныхъ программъ: народная школа, утверждая въ дѣтяхъ истины христіанской вѣры—по ученію православной Церкви, должна познакомить своихъ учениковъ съ родной изящной литературой, должна передать имъ основныя знанія изъ родной исторіи и географіи, по естествознанію и гигіенѣ, умѣнье и навыки въ устной и письменной передачѣ своихъ мыслей, знанія и умѣнье по устному и письменному счету и основнымъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ,—короче сказать, *народная школа должна быть первою ступенью общаго для всѣхъ образованія*. Но не въ этомъ одномъ мы усматриваемъ важное значеніе новыхъ школьныхъ программъ. Программы эти опредѣляютъ не только содержаніе и объемъ школьнаго курса, но и заключаютъ въ себѣ дидактическія указанія относительно послѣдовательнаго распредѣленія въ курсѣ учебнаго матеріала, сравнительнаго *значенія* каждаго изъ предметовъ ученія,

опредѣляютъ и системы преподаванія. Принявъ на себя, такимъ образомъ, руководительство учителемъ, наблюдателемъ и руководителемъ школы, программы вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ учителю и наблюдателю извѣстный и благоразумный просторъ въ примѣненіи ихъ къ жизненной практикѣ—въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, отъ личныхъ свойствъ учителя и проч.: въ этомъ отношеніи программы могутъ быть признаны почти первымъ правительственнымъ актомъ, признающимъ за народнымъ учителемъ право участія въ разрѣшеніи близкихъ ему школьныхъ вопросовъ. Совершенно то же самое мы наблюдаемъ и въ уклончивомъ опредѣленіи *объема* преподаванія, развитія программы каждаго учебнаго предмета: количество свѣдѣній по исторіи, географіи и проч. опредѣляется не правительственной программой, а избранной въ школѣ книгою для класснаго чтенія; при благопріятныхъ условіяхъ, школѣ предоставляется право расширить каждый изъ названныхъ въ программѣ общеобразовательныхъ предметовъ до степени выдѣленія его въ самостоятельно поставленный предметъ и прохожденія этого предмета по спеціальному руководству; и выборъ предметовъ изъ числа указанныхъ въ программѣ, для расширенія курса, предоставляется опять-таки самой же школѣ и учителю. Такимъ образомъ, программы, не заковывая школы въ тѣсныя опредѣленныя и для всѣхъ одинаковыя рамки, предоставляютъ школѣ возможность расти, развиваться, совершенствоваться въ зависимости отъ ея жизненныхъ условій—мѣста, времени, матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, при чемъ самодѣятельности учителя дается значительный, благоразумный и законный просторъ.

Но программы эти, по новизнѣ ихъ, по традиціямъ недавняго прошлаго, все еще мало проникаютъ въ жизнь школы, не достаточно усвоены всѣми и не приняты еще *«къ руководству и исполненію»*. Одни, не желая знать программъ, все еще руководствуются въ своей практикѣ личнымъ усмотрѣніемъ въ опредѣленіи направленія школы и выбора предметовъ ученія; другіе, не принимая программъ во всей ихъ цѣлостности и полнотѣ, останавливаются на той или иной ихъ части (нерѣдко—несущественной) и настойчиво требуютъ преимущественной разработки излюбленной части—въ ущербъ всѣмъ другимъ, болѣе важнымъ въ образовательномъ отношеніи; третьи, наконецъ, относятся къ программамъ лишь съ формальной стороны и требуютъ *буквальнаго* ихъ исполненія. Тяже-

лѣе и труднѣе всѣхъ при такомъ положеніи дѣла—роль исполнителя программы—школьнаго учителя: онъ не знаетъ, чего держаться, какія требованія исполнять,—требованія ли правительственной программы по духу и смыслу ея, требованія ли школьной инспекціи. И вотъ, стараясь служить интересамъ своихъ учениковъ, онъ, въ огражденіе себя, стремится въ то же время угадать, кто пріѣдетъ въ школу экзаменовать дѣтей: воззрѣнія, вкусы и привычки экзаминатора и ставятся въ жизни выше и *мѣстныхъ условій*, среди коихъ существуетъ школа, и правительственныхъ программъ, и общепедагогическихъ задачъ...

Послѣ всего сказаннаго станетъ понятнымъ, почему *всѣ учителя*, въ своихъ сообщеніяхъ, обошли единодушнымъ молчаніемъ такой близкій и важный для нихъ жизненный вопросъ, какъ слѣдующій: «Не нуждается ли учитель въ какихъ-либо указаніяхъ относительно выполненія въ теченіе трехлѣтняго курса школы обязательныхъ требованій Примѣрныхъ программъ предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія?» Всѣ единогласно и кратко отвѣчаютъ одно—«не нуждается!»..

Между тѣмъ какъ вовсе не трудно усмотрѣть изъ отвѣтовъ на другіе вопросы, касающіеся постановки учебнаго дѣла, что учитель имѣлъ бы многое и многое сказать, и спросить относительно этихъ программъ; не трудно точно также и *возстановить по этимъ отвѣтамъ истинную физіономію современной народной школы въ Саратовской губерніи*, достоинства и недостатки школъ. Послѣднее мы и постараемся сдѣлать,—хотя бы и въ самыхъ общихъ чертахъ.

На выработку общаго характера нынѣшней школы, очевидно, оказали свое рѣшающее вліяніе два разныхъ теченія, изъ коихъ ближайшее къ намъ по времени отмѣнило, *но не заглушило*, первое,—болѣе отъ насъ отдаленное, на сторонѣ коего и досель остаются всѣ лучшія симпатіи лучшихъ изъ учителей, какъ и вообще друзей истиннаго просвѣщенія народа. Первое теченіе, господствовавшее у насъ въ періодъ возникновенія и первыхъ лѣтъ жизни нашей земской народной школы, мы назвали бы гуманнымъ, общеобразовательнымъ по своему существу направленіемъ, но недостаточно ясно опредѣлившимся и не установившимся въ окончательномъ выборѣ предметовъ ученія, въ разработкѣ ихъ программъ: общее направленіе было опре-

дѣленно и ясно,—не выработались вполнѣ, а потому и не вполнѣ ясны были тѣ формы, въ которыхъ должно было воплотиться это направленіе.

Направленіе это можетъ быть опредѣлено слѣдующими общими формулами. Цѣль школы—гармоническое и всестороннее развитіе всѣхъ способностей ученика. Средство для достиженія этой цѣли—воспитывающее школьное ученіе, развивающее мыслительныя силы ученика съ ихъ формальной стороны и дающее имъ опредѣленное содержаніе. Здѣсь уже намѣчены были въ общихъ чертахъ—и наглядное обученіе, и познаніе окружающей природы, и географическія и историческія свѣдѣнія о родной землѣ, и знакомство съ родной литературой,—но все это было только намѣчено, но недостаточно разработано и опредѣленно установлено въ примѣненіи къ школѣ, не сложилось въ программу, не воплотилось въ практическій курсъ ученія, потому что движеніе это было пріостановлено и смѣнилось другимъ, имѣющимъ съ первымъ мало общаго.

Второе теченіе,—во всѣхъ своихъ проявленіяхъ совершенно ясное и опредѣленное,—мы назвали бы направленіемъ узко-формальнымъ и крайнимъ по исключительному и одностороннему выбору предметовъ ученія; это то самое направленіе, которые стали было усвоивать школы въ послѣдніе годы передъ появленіемъ «Примѣрныхъ программъ».

Направленіе это было давно извѣстно въ школьномъ ученіи, оно было въ свое время господствующимъ у насъ, и возвращались къ нему, какъ къ исконному «отечественному» направленію. Здѣсь цѣлью ученія ставилось усвоеніе извѣстныхъ учебныхъ навыковъ, заучиваніе отвлеченныхъ нравственныхъ формулъ, пріобрѣтеніе извѣстныхъ внѣшнихъ привычекъ «благообразнаго поведенія» въ обиходной жизни. Предметами ученія служили гражданское, особенно же церковное чтеніе—безъ всякой заботы о доступности дѣтямъ содержанія читаемаго, о разносторонности, послѣдовательности и полнотѣ этого содержанія. Къ этой программѣ, особенно же въ школахъ городскихъ, присоединены были и получили особо широкое развитіе еще два предмета исключительно формальнаго характера—грамматика и правописаніе. Усвоеніе отвлеченно-формальнаго и односторонняго ученія, воспитаніе формальныхъ навыковъ поведенія—вотъ учебныя орудія и средства второго направленія (по существу своему—стараго), смѣ-

нившаго перво начальное гуманное направленіе земской народной школы.

Ничуть не погрѣшая противъ истины, съ полнымъ убѣжденіемъ, можно удостовѣрить, что земскій народный учитель, не безразлично относящійся къ своему дѣлу, совершенно не тяготѣлъ къ этому формальному теченію, не усматривая въ немъ жизненной правды и надобности, и подчинялся ему лишь въ силу необходимости, держась его въ своей практикѣ постольку, поскольку это нужно было для удовлетворенія требованій *экзамена*.

Сила перваго теченія видна въ школахъ и теперь, и обнаруживается, и будетъ обнаруживаться все опредѣленнѣе и значительнѣе, благодаря требованіямъ правительственныхъ программъ. Но въ настоящую минуту видны осязательно и слѣды вліянія второго направленія. И вотъ теперь земская школа стоитъ какъ бы въ переходномъ положеніи: стремясь отдать себя въ полную власть гуманно-общеобразовательнаго направленія, она еще не можетъ вполнѣ отрѣшиться отъ воздѣйствій ближайшаго по времени формальнаго теченія.

Стремясь дать ученію общеобразовательный характеръ, школа считаетъ безусловно необходимымъ ввести дѣтей въ родную литературу, дать имъ навыки толковаго чтенія, дать знанія изъ окружающаго ихъ міра, изъ географіи, изъ исторіи *), сообщить навыки въ толковомъ изложеніи мыслей. И знанія эти и навыки дѣйствительно сообщаются дѣтямъ въ каждой школѣ,—хотя и въ различной степени. Но *программа* этихъ знаній и навыковъ остается до сихъ поръ неопредѣленною, и *выборъ* знаній отличается нерѣдко одностороннимъ формализмомъ, въ чемъ нельзя не признать направленія, господствовавшаго до 1897 года. Такъ, произведеніямъ «изящной словесности» все еще отводится въ школахъ незначительное мѣсто, а искусственно (но неискусно) составленныя «статейки», слабыя по своему содержанію и по формѣ, пользуются привиллегированнымъ положеніемъ. Знанія историческія, географическія и проч.—малосодержательны, безжизненны, сухи и односторонни. Упражненія въ письменномъ изложеніи однообразны, и, находясь подъ давленіемъ излишне-обильныхъ орѳографическихъ упражненій, не доводятъ своего дѣла до

*) Мы здѣсь говоримъ только о содержаніи роднаго языка, какъ предмета школьнаго ученія, и вовсе не касаемся другихъ предметовъ,—Закона Божія, ариѳметики и проч.

надлежащаго конца. Хотя грамматикой и не злоупотребляютъ въ школахъ Саратовской губерніи, но все же она занимаетъ еще не заслуженное ею мѣсто соотвѣтственно съ тѣмъ значеніемъ, какое ей принадлежитъ по существу, какое указано и правительственными программами, какъ вспомогательнаго только средства для наученія дѣтей правописанію, а это послѣднее, достигаемое безчисленными диктовками, не даетъ возможности утвердиться въ школахъ и окрѣпнуть упражненіямъ въ письменномъ изложеніи. Церковнославянское чтеніе крѣпко держится технической стороны предмета, заботясь исключительно о выработкѣ «манерности» въ процессѣ чтенія, совершенно забывая о глубоко-воспитательномъ содержаніи предмета.—Нужно, впрочемъ, замѣтить, что такое положеніе дѣла въ значительной степени объясняется, помимо вліянія ближайшаго прошлаго, и тѣми *руководствами*, какія это прошлое оставило въ наслѣдство по себѣ.

Мы безбоязненно указываемъ на существующіе въ современной земской школѣ недостатки, потому что твердо вѣримъ въ ея жизненность, въ ея великую будущность. И при всѣхъ этихъ недостаткахъ школа эта заключаетъ въ себѣ живыя зерна, которыя рано или поздно разовьются и принесутъ свой желанный плодъ. И глубоко ошибаются тѣ, кто думаетъ, что современная земская школа есть по своему существу простая школа грамотности: только невооруженный опытомъ и знаніемъ дѣла глазъ не замѣчаетъ, что современная земская школа носитъ сама въ себѣ и сообщаетъ ученикамъ и развитіе, и знанія, а самое важное—*охоту и готовность къ воспріятію* дальнѣйшаго просвѣщенія. Недостатки школы постепенно исправятся, и вліяніе ея на дѣтей и окружающую жизнь усилится, умножится.

Однимъ изъ средствъ къ *исправленію существующихъ недостатковъ* нашей школы и къ устраненію препятствій въ правильномъ ея ростѣ и развитіи могла бы послужить лучшая, сравнительно съ настоящимъ, постановка выпускныхъ школьныхъ экзаменовъ. Мы раньше указывали, какое нежелательное вліяніе могутъ оказывать экзамены на весь ходъ занятій въ школѣ *въ теченіе всего трехгодичнаго курса*, какъ много заставляютъ они учителя работать (по существу—безплодно) въ угоду личнымъ взглядамъ и вкусамъ, которымъ по закону не предоставляется мѣста въ школьномъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ.

Мы не будемъ указывать здѣсь на существующіе въ этомъ отношеніи недостатки (тѣмъ болѣе, что они и безъ того всѣмъ извѣстны), а постараемся лишь напомнить тѣ существенныя черты экзамена, которыя установлены школьными законоположеніями, равно обязательными и для учителя, и для экзаминатора.

Экзаменъ отъ начала и до конца ведетъ самъ учитель, а всѣ остальные члены экзаменаціонной комиссіи, являются, такъ сказать, «присяжными судьями»: учитель, вмѣстѣ съ другими членами экзаменаціонной комиссіи, избираетъ статью для диктовки и обязательно *самъ* ее диктуетъ; онъ назначаетъ каждому изъ учениковъ матеріалъ для чтенія и предлагаетъ вопросы. Другіе члены комиссіи, въ дополненіе къ вопросамъ учителя, могутъ предложить и свои, но веденіе экзамена принадлежитъ одному учителю; онъ же, естественно, можетъ, въ случаѣ надобности, измѣнить и форму предложеннаго со стороны вопроса, или же сообщить экзаминатору, что предложенный имъ вопросъ не входилъ въ программу курсовыхъ занятій.

Учитель, на равномъ правѣ съ другими экзаминаторами, ставитъ ученикамъ отмѣтку за отвѣты, и эта отмѣтка идетъ наравнѣ съ другими въ расчетъ при выводѣ окончательнаго средняго балла.

Такъ какъ «Примѣрныя программы» М. Н. Пр. не устанавливаютъ въ точности объема преподаванія каждаго изъ обязательныхъ предметовъ, а предоставляютъ это учителю—въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, и такъ какъ экзаминаторъ не можетъ быть во всей подробности освѣдомленъ, что именно пройдено по каждому изъ предметовъ, то и является необходимость, чтобы учитель представлялъ на экзаменъ подробную программу всего имъ пройденнаго: списокъ разученныхъ стихотвореній, перечень прочитанныхъ статей по исторіи, географіи и проч.,—и эта программа должна служить основаніемъ для всего экзамена.

Мы полагаемъ, на основаніи требованій «Примѣрныхъ программъ» и общаго ихъ смысла, что было бы вполнѣ законно, если бы вмѣсто диктовки ученикамъ предложено было на экзаменѣ, по заявленію учителя, письменное изложеніе прежде или на экзаменѣ прочитанной статьи, и это изложеніе послужило бы основаніемъ для оцѣнки успѣховъ и въ правописаніи.

Въ видахъ разныхъ случайностей экзамена и въ объясненіе этихъ случайностей (и хорошій ученикъ по робости можетъ написать

на экзаменѣ плохо), необходимо, чтобы учитель представлялъ на экзаменъ тетради учениковъ съ различными (за весь годъ) письменными упражненіями.

Всѣ экзаменаціонныя письменныя работы учениковъ, вмѣстѣ съ списками и протоколомъ экзамена, за подписью всѣхъ членовъ экзаменаціонной комиссіи, представляются въ училищный совѣтъ.

Въ виду скромной жизненной роли современнаго школьнаго учителя, въ виду далеко не выясненныхъ существующими законоположеніями его правъ и обязанностей, училищные совѣты своими инструкціями, а члены этихъ совѣтовъ всею совокупностію своей дѣятельности во время годичныхъ своихъ посѣщеній школы, равно какъ и во время экзаменовъ, могли бы во многомъ способствовать не только выясненію законныхъ правъ и обязанностей учителя, но и къ неуклонному осуществленію ихъ въ школьной дѣйствительности, и тѣмъ самымъ на дѣлѣ воспитали бы въ учителѣ чувство глубокаго уваженія къ закону, къ непреложной необходимости проявленія его въ жизни. А это чувство законности необходимо нужно воспитать въ учителѣ болѣе, чѣмъ въ комъ-нибудь другомъ: только тотъ, кто носитъ въ себѣ это чувство, можетъ воспитать его и въ другихъ; а воспитать въ себѣ и проявлять вовнѣ чувство законности возможно лишь при томъ условіи, когда *я знаю не однѣ только обязанности, но и закономъ предоставленныя мнѣ права, и когда эти послѣднія уважаются другими и нерушимо осуществляются въ моей, хотя бы и очень скромной, жизнедѣятельности.*

Мы далеко не полно изложили здѣсь нужды земскихъ школъ губерніи, остановившись лишь на существеннѣйшихъ, на нашъ взглядъ, и самыхъ неотложныхъ; мы знаемъ, что нашъ краткій очеркъ не исчерпываетъ собою даже и всѣхъ этихъ главнѣйшихъ потребностей школы и учителя: объясняется это тѣмъ, что мы считами себя обязанными держаться рамокъ установленной программы и касаться только того, что́ непосредственно вытекаетъ изъ «сообщеній» учителей.

Указывая на вопіющія потребности школы и учителя, мы не всегда могли съ точностію опредѣлить, *кѣмъ* и *какъ* эти потребности могутъ быть удовлетворены: это несравненно лучше насъ знаетъ и сдѣлаетъ управа, какъ просвѣщенное орудіе земства, этого добраго хозяина и заботливаго попечителя своей, земской, народной школы.

Д. И. Тихомировъ.

О популяризаціи правовѣдѣнія.

VI.

Два теченія политико-юридической мысли,—одно, представителями котораго являются Платонъ и Моръ, другое—съ Аристотелемъ и Макіавелли во главѣ, — продолжаютъ развиваться въ исторіи. Одни мыслители ищутъ наилучшей формы правленія, изображаютъ идеальное, по ихъ мнѣнію, государство; другіе изучаютъ дѣйствительныя государства, стараются вникнуть въ ихъ происхожденіе, опредѣлить нормальный ходъ развитія. Мнѣ кажется, необходимо указать на значеніе въ исторіи права вообще и ученія о государствѣ въ частности Гуго Гроція, Гоббса, Мильтона и Локка. Нѣкоторыя свѣдѣнія о борьбѣ партій въ Англіи и Голландіи, которая вызывала и борьбу теоретическихъ разсужденій о государственномъ устройствѣ, верховной власти и правахъ гражданъ, пріобрѣсти не трудно (по Маколею, Мотлею и другимъ доступнымъ сочиненіямъ).

Для Гуго Гроція государство является совершеннымъ союзомъ свободныхъ людей для охраненія права и для общей пользы. (О Гроціи, кромѣ, конечно, классическаго труда Б. Н. Чичерина, могу указать на свою маленькую статью въ журналѣ «*Вопросы философіи и психологіи*»).

По ученію Гоббса, человѣкъ естественно стремится къ собственному благополучію; если его интересы сталкиваются съ интересами другихъ лицъ,—онъ пускаетъ въ ходъ всѣ доступныя ему средства, чтобы достигнуть своихъ себялюбивыхъ цѣлей. Отсюда—война всѣхъ противъ всѣхъ. Такое состояніе всѣмъ невыгодно, и люди стремятся обезпечить свою безопасность, установить миръ. Для этого создается верховная власть, которой люди отдаютъ свою волю, становясь подданными этой единой воли (государства). Верховная власть безусловна (абсолютна) и принадлежитъ либо одному лицу (монархія), либо

немногимъ (аристократія), либо всему народу (демократія). Ни имущества собственнаго, ни собственнаго убѣжденія о добрѣ и злѣ подданные въ государствѣ, по Гоббсу, не должны имѣть. Такимъ образомъ, человѣкъ въ теоріи англійскаго мыслителя превращается въ раба.

Противоположныхъ воззрѣній держался знаменитый поэтъ (авторъ «*Потеряннаго рая*») и мыслитель Мильтонъ. Онъ отрицаетъ, чтобы первоначальнымъ, естественнымъ состояніемъ людей была война всѣхъ противъ всѣхъ. Наоборотъ, для Мильтона, какъ вѣрующаго христіанина, люди созданы по образу и подобію Божію, т.-е. свободными, и никто не имѣетъ права лишать ихъ этого подобія, т.-е. свободы мысли и совѣсти. Они добровольно образуютъ союзъ (государство) для установленія безопасности извнѣ и внутри.

Дальнѣйшее развитіе мысли о личной свободѣ, какъ основаніи общежитія, получается у Локка. Его Б. Н. Чичеринъ признаетъ «завершителемъ всего предшествующаго движенія либеральныхъ идей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, истиннымъ основателемъ индивидуальной школы».

Естественное состояніе,—учитъ онъ,—состояніе полной свободы. Человѣкъ можетъ распоряжаться собою и своимъ имуществомъ, какъ ему угодно, не нарушая чужой свободы и интересовъ. Этимъ обусловливается и равенство людей. Законъ (государство) долженъ руководствоваться этимъ началомъ. Установленіемъ общей законодательной, судебной и исполнительной власти люди изъ естественнаго состоянія, сохраняя свои права, переходятъ въ гражданское и обязываются подчиняться въ такихъ случаяхъ волѣ большинства.

Въ государственномъ ученіи Локка находятъ не мало противорѣчій, которыя объясняются отчасти тѣмъ, что взявши, отвлеченнаго, а не историческаго человѣка, построивъ умозрительную теорію, Локкъ ввелъ въ нее много положеній дѣйствовавшей въ его время англійской конституціи. Но заслуга его тѣмъ не менѣе необыкновенно велика, защита имъ личныхъ правъ весьма убѣдительна.

Подъ вліяніемъ Локка и знакомства съ устройствомъ и дѣятельностью англійскаго государства сложилось глубокомысленное ученіе Монтескьё,—одного изъ величайшихъ политическихъ мыслителей всѣхъ вѣковъ и народовъ. Трудами Локка заканчивается семнадцатое столѣтіе въ Англіи, и первенство въ развитіи политическихъ ученій переходитъ къ Франціи.

Въ 1742 году появляется знаменитое сочиненіе Монтескьё «*О духѣ законовъ*». Оно имѣло громадное вліяніе на развитіе европейскихъ государственныхъ учрежденій, и даже въ самой Англіи, строй которой изучилъ Монтескьё.

У Монтескьё впервые превосходно развито ученіе о необходимости раздѣленія властей (его зародышъ видятъ у римскаго историка Полибія). Подымаясь изъ естественнаго состоянія къ правильному общежитію, люди устанавливаютъ положительные законы, которыми опредѣляются ихъ отношенія другъ къ другу и отношенія управляемыхъ къ правителямъ. Власть въ государствѣ раздѣляется на законодательную, исполнительную и судебную, которыя не должны сосредоточиваться въ однѣхъ рукахъ. При такихъ условіяхъ граждане будутъ обезпечены отъ злоупотребленій властью со стороны правителей.

Конечно, всего лучше было бы познакомиться прямо съ великимъ твореніемъ Монтескьё, но для цѣлей общаго самообразованія достаточно прочесть внимательно соотвѣтствующія главы у Чичерина и небольшую книжку знаменитаго современнаго французскаго историка Сореля: «*Монтескьё*» (она вышла у насъ въ двухъ переводахъ,—въ Петербургѣ подъ редакціей профессора Карѣева, въ Москвѣ подъ редакціей профессора Виноградова,—я имѣю подъ руками послѣднюю).

Монтескьё содѣйствовалъ уничтоженію пытокъ. «Онъ,—говоритъ Сорель,—устанавливаетъ истинные принципы свободы мысли и печати». Положительныя обязанности государства великій французскій мыслитель понимаетъ очень широко, требуя отъ него заботъ объ общемъ благосостояніи всѣхъ и каждаго. По мнѣнію Сореля, Монтескьё представитель французскаго національнаго духа въ томъ, что въ немъ есть яснаго, широкаго, возвышеннаго и разумнаго. Несомнѣнно, что представителемъ французскаго духа слѣдуетъ признать и другого великаго политическаго писателя прошлаго вѣка, имѣвшаго огромное міровое значеніе,—Жанъ-Жака Руссо.

В. Гольцевъ.

На новомъ мѣстѣ.

(Изъ записокъ сельской учительницы).

Осенью 1894 года судьба забросила меня въ одинъ изъ довольно глухихъ уголковъ Московской губерніи, учительницей въ сельскую народную школу. Школьное дѣло мнѣ близко знакомо, и жизнь въ деревнѣ меня привлекала, и я съ радостью ухватилась за возможность поработать на пользу всегда симпатичныхъ мнѣ крестьянскихъ ребятъ.

Я приступила къ пріемкѣ школы; каково же было мое разочарованіе, когда при школѣ не оказалось ни одного клочочка бумажки, который могъ бы указать на ходъ дѣла, ни одной письменной работы, чтобы хотя сколько-нибудь ознакомиться съ познаніями и развитіемъ моихъ будущихъ учениковъ.

Совершенно обезкураженная на первыхъ же шагахъ, я приняла учебныя пособія, письменныя принадлежности и библіотеку, которая, кстати сказать, совсѣмъ не заслуживала столь почетнаго названія, такъ какъ состояла изъ разрозненныхъ печатныхъ листковъ, долженствовавшихъ когда-то представлять собою 20—30 экземпляровъ неизвѣстнаго названія книгъ. Кто и когда читалъ эти книги, указаній также не было.

По справкамъ оказалось, что на долю мою выпала самая насчастная школа во всемъ уѣздѣ, въ которой уже нѣсколько лѣтъ служили смѣнные учителя не дольше одного года каждый, въ ожиданіи лучшаго мѣста.

При ближайшемъ знакомствѣ съ населеніемъ, я пришла въ еще бо́льшее уныніе: оказалось, что народъ извѣрился въ учителей, пріѣзжавшихъ на короткое время, и встрѣтилъ меня недружелюбно. За спиной моей слышались разговоры: «ну ее, и эта больше года не прослужитъ, а съ «ензамента» все равно половину со слезами назадъ приведутъ,—знаемъ мы ихъ!»

Съ учениками дѣло стояло еще хуже.

Надо сказать, что школа моя состояла изъ трехъ отдѣленій, и, слѣдовательно, съ трехлѣтнимъ курсомъ, по окончаніи котораго

ученики, сдавшіе экзаменъ, получаютъ свидѣтельство; и вотъ, когда я хотѣла ознакомиться съ познаніями одного изъ отдѣленій и стала предлагать имъ вопросы, въ двухъ другихъ раздались сначала отдѣльные возгласы, затѣмъ свистки, пѣніе и, наконецъ, все это слилось въ такой невообразимый гамъ, что я въ первую минуту не нашлась даже, что̀ сказать и что́ сдѣлать. Я молча посмотрѣла на нихъ, повернулась и ушла въ свою комнату. Маневръ мой удался, тишина наступила моментально.

Подождавъ съ полчаса, я опять вошла въ классъ и обратилась уже ко всѣмъ ученикамъ. Я объяснила имъ, что заниматься при такихъ условіяхъ я не желаю, что никакого голоса не хватитъ ихъ перекричать, а потому и предлагаю ходить въ школу только тѣмъ, кто дѣйствительно желаетъ учиться, а кто желаетъ кричать и свистать, пусть пришлютъ матерей или отцовъ, и я ихъ отпущу изъ училища домой.

Конечно, мое намѣреніе уволить было превышеніемъ власти, на которое я и права не имѣла, но я разсчитала вѣрно: до крайности дѣло не дошло и посѣщать школу пожелали всѣ поголовно, при чемъ заявили мнѣ откровенно, что и прежде они дѣлали, что̀ хотѣли, и учительница часто отъ нихъ плакала.

Мнѣ хотя плакать и не пришлось, но задумываться надъ вопросомъ, что̀ мнѣ дѣлать, приходилось частенько, такъ какъ отступать не хотѣлось, хотя бы и изъ одного самолюбія, а главное,—мнѣ съ первой же минуты стало такъ безконечно жаль всѣхъ этихъ лохматыхъ, неумытыхъ воителей, что я дала себѣ слово, во что́ бы то ни стало, побѣдить ихъ. Но раньше всего надо было завоевать народъ, чтобы онъ путемъ различныхъ, конечно, мелочныхъ каверзъ, не сдѣлалъ бы мнѣ жизнь невозможной. А для этого прежде всего надо было добиться, чтобы всѣ ученики старшаго отдѣленія, въ количествѣ шести человѣкъ, непремѣнно сдали экзаменъ на свидѣтельство, а времени оставалось ужъ немного, такъ какъ экзаменъ долженъ быть въ началѣ мая. Ребятишки, къ счастью, попались способные, но уровень познаній и развитіе ихъ были крайне слабые.

Задавшись цѣлью приготовить старшихъ къ экзамену, я въ то же время не должна была забывать, что и средніе на будущій годъ будутъ старшими, а младшіе къ концу года должны быть грамотны, а они до меня прошли только четыре буквы.

Сообразивъ все это, я начала работать главнымъ образомъ въ старшемъ отдѣленіи и вести въ то же время бесѣды со всѣмъ классомъ по разнымъ отраслямъ знанія, конечно, въ самой элементарной формѣ.

Крестьянскіе ребята, не привыкшіе, чтобы съ ними такъ бесѣдовали, сидѣли, буквально затаивъ дыханіе. Такимъ образомъ, главное дѣло сдѣлано, — дисциплина водворена. Оставалось передать имъ побольше хотя бы и отрывочныхъ свѣдѣній. Ни о какихъ системахъ и методахъ въ этотъ годъ не могло быть и рѣчи. Особенное вниманіе пришлось сосредоточить, въ интересахъ экзамена, на правописаніи и счетѣ.

Не буду распространяться о томъ, какихъ страшныхъ трудовъ стоилъ и мнѣ, и ребятамъ этотъ первый экзаменъ. Казалось, они заразились моей лихорадкой, занимались по вечерамъ, оставаясь для этого ночевать, занимались и по воскресеньямъ, а въ награду за усердіе звала ихъ по праздникамъ къ себѣ въ комнату,—дѣти пили чай и лакомились подсолнышками.

Наконецъ, давно ожидаемый день экзамена насталъ, я повезла своихъ кандидатовъ въ назначенный пунктъ, и, о, радость! сдали всѣ, и даже четверо изъ шести получили награды.

Отношеніе ко мнѣ народа сразу перемѣнилось; на измѣненіе нашихъ отношеній къ лучшему повліяло и то обстоятельство, что годъ прошелъ, а я и не думала никуда собираться: завела себѣ огородецъ около дома, развела куръ, устроила разное домашнее хозяйство.

Въ слѣдующемъ же году довѣріе ко мнѣ народа сказалось въ томъ, что я почти безъ всякихъ хлопотъ добилась полнаго ремонта школы, стоившаго крестьянскому обществу 160 рублей, что при нашей бѣдности составляетъ громадную сумму.

Лѣто я рѣшила посвятить на разработку опредѣленнаго плана и порядка преподаванія. Нельзя же было такъ зарываться, какъ въ первый годъ; меня бы и на два года не хватило, да и ребятъ такъ утомлять прямо-таки не хорошо. Мнѣ надо было придумать такой способъ, чтобы и отъ установленной программы не отступить, и главное—дать дѣтямъ то, что́ требуетъ ихъ ежедневный жизненный обиходъ. Я стала присматриваться къ жизни народа и увидала, что желаніе учиться среди крестьянскихъ дѣтей развито гораздо сильнѣе, чѣмъ среди городскихъ. Оно и понятно: кромѣ сознанія пользы

отъ грамотности, ребенокъ получаетъ отъ школы еще и развлеченіе, и пребываніе въ школѣ для него лучше, чѣмъ дома. Какъ бы то ни было, но вниманіе и воспріимчивость крестьянскихъ дѣтей—поразительны.

Но при всемъ желаніи обучить ребенка грамотѣ, семья очень часто не имѣетъ возможности отдать его въ школу, такъ какъ дѣти являются уже съ 9—10 лѣтъ помощниками въ семьѣ, въ видѣ нянекъ для малолѣтнихъ или при исполненіи мелкихъ домашнихъ работъ. Кромѣ того, не каждый можетъ цѣлые три года давать ребенку соотвѣтствующія времени года обувь и одежду, а зачастую даже представляютъ расчетъ и куски хлѣба, даваемые школьникамъ на обѣдъ, потому что мало дать—ребенка жаль, а лишнее дать—дома остатками другой былъ бы сытъ. Такъ и выходитъ, что охота къ ученью огромная и у дѣтей, и у родителей, а тормозящихъ обстоятельствъ еще больше, чѣмъ охоты.

Сообразивъ все это, я пришла къ тому заключенію, что, не отступая отъ программы, надо вести ученіе такъ, чтобы каждый ученикъ, изъ какого отдѣленія онъ ни былъ бы взятъ родителями за невозможностью проучиться всѣ три года, долженъ быть во всякомъ случаѣ настолько грамотенъ, чтобы онъ могъ написать письмо, подвести счетъ и прочитать все, что придется. Поставивъ себѣ эту задачу, я составила расписаніе предметовъ на каждый день и начала со слѣдующей же осени исполнять свою несложную программу.

Къ моему счастью, законоучителемъ въ нашей школѣ оказался пресимпатичный священникъ, отлично знакомый съ дѣломъ преподаванія, а главное—имѣвшій нравственное вліяніе на ребятъ. Съ нимъ въ дѣлѣ обученія пошли мы рука объ руку.

Прежде всего мы согласились ни коимъ образомъ не задерживать ребятъ на второй годъ въ младшемъ отдѣленіи, чтобы не дѣлать изъ нихъ лѣнтяевъ, и оставляли только тѣхъ, кто весь годъ проховралъ или не посѣщалъ школы по другимъ причинамъ. Кромѣ этого, мы рѣшили выпускать черезъ три года какъ можно больше учениковъ, хотя бы и съ средними познаніями, а не пять или шесть,—вполнѣ отшлифованныхъ для экзаменовъ. Эту же мысль сталъ проводить потомъ и нашъ предсѣдатель училищнаго совѣта. Въ крайней необходимости лучше всего задержать совсѣмъ отставшаго ученика—во второмъ отдѣленіи, потому что здѣсь, стоитъ лишь обновить статьи

для чтенія и матеріалъ для упражненій въ правописаніи,—и весь курсъ приметъ обновленный характеръ.

За краткостью времени и довольно обширными требованіями установленной для насъ программы, я повела звуковку (чтеніе и письмо) возможно скорѣе, не останавливаясь долго на элементахъ буквъ, и тотчасъ же по изученіи новаго звука знакомила съ его письменнымъ и печатнымъ начертаніемъ: такимъ образомъ ребятишки младшаго отдѣленія, съ помощью частыхъ упражненій, стали быстро усвоивать сліяніе звуковъ въ слова, легко распознавать буквы и разбирать слова по книгѣ, а также писать и списывать ихъ. Начавъ обученіе съ перваго сентября, ребята къ концу ноября могли ужъ разобрать по книгѣ и списать всякое слово. Этимъ самымъ облегчилось и для законоучителя заучиваніе молитвъ, такъ какъ явилась возможность раньше раздавать имъ молитвенники и не такъ долго учить со-словъ, что крайне трудно и утомительно и для учителя, и для дѣтей.

Во второе полугодіе я дѣлала цѣлый рядъ звуковыхъ диктантовъ, сначала отдѣльными словами, потомъ и цѣлыми предложеніями, при чемъ каждое слово ученики должны были предварительно разложить на звуки, сказать, сколько ихъ, и какіе именно; такимъ путемъ къ концу года всѣ ученики могли написать любое слово безъ пропуска буквъ, хотя, конечно, и съ ошибками,—вмѣсто а поставятъ о, вмѣсто и—б, и тому подобное, но по крайней мѣрѣ и эти дѣти могутъ со словъ матери или отца написать самое необходимое, а если буквы будутъ крупны или неровны, то это еще не большая бѣда, все же будетъ понятно, что написано. Для выработки болѣе правильнаго почерка я заставляла списывать съ образцовъ, написанныхъ мною на доскѣ,—перомъ на графленой бумагѣ, между двухъ линеекъ. На ряду съ этимъ все время шло обученіе чтенію и счету. Время отъ времени, въ помощь себѣ, я посылала въ младшее отдѣленіе одного изъ старшихъ учениковъ, которые съ большой охотой прослушивали чтеніе младшихъ, поправляли написанное. Въ настоящее время въ этомъ не представляется ужъ никакой надобности, такъ какъ мои ребята настолько полюбили школу, что каждый годъ находятся изъ окончившихъ курсъ добровольцы, которые все еще не хотятъ разстаться со школой и просятъ позволенія походить еще годокъ, такъ какъ по молодости лѣтъ въ мастерство ихъ еще

не принимаютъ, а дома скучно безъ дѣла болтаться. Эти повторительные, конечно, всѣ изъ болѣе зажиточныхъ семей. Вотъ они-то и прослушиваютъ такъ называемое самостоятельное чтеніе младшихъ, просматриваютъ ихъ письменный счетъ и письмо съ книгъ, обращаясь, разумѣется, ко мнѣ при малѣйшемъ недоразумѣніи, да притомъ же все это происходитъ въ одной и той же комнатѣ, на моихъ глазахъ. Изъ правилъ правописанія я прохожу въ первый годъ только употребленіе *і* и большихъ буквъ, да обозначеніе нѣсколькихъ сомнительныхъ согласныхъ, и къ концу года грамотникъ готовъ. Руководство для младшихъ: букварь Тихомирова и первая книжка для чтенія Толстого.

По переходѣ во второе отдѣленіе, ученики мало-по-малу пріучаются писать на бумагѣ по одной линейкѣ. Здѣсь всѣ диктанты даются уже на правила, а что еще больше служитъ къ укрѣпленію въ примѣненіи этихъ правилъ—это цѣлый рядъ упражненій на употребленіе сомнительныхъ гласныхъ и согласныхъ, на букву *ъ* въ корнѣ и въ окончаніяхъ—по вопросамъ. Лично у меня эти работы отнимаютъ очень мало времени,—я только съ самаго начала объясняю, какъ выполнить требуемое упражненіе, а затѣмъ ученики такъ привыкаютъ къ дѣлу, что исполняютъ работу самостоятельно, тѣмъ самымъ давая мнѣ возможность заниматься съ другими отдѣленіями. А польза отъ этихъ работъ, какъ я убѣдилась на практикѣ, огромная. Пособіями служатъ: «Азбука правописанія» Тихомирова, курсы правописанія Некрасова, выпускъ 1 и 2, «Начатки грамматики» Тихомирова. На ряду съ письменными работами, которыхъ бываетъ очень много, усложняются устный и письменный счетъ и задачи, ведется также русское и славянское чтеніе, ежедневно чередуясь. Ученики средней группы къ концу года становятся довольнотаки грамотными—и въ чтеніи, и въ письмѣ.

Въ старшемъ отдѣленіи—тѣ же письменныя работы, то-есть диктанты и другія орѳографическія упражненія, но болѣе трудныя, при чемъ вводится изложеніе своими словами статей, разобранныхъ въ классѣ или же прочитанныхъ мною классу одинъ только разъ. Статьи берутся разнообразнаго содержанія,—и историческія, и правоучительныя, и описательныя, а къ концу года ученики пишутъ изложенія отъ себя на заданныя темы, кто что́ хочетъ, напримѣръ:

о томъ, какъ ходили за грибами, о покосѣ, жатвѣ, о грозѣ, письма къ роднымъ и проч.

Такъ какъ въ своемъ уѣздѣ, къ моему счастью, мнѣ довелось встрѣтить не мало учителей и учительницъ, служащихъ по призванію, страстно любящихъ свое дѣло, то мы скоро перезнакомились и стали собираться другъ къ другу на совѣщанія, обмѣниваться мыслями и учебниками, изобрѣтать болѣе простые способы передачи трудныхъ понятій, и, наконецъ, поставили дѣло такъ, что, откинувъ многое, при нашихъ условіяхъ неисполнимое и излишнее, мы стали находить время и для общаго развитія дѣтей, и для историческихъ и географическихъ бесѣдъ, для сообщенія и другихъ необходимыхъ свѣдѣній. Объяснительное чтеніе теперь бываетъ чаще, продолжительнѣе и живѣе.

Говоря о томъ, что мы откинули многое неисполнимое, я хотѣла сказать о тѣхъ безконечныхъ синтактическихъ и грамматическихъ разборахъ, которые требовались раньше отъ нашихъ учениковъ, влекли за собой неизбѣжное долбленіе грамматической терминологіи, и все-таки не давали никакихъ практическихъ результатовъ ни для правописанія буквъ, ни для разстановки знаковъ препинанія; получалось только обремененіе памяти, безполезная трата времени. Вотъ эту-то самую грамматическую номенклатуру мы и откинули, вмѣстѣ съ грамматическимъ розборомъ, оставивъ только самые необходимые термины, и, наконецъ, добились того, что запятую дѣти ставятъ для отдѣленія одной мысли отъ другой, почти безошибочно, точку по окончаніи рѣчи, двѣ точки передъ чужими словами и перечисленіями,—а больше и требовать въ три года невозможно. Многое усвоивается дѣтьми и прямо развитіемъ глазной памяти,—при массѣ письменныхъ работъ.

Очень можетъ быть, что многимъ моя программа покажется слишкомъ упрощенной; но надо принять во вниманіе и то, что многое возможное въ городскихъ школахъ у насъ совершенно непримѣнимо; такъ, напримѣръ, я лично считаю совершенно невозможнымъ задавать дѣтямъ на домъ ничего, кромѣ чтенія и заучиванія стиховъ, во-первыхъ, потому, что, окончивъ классъ въ 4 часа, ученики возвращаются домой за три—четыре, а иногда и болѣе верстъ, уже въ совершенной темнотѣ,—около 6—7 часовъ; надо имъ отогрѣться, поѣсть, отдохнуть, а тамъ и спать пора, вѣдь встаютъ они съ пяти

часовъ, чтобы къ 8-ми поспѣть въ школу. Кромѣ того, бѣдныя семьи почти не зажигаютъ лампъ, а если и сидятъ съ огнемъ, то съ лучинкой *), освѣщающей небольшой кружокъ, у котораго ютятся и старый, и малый, мѣшая другъ другу. Довольно того, что уже безусловно необходимо приготовлять дома уроки по Закону Божію, такъ какъ священникъ успѣетъ только дать нужныя поясненія да провѣрить урокъ, а дальше учить заданное они должны ужъ самостоятельно. Значитъ все, что̀ дѣлается для нашихъ предметовъ, должно дѣлаться тутъ же въ классѣ.

Послѣднее время, когда помѣщенія въ школахъ стали все болѣе и болѣе удобны, у насъ сильно развилась среди учениковъ охота къ ночевкамъ въ школѣ, при чемъ ночуютъ большею частью самые нужные, то-есть старшіе и младшіе. Старшіе потому, что надѣются получить отъ насъ какое-нибудь лишнее поясненіе вечеркомъ или рѣшеніе задачи, а младшіе просто потому, что ходить темно и холодно. И какіе это чудные вечера, вознаграждающіе насъ вполнѣ за нашъ дѣйствительно тяжелый трудъ!

Тутъ всѣ ребята передъ нами нараспашку, каждый откровенно, не стѣсняясь дисциплиной, подходитъ со своимъ горемъ и радостью, тутъ пробуждается мысль, высказываются планы на будущую жизнь, даются и выслушиваются совѣты, а въ длинные зимніе вечера и сказки разсказываются, и пѣсенку пропоютъ ребятки или молитвы хоромъ, да какъ стройно, съ такимъ чувствомъ! А я тѣмъ временемъ поправляю тетрадки классныхъ работъ. Въ первое полугодіе всѣ письменныя работы я поправляю на квартирѣ, для себя, и по нимъ слѣжу за ходомъ дѣла, а ученики только просматриваютъ и замѣчаютъ свои ошибки; если я вижу, что въ такомъ-то правилѣ погрѣшаютъ, я дѣлаю цѣлый рядъ новыхъ упражненій, до полнаго усвоенія этого правила, и только тогда перехожу къ другому,—новому.

Во второе полугодіе всѣ письменныя работы исправляются въ классѣ, при ученикахъ, и каждую ошибку я имъ объясняю; это удобно бываетъ дѣлать потому, что въ свѣтлые мѣсяцы прибавляется лишній часъ занятій, и для поправки остается время; тогда вечеромъ мы можемъ побольше побесѣдовать, я напою ихъ чайкомъ, а когда

*) Въ деревнѣ, гдѣ помѣщается моя школа, какъ и въ другихъ сосѣднихъ деревняхъ, многіе крестьяне не только освѣщаются „лучинкою“, но и живутъ въ курныхъ избахъ.

и похлебку сварим общественную, затѣмъ младшіе играютъ въ буквы, до чего они страстные охотники.

Игра состоитъ въ томъ, что или я, или который-нибудь изъ старшихъ учениковъ набираетъ слово потруднѣе, буквы перемѣшиваются и даются младшимъ, а они должны отгадать, то-есть сложить задуманное слово.

По временамъ къ намъ привозятъ волшебный фонарь. То-то радость и ликованіе, когда объявишь о томъ, чтобы собирались на картины и родныхъ приводили! Народу собирается такое множество, что въ продолженіе вечера приходится нѣсколько разъ всѣхъ отправлять на улицу и отворять фортки, иначе отъ духоты и картины не выходятъ.

Послѣ картинъ цѣлую недѣлю во время перемѣны идутъ разговоры и пересуды о томъ, что́ кому понравилось; многіе даже приносятъ мнѣ отъ себя описаніе вечера съ туманными картинами. Для дѣвочекъ я недавно ввела рукодѣльные классы, начиная съ января до каникулъ, и онѣ съ большой охотой шьютъ, вяжутъ и вышиваютъ три раза въ недѣлю.

О прежнихъ свисткахъ и гамѣ давно ужъ нѣтъ и помина, хотя наказаній я никакихъ не употребляю. Всѣ сидятъ, какъ они выражаются, «въ совѣсть». Они отлично знаютъ, что если начнется шумъ, то я сейчасъ же дѣлаюсь серьезна и неразговорчива, и они ужъ не добьются отъ меня никакого разсказа или поясненія, а пойдетъ одно сухое чтеніе или письмо.

Многое еще хотѣлось бы мнѣ сказать, но боюсь распространяться, чтобъ не надоѣсть; скажу еще одно, что многое теперь можно сдѣлать потому, что наше земство, несмотря на то, что оно вовсе не изъ богатыхъ, дѣлаетъ всѣ, что́ можно, для болѣе успѣшнаго хода преподаванія и, начиная съ предсѣдателя, какъ училищнаго совѣта, такъ и земской управы, вполнѣ сочувственно относится какъ къ учащимся, такъ и къ учащимъ.

Составъ управы у насъ теперь также самый счастливый, и мы можемъ смѣло обращаться со всѣми своими школьными нуждами и заботами, надѣясь найти полное сочувствіе, совѣтъ и помощь. А при такихъ условіяхъ можно работать, повторяя пословицу: «далъ бы Богъ здоровья, а счастье сами найдемъ».

Л. С.

В. П. Острогорскій.

(Къ тридцатипятильтію его педагогической дѣятельности).

Русская школа и русская жизнь не представляли прежде, не представляютъ и теперь благопріятныхъ условій для болѣе или менѣе самостоятельной разработки педагогическихъ вопросовъ, для распространенія среди педагоговъ и въ обществѣ педагогическихъ знаній, для проведенія въ жизнь педагогическихъ идей. Наша средняя школа, вовсе не принимая въ расчетъ условій и потребностей жизни, формировалась и видоизмѣнялась исключительно лишь подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ *государственныхъ* соображеній, руководствовалась строго, до мелочей, опредѣленными правительственными программами, инструкціями, предписаніями, лишающими исполнителей этихъ предписаній и самой малой доли самостоятельности, самодѣятельности въ дѣлѣ школьнаго ученія и воспитанія. Самостоятельно созданной жизнію *частной* школы у насъ не было и нѣтъ, такъ какъ всѣ существующія частныя учебныя заведенія, по тѣмъ или инымъ причинамъ, неуклонно стремятся поставить свое учебное дѣло во всемъ согласно съ образцами казенной школы. Въ нашемъ обществѣ, независимо отъ матеріальныхъ средствъ семьи, вся забота *объ образованіи* дѣтей сводится, за рѣдкими исключеніями, къ тому, чтобы опредѣлить ребенка въ казенную школу, которая и даетъ потомъ юнотѣ дипломъ на степень образованія, на право полученія казеннаго мѣста, чиновъ и орденовъ. Потому-то въ дошкольный періодъ ученія ребенка родители преимущественно заботятся лишь о томъ, чтобы *подготовить* его къ пріемному въ казенную школу экзамену, а въ періодъ школьнаго ученія всѣми мѣрами стараются ему помочь успѣшно выдерживать переходные изъ класса въ классъ экзамены, чтобы сдать потомъ послѣдній—выпускной экзаменъ. Нужно при этомъ замѣтить, что современная школа, отнимая своими

классными и внѣклассными занятіями у ребенка и юноши все его время, строго опредѣляя каждый шагъ въ его поведеніи—и въ школѣ и дома,—лишаетъ тѣмъ самымъ семью всякой возможности послѣдовательно и цѣлесообразно воздѣйствовать на складывающіяся въ ребенкѣ мысли и чувства, на его волю, на выработку его характера. При такомъ положеніи у насъ педагогическаго дѣла можно ли требовать отъ «нашихъ педагоговъ» тщательной разработки педагогическихъ вопросовъ, можетъ ли существовать въ обществѣ спросъ на усвоеніе и проведеніе въ жизнь педагогическихъ знаній, идей? И разработка педагогическихъ вопросовъ, и усвоеніе педагогическихъ знаній не находятъ себѣ непосредственнаго примѣненія въ жизни школы и семьи,—кто же и зачѣмъ будетъ заниматься такимъ неприложимымъ къ жизни дѣломъ? Поэтому же самому у насъ нѣтъ и заботы о спеціальной подготовкѣ педагоговъ къ своему дѣлу: школѣ нуженъ не педагогъ, а лишь покорный исполнитель предписаній. Послушаемъ, по вопросу о положеніи педагогическаго дѣла въ нашей школѣ, свидѣтельство В. П. *Острогорскаго*, въ теченіе 35 лѣтъ работающаго на поприщѣ педагогическомъ.

„Справедливо жалуются у насъ на недостатокъ хорошихъ учителей вообще, а учителей роднаго языка и словесности въ особенности. Но откуда же имъ и взяться, если, съ одной стороны, языкъ и словесность считаются чѣмъ-то второстепеннымъ, неопредѣленнымъ, иногда даже опаснымъ, ведущимъ къ фразерству и легкомыслію, съ другой—въ самихъ университетахъ, приготавливающихъ учителей, и особенно въ историко-филологическихъ институтахъ, всего хуже поставлены необходимые для словесника предметы—философія, исторія, исторія литературы,—а эстетика, въ смыслѣ теоріи поэзіи, даже, кажется, нигдѣ и не читается... Но каковъ бы даже и ни былъ учитель, постановка дѣла и программы даютъ дѣлу токъ и волей-неволей вынуждаютъ тратить время, по крайнему убѣжденію учителя, на занятія совершенно ненужныя, непроизводительныя, а то, въ воспитательномъ отношеніи, иногда просто и вредныя. Въ самомъ дѣлѣ, оглянувшись на свою собственную практику, на всѣ эти безчисленныя засѣданія въ разныхъ вѣдомствахъ по части обсужденія программъ, припомнимъ, какія цѣли преслѣдовались въ этихъ засѣданіяхъ, къ чему тяготѣли всѣ эти программы. Прежде всего должны сказать откровенно, почти во всѣхъ этихъ засѣданіяхъ, носящихъ у насъ какой-то чиновничій формальный характеръ, почти вовсе не замѣчалось никакой общей руководящей воспитательной идеи, сколько-нибудь живой, которая имѣла бы въ виду натуру ребенка, юноши, какую-нибудь здравую, психологическую подкладку, что-нибудь дѣйствительно нужное, полезное для жизни, возвы-

шающее и облагораживающее юную душу. Всюду имѣлось въ виду не самое живое дѣло языка и словесности, а что-то постороннее, въ родѣ направленія, сообразнаго яко бы съ потребностями времени (то въ патріотизмъ ударятся, то въ классическую древность, то въ религіозность). Впередъ, почти всегда, выдвигались грамматика и грамматика, и не только русская, но и церковно-славянская, даже съ фонетикой, точно во всемъ этомъ только и сила, точно въ ребенкѣ и въ юношѣ только и нужно развивать, первѣе и главнѣе всего, одно формальное языкознаніе. Трактовалось очень много о числѣ письменныхъ работъ, о ихъ исправленіи, о томъ, чтобы возможно болѣе завалить ученика уроками, ввести надъ нимъ контроль, донять отчетностью, и, наконецъ, дошли до того, что къ самому офиціальному учителю обнаружили начистоту полнѣйшее недовѣріе, такъ что даже экзаменныя темы для работъ письменныхъ стали присылать въ гимназіи въ запечатанныхъ конвертахъ, отъ учебныхъ вѣдомствъ... Я почти не могу припомнить, чтобы во всѣхъ этихъ безчисленныхъ засѣданіяхъ были серьезно обсуждаемы такіе вопросы, какъ выразительное чтеніе, важность чтенія внѣкласснаго, необходимость ознакомленія съ произведеніями литературы иностранной, съ біографіями писателей, о пріученіи учащихся къ чтенію статей критическихъ, о преимуществѣ знакомства съ новой литературой передъ русской древней, о средствахъ къ эстетическому развитію и т. п... Все та же убійственная грамматика, тѣ же традиціонныя, по рутинѣ разбираемыя произведенія древней византійско-польско-русской литературы, тѣ же напыщенныя и подражательныя литературныя упражненія XVIII вѣка, въ родѣ Ломоносова, Фонвизина, Державина, Карамзина, мало понятныя безъ основательнаго знакомства съ литературой Запада, односторонній Жуковскій, Пушкинъ и Лермонтовъ съ Грибоѣдовымъ, да немножко Гоголя—вотъ все, что дается гимназіями; да и многіе ли учителя успѣваютъ основательно ознакомить учащихся съ новою литературой, начиная съ Пушкина?“ *).

Такъ можетъ ли при такой постановкѣ въ школахъ учебнаго дѣла находить себѣ мѣсто разработка и проведеніе въ жизнь педагогическихъ идей, совершенствованіе программъ и вообще формъ и орудій для воспитывающихъ воздѣйствій на учениковъ? «Всякій такой вопросъ,—по свидѣтельству В. П. Острогорскаго,—если и поднимался кѣмъ-нибудь въ комиссіи, то или прямо, такъ сказать, заминался, какъ что-то щекотливое, нежелательное, или признавался утопическимъ, недостижимымъ».—Понятно послѣ всего сказаннаго, почему нашъ учитель такъ рѣдко выступаетъ по своей спеціальности какъ въ общей, такъ и въ спеціально-педагогической литературѣ, почему онъ является, по большей части, лишь въ роли составителя присно-

*) „Письма объ эстетическомъ воспитаніи“, стр. 11—15.

собляемыхъ къ установленнымъ программамъ руководствъ и пособій, почему въ важнѣйшія эпохи русской жизни вопросы школы и жизни и ставились, и разрабатывались, и проводились въ жизнь не черезъ педагогическую литературу и не присяжными педагогами... Болѣе посчастливилось въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ на первое время, нашей юной земской народной школѣ. «Что же касается старшихъ классовъ гимназіи, начинал съ 5 класса», какъ свидѣтельствуетъ В. П. Острогорскій, «то и тѣ немногіе труды о цѣляхъ и способахъ преподаванія, каковы работы Скопина (въ журналѣ «Учитель»), Водовозова, Стоюнина» (и, прибавимъ отъ себя,—работы В. П. Острогорскаго), и вообще «все, что ни сдѣлано педагогической литературой, нашими программами и комиссіями игнорируется почти вовсе». Игнорируются нашими «педагогами» и педагогическія знанія вообще: отъ желающаго получить званіе воспитателя или учителя и далѣе—отъ инспектора, отъ директора совсѣмъ не требовалось и не требуется педагогическихъ знаній, достаточно каждому изъ нихъ имѣть извѣстный образовательный цензъ, а для повышеній—обнаружить извѣстныя *служебныя* способности, и этого для нашего «педагога» считается вполнѣ достаточнымъ. Загляните какъ-нибудь въ лучшій столичный книжный магазинъ, спросите у книгопродавца, много ли у него на полкахъ педагогическихъ сочиненій,—переводныхъ и оригинальныхъ, спросите далѣе, какъ идутъ эти книги, посмотрите, наконецъ, на обертки *существующихъ* въ продажѣ педагогическихъ сочиненій, въ скольких изданіяхъ они разошлись, и вы убѣдитесь, что книгъ этихъ не покупаютъ, а слѣдовательно и не читаютъ. Среди учителей, инспекторовъ и директоровъ были и есть хорошіе, добрые люди, любимые учениками, съ прирожденнымъ призваніемъ къ дѣлу и инстинктивными педагогическими дарованіями, но спеціально подготовленные педагоги или даже педагоги-самоучки составляли и составляютъ рѣдкое исключеніе: школа до сихъ поръ не требовала и не требуетъ отъ своихъ наставниковъ спеціально-педагогическихъ знаній. Припомните горькій вопросъ В. П. Острогорскаго—«*Учитель, гдѣ ты?*» *),—это убѣжденное осужденіе всего современнаго школьнаго строя, и вы осязательно увидите, что истиннаго наставника,

*) Статья, напечатанная въ „Спб. Вѣдомостяхъ", въ концѣ министерства гр. Делянова.

за рѣдкими исключеніями, у насъ нѣтъ и не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся къ лучшему тѣ условія, среди которыхъ онъ работаетъ. Припомните высоко-поучительныя яркія картины, талантливо нарисованныя В. П. Острогорскимъ въ его книгѣ, обратившей въ свое время на себя всеобщее вниманіе,—«*Изъ исторіи моего учительства*», и вы согласитесь, что наши учителя—не педагоги, а наши школы—не только не мастерскія гуманности, но даже и не воспитательныя, а просто узко-формальныя, дисциплинарныя заведенія. Правда, описываемое В. П. Острогорскимъ время невозвратно прошло, и многое теперь измѣнилось, но перемѣнились только внѣшнія формы, а сущность дѣла осталась та же. Суровое казарменное воспитаніе стараго времени, губя многихъ, давало избраннымъ извѣстный закалъ, и по крайней мѣрѣ приготовляло къ тогдашней суровой жизни, въ чемъ и находило себѣ извѣстное оправданіе, а теперь и этого даже нѣтъ, и современная школа, по общему убѣжденію, къ жизни не готовитъ. Что же получается въ результатѣ отъ такого положенія у насъ педагогическаго дѣла вообще и школьнаго воспитанія въ частности? Приведемъ здѣсь свидѣтельство В. П. Острогорскаго *), характеризующее не всѣхъ, конечно, прошедшихъ школу юношей, но, во всякомъ случаѣ, многихъ и многихъ изъ нихъ.

„Представьте себѣ юношу, окончившаго курсъ наукъ, слѣдовательно взявшаго все, что можетъ дать ему въ настоящее время у насъ формальное образованіе. Этотъ юноша не глупъ, по натурѣ даже добрый и очень симпатичный человѣкъ, у него бездна знаній, и общихъ, и спеціальныхъ, передъ нимъ широко открыты двери къ разносторонней дѣятельности, и что же вы видите? Этотъ юноша съ развитымъ, недюжиннымъ умомъ, съ знаніями, крайне тяготится жизнію или вовсе къ ней равнодушенъ. Онъ чувствуетъ себя совсѣмъ одинокимъ, оторваннымъ отъ почвы, не имѣющимъ никакого опредѣленнаго призванія, никакой охоты принять участіе въ общей работѣ на пользу своему отечеству, въ которомъ онъ, этотъ юноша, рѣдкій и дорогой для страны аристократъ по образованію. Въ глубинѣ души онъ холодный эгоистъ - себялюбецъ, не имѣющій сердечной связи часто даже съ собственной семьей. Для него нѣтъ и будущаго въ смыслѣ опредѣленнаго идеала, нѣтъ и настоящаго, въ которомъ и для себя-то не находитъ радостей: ни въ людяхъ, которыхъ не умѣетъ найти, или съ которыми не умѣетъ сойтись по душѣ, ни въ искусствахъ, ибо все это для него мертвая буква и не можетъ пощекотать его ума сладостнымъ восторгомъ. Какъ глубоко несчастенъ этотъ юноша, и сколько ихъ, бѣдныхъ,

*) „Письма объ эстетическомъ воспитаніи“, стр. 19.

отцвѣтаетъ, не успѣвши расцвѣсть!.. Чего же недостаетъ этому юношѣ, обладающему и умственнымъ развитіемъ, и знаніями, чтобы быть хоть сколько-нибудь счастливымъ самому, внутри себя носить духовный міръ съ самимъ собой, свои радости и утѣшенія, ободряющія духъ человѣка? чтобы чувствовать себя самого единицею въ общемъ, единицею полезною, необходимою для общей работы на благо родины, человѣчества, и притомъ человѣкомъ, сознающимъ силу въ своемъ образованіи? Недостаетъ ему общаго внутренняго настроенія, собственной изъ него самого исходящей потребности проявить себя посильнымъ работникомъ для блага другихъ. Недостаетъ ему той любви къ міру, къ человѣку, того живого интереса къ жизни, той связи съ послѣдней, безъ которыхъ нѣтъ никогда и никакого разумнаго, удовлетворяющаго человѣка труда, могущаго поддерживать въ человѣкѣ вѣру въ лучшее будущее и вести его впередъ и впередъ. Какъ ни были бы неблагопріятны условія, среди которыхъ юношѣ пришлось бы дѣйствовать; какъ ни велики были бы преграды къ достиженію благородныхъ цѣлей, онъ сталъ бы бороться съ этими условіями, искалъ бы средствъ эти преграды устранить, чтобы, по мѣрѣ силъ, приблизиться къ цѣли, и въ малѣйшемъ шагѣ впередъ видѣлъ бы для себя утѣшеніе. Такъ всегда, во всѣхъ образованныхъ странахъ, путемъ упорнаго труда, никогда не иначе, отвоевывало себѣ общество, народъ, всѣ улучшенія жизни, и нигдѣ, какъ у насъ нынѣ, не отстранялась отъ борьбы, не покладала рукъ въ этомъ отвоевываніи образованная молодежь, надежда и цвѣтъ страны, залогъ ея лучшаго будущаго. Такое-то именно бодрое, здоровое настроеніе слагается, конечно, вслѣдствіе очень многихъ историческихъ, экономическихъ и иныхъ причинъ, но, безспорно, одна изъ важнѣйшихъ заключается именно въ томъ, чтобы и въ семьѣ, и въ школѣ обращалось вниманіе не только на формальное развитіе ума и на обогащеніе его знаніями, но и на воспитаніе чувства и воображенія, которыя, главнымъ образомъ, и складываютъ характеръ человѣка, направляя, укрѣпляя, или парализуя его волю".

Понятно само собою, что всѣ указанные крупные недостатки школьнаго воспитанія и ученія, а равно и многіе другіе, сознанные обществомъ, признаваемые теперь и учебной администраціей, не могутъ быть поставлены въ вину одному только учителю, какъ нельзя его винить и въ недостаточномъ участіи въ теоретической разработкѣ педагогическихъ вопросовъ: виновато здѣсь наше историческое прошлое, виноваты и современныя условія, въ которыя поставлены и наша общественная жизнь, и наша школа. Мы скорѣе готовы удивляться тому, что, не взирая на все это, русская педагогическая мысль, оставаясь все еще гласомъ въ пустынѣ, не умерла совсѣмъ, что все еще живы и педагоги, и общественные дѣятели, горячо вѣрующіе въ возможность проведенія и осуществленія въ жизни свѣтлыхъ гуман-

вых идей и не уставшіе въ наши долгія сумерки повторять въ сотый и въ тысячный разъ вѣчныя свѣтлыя истины. Нужно носить въ себѣ великую вѣру въ могущество идеи, нужно поддерживать въ себѣ неустанную горячую энергію, чтобы всю жизнь безкорыстно, беззавѣтно, безбоязненно напоминать, разъяснять, доказывать, что истина есть истина... Не значительно у насъ число такихъ стойкихъ общественныхъ дѣятелей вообще, а между педагогами—въ особенности, но тѣмъ дороже для всѣхъ должны быть ихъ имена. Изъ ближайшаго прошлаго мы можемъ назвать лишь Пирогова, Ушинскаго, барона Корфа *), Стоюнина, Водовозова; въ этомъ свѣтломъ ряду по справедливости долженъ быть поставленъ и донынѣ здравствующій и энергично, съ юношескимъ увлеченіемъ, не покладая рукъ, работающій на пользу общества и школы В. П. Острогорскій, педагогической и литературной дѣятельности котораго исполнится 13 октября тридцать пять лѣтъ.

Начавъ работать на пользу развивающаго и воспитывающаго обученія въ свѣтлые дни тридцатипятилѣтіемъ отдаленной отъ насъ эпохи освободительныхъ преобразованій, всецѣло проникшись великими идеями раскрѣпощенія Руси, В. П. Острогорскій и до настоящихъ дней не только не измѣнилъ своему знамени, но и неустанно и беззавѣтно несетъ на себѣ мірскую службу. По его трудамъ можно было бы совершенно точно установить всѣ тѣ злобы дня, всѣ тѣ вопросы школы и жизни въ области педагогической, которыми жила мыслящая часть нашего общества, чѣмъ она воодушевлялась, въ чемъ полагала надежду спасенія отъ исторически сложившейся въ теченіе вѣковъ, властно царящей въ обществѣ и въ народѣ тьмы.

Вѣднякъ-студентъ, въ буквальномъ смыслѣ слова не имѣющій гдѣ главу подклонить, не обезпеченный въ кускѣ хлѣба на завтрашній день, горячо проникается идеей всеобщаго просвѣщенія освобожденнаго народа, и вмѣстѣ съ другими обсуждаетъ планъ и программу народной школы, безвозмездно работаетъ въ воскресной народной школѣ, обогащаетъ себя педагогическими знаніями, и тутъ же ихъ примѣняетъ къ живому дѣлу, подготовляясь къ каждому уроку, составляетъ бесѣды съ учениками, пишетъ статьи—для народа, о народѣ, о школьномъ преподаваніи. Первыми печатными работами В. П. Острогорскаго

*) См. о нихъ книгу В. П. Острогорскаго — „Русскіе педагогическіе дѣятели".

были мастерски составленные разсказы изъ народнаго быта, пользующіеся широкимъ распространеніемъ и до настоящаго времени,— «Титъ», «Вавило», «Маша на дѣвичникѣ», «Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ». Юный педагогъ увлекается не только живой, мѣткой, образной народной рѣчью и вполнѣ усвоиваетъ духъ народнаго языка, но и проникается лучшими сторонами народнаго воззрѣнія на матеріальную и нравственную силу труда вообще, на значеніе труда крестьянскаго, на безправное и горькое положеніе женщины въ крестьянской семьѣ и проч. Въ своихъ народныхъ разсказахъ юный авторъ не развлекаетъ только своего малоопытнаго читателя, но и умѣло, и талантливо поучаетъ, просвѣщаетъ, воспитываетъ, поднимаетъ до уровня умственнаго и нравственнаго развитія развитого человѣка. Любовь къ просвѣщенію народа не только не остываетъ съ годами, но еще болѣе разрастается, и при всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ педагогическихъ трудахъ В. П. Острогорскій имѣетъ въ виду не привиллегированную только школу для привиллегированныхъ дѣтей, но и школу народную, и народъ вообще. Образованіе,—по существу своему,—не привиллегія, а общая для всѣхъ и каждаго потребность; равны для всѣхъ и орудія просвѣщенія — научныя знанія и образцовая по формѣ и содержанію художественная литература.

„Въ настоящее время, кажется, уже нѣтъ сомнѣнія въ той громадной пользѣ, въ смыслѣ эстетическомъ и нравственномъ, какую приноситъ чтеніе художественныхъ произведеній лучшихъ писателей родной литературы, *кои живыми образами, путемъ наслажденія, даютъ* вмѣстѣ съ тѣмъ и много матеріала образовательнаго для знакомства съ жизнью вообще“... „Не говоря уже о томъ, что дѣти (а равно и взрослые) на своихъ родныхъ писателяхъ невольно усвоиваютъ духъ языка, на нихъ же они пріучаются честно мыслить и чувствовать изъ честныхъ мыслей и чувствъ лучшихъ людей родины“ *).

Въ своей книгѣ «Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу», В. П. Острогорскій указываетъ на болѣе цѣнныя и доступныя произведенія—въ цѣломъ и въ частяхъ—изъ сочиненій Жуковскаго, Батюшкова, Крылова, Пушкина, Веневитинова, Баратынскаго, Языкова, Лермонтова, Майкова, Мея, Плещеева, Кольцова, Никитина, Некрасова, Шевченко, Гоголя, Тургенева, Григоровича, Гончарова,

*) См. „Русскіе писатели“, стр. V (въ 3 изд.)

Л. Н. Толстого, Погосскаго. «Рядомъ съ первою цѣлію—дать руководство къ чтенію съ дѣтьми образованныхъ классовъ въ школѣ и дома», говоритъ В. П. Острогорскій, «мы имѣли еще и другую: предложить выборъ художественнаго чтенія народу въ школахъ, читальняхъ и особенно для народныхъ чтеній, на которыхъ до сихъ поръ, по какой-то странной случайности, художественный элементъ упорно игнорируется почти вовсе». Впослѣдствіи В. П. Острогорскій, участвуя въ «Обзорѣ русской учебно-народной литературы» (изданіе С.-Пб. Ком. Грамотности), даетъ руководящую статью «о книгахъ художественнаго содержанія, пригодныхъ для народнаго чтенія», а затѣмъ и обстоятельные отзывы о каждой изъ книгъ, пригодной для школъ и народа. Въ дополненіе къ книгѣ «Русскіе писатели» В. П. Острогорскій составляетъ позже стихотворную хрестоматію—«Родные поэты»,—собранную изъ произведеній, указанныхъ и разъясненныхъ въ «Русскихъ писателяхъ». «Родные поэты» составляютъ такимъ образомъ какъ бы цѣлую библіотеку лучшихъ стихотворныхъ произведеній нашихъ лучшихъ поэтовъ, краткія біографіи коихъ помѣщены въ другой общедоступной для школъ и народа книгѣ В. П. О.—«Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей», а руководящія указанія, какъ научить и научиться читать художественныя произведенія, сдѣланы въ книгѣ «Выразительное чтеніе». Эта послѣдняя книга была въ свое время первымъ и единственнымъ руководствомъ по названному предмету и до настоящаго времени, переработанная заново и дополненная, пользуется заслуженно-широкимъ распространеніемъ.

Убѣжденный въ томъ, что великіе примѣры всего лучше воспитываютъ въ человѣкѣ стремленія благородныя, В. П. Острогорскій даетъ сборникъ разсказовъ—«Хорошіе люди» и «Изъ міра великихъ преданій». Послѣдній изъ названныхъ сборниковъ заключаетъ въ себѣ мастерскую передачу нѣсколькихъ міровыхъ художественныхъ произведеній («Роландъ», «Король Лиръ», «Зимняя сказка», «Вильгельмъ Телль», «Цринни», «Орлеанская дѣва»). «Если пересказы этихъ общечеловѣческихъ задушевныхъ произведеній», — говоритъ В. П. Острогорскій въ предисловіи къ послѣдней изъ названныхъ книгъ,—«забросятъ въ души читателей нѣсколько добрыхъ мыслей и чувствъ; если хотя сколько-нибудь помогутъ воспитанію въ юношествѣ уваженія къ великому, безъ чего нѣтъ истиннаго воспитанія,

тогда составитель не обмолвился словомъ празднымъ». — Широкое распространеніе этой книги (восемь изданій), огромный успѣхъ, какой имѣютъ названные разсказы въ народныхъ аудиторіяхъ, ясно свидѣтельствуютъ, что и этотъ послѣдній трудъ вполнѣ достигъ своей цѣли.

Начавъ дѣло служенія просвѣщенію народа съ первыхъ юныхъ лѣтъ сознательнаго труда—воскресною школою, разсказами изъ народнаго быта, В. П. Острогорскій во всю жизнь не отступаетъ отъ этого большого дѣла и цѣлымъ рядомъ оригинально задуманныхъ и талантливо исполненныхъ работъ вводитъ свою оригинальную аудиторію, состоящую изъ дѣтей, юношей и взрослыхъ крестьянъ, въ обладаніе великими художественными произведеніями не только родныхъ, но и міровыхъ поэтовъ, а къ тридцатипятилѣтію своей дѣятельности основываетъ въ г. Валдаѣ, Новгородской губерніи, безплатную народную школу, удѣляя на ея содержаніе изъ своихъ личныхъ скромныхъ средствъ, восполняемыхъ сборами съ устраиваемыхъ имъ же самимъ публичныхъ лекцій, и доброю помощію (трудами, учебными пособіями и т. п.) близкихъ лицъ *).

Названныя выше литературныя работы В. П. Острогорскаго, какъ мы видѣли, предназначаются для внѣшкольнаго образованія такого читателя, который лишь начинаетъ свое литературное образованіе, стоитъ на первыхъ его ступеняхъ; въ тѣсной связи съ этимъ находится и одна изъ раннихъ работъ В. П. Острогорскаго—«*Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній*» (по Эккардту), и болѣе поздній трудъ—«*Бесѣды о преподаваніи словесности*»; обѣ эти книги, предназначаемыя, главнымъ образомъ, какъ пособія для учителя средней школы (хотя къ «Руководству» приложенъ и для учениковъ—«*Краткій учебникъ теоріи поэзіи*»), имѣютъ живой интересъ и въ наши дни въ томъ отношеніи, что вполнѣ выясняютъ взгляды автора на желательную постановку роднаго языка въ средней школѣ, на конечныя задачи этого предмета и на средства, ведущія къ рѣшенію этихъ задачъ.

---

*) Эти близкія лица, вмѣстѣ съ учениками и почитателями В. П. Острогорскаго, собираютъ въ настоящее время фондъ для постояннаго обезпеченія школы. Предполагается съ тою же цѣлью устроить попечительство съ ежегоднымъ членскимъ взносомъ въ 3 р. Лица, сочувствующія этому хорошему дѣлу, могутъ обращаться по адресу — Валдай, Новгородской губ., школа В. П. Острогорскаго.

Выше мы замѣтили, что наша юная народная школа находилась, сравнительно, въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ по отношенію къ разработкѣ учебно-педагогическихъ вопросовъ, и эти-то условія возъимѣли свое благотворное вліяніе на тѣхъ изъ нашихъ педагоговъ, которые приходили въ соприкосновеніе съ этою, болѣе свободною отъ формализма и дающею просторъ для самодѣятельности, по крайней мѣрѣ на первое время, школою. И В. П. Острогорскій, начавшій свои работы въ народной школѣ, подъ руководствомъ горячо преданныхъ дѣлу, педагогически образованныхъ и опытныхъ лицъ, не только не забылъ потомъ этихъ добрыхъ уроковъ народной школы, но и перенесъ выработанные здѣсь общіе взгляды и педагогическіе принципы въ среднюю школу,—примѣнительно къ ея условіямъ. Потому-то взгляды В. П. Острогорскаго на задачи и на средства образованія, какъ на низшей, такъ и на средней его ступени, исходя изъ одной и той же идеи, имѣютъ между собою много общаго; потому-то онъ не только не считаетъ праздными *методическіе* вопросы въ примѣненіи ихъ къ преподаванію и въ средней школѣ, но и вдумчиво разрабатываетъ,—*чему и какъ учить на урокахъ родного языка въ средней школѣ.*

„Словесность, какъ учебный гимназическій предметъ, понимаемъ мы“—говоритъ В. П. О. въ первой главѣ своихъ бесѣдъ о преподаваніи словесности, „не только въ одномъ узкомъ смыслѣ теоріи прозы и поэзіи съ исторіей литературы; словесность—это все такъ называемое *литературное* образованіе, пріобрѣтенное юношей за его пребываніе въ гимназіи. Это литературное образованіе, на которое, особенно въ низшихъ четырехъ классахъ, гдѣ часто дается слишкомъ широкое, чуть не исключительное мѣсто сухимъ формальнымъ занятіямъ языкомъ, къ сожалѣнію, очень мало обращается вниманія, должно, по нашему мнѣнію, положить въ юношѣ краеугольный камень всего человѣческаго, гуманнаго развитія, безъ котораго нѣтъ истиннаго образованія. Это литературное образованіе должно имѣться въ виду *съ самыхъ младшихъ классовъ*. Правописаніе и грамматика должны быть сведены въ гимназическомъ курсѣ къ самому крайнему, строго выбранному minimum'у, предоставляя возможно болѣе широкое поле разнообразнымъ и интереснымъ занятіямъ живымъ языкомъ.

„Погоня за правописаніемъ, за формальнымъ знаніемъ замораживающихъ и отупляющихъ дѣтскую душу грамматическихъ схемъ, плохо въ гимназіи усвоиваемыхъ, писанія сочиненій по нѣмецкимъ методикамъ, совсѣмъ задѣлаютъ у насъ съ дѣтскихъ лѣтъ мысль, чувство, воображеніе; и любовь, и интересъ къ родному языку, словесности, литературѣ, къ пробованію силъ на сочиненіяхъ собственныхъ, или критикѣ—чужихъ въ на-

шемъ юношествѣ явленіе очень рѣдкое... Не давая юношеству литературнаго образованія въ школѣ, или же отводя ему слишкомъ незначительное мѣсто, мы тѣмъ самымъ лишаемъ молодое поколѣніе возможности правильнаго отношенія къ величайшимъ произведеніямъ человѣческой мысли и творчества и разумной оцѣнки послѣднихъ, лишаемъ обогащенія съ дѣтскихъ лѣтъ благороднѣйшими и возвышеннѣйшими мыслями талантовъ и геніевъ, лишаемъ юношество вмѣстѣ съ тѣмъ и одного изъ величайшихъ наслажденій искусствомъ, отвлекающимъ человѣка отъ пошлости и узко матеріальныхъ буржуазныхъ интересовъ. Мы забываемъ, что чѣмъ ниже умственный и эстетическій уровень общества, чѣмъ оно пошлѣе и буржуазнѣе, тѣмъ менѣе можетъ разсчитывать на это общество и государство. Нужно помнить, что усвоеніе юношествомъ съ самыхъ мягкихъ дѣтскихъ лѣтъ лучшихъ образцовъ родной и общей словесности дѣло чрезвычайно благотворное, и что литературное образованіе школьное есть одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ, при помощи которыхъ юноша пріобрѣтаетъ связь съ родиной и человѣчествомъ и „забираетъ съ собой въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ годы суроваго мужества, добрыя стремленія, поддерживающія и предохраняющія человѣка отъ измельчанія и опошленія".

„Въ результатѣ всѣхъ этихъ знаній и получится у юноши душевное настроеніе, которое мы назвали бы *этико-эстетическимъ*. Это настроеніе выразится въ любви къ литературѣ родной и общечеловѣческой, въ уваженіи къ великимъ литературнымъ дѣятелямъ, къ уму, таланту, въ извѣстномъ, такъ недостающемъ юношеству въ настоящее время, идеализмѣ, т.-е. въ нравственной требовательности, отвращеніи ко всему дурному и пошлому и стремленіи ко всему возвышенному, благородному, въ любви къ человѣку и къ родинѣ, въ желаніи служить ей по мѣрѣ силъ. Вмѣсто того, чтобы безплодно сокрушаться о паденіи нравовъ, бранить ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей безыдейнаго нашего времени, а то и жестоко карать ихъ за свои же ошибки,—школа должна серьезно озаботиться—поднять умственный и нравственный уровень учащейся молодежи. Прежде всего школа должна научить своего воспитанника хорошо мыслить и чувствовать, а слѣдовательно, и хорошо жить".

Относительно грамматики В. П. О. замѣчаетъ:

„Мы вполнѣ признаемъ необходимость грамматики, какъ для обученія правописанію, такъ и въ виду формальнаго логическаго ея значенія, но мы только требуемъ возможнаго ея суженія до minimum'а; мы только желаемъ, чтобы *не ей, а литературному образованію было предоставлено первое мѣсто*".

Жизненные взгляды В. П. О. на постановку родного языка въ средней нашей школѣ (мужской и женской) и подробно разработанная имъ программа этого предмета заслуживаютъ полнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что они сложились у автора, какъ результатъ долголѣт-

няго преподаванія въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ, и представляютъ собою итоги личныхъ опытовъ и наблюденій, что убѣждаетъ и въ примѣнимости этихъ взглядовъ на практикѣ.

Ставя такъ высоко воспитательное значеніе литературнаго образованія, руководя своихъ учениковъ и вообще читателей въ школѣ и внѣ школы на первыхъ ступеняхъ ихъ литературнаго развитія, В. П. О. возводитъ ихъ на новыя—высшія ступени въ томъ же направленіи своими—*„Этюдами о русскихъ писателяхъ“* (*1. И. А. Гончаровъ; 2. Н. Г. Помяловскій; 3. М. Ю. Лермонтовъ; 4. А. В. Кольцовъ;* къ этой же серіи книгъ можно до извѣстной степени отнести сочиненія: *„Очерки пушкинской Руси“ и С. Т. Аксаковъ,* критико-біографическій очеркъ), и какъ бы завершаетъ это общее образованіе читателя изданіемъ *„Избранныхъ статей изъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго“*. Названныя книги («Этюды о русскихъ писателяхъ» и «Избранныя статьи изъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго») мы особенно рекомендовали бы, между прочимъ, для самообразованія учителя народной школы.

Въ нашемъ краткомъ очеркѣ мы совсѣмъ не коснулись многихъ другихъ сторонъ продолжительной и разносторонней дѣятельности В. П. О., какъ педагога-публициста, какъ бывшаго редактора журналовъ «Дѣтское Чтеніе» и «Педагогическій Листокъ», какъ руководителя петербургскихъ женскихъ педагогическихъ курсовъ и проч. и проч.: мы остановились лишь на тѣхъ сторонахъ этой плодотворной дѣятельности, на тѣхъ взглядахъ и мысляхъ, которые казались намъ болѣе близкими и интересными для нашихъ читателей.

Подводя итоги всему нами сказанному, мы должны признать въ В. П. Острогорскомъ не только твердо убѣжденнаго педагога, выработавшаго себѣ цѣлостное и широкое воззрѣніе на свое дѣло, горячо вѣрующаго въ воспитывающую силу литературнаго образованія, но и стойкаго, при всѣхъ невыгодныхъ условіяхъ, общественнаго дѣятеля, въ теченіе всей жизни энергично и неустанно проводящаго свои гуманныя идеи въ жизненную дѣйствительность. Во всей совокупности жизнедѣятельности, убѣжденій и взглядовъ В. П. О. мы находимъ много своеобразнаго и поучительнаго, по крайней мѣрѣ для современнаго намъ русскаго педагога. Поучительно, прежде всего, то, что, состоя *на службѣ* въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, В. П. О. не только не сторонится отъ *общества,* но тѣсно сли-

вается съ нимъ, къ своей гимназической службѣ прибавляетъ непосредственную службу всему обществу, наблюдаетъ общественную жизнь и ея запросы, и въ дѣлѣ школьнаго воспитанія находитъ возможнымъ руководствоваться этими велѣніями жизни, чтобы приготовить для нея благородныхъ дѣятелей. Отъ жизни *общества* онъ не отдѣляетъ и жизни *народа* и стремится одинаково служить тому и другому, горячо вѣруя въ могучее общественное значеніе народнаго образованія. Для него нѣтъ крестьянскаго и барскаго, мужского и женскаго образованія,—нѣтъ спеціально *народной*, спеціально дѣтской, юношеской литературы: образованіе одно и литература одна—для всѣхъ равно и одинаково необходимыя, разнида только въ *ступеняхъ* образованія, въ зависимости отъ ступеней развитія тѣхъ, кто стремится получить образованіе, и задача наставника заключается въ томъ, чтобы на каждой изъ ступеней давать соотвѣтствующій матеріалъ и послѣдовательно возводить воспитанника, кто бы онъ ни былъ, съ низшей ступени на высшую. В. П. О. не замкнулся въ узкія рамки установленныхъ программъ, онъ широко ставитъ общую цѣль образованія и соотвѣтственно ей избираетъ надлежащія средства. Не одни формальныя знанія, не одно формальное развитіе, а воспитаніе человѣка—цѣль истиннаго просвѣщенія, пріобщеніе воспитанника къ лучшимъ мыслямъ и чувствамъ, идеямъ и идеаламъ лучшихъ—избраннѣйшихъ людей родины и всего человѣчества. Въ преподаваніи родного языка эта цѣль всего лучше достигается—*основательнымъ литературнымъ* образованіемъ, пріобрѣтаемымъ и въ школѣ, и внѣ школы, путемъ усвоенія образцово-литературныхъ произведеній художниковъ слова.

Не подлежитъ сомнѣнію, что если бы наша школа усвоила и осуществила на дѣлѣ эти заслуживающія полнаго сочувствія воззрѣнія, тогда она поистинѣ стала бы для всѣхъ желанною мастерскою гуманности и сослужила бы великую службу родинѣ.

Своими гуманными воззрѣніями, всею своею многолѣтнею полезною дѣятельностію В. П. Острогорскій пріобрѣлъ полное право на признательность русскаго общества, а всегда присущимъ ему и въ словѣ и въ дѣлѣ горячимъ чувствомъ, неизмѣннымъ одушевленіемъ онъ снискалъ себѣ общее расположеніе и любовь. Отъ всей души желаемъ ему еще многихъ лѣтъ, полныхъ энергіи и одушевленія, на благое просвѣщеніе родины.

Д. И. Тихомировъ.

Вопросы книги и жизни.

О вступительныхъ экзаменахъ и публичныхъ актахъ.—Какъ объединить семью и школу?—Домашнія вечернія занятія учащихся и вечернія школы.—Гигіена школьника въ Голландіи.—Лѣность и ея лѣченіе.—Казенщина въ школѣ и примѣры ея въ газетѣ „Русскій Трудъ“. Педагогическая идея К. П. Побѣдоносцева и Демолена.—Школка - семья.—Вопросъ о частной школѣ.—Мысли г. Розанова въ „Сумеркахъ просвѣщенія“.

Августъ и сентябрь—горячее время въ жизни школы, время вступительныхъ экзаменовъ, переэкзаменовокъ, торжественныхъ публичныхъ актовъ и начала ученія. Много мыслей, сомнѣній, недоразумѣній, желаній и мечтаній входитъ въ голову подъ впечатлѣніемъ всего того, что совершается въ эти тревожные дни въ учебныхъ заведеніяхъ и семьяхъ.

Объ экзаменахъ говорено, говорено очень много, но всего этого очень и очень еще мало. Слишкомъ ужъ больной этотъ вопросъ. Слишкомъ въ неловкое и тягостное положеніе ставятъ экзамены и тѣхъ, кого экзаменуютъ, и тѣхъ, кто совершаетъ всю эту трудную и щекотливую, отвѣтственную, сложную обязанность.

Да, не можетъ быть ненормальнѣе такой картины: сидятъ, ходятъ, охаютъ, зѣваютъ, испуганно крестятся, то и дѣло судорожно схватываются за карманные часы, волнующіеся юнцы, чающіе нетерпѣливо, когда наступитъ роковая минута вызова ихъ на жаркій поединокъ съ нападающимъ на нихъ «врагомъ», который, того и гляди, осадитъ ихъ съ той стороны, въ которой они наиболѣе слабы, или нападетъ врасплохъ на тотъ или иной дефектъ ихъ памяти и настроенія, поймаетъ ихъ оплошность, невниманіе, разсѣянность, заподозритъ въ непониманіи и незнаніи подъ впечатлѣніемъ простой лишь робости, смущенія и страха.

У страха, говорятъ, глаза велики, зато память коротка. Соображеніе вяло, разумъ слабъ, находчивость отсутствуетъ.

Да это ли одно? Экзаменъ, и при спокойномъ настроеніи экзаменуемыхъ, едва ли часто служитъ вѣрнымъ мѣриломъ знаній ученика. Вопросъ о томъ, что такое знаніе, далеко до сихъ поръ не выясненъ въ средѣ педагоговъ. Мысль всего лучше иллюстрируется фактами, а потому для наглядности возьму такой примѣръ. «Знаете ли вы содержаніе повѣсти «Тарасъ Бульба»? — спрашиваетъ экзаминаторъ. Ученикъ отвѣчаетъ:—«знаю», и отчетливо пересказываетъ вамъ содержаніе этого произведенія. Вы имъ довольны. Вы говорите:—«онъ прекрасно знаетъ». А я скажу:—«онъ ничего не знаетъ».—«Какъ такъ?»—недоумѣваете вы.—Очень просто: онъ не читалъ «Бульбы», онъ разсказалъ вамъ съ чужихъ словъ, по конспекту, учебнику, пересказу товарищей и т. п. Это ли знаніе? Другой примѣръ. Вамъ прекрасно и подробно описывается битва на Куликовомъ полѣ, при этомъ вѣрно и точно называются соотвѣтствующія событіямъ имена, годы, числа. Вы довольны и ставите ученику лучшую отмѣтку. Но спросите его о томъ же самомъ черезъ недѣлю, двѣ, и вы будете поражены полнымъ невѣжествомъ: ученикъ за этотъ короткій срокъ успѣлъ все перезабыть. Знаніе ли это?

Знаніе—это прочное усвоеніе себѣ основныхъ данныхъ предмета, его сущности, его главныхъ свойствъ. Знаніе—это умѣнье справиться съ задачей, относящейся къ комбинированію разнородныхъ явленій, входящихъ въ составъ того или иного предмета; знаніе—это пониманіе метода изучаемой науки,—словомъ, знаніе—это такіе свѣдѣнія, навыки и умѣнія, которые пріобрѣтаются не механической памятью, не вызубриваются, не затверживаются, а пріобрѣтаются упражненіями, наблюденіями, опытомъ и размышленіемъ. Поэтому, чтобы рѣшить, знаетъ ли человѣкъ предметъ, меньше всего слѣдуетъ основывать свое рѣшеніе на усвоенныхъ памятью ученика, заученныхъ по учебнику свѣдѣніяхъ; надо съ юношей повести бесѣду о предметѣ, такую бесѣду, изъ которой вы могли бы, въ концѣ концовъ, вывести заключеніе о томъ, какъ онъ справляется съ дѣломъ, какъ онъ умѣетъ ориентироваться въ данныхъ предмета. А можно ли въ пять, десять, самое бо́льшее—двадцать минутъ разговора сдѣлать правильный по этому вопросу выводъ?

И для достиженія указанной цѣли, экзаминатору надо умѣть подойти къ ученику, умѣть разговаривать съ нимъ, умѣть задавать какъ разъ нужные, идущіе къ цѣли вопросы, надо знать, въ какой формѣ,

простой, ясной, доступной, обращаться къ ученику, чтобы онъ васъ сразу понялъ, не смутился, не сробѣлъ, не спутался.

Не мудрено, что очень часто даровитѣйшіе, умные и знающіе предметъ, но не блещущіе запоминаніемъ мелочей, подробностей вообще, мелкихъ частностей науки, «проваливаются», а бездарные, невѣжественные и тупые, зазубрившіе на-спѣхъ учебникъ, чтобы забыть его на слѣдующій же день послѣ экзамена, такіе отличаются и попадаютъ въ разрядъ лучшихъ, первыхъ учениковъ.

Но будемъ продолжать нашу бесѣду по ассоціаціямъ тѣхъ идей, на которыя наводитъ насъ начало учебнаго сезона. Послѣ вступительныхъ экзаменовъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ началу ученія предшествуютъ молебны и торжественный актъ. По словамъ газетъ, въ Петербургѣ, въ теченіе второй половины августа, будутъ поочередно праздноваться акты во всѣхъ тамошнихъ мужскихъ гимназіяхъ. Большое значеніе придается нѣкоторыми этимъ актамъ. Говорятъ, они способствуютъ сближенію школы съ семьею и обществомъ. Нельзя не видѣть въ этомъ мнѣніи крайняго преувеличенія. Развѣ можно—человѣку ли съ человѣкомъ, группѣ ли съ группой—сблизиться, объединиться во взглядахъ, понять другъ друга, проникнуться теплымъ довѣріемъ другъ къ другу, при посредствѣ торжественныхъ, офиціальныхъ встрѣчъ разъ въ годъ, при чемъ одна сторона офиціально проявляетъ себя въ тѣхъ или другихъ дѣйствіяхъ, а другая почтительно молчитъ?

Не такимъ способомъ создается объединеніе. Надобно часто встрѣчаться на почвѣ общихъ интересовъ, надо показываться другъ другу не въ праздничномъ только убранствѣ и съ церемоніаломъ, надо видѣть другъ друга въ будничной обстановкѣ, въ простомъ домашнемъ одѣяніи, за обыденными дѣлами. Родители должны появляться въ школу не тогда, когда ихъ призываютъ для щекотливаго для нихъ объясненія по поводу неуспѣховъ и дурного поведенія ребенка. Смущенные и грустные появляются родители тогда передъ очами холоднаго служителя дѣтской Немезиды, и ждутъ, въ лучшемъ случаѣ, распеканія за недостаточный присмотръ за сыномъ, либо угрожающихъ предупрежденій, а въ худшемъ—прямо извѣщенія объ удаленіи ученика изъ учебнаго заведенія. Можетъ ли быть при подобныхъ, чисто формальныхъ отношеніяхъ взаимное довѣріе, сочувствіе и уваженіе между школой и семьей? Не будутъ ли смотрѣть семья и школа другъ на друга, какъ взаимно враждующія стороны?

Г. министръ народнаго просвѣщенія, въ своемъ циркулярѣ попечителю одесскаго учебнаго округа, какъ гласитъ корреспонденція «Курьера» отъ 3-го августа, заявляетъ о томъ, что родители и педагоги нерѣдко указывали на недостатки въ строѣ современной средней школы. Многое въ жалобахъ общества, по справедливому замѣчанію г. министра, вытекаетъ изъ преувеличеннаго взгляда на школу, какъ на вполнѣ самостоятельное и независимое учрежденіе для цѣлесообразнаго воспитанія. Но они забываютъ, что школа находится въ извѣстныхъ условіяхъ и сама зависитъ отъ многихъ, извнѣ идущихъ, вліяній. Они забываютъ, что многіе изъ недостатковъ воспитанія могутъ быть устранены только при устраненіи этихъ условій, отъ школы независящихъ, но много тормозящихъ дѣло воспитанія. Тѣмъ не менѣе г. министръ подтверждаетъ существованіе и такого рода недостатковъ школы, которыя устранить въ силахъ и сама школа собственными своими средствами. Это, конечно, относится къ вопросу объ измѣненіи учебныхъ плановъ, программъ, методовъ обученія, правилъ дисциплины и т. п.

Особенно отрадно видѣть въ циркулярѣ г. министра вниманіе къ голосу родителей. Вниманіе къ общественному мнѣнію въ дѣлѣ воспитанія—великое и необходимое условіе успѣха въ дѣлѣ просвѣщенія въ Россіи. Мы переживаемъ такую переходную эпоху въ исторіи внутренней жизни страны, когда разобраться въ столь разнородныхъ вѣяніяхъ, теченіяхъ мысли и насущныхъ нуждахъ государства и народа—задача слишкомъ сложная, трудная и отвѣтственная. Одному человѣку, да и одному учрежденію едва ли было бы по силамъ узнать всѣ нужды общества, всѣ потребности народа, всѣ запросы подрастающаго поколѣнія. Помощь, совѣты, указанія свѣдущихъ людей—насущно необходимы. Необходимъ также и голосъ печати, вѣдающей общественные вопросы.

Но ближе всего вопросы воспитанія касаются семьи, а потому голосъ родителей, на который обратилъ вниманіе г. министръ, является въ этомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, обязательнымъ. По всѣмъ существеннымъ вопросамъ школы должно съ этимъ голосомъ считаться. Было бы въ высшей степени желательно, чтобы представители общества и семьи участвовали и въ педагогическихъ совѣтахъ.

Есть особыя соображенія въ защиту необходимости присутствія представителей семьи на школьныхъ совѣщаніяхъ. Въ открытыхъ

заведеніяхъ педагогъ сталкивается съ молодежью только въ часы учебныхъ занятій въ классѣ. Онъ не знаетъ совсѣмъ закулисной стороны дѣла.

Онъ не имѣетъ понятія о томъ, легко ли достаются ученику его вечернія напряженныя занятія. Учитель думаетъ только о томъ, чтобы къ извѣстному сроку пройти по программѣ годового курса, и спѣшитъ, задавая на каждый разъ новую работу на домъ. И сидитъ ученикъ, сидитъ, не разгибая спины, днемъ въ классѣ, а вечеромъ дома. Сонъ его безпокойный, вслѣдствіе напряженнаго состоянія утомленнаго мозга. Проснется, не успѣетъ утолить аппетитъ кускомъ наскоро съѣденной булки, какъ уже спѣшитъ въ школу, боясь опоздать и тревожно справляясь въ памяти обо всемъ, что наканунѣ вечеромъ успѣлъ заучить.

Если бы учителя знали, сколько времени у такъ называемаго средняго ученика отнимается на приготовленіе задаваемыхъ имъ уроковъ, они не столько бы старались обременять юношество домашними работами, сколько употребили бы всѣ свои усилія для того, чтобы разучить извѣстныя свѣдѣнія тутъ же въ классѣ, такъ что на домъ оставалось бы работы гораздо меньше. Но для того, чтобы знать, сколько труда кладетъ въ дѣло ученикъ у себя дома, нужно прислушаться къ голосу родителей, нужно у нихъ спросить объ этомъ.

Голосъ родителей необходимъ и для сужденія о вліяніи на дѣтей той или иной мѣры наказанія, замѣчанія, выговора и упрековъ. Вліяніе школы, учителей, воспитателей, товарищей на воспитанника, вся эта психологія дѣтской души гораздо болѣе знакома близкимъ роднымъ ребенка, чѣмъ офиціальному представителю школьной науки и дисциплины. А потому, среди постоянныхъ членовъ педагогическаго совѣта, въ каждомъ учебномъ заведеніи должно быть отведено свое мѣсто и родителямъ. Обѣ стороны—школа и семья—должны спрашивать совѣта другъ у друга и сами дѣлать полезныя указанія для взаимнаго руководства.

Между прочимъ, родители могли бы быть призваны школою для выясненія вопроса о томъ, какъ лучше всего организовать вечернія занятія.

Вечернія занятія дома имѣютъ много вредныхъ и опасныхъ сторонъ. Самыя худшія привычки пріобрѣтаются въ это время потому, что за ребенкомъ тогда не слѣдитъ никто. И школа, и печать са-

мымъ искреннимъ образомъ озабочены устройствомъ достодолжной обстановки для занятій со стороны соблюденія необходимыхъ гигіеническихъ условій. Все принято въ соображеніе въ лучшихъ школахъ: и мебель, и количество свѣта, и температура классныхъ комнатъ, и многое другое. А дома все это, сплошь и рядомъ, нарушается. А между тѣмъ, въ огромномъ большинствѣ каждый ученикъ сидитъ надъ книгой дома такъ же много времени, какъ и въ школѣ. Справедливо ли послѣ этого приписывать всѣ недуги дѣтскаго здоровья условіямъ школьной обстановки? Не перенести ли долю отвѣтственности и на семейную жизнь ученика?

Голландское министерство народнаго просвѣщенія издало составленныя по его порученію лучшими врачами правила по гигіенѣ школьной молодежи. Тамъ есть пункты, относящіеся къ занятіямъ на дому: о томъ, какъ сидѣть, какъ держать передъ собою бумагу, какъ держать книгу, какое разстояніе должно быть между книгой и глазами и т. д.

Наше министерство одобрило, изданный Губинскимъ, переводъ этихъ правилъ *) для ученическихъ библіотекъ и народныхъ читаленъ. Но спрашивается, можно ли быть увѣреннымъ, что всѣ или хоть многіе учащіеся прочтутъ эти правила? Еще менѣе надежды на то, что они сами, безъ контроля, безъ помощи и руководительства взрослыхъ, выполнятъ все, требуемое отъ нихъ въ интересахъ крѣпости организма и прочности здоровья и сохраненія силъ.

Легко сказать: «не читай, не пиши и вообще не работай при слишкомъ слабомъ освѣщеніи». Да вѣдь освѣщеніемъ-то завѣдуетъ не самъ юноша, а его родители, дающіе ему, по мѣрѣ своихъ средствъ и разумѣнія, то количество огня отъ свѣчей и лампы, какое они считаютъ нужнымъ, а это зависитъ не отъ психическихъ условій, а отъ ихъ матеріальнаго положенія, отъ ихъ произвола, отъ степени ихъ невѣжества въ вопросахъ гигіены, да отъ многаго вообще.

Легко сказать: «работая днемъ, выбирай такое мѣсто въ комнатѣ, чтобы окно было у тебя слѣва, и изъ него можно было бы видѣть хотя небольшую частицу неба, однако, такъ, чтобы солнечные лучи не падали на твою работу». Подойдите къ ученику, спросите его:

*) „Гигіена школьника", съ голландскаго перевелъ и дополнилъ В. Вроблевскій. 1899, ц. 6 к., второе изданіе.

«соблюдаешь ли ты это правило?» Онъ можетъ вамъ отвѣтить:— «Папаша не велитъ перестанавливать мебель, столъ стоитъ прямо у стѣны, и свѣтъ приходится направо. А если отодвинуть столъ, такъ папаша забранится—скажетъ:—«и безъ того въ комнатѣ, гдѣ трое васъ ребятъ спятъ и занимаются, очень тѣсно, а отодвинешь, такъ негдѣ и пройти будетъ».

— Лампа должна быть всегда снабжена цилиндрическимъ стекломъ и фарфоровымъ колпакомъ.

— Провѣтривай по нѣскольку разъ въ день комнату.

— Старайся, чтобы твоя спальня имѣла какъ можно болѣе чистый и свѣжій воздухъ.

— Если почувствуешь въ глазахъ утомленіе, то прекрати на нѣкоторое время работу и смотри въ окно, пока не отдохнешь.

— По выздоровленіи отъ тяжкой болѣзни, береги, насколько это возможно, свои глаза еще въ теченіе нѣкотораго времени.

— Ложись спать рано.

Осуществленіе всѣхъ этихъ и многихъ другихъ вполнѣ разумныхъ правилъ зависитъ чаще всего не отъ самого ученика, а отъ его родителей, да и тамъ, гдѣ это зависитъ отъ самого ученика, за нимъ нужно еще присмотрѣть, чтобы онъ выполнялъ требуемое. Очень нерѣдко и экономическія, и всякія иныя условія семейной жизни ставятъ множество препятствій на пути къ соблюденію ученикомъ элементарнѣйшихъ, насущныхъ правилъ гигіены.

При такихъ условіяхъ весьма естественнымъ является выводъ о томъ, что вечернія занятія на дому должны быть если не устранены вовсе, такъ значительно сокращены.

«Чѣмъ больше дѣйствуешь, тѣмъ больше пріучаешься къ бездѣйствію»,—это нелѣпость, не правда ли? Да, конечно, но только въ примѣненіи къ школьной жизни это нерѣдко обращается въ правду истинную. Это именно примѣнимо къ домашнимъ вечернимъ занятіямъ по приготовленію уроковъ. Нѣтъ ничего скучнѣе, обыкновенно, этихъ занятій. Ребенокъ и безъ того усталъ, отсиживая четыре, пять, а то и шесть часовъ за уроками въ школѣ. А тутъ приходится еще работать послѣ обѣда и нерѣдко до самой ночи. И если ребенокъ впечатлительный, самолюбивый малый, онъ работаетъ усердно. Онъ первый ученикъ.

А знаете ли вы, что первые ученики въ школѣ оказываются въ жизни зачастую первыми лѣнтяями? Отчего это происходитъ?—Оттого, что они учились въ школѣ, главнымъ образомъ, изъ-подъ палки. Оттого, что кромѣ угрозы наказанія да мотивовъ самолюбія, соперничества, иныя побужденія не руководили имъ. Оттого, что, отвѣдавъ горечь корня ученія и убѣдившись, что и плоды-то его далеко не всегда сладки, ученикъ почувствовалъ отвращеніе къ труду. Оттого, что уже въ годы юности истощились преждевременно его силы, энергія и настойчивость. Оттого еще, что не учили его въ школѣ какъ слѣдуетъ трудиться, чтобы предупредить утомленіе и скуку; что не показали ему, въ чемъ заключается умѣренный и регулярный трудъ, и пріученіемъ къ нему не сообщили вкуса къ этому труду и чувства сладости его и такой потребности въ немъ, чтобы человѣкъ, пріученный къ нему, чувствовалъ, что безъ него онъ жить не можетъ, что это лучшая его утѣха, счастье, наслажденіе.

И вотъ, озираясь кругомъ, мы видимъ, какъ много теряютъ въ жизни люди, одаренные недюжинными умственными силами, но ничего не сдѣлавшіе въ жизни, не примѣнившіе къ ней, какъ слѣдуетъ, своихъ способностей. Съ горькими слезами часто каются такіе люди въ годы старости и подведенія итоговъ: «въ лѣности все житіе мое изжихъ».

Какія усилія воли дѣлаютъ часто люди, чтобы заставить себя работать! Но примутся,—и скоро опускаются руки!

Въ книгѣ извѣстнаго французскаго ученаго Флери, брошюра котораго о лѣности *) не въ первый разъ переводится у насъ, пользуясь огромной популярностью, приводится цѣлый рядъ фактовъ изъ жизни лѣнтяевъ, которымъ удалось сдѣлать многое хорошее и даже великое, но только благодаря неимовѣрнымъ усиліямъ надъ собой, благодаря тяжкой борьбѣ съ собственнымъ нерадѣніемъ.

Итальянскій драматургъ Альфіери былъ настолько лѣнивъ, что отдавалъ приказаніе привязывать себя къ столу для того, чтобы понудить себя къ сочиненію. Руссо долгое время такъ лѣнился, что даже обдумывалъ и диктовалъ свои умственные труды лежа. Какъ встанетъ, такъ нападутъ на него такая разсѣянность и невниманіе, что онъ немедленно бросалъ работу. Гете поработаетъ утромъ, и ужъ больше ему не хочется. Дарвинъ, какъ бы мало ни работалъ, всегда

*) „Лѣнь и ея лѣченіе", пер. съ французскаго, д-ра В. К. Андреева. Спб. 1899, ц. 15 коп.

чувствовалъ себя усталымъ, и работать энергично и усердно могъ только одинъ часъ въ день, обыкновенно утромъ отъ 8 до 9 часовъ. Затѣмъ онъ уходилъ изъ своей комнаты и уже не самъ читалъ, а просилъ, чтобы ему читали газеты или нѣсколько страницъ романа. Въ $10^1/_2$ ч. онъ возвращался къ себѣ и занимался въ своей лабораторіи до 12 дня. Бальзаку стоило большихъ страданій преодолѣвать свою лѣнь. Зола обладаетъ самой посредственной способностью ко вниманію, ему тяжело читать отвлеченныя книги, и для того, чтобы одолѣть умственную работу, онъ прибѣгаетъ къ различнымъ хитростямъ. Болѣе трехъ часовъ въ сутки онъ работать не можетъ.

А между тѣмъ, всѣ эти упомянутыя мною лица оставили міру великіе подвиги своего ума. Чѣмъ это объясняется? Тѣмъ, что эти великіе лѣнивцы умѣли пользоваться правилами, которыя предписываетъ гигіена труда. И дѣтей слѣдуетъ пріучать съ раннихъ лѣтъ къ этой гигіенѣ. Я не буду перечислять правилъ относительно пищи и физической жизни. Я не буду также упоминать о тѣхъ средствахъ, которыя указываетъ Флёри; рекомендую читателямъ самимъ прочесть его полезную книжку. Я только укажу на два-три цѣлительныхъ средства какъ противъ лѣни, такъ и противъ массы другихъ человѣческихъ пороковъ. Внушите ребенку чувство долга, сознаніе обязанности, лежащей на каждомъ человѣкѣ—работать, не покладаючи рукъ. Воспитайте въ немъ чувства стыда, раскаянія, угрызенія совѣсти и проч., дающія себя знать каждый разъ, когда онъ, по малодушію, не выполнитъ своей задачи. Укажу еще средство. Сумѣйте заставить юношу такъ работать, чтобы онъ видѣлъ въ своей работѣ пищу для ума, сердца, эстетическихъ наслажденій и проч. тамъ, гдѣ это возможно.

Приватъ-доцентъ военно-медицинской академіи г. Явейнъ, въ своей только что отпечатанной публичной лекціи *), въ ряду средствъ, способствующихъ бодрому настроенію и здоровью человѣка, указываетъ на такую любовь къ умственному труду, къ занятію науками, при которой человѣкъ забываетъ весь остальной окружающій его міръ. При такомъ отношеніи къ наукѣ и къ труду надъ ней юноша, по выходѣ изъ школы, вынесъ бы только любовь и привычку къ добровольному труду. Но для этого нужно умѣть заинтересовать наукой,

*) „Какъ сохранить молодость“, ц. 50 к.

показать всю ея прелесть, а всякій ли педагогъ способенъ на это? Во всякомъ случаѣ, въ домашнихъ занятіяхъ ученика, когда онъ совершенно предоставленъ самому себѣ, когда за нимъ никто не слѣдитъ, когда его никто не вдохновляетъ, когда ему не указанъ секретъ того, какъ распредѣлять свои работы въ цѣляхъ наименьшаго утомленія и неудовольствія,—трудно думать, чтобы нашлось для него достаточно побужденій къ чувству удовольствія и добровольнаго прилежанія и активнаго вниманія.

Еще условіе прилежанія: отдыхъ, такой отдыхъ, который, вдоволь насытивъ собою юношу, побудилъ бы его тѣмъ съ большею охотою взяться за трудъ. Необходимо также разнообразіе интересовъ, т.-е. чтобы молодой человѣкъ не только бы думалъ объ обогащеніи себя извѣстными научными знаніями, объ удовольствіяхъ одного извѣстнаго рода, но чтобы онъ нашелъ вкусъ и въ удовольствіяхъ, доставляемыхъ музыкой, живописью, литературой, чтобы его, наконецъ, интересовала и жизнь, и не только окружающая его, но и общественная, и общечеловѣческая. Тогда и собственная его жизнь будетъ полна утѣхъ и радостей. Тогда онъ съ живымъ интересомъ отнесется ко всѣмъ впечатлѣніямъ бытія, тогда онъ будетъ во всемъ находить свой собственный интересъ, свою красоту, свое счастіе, свою жизнь. Къ чему бы ни принуждала его обратиться жизнь, какую бы работу ни предлагали ему люди, куда бы ни закинула его судьба,—вездѣ найдетъ онъ интересную сторону, отовсюду сумѣетъ извлечь свое удовольствіе, почерпнетъ свое чувство удовлетворенія жизнью.

По словамъ г. Явейна, всякая однообразная работа, какъ физическая, такъ въ особенности и умственная, легко ведетъ къ переутомленію одного органа и вызываетъ бездѣятельность другихъ. Широта интересовъ способствуетъ здоровому чувству уравновѣшенности. Уравновѣшенный человѣкъ крѣпко хранитъ свою энергію и бодрость и успѣшно борется съ трудностями жизни и невзгодами всякаго рода.

Домашнія занятія учащихся только тогда могутъ быть полезны, когда при нихъ постепенно и послѣдовательно ребенокъ пріучается къ правильной, регулярной методической работѣ, и тогда, когда побуждается къ нимъ не чувствомъ страха, а интереса и долга.

Домашнія работы, въ большинствѣ случаевъ, ведутъ къ неправильному образу жизни, къ неравномѣрному распредѣленію занятій, а это служитъ основой преждевременнаго переутомленія, истощенія силъ,

малокровія, недовольства жизнью и неврастеніи въ широкомъ смыслѣ слова.

Одинъ изъ главнѣйшихъ бичей для здоровья учащихся, это—господствующій въ школахъ сухой формализмъ, педантизмъ и то, что называется казенщиной. Даже и защитники современнаго строя школы подчасъ жалуются на то, что далеко не всегда и не вездѣ у насъ воспитаніе ведется въ истинно-педагогическомъ смыслѣ. Такъ, одинъ изъ нихъ, говоря о казанскихъ низшихъ учительскихъ школахъ, сулитъ имъ хорошее будущее при условіи, однако, «если онѣ будутъ вырабатываться въ школы воспитательныя, а не *казенно-учебныя*», и прибавляетъ: «Да избавитъ насъ Богъ отъ этого».

Къ этому пожеланію можно только сочувственно присоединиться и еще разъ отъ всей души повторить: «Да избавитъ насъ Богъ отъ этого».

Да избавитъ насъ Богъ и отъ всѣхъ тѣхъ явленій, которыя сообщаетъ намъ, въ видѣ родительскаго дневника, г. Юрій Саламато въ статьѣ «Горе отъ дѣтей-гимназистовъ» («Русскій Трудъ»).

Отецъ повелъ сына въ театръ, чтобы дать отдыхъ натруженной головѣ ребенка отъ бремени засѣвшихъ въ его памяти латинскихъ вокабулъ и греческихъ грамматическихъ формъ. На слѣдующій день ждутъ-пождутъ Ваню къ обѣду,—Ваня не приходитъ. Что бы это значило?—волнуются родители. Наконецъ, терпѣніе родителей исчерпывается, отецъ бросаетъ обѣдъ и ѣдетъ въ гимназію. Тамъ онъ узнаетъ, что Ваня оставленъ безъ обѣда на часъ за то, что наканунѣ былъ въ театрѣ безъ разрѣшенія инспектора.

— Но Ваня тутъ, Иванъ Михайловичъ, *ни при чемъ, я виноватъ* въ этомъ,—справедливо оправдываетъ сына родитель:—я его увѣрилъ, что разрѣшенія вашего на сей разъ не надо, такъ какъ я, отецъ его, былъ съ нимъ въ театрѣ. Я зналъ, что тамъ будетъ много гимназистовъ, будетъ и все гимназическое начальство...

— Да,—спокойно возражаетъ инспекторъ, роясь на столѣ,—я вамъ сейчасъ напомню правила, обязательныя для всѣхъ учениковъ. Вашъ сынъ позволилъ себѣ отступить отъ правилъ, я его подвергъ взысканію, такъ, легко, по-отечески... Я его скоро отпущу.

— Формально, Иванъ Михайловичъ, вы правы, но вѣдь мальчикъ тутъ ни при чемъ, вѣдь онъ чувствуетъ, что онъ наказанъ за чужую *вину*, за *мою вину*... Мальчикъ теперь совсѣмъ сбитъ съ толку: я

ему внушалъ, что надо повиноваться родителямъ, что это—святая его обязанность, а за исполненіе имъ этой обязанности его наказываютъ!.. Развѣ это сообразно съ тѣмъ воспитаніемъ дѣтей, которое самъ законъ желаетъ видѣть въ гимназіяхъ?..

— Все-таки, отступленіе отъ правилъ есть,—настаиваетъ на своемъ инспекторъ.

Очевидно, для этого педанта отступленіе отъ формы важнѣе, чѣмъ отступленіе отъ истины, правды и нравственнаго долга. Какъ, въ какомъ направленіи, воспитаетъ такой наставникъ дѣтей?

До чего доводитъ разлагающее вліяніе формализма,—видно изъ слѣдующаго факта. Хорошій ученикъ подаетъ сочиненіе. По изложенію, работа признана безукоризненной, но мысли признаны «завиральными». Автору-ученику предлагаютъ написать другое сочиненіе, которое, по содержанію, служило бы *опроверженіемъ* мыслей перваго его сочиненія. Ученикъ блистательно опровергаетъ самого себя и получаетъ пятерку.

Сомнѣваетесь ли вы, что изъ такого юноши, пріучаемаго со школьной скамьи высказывать какіе угодно взгляды по заказу, не выйдетъ со временемъ пустого фразера, лицемѣра, безпринципнаго человѣка?

Нужды нѣтъ, лишь бы форму соблюсти...

Начальствамъ гимназіи предписано устраивать литературныя бесѣды. Дѣло прекрасное. Нельзя ему не сочувствовать. Однако, и тутъ педантъ и формалистъ всегда отыщутъ уголокъ.. и пищу для себя... Во время бесѣды о Янѣ Гуссѣ учитель проводитъ мысль, что Гуссъ былъ *справедливо* преданъ смертной казни за строптивый нравъ и рѣзкія нападки на главу римской церкви. Весь классъ сидитъ смирно, слушаетъ, только одинъ вдумчивый мальчикъ скромно обращается къ учителю со своимъ недоумѣніемъ: «почему же въ учебникахъ по всеобщей исторіи высказывается порицаніе тогдашнему католическому духовенству за смерть Гусса на кострѣ?»—Результатъ любознательности: за подрываніе авторитета учителя передъ учениками и за ненадлежащій образъ мыслей юноша получаетъ тройку за поведеніе, а съ такой отмѣткой нельзя продолжать ученія ни здѣсь, ни въ другомъ учебномъ заведеніи.

И выходитъ такъ, что нельзя высказывать своихъ недоразумѣній, нельзя искренно обращаться къ учителю съ просьбой разрѣшить свое сомнѣніе.

Къ счастью, не всѣ начальники, не всѣ учителя таковы. Есть педагоги, съ истинно-отеческой любовью относящіеся къ молодежи.

Не только въ средѣ лучшихъ педагоговъ, но и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ сознана необходимость полной, всесторонней перестройки въ системѣ современнаго воспитанія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слова нашего министра народнаго просвѣщенія, г. Боголѣпова, объ этомъ утверждаетъ и К. П. Побѣдоносцевъ самымъ уже фактомъ изданія имъ интереснѣйшей книги «Новая школа». Авторъ, которому такъ сочувствуетъ г. Побѣдоносцевъ, Е. Демоленъ, недавно произнесъ въ Сорбоннѣ рѣчь о грядущемъ воспитаніи *). Эта рѣчь только что издана въ Парижѣ; ее не мѣшало-бы, намъ кажется, перевести и на русскій языкъ.

Демоленъ съ полною убѣжденностью, категорически утверждаетъ, что въ настоящую минуту мы переживаемъ кризисъ воспитанія. Надо совершенно преобразовать воспитаніе, и прежде всего надо уничтожить его односторонность, его излишнее увлеченіе классицизмомъ и чрезмѣрную тенденцію культивировать только одинъ умъ. Къ выполненію этой великой задачи весьма серьезнымъ препятствіемъ служитъ, по мнѣнію Демолена, постоянная, непрерывная борьба между воспитаніемъ казеннымъ, официальнымъ и воспитаніемъ частнымъ, свободнымъ. А частное воспитаніе обыкновенно стремится именно къ рѣшенію той задачи, которая всего болѣе игнорируется официальнымъ: отвѣчать запросу времени, потребностямъ общества и, прежде всего, главной его потребности—готовить людей къ жизни, къ житейскимъ профессіямъ.

Вмѣсто того, чтобы готовить только кабинетныхъ людей, чиновниковъ и ученыхъ, школа должна давать обществу хорошихъ практическихъ работниковъ, и въ частности — земледѣльцевъ, промышленниковъ и коммерсантовъ. Вѣдь на этихъ, по преимуществу, профессіяхъ держится благосостояніе страны. Чиновническое положеніе не создастъ ни мнѣ самому, ни государству того благоденствія, той соціальной крѣпости, какъ эти практическія профессіи. Вотъ, по словамъ Демолена, истина спасительная, освободительная, которую нужно громко возвѣщать, чтобы всѣ слышали. Школа не должна создавать кандидатовъ на что-нибудь исключительное, для од-

*) Conférrece de M. Edmond Demolins á la Sorbonne „Sur l'avenir de l'éducation nouvelle".

ного какого-нибудь дѣла: школа должна давать людей вообще, а если и кандидатовъ, то кандидатовъ къ дѣятельности независимой, къ умѣнію жить самостоятельно и найтись во всякомъ положеніи жизни. До сихъ поръ школа представляла собою лишь огромную казарму дѣтей. Въ книгѣ о новомъ воспитаніи этой школѣ Демоленъ противопоставилъ несомнѣнно болѣе цѣлесообразный типъ педагогическаго учрежденія: маленькая школка, устроенная по типу семейнаго общежитія. Теперь онъ указываетъ на типъ, лежащій въ серединѣ между этими двумя крайностями, на такой видъ воспитательнаго учрежденія, которымъ можно было бы сдѣлать несомнѣнный шагъ впередъ по сравненію съ современнымъ среднимъ учебнымъ заведеніемъ.

Это тѣ деревенскія школы, которыя уже пользуются такимъ успѣхомъ и распространеніемъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. Надо, проповѣдуетъ Демоленъ, не колеблясь отказаться отъ городского закрытаго заведенія. Въ центрѣ проектируемой имъ школы помѣщается большое строеніе, отведенное для классовъ, библіотеки, лабораторіи, и общая сборная. Вокругъ этого большого зданія и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него разсѣяны въ деревнѣ скромныя жилища учителей. На рукахъ каждаго учителя извѣстное количество учениковъ, отъ десяти до тринадцатилѣтняго возраста. Они живутъ у него и пользуются его столомъ на условіяхъ, опредѣленныхъ администраціей школы. Онъ находится въ постоянныхъ, непосредственныхъ сношеніяхъ съ родителями и играетъ по отношенію къ дѣтямъ роль опекуна. Дѣти живутъ у семейнаго очага въ настоящей семьѣ и, такимъ образомъ, до нихъ не можетъ коснуться то растлѣвающее вліяніе, которое всегда неизбѣжно тамъ, гдѣ собрано большое количество дѣтей и притомъ различныхъ возрастовъ. Имъ предоставлена свобода работать, гдѣ хотятъ,—въ своихъ ли комнатахъ или на воздухѣ,—такимъ образомъ, ихъ съ раннихъ лѣтъ пріучаютъ къ самостоятельности. Этотъ типъ даетъ возможность вмѣщать школѣ большое количество учащихся, нѣсколько сотъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, избѣгать казарменнаго строя жизни.

Демоленъ убѣжденъ, что новый родъ школьной жизни пришелся бы очень по душѣ не только дѣтямъ,—въ этомъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія,—но и самимъ педагогамъ, которые, кстати сказать, нашли бы въ платномъ пансіонѣ и матеріальное для себя обезпеченіе.

Стоило бы государству попытаться для примѣра учредить хоть нѣсколько школъ такого типа, и, смѣемъ вѣрить, онѣ достигли бы такихъ блестящихъ результатовъ, что дѣло реформы было бы обезпечено.

Авторъ, какъ извѣстно, вмѣстѣ со многими другими сторонниками его взглядовъ, задумалъ устроить школу новаго типа въ помѣстьѣ съ двѣнадцатью десятинами земли. Открытіе этой школы имѣетъ быть въ началѣ сего октября. То сочувствіе, съ которымъ огромное количество родителей и вообще интеллигенція отнеслись къ идеѣ Демолена, даетъ ему увѣренность въ томъ, что реформа будетъ встрѣчена живѣйшими симпатіями общества.

Эта школа, называемая Ecole des Roches, не совсѣмъ будетъ походить на только что описанный типъ воспитательнаго учрежденія, прежде всего—уже тѣмъ, что число учениковъ въ ней ограничено небольшимъ кругомъ. Эта школа болѣе приближается къ типу семьи, и она ставитъ въ болѣе тѣсныя и постоянныя отношенія учениковъ со всѣми своими наставниками. Тѣ и другіе живутъ въ школѣ и всѣ бываютъ постоянно вмѣстѣ и не только за уроками, но и въ часы отдыха и на играхъ. Эта школа имѣетъ еще и ту выгодную сторону, что ей легче подражать и легче пропагандировать ея идею на дѣлѣ. И Демоленъ, какъ человѣкъ, взявшійся за дѣло не съ корыстной цѣлью, но во имя общественныхъ интересовъ, высказываетъ надежду, что его примѣръ непремѣнно поощритъ другихъ къ дѣятельности подобнаго рода и создастъ ему конкурентовъ, что и желательнѣе всего. Конечно, нѣтъ ничего легче, какъ создать такую школу: на нее не требуется ни большихъ расходовъ, ни большого персонала педагоговъ. Можно было бы и такъ устраивать подобныя школы: сложились бы родители, образовавъ необходимый капиталъ, и поручили бы педагогу или кружку педагоговъ организовать школу-семью. Демоленъ говоритъ, что онъ уже получилъ нѣсколько предложеній такого рода. Могли бы, наконецъ, и сами педагоги сдѣлать починъ въ этомъ направленіи.

Будучи въ частныхъ рукахъ, подобная школка-семья имѣетъ большіе шансы постоянно развиваться и прогрессировать съ внутренней стороны по указаніямъ самой жизни и жизненнаго опыта, подъ давленіемъ здороваго соперничества.

Демоленъ особенно горячо сочувствуетъ этому нововведенію, между прочимъ, еще и потому, что надѣется, что, авось, хоть оно-то поможетъ развитію во Франціи, насколько то возможно, личной инціативы, уже давно заглохшей и подавленной. Отъ своей реформы онъ ожидаетъ прогресса школьнаго и прогресса соціальнаго. Вотъ,—говоритъ онъ,—открывается прекрасная перспектива, широкое поле дѣятельности для молодыхъ учителей, способныхъ взять на себя починъ хорошаго и новаго дѣла!

Судя по газетнымъ слухамъ, замѣчаются, какъ будто бы, и въ нашемъ русскомъ школьномъ дѣлѣ добрыя предзнаменованія. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія возбужденъ вопросъ объ измѣненіи условій существованія частныхъ учебныхъ заведеній. «Новости» сообщаютъ, что частнымъ учебнымъ заведеніямъ проектируется предоставить возможно большую свободу дѣйствій. При такихъ условіяхъ личная инціатива, конечно, не замедлитъ проявить себя и у насъ, и тогда идея Демолена, вѣроятно, найдетъ своихъ сторонниковъ и проводниковъ въ жизнь.

Весьма здравую мысль высказываетъ по вопросу о значеніи частной инціативы въ дѣлѣ воспитанія извѣстный публицистъ, г. Розановъ, который, впрочемъ, имѣетъ печальную репутацію—человѣка съ весьма страннымъ, а нерѣдко и глубоко антипатичнымъ образомъ мыслей. Онъ, напримѣръ, не только ничего не имѣетъ противъ тѣлесныхъ наказаній въ школѣ, но серьезнѣйшимъ образомъ утверждаетъ, что къ розгѣ иногда и совершенно необходимо прибѣгать. Однако, г. Розановъ настолько даровитъ, а въ вопросахъ школы—опытенъ и обладаетъ рѣдкою наблюдательностью, что въ его новой книгѣ «Сумерки просвѣщенія» можно, при добромъ желаніи, найти не мало справедливыхъ, мѣткихъ и поучительныхъ мыслей.

Г. Розановъ—сторонникъ частной школы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ горячій проповѣдникъ и маленькихъ школъ, въ родѣ проектируемыхъ Демоленомъ. Онъ находитъ, что въ школахъ, напоминающихъ семью, гораздо меньше вредныхъ сторонъ, чѣмъ въ такихъ учебныхъ заведеніятъ, *въ которыхъ живетъ по нѣскольку сотъ воспитанниковъ*. Онъ ссылается на покойнаго Пирогова, который въ своей «Военно-полевой хирургіи» отмѣчаетъ специфическую предрасположенность больныхъ, лежащихъ въ огромныхъ госпиталяхъ, къ дурному теченію и неблагопріятному исходу болѣзней, тогда какъ въ легкихъ баракахъ, по сви-

дѣтельству этого авторитетнаго хирурга, при всѣхъ неудобствахъ, бѣдности, недостаточности средствъ, совсѣмъ отсутствуетъ этотъ специфическій ядъ, и лѣченіе идетъ успѣшнѣе.

Совершенно то же самое наблюденіе примѣнимо и къ учебнымъ заведеніямъ: «берегите маленькія школки»,—взываетъ г. Розановъ къ обществу и къ педагогамъ, «плодите ихъ, и недовѣрчиво смотрите на всякую огромную, въ два-три этажа, педагогическую махину со многими сотнями учениковъ, десятками учителей. Можно быть увѣреннымъ, всѣ недостатки школы здѣсь сгруппировались въ увеличенномъ видѣ, «теченіе всѣхъ болѣзней дурно».

Книгу г. Розанова вообще мы считаемъ достойною вниманія. Есть въ ней много мыслей, надъ которыми стоитъ призадуматься. Но къ ней мы, можетъ-быть, еще вернемся.

В. Ермиловъ.

Къ вопросу „о слабо-одаренныхъ дѣтяхъ“.

«Въ основаніи воспитанія необходимо должна лежать система прочно установленныхъ истинъ, касающихся основныхъ свойствъ человѣческой природы». (Селли.)

Человѣкъ вездѣ и всегда человѣкъ, какъ бы ни былъ онъ великъ или малъ, на какой бы степени развитія онъ ни стоялъ, и къ какой бы расѣ онъ ни причислялъ себя, а потому и законы его развитія должны вытекать изъ общихъ истинъ, относящихся вообще къ человѣку.

Всѣмъ извѣстно и ясно дѣленіе дѣтей: на богато-одаренныхъ и слабо-одаренныхъ природой. Это подраздѣленіе вѣчно для всѣхъ народовъ; но бѣда въ томъ, что не для всѣхъ людей является истиной признаніе послѣднихъ за людей, несмотря на ихъ слабыя умственныя способности. Глупый человѣкъ у насъ будто и не человѣкъ, слѣдовательно и развитія ему не надо, какъ будто въ немъ нѣтъ совсѣмъ ничего человѣческаго.

Профессоръ J. Voisin въ своихъ клиническихъ лекціяхъ по идіотизму дѣлитъ всѣхъ слабоодаренныхъ дѣтей на два разряда: «идіотовъ въ полномъ смыслѣ этого слова и тупоумныхъ-дурачковъ вообще. Онъ приходитъ къ такому заключенію, что идіотъ способенъ лишь воспринимать, а не мыслить; у него нѣтъ воображенія, почему онъ не можетъ лгать и самъ всему вѣритъ. Тупоумный—наоборотъ, съ очень живымъ воображеніемъ, онъ можетъ изобрѣтать исторіи и думаетъ лишь о томъ, какъ бы сдѣлать что́ похуже».

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ видны задатки интеллектуальнаго міра, и слѣдовательно ясна возможность направить эти

задатки въ ту или иную сторону, дать имъ пищу и тѣмъ самымъ поддержать человѣческое достоинство. Невольно переносишься мысленно въ Швейцарію, гдѣ часто наталкиваешься на кретиновъ съ ихъ большими зобами и по большей части на низкомъ уровнѣ стоящими душевными способностями. Людская благотворительность пришла на помощь этимъ несчастнымъ и, соединивъ ихъ въ группы, даетъ имъ своеобразную жизнь, не лишенную духовныхъ интересовъ.

«Asili (le l'espérance» гласитъ вывѣска на скромномъ небольшомъ домикѣ, стоящемъ за деревней Etoy, среди большого тѣнистаго парка. И дѣйствительно, стоитъ переступить порогъ этого уютнаго уголка, какъ невольно лучъ надежды на лучшее будущее осѣняетъ васъ. Убѣжище занимаетъ небольшой домикъ въ два этажа съ балкономъ и террасами. Вверху столики, а внизу классы, столовая и квартира начальницы. Обстановка очень проста, но не лишена уютности; всюду цвѣты; очень чисто и хорошо провѣтрено. Входишь въ классную; тамъ посреди комнаты стоитъ простой деревянный столъ, за нимъ десять человѣкъ учениковъ и учениць сидѣли и разговаривали съ учительницей. Одному было лѣтъ двадцать. Это самая слабая группа, ученіе ей не по силамъ, многіе нѣмы, но слышатъ большинство мальчиковъ; видъ ихъ очень тупъ, но стоило учительницѣ предложить доступный ихъ пониманію вопросъ, какъ выраженіе ихъ лицъ быстро мѣнялось, и они спѣшили удовлетворить ее отвѣтомъ, кто словами, а кто и знаками. Дальше, у стѣны, сидѣлъ мальчикъ лѣтъ 10 и ничего не дѣлалъ; у него только что былъ припадокъ, онъ ласково смотрѣлъ на меня, я протянула ему руку, онъ тотчасъ поцѣловалъ ее, въ глазахъ его было такъ много любви. Двѣ дѣвочки вязали у окна. Одна изъ нихъ съ очень большимъ лбомъ и кудрявыми волосами. Подойдя къ ней и, погладивъ ее по головѣ, я спросила, что она дѣлаетъ; она съ улыбкой показала мнѣ свое вязанье. Ближе къ окну стояли парты; здѣсь дѣти писали подъ диктантъ. Сразу ясно, что это за дѣти: движенія неувѣренны, вниманіе разсѣянно. Они внимательно стремились сосредоточиться на диктуемой фразѣ, что заставляетъ забывать о ихъ тупости. Пишутъ они чисто, разборчиво и толково.

Директриса убѣжища, госпожа Buchet, сѣла за органъ, стоящій въ этой же комнатѣ, и начала пѣть подъ музыку. Глаза ея ушли къ небу, въ нихъ было столько вѣры и любви. Дѣти подхватили мотивъ

знакомой пѣсни, ихъ лица просіяли; видно было, какое большое удовольствіе доставляло имъ пѣніе. Окончивъ пѣсенку, они снова принялись за свои дѣла. Характеръ убѣжища—чисто семейный. Есть у нихъ хорошій тѣнистый садъ; свободное отъ занятій время дѣти проводятъ на воздухѣ. Все учрежденіе содержится на очень скромныя средства. Дѣти здѣсь пользуются самымъ необходимымъ, но, согрѣтыя разумнымъ и теплымъ отношеніемъ къ нимъ, живутъ, расходуя силы на подходящій имъ трудъ. Видъ ихъ бодръ и веселъ...

При видѣ этой внимательной заботливости къ этимъ обездоленнымъ несчастнымъ созданіямъ, самъ собою возникаетъ въ душѣ горькій вопросъ: что же у насъ, въ Россіи, сдѣлано и дѣлается для этихъ несчастныхъ пасынковъ природы?

Л. К.

Изъ текущей литературы.

Педагогическій журналъ въ роли противника земства. Съ первыхъ дней существованія земства до настоящаго времени намъ не приходилось встрѣчать въ нашихъ педагогическихъ журналахъ статей, трактующихъ о необходимости ограничить роль земства (и безъ того уже крайне ограниченную) въ дѣлѣ народнаго образованія. Пробѣлъ этотъ теперь стремится понемногу восполнить «Городской и сельскій учитель» *),—педагогическій журналъ, предназначенный преимущественно для учителей и учительницъ *земскихъ школъ*. Г. И. А. С—въ желаетъ, «чтобы роль земства при устройствѣ педагогическихъ курсовъ ограничивалась бы только матеріальной стороной дѣла» (стр. 63). Какъ извѣстно, въ настоящее время роль земства, къ сожалѣнію, почти этимъ только и ограничивается,—такъ какихъ же еще ограниченій желаетъ г. И. А. Соловьевъ? Онъ желаетъ, чтобы «руководители курсовъ приглашались не земствомъ, а директорами народныхъ училищъ или *вообще лицами педагогическаго персонала (?), коимъ вѣряется наблюденіе за курсами*" (стр. 63). И теперь, по существующимъ о курсахъ правиламъ, ни одинъ руководитель не можетъ явиться на курсы безъ согласія на то начальника губерніи, директора народныхъ училищъ, попечителя учебнаго округа, а въ большинствѣ случаевъ—и Министерства Народнаго Просвѣщенія: казалось бы, какъ еще можно ограничить роль земства въ этомъ отношеніи? Неужели нельзя довѣриться компетенціи,—мы не говоримъ ужъ земства,—всѣхъ названныхъ выше лицъ и учрежденій въ рѣшеніи такого вопроса, какъ приглашеніе руководителя временныхъ курсовъ? Г. И. А. С—въ не находитъ удобнымъ прямо высказать свою сокровенную мысль: можетъ, вѣдь, случиться, что всѣ указанныя выше лица и учрежденія согласятся на приглашеніе какъ разъ не того лица, какое находитъ желательнымъ г. И. А. Соловьевъ, а желаетъ онъ лишь одного, чтобы «въ качествѣ руководителей курсовъ приглашались, по возможности, мѣстные педагоги, изъ учитель-

*) Педагогическій журналъ, издаваемый А. И. Анастасіевымъ, 1899 г., вып. 2 и 3,—„О педагогическихъ курсахъ для начальныхъ учителей", И. А. С—ва.

скихъ институтовъ и семинарій, *изъ инспекторовъ народныхъ училищъ, близко знакомыхъ какъ съ наличнымъ составомъ приглашенныхъ народныхъ учителей, такъ и съ мѣстными нуждами школьнаго дѣла*" (стр. 63). Такъ какъ учительскихъ институтовъ и семинарій у насъ очень мало, при томъ же преподаватели этихъ заведеній вовсе не знакомы съ наличнымъ составомъ приглашенныхъ народныхъ учителей и съ мѣстными нуждами школьнаго дѣла, то и выбора нѣтъ, и *остается* приглашать въ качествѣ руководителя—*мѣстнаго инспектора народныхъ* училищъ,—къ одному этому и сводится все желаніе г. И. А. С—ва. Итакъ, *„роль земства при устройствѣ педагогическихъ курсовъ должна ограничиваться только матеріальной стороной дѣла,—„руководители приглашаются не земствомъ"*, — и все это должно быть сдѣлано съ тою единственною цѣлію, чтобы предоставить исключительное право на руководительство курсами мѣстному инспектору народныхъ училищъ.

Но во имя чего же должности инспектора должна быть присвоена такая привиллегія, и гарантируетъ ли эта привиллегія интересы школьнаго дѣла?—Вполнѣ возможно, что инспекторъ народныхъ училищъ «близко знакомъ», — какъ утверждаетъ г. И. А. С—въ,—«и съ наличнымъ составомъ приглашенныхъ народныхъ учителей, и съ мѣстными нуждами школьнаго дѣла» (хотя всего этого можетъ и не быть у инспектора, обремененнаго отчетностью и перепиской, ревизующаго школы нѣсколькихъ уѣздовъ, не имѣющаго поэтому возможности быть въ каждой школѣ болѣе одного разу—въ годъ и даже въ два года—на нѣсколько часовъ каждый разъ), но помимо всего этого, отъ руководителя курсовъ требуется еще и обстоятельное знакомство не съ *мѣстной* только школой, а и съ современною школою вообще, съ современнымъ школьнымъ учителемъ, съ общими руководящими идеями школьнаго дѣла, далѣе—знакомство съ методикой каждаго изъ школьныхъ предметовъ, съ дидактикой, и вообще съ педагогикой, съ педагогической учебной литературой, съ литературой дѣтской и народной: а такъ ли поставлены у насъ большинство инспекторовъ, живущихъ въ уѣздныхъ захолустьяхъ, чтобы можно было отъ нихъ ожидать такого широкаго знакомства съ педагогическимъ дѣломъ? Далѣе. Руководитель курсовъ долженъ давать образцовые уроки; ему, кромѣ этого, нужно еще обладать даромъ лектора,—вести бесѣды съ своими слушателями, вызывать ихъ на собесѣдованія, руководить преніями и проч., и проч. Гдѣ же гарантіи, что всѣмъ этимъ обладаетъ инспекторъ народныхъ училищъ? Должность эта, какъ она поставлена въ настоящее время, по-преимуществу, административная, и инспектору вовсе не обязательно быть педагогомъ. Наконецъ, въ инспекторѣ своемъ учитель чаще всего видитъ своего ближайшаго начальника, власть имущаго «вязать и рѣшить», а это менѣе всего располагаетъ къ свободному вос-

пріятію знаній, обмѣну мыслей, выраженію неотложныхъ желаній, опѣнкѣ существующихъ школьныхъ порядковъ. Возьмемъ хотя бы самый невинный случай. Инспекторъ-руководитель рекомендуетъ излюбленный имъ пріемъ обученія, настойчиво проводитъ свой взглядъ на постановку того или иного школьнаго предмета: слушатель-учитель совершенно не согласенъ съ воззрѣніями инспектора,—можетъ ли онъ возражать ему? достанетъ ли у него храбрости отстаивать свое мнѣніе? и не сведется ли тогда все дѣло курсовъ къ области начальническихъ распоряженій?—Мы знаемъ между инспекторами почтенныхъ дѣятелей, знаемъ изъ числа послѣднихъ и руководителей курсовъ,—но таковые охотно и приглашаются земствомъ на курсы,—не по назначенію, конечно, а по свободному и любовному избранію и соглашенію.

Изъ небольшой замѣтки г. И. А. С—ва мы могли бы привести много выдержекъ, въ потвержденіе того, что онъ относится къ курсамъ и къ школьному дѣлу вообще съ узко-формальной, служебной стороны, смотритъ на дѣло съ точки зрѣнія «начальника», признаетъ законность мелочной обидчивости инспектора и проч.,—укажемъ лишь на нѣкоторыя, болѣе характерныя мѣста. Говоря о недостаткахъ въ существующей организаціи курсовъ, авторъ замѣчаетъ: «Земства являются *какъ бы хозяевами* курсовъ»; «руководители и слушатели курсовъ обнаруживаютъ большее тяготѣніе къ земству, чѣмъ къ учебной администраціи»; «наблюдатели за курсами *должны ладить* и съ земствомъ, которое подъ часъ направляетъ дѣятельность курсовъ не согласно съ требованіями учебнаго начальства, и въ то же время не отступать отъ министерскихъ правилъ» (стр. 61); «мѣстные инспектора училищъ на курсахъ, обыкновенно, отсутствуютъ, *считая себя обиженными невниманіемъ земства, не пригласившаго ихъ къ участію на курсахъ*“ (стр. 62); „*требованія и указанія* мѣстнаго инспектора нерѣдко расходятся съ пріемами и методами преподаванія, пріобрѣтенными учителями на курсахъ“ (стр. 63) и проч. и проч.—Вездѣ и во всемъ г. И. А. С—въ остается вѣренъ себѣ: онъ говоритъ и заботится не объ интересахъ, не о возможно лучшей постановкѣ школьнаго дѣла, а объ интересахъ (чаще всего мелочныхъ) инспектора, о положеніи его, какъ начальника.

Всѣми сознаны теперь дѣйствительные недостатки существующихъ правилъ о курсахъ, о необходимости расширенія программы курсовыхъ занятій, измѣненія самой формы курсовъ и привлеченія учителя къ болѣе активному и самостоятельному участію въ занятіяхъ, и Министерство Народнаго Просвѣщенія, судя по газетнымъ извѣстіямъ, готово идти на встрѣчу вполнѣ назрѣвшимъ жизненнымъ потребностямъ, а г. И. А. С—въ настаиваетъ на необходимости еще болѣе сузить и существующую теперь программу курсовъ и вообще усилить формализмъ этого дѣла, низвести на нѣтъ участіе въ организаціи курсовъ и земства, и Учи-

лищныхъ Совѣтовъ, и руководителей-педагоговъ *„изъ лицъ другихъ учебныхъ округовъ“*, и «спеціалистовъ-руководителей курсовъ, пріобрѣтшихъ себѣ если не громкую, то во всякомъ случаѣ широкую извѣстность», словомъ, — всѣхъ, кромѣ *мѣстныхъ инспекторовъ училищъ*.

Замѣтимъ въ заключеніе, что какъ-то странно, чтобы не сказать болѣе, читать на страницахъ педагогическаго журнала огульныя порицанія, переходящія даже въ злобное осмѣяніе «спеціалистовъ-руководителей курсовъ, пріобрѣтшихъ себѣ если не громкую, то во всякомъ случаѣ широкую извѣстность»: «извѣстность эта, къ сожалѣнію, основывается не столько на особыхъ ихъ трудахъ на поприщѣ педагогической дѣятельности въ народной школѣ, на ихъ исключительныхъ для нихъ заслугахъ, сколько на составленныхъ ими и *усердно распространяемыхъ* учебникахъ для народной школы. Популярности руководителей способствуютъ и расточаемыя ими похвалы по адресу мѣстныхъ «друзей просвѣщенія», и громкіе возгласы о пользѣ народнаго образованія, и высокія рѣчи о «великихъ» задачахъ начальнаго учителя« (стр. 61 и 62); «патентованный руководитель... съ перваго шага встаетъ въ ложное положеніе къ педагогическимъ курсамъ... даетъ курсистамъ въ сущности очень не многое» (стр. 62); «бесѣды такого руководителя изобилуютъ «общими мѣстами», облеченными въ красивую форму, и не приносятъ слушателямъ почти никакой пользы» (стр. 63). Вотъ до чего можно договориться «мѣстному педагогу, считающему себя обиженнымъ невниманіемъ земства, не пригласившаго его къ участію на курсахъ».

Понятно, что г. И. А. С—въ несетъ самъ по себѣ нравственную отвѣтственность за все сказанное имъ; но отвѣтственность эту неминуемо раздѣляетъ съ нимъ и журналъ, открывшій ему свои страницы для огульнаго осужденія и земства, и педагогическихъ курсовъ, и «спеціалистовъ-руководителей». Съ печатнымъ словомъ нужно обходиться бережно, особенно же—«Городскому и Сельскому учителю» *).

Инспекція народныхъ училищъ. Какъ мы видѣли, г. И. А. С—въ желалъ бы отнять у земства право приглашать руководителей на устраиваемые имъ педагогическіе курсы; между тѣмъ какъ само Министерство Народнаго Просвѣщенія смотритъ на права земства нѣсколько шире и предоставляетъ земству право приглашать не только руководителей временныхъ курсовъ, но и избирать, и рекомендовать своихъ кандидатовъ на должности инспекторовъ земскихъ школъ для постояннаго завѣдыванія таковыми. Вотъ что пишутъ объ этомъ въ газетѣ «Одесскія Новости»:

«Какъ извѣстно, елисаветград-

*) Замѣтимъ кстати, что въ той же книжкѣ журнала „Г. и С. Уч.“ (стр. 70) совершенно невѣрно приписывается Д. И. Тихомирову мысль о томъ, что онъ признаетъ, будто бы, учительскія семинаріи *ненужными* учебными заведеніями для настоящаго времени.

ское земство ходатайствовало о предоставленіи ему права *рекомендовать* своихъ кандидатовъ на должности инспекторовъ земскихъ школъ, а также права при измѣнившихся обстоятельствахъ *просить* объ упраздненіи учреждаемыхъ должностей.

Разсмотрѣвъ отзывъ попечителя одесскаго учебнаго округа по этому вопросу, г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія «поручилъ департаменту народнаго просвѣщенія сообщить елисаветградской земской управѣ, что министерство ничего не имѣетъ противъ признанія за земствомъ просимыхъ правъ, но при условіяхъ, чтобы при этомъ не нарушались законныя права министерства, по которымъ оно замѣщаетъ должности по своему усмотрѣнію въ тѣхъ случаяхъ, когда рекомендуемыя земствомъ лица были бы признаны учебнымъ начальствомъ не соотвѣтствующими предположенному назначенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ департаментъ сообщилъ, что министерство равнымъ образомъ оставляетъ за собою право на окончательное разрѣшеніе вопроса объ упраздненіи учреждаемыхъ должностей,— въ случаѣ возбужденія этого вопроса земствомъ».

На послѣднемъ совѣщаніи о школьномъ дѣлѣ, бывшемъ въ Херсонѣ 14-го марта, предсѣдатель херсонской уѣздной управы С. Н. Гербель, касаясь недостатка надзора за школами, предлагалъ разрѣшить вопросъ посредствомъ установленія денежнаго содержанія членамъ уѣзднаго училищнаго совѣта, избираемаго уѣздными земскими собраніями. Такому члену совѣта отъ земства будетъ назначено опредѣленное жалованье, такое же, какъ правительственному инспектору, т.-е. 2.200 р. Получая такое вознагражденіе, членъ отъ земства долженъ будетъ объѣзжать всѣ земскія школы и, пользуясь правами, предоставленными ему закономъ, способствовать успѣху дѣла народнаго образованія. Нужно сознаться, что эта мѣра является для земства наиболѣе удобнымъ исходомъ въ отношеніи урегулированія школьнаго дѣла».

Указанная О. Н. мѣра для наилучшаго надзора за земскими школами, обезпечивая наблюденіе за школами и руководительство учебнымъ дѣломъ, не противорѣчитъ въ то же время и существующимъ законоположеніямъ. Совершенно такъ устроенъ и въ Москвѣ надзоръ за городскими школами. Городская дума, выбирая изъ своей среды двухъ членовъ Училищнаго Совѣта, одному изъ нихъ назначаетъ опредѣленное, довольно значительное вознагражденіе, соединяя при этомъ званіе члена Училищнаго Совѣта съ должностью члена управы. Петербургская городская дума избираетъ для той же цѣли нѣсколькихъ экспертовъ-педагоговъ, которые также входятъ въ штатъ служащихъ въ городской управѣ.

Къ вопросу о подготовкѣ народныхъ учителей. Вопросъ этотъ все болѣе и болѣе настойчиво заявляетъ о себѣ, требуя немедленнаго разрѣшенія. Мы сообщали уже (№ 5 «Пед. Л.» 1899 г.) о разрѣшеніи Министерствомъ курскому губерн.

земству организовать однолѣтніе и двухлѣтніе курсы (или учительскія семинаріи) для лицъ, окончившихъ курсъ въ средней или же въ двухклассной низшей школѣ. Въ настоящее время, какъ сообщаютъ «Новости», къ попечителямъ учебныхъ округовъ начали поступать ходатайства земствъ объ учрежденіи при двухклассныхъ министерскихъ училищахъ по одному дополнительному классу съ годичнымъ курсомъ для приготовленія учителей въ сельскія школы. Подобные классы имѣются уже при нѣсколькихъ училищахъ прибалтійскихъ губерній («Курьеръ»). Съ своей стороны мы полагаемъ, что окончившій курсъ въ двухклассномъ училищѣ и оставшійся затѣмъ еще на годъ для упражненій въ преподаваніи, все же не будетъ имѣть надлежащихъ знаній, общихъ и спеціальныхъ, и достаточнаго развитія и явится лишь учителемъ грамотности. Желательно и вполнѣ необходимо требовать отъ поступающихъ въ *однолѣтній* учительскій классъ окончанія курса въ средней школѣ или, по крайней мѣрѣ, свидѣтельства на званіе учителя. Успѣхъ народной школы прежде всего зависитъ отъ развитія и образованія учителя этой школы, подготовка котораго не можетъ ограничиваться знаніями начальной школы и методики первоначальнаго обученія. — Повторяемъ, — двухклассная школа можетъ дать только учителя грамотности.

Библіотеки при учительскихъ семинаріяхъ. Въ отчетахъ о педагогическихъ курсахъ, въ педагогической и общей литературѣ много разъ было указываемо на крайнюю необходимость для учителя народной школы обстоятельнаго знакомства съ учебной, дѣтской и народной литературой. Понятно само собою, что изученіе этой литературы обязательно и для воспитанниковъ учительскихъ семинарій, между тѣмъ какъ въ библіотекахъ учительскихъ семинарій книгъ этого рода или мало, или совсѣмъ нѣтъ, и народные учителя лишены возможности знакомиться своевременно съ руководствами и пособіями, которыя для нихъ такъ важны. «Курьеръ» сообщаетъ, что «въ настоящее время учебнымъ вѣдомствомъ возбуждается вопросъ объ учрежденіи при учительскихъ семинаріяхъ особыхъ библіотекъ — для учениковъ начальной школы». — Было бы желательно, чтобы вопросъ о библіотекахъ въ учительскихъ семинаріяхъ былъ поставленъ и разрѣшенъ возможно шире. Учителю народному необходимо обстоятельно изучить и педагогическую литературу, и учебную, и дѣтскую, и народную; ему необходимо нужно также хорошо ознакомиться и съ общей литературой. Мы знаемъ, напримѣръ, учителей изъ окончившихъ курсъ въ семинаріяхъ, которые не читали сочиненій Тургенева, Островскаго, Л. Н. Толстого и т. п., такъ какъ сочиненій этихъ, по заявленію учителей, въ библіотекѣ учительской семинаріи не было.

Экономическое значеніе грамотности. Осенью 1895 г. завѣдующій училищемъ мануфактуры Эмиль

Циндель въ Москвѣ П. М. Шестаковъ, по особо составленной программѣ, произвелъ опросъ всѣхъ бывшихъ тогда налицо рабочихъ. Оказалось, что грамотныхъ, въ общемъ, среди рабочихъ—58,2%, при чемъ особо по поламъ у мужчинъ число грамотныхъ повышается до 70,6%, а у женщинъ падаетъ до 8%. Но одновременно съ вопросомъ о грамотности рабочимъ ставился также вопросъ о получаемой ими заработной платѣ. Оказалось, что поденная заработная плата грамотныхъ и неграмотныхъ существенно разнится не только въ общемъ, но и по каждому отдѣльному роду работъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ.

Названіе мастерскихъ.	Заработокъ		Разность въ пользу грамотныхъ.
	Грамотнаго.	Неграмотн.	
Раклисты	2 р. 22,5 к.	1 р. 83,5 к.	+ 39,0 к.
Отдѣлочная	36,1 „	46,4 „	— 10,3 „
Плюссовальная	41,3 „	43,3 „	— 2,0 „
Отбѣльная	44,1 „	41,7 „	+ 2,4 „
Набивная	44,5 „	43,7 „	+ 0,8 „
Складальня	60,9 „	59,3 „	+ 1,6 „
Красильня	53,8 „	45,2 „	+ 8,6 „
Плотницкая	73,9 „	59,9 „	+ 14,0 „
Граверная	1 р. 03,2 „	98,9 „	+ 4,3 „
Лабораторія	46,7 „	56,8 „	— 10,1 „
Кладовая	49,8 „	44,2 „	+ 5,6 „
Слесарная	88,6 „	89,1 „	— 0,5 „
Запарная	42,9 „	39,9 „	+ 3,0 „

Такимъ образомъ, изъ 13 случаевъ въ 9-ти заработокъ грамотнаго рабочаго превышаетъ заработокъ неграмотнаго, при чемъ разность въ пользу перваго достигаетъ иногда 39 коп. въ день. Еще болѣе рельефно сказалась зависимость высоты заработка отъ грамотности, когда устранено было вліяніе на заработокъ опытности рабочаго. Сопоставленіе данныхъ о числѣ лѣтъ, прожитыхъ рабочимъ на фабрикѣ, и данныхъ объ ихъ возрастѣ показало полную пропорціональность первыхъ съ послѣдними. Это дало возможность воспользоваться данными о возрастѣ рабочихъ съ цѣлью выяснить указанное явленіе. Всѣ рабочіе (мужчины) были разбиты на 10 возрастныхъ группъ, при чемъ было вычислено, сколько при одномъ и томъ же возрастѣ, а слѣдовательно при одной и той же опытности, рабочіе получаютъ при условіи, что одни изъ нихъ—грамотные, а другіе—неграмотные. Результаты этихъ вычисленій представлены въ слѣдующей таблицѣ.

Возрастъ.	Заработокъ. Грамотнаго.	Заработокъ. Неграмотнаго.	Разность въ пользу грамотныхъ. Въ к.	Разность въ пользу грамотныхъ. Въ %
15—20 л.	35,5	31,1	+ 2,4	+ 8%
20—25 „	51,0	45,6	+ 5,4	+12%
25—30 „	62,1	48,2	+ 13,9	+25%
30—35 „	89,7	59,8	+ 29,9	+ 50%
35—40 „	88,5	64,8	+ 27,7	+37%
40—45 „	88,9	69,7	+ 19,2	+28%
45—50 „	107,5	71,4	+ 36,1	+51%
50—55 „	85,4	80,1	+ 5,3	+ 7%
55—60 „	104,3	73,0	+ 31,3	+43%
60 и болѣе.	63,8	88,8	— 25,0	—28%

Эти данныя свидѣтельствуютъ, что изъ 10 случаевъ въ 9-ти гра-

мотный рабочій получаетъ болѣе неграмотнаго, хотя опытность въ работѣ, поскольку она обусловливается продолжительностью пребыванія на фабрикѣ, остается въ томъ и другомъ случаѣ одинаковой. Трудно послѣ этого сомнѣваться въ прямой и непосредственной матеріальной выгодѣ грамотности для рабочаго, не говоря уже, вообще, о пользѣ, приносимой ею.

Воспитаніе разумнаго повиновенія. Въ «Развѣдчикѣ» извѣстный не въ военныхъ только кругахъ, но и въ литературѣ и въ обществѣ, генералъ М. И. Драгомировъ, разбирая «караульные случаи», намѣчаетъ раціональныя границы тому духу повиновенья, въ которомъ долженъ воспитываться солдатъ.

«Слишкомъ сдѣлать солдата повинующимся нельзя, ибо будетъ слушаться чуть не всякаго; слишкомъ вооружить его спасительнымъ и необходимымъ недовѣріемъ и способностью сопротивляться—тоже неудобно: все дѣло въ мѣрѣ и въ тактѣ воспитывающаго, да и воспитываемаго».

«Ну, напримѣръ, хоть это положеніе (по моему одно изъ основныхъ), что солдата нужно воспитать такъ, чтобы, стоя на часахъ, онъ имѣлъ силу духа не только повиноваться, но въ извѣстныхъ случаяхъ и сопротивляться даже прямымъ своимъ начальникамъ; многимъ ли оно приходило въ голову? И не найдется ли больше такихъ, которыхъ оно возмущаетъ въ глубинѣ души до сихъ поръ, хотя они въ этомъ и не сознаются? А вѣдь пока это не проникнетъ въ сознаніе, будутъ столкновенія нежелательныя; будутъ и жертвы тамъ, гдѣ личное самолюбіе, укрываясь за начальническимъ авторитетомъ, слишкомъ разыграется».

Ген. Драгомировъ настаиваетъ поэтому на томъ, что тутъ не должно быть мѣста сухому формализму:

«Всѣ промахи и кажущіяся, иногда, невѣжливости въ отвѣтѣ, нужно расцѣнивать въ зависимости отъ внутренняго побужденія, руководящаго солдатомъ. Если оно обнаруживаетъ только усердіе не по разуму, то нужно помнить, что оно все же усердіе и позаботиться только о томъ, чтобы оно стало усердіемъ по разуму». «Спб. Вѣд.».

Эти золотыя мысли просвѣщеннаго генерала необходимо прежде всего усвоить и принять въ руководство *воспитателямъ юношества:* если въ дѣлѣ «образованія солдата не должно быть мѣста сухому формализму» и мелкому личному самолюбію, прикрывающемуся начальническимъ авторитетомъ, то что же нужно сказать объ образованіи студента, семинариста, гимназиста и даже школьника?—Необходимо руководствоваться этими мыслями и вообще начальствующимъ, а въ частности и учебной администраціи по отношенію къ школьному учителю: какъ воспитателямъ, такъ и начальникамъ безусловно необходимо настаивать на исполненіи *закона*, установленныхъ закономъ порядковъ, а не личнаго усмотрѣнія и капризной воли воспитателя и начальника; въ спорныхъ и въ сомнительныхъ случаяхъ примѣне-

нія закона и правилъ къ жизненной дѣйствительности нужно строго и безпристрастно различать неповиновеніе (по существу) закону и правиламъ отъ того или иного пониманія и толкованія этихъ законовъ и правилъ: можетъ случиться, что воспитанникъ и вообще подчиненный ошибочно понимаютъ законъ и правило, но легко можетъ быть и совершенно обратное; во всякомъ случаѣ, нужно не убивать, а поощрять и развивать сознательное и разумное отношеніе къ законамъ, коими человѣкъ долженъ руководствоваться въ своей жизненной дѣятельности,—только тогда мы и создадимъ изъ воспитанника и подчиненнаго стойкую въ нравственномъ отношеніи личность, а не «трость, вѣтромъ колеблемую». Безотчетное послушаніе безъ всякаго разсужденія, рабское повиновеніе всякому требованію—не считается добродѣтелью даже и въ солдатской казармѣ, какъ справедливо свидѣтельствуетъ о томъ генералъ Драгомировъ.

О самопознаніи *). Слово «самопознаніе» означаетъ философію жизни столь же глубокую, какъ и полную замѣчательнаго практическаго смысла. Она неизмѣнно соединяется въ представленіяхъ съ принципомъ *«будь личностью»*. *«Будь личностью»* есть заповѣдь, исполненіе которой требуетъ существованія идеала. Та личность, которой каждому человѣку надлежитъ сдѣлаться, есть личность наиболѣе полно выражающая всѣ врожденные задатки индивидуума. Это—знаменательное, полное глубокаго смысла выраженіе! Человѣкъ долженъ быть личностью, а не вещью; въ его дѣятельности надо видѣть самую цѣль существованія, а не одно средство (для достиженія разныхъ цѣлей); человѣкъ долженъ развивать свои лучшія наклонности, свою высшую природу, а не проявленія низшей; онъ долженъ познавать всѣ свои способности, всего себя, всего человѣка, въ полнотѣ его проявленій, а не довольствоваться частичнымъ развитіемъ той или иной способности или силы.

Самопознаніе, въ качествѣ вѣрно истолкованнаго и понятого идеала, послужитъ на пользу здороваго развитія и совершенствованія, какъ отдѣльнаго лица, такъ и всего общества, если сдѣлается руководящимъ принципомъ жизни. Оно способно оказать противодѣйствіе извѣстнымъ силамъ и вліяніямъ, особенно господствующимъ въ современной жизни. Одна изъ этихъ силъ—все наполняющая собою тенденція въ сторону матеріальнаго преуспѣянія, что вызываетъ *утилитарное* направленіе, дѣлаетъ *пользу* правиломъ жизни; другая сила есть стремленіе спеціализаціи, которая, если и развиваетъ наше существованіе вглубь, то и съуживаетъ его въ такой же степени; наконецъ, третье пагубное вліяніе заключается въ ростѣ неустановленности, недовольства и анархіи, что грозитъ разложеніемъ общества, общественной жизни, вслѣд-

*) Изъ статьи американца профессора Princeton „University, john grier Hibben". („С.-Пет. Вѣд.).

ствіе разрыва ея структуры и гніенія въ иныхъ частяхъ общественнаго организма.

Если мы обратимъ вниманіе на первую изъ указанныхъ современныхъ тенденцій, мы замѣтимъ, что самопознаніе должно сразу поднять человѣка выше соображеній объ одной пользѣ, въ качествѣ руководящаго принципа поведенія. Дѣйствительно, самопознаніе рѣзко отличается отъ самоудовлетворенія. Удовлетворять себя—значитъ, ублажать нужды и желанія своей личности, *какъ она есть*. Познавать себя—значитъ, такъ служить своей личности, такъ управлять ею, чтобы способствовать развитію своей личности въ то, *что она должна быть*. Въ первомъ случаѣ, на главномъ мѣстѣ—правила полезности; во второмъ случаѣ—первую роль играетъ *идеалъ* характера и поведенія. Слѣдовательно, существуетъ рѣзкая противоположность между минутнымъ удовлетвореніемъ настоящаго желанія и такою дѣятельностью своего «я», которая выражается нѣкоторымъ устойчивымъ пріобрѣтеніемъ, способствующимъ дальнѣйшему развитію. Идеалъ самоудовлетворенія выражается понятіями о матеріальномъ и преходящемъ, идеалъ самопознанія опредѣляется выраженіями, почерпнутыми изъ терминологіи духовнаго и постояннаго. Въ зависимости отъ того, который изъ двухъ идеаловъ имѣетъ большее значеніе въ жизни того или другого человѣка, его оцѣнка жизненныхъ явленій будетъ дѣлаться въ выраженіяхъ матеріальнаго или духовнаго порядка, жизнь будетъ измѣряться *пользой* или *долгомъ*. Точно такъ же и значеніе человѣка для самого себя и для другихъ будетъ опредѣляться его производительной силой, выражаемой въ предметахъ матеріальнаго міра, или же его достоинствомъ, какъ человѣка выдающагося характера. Слѣдовательно, если человѣкъ имѣетъ въ виду самопознаніе, тогда удовольствіе, счастіе и все, что заключается въ этихъ словахъ, не должны быть главными цѣлями его жизни. *Быть*, а не *имѣть*, расти, а не наслаждаться, управлять собой, а не быть въ подчиненіи у страстей, «потерять свою жизнь, а не спасти ее» — вотъ законъ самопознанія.

Какъ сказалъ Сократъ десятки вѣковъ тому назадъ: «*лучшій человѣкъ тотъ, кто больше всѣхъ старается совершенствоваться, и счастливѣйшимъ является тотъ, кто всего сильнѣе чувствуетъ, что онъ дѣйствительно совершенствуется*». Въ сущности, человѣкъ, совершенствующій себя, самый полезный членъ общества. *Онъ наилучшимъ образомъ охраняетъ интересы послѣдняго.*

Даже съ точки зрѣнія простой полезности развивающаяся личность наиболѣе цѣнна.

Какъ сказано было выше, настойчиво проводимый принципъ познаванія себя способенъ противодѣйствовать одностороннему развитію, порождаемому излишней *спеціализаціей*. Идеальное развитіе есть полное разностороннее развитіе *личности*. Требованія успѣшнаго соревнованія въ современной жизни, а также безграничное рас-

ширеніе области знанія заставляютъ каждаго человѣка выбирать ограниченное поле дѣятельности, такъ какъ, выбери онъ болѣе широкое, ему придется понести соотвѣтствующее неизбѣжное наказаніе въ видѣ малой производительности своего труда. Однако, есть опасность и въ сосредоточеніи мысли и энергіи въ извѣстныхъ ограниченныхъ рамкахъ, съ исключеніемъ изъ этой сферы широкихъ интересовъ окружающей насъ жизни.

Тотъ, кто стремится къ развитію въ себѣ *всего* человѣка, открываетъ передъ собой широкіе горизонты. Ни его вкусы, ни стремленія не ограничены. Его симпатіи безчисленны; онъ соприкасается съ человѣчествомъ во всѣхъ его проявленіяхъ, со всѣхъ сторонъ. Отличаясь производительнымъ трудомъ въ сферѣ своей спеціальности, такой человѣкъ имѣетъ время и охоту думать о гуманныхъ наукахъ, объ искусствѣ, музыкѣ, литературѣ, у него есть время выполнять свои обязанности относительно общества, воздавать должное Богу. Жизнь постоянно раскрывается передъ нимъ въ ширину и въ глубину. Для такого человѣка культура имѣетъ значеніе и дѣйствительную цѣнность, *а не является только эгоистичнымъ удовлетвореніемъ своего эстетическаго вкуса.* Для такого человѣка культура есть развитіе, дающее возможность достичь полноты жизни, постичь ея значеніе, подняться, при помощи развивающагося знанія, до высотъ, съ которыхъ открывается широкое поле зрѣнія. Въ то же время, на ряду съ постепеннымъ развитіемъ нашихъ способностей и съ каждымъ пріобрѣтеніемъ новыхъ свѣдѣній замѣчается соотвѣтствующее *развитіе той производительной силы, которая способствуетъ соціальному оздоровленію и благополучію.* Наоборотъ, чѣмъ ограниченнѣе интересы человѣка, тѣмъ ограниченнѣе сфера, въ которой можетъ сказаться его помощь другимъ, и тѣмъ менѣе у него точекъ соприкосновенія съ общечеловѣческими интересами.

Наконецъ, среди извѣстнаго класса общества замѣчается въ нынѣшній историческій періодъ тенденція беззаконія и анархіи. Извѣстный англійскій ученый и публицистъ Matthew Arnold постарался внѣдрить въ умы людей истину, что культура — естественный врагъ анархіи. Онъ опредѣляетъ культуру, въ ея высшемъ значеніи, какъ миссію въ людскихъ дѣлахъ *дать перевѣсъ разуму и Божьей волѣ.* Въ связи съ такимъ взглядомъ самопознаніе можно понимать, какъ познаваніе *себя*, отождествляемаго съ соціальнымъ организмомъ, часть котораго это «я» составляетъ. Познать себя—значитъ, широко познать свои соціальныя обязанности. Самопознаніе не равносильно пріобрѣтенію знаній ради одного знанія, не равносильно развитію способностей въ интересахъ одного самоудовлетворенія и личнаго развитія,—оно должно дать побужденіе *помогать оздоровленію и росту общества, какъ цѣлаго*, оно должно дать стремленіе *принести свѣтъ* тѣмъ, кто ходитъ въ по-

тьмахъ... Болѣе широкое пониманіе человѣческаго «я», такъ сказать, наше *соціальное «я»*, не можетъ считаться развитымъ, пока существуетъ *хотъ одинъ* человѣкъ, на котораго наша жизнь могла бы оказать воздѣйствіе въ цѣляхъ его исцѣленія и *просвѣщенія*, и, однако... не оказываетъ такого вліянія... Agassiz *) никогда не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ, пока каждое новое свѣдѣніе, добытое имъ въ его терпѣливыхъ разслѣдованіяхъ, не было, благодаря ему, усвоено другими. Онъ потратилъ много силъ на безвозмездныя занятія съ учителями Новой Англіи, чтобы они, въ свою очередь, могли сообщать другимъ результаты его изслѣдованій и, такимъ образомъ, открыли бы тайны природы наибольшему числу людей. Именно, *такимъ путемъ*, по мѣрѣ того, какъ культурно развитые люди увеличиваются количественно и принимаютъ дѣятельное участіе, отождествляютъ *себя съ* дѣломъ развитія знаній и благосостоянія своихъ менѣе счастливыхъ собратій, именно благодаря такой работѣ *«для перевѣса разума и Божьей воли»*, меньше озлобленія въ концѣ концовъ окажется между различными классами общества, больше расширится и глубже проникнетъ къ людей правда, они вырастутъ въ моральной силѣ, больше уваженія будетъ у человѣка къ человѣку. Нужно послѣдовать совѣту, преподанному поэтомъ въ слѣдующихъ вдохновенныхъ строкахъ, указывающихъ путь дѣйствительнаго прогресса: «Сыны человѣческіе! Христосъ хочетъ, чтобы ваше поколѣніе превзошло въ своей жизни старшія поколѣнія въ томъ, чтобы вы ясно мыслили, глубоко чувствовали и приносили добрый плодъ».

Надо также признать, что маленькое *«я»* отдѣльной личности растетъ, расширяется отъ отождествленія съ жизненными интересами и дѣятельностью другихъ. Тотъ, кто отдаетъ *себя своимъ* собратьямъ, совмѣщаетъ въ себѣ, вбираетъ ихъ жизни въ свою индивидуальность. Обогащая ихъ, онъ обогащаетъ и себя. Отсюда ясно, какое широкоохватывающее значеніе можетъ получить идея самопознанія и на какое безграничное развитіе она способна. Невозможно перечислить всѣ ея проявленія. Главныя изъ нихъ: *самопознаніе* въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, *самоуваженіе* (т.-е. сознаніе своего человѣческаго достоинства), *самообладаніе* (т.-е. развитіе воли надъ своими чувствами), *самопожертвованіе*. Эти идеи являются главными моментами въ процессѣ самопознанія. Какъ сказалъ Теннисонъ: «Самоуваженіе, самосознаніе, самообладаніе даютъ верховную власть надъ жизнію».

*) Знаменитый ученый естествовѣдъ, переселившійся изъ Африки въ Америку.

Библіографія.

Книги для родителей и учителей.

Изъ педагогической автобіографіи Льва Николаевича Модзалевскаго. Съ портретомъ автора, снимкомъ его почерка и спискомъ главнѣйшихъ педагогическихъ работъ. С.-Петербургъ. Изд. книгопродавца Н. Г. Мартынова. 1899 г. Ц. 35 к.

Имя Л. Н. Модзалевскаго, какъ ученаго педагога, пользовалось въ свое время извѣстностью, благодаря его многочисленнымъ статьямъ, помѣщавшимся въ извѣстной газетѣ *Голосъ*, и въ журналахъ: *Народная Школа, Педагогическій Сборникъ, Русская Школа, Образованіе, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Семья и Школа* и друг., не говоря уже объ отдѣльно изданныхъ трудахъ (Напр., «Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ», вышедшій 3-мя изданіями, въ 2-хъ томахъ, «Историческое значеніе христіанства для воспитанія», «Янъ Амосъ Каменскій» и др.). Покойный педагогъ (онъ умеръ въ маѣ 1896 г.) принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые пережили въ своемъ юношескомъ возрастѣ знаменитую эпоху царствованія Александра II-го и принимали горячее и дѣятельное участіе къ зарожденіи и первоначальномъ развитіи русской педагогики. Достаточно сказать, что Модзалевскій былъ ученикомъ, а впослѣдствіи и сотрудникомъ К. Д. Стоюнина (въ 3-й с.-петербургской гимназіи) и занимался преподаваніемъ отечественнаго языка и словесности въ Смольномъ женскомъ институтѣ во времена инспекторства К. Д. Ушинскаго. О послѣднемъ онъ пишетъ въ такихъ выраженіяхъ: «Вообще частная служба въ Смольномъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ отца русской педагогики—Ушинскаго, была для меня въ педагогическомъ отношеніи едва ли не полезнѣе самихъ курсовъ, въ которыхъ я состоялъ оффиціально и съ правами государственной службы». Упоминаемые здѣсь *педагогическіе курсы* были въ то время устроены вновь при университетѣ на 2 года для усовершенствованія и подготовки молодыхъ людей, окончившихъ курсъ университета и избравшихъ себѣ педагогическую карьеру. «За-

нятія кандидатовъ-педагоговъ того времени, — говоритъ Модзалевскій,—дѣлились по двумъ главнымъ направленіямъ: *научному* при университетѣ, подъ руководствомъ подлежащихъ профессоровъ филологическаго или математическаго факультетовъ, а *практическому*— при одной изъ гимназій, гдѣ молодые люди, подъ руководствомъ гимназическаго начальства и подлежащихъ учителей, должны были заниматься преподаваніемъ избранныхъ ими для изученія предметовъ». Первые свои опыты на преподавательскомъ поприщѣ Модзалевскій началъ въ одной маленькой безплатной школѣ, основанной студентами. «Въ стараніи овладѣть вниманіемъ моихъ мальчиковъ, бойкихъ и впечатлительныхъ, въ стараніи передать доступное имъ знаніе—я извѣдалъ новое наслажденіе и почувствовалъ, что школа есть моя родная среда»; «въ выраженіи ихъ (учениць Смольнаго) дѣтской привязанности, въ ихъ успѣхахъ и замѣтномъ развитіи я нашелъ (говорится далѣе въ автобіографіи) источникъ того высокаго утѣшенія, того чистѣйшаго наслажденія, которыя доступны только педагогамъ и любящимъ, заботливымъ родителямъ». По окончаніи двухлѣтняго пребыванія на педагогическихъ курсахъ при университетѣ (въ 1862 г.), Модзалевскій былъ, въ числѣ многихъ другихъ педагоговъ, командированъ на нѣсколько лѣтъ за границу съ ученою цѣлью. Одновременно получилъ командировку туда же К. Д. Ушинскій—для ознакомленія съ устройствомъ на Западѣ женскихъ учебныхъ заведеній и для составленія руководства къ изученію педагогики для женскихъ институтовъ и гимназій (тогда только что учрежденныхъ) и Н. И. Пироговъ — для контроля за занятіями молодыхъ людей въ заграничныхъ университетахъ. Мы приводимъ эти подробности изъ автобіографіи, чтобы отмѣтить, съ какимъ вниманіемъ относились на зарѣ русскаго просвѣщенія къ подготовкѣ педагоговъ *средней* школы. По возвращеніи въ отечество въ 1864 году, Модзалевскому было поручено Министерствомъ образовать предположенные тогда въ видѣ опыта педагогическіе курсы для приготовленія начальныхъ учителей при Андреевскомъ уѣздномъ училищѣ, въ С.-Петербургѣ. Въ этихъ первыхъ курсахъ приняли участіе такіе педагоги, какъ баронъ М. О. Косинскій, Д. Д. Семеновъ. Въ то же время въ Министерствѣ разрабатывался и проектъ правильныхъ учительскихъ семинарій. Упомянемъ кстати, что въ слѣдующемъ же 1865 году Модзалевскій былъ снова командированъ за границу, въ качествѣ депутата отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія на общегерманскій учительскій съѣздъ въ Лейпцигѣ, отчетъ о которомъ имъ былъ помѣщенъ въ «*Журналѣ Министерства*» за тотъ же годъ. Вспоминаетъ авторъ и объ открытыхъ въ то время при 2-й военной гимназіи замѣчательныхъ педагогическихъ курсахъ для приготовленія учителей этихъ гимназій... Уже изъ приведенныхъ нами немногихъ подробностей можно усмотрѣть, что отмѣчаемая нами автобіографія представляетъ большой

интересъ не по отношенію только къ личности ея автора, въ продолженіе тридцати лѣтъ неустанно занимавшагося избраннымъ имъ любимымъ дѣломъ, перенесеннымъ въ послѣдніе годы на Кавказъ. Издана эта книга прекрасно, съ отличнымъ портретомъ Модзалевскаго и перечнемъ главнѣйшихъ его педагогическихъ работъ, расположенныхъ по годамъ. Невольно вспоминается, что подобныхъ же перечней ожидаютъ многіе другіе не менѣе извѣстные наши педагоги-писатели.

Ан.

Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. Э. Левассера. Въ двухъ томахъ. Редакція Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. № 1. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Петербургъ. 1898—1899 гг. Цѣна за оба тома 5 руб.

Настоящее изданіе, только что законченное выпускомъ II-го тома, представляетъ собою въ высшей степени цѣнный вкладъ въ русскую литературу, посвященную интересамъ народнаго (въ тѣсномъ смыслѣ слова) образованія. По словамъ редакторовъ изданія, эта книга Э. Левассера, извѣстнаго французскаго статистика, составленная имъ при содѣйствіи Международнаго Статистическаго Института, имѣетъ, несмотря на всѣ свои недостатки, большое значеніе и является въ настоящее время единственной въ міровой литературѣ. Первый томъ книги, на 452-хъ страницахъ убористой печати, вмѣщаетъ въ себѣ цифровыя данныя объ учительскихъ семинаріяхъ (нормальныхъ школахъ), о матеріальныхъ школахъ, о начальныхъ школахъ, объ учителяхъ и ученикахъ, о курсахъ для взрослыхъ и о безграмотныхъ. „Кромѣ того,—говоритъ Левассеръ въ своемъ предисловіи,—я представилъ данныя о распредѣленіи школъ и учениковъ по департаментамъ или провинціямъ въ главнѣйшихъ государствахъ за послѣднее время". Но для того, чтобы приведенныя цифры были яснѣе поняты и вполнѣ освѣщены, авторъ излагаетъ по каждой странѣ исторію начальнаго образованія, дѣйствующаго относительно его законодательства и административной организаціи, финансовой стороны дѣла и пріемовъ веденія статистики начальнаго образованія. Составленныя по приведенному плану свѣдѣнія характеризуютъ постановку дѣла первоначальнаго образованія во всѣхъ государствахъ пяти частей свѣта, за исключеніемъ Швейцаріи, Россіи и мелкихъ славянскихъ государствъ, при чемъ особыя главы посвящены Англіи и Валлису, Шотландіи и Ирландіи, а также и отдѣльнымъ королевствамъ и герцогствамъ Германской имперіи. Вторая часть того же тома заключаетъ въ себѣ „сравнительный очеркъ положенія начальнаго образованія въ цивилизованныхъ странахъ", касающійся организаціи начальнаго образованія, школъ, учащихъ и учащихся и финансовъ. Въ приложеніи помѣщено „Извлеченіе изъ доклада Э. Левассера по начальному и среднему образованію на вѣнской всемірной выставкѣ 1873 года". Второй томъ изданія содержитъ въ себѣ два оригинальныхъ очерка: „Народное об-

разованіе въ Россіи" Г. Фальборка и В. Чарнолускаго и „Народное образованіе въ Финляндіи" В. Скалона. Первый изъ нихъ занимаетъ большую часть книги (стр. 7—228), второй—стр. 229—263. Кромѣ того, подписчикамъ будетъ разосланъ еще отдѣльно особый очеркъ о народномъ образованіи въ Швейцаріи, составленный гг. Фальборкомъ и Чарнолускимъ. Горячо и съ знаніемъ дѣла написаный, первый изъ этихъ очерковъ является необходимымъ дополненіемъ къ богатому содержанію настоящаго изданія. При его составленіи авторы держались принятаго Левассеромъ плана, о которомъ мы упоминали выше. Имѣя въ виду громадный интересъ настоящей работы для нашихъ читателей, мы познакомимъ ихъ болѣе подробно съ ея содержаніемъ въ отдѣльной статьѣ; здѣсь же ограничимся пожеланіемъ, чтобы это сочиненіе сдѣлалось доступнымъ самому широкому кругу лицъ, стоящихъ близко къ дѣлу нашей народной школы. Въ виду малой доступности изданія по цѣнѣ для непосредственныхъ дѣятелей русской школы, наши земства должны бы озаботиться пріобрѣтеніемъ его для учительскихъ библіотекъ.

Ан.

Д-ръ Генрихъ Нуссбаумъ.—О вліяніи душевной дѣятельности на болѣзненные процессы. Переводъ съ польскаго д-ра М. Розенталя. Вильна. 1899 г. Ц. 50 коп.

Вопросъ о вліяніи душевной дѣятельности на болѣзненные процессы разработанъ сравнительно слабо даже и въ спеціальной, медицинской литературѣ. А потому нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что наше общество, т. н. «большая публика», почти совсѣмъ не интересуется даннымъ вопросомъ и имѣетъ слабое понятіе о томъ громадномъ значеніи, которое представляетъ для нашего здоровья то или иное наше душевное состояніе. Настоящая книжка пополняетъ до извѣстной степени существующій въ литературѣ пробѣлъ и, будучи написана главнымъ образомъ для врачей, въ то же время по изложенію является доступной и для неспеціалистовъ. А по тѣмъ выводамъ, къ которымъ между прочимъ пришелъ авторъ, изучая вліяніе душевной дѣятельности на здоровье человѣка — эта книжка можетъ быть интересна для неспеціалистовъ еще болѣе, чѣмъ для врачей. Въ виду общественнаго значенія этихъ выводовъ, считаемъ не лишнимъ познакомить съ ними читателей. Останавливаясь надъ разсматриваніемъ «духовныхъ агентовъ», которые могутъ разстраивать общественное здоровье, авторъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее (стр. 63 и слѣд.): „Къ ряду духовныхъ агентовъ, эпидемически разстраивающихъ общественное здоровье, принадлежитъ современное школьное дѣло въ Европѣ. *Безпощадная и достойная порицанія строгость* въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, *переутомленіе* молодыхъ умовъ въ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ, въ особенности же *неправильное устройство экзаменовъ**)—вотъ живой и

*) Курсивъ нашъ.

обильный источникъ яда, уменьшающаго нравственную и физическую силу народовъ. Государственные педагоги увѣрены, что они помогли всей бѣдѣ тѣмъ, что ввели гимнастику въ школу; но гимнастическія упражненія не въ состояніи исправить зла, вытекающаго изъ умственнаго переутомленія, а даже часто увеличиваютъ это зло, такъ какъ въ мышечныхъ упражненіяхъ принимаютъ также живое участіе нервная система и дѣятельность духа"... Указавъ затѣмъ, что одной изъ причинъ, вызывающихъ нравственныя, а за ними и физическія страданія—служитъ *отсутствіе въ обществѣ заботливости объ исправленіи характеровъ членовъ его*; что изъ двухъ полюсовъ всякаго характера: эгоизма и альтруизма—первый изъ нихъ—эгоизмъ—чаще всего становится источникомъ отрицательныхъ волненій (страхъ, испугъ, разочарованіе, неутѣшное отчаяніе и т. п.), которыя самыми вредными образами отзываются на цѣломъ организмѣ,—авторъ говоритъ, что «всѣ виды излишняго эгоизма (слишкомъ далеко зашедшая привязанность къ жизни и собственному здоровью: чрезмѣрное стремленіе къ реальному счастью и чрезмѣрное честолюбіе)—исчезаютъ подъ вліяніемъ истинной любви къ окружающему обществу, ко всему человѣчеству, къ правдѣ. Только широкое развитіе этихъ идеаловъ можетъ доставлять намъ самыя благородныя волненія, которыя укрѣпляютъ нашу жизненную энергію... и что общество, ради своего спасенія, обязано далеко больше заботиться о своемъ духовномъ усовершенствованіи, чѣмъ это дѣлаетъ теперь, и принимать подъ свое попеченіе нравственно обиженныхъ по крайней мѣрѣ въ такой же степени, въ какой оно печется объ обиженныхъ матеріально» (стр. 70). Пусть знаютъ тѣ, кто обижаетъ и унижаетъ своего ближняго, издѣвается надъ его слабостями, не уважаетъ самыхъ нѣжныхъ, святыхъ чувствъ его,—пусть знаютъ, что, поступая такъ, они «*сокращаютъ* (въ точномъ смыслѣ этого слова) *жизнь своему ближнему**), безжалостно разстраиваютъ его здоровье, уменьшаютъ ему количество крови, портятъ пищевареніе, потрясаютъ ему нервную систему, ослабляютъ сердце, уменьшаютъ сопротивляемость организма противъ всякихъ, даже смертельныхъ острыхъ заразъ» (стр. 63). Таковы интересные выводы, къ которымъ пришелъ д-ръ Генрихъ Нуссбаумъ.

Что касается перевода, то онъ, къ сожалѣнію,—не особенно хорошъ, благодаря многимъ неудачнымъ, иногда не русскимъ оборотамъ, что значительно затрудняетъ пользованіе этой, самой по себѣ, довольно интересной книгой. То же надо сказать и относительно часто встрѣчающихся медицинскихъ терминовъ, которыхъ переводчикъ, не смотря на обѣщаніе въ своемъ предисловіи, пояснилъ очень мало. Цѣна ея могла бы быть и ниже.

Н. Ск.

Вильямъ Гаммондъ. Проф. душевн. и нервн. болѣзней въ Нью-

*) Курсивъ нашъ.

Іоркѣ. **Гигіена сна**. Изложеніе подъ редакціей д-ра медицины В. И. Раммъ. С.-Петерб. 1899 г. Изд. Н. Аскарханова. Ц. 20 коп. Стр. 68.

Благодаря хорошему литературному языку, которымъ изложена книжка, и массѣ примѣровъ—она читается легко и съ интересомъ. Книжка распадается на 9 главъ. Опредѣленіе понятія о снѣ. Необходимость сна. Причины сна. Тѣлесныя и умственныя отправленія человѣческаго организма во время сна. Нормальныя и болѣзненныя сновидѣнія. Снохожденіе (сомнамбулизмъ). Безсонница. Спячка. Просонки. Какъ видно изъ этого перечисленія—не имѣется отдѣльной главы, посвященной собственно *гигіенѣ* сна, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ, благодаря этому отсутствію, у читателя не остается цѣльнаго представленія о томъ, что же такое и въ чемъ состоитъ эта *гигіена сна*. Считаемъ совершенно лишними указанія на то, чѣмъ и какъ лѣчились и вылѣчились нѣкоторые больные, страдавшіе безсонницей (стр. 56, 57 и друг.), такъ какъ эти указанія, не выясняя сущности болѣзни, только могутъ навести читателей на мысль—при случаѣ самимъ испробовать то или иное лѣкарство. Цѣна книги, 20 к., при 68 стр. и мелкой печати—не высока.

Н. Ск.

I. Hess и L. Mehler. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ. (Краткое и общедоступное руководство). Перевелъ съ нѣмецкаго д-ръ медицины М. З. Геселевичъ. Ц. 25 коп. Спб. 1899 г.

Разсматриваемая книжка распадается на 2 части. Въ первой изъ нихъ, состоящей изъ IX главъ, авторы знакомятъ читателя въ краткихъ словахъ съ анатоміей и физіологіей человѣка. Вторая часть заключаетъ собственно „первую помощь“ и занимаетъ $^3/_4$ книжки, обнимая собою почти всѣ наиболѣе часто встрѣчающіеся „несчастные случаи“, какъ-то: ушибы, переломы, вывихи, раны, ожоги, замерзаніе, отравленія и т. п. Книжка написана съ полнымъ знаніемъ дѣла, снабжена во 2-й части хорошими и въ достаточномъ числѣ рисунками. Жаль только, что нѣтъ рисунковъ, указывающихъ, въ какомъ мѣстѣ и какую артерію слѣдуетъ прижимать во время кровотеченія. Изложеніе очень сухо, а первая часть кромѣ того читается съ трудомъ и за полнымъ почти отсутствіемъ рисунковъ (всего одинъ рисунокъ) не вездѣ понятна.

Какъ изложеніе, такъ и встрѣчающіяся иностранныя слова, къ сожалѣнію, дѣлаютъ эту книжку мало доступной для простого крестьянина. *Для интеллигентныхъ же читателей она вполнѣ доступна и можетъ послужить хорошей справочной книжкой.* Для удобства пользованія ею имѣются хорошо составленное оглавленіе (подъ названіемъ главъ тутъ же напечатаны и главныя дѣйствія, которыя надо произвести въ данномъ случаѣ) и алфавитный „предметный указатель“. Характеръ только *первой помощи* до прихода врача авторы выдержали вездѣ. Только въ главѣ объ „отравленныхъ ранахъ“ на стр. 48—49 авторы, хотя и не

измѣнили своему принципу — вездѣ указывать на необходимость немедленнаго приглашенія врача, однако предложили мѣропріятія не совсѣмъ удачныя: высосать ядъ изъ раны ртомъ; прижечь рану углемъ; давать по каплямъ нашатырный спиртъ и т. д.—все такія мѣры, которыя въ рукахъ неумѣлаго человѣка могутъ принести больше вреда, чѣмъ пользы. А совѣтъ — высасывать ядъ ртомъ уже и совсѣмъ не годится. За всѣмъ тѣмъ авторы вполнѣ удачно справились съ поставленной себѣ задачей: „научить, какъ всего лучше оказывать первую и самую необходимую помощь въ несчастныхъ случаяхъ..... какъ поступать *до прихода врача* и чего не дѣлать, какъ вреднаго для тѣхъ, съ которыми случилось несчастіе. (См. Введеніе).

Изъ другихъ изданій подобнаго же рода можемъ указать еще на книжки: 1) „*Первая помощь до прихода лѣкаря*". *Состав. по Pittori и другимъ источникамъ Н. М. Богословскимъ*. Изд. народной библіотеки. Ц.—10 коп., и 2) „*Какъ останавливать кровь и можно ли ее заговаривать*". Составлена врач. Милотворскимъ. Изд. Сытина. Послѣднія изъ этихъ брошюръ вполнѣ доступна грамотному крестьянину и кромѣ того разрѣшена для народныхъ чтеній.

Н. Сн.

Сергѣй Мечъ. Парижъ. Публичная лекція. Съ 32-мя рис. въ текстѣ. М. 1899 г. Ц. 50 коп.

Главное достоинство многочисленныхъ изданій г. С. Меча по географіи—это живость изложенія, привлекающая всегда огромное число слушателей и на публичные лекціи и курсы автора, которые онъ ежегодно читаетъ въ Москвѣ и другихъ городахъ. Въ своихъ описаніяхъ различныхъ странъ и городовъ г. Мечъ даетъ своимъ слушателямъ и читателямъ не сухіе перечни и избитыя свѣдѣнія изъ учебниковъ и пособій, а живые отчеты о личныхъ впечатлѣніяхъ и непосредственныхъ наблюденіяхъ природы и жизни, какъ отечественной, такъ и иностранной, при чемъ эти наблюденія всегда свидѣтельствуютъ, какъ о широкой и многосторонней просвѣщенности автора, такъ и о его теплой любви къ своей родинѣ и ея прогрессу. Поэтому, знакомя слушателей съ иностранными замѣчательными городами и странами, г. Мечъ, помимо прекрасныхъ или величественныхъ картинъ природы, которыя онъ умѣетъ мастерски описывать, всегда отмѣчаетъ и такія стороны, и явленія мѣстной жизни, которыя въ томъ или иномъ отношеніи особенно поучительны и назидательны для его соотечественниковъ. Если же прибавить, что всѣ чтенія этого автора всегда обильно иллюстрируются фотографическими снимками и видами, то станетъ понятнымъ широкій успѣхъ, которымъ всегда сопровождаются лекціи этого талантливаго педагога-географа. Лежащій передъ нами очеркъ «Парижъ» отличается всѣми обычными достоинствами трудовъ названнаго автора и является частью цѣлой серіи очерковъ по географіи Западной Европы, которые выходятъ въ свѣтъ по мѣрѣ ихъ обработки. Всѣ

они (говорится въ особомъ заявленіи, помѣщенномъ на обложкѣ книги) издаются въ одномъ и томъ же форматѣ, всѣ иллюстрированы, и каждый порознь даетъ отдѣльное цѣлое, а вмѣстѣ составляютъ курсъ географіи западно-европейскихъ государствъ. Помѣщенные въ настоящемъ изданіи многочисленные рисунки, изображающіе виды зданій, памятниковъ и улицъ великой столицы, не оставляютъ желать лучшаго въ смыслѣ исполненія и весьма оживляютъ описанія автора-путешественника. Увлекаясь положительными сторонами иностранной культуры, авторъ не закрываетъ въ то же время глазъ и передъ отрицательными явленіями жизни нашихъ просвѣщенныхъ сосѣдей. Останавливаясь на отдѣльныхъ замѣчательныхъ памятникахъ, авторъ даетъ о нихъ и историческія свѣдѣнія; попутно не забываетъ и такъ называемыхъ мелочей обыденной жизни,—и въ результатѣ читатель выноситъ довольно ясное представленіе о чужой жизни и внѣшнихъ условіяхъ, ее окружающихъ. Съ удовольствіемъ рекомендуемъ какъ этотъ, такъ и всѣ другіе очерки г. Меча, нашимъ читателямъ. Подобныя изданія, въ частности, конечно, желательно видѣть на полкахъ библіотекъ, предназначенныхъ для пользованія народныхъ учителей.

Ан.

Настольная книга по народному образованію. Составлена Г. Фальборкомъ и В. Чарнолускимъ. Въ двухъ томахъ. Томъ I. С.-Петербургъ. 1899 г. Цѣна 3 рубля за оба тома (по подпискѣ). Изданіе Товарищества «Знаніе» (№ 14). 713 стр.

Это изданіе представляетъ собою солидный и единственный въ своемъ родѣ вкладъ въ справочную литературу по народному образованію. Во всемъ цѣломъ оно имѣетъ въ виду дать «полный сводъ дѣйствующихъ узаконеній и распоряженій по народному образованію», въ чемъ, несомнѣнно, ощущался до сего времени чувствительный недостатокъ. Свой и безъ того обширный трудъ по разысканію и классификаціи огромнаго и чрезвычайно разбросаннаго по разнымъ первоисточникамъ законодательнаго матеріала и отдѣльныхъ фактовъ его разъясненія, толкованія, примѣненія и т. д.—добросовѣстные составители «Настольной книги» значительно усложнили еще тѣмъ, что въ общій планъ работы ввели «также и извлеченія изъ узаконеній и распоряженій, имѣющихъ къ дѣлу народнаго образованія *хотя бы косвенное* отношеніе». Эта послѣдняя особенность работы фактически выразилась въ томъ, что въ книгу пришлось включить много статей закона, знакомящихъ читателя со строемъ, организаціей, назначеніемъ, предметами вѣдомства и степенью власти, а также характеромъ взаимоотношеній, всѣхъ тѣхъ государственныхъ учрежденій, начиная съ Государственнаго Совѣта, Совѣта и Комитета министровъ и Правительствующаго Сената, и кончая мѣстными административными и общественными органами всѣхъ родовъ и вѣдомствъ, съ которыми въ той или иной степени соприка-

сается практика примѣненія существующихъ у насъ законовъ о народномъ образованіи. Необходимость точныхъ свѣдѣній по всѣмъ этимъ вопросамъ вытекаетъ логически изъ самой сложности всего государственнаго механизма съ его многочисленными органами. Въ самомъ дѣлѣ, сколько всякой проволочки и досадныхъ недоразумѣній и задержекъ, стѣсняющихъ правильный ходъ дѣйствительной жизни, проистекаетъ у насъ отъ всеобщаго почти незнакомства съ тѣми законными путями, по которымъ слѣдуетъ направлять возбуждаемое ходатайство, возникшую жалобу, просьбу, запросъ и т. д. Еще подобное зло поправимо, при помощи юристовъ и законовѣдовъ, въ другихъ областяхъ гражданской жизни, но этого нельзя сказать относительно широкой и разнообразной области народнаго образованія. Несмотря на всю сложность и даже запутанность нашихъ «узаконеній и распоряженій» по учебной и внѣучебной частямъ, допускающихъ въ одной части государства то, что воспрещается для другой,—жизнь не выработала такихъ спеціалистовъ и знатоковъ, которые были бы въ курсѣ безчисленныхъ сенатскихъ рѣшеній и министерскихъ циркуляровъ и распоряженій, издававшихся въ разное время за послѣднее болѣе чѣмъ тридцатилѣтіе и разбросанныхъ по оффиціальнымъ первоисточникамъ, общее количество которыхъ, въ видѣ отдѣльныхъ томовъ и выпусковъ періодическихъ изданій, просмотрѣнное составителями «Настольной книги», приходится считать, согласно предисловію, цѣлыми тысячами. Легко, поэтому, повѣрить, что для пересмотра и использованія этихъ первоисточниковъ, а также для классификаціи и выдѣленія постановленій и распоряженій, еще не утратившихъ значенія дѣйствующихъ, потребовалась не малая затрата времени и масса кропотливаго труда, начавшагося, по иниціативѣ гг. Фальборка и Чарнолускаго, еще въ 1895 году, въ одной изъ комиссій бывшаго С.-Петербургскаго Комитета Грамотности.

Въ только что вышедшій теперь 1-й томъ «Настольной книги» вошли узаконенія и распоряженія, состоявшіяся до времени печатанія соотвѣтствующихъ отдѣловъ книги и разбитыя на два крупныхъ отдѣла, изъ которыхъ первый озаглавленъ —«*Завѣдываніе народнымъ образованіемъ*», а второй содержитъ въ себѣ «*Общія узаконенія и распоряженія, имѣющія отношеніе къ народному образованію*». Наибольшую часть книги (до 500 страницъ) занялъ первый отдѣлъ, въ которомъ, помимо извлеченій изъ разныхъ томовъ Свода Законовъ отдѣльныхъ статей (съ указаніемъ ихъ нумеровъ) объ общихъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ государственнаго управленія, помѣщены подробныя узаконенія о всѣхъ частяхъ управленія Министерства Народнаго Просвѣщенія, приведены весьма подробно статьи, касающіяся «управленія школами вѣдомства православнаго исповѣданія», даны затѣмъ извлеченія изъ положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ, изъ городового положенія, изъ об-

щаго полож. о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и всѣхъ связанныхъ съ крестьянскими дѣлами учрежденіяхъ (общихъ и по отдѣльнымъ областямъ Имперіи), изъ законовъ о дворянствѣ, о состояніяхъ, объ иностранныхъ исповѣданіяхъ христіанскихъ и иновѣрныхъ и изъ устава о земскихъ повинностяхъ. Второй отдѣлъ книги посвященъ (въ извлеченіяхъ) законамъ гражданскимъ, уложенію о наказаніяхъ, учрежденіямъ судебныхъ установленій, уставамъ гражд. и уголовнаго производствъ, о прямыхъ налогахъ и пошлинахъ, о питейномъ сборѣ, таможенныхъ, о жел. дорогахъ и пароходахъ, почтоваго, лѣснаго, о воинской повинности (78 страницъ) и пр. и пр. Отдѣльныя статьи законовъ во множествѣ случаевъ сопровождаются текстомъ министерскихъ циркуляровъ, предложеній и сообщеній, сенатскихъ рѣшеній и указовъ, Высоч. утв. мнѣній Госуд. Совѣта и проч., имѣющихъ отношеніе къ содержанію этихъ статей. Таково вкратцѣ содержаніе 1-го тома «Настольной книги», одно оглавленіе котораго занимаетъ 27 страницъ убористаго шрифта.

Что касается до имѣющаго выйти въ текущемъ же году второго тома, то въ него входятъ, по словамъ предисловія, узаконенія и распоряженія: о службѣ государственной и общественной; объ учебныхъ заведеніяхъ для приготовленія учителей народныхъ училищъ; о низшихъ общеобразовательныхъ уч. заведеніяхъ всѣхъ разрядовъ; о внѣшкольномъ образованіи и т. д.

Изданіе предназначается, какъ пособіе, для земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій, директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, учрежденій и лицъ духовно-учебнаго вѣдомства, народныхъ учителей и другихъ дѣятелей по народному образованію. Нужно думать, что всѣ названныя учрежденія и лица дѣйствительно поспѣшатъ ознакомиться непосредственно съ этимъ замѣчательнымъ трудомъ гг. Фальборка и Чарнолускаго. Добавимъ, что составители имѣютъ въ виду всѣ дополненія къ настоящему изданію помѣщать въ имѣющихъ выходить каждый годъ «Ежегодникахъ по народному образованію».

Ан.

Ч. Вѣтринскій. Очеркъ жизни и дѣятельности Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго. Изд. кн. м. «Знаніе». С.-Петербургъ. 1899 г. Ц. 15 к. (Народная библіотека).

Г. Ч. Вѣтринскій давно уже занимается популяризаціей родныхъ писателей и ихъ произведеній, и его удачные труды въ этомъ направленіи, намъ приходилось отмѣчать на страницахъ *Педагогическаго Листка* (1895 г., №№ 1 и 3). Какъ это ни покажется на первый взглядъ страннымъ, но несомнѣннымъ является тотъ фактъ, что простому читателю приходится *растолковывать* великое значеніе не только общей литературной дѣятельности лучшихъ нашихъ писателей, но и знаменитѣйшія ихъ произведенія каждое въ отдѣльности, при чемъ выполненіе подобной задачи отнюдь нельзя

считать легкимъ. Нужно умѣть, не выходя изъ ограниченнаго умственнаго кругозора простого писателя, ввести его въ кругъ чуждыхъ для него интересовъ, понятій и условій литературнаго творчества и показать его важное общественное и образовательное значеніе. Съ этой чрезвычайно трудной задачей названный нами авторъ справлялся весьма удачно, когда знакомилъ своихъ читателей съ жизнью и дѣятельностью Гоголя, Кольцова, Никитина, Шевченко, Тургенева (См. изданія А. М. Муринова). Въ настоящей книжкѣ, представляющей собою одно изъ изданій цѣлой серіи книгъ подъ заглавіемъ «Народная Библіотека», авторъ взялъ на себя еще болѣе трудную задачу: познакомить простого читателя съ замѣчательною дѣятельностью великаго отца русской критики, В. Г. Бѣлинскаго. Задача эта особенно трудна потому, что прежде чѣмъ говорить о Бѣлинскомъ, нужно выяснить значеніе и необходимость самой *критики*. Авторъ и начинаетъ свою книгу съ небольшой главы «Критика и ея значеніе». Приводя здѣсь для примѣра статистическія данныя о числѣ книгъ по разнымъ отдѣламъ, вышедшихъ въ 1895 году, онъ указываетъ, что во всемъ этомъ огромномъ количествѣ новыхъ изданій читателю трудно разобраться самому, безъ помощи опытныхъ и знающихъ дѣло людей, т.-е. критиковъ. Печатая въ газетахъ и журналахъ свои отзывы о новыхъ книгахъ, эти писатели указываютъ, какія изъ нихъ достойны прочтенія, какія не заслуживаютъ вниманія. Но ограничиться этой вполнѣ понятной и элементарной оцѣнкой критики по отношенію къ Бѣлинскому, конечно, было нельзя. Поэтому авторъ пытается далѣе объяснить сложный и отвѣтственный вопросъ о *литературной* критикѣ «такъ называемыхъ художественныхъ литературныхъ произведеній». Какъ-будто забывая, что рѣчь здѣсь обращена къ читателю изъ народа, нашъ авторъ свободно употребляетъ въ статьѣ такія слова, какъ «*литература*», «*художественное* произведеніе», «*творчество*», «*настроеніе*», «*талантъ*» и т. д., безъ всякаго (хотя бы подстрочнаго) поясненія этихъ сложныхъ понятій, не вполнѣ доступныхъ даже и многимъ читателямъ изъ другихъ, такъ называемыхъ образованныхъ, классовъ населенія. Передавая въ послѣдующихъ главахъ несложныя подробности біографіи Бѣлинскаго, авторъ всюду останавливается подробнѣе на литературной дѣятельности критика, но въ изложеніи этого матеріала продолжаетъ попрежнему забывать, для кого пишетъ, и, благодаря этому, дѣлаетъ свою книгу мало доступной для читателя изъ народа. Для этого послѣдняго, думаемъ, такъ и останется неяснымъ, почему именно Бѣлинскій великъ тѣмъ, что «увлекался Пушкинымъ», что жилъ среди прачекъ и кузнецовъ, въ каморкѣ, отказавшись добровольно отъ прекрасной обстановки дома богатаго барина, у котораго былъ домашнимъ секретаремъ, что въ статьѣ «Литературныя мечтанія» съ восторгомъ и наслажденіемъ повторялъ, что «у насъ нѣтъ ли-

тературы», что велъ потомъ «ожесточенные литературные споры» и т. д. Не внесутъ, конечно, ясности въ область непониманія всего этого читателемъ изъ народа и такія цитаты изъ Бѣлинскаго (стр. 36): «Что мнѣ въ томъ, что *я* понимаю идею, что *мнѣ* открытъ міръ идеи въ искусствѣ, въ религіи, въ исторіи, когда я не могу этимъ дѣлиться со всѣми, кто долженъ быть моими братьями по человѣчеству, моими ближними во Христѣ, но кто—мнѣ чужіе и враги по своему невѣжеству?».—Спрашиваемъ, что пойметъ въ этихъ прекрасныхъ словахъ критика «народъ»? Что такое—«идея», «міръ идеи», «искусство» и т. д.? Надо думать, что иной гимназистъ среднихъ классовъ не сумѣетъ отвѣтить на эти вопросы, а г. Вѣтринскій предлагаетъ ихъ «народу». Поэтому, мы должны съ грустью заявить, что на этотъ разъ почтенный популяризаторъ русской литературы не оправдалъ нашихъ на него надеждъ. По этой книгѣ «народъ» (если не считать исключительныхъ единицъ) не познакомится съ Бѣлинскимъ прежде всего потому, что она написана недоступнымъ и непопулярнымъ слогомъ. Мы бы не настаивали на этой особенности настоящаго труда г. Вѣтринскаго, если бы на выходномъ листѣ книги не было обозначено: «Народная библіотека». Какъ ни соблазнительна мысль о скорѣйшемъ сближеніи и знакомствѣ «ближнихъ во Христѣ» съ Бѣлинскимъ, но пока что—первые въ огромной своей массѣ все еще продолжаютъ быть «чужими и врагами» родному своему писателю, ибо невѣжество разлито еще широкой волной по землѣ русской. Если мы будемъ двигаться впередъ по пути образованія съ тѣми же удобствами и быстротою, какъ по сіе время, то не скоро дождемся того, что деревенскій человѣкъ понесетъ съ базара сочиненія Бѣлинскаго. Вѣдь Бѣлинскій—это вѣнецъ образованія, а мы и къ началу-то еще не подошли, какъ слѣдуетъ.

Для опытныхъ и до извѣстной степени образованныхъ читателей настоящую книгу можемъ рекомендовать съ удовольствіемъ.

Ан.

Женское горе. Сборникъ стихотвореній. Составилъ К. Хрѣновъ. М. 1898 Ц. 15 коп. Изданіе «Посредника» № 320 (для взрослыхъ).

Доля русской женщины въ ея малолѣтствѣ, цвѣтущей юности, зрѣлости и старости—вотъ внутреннее содержаніе помѣщенныхъ въ «сборникѣ» 29-ти стихотвореній родныхъ поэтовъ, среди которыхъ встрѣчаемъ имена: Пушкина, Некрасова, Никитина, Сурикова, Л. Мея, А. Плещеева, Л. Трефолева, А. Барыковой, С. Дрожжина, И. Бѣлоусова и нѣкоторыхъ другихъ, менѣе извѣстныхъ. Въ сгруппированныхъ здѣсь стихотвореніяхъ, какъ въ зеркалѣ, отражается печальная, полная страданій и мукъ, судьба женщины въ грубой, трудовой средѣ русскаго населенія. Поэтическими красками нарисованы въ книгѣ ея сиротство въ раннемъ дѣтствѣ и подневольное паденіе, или замужество, со всѣми послѣдствіями того и другого — въ цвѣтущей юности,

великая ея любовь къ своимъ дѣтямъ, жестокія муки отъ пьяныхъ мужей и тяжелый, изсушающій душу и тѣло, трудъ въ зрѣлости и, наконецъ, ужасъ потери дѣтей въ старости. Всѣ эти моменты женской жизни, безъ свѣта и радости, въ рамкѣ мрачнаго невѣжества среды, одинаково поражали воображеніе нашихъ поэтовъ, излившихъ свои сочувственныя наблюденія въ болѣе или менѣе красивой формѣ. Подобные стихи пользуются всегда успѣхомъ среди простыхъ читателей, для которыхъ и предназначенъ «сборникъ». **Ан.**

Книги для дѣтей.

Библіотека „Дѣтскаго Чтенія". По волѣ Божіей. Разсказы и очерки. Вас. Ив. Немировича - Данченко. М. 1900. Ц. 75 коп.

Въ этотъ второй сборникъ произведеній В. И. Немировича-Данченко, изданныхъ редакціею «*Дѣтскаго Чтенія*», вошли шесть разсказовъ, изъ которыхъ самымъ большимъ является первый, подъ заглавіемъ *Близнецы*. Бѣдная набожная женщина, оставшись вдовою съ двумя только что родившимися близнецами—сыномъ и дочерью, отправилась на богомолье по святымъ мѣстамъ. Побывала въ Іерусалимѣ, на Аѳонѣ и, наконецъ, доплелась до извѣстнаго итальянскаго города Бари, въ которомъ находится древняя, всѣми чтимая церковь, построенная въ честь св. Николая Мирликійскаго. Мощи этого, чтимаго одинаково и православными и католиками, святого покоятся тамъ въ подземной церкви и привлекаютъ къ себѣ массы русскихъ паломниковъ. Истомленная дорожными мытарствами, больная вдова оставляетъ своихъ близнецовъ около рѣшетки окружающей раку святого, а сама умираетъ тутъ же, подъ сводами храма. Женское населеніе окружающаго церковь рабочаго квартала, во главѣ съ каноникомъ церкви, принимаетъ самое дѣятельное участіе въ судьбѣ близнецовъ, оставленныхъ безвѣстною богомолкой на попеченіе св. Николая. Богомолку торжественно хоронятъ, а за сиротами начинаютъ по очереди ухаживать, оставивъ ихъ жить въ самомъ храмѣ. Незадолго до смерти, вдова успѣла извѣстить, однако, письмомъ своего брата, жившаго въ услуженіи у купца, въ одномъ изъ городовъ ея родины.

Впослѣдствіи этотъ братъ разбогатѣлъ и рѣшилъ отправиться на поиски своихъ племянниковъ. Въ г. Бари онъ ихъ и нашелъ въ добромъ здравіи и благополучіи. Дружными заботами мягкосердыхъ и набожныхъ женщинъ, думавшихъ тѣмъ заслужить милости св. угодника, дѣти выросли на славу, но, конечно, и не подозрѣвали своего русскаго происхожденія. Тѣмъ не менѣе, пріѣхавшему богатому дядѣ не представилось особаго затрудненія взять ихъ съ собою въ Россію, куда дѣти и отправились, напутствуемыя благословеніями воспитавшихъ ихъ «бабушекъ». Вотъ

въ краткихъ словахъ содержаніе этого оригинальнаго разсказа, въ которомъ заключается не мало интересныхъ описаній и характеристикъ, касающихся мѣстныхъ природы, жизни и нравовъ. Много трогательнаго и въ подробностяхъ объ отношеніи простыхъ женъ мѣстныхъ рыбаковъ къ брошеннымъ сиротамъ. Разсказъ связанъ съ воспоминаніями автора о своихъ посѣщеніяхъ города Бари и, благодаря этому, отличается живостью изложенія. Изъ имѣющихся въ томъ же сборникѣ другихъ разсказовъ, обращаютъ на себя вниманіе два послѣдніе: *Богъ проститъ* и *Святой отецъ*. Первый изъ нихъ затрогиваетъ одинъ изъ больныхъ вопросовъ нашей деревни о конокрадствѣ и связанномъ съ нимъ крестьянскомъ самосудѣ. Доведенные до отчаянія систематическими кражами лошадей, безъ которыхъ рушится все крестьянское хозяйство, мужики нерѣдко, не дожидаясь суда, сами жестоко расправляются съ пойманными или попавшимися къ нимъ въ руки конокрадами. Одинъ изъ послѣднихъ, только что жестоко избитый крестьянами сосѣдней деревни, лежитъ съ двумя товарищами у костра, разведеннаго въ глухомъ лѣсу, и невольно предается воспоминаніямъ объ одномъ изъ обокраденныхъ имъ хозяевъ, принимавшимъ вмѣстѣ съ женою особенно дѣятельное участіе въ его истязаніяхъ. Злоба кипитъ въ сердцѣ несчастнаго на своего мучителя, и онъ обдумываетъ способы мести. Но вотъ, среди ночи, въ лѣсу раздается раздирающій душу дѣтскій вопль. Одинъ изъ собесѣдниковъ идетъ узнать, въ чемъ дѣло, и наталкивается на мальчугана, который, бѣгая за собакой, заблудился въ темномъ лѣсу и со страху принялся кричать. Приведенный къ костру, мальчикъ оказывается сыномъ того обидчика, о мести которому только что помышлялъ избитый конокрадъ. Теперь ему представлялся хорошій случай, но... дѣло окончилось тѣмъ, что суровый и изнывавшій отъ боли конокрадъ, замѣтивъ, что заснувшій ребенокъ дрожитъ во снѣ отъ холода (дѣло происходило въ морозную зимнюю ночь), снимаетъ съ себя тулупъ и прикрываетъ имъ мальчика, а самъ всю ночь страдаетъ и отъ боли, и отъ холода. На утро онъ поручаетъ товарищамъ проводить мальчика въ деревню, что для нихъ представляетъ страшную опасность, такъ какъ крестьяне ихъ знаютъ и могутъ учинить и съ ними такую же расправу. Но добро, сдѣланное ими ребенку, не пропало даромъ. Крестьяне ихъ прощаютъ и посылаютъ даже подводу за больнымъ, оставшимся въ лѣсу. Есть надежда, что всѣ эти погибшіе люди, избравшіе своимъ ремесломъ разореніе крестьянъ, сдѣлаются снова мирными гражданами деревни. Очеркъ „Святой отецъ“ знакомитъ читателей съ замѣчательною благотворительною дѣятельностью одного изъ неаполитанскихъ нищенствующихъ монаховъ, по имени падре Роко, жившаго въ Неаполѣ въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Монахъ всю жизнь служилъ на

пользу бѣдныхъ, боролся съ пороками низшихъ классовъ населенія и являлся безстрашнымъ ходатаемъ за интересы этихъ классовъ передъ королями, за что и былъ прозванъ „Апостоломъ улицы“. Остальные разсказы: *Одѣтая статуя* и *Воскресшая пѣсня* (калабрійское преданіе), точно такъ же затрогиваютъ добрыя чувства и симпатіи читателей, а *Мертвая бухта* даетъ описаніе суроваго моря у береговъ Мурмана. По изложенію, этотъ сборникъ доступенъ для опытныхъ читателей средняго возраста.

Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“. Изъ исторіи Москвы. Историческій очеркъ. Ив. Ив. Иванова. М. 1899. Ц. 30 коп.

Настоящій очеркъ г. Иванова посвященъ величайшему въ нашей исторіи событію, такъ называемому «нашествію французовъ» въ 1812 г., окончившемуся сожженіемъ Москвы и гибелью «великой арміи» Наполеона I-го. Особенность изложенія этихъ событій и весь интересъ очерка состоятъ въ томъ, что авторъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на личности главнаго героя знаменитой эпопеи и заставляетъ своего читателя, такъ сказать, переживать постепенно, вмѣстѣ съ Наполеономъ, всю сложную гамму его чувствованій отъ начала похода въ Россію до несчастнаго конца, когда великій и честолюбивый завоеватель вынужденъ былъ бѣжать съ дороги, бросивши на произволъ судьбы жалкіе остатки своей измученной арміи. Соблюдая художественную правду разсказа, г. Ивановъ остроумно начинаетъ его съ того момента, когда императоръ французовъ, лишенный своего званія, въ качествѣ простого изгнанника, отправляется на кораблѣ отъ береговъ Англіи на далекій островъ св. Елены—мѣсто своей ссылки. Здѣсь онъ въ суровой и неприглядной обстановкѣ новой жизни находитъ единственное утѣшеніе въ воспоминаніяхъ о своей былой славѣ и кипучей дѣятельности, при чемъ не спѣша диктуетъ эти воспоминанія преданному секретарю. Вотъ эти то воспоминанія какъ бы и положены въ основу очерка «Изъ исторіи Москвы»,—который, благодаря такой постановкѣ дѣла, читается съ неослабѣвающимъ интересомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что г. Ивановъ рисуетъ при этомъ Наполеона вполнѣ реальными красками, ни на минуту не поддаваясь соблазну внести въ эту обрисовку знаменитаго человѣка хоть каплю того поэтическаго элемента, который скрашиваетъ обыкновенно отрицательныя стороны этого замѣчательнаго человѣка. Въ изображеніи нашего автора Наполеонъ—не великій герой, а зарвавшійся игрокъ, избалованный судьбою честолюбецъ и заслуживающій презрѣнія проходимецъ. Собственно говоря, разсказчика можно бы даже упрекнуть за излишній лиризмъ въ этомъ отношеніи и за чрезмѣрное подчеркиваніе человѣческихъ слабостей несчастнаго героя. Вѣдь, дѣло его (въ настоящемъ случаѣ — походъ въ Россію, съ цѣлью ее покорить)—говоритъ и такъ много само за себя. Въ общемъ же разсказъ, по-

вторяемъ, читается съ большимъ интересомъ и своими многими подробностями, несомнѣнно, вызоветъ не однажды у читателя горячія симпатіи къ предкамъ, защищавшимъ съ такой самоотверженностью родную страну отъ многочисленныхъ ея разорителей-иностранцевъ. Имѣя въ виду широкій кругъ читателей настоящаго очерка, нельзя не пожалѣть, что въ началѣ его авторъ не пояснилъ хотя бы въ подстрочномъ примѣчаніи тѣхъ событій, которыя привели Наполеона въ Англію передъ ссылкой, а также (въ концѣ его) не сообщилъ свѣдѣній о послѣднихъ дняхъ своего героя. Этого требовала вся постановка очерка, центральной личностью котораго является самъ Наполеонъ. При послѣдующемъ изданіи этой книги, слѣдовало бы устранить также нѣкоторые недосмотры въ редакціонномъ отношеніи. Такъ, на стр. 31-й встрѣчается такая фраза: «Всѣ кремлевскія площади *переполнились* толпой, *они* (?) усѣяли даже крыши домовъ»; на стр. 48: «онъ поѣхалъ къ Дорогомиловской заставѣ, сошелъ съ лошади и отправился вдоль Москвы рѣки» (рѣка Москва протекаетъ далеко не *около* названной заставы); на стр. 53: «поднести ему ключи *изъ* (отъ ?) Кремля»; на стр. 72: «Каждый стремится *громадныя* вещи сбыть *за болѣе помѣстительныя*» (?); на стр. 86: «... и *видѣли* не мало несбыточныхъ надеждъ»; на стр. 88: «теперь вдали отъ Кремля, *котораго* враги, всего нѣсколько недѣль тому назадъ, привѣтствовали, какъ обѣтованную землю, съ каждымъ шагомъ *приближается къ гибели*» (?). Желательно бы устранить также и рядъ корректурныхъ ошибокъ, неумѣстныхъ вообще въ книгахъ для неопытныхъ читателей. Къ изданію приложенъ недурной портретъ Наполеона—послѣ похода въ Россію, а въ текстѣ имѣется нѣсколько рисунковъ иллюстрирующихъ разсказъ, который пригоденъ для дѣтей средняго возраста.

Библіотека „Дѣтскаго Чтенія". Обновленіе одного города. Разсказъ Н. П. Дружинина. М. 1899 года. Ц. 10 к.

Н. П. Дружининъ—авторъ цѣлаго ряда статей и отдѣльныхъ изданій, имѣющихъ цѣлью распространеніе среди читателей необходимыхъ въ жизни юридическихъ свѣдѣній, — въ настоящей книжкѣ излагаетъ въ легкой разговорной формѣ существующее Положеніе о городскомъ самоуправленіи (Городовое Полож. 1892 г.). Мимоходомъ, авторъ отмѣчаетъ нѣкоторые недостатки, присущіе этому Положенію, но главнымъ образомъ настаиваетъ на той мысли, что при добромъ желаніи городскіе обыватели могутъ сдѣлать много полезнаго для своего города, если только дадутъ себѣ трудъ хорошенько познакомиться съ тѣми правами, которыя предоставлены имъ Городовымъ Положеніемъ 1892 года. Изъ нагляднаго примѣра, приведеннаго въ разсказѣ, видно, что огромное большинство горожанъ относится вполнѣ равнодушно къ дѣлу самоуправленія и не только не обнаруживаетъ попытки отнестись къ нему сознательно и принять жи-

вое участіе въ общественныхъ дѣлахъ, но даже не посѣщаетъ засѣданій думы, обрѣтаясь въ то же время въ полномъ невѣдѣніи своихъ правъ. Благодаря этому, городскія дѣла, попадая иногда въ руки лицъ, заинтересованныхъ въ личныхъ выгодахъ, идутъ плохо, а интересы обывателей страдаютъ. Авторъ не забылъ показать и наглядный образецъ подобнаго хозяйничанья, къ сожалѣнію, далеко не рѣдкій и въ дѣйствительной жизни многихъ нашихъ городовъ. Не будемъ строги къ художественной сторонѣ настоящаго «разсказа», имѣющаго прекрасную цѣль познакомить съ главнѣйшими принципами закона о самоуправленіи широкій кругъ читателей и призвать ихъ къ дѣятельному участію, въ качествѣ избирателей и гласныхъ, къ общественной сознательной дѣятельности. Въ разсказѣ, между прочимъ, приводятся интересныя свѣдѣнія о томъ, какъ прививается навыкъ къ общественнымъ дѣламъ въ школахъ такой образцовой страны самоуправленія, какъ Америка. «Въ одной изъ нью-іоркскихъ школъ сдѣланъ,—разсказывается въ книгѣ,—весьма интересный опытъ ознакомленія дѣтей съ устройствомъ и дѣятельностію городского управленія. Школа со всѣми учениками и ученицами была признана какъ бы за городъ; всѣ же ученики и ученицы, безъ различія по полу и возрасту, явились какъ бы городскими избирателями. Новые избиратели произвели выборы изъ своей среды во всѣ должности по городскому общественному управленію. Затѣмъ, образовавшіяся такимъ образомъ учрежденія приступили къ своей дѣятельности. Поддержаніе порядка въ школѣ возложено было на самихъ учащихся; они были призваны къ общественной самодѣятельности. Результатъ получился превосходный во всѣхъ отношеніяхъ. Въ школѣ водворился порядокъ, а учащіеся прекрасно усвоили себѣ понятіе о томъ, какъ устроено и дѣйствуетъ, по закону, городское общественное управленіе. Это послѣднее было признано особенно важнымъ, въ интересахъ подготовленія будущихъ достойныхъ гражданъ. Такого рода опыты гражданскаго воспитанія предположено теперь устроить, — говоритъ авторъ, — во всѣхъ американскихъ школахъ и въ болѣе широкихъ размѣрахъ». Смѣло рекомендуемъ настоящій трудъ Н. П. Дружинина учителямъ городскихъ школъ и завѣдывающимъ городскими библіотеками. Желательно, конечно, чтобы съ разсказомъ ознакомились и вообще грамотные городскіе жители. Книга можетъ служить матеріаломъ для составленія особаго чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ, о чемъ не мѣшало бы озаботиться.

Яшина книжка. Переводы В. Микуличъ. — С.-Петербургъ. 1899 г. Цѣна 1 рубль.

Талантливый авторъ извѣстной трилогіи о „Мимочкѣ“ и др. произведеній въ настоящемъ случаѣ выступаетъ въ качествѣ переводчицы и перезказчицы цѣлаго ряда, преимущественно небольшихъ, произведеній иностранныхъ писателей, при чемъ изъ 16-ти помѣщенныхъ

въ этомъ сборникѣ разсказовъ—9 принадлежатъ А. Додэ, 2—В. Гюго, 2—Мицкевичу и по одному: Ф. Коппэ, Ш. Нодье и Шиллеру. Большинство, особенно мелкихъ, разсказовъ какъ по превосходному языку, заставляющему забывать о переводѣ, такъ и по содержанію, доступны для дѣтей первыхъ возрастовъ, которыя, читая ихъ, будутъ имѣть не одинъ случай съ пользой задуматься, а иногда и посмѣяться («Тартаренъ изъ Тараскона» Додэ). Такъ, трогательный разсказъ «Смерть дофина» (Додэ) наглядно иллюстрируетъ ту истину, что предъ смертью люди всѣ равны, разсказъ «Жаба» (по В. Гюго) пристыдитъ дѣтей за жестокое обращеніе съ живыми тварями; разсказъ «Бѣдные люди» (по Гюго) вселитъ въ сердце читателя добрыя чувства по отношенію къ сострадательнымъ къ чужому горю бѣднякамъ, «Кладбище на островахъ Лавецци» (Додэ) живо изобразитъ передъ ними страшную картину крушенія корабля и гибели сотенъ людей, исполнявшихъ свой долгъ и т. д. Перечислить здѣсь содержаніе всѣхъ разсказовъ нѣтъ возможности, тѣмъ болѣе, что не знаешь, какому изъ нихъ отдать предпочтеніе: всѣ они одинаково хороши и содержательны. Нельзя, однако, не отмѣтить чудесной восточной сказки (Ш. Нодье), озаглавленной «Золотые сны», въ которой чрезвычайно ярко изображена страсть людей къ золоту (богатству) и печальныя послѣдствія этой страсти. Самымъ значительнымъ по размѣрамъ (болѣе ста страницъ) произведеніемъ книги является разсказъ «Валленштейнъ» (по Шиллеру). Изложенный съ обычнымъ для г-жи Микуличъ мастерствомъ, онъ, однако, пригоденъ будетъ для прочтенія дѣтямъ лишь старшаго возраста, особенно же тѣмъ изъ нихъ, которыя изучаютъ въ классѣ такъ называемую «Тридцатилѣтнюю войну». Почти то же можно сказать о литовской повѣсти «Гражина» (по Мицкевичу), передающей интересный эпизодъ изъ рыцарской жизни, и о прекрасномъ разсказѣ «Конрадъ Валленродъ», изложенномъ по тому же польскому писателю и знакомящимъ читателя съ замѣчательнымъ примѣромъ самоотверженной любви къ родинѣ, проявленной героемъ разсказа во время жестокой войны за независимость небольшого литовскаго племени съ нѣмецкими рыцарями. Этому пересказу извѣстной поэмы предпослано небольшое предисловіе о Литвѣ и ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ нѣмецкимъ рыцарямъ. Вообще «Яшина книжка» представляетъ собою одну изъ лучшихъ книгъ для юношескаго чтенія. Книжка издана весьма изящно, и потому цѣна ея не является дорогой.

Ан.

Бесѣды о звѣряхъ. Профессора Андрея Николаевича **Бекетова.** Москва, 1899 г. Внесена въ каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія и для публичныхъ народныхъ чтеній. Стр. 62. Цѣна 12 коп.

„Бесѣды о звѣряхъ“ читаются легко и съ большимъ интересомъ и даютъ довольно ясное понятіе

какъ о классификаціи животнаго царства, такъ и объ отдѣльныхъ представителяхъ того или иного класса животныхъ. Что касается пригодности „Бесѣдъ“ для учениковъ низшихъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній, то онѣ могутъ быть доступны во всемъ своемъ объемѣ только для тѣхъ лицъ, которыя уже имѣютъ кое-какія свѣдѣнія по общей географіи, которыя знаютъ по крайней мѣрѣ, что такое островъ, полуостровъ, материкъ, западъ, сѣверо-западъ и т. п. слова и выраженія, въ „Бесѣдахъ“ встрѣчающіяся довольно часто. Поэтому лектору необходимо, при произнесеніи этой книжки въ народной аудиторіи, или выкинуть всѣ географическіе термины, какъ могущіе только помѣшать усвоенію читаемаго, или же ввести отдѣльную главу, въ которой и познакомить предварительно слушателей съ главными понятіями по элементарной географіи.

Содержаніе „Бесѣдъ“ таково: I. О раздѣленіи животныхъ. II. Китъ. III. О тюленяхъ, моржахъ и другихъ морскихъ звѣряхъ. IV. О жаркой странѣ Индіи. V. О хищныхъ звѣряхъ кошачьей породы. О тигрѣ. и VI. О львѣ. Языкъ книжки вообще хорошъ, только мѣстами попадаются рѣжущія слухъ выраженія въ родѣ: „примѣрно сказать“, „сперва-наперво“ и т. п. Рисунки недурны, но ихъ маловато. Цѣна 12 коп.—не высока.

Въ общемъ—книжка заслуживаетъ полнаго вниманія.

Н. Ск.

Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Для дѣтей младшаго возраста. Изданіе журнала *Игрушечка*. С.-Петербургъ. 1899 г. Ц. 60 коп.

Передъ нами одно изъ тѣхъ изданій, которыми ознаменовано было торжественное празднованіе столѣтія со дня рожденія великаго русскаго писателя-поэта. Вмѣстѣ съ другими отозвался на это празднованіе и журналъ *Игрушечка*, издаваемый для дѣтей младшаго возраста, подарившій своимъ маленькимъ читателямъ красиво изданный, въ форматѣ тетради, сборникъ стихотвореній и сказокъ Пушкина съ небольшою біографіей поэта, тепло и просто написанною г-жою С. Лаврентьевой. Имѣя въ виду возрастъ своихъ читателей, названная редакція журнала остановилась преимущественно на сказочныхъ и фантастическихъ произведеніяхъ Пушкина. Открывается книга прелестнымъ прологомъ изъ «Руслана», за которымъ слѣдуютъ цѣликомъ двѣ сказки: «О рыбакѣ и рыбкѣ» и «О мертвой царевнѣ». Въ числѣ отрывковъ изъ поэмъ, мы видимъ въ сборникѣ: «Сонъ Татьяны», стихотворенія—«Бѣсы», «Утопленникъ», «Вурдалакъ» и рядъ болѣе мелкихъ, какъ «Птичка», «Узникъ», «Зима», «Пчелка», «Весна» и т. д., всего до 20-ти стихотвореній. Напечатана книга крупнымъ шрифтомъ и украшена множествомъ иллюстрацій (особенно къ сказкамъ), весьма недурно исполненныхъ и хорошо передающихъ соотвѣтствующія мѣста текста. Въ началѣ книги помѣщены два портрета Пушкина: «Пушкинъ-мальчикъ» и копія съ гравюры Райта. Красивая цвѣтная обложка снабжена также картинкой, изображающей «ученаго кота». Въ

общемъ, изданіе производитъ пріятное впечатлѣніе и отвѣчаетъ законному запросу «младшаго возраста» на свою долю участія въ Пушкинскомъ юбилеѣ, если только, конечно, *родители ничего не имѣютъ* противъ сказочнаго и фантастическаго элемента, который, какъ это видно выше, преобладаетъ въ сборникѣ.

Въ заключеніе, не можемъ не упомянуть объ одномъ досадномъ недосмотрѣ, вкравшемся въ біографическій *очеркъ, предпосланный* сборнику. На стр. IV-й этого очерка говорится: «Родился онъ въ Москвѣ, *на Молчановкѣ, въ домѣ на Нѣмецкой улицѣ...*» и т. д. Улица Молчановка находится не менѣе, какъ въ двухъ часахъ ходьбы отъ Нѣмецкой улицы и отсюда ясна вся несообразность приведеннаго указанія о мѣстѣ рожденія поэта. Незнающій, вѣроятно, Москвы авторъ введенъ былъ въ заблужденіе тѣмъ, что въ однѣхъ біографіяхъ Пушкина мѣсто рожденія указано (и не вѣрно) на Молчановкѣ, а въ другихъ—на Нѣмецкой улицѣ. Какъ извѣстно, на одномъ изъ домовъ этой послѣдней улицы и прибита доска съ надписью, свидѣтельствующею о подлинномъ мѣстѣ рожденія Пушкина.

Ан.

Ольга Алларъ. „Та самая“. Разсказъ для дѣтей. М. 1898 года. Ц. 40 коп.

Содержаніе этого небольшого разсказа не выходитъ изъ тѣснаго круга интересовъ дѣвочекъ, играющихъ въ куклы, и, какъ мы могли убѣдиться на опытѣ, прочитывается такими дѣтьми съ интересомъ, хотя и построенъ на искусственной подтасовкѣ событій. Бѣдная дѣвочка, идя съ матерью по улицѣ, увидѣла въ морозный зимній день хорошенькую куклу на окнѣ магазина и возымѣла горячее желаніе ее купить. Мать-труженица, однако, *не могла исполнить ея желаніе, но* обѣщала дочкѣ скопить къ Рождеству необходимую для покупки куклы сумму денегъ. Не успѣли онѣ отойти отъ окна магазина, какъ кукла была куплена какой-то богатой дѣвочкой, подъѣхавшей къ магазину на своихъ лошадяхъ. Бѣдняжка была до слезъ огорчена этимъ обстоятельствомъ, а затѣмъ вскорѣ, простудившись, заболѣла. Позванный къ ней докторъ поставилъ ее на ноги и случайно узналъ объ ея горѣ относительно куклы. Потомъ оказалось, что эту куклу купила его дочь, которая, по совѣту отца, и подарила ее выздоровѣвшей своей новой пріятельницѣ. Разсказецъ написанъ тепло и имѣетъ цѣлью пробудить въ сердцахъ богатыхъ дѣвочекъ добрыя чувства по отношенію къ бѣднымъ товаркамъ.

Ан.

день, между тѣмъ какъ всѣ привитыя животныя до одного оставались здоровыми. Тому, кто не занимался научными изслѣдованіями, трудно понять, насколько торжество этой минуты вознаградило цѣлые годы трудолюбивой работы изслѣдователя истины. До какихъ размѣровъ оказалось возможнымъ воспользоваться этимъ предохранительнымъ способомъ, мы можемъ видѣть изъ слѣдующихъ цифръ, сообщенныхъ въ недавнее время Пастёромъ сэру Джозефу Листеру: изъ института Пастёра сдѣланы были прививки $2^1/_2$ милліонамъ овецъ, 320 тысячамъ штукъ рогатаго скота и 2861 лошади; въ то же время, въ 1888—9 году было послано въ Индію матеріала для прививки 1000 слонамъ.

Въ послѣдніе годы обращено было большое вниманіе на химическія вещества, производимыя этими болѣзнетворными организмами; многочисленнымъ изслѣдователямъ удалось вызвать многіе симптомы болѣзней впрыскиваніемъ продуктовъ этихъ организмовъ, откуда эти послѣдніе были тщательно удалены. Оказалось, что не только эти продукты, свободные отъ организмовъ, могли вызывать болѣзненные симптомы, но и животное, подвергавшееся опыту, нерѣдко предохранялось отъ самой болѣзни. Этотъ способъ предохраненія отъ заразы посредствомъ бактеріальныхъ ядовъ былъ какъ нельзя лучше выработанъ для сибирской язвы Ханкиномъ изъ Кембриджа. Этому ученому удалось выдѣлить изъ разводокъ сибирской язвы вещество, сходное во многихъ отношеніяхъ съ змѣинымъ ядомъ; онъ назвалъ его „токсальбумозомъ“ сибирской язвы. Вещество это, по его изслѣдованіямъ, оказалось настолько ядовитымъ, что, если впрыснуть кролику дозу, не превосходящую $^1/_{5000000}$ вѣса животнаго, оно умираетъ; если же ему впрыскиваютъ половину этого количества или $^1/_{10000000}$ вѣса его тѣла, животное не умираетъ, а, напротивъ, оказывается предохраненнымъ отъ сибирской язвы. Тщательно соразмѣряя дозу токсальбумоза, Ханкинъ въ настоящее время нашелъ возможнымъ предохранять отъ этой болѣзни бѣлыхъ мышей, особенно чувствительныхъ къ ней.

Самое простое объясненіе этихъ замѣчательныхъ результатовъ заключается, повидимому, въ томъ, что введеніе достаточнаго количества названнаго яда въ кровь животнаго пріучаетъ его къ дѣйствію этого послѣдняго и подготовляетъ животное переносить безнаказанно большія количества его, развивающіяся въ немъ, при

послѣдовательныхъ прививкахъ бациллъ сибирской язвы. Намъ всѣмъ извѣстно, что организмъ можетъ быть пріученъ практикой къ перенесенію значительныхъ дозъ сильныхъ ядовъ; такъ, привычный курильщикъ можетъ выдерживать, безъ всякаго неудобства, такія дозы никотина, ядовитаго начала табачнаго листа, которыя привели бы въ жалкое состояніе всякаго, не привыкшаго къ употребленію названной ароматической травы. Замѣчательное различіе между тѣмъ и другимъ явленіями заключается въ томъ, что въ случаѣ прививки сибирской язвы животное пріучается къ яду однимъ впрыскиваніемъ, тогда какъ безнаказанно переносить дѣйствіе табака мы научаемся только послѣ долгой практики. Первый случай походитъ на то, если бы человѣкъ, выкурившій первую папиросу, тотчасъ же получилъ бы возможность выкурить душистую сигару; это имѣло бы, конечно, такія послѣдствія, о которыхъ онъ помнилъ бы въ теченіе всей своей жизни.

Нѣчто подобное результатамъ Ханкина наблюдалось и ранѣе относительно змѣинаго яда: было найдено, что впрыскиваніемъ весьма малыхъ количествъ ядовитаго начала въ кровь голубей, эти послѣдніе пріобрѣтали способность выдерживать количество змѣинаго яда въ семь разъ бо́льшее того, какое могло быть смертельнымъ, и сохраняли эту способность даже черезъ три мѣсяца послѣ первоначальной прививки.

Изъ всѣхъ заразительныхъ болѣзней, вѣроятно, ни одна не внушаетъ такого ужаса, какъ водобоязнь или бѣшенство. Хотя болѣзнь эта, къ счастью, встрѣчается такъ рѣдко, что лишь немногимъ удавалось видѣть человѣческія существа, страдающія отъ нея, но, тѣмъ не менѣе, всѣ боятся ея, благодаря ея страшнымъ свойствамъ.

Безъ сомнѣнія, устрашающій характеръ этой болѣзни и безсиліе врачей по отношенію къ ней впервые заставили Пастёра, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, направить свой великій умъ къ изслѣдованію ея. Особыя трудности окружали изученіе этой болѣзни. Несмотря на самое тщательное и продолжительное вниманіе, съ какимъ изучали ее нѣкоторые изъ лучшихъ наблюдателей нашего времени, никому до сихъ поръ не удавалось открыть причину, вызывающую ее. Способъ, какимъ она передается, не позволяетъ, однако, усомниться, что причиною передачи долженъ быть орга-

ническій ядъ, болѣе или менѣе сходный съ тѣми ядами, какіе мы уже разсмотрѣли выше. Даже орлиный взоръ Пастёра не въ силахъ былъ открыть причины, вызывающія водобоязнь; тѣмъ не менѣе, работою воображенія, примѣнившагося къ научнымъ вопросамъ, и остроумными опытами, ему не только удалось напасть на методъ предохраненія отъ заразы водобоязнью, но и предотвратить приступы этой болѣзни посредствомъ лѣченія, примѣняемаго лишь послѣ совершившагося зараженія. Это замѣчательное открытіе, которое несомнѣнно можетъ считаться однимъ изъ величайшихъ успѣховъ научнаго вдохновенія и дедуктивной проницательности, превратило лабораторію Пастёра въ Парижѣ въ Мекку для пилигримовъ, приходившихъ съ востока и запада, съ сѣвера и юга, говорившихъ на всевозможныхъ языкахъ, одѣтыхъ и въ бѣдныя, и въ роскошныя одежды, но проникнутыхъ одной и той же гнетущей заботой вслѣдствіе укушенія бѣшеной собакой, кошкой, шакаломъ или какимъ-нибудь другимъ животнымъ. Таково, въ дѣйствительности, было зрѣлище, которое я видѣлъ самъ въ 1886 году., въ небольшомъ зданіи, наскоро приспособленномъ къ задачамъ Пастёра; впослѣдствіи оно было замѣнено величественнымъ институтомъ, созданнымъ соединенными усиліями благодарнаго общества и благоразумнаго республиканскаго правительства, чтобы предоставить болѣе широкое поприще руководящему генію Пастёра.

Мы попытаемся ознакомиться теперь съ главными чертами этого предохранительнаго лѣченія водобоязни, извѣстіе о которомъ разошлось по всѣмъ концамъ земли.

Исходной точкой опытовъ Пастёра надъ этой болѣзнью послужилъ ребенокъ, заболѣвшій ею послѣ укушенія бѣшеной собакой. Пастёръ взялъ небольшое количество слюны этого ребенка и впрыснулъ ее подъ кожу кролика. Кроликъ издохъ черезъ два дня; кровь его привита была другому кролику, котораго постигла та же участь чрезъ такое же время. Это быстрое теченіе болѣзни было слишкомъ необычнымъ для водобоязни; можно было даже сомнѣваться,—происходило ли оно именно отъ нея, а не отъ какой либо другой заразной формы.

Въ послѣдующихъ опытахъ Пастёръ неизмѣнно держался плана прививать частичку мозга зараженнаго животнаго къ мозгу здоро-

ваго; такимъ образомъ, перенесеніе болѣзни было болѣе обезпечено, и она имѣла характеръ болѣе однообразный, пока дѣло касалось животныхъ одного и того же вида. Пастёръ руководствовался опытностью, пріобрѣтенною въ работахъ его надъ сибирской язвой, при чемъ онъ наблюдалъ, что заразительность болѣзни измѣнялась при переходѣ отъ животнаго одного вида къ животнымъ другого вида. Когда прививаемое вещество переносилось отъ бѣшеной собаки къ кролику, оказывалось, что заразительность болѣзни значительно усиливалась, и смерть наступала гораздо быстрѣе послѣ прививки, чѣмъ при передачѣ той же болѣзни собакамъ. Съ другой стороны, Пастёръ нашелъ, что, дѣлая прививку яда, взятаго у собаки, обезьянамъ, заразительность болѣзни уменьшалась, а послѣ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ прививокъ отъ одной обезьяны къ другой,—болѣзнь теряла свои губительныя свойства. Такимъ образомъ, явилась возможность добыть ядъ различной силы—наибольшей отъ кролика, средней—отъ собаки и наименьшей—отъ обезьяны. Пастёръ попробовалъ теперь пріучить животное къ яду, прививая ему послѣдовательно ядъ все бóльшей и бóльшей силы; для этого взятъ былъ рядъ кроликовъ, которымъ прививался ядъ различныхъ степеней заразительности. Первому кролику привитъ былъ ослабленный ядъ отъ обезьяны; отъ этого кролика болѣзнь была перенесена къ другому, затѣмъ къ третьему и т. д. до конца ряда, при чемъ напряженіе яда возрастало по мѣрѣ перехода отъ одного кролика къ другому.

Эти яды возрастающей силы онъ попытался примѣнить къ предохраненію собакъ. Было взято двадцать собакъ, и каждой послѣдовательно прививался кроличій ядъ, начиная отъ самаго слабаго, съ постепеннымъ усиленіемъ при дальнѣйшихъ прививкахъ. Послѣ того, какъ всѣ собаки подверглись этой подготовкѣ, каждой былъ привитъ ядъ отъ бѣшеной собаки; въ результатѣ получилось, что три четверти числа взятыхъ собакъ могли сопротивляться зараженію; такой крайне удовлетворительный результатъ побудилъ Пастёра къ дальнѣйшему совершенствованію этого способа. Онъ нашелъ, что послѣдовательный рядъ болѣе и болѣе сильныхъ ядовъ водобоязни можно было получить проще, чѣмъ описано выше; онъ замѣтилъ, что спинной мозгъ кролика, умершаго отъ бѣшенства, въ сухой атмосферѣ съ каждымъ днемъ терялъ свою

заразительность, которая черезъ пятнадцать дней почти совсѣмъ исчезала. Такимъ путемъ можно было получать послѣдовательный рядъ ядовъ, изъ которыхъ самый сильный заключался въ спинномъ мозгу кролика, убитаго за день, а самый слабый—въ спинномъ мозгу того же животнаго, убитаго за пятнадцать дней передъ тѣмъ. Имѣя въ рукахъ послѣдовательный рядъ ядовъ, добываемыхъ такимъ простымъ способомъ, Пастёръ произвелъ дальнѣйшій опытъ надъ пятьюдесятью собаками. Каждая собака подвергалась подготовкѣ, продолжавшейся десять дней; въ теченіе этого періода она получала соотвѣтственное число послѣдовательныхъ прививокъ кроличьяго спинного мозга, начиная отъ наименѣе свѣжаго и наименѣе сильнаго и кончая самымъ свѣжимъ и сильнымъ ядомъ. Когда впослѣдствіи онѣ подверглись зараженію водобоязнью, всѣ онѣ оказались предохраненными отъ нея, и это предохранительное дѣйствіе оставалось въ силѣ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ.

Достигнувъ такихъ результатовъ въ своей лабораторіи, Пастёръ счелъ себя вправѣ примѣнить это лѣченіе и къ человѣческимъ существамъ. Раньше другихъ ему подвергнутъ былъ ребенокъ, укушенный 4-го іюля 1885 г.; съ тѣхъ поръ длинный рядъ паціентовъ подвергался этому лѣченію какъ въ Пастеровскомъ институтѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ были сдѣланы приспособленія для примѣненія къ страждущему человѣчеству плодовъ этого новѣйшаго результата научнаго изслѣдованія. Такія учрежденія созданы были въ Россіи, Венгріи, Италіи, Сициліи, Бразиліи, Мексикѣ, Турціи, Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатахъ и Румыніи. Въ настоящее время и Великобританія обладаетъ Институтомъ предохранительной медицины, но въ предыдущіе годы англичане должны были обращаться за помощью къ заграничнымъ учрежденіямъ этого рода.

Въ Пастёровскомъ институтѣ подверглось лѣченію слѣдующее число лицъ:

Года.	Число лицъ, находившихся на излѣченіи.	Число умершихъ.	Процентное отношеніе.
1886	2671	25	0,94
1887	1770	13	0,73
1888	1622	9	0,55
1889	1830	6	0,33
1890	1540	5	0,32

Смертность между лицами, укушенными бѣшеными собаками и не подвергавшимися лѣченію, можно принять 15—20 на 100.

Возможность излѣченія зависитъ, главнымъ образомъ, отъ двухъ обстоятельствъ. Первое изъ нихъ заключается во времени, протекшемъ между нанесеніемъ раны и началомъ лѣченія. Если паціентъ умираетъ въ теченіе пятнадцати дней послѣ окончанія прививокъ,—считается, что случай съ самаго начала былъ безнадежнымъ: онъ показываетъ, что болѣзнь начала уже развивать свою дѣятельность во время лѣченія; такіе случаи не заносятся въ статистику. Вторымъ обстоятельствомъ, обусловливающимъ возможность излѣченія, является важность и положеніе раны. Такъ, для паціентовъ, лѣчившихся въ 1890 г., смертность была для

укушеній въ голову	0,85	проц.
„ „ руки	0,45	„
„ „ конечности и туловища . .	00	„

Далѣе, укушенія бѣшеныхъ волковъ гораздо опаснѣе укушенія бѣшеныхъ собакъ, вслѣдствіе бо́льшей ядовитости первыхъ.

Въ слѣдующей таблицѣ я привожу новѣйшій методъ лѣченія, которому слѣдовали на Русской Военной станціи въ Тифлисѣ въ теченіе 1890 г. Паціентъ подвергался двумъ различнымъ родамъ прививокъ; первый рядъ занималъ девять дней, при чемъ съ каждымъ днемъ употреблялся все болѣе и болѣе сильный ядъ; во второмъ ряду, простиравшемся на десять слѣдующихъ дней, возвращались къ слабому яду, который затѣмъ усиливался со дня на день.

Первый рядъ						Второй рядъ.					
1	день	12	дневный	спин.	мозгъ.	10	дней	восьмидневн.	спин.	мозгъ.
1	„	10	„	„	„	10	„	7	„	„
1	„	8	„	„	„	11	„	6	„	„
2	„	6	„	„	„	11	„	5	„	„
2	„	5	„	„	„	12	„	5	„	„
2	„	4	„	„	„	12	„	4	„	„
3	„	4	„	„	„	13	„	4	„	„
3	„	3	„	„	„	13	„	3	„	„
3	„	2	„	„	„	14	„	3	„	„
4	„	2	„	„	„	14	„	2	„	„

Первый рядъ				Второй рядъ.			
4 день	1 дневн.	спин.	мозгъ.	15 дней	двухъ-дневн.	спин.	мозгъ.
5 „	1 „	„	„	16 „	1	„	„
6 „	5 „	„	„	17 „	5	„	„
7 „	4 „	„	„	17 „	4	„	„
7 „	3 „	„	„	18 „	3	„	„
8 „	2 „	„	„	18 „	2	„	„
8 „	1 „	„	„	19 „	1	„	„
9 „	1 „	„	„				

Ученые, естественно, старались систематизировать обширную массу накопленныхъ фактовъ относительно связи между тѣломъ животнаго и различными микроорганизмами, обладающими способностью жить насчетъ перваго и причиняющими ему такъ много вреда. Многочисленныя теоріи были предложены для объясненія, съ одной стороны, вреда, причиняемаго тѣлу этими организмами, а съ другой—способности этого послѣдняго отражать эти нападенія. Построеніе теоріи, согласующейся со всѣми наблюдаемыми фактами въ этой области, сопряжено съ величайшими затрудненіями; затрудненія эти до сихъ поръ еще не удалось преодолѣть, и мы все еще не обладаемъ такой гипотезой, которая давала бы удовлетворительное объясненіе *всѣхъ* явленій, указанныхъ выше.

Здѣсь, конечно, не мѣсто обсуждать аргументы *за* и *противъ* различныхъ теорій, предложенныхъ для объясненія этого предмета. Но я не могу не указать одной теоріи, отличающейся крайнимъ остроуміемъ и опирающейся на многочисленныя опытныя доказательства, систематизированныя авторомъ для поддержанія ея. При изученіи этихъ легко передающихся болѣзней, даже поверхностный наблюдатель замѣчаетъ, что между микроорганизмами этихъ болѣзней и тѣломъ животнаго происходитъ нѣчто вродѣ состязанія или войны. Въ однихъ случаяхъ микроорганизмы, а въ другихъ—тѣло животнаго одерживаетъ побѣду; иногда эта борьба продолжается долго, а иногда оканчивается скоро. Когда животное особенно чувствительно къ болѣзни, побѣда почти всегда остается за микробами; напротивъ, побѣдителемъ оказывается тѣло животнаго, когда оно не поддается болѣзни, или когда сопротивленіе его искусственно

поддерживается средствами того или другого метода предохранительнаго лѣченія, упомянутаго выше.

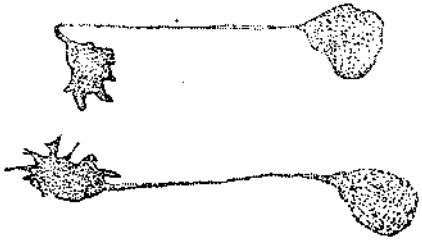


Рис. 31. — Обыкновенное или блѣдное, безцвѣтное тѣльце видно здѣсь послѣ своего раздѣленія на два комочка, связанные тонкой перемычкой. Нижняя фигура представляетъ позднѣйшую стадію движенія въ сравненіи съ первой. — *Атласъ гистологіи* Э. Клейна и Э. Нобль Смита.

Мечниковъ, знаменитый русскій бактеріологъ, предполагаетъ, что борьба эта производится къ выгодѣ тѣла животнаго нѣкоторыми маленькими живыми клѣточками или тѣльцами, находящимися въ крови и въ нѣкоторыхъ другихъ жидкостяхъ, омывающихъ ткани живаго тѣла. Клѣточки, на которыхъ лежитъ веденіе этой войны, заключаютъ въ своемъ числѣ обыкновенныя бѣлыя тѣльца и другія клѣточки, которыя всѣ носятъ коллективное названіе *лейкоцитовъ* (см. рис. 31). Эти лейкоциты обладаютъ собственной индивидуальностью и способностью независимаго передвиженія, которое они совершаютъ, такъ называемыми, амёбоидными движеніями.

Слѣдующій рисунокъ изображаетъ лейкоцита, совершающаго одно изъ этихъ замѣчательныхъ движеній.

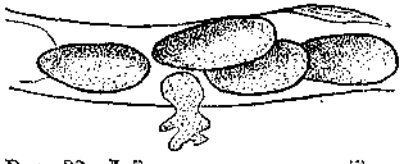


Рис. 32. Лейкоцитъ, начинающій прохожденіе черезъ стѣнку волоснаго сосуда (по Мечникову).

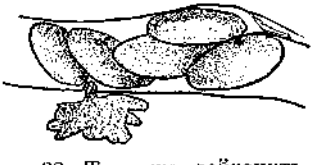


Рис. 33. Тотъ же лейкоцитъ въ позднѣйшей стадіи (по Мечникову).

Въ первомъ изъ этихъ рисунковъ лейкоцитъ неправильной формы представленъ начинающимъ прохожденіе черезъ стѣнку кровеноснаго сосуда, наполненнаго овальными кровяными тѣльцами. Второй рисунокъ представляетъ того же лейкоцита черезъ короткій промежутокъ времени, совершающаго амёбоидныя движенія, посредствомъ которыхъ эти тѣльца подвигаются впередъ.

Давно уже было извѣстно, что, когда впрыскивается въ кровь размельченное твердое вещество, эти твердыя частицы окружаются подобными лейкоцитами; если онѣ съѣдобны, лейкоциты поглощаютъ ихъ; въ противномъ случаѣ эти частицы выбрасываются, какъ видно на слѣдующемъ рисункѣ.

Лейкоциты, несомнѣнно, служатъ очистителями нашей крови, но, по мнѣнію Мечникова, они не только исполняютъ эти низшія обязанности, но одарены и воинственнымъ духомъ, который вызывается къ дѣятельности, когда тѣлу угрожаетъ натискъ ордъ бактерій. Какъ скоро эти враги животнаго тѣла проникнутъ въ него въ какой-нибудь точкѣ, лейкоциты, согласно Мечникову, собираются большими количествами и вступаютъ въ смертельную борьбу съ непріятелями. Въ этой борьбѣ лейкоциты пользуются своей величайшей прожорливостью и вбираютъ въ свои обширныя тѣла большія количества крошечныхъ враговъ, а послѣдніе, въ видѣ военныхъ снарядовъ, употребляютъ свои смертельные яды, которые, какъ мы видѣли, они могутъ вырабатывать чрезвычайно быстро и искусно.

Рис. 34. Лейкоциты, заключающіе частицы киновари. Нижній рис. представляетъ того же лейкоцита послѣ того, какъ онъ отчасти освободился отъ своего груза (по Клейну и Нобль Смиту).

Не слѣдуетъ предполагать, что эта картина — простой поэтическій полетъ воображенія русскаго изобрѣтательнаго ученаго; его теорія, напротивъ, основана на самыхъ тщательныхъ наблюденіяхъ и опытахъ, сдѣланныхъ имъ самимъ и другими учеными.

Вырабатывая свою теорію фагоцитозиса (такъ называется особый способъ дѣйствія нѣкоторыхъ клѣтокъ, находящихся въ тканяхъ и кровеносныхъ сосудахъ тѣла), Мечниковъ не ограничился изученіемъ способа дѣйствія ихъ у высшихъ позвоночныхъ, со включеніемъ человѣка, но прослѣдилъ то же самое до зачаточныхъ жизненныхъ формъ животнаго царства, начиная съ одно-клѣточныхъ организмовъ (protozoa), въ которыхъ нервная и сосудистая системы вовсе отсутствуютъ.

Начавъ съ простѣйшихъ и поднимаясь къ сложнѣйшимъ организмамъ, слѣдя за развитіемъ извѣстныхъ патологическихъ про-

цессовъ отъ ихъ начала до полнаго завершенія, Мечниковъ шелъ только путемъ, указываемымъ началомъ эволюціи, и съ замѣчательнымъ искусствомъ и остроуміемъ прослѣдилъ и отмѣтилъ сложный прогрессъ этихъ явленій отъ одного вида до другого. Говоря его словами *), „Нѣтъ необходимости представлять особыя доказательства для подтвержденія того, что болѣзни и патологическіе процессы совершаютъ извѣстный путь развитія, подобно человѣку и высшимъ животнымъ. У всѣхъ организмовъ, начиная съ самыхъ низшихъ, мы уже находимъ заразныя болѣзни, производимыя паразитами, принадлежащими къ различнымъ группамъ. Поэтому вполнѣ естественно предположить, что этотъ паразитизмъ производитъ опредѣленный рядъ нарушеній въ зараженномъ организмѣ и вызываетъ также явленія противодѣйствія со стороны этого послѣдняго“.

Хотя изъ всего сказаннаго выше, повидимому, можно заключить, что лейкоциты обладаютъ прожорливымъ аппетитомъ, такъ какъ они способны поглощать такую не существенную пищу, какъ частички киновари, но, на самомъ дѣлѣ, вкусы ихъ вовсе не такъ безразличны, какъ это можетъ казаться. Напротивъ, они одарены весьма разборчивымъ вкусомъ, и эта разборчивость не только позволяетъ имъ производить самый утонченный выборъ изъ всего, что они поглощаютъ, но и обусловливаетъ ихъ движеніе. Такъ, если брыжейку лягушки намочить растворомъ хинина, лейкоциты остаются спокойно внутри кровеносныхъ сосудовъ, несмотря на расширенное состояніе ихъ стѣнокъ, дозволяющее имъ вполнѣ удобно выходить оттуда. Сперва предполагали, что бездѣйствіе лейкоцитовъ обусловливается хининомъ, парализующимъ ихъ, тѣмъ болѣе, что этотъ послѣдній дѣйствуетъ разрушительно на протоплазму тканей. Однако, повтореніе этого опыта, подтвердивъ бездѣятельность лейкоцитовъ при указанныхъ обстоятельствахъ, помогло открытію замѣчательнаго факта: когда лейкоциты были удаляемы изъ кровеносныхъ сосудовъ, присущая имъ подвижность вовсе не оказывалась ослабленной, и амёбоидныя движенія ихъ оставались столь же характерными, какъ и всегда. Этимъ было доказано съ пол-

*) „Leçons sur la pathologie comparée de l'inflammation“ par. Elie Metchnicoff. Paris. 1892.

ною ясностью, что ихъ предшествовавшая неподвижность исходила отъ свободнаго рѣшенія не предпринимать ничего относительно частицъ хинина, и что это рѣшеніе произошло вслѣдствіе того или другого рода извѣщенія, достигшаго до нихъ, когда они были заключены въ стѣнкахъ кровеносныхъ сосудовъ. Эта способность видимой разборчивости и замѣтной индивидуальности дѣйствія, вслѣдствіе чего они устремляются къ однимъ веществамъ и уклоняются отъ другихъ, извѣстны въ настоящее время подъ именемъ химіотаксиса.

По отношенію къ микроорганизмамъ, химіотаксисъ выражается въ весьма замѣчательномъ видѣ. Нѣкоторыя разновидности микробовъ поглощаются лейкоцитами, а другія отвергаются ими, и отвергаются даже въ такихъ случаяхъ, когда уничтоженіе ихъ лейкоцитами имѣетъ величайшую жизненную важность для организма, въ которомъ живутъ эти послѣдніе. Этотъ, повидимому, необъяснимый образъ дѣйствія лейкоцитовъ приписывается химическимъ продуктамъ, вырабатываемымъ различными бактеріями въ тѣлѣ животнаго, куда онѣ вторглись, при чемъ вещества, производимыя нѣкоторыми изъ нихъ, привлекаютъ къ себѣ лейкоцитовъ, а вещества, производимыя другими, отталкиваютъ послѣднихъ.

Во многихъ болѣзняхъ, изъ числа самыхъ заразительныхъ и губительныхъ типовъ, какова, напр., куриная холера, лейкоциты совершенно остаются въ сторонѣ и отказываются имѣть какое бы то ни было дѣло съ микробами. Этимъ фактомъ объясняется, быть-можетъ, большая смертность, замѣчаемая между птицами, заболѣвающими куриной холерой; за отсутствіемъ у животнаго необходимыхъ силъ, чтобы справиться съ болѣзнью, человѣку приходится обращаться къ искусственнымъ средствамъ, способствуя животному вести успѣшную борьбу съ непрошенными гостями. Это отрицательное отношеніе лейкоцитовъ въ такихъ случаяхъ, когда дѣятельность ихъ могла бы имѣть первостепенную важность для заболѣвшаго животнаго, безъ сомнѣнія, доставило противникамъ Мечникова удобный случай для нападенія на его теорію лейкоцитовъ. Но остроумный русскій ученый не легко поддается такимъ нападкамъ: онъ и на этотъ разъ нашелъ себѣ защиту подъ покровомъ теоріи эволюціи. Онъ разсуждаетъ, что именно вслѣдствіе развитія силъ фагоцитовъ, соотвѣтственно законамъ естественнаго подбора,

а не въ силу послѣдованія ихъ какому бы то ни было предопредѣленному пути, мы встрѣчаемъ примѣры, когда, благодаря пріостановкѣ ихъ функціональной дѣятельности или выполненію ея въ ущербъ организму, не только благосостояніе этого послѣдняго находится въ большой опасности, но даже его часто постигаетъ и смерть. Все это происходитъ,—говоритъ Мечниковъ,—потому, что отправленія фагоцитовъ до сихъ поръ еще не совершенны, и развитіе ихъ все еще идетъ впередъ; именно эта постепенная эволюція ихъ силъ открываетъ возможность вмѣшательства человѣческаго искусства, съ цѣлью помочь организму исполнить то, чего онъ не въ силахъ сдѣлать самъ по себѣ.

Теорія фагоцитовъ имѣетъ такой интересъ и такую важность и открываетъ такое обширное поле для работы мысли и изслѣдованія, что мнѣ, вѣроятно, не поставлено будетъ въ вину ея подробное изложеніе, быть-можетъ, не соотвѣтствующее размѣрамъ этого небольшого сочиненія. Слѣдующіе рисунки могутъ показать способъ борьбы, происходящей, какъ предполагаютъ, между нѣкоторыми бактеріями и лейкоцитами.

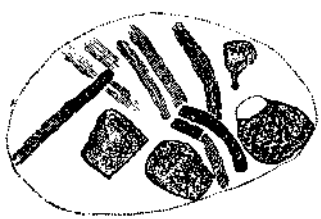


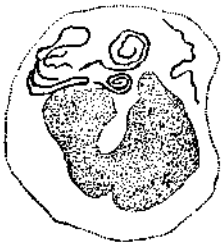
Рис. 35. Лейкоцитъ бѣлой крысы, захватившей бациллы сибирской язвы (по Мечникову).

На этомъ рисункѣ—большая овальная клѣтка или лейкоцитъ представленъ поглотившимъ нѣсколько палочкообразныхъ тѣлецъ бациллъ сибирской язвы, которыя подвергаются постепенному ослабленію и разрушенію; бациллы, обладающія еще жизненностью, имѣютъ нормальные размѣры и рѣзкія очертанія, а тѣ, которыя отчасти подверглись разложенію, вздуты и обозначаются лишь весьма не ясно.

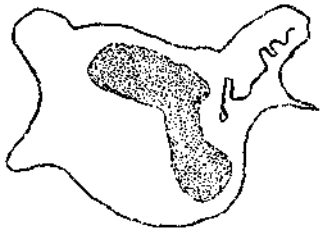
На рис. 36 большая, неправильная клѣтка или лейкоцитъ представленъ заключающимъ въ себѣ нѣсколько скрученныхъ спириллъ возвратной лихорадки, а на слѣдующемъ рисункѣ (фиг. 37) ослабленіе и разрушеніе одной изъ этихъ спириллъ выражено тѣмъ, что она развернута и отдѣлена отъ другихъ.

Въ этой борьбѣ между лейкоцитами и бактеріями, какъ ее понимаетъ Мечниковъ, если лейкоциты терпятъ пораженіе, животное

становится жертвою болѣзни, а если лейкоциты одерживаютъ побѣду и истребляютъ бактерій, животное выздоравливаетъ; болѣе или менѣе тяжкая болѣзнь зависитъ отъ силы борьбы между противниками. Кромѣ того, если лейкоциты имѣли успѣхъ въ такой



Фиг. 36. Лейкоцитъ обезьяны, поглотившій спириллу возвратной лихорадки (по Судакевичу).



Фиг. 37. Лейкоцитъ обезьяны, заключающій спириллу возвратной лихорадки, при чемъ видно разложеніе этой послѣдней (по Судакевичу).

борьбѣ съ какимъ-либо особымъ видомъ бактерій, это обезпечиваетъ для нихъ на будущее время побѣду надъ тѣмъ же видомъ съ бо́льшею легкостью; вслѣдствіе того приступъ инфекціонной болѣзни обыкновенно предохраняетъ, какъ мы видѣли, временно или постоянно, противъ новаго заболѣванія тою же болѣзнью. Точно такъ же, если бактеріи вводятся въ ослабленномъ состояніи, лейкоциты безъ труда справляются съ ними; благодаря опытности, пріобрѣтенной въ этой легкой борьбѣ, они часто могутъ съ успѣхомъ сопротивляться вторженіямъ и болѣе заразительныхъ формъ того же вида. Именно въ такомъ видѣ сторонники теоріи Мечникова объясняютъ явленіе невосприимчивости къ заразѣ, пріобрѣтаемой предохранительной прививкой. Дѣйствительно, опытъ показалъ, что если бактеріи защищены отъ нападенія лейкоцитовъ, онѣ могутъ обильно распложаться въ крови невосприимчиваго животнаго. Такъ, если споры ядовитой сибирской язвы заключить въ крошечный бумажный мѣшочекъ и въ такомъ видѣ ввести ихъ подъ кожу кролика, невосприимчиваго къ заразѣ сибирской язвы, споры воспроизводятся въ бумажной оболочкѣ и обильно размножаются тамъ; но каждая изъ бациллъ сибирской язвы, выступающая изъ оболочки, тотчасъ же попадаетъ во власть лейкоцитовъ и уничтожается.

Мы видѣли, что невоспріимчивость къ заразѣ обезпечивается также предохранительной прививкой не ослабленныхъ бактерій, а химическихъ продуктовъ, вырабатываемыхъ извѣстными бактеріями. Этотъ способъ пріобрѣтенія невоспріимчивости, какъ предполагаютъ, зависитъ отъ того, что лейкоциты привыкаютъ при этомъ къ извѣстнымъ бактеріальнымъ ядамъ въ малыхъ дозахъ и, такимъ образомъ, получаютъ возможность легче справляться съ производителями ядовъ, когда тѣ появляются сами въ тѣлѣ животнаго.

Весьма трудно, впрочемъ, согласить съ этой теоріей нѣкоторыя крайне замѣчательныя и интересныя наблюденія, недавно произведенныя Китозато. Китозато, изслѣдуя явленія, связанныя со столбнякомъ, нашелъ, что возможно достигнуть невоспріимчивости къ этой болѣзни, впрыскивая кроликамъ небольшое количество вещества, извѣстнаго подъ названіемъ треххлористаго іода. Это открытіе, замѣчательное само по себѣ, еще болѣе поразительно въ своихъ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ: впрыскивая лишь нѣсколько капель крови предохраненнаго такимъ образомъ кролика въ тѣло мыши, послѣдней сообщается такое же предохраненіе отъ столбняка. Далѣе, тотъ же ученый нашелъ, что мыши, пораженныя столбнякомъ, симптомы котораго уже обнаружились въ нѣкоторыхъ конечностяхъ, могутъ быть излѣчены впрыскиваніемъ крови кроликовъ, предохраненныхъ отъ столбняка треххлористымъ іодомъ.

Это замѣчательное дѣйствіе зависитъ, повидимому, отъ крайне развитой способности крови предохраненныхъ кроликовъ къ уничтоженію особаго яда, производимаго микроорганизмомъ столбняка. Эта разрушительная способность въ настоящее время самымъ убѣдительнымъ образомъ можетъ быть доказана и внѣ тѣла животнаго.

Китозато взялъ искусственную разводку бациллы столбняка, разраставшуюся въ теченіе десяти дней. Эту жидкую разводку онъ пропустилъ черезъ фильтръ, чтобы удалить бациллъ; освѣтленная жидкость, полученная такимъ образомъ, имѣетъ крайне ядовитыя свойства, такъ какъ ($^1/_{20\cdot000}$ куб. сант. или) $^1/_{1000}$ капли достаточно, чтобы убить мышь въ теченіе 4—6 дней. (1 куб. с. или) 20 капель этой ядовитой жидкости были смѣшаны съ 5 куб. с. кровяной сыворотки предохраненнаго кролика, и черезъ сутки количество этой смѣси (содержавшее количество въ 300 разъ бо́льшее смертельной дозы) было привито четыремъ мышамъ. Ни одна изъ

нихъ не заболѣла, чѣмъ ясно доказывается, что ядъ столбняка былъ разрушенъ соприкосновеніемъ въ теченіе сутокъ съ кровяной сывороткой кролика.

Эти результаты такъ поразительны, что почти не требуютъ разъясненія; очевидно, они открываютъ намъ возможность бороться съ болѣзнями при помощи совершенно новыхъ средствъ, и кто скажетъ, къ чему приведетъ въ будущемъ путь, открытый Китозато?

Юная наука бактереологія, дѣйствительно, исполнена неожиданностей и каждый годъ доставляетъ свидѣтельства своего удивительно быстраго роста, при чемъ каждый день приходится признавать огромную важность той услуги, какую она можетъ оказать человѣку.

Въ теченіе раиняго дѣтства и отрочества этой новой науки обыкновенно полагали, что назначеніе ея имѣетъ весьма мрачный характеръ, о которомъ лучше не говорить вовсе: публикѣ казалось, что она можетъ возвѣщать только о смерти и разрушеніи, таящихся тамъ, гдѣ прежде нельзя было предполагать никакой опасности. Многіе годы бактеріологи, повидимому, могли только возвѣщать объ открытіи новыхъ неуловимыхъ враговъ человѣчества, производящихъ настолько вредоносные яды, что рядомъ съ ними змѣиный ядъ и самые сильно-дѣйствующіе медикаменты казались, сравнительно, безвредными и даже невинными. Въ дѣйствительности, однако, эти смертельные враги и яды всегда существовали и совершали свою губительную работу во тьмѣ, пока не были обнаружены и отмѣчены людьми науки послѣ долгихъ лѣтъ трудолюбивыхъ изслѣдованій. Они возвѣщаютъ теперь міру, какимъ путемъ можно восторжествовать надъ этими врагами, и какъ этимъ старымъ, но лишь недавно открытымъ ядамъ можно противодѣйствовать и дѣлать ихъ безвредными съ помощью новыхъ противоядій.

VII.

Дѣйствіе свѣта на микроорганизмы.

Мы знаемъ теперь, что микроорганизмы, надѣленные такими обширными и разнообразными силами, тѣсно связаны съ жизненными процессами,—и животными, и растительными, и что они неразрывно соединены съ окружающей насъ средою. Поэтому естественно возникаетъ вопросъ: въ какихъ обстоятельствахъ задерживается ихъ

дѣятельность, или каковы условія борьбы за существованіе, съ которыми имъ приходится имѣть дѣло?

Очевидно, члены этой крошечной, но могущественной республики заключены въ извѣстныхъ предѣлахъ; иначе они являлись бы въ количествахъ, не поддающихся выраженію. Намъ извѣстно, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые микроорганизмы способны произвести новое потомство менѣе чѣмъ въ одинъ часъ; если мы дадимъ себѣ трудъ вычислить теоретически населеніе микробовъ, которое можетъ произойти при благопріятныхъ обстоятельствахъ въ теченіе 48 часовъ, мы получимъ слѣдующія замѣчательныя цифры:

Теоретическое размноженіе бактерій.

Часы	Число бактерій.
0.	1
1.	2
2.	4
3.	8
4.	16
5.	32
6.	64
12.	4,000
24.	16,000,000
48.	280,000,000,000,000.

Въ виду такого результата, насъ прежде всего нѣсколько ободряетъ ограниченное количество пищи, какимъ можетъ располагать столь многочисленное населеніе, хотя и состоящее изъ микробовъ. Безъ сомнѣнія, это—весьма важное обстоятельство, но къ нему надо прибавить и многія другія, каковы, напр., неблагопріятныя внѣшнія условія тепла или холода, сырости или сухости, несоотвѣтственной матеріальной среды и проч., и, наконецъ, дѣйствіе свѣта, которое мы ставимъ на послѣднемъ мѣстѣ не потому, что оно имѣетъ наименьшее значеніе.

Способность солнечнаго свѣта уничтожать микроорганизмы была открыта впервые лѣтъ около 20 тому назадъ; для англичанъ должно доставлять не мало удовлетворенія, что первый, самый важный шагъ къ обнаруженію очистительныхъ и дезинфицирующихъ свойствъ солнечнаго свѣта былъ сдѣланъ въ ихъ отечествѣ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАГО И ОБЩЕНАУЧНАГО САМООБРАЗОВАНІЯ ВОСПИТАТЕЛЕЙ И НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшенъ для учительскихъ библіотекъ и безплатныхъ народныхъ читаленъ.

1899 г.

Годъ изданія тридцать первый.

Книжка седьмая.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева, Петровка, д. Обидиной.
1899.

Дозволено цензурою. Москва, 20-го октября 1899 года.

МЕЧТЫ.

Матильды Серао.

I.

Нерѣдко вспоминаю я объ одной очень старой и очень грустной книгѣ Чарльза Диккенса, озаглавленной „Тяжелыя времена". Со страницъ этого забытаго романа вѣетъ такой острой и безотрадной грустью, отъ которой даже сама снисходительная и всепрощающая философія автора не находитъ утѣшенія, такъ что читателю при послѣдней страницѣ приходится низко, низко наклонить свою голову, потому что изъ глубины его души невольно поднимается масса таинственныхъ и горькихъ ощущеній.

Въ этомъ романѣ Диккенса разсказывается исторія одного отца, у котораго двое дѣтей: мальчикъ и дѣвочка; онъ ихъ очень любитъ, но, сообразно своимъ особымъ математическимъ расчетамъ, даетъ дѣтямъ воспитаніе, направленное исключительно на развитіе въ нихъ *положительныхъ* качествъ, такъ что всѣ фантастическіе и поэтическіе элементы совершенно изгнаны и уничтожены изъ души и сердца его дѣтей.

Онъ врагъ воображенія и считаетъ его не только вреднымъ, но *прямо-таки* ведущимъ къ сумасшествію. Вотъ что говоритъ этотъ Томасъ Грэдгриндъ на первыхъ страницахъ романа „Тяжелыя времена": „Я требую отъ воспитанія однихъ только фактовъ. Учите молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ однимъ фактамъ, только фактамъ. Фактъ—это все, что́ только требуется на землѣ. Не сѣйте въ душахъ дѣтей ничего другого и вырывайте съ корнемъ все, что́ не факты. Одними только фактами можно развить умъ животнаго, способнаго разсуждать, каковъ — человѣкъ: все остальное ему со-

всѣмъ не нужно". И такъ изъ его дѣтей образовываются на нѣкоторое время два совершенныхъ животныхъ, способныхъ разсуждать; глубочайшее безплодіе и сухость царятъ въ этихъ существахъ, изъ которыхъ съ самаго ранняго дѣтства были вырваны и уничтожены всѣ благородныя растенія съ ихъ цвѣтами и плодами. Томасъ Грэдгриндъ гордится своимъ дѣломъ. Его дочь Луиза и сынъ Томъ, если глядѣть на нихъ со стороны, представляютъ изъ себя двѣ прекрасно смазанныя машины, которыя безостановочно вертятся въ извѣстномъ направленіи и, казалось, должны бы такъ вертѣться до самой смерти. Но вдругъ машина останавливается, и глазамъ, сначала только удивленнаго, а наконецъ, прямо-таки убитаго горемъ отца представляется полная отчаянія, совершенно выбитая изъ обыкновенной колеи фигура дочери, такъ какъ, выйдя замужъ по расчету за богатаго калѣку, она влюбляется въ другого; поднимается и фигура сына, превратившагося въ развратника и лицемѣра, распространяющаго вокругъ себя позоръ и несчастіе. И эти два погибшихъ существа, плоть отъ его плоти, безсильно бьются среди горести, безчестія и отчаянія, и шлютъ проклятія тому, кто вырвалъ изъ ихъ сердецъ чувство добра, нѣжности, жалости, поэзіи, воображенія, энтузіазма, съ которыми только и возможно бороться съ жизнью, возможно послѣ паденія возрождаться къ надеждѣ; они клянутъ это воспитаніе, которое изсушило въ ихъ сердцахъ всѣ живительные источники поэзіи и надежды и бросило ихъ во власть всевозможнымъ соблазнамъ, не давъ имъ ни нравственнаго руководительства въ душѣ, ни поддержки чистой совѣсти.

Когда же Томасъ Грэдгриндъ, наконецъ, понялъ, что сдѣлалъ своимъ воспитаніемъ подлое и безчестное дѣло, убивъ въ своихъ дѣтяхъ ту нравственную силу, которая одна только могла бы поддерживать ихъ въ трудныя минуты жизни,—было ужъ слишкомъ поздно: напрасно отецъ, бывшій до сихъ поръ такимъ непреклоннымъ въ отношеніи себя, своихъ и всѣхъ окружающихъ, напрасно онъ теперь умиляется, раскаивается, теряетъ голову: зло непоправимо! Его несчастныя дѣти никогда ни найдутъ той тропинки, которая ведетъ къ спокойствію и любви: Луизѣ предстоитъ вѣчное вдовство безъ любви, безъ дѣтей, безъ радостей; Томъ долженъ уѣхать въ чужіе, отдаленные края, чтобы искупить тамъ свои жестокія ошибки и умереть вдали отъ родины, на больничной койкѣ чуждой ему страны.

А въ то время, какъ происходитъ эта двоякая ужасная трагедія двухъ несчастныхъ, искалѣченныхъ воспитаніемъ существъ, другіе люди, съ меньшими способностями, проще и чище душой, живутъ себѣ, правда, нерѣдко страдая, проливая горькія слезы, но находя всегда въ трудныя минуты жизни ютящуюся въ глубинѣ души, подчасъ еще безсознательную надежду и необходимую энергію, дающую возможность идти среди бури житейской, со взглядомъ, направленнымъ вглубь ясной души, горизонтъ которой омрачается не надолго.

Да и всѣ мы теперь развѣ хотя отчасти не тѣ же Томасы Грэдгринды? Къ сожалѣнію, приходится сознаться, что ни что такъ не возбуждаетъ нашего безпокойства и опасенія, какъ сильное воображеніе въ людяхъ. Если одинъ изъ нашихъ друзей выказываетъ сильную экзальтацію къ чему-нибудь, мы начинаемъ смотрѣть на него подозрительно и изъ любви къ нему не можемъ удержаться отъ безпокойства и сожалѣнія. Если близкая намъ дѣвушка высказываетъ чувство энтузіазма, если она легко воспламеняется геройскими поступками, жаждетъ подвига, стремится къ тому, что по нашему мнѣнію не по силамъ ей, мы стараемся урезонить ее, отговорить, приводимъ различные расхолаживающіе примѣры, словомъ, обрубаемъ ей крылья какимъ-нибудь холоднымъ разсужденіемъ и повторяемъ неоспоримую формулу, что дважды два четыре. Мы выказываемъ больше нѣжности и заботливости, именно, къ тому изъ нашихъ сыновей, который проявляетъ болѣе фантазіи и воображенія въ своихъ школьныхъ сочиненіяхъ и письмахъ; мы начинаемъ уже безпокоиться объ его будущности, какъ бы предвидя, что онъ носитъ въ себѣ угрожающую, непрестанную опасность. Болѣе безпокоитъ насъ своимъ характеромъ та изъ дочерей, въ головкѣ которой тѣснится болѣе поэтическихъ образовъ и фантазій, и родители ея стараются скорѣе выдать ее замужъ, чтобы свалить на другія руки заботу о дѣвушкѣ съ ея страшной болѣзнью, называемой воображеніемъ. Что обыкновенно говоримъ мы людямъ, одержимымъ, по нашему, подобнымъ недостаткомъ? Одни говорятъ: будемъ серьезны; другіе: будемъ практичны; третьи: разсудимъ!—Да, всего больше кричатъ: разсудимъ!—Никогда еще чистый, холодный разсудокъ не находилъ себѣ столькихъ поклонниковъ, обожателей, почитателей. Величайшая похвала, которую теперь можно сдѣлать мужчинѣ,—это, увы,—объявить его полнымъ здраваго смысла; величайшая похвала, которую можно сдѣлать женщинѣ,—это то-

же провозгласить ея здравый смыслъ. Правда, мы еще не осмѣливаемся открыто бороться съ воображеніемъ, подобно Грэдгринду англійскаго романиста: мы никогда не осмѣлимся совершенно уничтожить въ нашихъ друзьяхъ или дѣтяхъ, словомъ, въ близкихъ намъ существахъ, тѣ чистые, не поддающіеся разсудку, порывы къ фантазіи, поэзіи,— эти лучшія украшенія жизни; но мы не можемъ удержаться и, хотя мысленно, не трепетать за нихъ. Мы хотѣли бы, чтобы совершилось какое-нибудь чудо, которое очерствило бы отчасти ихъ слишкомъ чувствительныя сердца, затуманило бы слишкомъ яркія краски ихъ фантазіи, и пустило бы ихъ въ жизнь сильными, разсудительными, закаленными противъ всякихъ случайностей, правда—безъ душевныхъ радостей, но за то и безъ страданій. Мы страшно боимся жизни и для насъ самихъ, и для тѣхъ, кого любимъ!

II.

Никогда еще жизнь не возбуждала въ насъ такого страха, такихъ тревогъ, волненій, какъ теперь; никогда, никогда еще тяжесть существованія не подавляла насъ такъ, и никогда не находили мы его такимъ грустнымъ, тяжелымъ, даже ненужнымъ. Процессъ жизни чувствующей, сознательной, дѣйствующей представляется намъ вѣчной задачей, требующей своего рѣшенія.

И каждый вечеръ сознаніе, что мы прожили лишнихъ 24 часа, даетъ намъ своего рода облегченіе. Тогда какъ каждое утро, пробужденіе, возбуждаетъ въ насъ чувство страха, какъ будто бы мы считаемъ себя безсильными прожить еще этотъ новый день.

Каждый нашъ новый шагъ пугаетъ насъ; каждая неожиданность въ обычной жизни чуть не убиваетъ насъ. Мы придаемъ слишкомъ много значенія своимъ дѣйствіямъ, слишкомъ много выясненію каждой мысли, и одинаково раскаиваемся, какъ въ своемъ бездѣйствіи, такъ и въ своей дѣятельности.

Сколько тысячъ поколѣній людей находили до насъ, при всевозможныхъ обстоятельствахъ, легкимъ и гладкимъ тотъ путь, который намъ почему-то кажется загроможденнымъ препятствіями, совсѣмъ непреодолимыми. Самые обыкновенные поступки, исполняемые до насъ такими же, какъ и мы, существами изъ плоти и крови, просто даже какъ бы машинально, изъ вѣка въ вѣкъ, кажутся намъ теперь та-

кими трудными и неразрѣшимыми. Выборъ ли карьеры, любовь, продолжительное путешествіе, новое предпріятіе, женитьба, внезапное измѣненіе обстоятельствъ, мыслей, привычекъ повергаютъ насъ въ самыя горькія сомнѣнія, лишаютъ душевнаго равновѣсія и часто ведутъ къ нравственному отупѣнію, дѣлающему насъ неспособными разрѣшить самыя обыкновенные вопросы жизни. Развѣ есть теперь беззаботные люди,—теперь, когда всѣ изобрѣтенія науки, всѣ политическіе законы, всѣ произведенія искусства направлены лишь къ тому, чтобы сглаживать намъ трудность существованія? Съ каждымъ лишнимъ днемъ жизнь наша представляется намъ все болѣе Гордіевымъ узломъ, распутать который у насъ нѣтъ умѣнія, а разрубить нѣтъ храбрости! Жизнь встаетъ передъ нами или въ видѣ непреодолимыхъ крутыхъ горъ, подняться на которыя мѣшаютъ намъ наши неразвитыя легкія и слабыя ноги, или въ видѣ безлюдныхъ пустынь, которыя мы обречены проходить подъ раскаленными лучами солнца, или безводной Сахарой безъ малѣйшихъ оазисовъ, въ то время какъ горло давно уже пересохло отъ жажды, или же переѣздомъ по бурному океану въ то время, какъ парусъ сорванъ съ мачты и лодка уже безъ руля. Но какъ могло это все случиться? Какъ могли мы вдругъ забыть науку жизни, почему искусство жить стало намъ вдругъ непонятнымъ? Кто отнялъ у насъ эту науку и это искусство? Кто уменьшилъ и размельчилъ наши силы, кто погасилъ въ насъ лучъ энергіи? Чья рука сорвала завѣсу, скрывающую отъ насъ правду и сдѣлала насъ робкими, боязливыми, часто презрѣнными? Кто, кто такъ возвеличилъ предъ нами могущество жизни и такъ умалилъ личность человѣка?

Все это сдѣлалъ холодный разсудокъ. Въ насъ теперь говоритъ только голосъ разсудка, который слишкомъ часто, холодно и безпощадно, напоминаетъ о себѣ, непрестанно шепча о неспособности къ борьбѣ съ ужасающими полчищами жизненныхъ невзгодъ. Холодный разсудокъ заставляетъ васъ углубляться въ самихъ себя, измѣрять, взвѣшивать, расчитывать; и вы ощущаете всю призрачность вашей силы, вы вспоминаете неизбѣжную слабость наслѣдственности вашего рода, вялость крови и нервовъ, тѣ ужасныя условія, въ которыя вы поставлены природой. Роковое паденіе воли передъ непобѣдимыми инстинктами, тѣсная клѣтка, въ которой нравственно бьется человѣкъ и которую разсудокъ, холодный разсудокъ, представляетъ вамъ цѣпью,

которую каторжникъ долженъ влачить до самой своей смерти. Холодный разсудокъ шепчетъ вамъ на ухо свои леденящія рѣчи и показываетъ вамъ жизнь безъ покрывала, безъ ореола—въ своей голой, неприглядной правдѣ; и вы начинаете видѣть, какъ лживы были обязанности, лживы клятвы любви, обманчивы всѣ людскіе тріумфы; вы видите, что слишкомъ кратки и эгоистичны радости молодости, слишкомъ горьки опыты зрѣлости и печальны воспоминанія старости. Ахъ, онъ говоритъ, говоритъ столько ужаснаго этотъ неумолимый разсудокъ, и хотя онъ вамъ и показываетъ путь къ добродѣтели, но ставитъ на пути къ ней столько колючихъ терній, столько горькихъ разочарованій, столько неисчислимыхъ лишеній, что въ концѣ концовъ вы начинаете видѣть въ жизни одно только скучное, безпросвѣтное, безъ луча поэзіи и привлекательности, а все же вамъ надо влачить эту жизнь до конца безъ тѣни утѣшенія или награды.

Правда, разсудокъ учитъ васъ тому, что есть долгъ; но онъ представляетъ вамъ этотъ долгъ во всей его строгости, во всей его жестокости и горечи, такимъ некрасивымъ, неприбраннымъ, залугивающимъ, что человѣкъ въ ужасѣ закрываетъ глаза, чтобы не видѣть, и тогда смертельная слабость, безволіе поражаютъ его. Весь соціальный строй жизни со всѣми ея странностями, слабостями, несовершенствами, разсудокъ развертываетъ передъ вами, какъ клубокъ нитокъ, и вы видите всѣ роковыя паденія, всѣ неизбѣжныя несправедливости, всѣ подлости, и ощущаете смертельный ужасъ человѣка, стоящаго передъ какой-то чудовищной машиной, которая должна уничтожить его. Вотъ что дѣлаетъ разсудокъ! Это его цѣль! Онъ говоритъ вамъ одну истину, и ему нѣтъ дѣла, если эта истина будетъ причиной вашихъ страданій, вашей гибели!

III.

Подъ чистымъ блестящимъ лучемъ полной луны, проникнувшимъ сквозь большія старыя деревья въ лѣсъ, въ тиши котораго заснули пташки, тысячи ночныхъ насѣкомыхъ нѣжно шуршатъ и стрекочутъ въ травѣ. На чудной полянкѣ, покрытой травой и цвѣтами, спитъ царица фей, бѣлокурая Титанія. Вся бѣлая, нѣжная, почти про-

зрачная въ своемъ серебристомъ платьѣ, она спитъ, и ея чудные голубые глаза закрыты прозрачными вѣками. Лежитъ бѣлокурая Титанія на цвѣтахъ, вся залитая луннымъ свѣтомъ, окружающимъ блестящимъ ореоломъ ея чистое личико и прекрасную фигуру. Лѣсъ испускаетъ вздохи и распространяетъ ароматъ; это мѣсто находится недалеко отъ Аѳинъ.

Оберонъ, мужъ Титаніи, мужъ нѣжный, но вспыльчивый, разсердившись на нее за то, что она отказала ему въ его желаніи, рѣшилъ подвергнуть ее оригинальному наказанію. Во время сна Титаніи онъ налилъ въ ея закрытыя вѣки таинственной жидкости волшебнаго эликсира, подъ вліяніемъ котораго Титанія должна безумно полюбить первое существо, на которое она взглянетъ при пробужденіи, полюбить, не разбирая, будетъ ли это существо красиво или уродливо, элегантно или грубо, умно или глупо. Въ силу этого вліянія удивительнаго эликсира первое существо, которое покажется проснувшейся бѣлокурой Титаніи, будетъ ей казаться одареннымъ не человѣческой красотой; каждое его самое обыкновенное движеніе будетъ для нея полно картинной прелести, каждое самое простое слово будетъ звучать прелестной музыкой. И вотъ бѣлокурая Титанія просыпается, но ей еще кажется, что она грезитъ: передъ ея затуманенными очами предстаетъ Ботомъ, башмачникъ, грубое животное,—заблудившееся въ лѣсу, гдѣ онъ со своими товарищами, аѳинскими кузнецами, репетировалъ комедію, такъ какъ этотъ бѣдный бродячій людъ, не довольствуясь скуднымъ заработкомъ молотка и наковальни, ухитрялся также давать представленія по деревнямъ на шаткихъ деревянныхъ подмосткахъ, зарабатывая такимъ образомъ нѣсколько лишнихъ сольдовъ. Среди этихъ случайныхъ актеровъ Ботомъ былъ едва ли не самымъ глупымъ: безобразный, неуклюжій, съ большими ослиными ушами, онъ казался еще глупѣе при видѣ бѣлокурой Титаніи, этой нѣжной, воздушной, влюбленной въ него царицы фей. Волшебство Оберона начинаетъ дѣйствовать, и чудное, воздушное созданіе, которое танцуетъ по ночамъ на лѣсныхъ полянкахъ, окруженное своими нимфами,—созданіе, которое питается росой, выпиваемой изъ чашечекъ цвѣтовъ, обнимаетъ теперь Ботома,—это неуклюжее животное, говоритъ ему страстныя рѣчи и нѣжно ласкаетъ его ослиныя уши. Волшебный эликсиръ совсѣмъ преобразилъ безобразнаго Ботома! Онъ надѣлилъ его всѣмъ, чего ему недоставало: его пошлость, идіотство,

безобразіе превратились въ глазахъ Титаніи подъ вліяніемъ волшебнаго элексира въ грацію, красоту, обаяніе; и весь лѣсъ со всѣми своими цвѣтами, ароматами, таинственными лѣсными голосами, поклоняется тому, кто сдѣлался господиномъ ихъ царицы, и всѣ нимфы и блуждающіе огоньки и сама Титанія, скользя по лѣсу легкой тѣнью, поклоняются тому, котораго волшебство сдѣлало прекраснымъ, какъ божество!

Хотѣлъ ли божественный Шекспиръ въ своемъ знаменитомъ «Снѣ въ лѣтнюю ночь», подъ видомъ грубаго плебея, превращеннаго волшебнымъ элексиромъ чуть не въ божество, изобразить символъ любви и человѣчности—трудно рѣшить. Я думаю, что онъ хотѣлъ всего этого и все выразилъ, все преобразилъ, все воплотилъ; пройдутъ еще сотни и сотни лѣтъ, тысячи читателей и тысячи зрителей будутъ находить въ немъ все новое, все великое, глубокое, поразительное, находить то, о чемъ до него никто не думалъ, и чего никто не воображалъ. Вѣроятнѣе всего, что онъ хотѣлъ символизировать чудесное ослѣпленіе женщины передъ любимымъ существомъ. Мы нашими смертными глазами видимъ въ Титаніи только жизнь сердца, въ Ботомѣ же—самую жизнь, а въ волшебномъ элексирѣ, способномъ все превращать—безграничную силу воображенія. Жизнь груба, прозаична, скучна, но достаточно смочить глаза тѣмъ таинственнымъ элексиромъ, имя которому фантазія, чтобы жизнь совершенно измѣнила свой видъ, чтобы она показалась намъ не такой, какъ она есть, а какой мы ее хотѣли бы видѣть—привлекательной, соблазнительной, заманчивой. Жизнь тяжела, груба, жестока,—но если тотъ, который живетъ ею, таитъ въ себѣ таинственный элексиръ Оберона,—все въ немъ поразительно измѣнится къ лучшему, и презрѣнный Ботомъ снова влюбитъ въ себя прелестное созданіе. Могущественная сила превращенія дѣйствуетъ въ насъ такъ чудесно, что окружающая насъ жизнь дѣлается такой, какой представляетъ ее наша фантазія, и изъ нея исчезаетъ все грубое и низкое. Наша фантазія дѣлается въ насъ творцомъ, обладающимъ такой божественной силой созданья, что изъ простого комка грязи способна создать чудную статую, памятникъ человѣка, городъ, цѣлый міръ! Фантазія—это врачевательница всѣхъ нашихъ бѣдъ, она въ насъ и внѣ насъ, она не только измѣняетъ лица любимыхъ нами, она не только измѣняетъ наружный видъ людей и предметовъ, но преображаетъ умъ и душу, измѣняетъ ходъ со-

бытій и покоряетъ саму судьбу. Какой мужчина согласился бы жить, если бъ его воображеніе не передѣлывало и не скрашивало вокругъ него прозу жизни; какая женщина согласилась бы жить, если бъ ея воображеніе не прятало отъ нея все, что̀ есть грубаго и непригляднаго въ жизни, и не наполняло бы ея сердце радостной, увлекательной мечтой. О, какъ божественна сила фантазіи!..

Ею одной живетъ бѣдный труженикъ, проводящій всю жизнь въ непосильной работѣ и страданіяхъ, которыя окончатся только съ его смертью. Силой воображенія онъ создаетъ себѣ изъ вѣчнаго труда, вѣчныхъ лишеній долгъ, въ которомъ видитъ благородную жертву. Ей одной мелкій чиновникъ въ состояніи тянуть свою тяжелую лямку за скудное вознагражденіе и видѣть по временамъ проблески счастья въ семьѣ, въ дѣтяхъ, надѣясь, что они оцѣнятъ и благословятъ доброту и трудолюбіе отца. Ею одной женщина, несчастная въ своемъ замужествѣ, находитъ силу переносить жизнь, которую здравый смыслъ нашелъ бы давно нелѣпою и ненужною, а воображеніе окрашиваетъ ее поэтическими красками и превращаетъ въ долгъ чести и вѣрности, и даетъ силу влачить жизнь, не сбиваясь съ дороги, хотя и безъ взаимности, но все же нравственно утѣшенной. Ею одной человѣкъ, тщетно стремящійся достигнуть завѣтной цѣли, переноситъ свои разочарованія, продолжаетъ бороться съ препятствіями. Ею одной дѣвушка, полюбившая безъ взаимности, видя, что у нея отнята лучшая доля женщины, т.-е. счастье взаимной любви, старается забыть собственное горе, посвящая себя добрымъ дѣламъ и такимъ образомъ заполняетъ сердечную пустоту. Ею одной, этой могущественной силой фантазіи, живутъ всѣ несчастные, не видящіе ни откуда ни физической, ни нравственной поддержки, а вѣдь ихъ цѣлый сонмъ этихъ несчастныхъ, и все же они живутъ, и часто фантазія уноситъ ихъ такъ далеко отъ обыденныхъ страданій, что и они бываютъ счастливы: вѣроятно, во время ихъ сна благодѣтельный Оберонъ вливаетъ имъ на глаза свой таинственный элексиръ, и душа, упоенная сладкими грезами, забываетъ на время всѣ печали жизни и находитъ въ себѣ силы для борьбы и даже для побѣды. Развѣ можно было бы выносить жизнь, если бы не было фантазіи, жизнь, въ которой всюду царитъ порокъ и глупость, гдѣ бушуютъ самыя отвратительныя страсти, гдѣ безвѣріе, измѣна, обманъ поражаютъ самыхъ достойныхъ людей,—выносить жизнь, полную паденій и заблужденій!

Кто безъ помощи фантазіи могъ бы выносить презрѣніе сильныхъ міра, равнодушіе праздной толпы, неблагодарность друзей? Кто безъ помощи фантазіи могъ бы перенести потерю всякой надежды и даже всякихъ желаній? Кто безъ фантазіи могъ бы вѣчно страдать, вѣчно жертвовать собой, жить этой жертвой и даже умереть отъ нея?

IV.

Счастливы и достойны зависти тѣ люди, у которыхъ сны полны дивныхъ фантазій. Такими одинаково могутъ быть: люди пылкіе и застѣнчивые, характеры съ сильными страстями и замкнутые, и молчаливые; всѣ поэтическія натуры, неспособныя выразить свое умственное богатство; всѣ слабые, не обладающіе внутреннимъ огнемъ, который поддерживалъ бы ихъ; люди простые, умѣренные, страдающіе отъ равнодушія другихъ къ своему горю и радости; сердца, въ которыхъ родится фантазія изъ любви, меланхоліи, грусти, затаенныхъ непролитыхъ слезъ,—фантазія, которая увлекаетъ и уноситъ ихъ въ иной міръ. Всѣ эти люди, умѣющіе читать въ сердцахъ другихъ, всѣ они носятъ на своемъ челѣ божественную печать, данную имъ Богомъ. Не нужно вовсе, чтобы эта благороднѣйшая способность фантазировать была понятна и объяснима; чтобы обладать ею не нужно необыкновеннаго ума, геройскаго сердца или какихъ-либо выдающихся качествъ: нѣтъ, для того, чтобы фантазировать въ жизни и фантазируя умереть, не нужно быть ни великимъ человѣкомъ, ни знаменитымъ артистомъ, ни всемірно извѣстнымъ ученымъ, нѣтъ! Мать, одиноко качающая свое дитя, усыпивъ его, наклоняется надъ нимъ, благословляетъ его и любуется имъ долго, долго, не замѣчая времени; она въ своей мечтѣ видитъ уже его гордостью и счастьемъ своей жизни, видитъ его большимъ, сильнымъ, красивымъ, добрымъ, смѣлымъ, любящимъ, любимымъ, уважаемымъ, прославляемымъ.

Крестьянина, остановившагося на минуту посмотрѣть на свое поле, которое онъ въ потѣ лица засѣялъ хорошими сѣменами, уноситъ воображеніе къ будущему, когда нива ему возвратитъ ихъ въ изобиліи. Корабельщикъ, вбивающій гвозди въ крѣпкія доски корабля, который современемъ будетъ плавать по далекимъ морямъ, ощущаетъ въ своей душѣ горделивую силу, создавшую понемногу, день за день, грандіозное судно, и вотъ онъ плачетъ отъ радости и счастія,

видя, какъ корабль медленно уходитъ въ дальнее плаваніе. Сотни, тысячи другихъ—въ домахъ, въ лачужкахъ, во дворцахъ, въ горахъ и долинахъ, въ многолюдныхъ городахъ и скромной провинціи, въ затерянныхъ деревушкахъ и всюду, всегда грезятъ съ открытыми глазами о большомъ или маломъ, о славѣ или только о кускѣ хлѣба, грезятъ о любви или мести, грезятъ о безконечномъ добрѣ, самопожертвованіи, милосердіи. Каждый встрѣчный, идущій мимо, несетъ въ себѣ фантазіи, которыя часто закрываютъ отъ него грустную дѣйствительность. Вѣдная женщина, поднимающая тяжелую завѣсу у церковной двери, и набожно преклоняющаяся предъ алтаремъ Мадонны, трепещетъ отъ любви или раскаянія. Блестящій джентльменъ, изящно раскланивающійся съ дамой и принимающій видъ галантности и безпечности, полонъ, можетъ быть, ревности и мести. Покрытая брилліантами дама появляется на празднествахъ и, повидимому, наслаждается тріумфомъ своей красоты, быть можетъ, въ душѣ своей таитъ мечты объ уединеніи и тишинѣ, для нея, увы! недоступныхъ. Веселый и побѣдоносный банкиръ, съ улыбкой и добродушіемъ пожимая вамъ руку, таитъ подчасъ въ душѣ мысль о самоубійствѣ, такъ какъ въ наше ужасное время нельзя жить спокойно, нельзя богатѣть безнаказанно,—всѣ, всѣ и гибнутъ, и разоряются. Дѣвушка, слыша разсказы о богатой, великолѣпной свадьбѣ, молчитъ и потупляетъ глаза, а сама мечтаетъ о томъ алтарѣ, предъ которымъ будетъ стоять въ бѣлоснѣжной одеждѣ невѣсты, и наклоняется все ниже и ниже, какъ бы желая разглядѣть въ воображеніи своего таинственнаго жениха. Женщина, прочитавъ въ романѣ или на страницахъ журнала описаніе бушующихъ страстей, опускаетъ книгу на колѣни и мечтаетъ о томъ, будетъ ли дано ей когда либо испытать подобное: жить и умереть отъ любви.

Какъ могущественна сила воображенія у того, кто умѣетъ воображать! Довольно открыть ящикъ давно запертаго комода или бюро и взглянуть на адресъ пожелтѣвшаго конверта, чтобы передъ вами воскресли, прямо какъ живые, глаза любившаго человѣка или матери, взглядъ которой всегда полонъ любви; достаточно взглянуть на увядшій букетикъ полевыхъ цвѣтовъ, чтобы вообразить себѣ тишину и прелесть полей, луговъ подъ звѣзднымъ небомъ въ лѣтнюю ночь; довольно пахнуть на васъ извѣстными духами, чтобы вамъ вспомнилось грустное блѣдное лицо давно исчезнувшаго съ этого свѣта дорогого

существа, волосы котораго издавали этотъ самый ароматъ; довольно услышать свистъ машины, чтобы вообразить себѣ сцену бѣгства, бѣгства невѣдомо куда и когда, въ страну, существующую развѣ только въ воображеніи; довольно одной грустной и отчаянной строчки стиховъ поэта, чтобы создать цѣлую картину горя и отчаянія. Какъ могуча сила воображенія! Въ воображеніи мы часто видимъ никогда невиданныхъ личностей съ необыкновенными фигурами, лицами, которыхъ невозможно увидѣть въ дѣйствительности; слышимъ голоса, слова, музыку, которыхъ не существуетъ; испытываемъ волненія, сладострастія, наслажденія такія, какихъ нашъ организмъ не въ силахъ былъ бы вынести; испытываемъ величайшее счастье и величайшее горе, выше всѣхъ возможныхъ на землѣ: внезапныя богатства, побѣды, славу, которой никогда не достигнемъ; живемъ совсѣмъ особой жизнью, переживаемъ въ воображеніи тысячи жизней со всевозможными страданіями, радостями, волненіями, ведущими къ апогею всякаго ощущенія, всякаго чувства. Какъ счастливы тѣ, которые умѣютъ такъ мечтать. Мечта протягиваетъ между мечтателемъ и жизнью своего рода завѣсу, какъ бы облако, и счастливецъ довѣрчиво идетъ впередъ подъ покровительствомъ этой невещественной въ дѣйствительности защиты, отуманенный своей чудной мечтой, утопая въ окружающемъ его бѣломъ облакѣ, въ глуши уединенія, счастливецъ можетъ вполнѣ отдаться своему безконечному дорогому видѣнію, можетъ, подобно миѳологической Іессіонѣ, изнывать отъ любви, отъ горя, отъ страсти, и ничто изъ окружающаго его дѣйствительнаго міра не въ силахъ оторвать его отъ блаженной мечты!

Какъ надо завидовать тѣмъ, у которыхъ мечта, подобно магниту, становится притягательной и дѣйствующей. Часто, конечно, толпа положительныхъ людей осыпаетъ этихъ мечтателей насмѣшками и презрѣніемъ; но въ душѣ положительные люди завидуютъ этой силѣ, способной двигать горы. Часто жизнь и смерть этихъ мечтателей возбуждаютъ крикъ раскаянія и восторга иногда у тѣхъ самыхъ, которые осмѣивали ихъ.

Что послѣ этого за дѣло такимъ мечтателямъ до насмѣшекъ, издѣвательствъ, глупаго недовѣрія? Тѣ, которымъ дана эта высочайшая степень ума и чувства, и которые носятъ въ себѣ божественную тайну этой завидной способности, какъ бы защищены блестящимъ волшебнымъ щитомъ, подобнымъ тому, о который разбился мечъ Тельрамонда, минуя грудь Лоэнгрина.

Ежегодно сотни хрупкихъ женщинъ, подверженныхъ всѣмъ слабостямъ своего пола, идутъ въ монахини, разсыпаются по школамъ, больницамъ, полямъ сраженія, миссіямъ въ дальнія не гостепріимныя дикія страны и, упоенныя мечтой вѣры и милосердія, онѣ бьются, изнуренныя болѣзнями, непосильнымъ трудомъ, гибельнымъ климатомъ, развратными мужчинами, и гдѣ пали десять—двадцать, туда идутъ цѣлыя сотни; никогда не укорачивается эта цѣпь благородныхъ мечтательницъ, напротивъ, все болѣе и болѣе удлиняется. Ежегодно сотни молодыхъ людей, мужей зрѣлыхъ, старцевъ запираются въ ученыхъ кабинетахъ, стараясь проникнуть въ тайны природы и жизни, и блѣднѣютъ и чахнутъ надъ микроскопомъ, теряютъ зрѣніе, здоровье единственно для того, чтобы внести свою крупинку въ поиски истины. Часто цѣлая, никому невѣдомая жизнь тратится на эти поиски, хотя нерѣдко труды ихъ оказываются или запоздалыми, или безплодными; а часто борьба бываетъ такъ трудна, такъ непосильна, что прямо-таки убиваетъ ихъ въ самомъ разгарѣ ихъ научныхъ мечтаній. Но туда, гдѣ уже столько погибло, стремятся все новые и новые носители безсмертныхъ мечтаній, новые неустрашимые, непоколебимые борцы за истину до тѣхъ поръ, пока въ одинъ славный день мечта столькихъ работниковъ и мучениковъ за идею найдетъ, наконецъ, своего исполнителя, и все человѣчество можетъ съ гордостью убѣдиться, что оно еще одинъ лишній разъ побѣдило и страданія, и самую смерть. Каждый годъ въ сотняхъ умовъ раждается мечта объ открытіи новыхъ земель, гдѣ еще до нихъ не ступала нога цивилизованнаго человѣка, величественная мечта о сѣверѣ, среди вѣчныхъ льдовъ и ослѣпительныхъ полярныхъ снѣговъ, гдѣ дни безъ солнца слѣдуютъ за безцвѣтными зорями, гаснущими въ сѣверныхъ таинственныхъ ночахъ. А мечта объ Африкѣ, этомъ крестномъ пути юга, на которую устремлено столько пытливыхъ глазъ и которую мечтатели считаютъ путеводной звѣздой, ведущей королей по пути къ Соріи, эти двѣ необъятныя глубокія мечты, увлекательныя и призрачныя, отнимающія у богатства, у роскоши, родины и семьи сердце и душу божественныхъ мечтателей.

Ничего, что они страдаютъ отъ безсонницы, голода, болѣзней среди льдовъ, заставляющихъ скрипѣть плѣненный корабль. Ничего, что десятокъ-другой погибнетъ на крайнемъ сѣверѣ этой печальной страны безмолвія и вѣчныхъ льдовъ. Найдутся другія, увлеченныя своей

мечтой, жертвы, которыя не устрашатся ради нея ни страданій, ни гибели. Ничего, что земли Африки покрываются ежегодно благородными трупами солдатъ, моряковъ, ученыхъ, писателей, знатныхъ людей и искателей приключеній. Ничего, что каждый день узнаемъ мы о новой трагической жертвѣ мечты. Найдутся все новыя личности изъ Франціи, Германіи, Англіи и даже изъ самой выродившейся и огрубѣвшей Италіи, которыя безстрашно пойдутъ по стопамъ погибшихъ, такъ какъ божественная мечта какъ будто питается и возрождается вновь изъ крови и смерти самихъ жертвъ. Правда, что повсюду бѣднѣйшіе классы возстаютъ противъ сильныхъ міра сего и ропщутъ; но за то повсюду, гдѣ только есть женщины съ горячимъ сердцемъ и мужчины съ теплой душой, организуются общества милосердія, и нравственное бѣдствіе, физическое страданіе находятъ руку, подающую ему помощь и ласку. Невыносимыя страданія витаютъ въ мірѣ. Но мечта милосердія, которая сближаетъ женщинъ всѣхъ странъ и положеній обладаетъ такимъ горячимъ, всеоживляющимъ дыханіемъ, что онѣ однѣ, эти робкія, слабыя женщины, скромныя труженицы и обладательницы высшей духовной силы, всѣ эти славныя мечтательницы хранятъ въ сердцахъ тайну, разрѣшающую людскія страданія.

Смертное изголовье, на которое опускаетъ свою усталую голову человѣкъ, проживній жизнь до самой послѣдней минуты съ мечтой вѣры, добра, славы, величія, будетъ для умирающаго мирно и спокойно. Монахиня, погибающая, зараженная тифомъ, миссіонеръ, гибнущій отъ стрѣлы дикаря, ученый, заразившійся микробами при изслѣдованіи ихъ, изобрѣтатель, раздавленный собственной машиной, путешественникъ, замерзающій на палубѣ затертаго льдами судна, изслѣдователь новыхъ земель, убитый лихорадкой или примитивнымъ орудіемъ дикаря, дама, умирающая отъ зараженія болѣзнью, полученной во время исполненія дѣлъ милосердія,—всѣ они умираютъ въ блаженномъ ослѣпленіи, полные своей благородной мечтой, и отдаютъ жизнь свою безъ сожалѣнія, съ полной покорностью судьбѣ, съ ясной душой, сознавая, что жили для великаго, благороднаго дѣла. Много, много погибшихъ такъ мечтателей!

V.

Если не всѣ могутъ достигнуть такого дѣйствія своихъ мечтаній, зато всѣ въ состояніи окружить себя и своихъ близкихъ поэзіею мечты.

Въ узкой рамкѣ обыденной жизни, при самой мизерной обстановкѣ, въ мимолетномъ проблескѣ любви, вѣры, скрытаго милосердія, люди могутъ создать себѣ чудную мечту, которая поможетъ имъ жить, страдать, научитъ ихъ счастью и тихо доведетъ до послѣдней пристани. Сдѣлаемъ изъ нашей жизни мечту, какова бы она ни была,—блестящая или скромная, тихая или шумная,—мечта наша будетъ, во что́ бы то ни стало, жизненна и непобѣдима, и тогда всякая бѣда, всякое несчастіе покажется намъ легкимъ и искупающимъ.

Будемъ мечтать о добрѣ до самой смерти; будемъ мечтать о любви до послѣдней минуты жизни; будемъ мечтать до послѣдняго вздоха о счастьи не для насъ самихъ, а для тѣхъ, кого мы любимъ!

Съ итальянскаго **Е. Быковская.**

Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу.

Гр. Алексѣй Константиновичъ Толстой.

(Род. 24 *авг.* 1817 г. † 28 *сент.* 1875 г.).

Писатель, самъ опредѣлившій характеръ своего творчества, назвавъ себя «пѣвцомъ, державшимъ стягъ во имя *красоты*», въ неблагопріятную для сторонниковъ чистаго искусства эпоху 60-хъ годовъ, обращавшійся къ собратьямъ по направленію съ увѣщаніемъ: «дружно гребите во имя *прекраснаго* противъ теченія»,—долженъ быть оцѣниваемъ, прежде всего, съ этой чисто эстетической точки зрѣнія, потому что привходящіе въ его литературную дѣятельность общественные мотивы были, очевидно, для художника явленіемъ побочнымъ, второстепеннымъ, хотя и ихъ несправедливо было бы обойти молчаніемъ въ общей оцѣнкѣ писателя.

Въ качествѣ матеріала для занятій съ дѣтьми, эти тенденціозныя стихотворенія А. Толстого («Потокъ-богатырь» и т. п.), разумѣется, непригодны, какъ по сравнительной слабости въ художественномъ отношеніи, такъ и по непонятности для читателей этого возраста и сомнительности вообще самой тенденціи.

Итакъ, на первомъ мѣстѣ должны быть разсмотрѣны здѣсь стихотворенія, *выражающія только непосредственно-художническое чувство* поэта, вызванное тѣмъ или другимъ явленіемъ жизни. Но и въ предѣлахъ этой группы стихотвореній выборъ долженъ быть строго ограниченъ необходимостью исключить все, что или отличается безыдейностью, или является выраженіемъ лишь узко-личнаго чувства автора.

Легко доступными по идеѣ и важными въ воспитательномъ отношеніи, въ смыслѣ яркой художественности образовъ, должны счи-

таться поэтическія описанія природы и ея дѣйствія на душу человѣка.

Таково, напр., стихотвореніе «*Звонче жаворонка пѣнье, ярче вешніе цвѣты*», все проникнутое чувствомъ молодого восторга, вызваннаго красотой и блескомъ воскресшей природы. Картина весенняго пробужденія жизни смѣняется лирическимъ мотивомъ радости и ликованія, выраженныхъ у поэта въ формѣ смѣлаго, но мѣткаго по своей образности сравненія въ послѣдней строфѣ. Удачно обрисовано полное созвучіе душевнаго настроенія поэта съ перемѣною во внѣшней природѣ, когда

Сердце полно вдохновенья,
Небо полно красоты.
Разорвавъ тоски оковы,
Цѣпи пошлыя разбивъ,
Набѣгаетъ жизни новой
Торжествующій приливъ.
И звучитъ свѣжо и юно
Новыхъ силъ могучій строй,
Какъ натянутыя струны
Между небомъ и землей.

Близко подходитъ къ этому стихотворенію по настроенію и сюжету другое, посвященное тоже описанію весны,—«*Вотъ ужъ снѣгъ послѣдній въ полѣ таетъ*»... Двѣ послѣднія строфы этого стихотворенія, выражающія смутную тоску человѣческой души по надземной родинѣ, для дѣтскаго чтенія лучше опустить, ограничась прелестной картинкой весенняго ликованія юной жизни—въ двухъ первыхъ строфахъ:

Вотъ ужъ снѣгъ послѣдній въ полѣ таетъ,
Теплый паръ восходитъ отъ земли,
И кувшинчикъ синій расцвѣтаетъ,
И зовутъ другъ друга журавли.
Юный лѣсъ, въ зеленый дымъ одѣтый,
Первыхъ грозъ нетерпѣливо ждетъ;
Все весны дыханіемъ согрѣто,
Все кругомъ и любитъ, и поетъ...

Кромѣ приведенныхъ двухъ картинокъ весенней жизни, можно отмѣтить еще осенній ландшафтъ съ грустными силуэтами полуобнаженныхъ деревьевъ, съ которыхъ вихремъ осыпаются желтые листья, и гармонирующими съ унылымъ видомъ природы невольно-тоскливыми думами самого поэта:

Осень! Обсыпается весь нашъ бѣдный садъ,
Листья пожелтѣлые по-вѣтру летятъ,
Лишь вдали красуются тамъ, на днѣ долинъ,
Кисти ярко-красныя вянущихъ рябинъ.

Весело и горестно сердцу моему,
Молча, твои рученьки грѣю я и жму;
Въ очи тебѣ глядючи, молча, слезы лью,
Не умѣю высказать, какъ тебя люблю!

Рядомъ съ этимъ стихотвореніемъ можетъ быть поставлено другое, съ яркой пластичностью рисующее картину «мирной осени», тихаго увяданія природы,—это одно изъ «послѣднихъ стихотвореній»—«*Прозрачныхъ облаковъ спокойное движенье*» (до словъ: «Невольно я слѣжу за ними взоромъ думнымъ»...):

Прозрачныхъ облаковъ спокойное движенье,
Какъ дымкой солнечный перенимая свѣтъ,
То блѣднымъ золотомъ, то мягкой синей тѣнью
Окрашиваетъ даль. Намъ тихій свой привѣтъ
Шлетъ осень мирная. Ни рѣзкихъ очертаній,
Ни яркихъ красокъ нѣтъ. Землей пережита
Пора роскошныхъ силъ и мощныхъ трепетаній;
Стремленья улеглись; иная красота
Смѣнила прежнюю; ликующаго лѣта
Лучами сильными ужъ болѣ не согрѣта,
Природа вся полна послѣдней теплоты;
Еще вдоль влажныхъ межъ красуются цвѣты,
А на пустыхъ поляхъ засохшія былины
Опутываетъ сѣть дрожащей паутины;
Кружася медленно въ безвѣтріи лѣсномъ,
На землю желтый листъ спадаетъ за листомъ...

Конецъ стихотворенія (думы художника, представителя «чистаго искусства» о значеніи своей дѣятельности) мало связанъ съ представленной въ начальныхъ стихахъ прекрасной поэтической картиной, и потому въ дѣтскомъ чтеніи можетъ быть опущенъ безъ ущерба для цѣлаго пьесы.

Это стихотвореніе, имѣющее цѣлью изобразить своеобразную прелесть увядающей красоты въ природѣ, можетъ быть сопоставлено по основной идеѣ съ извѣстнымъ пушкинскимъ стихотвореніемъ «*Октябрь ужъ наступилъ*» и т. д., а также съ пьесами Тютчева «*Осенній вечеръ*» («Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ...) и Н. П. Грекова «*Приметы осени*» («Мелькаетъ желтый листъ на зелени деревъ»).

Другую группу стихотвореній этого рода представляютъ уже не просто поражающіе художественное чувство ландшафты, а изображе-

ніе стихійнаго очарованія, непонятной часто силы природы надъ человѣческой душой.

Такъ, очарованіе, которое овладѣваетъ человѣкомъ при видѣ спокойнаго, гладкаго зеркала неподвижно дремлющей водной стихіи,—служитъ сюжетомъ небольшого стихотворенія «*Не пѣнится море, не плещетъ волна*», немногими словами рисующаго въ первой строфѣ картину нѣмого затишья на морскомъ побережьѣ:

Не пѣнится море, не блещетъ волна,
Деревья листами не двинутъ;
На глади прозрачной царитъ тишина,
Какъ въ зеркалѣ міръ опрокинутъ.
Снижу я на камнѣ,—висятъ облака
Недвижныя въ синемъ просторѣ;
Душа безмятежна, душа глубока,—
Сродни ей спокойное море!

Вотъ другое стихотвореніе, тоже поэтически рисующее заманчивыя чары зеркальной водной глади. Въ томительной тишинѣ знойнаго лѣтняго дня, подъ звенящій напѣвъ кружащихся надъ водою стрекозъ, предательски манитъ къ себѣ засмотрѣвшагося въ воду ребенка глубь омута:

Гдѣ гнутся надъ омутомъ лозы,
Гдѣ лѣтнее солнце печетъ,
Летаютъ и пляшутъ стрекозы,
Веселый ведутъ хороводъ.
«Дитя, подойди къ намъ поближе;
«Тебя мы научимъ летать!
«Дитя, подойди, подойди же
«Пока не проснулася мать!

«Подъ нами трепещутъ былинки,
«Намъ такъ хорошо и тепло,
«У насъ бирюзовыя спинки,
«А крылышки—точно стекло.
«Мы пѣсенокъ знаемъ такъ много,
«Мы такъ тебя любимъ давно...
«Смотри, какой берегъ отлогій,
«Какое песочное дно!»

Къ группѣ стихотвореній, посвященныхъ природѣ, ея жизни и ея отношенію къ человѣческому чувству, относится и небольшое стихотвореніе «*Острою сѣкирой ранена береза*»,—яркая по своей образности поэтическая антитеза между поправимостью вреда, нанесеннаго острымъ орудіемъ корѣ дерева, и неизлѣчимостью сердечныхъ ранъ несчастнаго человѣка:

Острою сѣкирой ранена береза,
По корѣ сребристой покатились слезы.
Ты не плачь, береза, бѣдная, не сѣтуй,
Рана не смертельна, вылѣчится къ лѣту,
Будешь красоваться, листьями убрáна,—
Лишь больное сердце не залѣчитъ раны.

Цѣлый рядъ стихотворныхъ очерковъ, составляющихъ особую группу, посвященъ у А. Толстого описанію роскошной природы Крыма (*«Крымскіе очерки»*). Изъ этихъ стихотвореній для чтенія дѣтямъ могутъ быть отобраны очерки: 1-ый (рѣзкое различіе природы по ту и по другую сторону хребта), 2-ой (изображеніе знойнаго полдня въ горахъ), 6-ой (видъ горъ ночью; до словъ: «Душѣ легко» и т. д.) и 13-ый (картина дремучаго лѣса). Взятые вмѣстѣ, эти очерки могутъ дать нѣкоторое образное представленіе о характерѣ мѣстности, ея природныхъ особенностяхъ и художественныхъ красотахъ.

Предлагая дѣтямъ для чтенія эти отрывки, было бы очень умѣстно напомнить имъ для сравненія и два великолѣпныхъ описанія природы Крыма у Пушкина: стих. «Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы оживлены дубравы и луга...» и эпилогъ изъ «Бахчисарайскаго фонтана», отъ словъ «Волшебный край, очей отрада...»—до конца.

Вотъ избранные отрывки изъ *«Крымскихъ очерковъ»* А. Толстого:

1.

Надъ неприступной крутизною
Повисъ туманный небосклонъ;
Тамъ горъ зубчатою стѣною
Отъ юга сѣверъ отдѣленъ.
Тамъ ночь и снѣгъ; тамъ, врагъ веселья,
Сѣдой зимы сердитый богъ
Играетъ вьюгой и мятелью,
Ярясь, уста примкнулъ къ ущелью
И воетъ въ ихъ гранитный рогъ.
Но здѣсь благоухаютъ розы,
Безсильно вихремъ снѣговымъ
Сюда онъ шлетъ свои угрозы,
Цвѣтущій берегъ невреднмъ.
Надъ нимъ весна младая вѣетъ,
И лавръ, Діаною хранимъ,
Въ лучахъ полудня зеленѣетъ
Надъ моремъ вѣчно голубымъ.

2.

Клонитъ къ лѣни полдень жгучій,
Замеръ въ листьяхъ каждый звукъ,
Въ розѣ пышной и пахучей,
Нѣжась, спитъ блестящій жукъ;
А изъ камней вытекая,
Однозвученъ и гремучъ,
Говоритъ, неумолкая,
И поетъ нагорный ключъ...

6.

Туманъ встаетъ на днѣ стремнинъ,
Среди полуночной прохлады,
Сильнѣе пахнетъ дикій тминъ,
Гремятъ слышнѣе водопады.
Какъ ослѣпительна луна,
Какъ горъ очерчены вершины!
Въ серебристомъ сумракѣ видна
Внизу Байдарская долина.
Надъ нами свѣтятъ небеса,
Чернѣетъ бездна передъ нами,
Дрожитъ блестящая роса
На листьяхъ крупными слезами...

13.

Смотри, все ближе, съ двухъ сторонъ
Насъ обнимаетъ лѣсъ дремучій.
Глубокимъ мракомъ полонъ онъ,
Какъ-будто набѣжали тучи,
Иль межъ деревьевъ вѣковыхъ
Насъ ночь безвременно застигла;
Лишь солнце сыплетъ черезъ нихъ
Мѣстами огненныя иглы.
Зубчатый кленъ, и гладкій букъ,
И твердый грабъ, и дубъ корнистый,
Вторятъ подковъ желѣзный звукъ
Средь гама птичьяго и свиста;
И ходитъ трепетная смѣсь
Полутѣней въ прохладѣ мглистой,
И чуетъ грудь, какъ воздухъ весь
Пропитанъ сыростью душистой.
Вотъ тамъ украдкой слабый лучъ
Скользитъ по линѣ, мхомъ одѣтой,
И дятла стукъ, и близко гдѣ-то
Журчитъ въ травѣ незримый ключъ...

Попытку изобразить природу и бытъ Малороссіи представляетъ извѣстное подражаніе А. Толстого Гетевскому «Kennst du das Land»— «*Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышитъ*»... Стихотвореніе это пользуется популярностью, но, если исключить областныя указанія, стихотвореніе вовсе не отражаетъ въ себѣ колорита мѣстности, того «запаха, цвѣта земли», какъ выражался Гоголь, которые служатъ признакомъ всякаго сильнаго, не шаблоннаго и не стереотипнаго произведенія. Если исключить изъ этой пьески имена Грицко, Маруси и т. д., то ничего спеціально малороссійскаго въ ней не останется: общая характеристика мѣстности одинаково приложима и къ Крыму, и къ Италіи и т. п. Поэтому, если нельзя особенно возставать противъ этой не совсѣмъ удачной варіаціи на пѣсню Миньоны, то и рекомендаціи въ педагогическомъ отношеніи она не заслуживаетъ.

Второй значительный отдѣлъ стихотвореній А. Толстого занимаютъ произведенія, въ которыхъ авторъ стремится проникнуть въ духъ народной поэзіи, стихотворенія въ народномъ духѣ. На ряду съ пьесами дѣланными и натянутыми среди нихъ есть однако нѣсколько и такихъ, въ которыхъ это подражаніе пѣсенному складу и народно-поэтическому взгляду на жизнь вполнѣ удалось автору.

Что, дѣйствительно, искреннее сочувствіе народному быту не чуждо было А. Толстому, видно какъ изъ общаго характера извѣстной части его лирики, такъ и изъ его собственнаго признанія въ стихотворномъ обращеніи къ И. С. Аксакову:

Повѣрь, и мнѣ мила природа
И быть родного намъ народа;
Его стремленья я дѣлю,
И все земное я люблю,
Всѣ ежедневныя картины,
Поля и села, и равнины,
И шумъ колеблемыхъ лѣсовъ,
И звонъ косы въ лугу росистомъ,
И пляску съ топаньемъ и свистомъ
Подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ;
Въ степи чумацкіе ночлеги,
И рѣкъ безбережный разливъ,
И скрипъ кочующей телѣги,
И видъ волнующихся нивъ...

Въ народномъ духѣ, въ стилѣ народныхъ пѣсенъ, у А. Толстого много стихотвореній. Не всѣ они въ одинаковой степени проникнуты своеобразнымъ колоритомъ пѣсеннаго творчества, но въ нѣкоторыхъ подражаніе формамъ народной лирики соединяется съ удачнымъ усвоеніемъ мотивовъ и содержанія народныхъ произведеній поэтическаго слова. Таково, напримѣръ, построенное на излюбленномъ народнымъ творчествомъ пріемѣ «сравненія» и параллельнаго сопоставленія сравнительныхъ деталей, стихотвореніе:

Ужъ, ты, нива моя, нивушка,
Не скосить тебя съ маху единаго,
Не связать тебя всю во единый снопъ!
Ужъ вы, думы мои, думушки,
Не стряхнуть васъ разомъ съ плечъ долой,
Одной рѣчью-то васъ не высказать!
Выростало горе горючее.
По тебѣ-ль, нива, вѣтеръ разгуливалъ,
Гнулъ колосья твои до̀ земли,
Зрѣлы зерна всѣ разметывалъ!
Широко вы, думы, поразсыпались,
Куда пала какая думушка,
Тамъ всходила люта печаль—трава,

Образы, которыми изобилуетъ эта пьеса, цѣликомъ заимствованы изъ произведеній народной лирики («печаль-трава», сравненіе горя съ выходящею изъ земли травою и т. д.).

Въ такомъ же родѣ и слѣдующая коротенькая поэтическая антитеза, тоже выраженная въ формѣ народно-пѣсеннаго отрывка:

Грядой клубится бѣлою
Надъ озеромъ туманъ;
Тоскою добрый молодецъ
И горемъ обуянъ.
Не до̀-вѣку бѣлѣется
Туманная гряда,
Разсѣется, развѣется,
А горе, никогда!

Однимъ изъ самыхъ важныхъ отдѣловъ нашей народной лирики, пѣсенъ, рисующихъ семейный бытъ и родовыя отношенія, являются пѣсни о положеніи женщины въ крестьянской семьѣ, о горькой женской долѣ. И этимъ мотивомъ воспользовался Толстой въ своихъ подражаніяхъ народной поэзіи; подражаніе оказалось очень удачнымъ, создавъ стихотвореніе, полное драматизма и мѣткихъ поэтическихъ

образовъ-сравненій, строго выдержанныхъ въ духѣ грустныхъ по своему характеру народныхъ пѣсенъ этого рода:

Ты почто, злая кручинушка,
Не въ конецъ извела меня, бѣдную,
Разорвала лишь душу на-двое?
Не сойтися утру съ вечеромъ,
Не ужиться двумъ добрымъ молодцамъ;
Изъ-за меня они ссорятся,
А и оба меня корятъ, бранятъ;
Ужъ какъ станетъ меня братъ корить:
— Ты почто пошла за боярина?
Напросилась въ родню неровную,
Отщепенница, переметчица,
Отъ своей родни отступница?
— Государь ты мой, милый братецъ мой,
Я въ родню къ нимъ не напрашивалась,
И ты самъ меня уговаривалъ,
Снаряжалъ меня, выдавалъ меня!
Ужъ какъ станетъ меня мужъ корить:
— Изъ какого ты роду—племени?
Еще много ли за тобой приданаго?
Еще чѣмъ меня опоила ты,
Приговорница, приворотница,
Меня съ нашими разлучница?
— Государь ты мой, господинъ ты мой,
Я тебя не приворачивала,
И ты взялъ меня вольной волею,
А приданаго за мной не много есть,
И всего-то сердце покорное,
Голова тебѣ, сударь, поклонная!
Перекинулся хмель черезъ рѣченьку,
Съ одного дуба на другой на дубъ,
И качаетъ межъ обоими,
Надъ быстрой водой зеленѣючи,
Злой кручинушки не знаючи,
Оба дерева обнимаючи.

До сихъ поръ мы все указывали на переработку въ стихотвореніяхъ Толстого грустныхъ, элегическихъ мотивовъ народной поэзіи; что ему не чужда была и другая сторона народнаго творчества—свѣжій юморъ—доказываютъ такія его подражанія, какъ всѣмъ извѣстное «*Спесь*» и др.

Переходя къ эпическимъ стихотвореніямъ А. Толстого, представляющимъ или переработки народно-эпическихъ сказаній, или по

самому стилю носящихъ печать народности, мы должны предварительно отмѣтить стоящее нѣсколько особнякомъ въ группѣ этихъ «историческихъ» стихотвореній небольшое стихотвореніе «*Курганъ*», навѣянное вещественными остатками сѣдой доисторической старины. Необходимый при чтеніи этого стихотворенія историко-бытовой комментарій можетъ дать параллельное чтеніе пушкинской «Пѣсни о Вѣщемъ Олегѣ», указывающей обряды и обстановку языческаго погребенія и тризны. Вотъ стихотвореніе Толстого:

Въ степи, на равнинѣ открытой,
Курганъ одинокій стоитъ;
Подъ нимъ богатырь знаменитый
Въ минувшіе вѣки зарытъ.

Въ честь витязя тризну свершали,
Дружина дралася три дня,
Жрецы ему разомъ заклали
Всѣхъ женъ и любимца коня.

Когда же его схоронили
И шумъ на могилахъ затихъ,
Пѣвцы ему славу сулили,
На гусляхъ гремя золотыхъ:

«О, витязь, дѣлами твоими
«Гордится великій народъ!
«Твое громоносное имя
«Столѣтія всѣ перейдетъ!

«И если курганъ твой высокій
«Сравнялся бы съ полемъ пустымъ,
«То слава, разлившись далеко,
«Была бы курганомъ твоимъ!»

И вотъ миновалися годы,
Столѣтія вслѣдъ протекли,
Народы смѣнили народы,
Лицо измѣнилось земли;

Курганъ же съ высокой главою,
Гдѣ витязь могучій зарытъ,
Еще не сравнялся съ землею,
По-прежнему гордо стоитъ;

А витязя славное имя
До нашихъ временъ не дошло.
Кто былъ онъ? Вѣнцами какими
Свое онъ украсилъ чело?

Чью кровь проливалъ онъ рѣкою?
Какіе онъ жегъ города?
И смертью погибъ онъ какою?
И въ землю опущенъ когда?

Безмолвенъ курганъ одинокій,
Наѣздникъ державный забытъ,
И тризны въ пустынѣ широкой
Никто ужъ ему не свершитъ.

Лишь мимо кургана мелькаетъ
Сайгакъ, черезъ поле скача,
Иль вдругъ на него налетаетъ,
Крылами треща, саранча;

Порой журавлиная стая,
Окончивъ подоблачный путь,
Къ кургану шумитъ, подлетая,
Садится на немъ отдохнуть;

Тушканчикъ порою проскачетъ
По немъ, при мерцаніи дня,
Иль всадникъ высоко маячитъ
На немъ удалого коня;

А слезы прольютъ развѣ тучи,
Надъ степью плывя въ небесахъ,
Да вѣтеръ лишь свѣетъ летучій
Съ кургана забытаго прахъ.

Среди стихотвореній, въ которыхъ поэтъ старается изобразить бытъ и нравы древней Руси, на первомъ мѣстѣ, въ историческомъ порядкѣ, должна быть поставлена «*Пѣсня о походѣ Владиміра*

на Корсунь». Воитель-язычникъ пожеланіемъ принять крещеніе наводитъ ужасъ на грековъ. Идея смиренія чужда его натурѣ, несмотря на всѣ старанія миссіонера внушить ему это чувство:

Смотри жъ, говоритъ, для небесныхъ наградъ,
Чтобъ въ райскій по смерти войти вертоградъ,
Ты долженъ душою смириться.

Князь согласенъ и, ничуть не подозрѣвая, что противорѣчитъ своему обѣту, идетъ походомъ на Корсунь, съ наивнымъ «смиреніемъ», ставя требованія жителямъ города:

Сдавайтесь, прошу васъ смиренно,
Не то, не взыщите, собью вашу спесь
И городъ по камнямъ размыкаю весь,—
Креститься хочу непремѣнно!

Но вотъ Владиміръ крещенъ, онъ ѣдетъ въ Кіевъ со свитой, съ молодой женой и съ греческимъ клиромъ, и вотъ

...много
Скитавшихся робко безъ крова и правъ
Пришло христіанъ изъ пещеръ и дубравъ
И славятъ Спасителя Бога.

И прежде грубый язычникъ, Владиміръ, проникаясь новымъ для него ученіемъ любви, говоритъ дружинѣ, что „дни правды дороже воинственныхъ дней“, и

Въ Русь милосердія внесъ онъ законъ.
Дѣла стародавнихъ, далекихъ временъ,
Преданья невянущей славы.

Историческія симпатіи нашего поэта сосредоточиваются на этой эпохѣ, нѣсколько грубоватой по нравамъ, но дававшей просторъ для развитія сильныхъ и независимыхъ характеровъ. Такая идея лежитъ въ основѣ пѣсни „*Илья Муромецъ*“. Обнесенный чарой на княжьемъ пиру, старый богатырь уѣхалъ изъ Кіева и ѣдетъ по лѣсу, презрительно думая объ изнѣжившихся витязяхъ въ родѣ „бабьяго перелестничка“ народной былины. Старому Ильѣ привольно на просторѣ, вдали отъ душнаго двора:

Подъ броней, съ простымъ наборомъ,
Хлѣба кусъ жуя,
Въ жаркій полдень ѣдетъ боромъ
Дѣдушка Илья;

Ѣдетъ боромъ, только слышно,
Какъ брядаетъ бронь;
Топчетъ папоротникъ пышный
Богатырскій конь.

И ворчитъ Илья сердито:
„Ну, Владиміръ, что жъ?
Посмотрю я, безъ Ильи-то
Какъ ты проживешь!
Дворъ мнѣ, княже, твой не диво,
Не пировъ держусь;
Я мужикъ неприхотливый,
Былъ бы хлѣба кусъ!
Но обнесъ меня ты чарой
Въ очередь мою,
Такъ шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!
Безъ меня другихъ довольно,
Сядутъ,—полонъ столъ;
Только лакомы ужъ больно,
Любятъ женскій полъ.
Всѣ твои богатыри-то,
Значитъ, молодежь...
Вотъ безъ стараго Ильи-то
Какъ ты проживешь!
Тѣмъ-то я ихъ болѣ стою,
Что забылъ ужъ бабъ;
А какъ тресну булавою,
Такъ еще не слабъ!

Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора;
Погулять по свѣту снова
Безъ того пора.
Не терплю богатыхъ сѣней,
Мраморныхъ тѣхъ плитъ;
Отъ царьградскихъ отъ куреній
Голова болитъ;
Душно въ Кіевѣ, что въ скринѣ —
Только киснетъ кровь;
Государынѣ—пустынѣ
Поклонюся вновь!
Вновь извѣдаю я, старый,
Волюшку мою,—
Ну же, ну, шагай чубарый,
Уноси Илью!“
И старикъ лицомъ суровымъ
Просвѣтлѣлъ опять.
Понутру ему здоровымъ
Воздухомъ дышать;
Снова вѣетъ воли дикой
На него просторъ,
И смолой, и земляникой
Пахнетъ темный боръ.

Этимъ старинным простымъ временамъ, съ ихъ простыми отношеніями богатырей другъ къ другу и къ князю, противопоставлено у А. Толстого въ нѣсколькихъ балладахъ изображеніе тяжелой эпохи Іоанна Грознаго. Кромѣ общеизвѣстной баллады „Василій Шибановъ“, здѣсь можетъ-быть указано еще стихотвореніе „Князь Михайло Рѣпнинъ“, герой котораго изображенъ типичнымъ для своего времени хранителемъ чувства чести, не позволяющаго ему унизиться по требованію Грознаго. Вотъ эта баллада, очень оригинальная и по своему стихотворному размѣру:

Безъ отдыха пируетъ съ дружиной удалой
Иванъ Васильичъ Грозный подъ матушкой Москвой;
Ковшами золотыми столовъ блистаетъ рядъ,
Разгульные за ними опричники сидятъ.
Съ вечерни льются вина на царскіе ковры,
Поютъ ему съ полночи лихіе гусляры;
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.
Но голосъ прежней славы царя не веселитъ,
Подать себѣ личину онъ кравчему велитъ.

„Да здравствуютъ тіуны, опричники мои!
„Вы жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!
„Себѣ личину, други, пусть каждый изберетъ,—
„Я первый открываю веселый хороводъ!
„За мной, мои тіуны, опричники мои!
„Вы жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи».
И всѣ подняли кубки. Не поднялъ лишь одинъ,
Одинъ не поднялъ кубка, Михайло князь Репнинъ.
—„О, царь, забылъ ты Бога! Свой санъ ты, царь, забылъ!
„Опричниной на горе престолъ свой окружилъ!
„Разсынь державнымъ словомъ дѣтей бѣсовскихъ рать!
„Тебѣ ли, властелину, здѣсь въ машкерѣ плясать!“
Но царь, нахмуря брови:—„Въ умѣ ты, знать, ослабъ,
„Или хмеленъ не въ мѣру? Молчи, строптивый рабъ!
„Не возражай ни слова и машкеру надѣнь,—
„Или клянусь, что прожилъ ты свой послѣдній день!“
Тутъ всталъ и поднялъ кубокъ Репнинъ, правдивый князь:
„Опричнина да сгинетъ!“—онъ рекъ, перекрестясь,
„Да здравствуетъ вовѣки нашъ православный царь!
„Да правитъ человѣки, какъ правилъ ими встарь!
„Да презритъ, какъ измѣну, безстыдной лести гласъ!
„Личины жъ не надѣну я въ мой послѣдній часъ!“
Онъ молвилъ, и ногами личину растопталъ,
Изъ рукъ его на землю звенящій кубокъ палъ...
„Умри же, дерзновенный!“—царь вскрикнулъ, разъярясь..
И палъ, жезломъ пронзенный, Репнинъ, правдивый князь.
И вновь подъяты кубки, ковши опять звучатъ,
За длинными столами опричники шумятъ,
И смѣхъ ихъ раздается, и пиръ опять кипитъ,
Но звонъ ковшей и кубковъ царя не веселитъ:
„Убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу!
„Вкушать веселье нынѣ я болѣ не могу“.
Напрасно льются вина на царскіе ковры,
Поютъ царю напрасно лихіе гусляры,
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.

Этотъ взглядъ на существованіе высоко развитого чувства чести у выдающихся историческихъ дѣятелей старой Руси и легъ потомъ въ основу изображенія характера одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ трагедіи «Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ»,—кн. Ивана Петровича Шуйскаго.

Н. Демидовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

О популяризаціи правовѣдѣнія.

VII.

Жанъ Жакъ Руссо извѣстенъ у насъ, какъ врагъ цивилизаціи, какъ авторъ знаменитой книги о воспитаніи *Эмиль*. На русскій языкъ переведена о немъ книга Морлея.

И въ Эмилѣ, и въ трактатѣ объ общественномъ договорѣ Руссо имѣетъ дѣло съ отвлеченнымъ человѣкомъ, какого никогда не было въ дѣйствительности. Это обычный пріемъ многихъ мыслителей XVIII вѣка, когда не признавалась исторія и господствовалъ разумъ, то есть умозрительныя построенія, правила и идеи, которыя выводились умомъ изъ природы человѣка, какъ она понималась мыслителями—раціоналистами (ratio, латинское,—разумъ). Имъ представлялось поэтому возможнымъ и воспитать ребенка совершенно по своему образцу, и создать сразу государство, какое хотѣлось. Ни наслѣдственныя особенности человѣка, ни разнообразныя историческія условія въ соображеніе не принимались. Вслѣдствіе этого, благодаря мѣткой критикѣ недостатковъ современнаго государства, благодаря великодушнымъ и нерѣдко вполнѣ справедливымъ общественнымъ стремленіямъ, эти ученія пріобрѣтали огромную разрушительную силу.

Размышленіе объ *Общественномъ Договорѣ* появилось въ 1762 г. Руссо хотѣлъ найти такую форму государства, гдѣ люди составляли бы союзъ, имѣли бы общія цѣли и общую волю, ни въ чемъ не поступаясь полнотою личной свободы. Задача неразрѣшимая, и самъ Руссо, съ оговорками и противорѣчіями, былъ вынужденъ признать волю большинства. Позднѣе, въ *Соображеніяхъ о правленіи въ Польшѣ* (1772 г.), Руссо такъ говоритъ о практиковавшемся въ польскихъ сеймахъ срываніи однимъ голосомъ всѣхъ общихъ постановленій (*не позволяю,—liberum veto*): это высокое право, отъ него не слѣдуетъ отказываться, но необходимо принять мѣры противъ зло-

употребленія имъ. И Руссо предлагаетъ: сеймъ сорвался; по истеченіи извѣстнаго времени лицо, остановившее рѣшеніе собранія, должно быть судимо. Если будетъ признано, что оно дѣйствовало въ истинныхъ интересахъ государства, ему будутъ возданы великія почести; въ противоположномъ случаѣ онъ подвергается смертной казни. Очевидно, что это легко сказать, но невозможно исполнить, и что такое рѣшеніе не устраняетъ новаго затрудненія: какъ быть, если приговоръ будетъ не единогласенъ?

Для выборовъ представителей всенародной воли Руссо требуетъ изъ воли всѣхъ откинуть крайнія разногласія, тогда получится средняя, общая воля. Но можетъ случиться, что большинство останется за опредѣленною партіею, тогда это уже никакъ нельзя будетъ назвать общею или среднею волею. Руссо признаетъ это и потому требуетъ, чтобы въ его государствѣ не было никакихъ партій. Также, очевидно, неисполнимое требованіе.

Своему самодержавному народному законодательству Руссо желаетъ передать и обязательныя для всѣхъ религіозныя предписанія. Такимъ образомъ, отправляясь отъ естественной личной свободы, Руссо доходитъ до ея уничтоженія во имя государственнаго единства и всеобщаго равенства.

Теорія общественнаго договора имѣла значительное вліяніе на такихъ мыслителей, какъ Кантъ и Фихте.

Какъ справедливо замѣчаетъ Геффдингъ (*Жанъ Жакъ Руссо и его философія*, переводъ г-жи Давыдовой), въ своихъ политическихъ теоріяхъ Руссо имѣетъ въ виду небольшія государства, гдѣ весь народъ можетъ собираться въ одно мѣсто, гдѣ всѣ правители постоянно на глазахъ у всѣхъ гражданъ.

Послѣ Руссо, ученіе о государствѣ получаетъ дальнѣйшее развитіе въ особенности въ Германіи. Во Франціи въ теченіе XIX столѣтія слѣдуетъ отмѣтить ученика Монтескье Бенжамена Констана (на русскій языкъ переведена о немъ отличная статья Лабуле въ *Юридическомъ Вѣстникѣ: Политическія идеи Бенжамена Констана*, *Юрид. В.*, 1882 г., X.); въ Англіи—Д. С. Милля (его разсужденіе о «*Представительномъ правленіи*» дважды переведено на русскій языкъ, второе изданіе вышло въ 1897 году).

Въ Германіи ученіе о государствѣ принимаетъ все болѣе и болѣе юридическій характеръ. Мнѣ кажется, что для нашей цѣли, прежде

чѣмъ указать въ общихъ чертахъ на современное ученіе о государствѣ, было бы достаточно познакомить читателя или слушателя съ идеями Вильгельма Гумбольдта и Роттека. О первомъ у насъ есть переводъ большого сочиненія Гайма: *Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ, описаніе его жизни и характеристика*, изданіе К. П. Солдатенкова, М. 1899 г.

О второмъ нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно, ничего, кромѣ главы во второмъ выпускѣ *Политическихъ мыслителей* Б. Н. Чичерина.

Кантъ училъ, что свобода каждаго должна сочетаться подъ властью закона со свободою всѣхъ. Господство этихъ юридическихъ законовъ онъ считаетъ существеннымъ признакомъ государства.

Ученіе Канта ярко отразилось въ сочиненіи В. Гумбольдта: *О границахъ дѣятельности государства* (*Ideen zu einens Versuch die grenzen der Wirksamkeit des Stats zu bestimmen*).

Для Канта единственною задачею государства является осуществленіе права; государство у него есть чисто юридическое, учрежденіе правовое. То же самое говоритъ и Гумбольдтъ, признавая ненужными и вредными заботы государства, выходящія за предѣлы установленія безопасности, внутренней и внѣшней. Подобныя правительственныя *заботы*, *по* мнѣнію германскаго мыслителя, стѣсняютъ личную свободу и свободное сочетаніе личныхъ усилій для достиженія разнообразныхъ общественныхъ цѣлей. Вильгельмъ Гумбольдтъ считаетъ вреднымъ государственное имущество: если, говоритъ онъ, *государство является* и собственникомъ, то оно необходимо должно вмѣшиваться [во многія] частныя отношенія гражданъ. Гумбольдтъ, имѣя въ виду ограниченность государственной дѣятельности, признаетъ только прямые налоги. Замѣна свободной дѣятельности націи, говоритъ онъ въ заключеніе, вынужденною дѣятельностью государственнаго управленія имѣла бы невыгодныя послѣдствія для развитія силъ и характера гражданъ.

Гумбольдтъ, вслѣдъ за Мирабо старшимъ, признавалъ самою пагубною болѣзнью современныхъ ему правительствъ *страсть управлять*. Государство считало себя въ правѣ управлять даже совѣстью, религіозными убѣжденіями народа. «Нація, говоритъ Гаймъ, интересовала Гумбольдта больше, нежели государство, а человѣкъ больше чѣмъ нація. Человѣкъ въ единственномъ числѣ составлялъ главный предметъ его изученія, индивидуальное—главный предметъ его вниманія».

Мнѣ кажется, что послѣ сказаннаго было бы умѣстно привести соображенія противъ исключительно личной точки зрѣнія, отъ которой отправляется Гумбольдтъ. Правовое только государство должно, напримѣръ, совсѣмъ не вмѣшиваться въ экономическія отношенія (laissez faire, laissez passer). Вся новѣйшая исторія, вся современная жизнь свидѣтельствуютъ, что это невозможно и несправедливо. Именно въ интересахъ гармоническаго развитія личности каждаго и всѣхъ современное государство вмѣшивается, напримѣръ, въ фабричные порядки и т. п.

Гумбольдтъ ошибается и въ томъ, что придаетъ мало значенія государственному устройству. Отъ формы государства, отъ состава правительства находится въ зависимости цѣлесообразность или нецѣлесообразность расширенія правительственной дѣятельности.

Дальнѣйшее развитіе идеи Канта получили у Роттека. Въ 1829 г. вышло его сочиненіе: *Учебникъ раціональнаго права и политическихъ наукъ*. Въ немъ требованія разума противопоставляются историческимъ фактамъ. Государство часто творитъ насилія, угнетаетъ личность; съ этимъ не слѣдуетъ примиряться, ибо государство обязано охранять личныя права, осуществлять справедливость. Право есть разумная идея, а не произведеніе физическихъ силъ. Правомѣрно то, что согласно съ возможно большею свободою всѣхъ; неправомѣрно то, что противорѣчитъ этому началу (у Чичерина: *Политическіе мыслители*, II, 277). Никакой законъ не можетъ уничтожить природныхъ правъ личности. Это будетъ насиліе, а не право.

На этомъ, мнѣ кажется, можно было бы и остановиться. Приведенныя указанія облегчатъ усвоеніе основныхъ началъ современнаго европейскаго государственнаго права.

В. Гольцевъ.

Заключительная бесѣда на педагогическихъ курсахъ въ Саратовѣ.

Подведемъ общіе итоги нашимъ курсовымъ занятіямъ.

Въ теченіе всего нашего курсового времени утренніе часы были посвящены занятіямъ съ дѣтьми, а вечерніе—теоретическимъ бесѣдамъ; послѣднія находились въ неразрывно-тѣсной связи съ первыми: тѣ и другія занятія, вмѣстѣ взятыя, имѣли своею задачею, хотя бы только съ общихъ и болѣе существенныхъ сторонъ,—освѣтить весь курсъ школьнаго ученія въ его желательномъ направленіи и въ возможно болѣе правильной, соотвѣтственно цѣлямъ ученія, постановкѣ.

Мои примѣрные уроки съ дѣтьми имѣли цѣлію дать образчики веденія подготовительныхъ звуковыхъ упражненій, объяснительнаго чтенія, какъ русскаго, такъ и церковнославянскаго текста, и связанныхъ съ чтеніемъ бесѣдъ и упражненій въ устномъ и письменномъ изложеніи, и, наконецъ, примѣры грамматическихъ и орѳографическихъ упражненій. Большая часть всего нашего времени была посвящена занятіямъ съ учениками объяснительнымъ чтеніемъ, бесѣдами, упражненіями въ изложеніи, такъ какъ, во-первыхъ, это наиважнѣйшія въ образовательномъ отношеніи занятія, относительно которыхъ и «Примѣрныя программы» М. Н. Пр. предъявляютъ значительно высокія требованія; во-вторыхъ, эти же занятія, по свидѣтельству самихъ учащихъ, наименѣе успѣшно осуществляются въ школахъ и преимущественно передъ всѣми другими настойчиво требуютъ и практическихъ образцовъ, и теоретическихъ обоснованій и разъясненій.

Уроки по объяснительному чтенію и связаннымъ съ нимъ бесѣдамъ и упражненіямъ въ изложеніи мыслей имѣли цѣлію показать на практикѣ тѣ формы упражненій, кои, развивая мыслительныя силы учениковъ и обогащая ихъ образовательными знаніями и умѣньями, дадутъ дѣтямъ, сколь это возможно, средство къ дальнѣйшему ихъ

просвѣщенію по выходѣ изъ школы и вообще къ примѣненію просвѣтительныхъ знаній и умѣній къ потребностямъ жизни. Въ частности, уроки эти имѣли цѣлью дать образчики того, какъ вести послѣдовательно и въ надлежащей системѣ, на каждой изъ трехъ ступеней школьного ученія: а) объяснительное чтеніе разнаго рода статей гражданскаго и церковнаго текста, б) бесѣды, обобщающія воспринятое путемъ чтенія содержаніе, и в) связанныя съ чтеніемъ и бесѣдами упражненія въ устномъ и письменномъ изложеніи мыслей. Матеріаломъ для всѣхъ этихъ занятій служили близкія межъ собою по содержанію статьи,—въ младшемъ отдѣленіи естественноисторическія (о растеніяхъ), въ среднемъ отдѣленіи — разсказы и стихотворенія, выясняющіе съ разныхъ сторонъ понятіе о трудѣ, а въ старшемъ отдѣленіи—статьи объ отношеніяхъ человѣка къ человѣку (обязанность, долгъ).

Наши теоретическія бесѣды заключали въ себѣ не только необходимыя объясненія данныхъ въ школѣ практическихъ уроковъ и выводы изъ нихъ, но и разъясненіе тѣхъ общихъ дидактическихъ и методическихъ основъ, коими мы руководствовались при построеніи этихъ уроковъ, и общую характеристику тѣхъ ступеней преподаванія и соотвѣтствующихъ каждой ступени пріемовъ обученія, типичными, наглядными выразителями коихъ должны были, по нашимъ предположеніямъ, служить эти уроки. Мы внесли въ наши бесѣды и разъясненіе программы каждаго изъ предметовъ, входящихъ въ область преподаванія родного языка,—со стороны ея содержанія и распредѣленія этого содержанія въ курсѣ школы; мы старались при этомъ освѣтить образовательное значеніе каждаго изъ учебныхъ предметовъ и тѣ конечныя общеобразовательныя цѣли, кои должны быть преслѣдуемы преподаваніемъ. Общая задача всѣхъ нашихъ занятій сводилась къ тому, чтобы разъяснить, какія воспитательныя цѣли преслѣдуетъ школа, какими средствами, въ рамкахъ нашего предмета, она можетъ пользоваться для наилучшаго рѣшенія этихъ просвѣтительныхъ задачъ, и къ какимъ желательнымъ результатамъ долженъ стремиться учитель. Чѣмъ и какъ развить, въ мѣру возраста ученика, его умственныя и нравственныя силы? какія знанія, понятія, впечатлѣнія, приложимыя къ жизни и равно для каждаго нужныя, можемъ и должны мы сообщить нашимъ ученикамъ? какіе навыки, привычки и предрасположенія можемъ и должны мы воспитать въ дѣ-

тяхъ, чтобъ развить въ нихъ охоту къ дальнѣйшему саморазвитію, заложить прочныя основы и дать орудія къ осуществленію этого стремленія?—вотъ тѣ общіе вопросы, кои стремились мы разъяснить во все время нашихъ занятій.

Наши практическія занятія съ дѣтьми не могли оставить безъ нагляднаго отвѣта и важнаго въ школьномъ дѣлѣ вопроса о классной дисциплинѣ: какъ привлечь къ ученію вниманіе дѣтей? какъ пріохотить дѣтей къ занятіямъ и сдѣлать ихъ послушными исполнителями нашей воли?—и разрѣшеніе всѣхъ этихъ и другихъ дисциплинарныхъ вопросовъ можно было видѣть на практикѣ, каждый день, на каждомъ урокѣ. Дѣти аккуратно и съ охотой приходили къ намъ на курсы; они съ полнымъ вниманіемъ относились къ своимъ занятіямъ, добросовѣстно исполняли всѣ наши требованія, разумно и дѣльно, по своимъ силамъ, отвѣчали на вопросы, не только не тяготились уроками – задачами (въ классѣ и на домъ), но и просили «еще и еще», огорчались, когда занимались съ ними мало, и всегда и во всемъ были бойки, веселы, естественно-непринужденны. Чѣмъ же, какими мѣрами все это достигалось? Никакихъ *особыхъ* дисциплинарныхъ мѣръ,— ни выговоровъ и «нотацій» ни обѣщаній и угрозъ, ни наградъ и наказаній, вы не слышали и не видѣли, и не могли слышать и видѣть, такъ какъ ничего подобнаго на урокахъ не было. Единственной «наградой», время отъ времени, служили замѣчанія учителя: «хорошо», «отлично», «молодецъ», «лучше и сказать нельзя»; а выговоромъ—«не всѣ подняли руку»; «я вижу, у кого отвѣтъ не готовъ»; «подумай,—и ты хорошо скажешь, вѣдь ты не хуже другихъ»; «ты, братъ, сейчасъ о чемъ-то другомъ думаешь».—Въ чемъ же заключалась классная дисциплина?—Дисциплина скрыта была въ существѣ самыхъ занятій—въ предметахъ ученія и въ способахъ веденія занятій: въ дѣтяхъ жилъ *интересъ* къ занятіямъ; этотъ-то интересъ и дисциплинировалъ ихъ, возбуждалъ охоту и стараніе, напряженіе мыслей, стремленіе проявить себя активно. А интересъ является тогда, когда содержаніе урока близко и родственно съ тѣмъ, чѣмъ до этого владѣлъ ученикъ, когда оно жизненно, т.-е. касается тѣхъ понятій, мыслей, впечатлѣній, какія и до этого складывались, хоть и безсознательно, въ ученикѣ, какимъ онъ видитъ непосредственное приложеніе къ жизни; интересъ къ учебнымъ занятіямъ является тогда, когда занятія эти возбуждаютъ мысль или чувство дѣтей, разумно и цѣле-

сообразно руководятъ духовною самодѣятельностью ребенка и, предлагая каждый разъ посильныя задачи, требуя извѣстнаго напряженія и труда, приводятъ къ рѣшенію задачи, даютъ переживать радость и торжество успѣха, когда въ результатѣ каждаго урока остается безсознательное общее чувство довольства собой и учителемъ и ясное сознаніе тѣхъ новыхъ пріобрѣтеній, которыя принесъ съ собою урокъ; отсюда, естественно, проистекаетъ и желаніе новыхъ и новыхъ, такихъ же пріятныхъ переживаній,—охота къ дальнѣйшимъ занятіямъ, любовь къ дѣлу и къ учителю; на этомъ же зиждется и нравственный авторитетъ учителя. Гдѣ нѣтъ живого интереса къ дѣлу, непринужденной охоты къ нему, тамъ нѣтъ и воспитанія въ истинномъ смыслѣ, тамъ и учитель не имѣетъ въ глазахъ дѣтей авторитета воспитателя,—онъ только полицейскій блюститель наружнаго порядка. Какъ и было уже замѣчено, нельзя ребенка, какъ и взрослаго, воспитать умнымъ и добрымъ—безъ участія въ этомъ дѣлѣ его самого.

Относительно *наградъ* и *наказаній* считаю нужнымъ замѣтить вообще, что это, въ большинствѣ случаевъ, ненадежныя и даже фальшивыя орудія воспитанія, коварные друзья и помощники воспитателя. Наказаніе и награда подчиняютъ воспитанника волѣ воспитателя только съ наружной стороны, развиваютъ въ немъ лишь стремленіе избѣжать наказанія, получить награду,—отнимите хоть на самое короткое время эти побужденія, и ученикъ тотчасъ же покажетъ себя тѣмъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, и въ большинствѣ случаевъ не такимъ, какимъ онъ старается показать себя подъ угрозой наказанія. И долго ли держать воспитанника подъ страхомъ наказаній и въ ожиданіи наградъ? Когда же и по какимъ побужденіямъ, ему невѣдомымъ, онъ будетъ стараться быть добрымъ и умнымъ—безъ этихъ посторонникъ и внѣшнихъ воздѣйствій? Юноша вступаетъ въ жизнь, начинаетъ дѣйствовать самостоятельно: по привычкѣ, воспитанной въ школѣ, онъ долженъ стремиться къ жизненнымъ наградамъ, избѣгать въ своей жизни непріятныхъ наказаній. Награды и наказанія въ жизни понимаются такъ же узко, эгоистично, матеріально, какъ и въ школѣ. И вотъ готовъ, созданный школою, «*практическій дѣятель*»: онъ пойдетъ въ сторону отъ всего человѣчнаго, истинно «разумнаго, добраго, вѣчнаго», потому что жизнь не даетъ за это матеріальныхъ наградъ.—Нужно воспитывать въ ребенкѣ стремленіе быть истинно умнымъ и добрымъ, а не казаться только такимъ,

стремленіе къ добру, а не къ наградѣ, страхъ передъ зломъ, а не наказаніемъ: тогда сами собою объявятся въ немъ самомъ болѣе внушительныя награды и наказанія: убѣжденное сознаніе своей правоты или неправоты, чувство нравственнаго довольства или недовольства собою, сознаніе исполненнаго или неисполненнаго нравственнаго долга.

Всею совокупностью учебно-воспитательныхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи школы, учитель стремится развить и воспитать въ опредѣленномъ направленіи *личность* ученика, чтобы онъ потомъ свободно и непринужденно проявилъ себя истинно-разумнымъ и добрымъ и тѣмъ способствовалъ бы, въ мѣру своихъ силъ, умноженію въ жизни добра. А этихъ результатовъ, хотя бы и въ слабой сравнительно степени, можетъ достигнуть не всякое ученіе, не всякая школа. Если школьное ученіе исключительною своею задачею ставитъ сообщеніе ученикамъ извѣстной суммы фактическихъ знаній, усвоеніе внѣшнихъ навыковъ поведенія, соблюденіе въ обиходной жизни извѣстной обрядности,—такое ученіе, само въ себѣ не заключая внутренняго свѣта, не можетъ *просвѣтить* и ученика, оно привьетъ ему лишь однѣ внѣшнія и обманчивыя формы подобія просвѣщенія: ученикъ не подвинется впередъ въ своемъ духовномъ развитіи, его мысли и чувства останутся въ такомъ же природно-зачаточномъ состояніи, какъ и были, и, обладая доброю по виду обрядностью, онъ можетъ оставаться самъ въ себѣ грубымъ полудикаремъ, каковымъ и проявитъ себя въ жизни. Если школа, сообщая ученику знанія и навыки, позаботится при этомъ еще и о развитіи мыслительныхъ его способностей, то она, конечно, сдѣлаетъ несравненно больше первой, но тоже далеко-далеко не все: обладаніе знаніями и развитыми способностями дастъ воспитаннику въ жизни огромное преимущество передъ другими,—но въ какую сторону онъ направитъ эти силы, на служеніе чему посвятитъ ихъ,—разумному и доброму, или своей личной выгодѣ?—Желанные добрые плоды принесетъ въ жизни лишь такое ученіе, которое, заботясь о развитіи духовныхъ силъ ученика, дастъ ему сознательно воспринять и прочно усвоить воспитывающія умъ и сердце знанія, впечатлѣнія, привычки, какія могутъ найти себѣ примѣненіе въ жизни и дать доброе направленіе его жизнедѣятельности. Такихъ именно разумныхъ и добрыхъ плодовъ и ждетъ современная жизнь отъ нашей школы, и этотъ желанный всѣми духовный урожай во многомъ зависитъ отъ той или иной дѣятельности школьнаго учителя.

Много-много долженъ положить упорнаго труда пахарь-учитель и надъ собою, и надъ учениками своими, чтобы послѣдующія поколѣнія пожали плоды отъ его трудовъ. Ему нужно прежде всего самого себя неустанно просвѣщать, чтобъ восполнить свое общее и педагогическое образованіе, чтобы обладать во всей полнотѣ просвѣтительными средствами: нужно много и глубоко знать, нужно и умѣть, чтобы толково и понятно передать дѣтямъ немногое, но существенное, важнѣйшее для жизни каждаго. Долженъ учитель неустанно трудиться и надъ выработкой въ самомъ себѣ просвѣщенныхъ жизненныхъ идеаловъ, руководящихъ всею дѣятельностію человѣка: чтобъ дать жизненное направленіе другому, чтобъ принимать въ общей жизни активное участіе, нужно прежде всего самому твердо знать,—«куда идти, къ чему стремиться», и не только знать, но и крѣпко вѣрить въ незыблемость этихъ свѣтлыхъ идеаловъ. Кто пересталъ мыслить и чувствовать, кто пересталъ стремиться впередъ,—тотъ пересталъ жить.

Тягостно во многихъ отношеніяхъ положеніе современнаго школьнаго учителя, а наши курсы, какъ можетъ иному показаться, еще того болѣе преумножаютъ эту тяготу, ставя школѣ широкія просвѣтительныя задачи, указывая неосуществимые въ настоящемъ идеалы. Но таково ужъ свойство идеаловъ: они всегда кажутся и будутъ казаться неосуществимыми, и насколько мы приблизимся къ нимъ, настолько же и они отодвинутся впередъ отъ насъ. Да и что же иное можетъ руководить нашею дѣятельностію и двигать насъ впередъ и впередъ по правому пути, какъ не свѣтлые идеалы? И не тягостныя бремена желаемъ мы возложить на обремененнаго и безъ того учителя: мы указываемъ ему на доброе иго, на сравнительно легкое бремя. Кто ищетъ «покойной» жизни, кто желаетъ «сытно ѣсть и сладко спать», тотъ не пойдетъ учителемъ въ народную школу: «сытая и покойная жизнь» и учительское дѣло—не совмѣстимы. Кого гонитъ въ учителя крайность, нужда, желаніе имѣть хоть какой-нибудь кусокъ хлѣба, того мы пожалѣемъ, но онъ не заслужитъ отъ насъ уваженія за то, что выбралъ для своего прокормленія именно это святое дѣло,—и горекъ будетъ ему учительскій хлѣбъ! Два единственныхъ пути представляются на выборъ учителю—путь тяжелаго, непроизводительнаго и ненавистнаго труда, и путь хотя тоже тяжелаго, но излюбленнаго, избраннаго убѣжденнымъ влеченіемъ ума и

сердца святого дѣла. Первый путь—это скучное для учителя, надоѣдливое повтореніе изъ года въ годъ одного и того же; это—неизмѣнно постоянное невниманіе, тупость, шалости, ослушаніе, озорство учениковъ, оскорбительное неуваженіе ихъ къ учителю; это—постоянное для учителя нерасположеніе духа, крайнее раздраженіе, подозрительность, злоба ко всему и ко всѣмъ; словомъ — это школьная учеба, это то, что называютъ, обыкновенно, каторжною жизнію изъза куска черствaго хлѣба; и такъ изо дня въ день, изъ года въ годъ,—безъ чистыхъ радостей, безъ манящаго и ободряющаго просвѣта. Второй путь: изъ года въ годъ, въ общемъ, повторяетъ учитель одно и то же, но перемѣняются дѣти и сами собою вносятъ въ дѣло новизну; перемѣняется въ себѣ и самъ учитель,—и каждый годъ онъ находитъ новое и новое въ своихъ предметахъ, обновляетъ и освѣжаетъ преподаваніе ихъ; открываетъ учитель новыя и новыя стороны и въ духовной природѣ дѣтей, — обновляетъ и изощряетъ свои средства воздѣйствія на душу дѣтей: такъ, изъ года въ годъ совершенствуя себя, учитель совершенствуетъ и свое дѣло, и оно вѣчно ново, интересно, увлекательно. Неподдѣльный интересъ учителя къ своему дѣлу самъ собою сообщается и ученикамъ; знаніе предметовъ преподаванія и духовной природы учениковъ, постоянно вдумчивое къ нимъ отношеніе даютъ учителю вѣрныя средства не только пробудить въ дѣтяхъ интересъ къ ученію, но всегда поддерживать и развивать ихъ вниманіе, даютъ умѣнье просто и ясно передавать дѣтямъ знанія, производить на нихъ глубокія впечатлѣнія, возбуждать естественную охоту къ ученію,—и дѣти искренно привязываются къ учителю, горячо его любятъ, глубоко уважаютъ. Занимаясь въ теченіе школьнаго курса съ одними и тѣми же дѣтьми, учитель слѣдитъ за ихъ развитіемъ, наглядно видитъ духовный ростъ дѣтей, ихъ быстрое совершенствованіе, и въ глубинѣ души сознаетъ, что это дѣло его трудовъ, и радуется чистою и свѣтлою радостью и за себя, и за своихъ учениковъ, и привязывается къ нимъ, и любитъ ихъ, какъ лучшее созданіе своего ума, сердца, тяжелыхъ трудовъ. Многолѣтній трудъ дастъ учителю радостное и возвышающее его въ своихъ собственныхъ глазахъ убѣжденіе, что подъ вліяніемъ школы постепенно и незамѣтно перерождается окружающая школу жизнь, какъ проникаютъ мало-по-малу въ это темное царство свѣтлые лучи знаній, смягчаютъ и облагораживаютъ сердца и нравы.

Мы указали особенности одного и другого учительскаго пути исключительно лишь съ учебно-педагогической стороны, — всѣ остальныя жизненныя тяготы одинаковы какъ на томъ, такъ и на другомъ пути: нужно ли спрашивать, которое изъ двухъ—благое иго и болѣе легкое бремя?—Истинные друзья народной школы искренно радуются, что строгое и неподкупное общественное мнѣніе твердо установилось въ пользу современнаго народнаго учителя, какъ честнаго труженика, стремящагося идти по правому пути; за васъ и съ вами теперь всѣ лучшіе просвѣщенные люди русской земли. А это общественное мнѣніе такая сила, которая не только даетъ нравственную поддержку, но и улучшитъ, мы въ это твердо вѣримъ, неприглядное во многихъ отношеніяхъ положеніе народнаго учителя. И тѣмъ цѣннѣе и прочнѣе такое улучшеніе, что оно не даромъ со стороны пришло, а добыто тяжкимъ трудомъ, заработано честной службой на благо народа; а просвѣтится народъ, тогда онъ и самъ оцѣнитъ и щедро вознаградитъ трудъ учителя.

Тяжело положеніе учителя, и много въ его жизни неотложныхъ потребностей, законность коихъ давно и всѣми сознана, и быстро растутъ эти потребности вмѣстѣ съ ростомъ школы и самого учителя, и несоотвѣтственно медленно удовлетворяются онѣ. Утѣшьтесь: совершенно въ такихъ же условіяхъ жили прежде, живутъ и теперь всѣ учителя,—да и не одни только учителя,—но и всѣ, работающіе на нивѣ духовной на благо людей. Но каждое новое поколѣніе честныхъ работниковъ все же находится, сравнительно, въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ его предшественники, трудомъ и энергіей завоевывая хотя нѣкоторыя улучшенія—на преуспѣяніе дѣла, на пользу свою и своихъ преемниковъ. Мы, какъ и работники въ евангельской притчѣ, пришли на поле въ девятомъ часу дня, а тѣ, кто работали съ перваго часу, перенесли несравненно больше тяготы — и трудъ, и нестерпимый зной полуденнаго солнца.—Такъ унывать не надо... «терпѣнье и трудъ все перетрутъ»...

Когда угодно было Богу,
Чтобы, родившись бѣднякомъ,
Ты пролагалъ себѣ дорогу
Терпѣньемъ тяжкимъ и трудомъ,—
То будь покоренъ, терпѣливъ,
Неутомимъ, трудолюбивъ,

На помощь свыше уповай
И никогда не унывай!

Когда, по волѣ Провидѣнья,
Трудясь всю жизнь и день и ночь,
Ты не встрѣчаешь одобренья,
И трудъ тебѣ уже не въ мочь,
. . . . . .
Надѣйся, вѣруй и люби,
Труды твои усугуби,
Въ нихъ всѣ надежды полагай,
И никогда не унывай!

Не долговѣчна жизнь людей, и каждый изъ насъ скоро сходитъ съ жизненной сцены; но вѣчна жизнь народовъ, человѣчества; вѣковѣчно и движеніе народовъ впередъ, духовное обновленіе и совершенствованіе жизни—въ справедливости, въ правдѣ и въ добрѣ,—въ это крѣпко вѣруетъ и нашъ народъ: «все минется,—одна правда останется». И вы, учителя народные, скорѣе чѣмъ кто-нибудь, можете принять, хотя и скромное, но тѣмъ не менѣе важное участіе въ этомъ вѣковѣчномъ свѣтломъ обновленіи, черезъ проведеніе въ жизнь людей святыхъ идеаловъ правды и добра: спѣшите же дѣлать свое дѣло,—жизнь вѣдь коротка,—воплотите эти идеалы въ себѣ самихъ, воплотите ихъ въ вашихъ ученикахъ, а чрезъ нихъ и въ жизни народной... «Трудись, покуда служатъ руки, не сѣтуй, не лѣнись, не трусь... спасибо скажутъ тебѣ внуки», какъ только просвѣтится Русь...

Благодарнымъ словомъ мы начали наши занятія, двойною благодарностію окончимъ ихъ,—и за устройство курсовъ и за осуществившуюся вполнѣ надежду нашу—поработать безмятежно въ мирѣ и въ любви. Горячая благодарность наша земству и его представителю А. Д. Юматову, все время внимательно и заботливо относившемуся къ нуждамъ слушателей, и не только къ крайнимъ нуждамъ, но и къ удобствамъ, къ удовольствіямъ. Мы твердо надѣемся, что А. Д. Юматовъ явится и передъ земствомъ горячимъ ходатаемъ за возможно скорое удовлетвореніе неотложныхъ нуждъ въ жизни учителя, какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ. Наша глубокая благодарность его сіятельству князю Б. Б. Мещерскому, не только какъ просвѣщенному начальнику губерніи, внимательно и заботливо и близко къ сердцу

принимающему потребности народа въ просвѣщеніи, но и какъ истинно доброму и участливому человѣку въ его, полныхъ искренней сердечности, личныхъ отношеніяхъ, ко всѣмъ намъ, участникамъ курсовъ. Наша глубокая благодарность и г. окружному инспектору А. А. Соловьеву, и директору народныхъ училищъ, наблюдателю курсовъ А. П. Карпову: они неустаннымъ своимъ вниманіемъ участвовали во всѣхъ нашихъ занятіяхъ, они близко къ сердцу принимали успѣхъ нашихъ занятій, считая этотъ—желанный для всѣхъ—успѣхъ какъ бы своимъ личнымъ дѣломъ, и заботливо содѣйствовали этимъ успѣхамъ,— имъ, главнымъ образомъ, мы обязаны осуществленіемъ нашей надежды поработать на курсахъ въ невозмутимой ничѣмъ тишинѣ, столь необходимой для успѣховъ всякихъ учебныхъ занятій. Наша благодарность и всѣмъ постороннимъ слушателямъ курсовъ, и мѣстнымъ органамъ печати, внимательно и зорко, съ глубокимъ искреннимъ участіемъ изо дня въ день слѣдившимъ за нашими занятіями, обсуждавшимъ и освѣщавшимъ ихъ Примите и вы, слушатели курсовъ,—товарищи и друзья по работамъ,—примите отъ меня мою задушевную благодарность за ваше постоянное и неослабное вниманіе, за ваше дорогое для меня сочувствіе моимъ посильнымъ трудамъ и воззрѣніямъ на близкое всѣмъ намъ школьное дѣло. Отъ всей моей души желаю вамъ, чтобы все то лучшее и дорогое, свѣтлое и доброе, что вы носите въ святая святыхъ своей души, что пріобрѣли вы здѣсь, на курсахъ, что найдете въ литературѣ и въ жизни и выработаете въ себѣ и впредь,— чтобы все это вы передали вашимъ ученикамъ и широко провели и осуществили въ окружающей васъ жизни, и чтобы высшею наградою за ваши труды послужилъ бы подъемъ деревенскаго люда на новую, высшую культурную ступень.

И вѣрьте, что это будетъ, къ этому время идетъ. Здѣсь на курсахъ всѣ дружно соединились, чтобъ создать успѣхъ нашему общему дѣлу: представители власти и учебной администраціи, представители земства, общества и печати, и желанное единеніе этихъ мощныхъ силъ, единеніе, какъ мы убѣждены искреннее и дружелюбное, свидѣтельствуетъ, что народное просвѣщеніе—дѣло неотложное, дѣло важное. Присоединимъ же и мы свои малыя силы и безъ остатка отдадимъ ихъ на служеніе этому дорогому для насъ дѣлу!

Д. И. Тихомировъ.

Саратовъ.
19 іюня 1899 г.

Народное образованіе въ Россіи.

(*„Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ“. Э. Левассера, т. II-й*).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ *„Педагогическаго Листка“* мы уже отмѣтили въ краткихъ словахъ выдающееся по богатству содержанія изданіе сочиненія Э. Левассера: „Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ“. Считаемъ теперь небезполезнымъ познакомить нашихъ читателей нѣсколько подробнѣе съ интереснымъ содержаніемъ очерка по народному образованію въ Россіи, составленнаго Г. Фальборкомъ и В. Чарнолускимъ и напечатаннаго во второмъ томѣ названнаго выше изданія. Очеркъ этотъ самъ по себѣ представляетъ единственное въ своемъ родѣ и замѣчательное произведеніе въ нашей современной литературѣ по народному образованію. Не говоря уже о томъ, что онъ является результатомъ долговременнаго и внимательнаго изученія дѣла двумя авторами, создавшими себѣ имя горячихъ друзей народнаго образованія, настоящій очеркъ обращаетъ на себя вниманіе и по исполненію: онъ написанъ живо, талантливо, горячо и убѣжденно. Занимая большую часть второго тома (стр. 7—228), онъ состоитъ изъ слѣдующихъ восьми главъ: 1) Историческій очеркъ. 2) Современная организація начальнаго образованія въ Россіи. 3) Статистика и изданія по народному образованію. 4) Финансовыя средства народнаго образованія. 5) Главныя статистическія данныя о современномъ положеніи народнаго образованія. 6) Грамотность населенія. Заключеніе. 7) Статистическія таблицы. 8) Литература.

Не вдаваясь во многія, хотя и въ высшей степени любопытныя детали, мы ограничимся въ своемъ изложеніи лишь главнѣйшими и наиболѣе существенными и важными положеніями очерка гг. Фаль-

борка и Чарнолускаго и тѣми выводами и заключеніями, которые основаны на этихъ положеніяхъ.

Обращаясь прежде всего къ имѣющемуся въ распоряженіи изслѣдователя *историческому* матеріалу о положеніи народнаго образованія въ Россіи, авторы указываютъ на крайнюю скудость этого матеріала, благодаря которой „положеніе народнаго образованія въ Россіи въ періодъ до Монгольскаго ига (1238 г.), во все продолженіе этого ига (до 1480 г.), а также въ XV, XVI и XVII вѣкахъ, представляетъ до сихъ поръ очень много спорнаго и неяснаго". Однако, и тѣ немногія школы, свѣдѣнія о которыхъ дошли до насъ изъ исторической глубины временъ, напр., XI-го вѣка, хотя и находились подъ вліяніемъ духовенства—почти единственныхъ въ то время образованныхъ людей, но не были исключительно церковными учрежденіями. Такъ смотрѣлъ на дѣло и С. И. Миропольскій, признававшій въ 1883 году, „что онѣ оставались учрежденіемъ свѣтскимъ, народнымъ, подчиненнымъ земской единицѣ—приходу".—Если будетъ доказано, что въ древней Россіи почти отсутствовали школы даже для духовенства, то понятно, что не останется уже ровно никакихъ основаній утверждать о существованіи сколько-нибудь значительнаго числа школъ для образованія всего населенія". Въ этомъ отношеніи весьма интересно свѣдѣніе, что въ концѣ XIV вѣка сплошь и рядомъ приходилось ставить въ священники безграмотныхъ. „Знаменитый архіепископъ новгородскій Геннадій, обращаясь къ митрополиту Симону, пишетъ, что по малому числу грамотныхъ некого ставить въ священники, учиться же никто не хочетъ". Останавливаясь далѣе на разсмотрѣніи данныхъ, относящихся къ позднѣйшимъ временамъ, авторы говорятъ: „Можно смѣло сказать, что народныхъ школъ въ собственномъ смыслѣ этого слова до-Петровская Русь почти вовсе не знала". По свидѣтельству же иностранца Петрея де-Эрлезунда, посѣтившаго Россію уже при Петрѣ Великомъ, даже „монахи не умѣютъ ни читать, ни писать". Мало того, даже въ концѣ XVIII вѣка въ казанской епархіи оказалось еще 381 *священно* и церковно-служителей „въ чтеніи неисправныхъ, а другихъ и совсѣмъ читать по книгѣ, пѣть и писать неумѣющихъ". Школьная методика того времени характеризовалась всемогущей лозой, которая воспѣвалась въ стихахъ, какъ необходимое воспитательное средство. На пер-

комъ средствъ и учителей, эта попытка осталась мертворожденной". Слѣдуя всегда своему обыкновенію, во всѣхъ важныхъ дѣлахъ обращаться взоромъ къ просвѣщенному Западу и его великимъ мыслителямъ, императрица и по настоящему вопросу сносится съ Дидро, приславшимъ ей свой планъ народнаго образованія, съ Гриммомъ ведетъ переписку, наконецъ, совѣтуется съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II. Академику Эпинусу поручается подробное изученіе австрійскихъ школъ устроенныхъ по системѣ Фельбигера. Эпинусъ предложилъ слѣдующую систему нар. образованія: 1) низшія школы, съ преподаваніемъ Закона Божія, чтенія, письма и ариѳметики; 2) главныя школы, съ добавленіемъ къ перечисленнымъ предметамъ геометріи, механики, архитектуры, естествознанія, географіи, исторіи, сельскаго хозяйства и начала латинскаго языка; 3) нормальныя школы или учительскія семинаріи. Эпинусъ совѣтовалъ прежде всего подготовить учителей. Проектъ Эпинуса является, говорятъ авторы очерка, безъ сомнѣнія, замѣчательнымъ памятникомъ въ исторіи народнаго образованія въ Россіи, но, чтобы перейти отъ словъ къ дѣлу, и Эпинусъ, и императрица забыли о самомъ главномъ — о средствахъ, безъ которыхъ даже самые лучшіе проекты неизбѣжно должны были оставаться только на бумагѣ. Въ 1782 году тотъ же Іосифъ II присылаетъ Екатеринѣ II опытнаго въ учебномъ дѣлѣ серба Янковича де Миріево, и тогда же открывается особая комиссія объ учрежденіи училищъ, которой поставлены очень широкія задачи. Помимо разсмотрѣнія и исправленія *переведенныхъ* учебниковъ и составленія необходимыхъ учебныхъ книгъ, этой комиссіи, поставленной подъ собственное вѣдѣніе императрицы и состоявшей подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго и двухъ членовъ—Эпинуса и Пастухова, поручается сочинить планъ народныхъ училищъ и ихъ устройство, приготовить способныхъ учителей и завести школы во всей имперіи. По плану Янковича, принятому комиссіей, всѣ народныя училища раздѣлялись на три разряда: малыя училища съ двумя классами, среднія съ тремя классами и главныя—съ четырьмя классами и пятилѣтнимъ учебнымъ курсомъ. Въ малыхъ училищахъ въ первомъ классѣ преподавалось чтеніе, и письмо, знаніе цыфръ, краткій катехизисъ, св. исторія и начатки грамматики. Во второмъ классѣ продолжалось

обученіе чтенію и письму и присоединялось чистописаніе, рисованіе, ариѳметика, Законъ Божій и чтеніе книги „О должностяхъ человѣка и гражданина". Въ среднихъ училищахъ первые два класса составляли малое училище, а въ третьемъ преподавались: пространный катехизисъ, св. исторія, христіанское нравоученіе, объясненіе Евангелія, ариѳметика, грамматика, всеобщая и русская исторія и краткая географія. Въ главныхъ училищахъ къ перечисленнымъ предметамъ присоединялись: геометрія, архитектура, механика, физика, натуральная исторія и нѣмецкій языкъ. Обученіе было безплатное. На собственный счетъ императрицы открывается въ Петербургѣ Исакіевское училище и затѣмъ еще шесть училищъ. Въ 1783 году тамъ же учреждается главное народное училище съ особымъ отдѣленіемъ для приготовленія будущихъ учителей народныхъ школъ, подъ директорствомъ Янковича. На этотъ разъ въ училищахъ, гдѣ обучалось (въ 1785 г.) уже 1192 ученика, не хватало мѣстъ для всѣхъ желающихъ; многія частныя лица приходили на помощь при устройствѣ училищныхъ домовъ. Въ 1786 году главное училище приготовило первый выпускъ учителей, и въ апрѣлѣ этого года повелѣно было открыть главныя народныя училища въ 26-ти губернскихъ городахъ. Въ этомъ же году (5 августа) былъ изданъ *уставъ народныхъ училищъ, являющійся первымъ основнымъ закономъ по начальному народному образованію въ Россіи,* по которому народныя училища раздѣлялись на главныя, четырехклассныя, учреждаемыя въ губернскихъ городахъ, и на малыя—двухклассныя, въ уѣздныхъ городахъ, и одноклассныя въ селеніяхъ. Никакихъ средствъ для открытія училищъ правительство, однако, не дало, и указанія объ источникахъ ихъ содержанія во всѣхъ 113 пространныхъ статьяхъ устава не заключалось. Частныя пожертвованія, сборы съ дворянъ и горожанъ и кружечный сборъ по церквамъ являлись источниками случайными и недостаточными, вслѣдствіе чего бывали случаи, что всѣ училища цѣлой губерніи (напр. Тамбовской) закрывались. Слабъ былъ и контроль за примѣненіемъ устава, а къ 1787 году ослабѣваетъ затѣмъ дѣятельность и самой комиссіи. Упомянутое выше отдѣленіе главнаго народнаго училища въ Петербургѣ въ 1786 году было обращено въ самостоятельную учительскую семинарію, преобразованную въ 1803 году въ учительскую гимназію (позднѣе—педа-

гогическій институтъ). Тѣмъ не менѣе „громаднымъ тормазомъ для развитія дѣла являлось также отсутствіе подготовленныхъ учителей". Жалованье (50—60 руб.) выдавалось имъ неисправно, и потому учителя бѣдствовали. Не высокъ былъ ихъ умственный и нравственный уровень: невѣжество, развращенность и низкопоклонство большинства тогдашнихъ просвѣтителей юношества вели нерѣдко къ исключенію ихъ изъ службы; другіе сами бросали свои мѣста. Тѣлесныя наказанія широко практиковались въ школахъ, несмотря на воспрещенія. Несмотря на столь печальные практическіе результаты блестящихъ начинаній Екатерины II вообще и предначертаній устава 1786 года—въ частности, авторы очерка признаютъ этотъ послѣдній законодательный актъ замѣчательнымъ. „Весь онъ основанъ на принципѣ, признающемъ народное образованіе дѣломъ государства. Во всемъ уставѣ нѣтъ ни одного пункта, который бы имѣлъ въ виду насиліе школы надъ учащимися въ дѣлахъ вѣры". Въ эпоху Екатерины въ Россіи впервые проявилась общественная иниціатива въ дѣлѣ распространенія образованія. Въ учрежденномъ императрицей первомъ нашемъ ученомъ Обществѣ (Императорское Вольное Экономическое) поднимался уже вопросъ о всенародной грамотности. Но „кореннымъ препятствіемъ, дѣлавшимъ невозможнымъ сколько-нибудь серіозное развитіе народнаго образованія, было, разумѣется, крѣпостное право".

Заглохшее въ царствованіе Павла I дѣло народнаго образованія снова оживляется при Александрѣ I. Въ 1802 г. учреждается министерство народнаго образованія и первымъ министромъ назначается гр. Завадовскій, чѣмъ дѣлается первый шагъ для централизаціи завѣдыванія народнымъ образованіемъ. Въ 1803 г. издаются „предварительныя правила народ. образованія и учреждается въ помощь министерству главное управленіе училищъ, взамѣнъ прежней комиссіи, а также введено раздѣленіе государства на учебные округа съ попечителями во главѣ. Предварительныя правила раздѣляютъ учебныя заведенія на 4 разряда: 1) училища приходскія, замѣнившія Екатерининскія малыя училища; 2) уѣздныя училища (въ каждомъ уѣздномъ городѣ); 3) губернскія училища, или гимназіи (бывшія главныя народныя училища) и 4) университеты. Приходскія училища, имѣвшія цѣлью приготовленіе учениковъ въ уѣздныя училища, а также физическое и нравственное усовершен-

ствованіе питомцевъ, правилами ввѣрялись священникамъ и почетнѣйшимъ жителямъ—въ казенныхъ селеніяхъ, и помѣщикамъ—въ помѣщичьихъ селеніяхъ. Предметами обученія въ нихъ значились, кромѣ чтенія, письма, четырехъ дѣйствій ариѳметики, Закона Божія, еще нравоученіе и объяснительное чтеніе книги „Краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ". Содержаться эти училища, однако, должны были всецѣло на средства мѣстнаго населенія (въ городахъ на счетъ городскихъ обществъ, въ казенныхъ селеніяхъ—на счетъ крестьянъ, а въ частныхъ—на счетъ помѣщиковъ). Въ результатѣ—училища эти почти не открывались. Общество того времени не имѣло организаціи, народъ былъ подавленъ игомъ крѣпостного права, не было сдѣлано ничего сколько-нибудь прочнаго и серіознаго для школьнаго образованія и духовенствомъ.

Въ то же время на западныхъ окраинахъ Россіи народное образованіе сдѣлало большій шагъ впередъ, чѣмъ въ коренной Россіи. Въ Сибири эта эпоха была началомъ возникновенія низшаго образованія. Первое народное училище было открыто въ Томскѣ въ 1789 г., а въ 1816 г. открывается въ Сибири 18 начальныхъ училищъ.

Частная иниціатива въ дѣлѣ образованія проявилась въ организаціи „С.-Петербургскаго Общества учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія", уставъ котораго былъ утвержденъ 14 января 1819 года. Но уже въ 1827 году всѣ основанныя имъ училища или закрылись, или были закрыты. Къ концу царствованія Александра I, Россія обладала еще крайне ничтожнымъ числомъ народныхъ училищъ, и государственные расходы на народное образованіе были ничтожны.

Переходя къ эпохѣ царствованія Николая I-го, авторы останавливаются на работахъ учрежденной еще въ 1826 году (за годъ до воцаренія Николая I-го) министромъ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковымъ особой комиссіи (изъ Ливена, Сперанскаго, Ламберти, Норова, Сиверса, Шторха, Строгонова и двухъ Перовскихъ), для пересмотра штатовъ учебныхъ заведеній и учебно-воспитательной части. Комиссіи было поручено ввести въ дѣло воспитанія и ученія „должное и необходимое единообразіе" и „воспретить всякія произвольныя преподаванія ученій по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ". Результатомъ работъ этой комиссіи, говорятъ со-

ставители очерка, явился *Уставъ 8 декабря 1828 года*, совершенно измѣнившій всю постановку школьнаго дѣла. Уставомъ 1828 г. народная школа совершенно оторвана отъ средней и высшей школы; въ основу классификаціи учебныхъ заведеній *впервые положена у насъ сословность и раздѣленіе народа на „состоянія"*. Рескриптомъ отъ 19-го августа заявлялось, чтобы „повсюду предметы ученія и самые способы преподаванія были по возможности соображены съ будущимъ вѣроятнымъ назначеніемъ обучающихся". На этомъ основаніи помѣщичьихъ крестьянъ запрещено было вовсе принимать въ высшія и среднія учебныя заведенія и лишь „не воспрещено" обучать въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ. Устройство же и содержаніе сельскихъ училищъ отнесено всецѣло на средства крестьянъ и помѣщиковъ, а городскихъ—на счетъ городовъ. Учебный курсъ одноклассныхъ приходскихъ училищъ ограничивался преподаваніемъ Закона Божія, чтенія гражданской и церковной печати, письма и первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики. Тотъ же уставъ ввелъ въ организацію народнаго образованія небывалую прежде регламентацію и административныя стѣсненія, оставивъ въ то же время народныя училища безъ всякой матеріальной поддержки со стороны государства. Въ итогѣ, новый законъ значительно ухудшилъ и безъ того печальное положеніе народнаго образованія; лучшія помѣщичьи школы начали закрываться. Въ отчетѣ министра за 1831 годъ говорится: „въ 1831 году продолжалось преобразованіе учебной части по правиламъ, предписаннымъ въ Уставѣ 1828 года и съ тѣмъ вмѣстѣ закрываемы были постепенно тѣ училища, коихъ устройство не согласно съ принятою нормальною системою и которыя съ приведеніемъ оной въ дѣйствіе дѣлаются уже *ненужными*". Въ 1833 и 1834 годахъ *воспрещается обучать въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ кантонистовъ, въ 1837 г. незаконнорожденныхъ*, находящихся въ вѣдѣніи приказовъ общественнаго призрѣнія. Въ 1831 году въ столицахъ *запрещено открывать частныя школы*. Дѣло подготовки учителей было совершенно заброшено, и въ 1847 году былъ даже закрытъ „за ненадобностью" 2-й разрядъ Педагогическаго института.

Для болѣе точной характеристики положенія народнаго образованія во второй четверти XIX вѣка слѣдуетъ еще добавить нѣкоторыя свѣдѣнія о параллельной дѣятельности въ этой области

министерства государственныхъ имуществъ. Число школъ этого вѣдомства въ казенныхъ селеніяхъ было въ 1836 году не велико, всего 60 съ 1880 учащимися. Дѣло въ нихъ поставлено было плохо, и дѣтей заставляли ходить въ эти школы, случалось, за 8 верстъ. Черезъ два года повелѣно было постепенно учреждать въ тѣхъ же селеніяхъ приходскія училища для подготовки мальчиковъ къ должности волостныхъ и сельскихъ писарей, для чего съ каждыхъ 1000 душъ населенія *брали* по одному мальчику. Въ 1842 г. школы названнаго министерства были согласованы съ общимъ Уставомъ 1828 г. и содержались на счетъ особаго сбора съ крестьянъ. Къ 1849 году, однако, уже обнаруживается, что многія изъ этихъ школъ существуютъ только на бумагѣ, а отъ обученія въ нихъ дѣтей крестьяне нерѣдко *„прямо откупались“*. Не лучше въ то же время стояло дѣло школъ Удѣльнаго вѣдомства. Что это были за училища, видно изъ того, что въ 1838 г. сдѣлано было „распоряженіе о зачетѣ обучавшихся въ нихъ крестьянскихъ мальчиковъ въ рекрутскую послугу тѣмъ семействамъ, изъ которыхъ они были взяты“.

Особнякомъ стояли школы вѣдомства св. Синода, дѣйствовавшія въ силу изданнаго въ 1836 году указа Св. Синода. Въ школахъ ученіе производилось лишь тогда, когда священникъ или дьячекъ бывали свободны отъ церковныхъ или хозяйственныхъ занятій. Но съ теченіемъ времени и эти школы прекратили свое существованіе.

Что касается до какой-либо организованной общественной дѣятельности на поприщѣ народнаго образованія, то въ дореформенную эпоху она существовать не могла. Она возникаетъ только съ паденіемъ крѣпостного права.

Минуя цифровыя данныя книги о низшихъ училищахъ Россіи во второй четверти нашего столѣтія, отмѣтимъ только, что участіе государственнаго казначейства въ расходахъ на народное образованіе въ ту эпоху „было почти такъ же незначительно, какъ и въ первой четверти“.

Ан.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ*).

Странички изъ исторіи русскаго законодательства*).

„Петръ Великій былъ по преимуществу русскій человѣкъ, русскій именно въ своихъ преобразованіяхъ. Русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и поломать себя: онъ мало занимается своимъ прошедшимъ и смѣло глядитъ впередъ. Что хорошо—то ему нравится, что разумно—то ему и подавай, а откуда оно идетъ—ему все равно".— *Тургеневъ*, Хорь и Калинычъ.

§ 1. **Древнѣйшій періодъ.** Въ тотъ моментъ, когда исторія застаетъ восточныхъ славянъ, они живутъ родовымъ бытомъ. Эта масса политически самостоятельныхъ единицъ должна была находиться въ постоянныхъ враждебныхъ другъ другу отношеніяхъ. Потребность въ посредникѣ, который бы примирялъ взаимные интересы родовъ и въ то же время обладалъ бы достаточною силою, чтобы заставить самый сильный родъ подчиниться его рѣшенію, и побудила въ концѣ концовъ обратиться къ чужеземнымъ варягамъ.

При политической обособленности славянъ ихъ раздѣляла еще, благодаря разнымъ условіямъ жизни и соприкосновеніямъ, и культурная разобщенность. Особенно значительно культурное различіе между полянами и древлянами. Благодаря огромному пространству, занятому рѣдкимъ населеніемъ, правила общежитія, необходимыя въ каждой общественной группѣ, должны были быть весьма разнообразны. Только общность происхожденія, гдѣ она не успѣла еще стереться въ памяти, и взаимныя встрѣчи, мирныя или враждебныя, могли поддерживать нѣкоторое единство въ этихъ правилахъ.

---

*) Извлеченіе изъ статьи Г. Шершеневича—„Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи" (Ученыя записки Императорскаго Казанскаго университета, 1899 г.).

Въ виду указанныхъ политическихъ и культурныхъ условій, нормы права, если признать ихъ уже нѣсколько выдѣлившимися къ этому времени изъ правилъ общежитія, могли имѣть силу только въ предѣлахъ каждаго племени, а можетъ-быть, и рода. Отсюда совершенная правдоподобность предположенія о существованіи какого-то кодекса, содержавшаго въ себѣ общеславянское право.

Общее всѣмъ родамъ правило общежитія, поддерживавшее до нѣкоторой степени порядокъ во взаимныхъ отношеніяхъ — это обязанность мести со стороны всѣхъ родичей убитаго или оскорбленнаго виновнику и даже всѣмъ его родичамъ. Хотя некультурный человѣкъ вообще мало предусмотрителенъ и легко поддается первому побужденію, но опасеніе неминуемаго мщенія должно было нерѣдко удерживать готовящееся насиліе. Недостаточность этого охранительнаго средства обнаруживается изъ того, что человѣкъ сильный и принадлежащій къ могущественному роду могъ надѣяться на безнаказанность тамъ, гдѣ другой долженъ былъ непремѣнно ждать возмездія.

Въ этотъ періодъ никакого различія между публичнымъ и частнымъ правомъ не могло быть, потому что не существовало раздвоенія между міромъ частныхъ и общественныхъ интересовъ. Каждый дѣйствуетъ не иначе, какъ членъ рода, а отношенія одного рода къ другому носятъ характеръ международный. Всякая сдѣлка между членами одного рода привлекаетъ вниманіе всего рода, сдѣлка между членами разныхъ родовъ, какъ сдѣлка между самими родами, требовала участія послѣднихъ. Слѣдовательно, всѣ отношенія носятъ характеръ публичный.

На эту массу раздѣленныхъ общественныхъ группъ начинаютъ воздѣйствовать почти одновременно начало политическаго единенія, идущее съ сѣвера, отъ норманновъ, и начало культурнаго единенія, идущее съ юга, отъ грековъ. Князья, призванные сѣверными племенами, а потомъ распространившіе свою власть на всѣ прочія славянскія племена, впервые создали, благодаря своей дружинѣ, тотъ элементъ, который необходимъ былъ для политическаго соединенія разобщенныхъ родовъ въ форму государственнаго союза. Особенно благодѣтельнымъ оказалось первоначальное единокняжье, продолжавшееся почти 200 лѣтъ. До сихъ поръ политически самостоятельные роды вошли въ составъ болѣе обширнаго соединенія на положеніи частныхъ лицъ. Рядомъ съ ихъ обособленными частными интересами создались

общіе всѣмъ родамъ интересы политическіе, военные, торговые. Явилось сознаніе единства русской земли: это ясно обнаруживается и въ лѣтописи, и въ словесной литературѣ, какъ Слово о полку Игоревѣ. Такое же объединяющее культурное вліяніе имѣло принятіе христіанства.

Сближеніе членовъ разныхъ родовъ въ походахъ, въ торговыхъ экспедиціяхъ, въ городахъ, которые увеличились числомъ и численностью населенія, на многолюдныхъ вѣчахъ, при передвиженіяхъ дружины, должно было способствовать уравненію правилъ общежитія, смягченію ихъ мѣстныхъ особенностей. Князья, призванные «судить по праву» и достаточно сильные, чтобы заставить уважать судебныя рѣшенія, благопріятствуютъ бо́льшему отдѣленію нормъ права отъ другихъ правилъ общежитія, а это въ свою очередь, облегчаетъ процессъ правового объединенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ князья проявляютъ, хотя и слабо, законодательную дѣятельность.

Яркимъ выразителемъ объединительныхъ тенденцій является «*Русская Правда*», въ которой мы имѣемъ первый источникъ русскаго права, получившій примѣненіе въ русской землѣ и создавшій надолго основу дальнѣйшаго развитія русскаго права.

Русская Правда представляетъ собою замѣчательный историческій памятникъ. Онъ создается въ то время, когда только образуется русское государство, характеризуя самый начальный правовой порядокъ.

Историческое преданіе приписываетъ составленіе Русской Правды великому князю Ярославу. Въ Новгородской лѣтописи, подъ 1016 годомъ, разсказывается, что Ярославъ, въ благодарность за оказанную ему новгородцами помощь, «отпусти ихъ домой и давъ имъ правду и уставъ списавъ, глаголавъ тако: по сей грамотѣ ходите; яко же писахъ вамъ, тако держите».

Русская Правда въ томъ видѣ, какъ она дошла къ намъ, не есть одновременное произведеніе. Она составлялась постепенно, путемъ дополненій, въ теченіе XI—XIII вѣковъ. Основою является сборникъ въ 17 статей, который можетъ быть отнесенъ ко временамъ Ярослава. Затѣмъ происходятъ измѣненія, благодаря которымъ Русская Правда должна была принимать разный видъ, смотря по времени.

Какая причина побудила къ составленію сборника въ его первоначальномъ видѣ? По всей вѣроятности, потребность въ немъ была вызвана, во-первыхъ, рѣзкою перемѣною общественной жизни вслѣд-

ствіе перехода отъ родового быта къ государственному; во-вторыхъ, развитіемъ городской жизни; въ-третьихъ, вторженіемъ византійскаго права, рядомъ съ которымъ необходимо было опредѣлить свое родное.

Русская Правда въ краткой редакціи представляетъ собою главнымъ образомъ сборникъ обычнаго права. Но, рядомъ съ обычнымъ правомъ, источникомъ ея является и законодательство князей. Законодатетьная дѣятельность Владиміра Святого извѣстна намъ по лѣтописи, а участіе Ярослава въ творчествѣ права обнаруживается изъ самаго сборника. Едва ли на первоначальной Русской Правдѣ могло уже отразиться византійское вліяніе. Скорѣе можно предположить первоначальное норманское вліяніе. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ эпоху составленія Правды русская земля находилась въ самомъ близкомъ общеніи съ западнымъ міромъ. Но при дальнѣйшихъ пополненіяхъ Русской Правды византійское право должно было пробить себѣ доступъ къ ней и вліяніе его весьма вѣроятно на статьяхъ о наслѣдствѣ и холопствѣ. Наконецъ, источникомъ для пополненія Русской Правды служила судебная практика.

Въ первоначальныхъ сборникахъ права нельзя, конечно, искать научной системы, распредѣленія юридическихъ нормъ права по какимъ-либо логическимъ основаніямъ. Чаще всего матеріалъ располагается по бытовой его важности. Сначала идутъ статьи объ убійствѣ, потомъ о причиненіи ранъ, увѣчій, о нанесеніи побоевъ, затѣмъ о нарушеніи права собственности, о взысканіи долга и, наконецъ, въ видѣ случайной прибавки, о нанесеніи побоевъ холопомъ свободному мужу. Позднѣе Русская Правда дополнялась по хронологическимъ основаніямъ, а иногда производилась сводка накопленнаго матеріала.

Русская Правда характеризуетъ переходное время отъ родового быта къ государственному. Еще родичи мстятъ за обиду, причиненную своему, и законъ даже выражается такъ, что можно подумать, будто онъ вмѣняетъ месть въ обязанность. Съ другой стороны, ограничивается кругъ лицъ, призванныхъ къ мести, чѣмъ сокращаются гибельныя его послѣдствія. Назначеніемъ высокаго для той экономической эпохи вознагражденія за убійство, увѣчіе, побои, законъ соблазняетъ мстителя и останавливаетъ его руку: значитъ, сознаніе долга мести еще существуетъ, но оно уже настолько подорвано ослабленіемъ родовыхъ началъ, что долгъ уступаетъ экономическому расчету. Согласно недавнему еще родовому быту, первоначальная Рус-

ская Правда знаетъ только свободнаго мужа и холопа: всѣ равны и всѣмъ одна цѣна, потому что каждый—членъ рода, а роды другъ другу равны. Участіе всего рода въ сдѣлкахъ переходитъ теперь въ привлеченіе послуховъ. Закличъ производится всенародно, публично. При постепенныхъ дальнѣйшихъ измѣненіяхъ слѣды родового быта ослабляются, а государственное начало беретъ верхъ. Вводятся наказанія, независимыя отъ обиды, потокъ и разграбленіе, устанавливается неравенство въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ лицъ.

Нельзя сказать, чтобы въ пространной Русской Правдѣ гражданскому праву было отведено слишкомъ мало мѣста. Если вещное право представляется наименѣе полнымъ и яснымъ, за то обязательственному праву отведено значительное мѣсто. Такъ, Правда предусматриваетъ договоры займа, личнаго найма, поклажи, купли-продажи. Это обстоятельство указываетъ на развитыя торговыя отношенія. Семейныя отношенія совершенно игнорируются Русскою Правдою.

Русская Правда не охватила, конечно, всего дѣйствовавшаго обычнаго права. Для вновь возникающаго государства не всѣ отношенія одинаково важны. Оно стремится опредѣлить наиболѣе существенныя для общежитія стороны, каковою является огражденіе личной безопасности. Гражданское право останавливаетъ на себѣ вниманіе послѣ уголовнаго, а потому и въ Русской Правдѣ отношенія, относимыя теперь къ уголовному праву, стоятъ на первомъ планѣ.

Русская Правда внесла и поддерживала объединительныя правовыя тенденціи. Неблагопріятно сложившіяся впослѣдствіи историческія обстоятельства создали политическую рознь. Все же содержаніе Русской Правды легло въ основаніе мѣстныхъ правъ, напоминая о быломъ единствѣ.

§ 2. **Періодъ мѣстныхъ правъ.** Многообѣщавшей культурѣ южной Руси суждено было, вслѣдствіе неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ, остановиться въ своемъ движеніи. Постоянныя усобицы удѣльнаго періода, которыя сосредоточивались около старѣйшаго и богатѣйшаго Кіева и разорили окрестное населеніе, разгромъ Кіева полчищами Батыя, учрежденіе Орды, близость которой была небезопасна, — уничтожили центръ древней Руси, разсѣяли собравшееся по Днѣпру населеніе, которое стало тянуть теперь къ новымъ центрамъ, болѣе обезпечивающимъ личную и имущественную неприкосновенность. Вмѣстѣ съ тѣмъ пало прежнее

политическое и культурное единство русской земли. Взамѣнъ того установилось нѣсколько центровъ общественной жизни на совершенно новыхъ мѣстахъ или на мѣстахъ, не игравшихъ прежде видной роли. Хотя разсѣявшееся населеніе унесло съ собою свои воззрѣнія и нравы, но отчасти новыя условія жизни, отчасти столкновеніе съ мѣстными нравами создали совершенно разныя культуры. Особенное различіе сказывается между сѣверными республиками, литовско-русскимъ и московскимъ государствами.

Этотъ сепаратизмъ политическій и культурный не могъ не отразиться на правѣ. Источникъ общаго права, Русская Правда, постепенно къ XIV вѣку выходитъ изъ употребленія и забывается. Конечно, содержаніе ея продолжаетъ сохранять свое значеніе въ качествѣ обычнаго права и даже подвергается дальнѣйшему развитію, особенно въ богатыхъ частно-правовою жизнью республикахъ, въ Новгородѣ и Псковѣ, но сила нормъ основывается исключительно на обычаѣ, а не на авторитетѣ сборника. До новаго политическаго и культурнаго объединенія подъ главенствомъ Москвы возникаетъ рядъ отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга системъ правъ: псковскаго, новгородскаго, литовско-русскаго, московскаго.

Богатая частная жизнь сѣверныхъ вѣчевыхъ городовъ должна была дать широкій просторъ нормамъ гражданскаго права. Напротивъ, лагерный бытъ московскаго государства, сосредоточеніе общаго вниманія на усиленіи самодержавной власти, отъ которой ожидалось обезпеченіе безопасности, не благопріятствовали юридическому опредѣленію нормъ частнаго быта.

Особенно благопріятно для развитія гражданскаго права сложились историческія условія на сѣверо-западѣ, въ республикахъ новгородской и псковской. Признаніе личности, участіе каждаго въ государственныхъ вопросахъ, свобода оборота, торговыя сношенія, развитая общественная жизнь рядомъ съ неприкосновенностью частной жизни, ослабленіе родовыхъ связей—все это давало мѣсто для дальнѣйшаго развитія тѣхъ частно-правовыхъ нормъ, которыя заключались въ Русской Правдѣ. Дѣйствительно, Псковъ сохранилъ намъ замѣчательный памятникъ гражданскаго законодательства, извѣстный подъ именемъ Псковской Судной Грамоты.

Этотъ замѣчательный памятникъ является актомъ вѣчевого законодательства. Предложеніе новыхъ законовъ лежало на посадникѣ, а вѣче соглашалось утвердить новый законъ или отмѣнить старый.

Источники, изъ которыхъ составилось содержаніе Грамоты, указаны въ ней самой. «Ся грамота выписана изъ Великаго князя Александровы грамоты, і изъ Княжъ Константиновы Грамоты, і изо всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлинъ». Такимъ образомъ, матеріаломъ послужили законодательные акты и обычное право.

Со стороны своего содержанія Псковская Судная Грамота представляетъ собою по преимуществу памятникъ гражданскаго права. По богатству цивилистическаго матеріала, по развитію юридическихъ понятій Псковская Судная Грамота представляетъ собою исключительное явленіе, и можно смѣло утверждать, что ни одно современное ей западное законодательство не можетъ сравняться по богатству содержанія. Особенно развитая юридическая мысль обнаруживается въ положеніяхъ о давностномъ владѣніи, о личномъ наймѣ, о наслѣдованіи. Всѣ эти нормы представляютъ плодъ народной эмпирики, потому что рука науки къ нимъ не прикасалась. Вмѣстѣ съ тѣмъ Псковская Судная Грамота является во всѣхъ отношеніяхъ естественнымъ продолженіемъ Русской Правды. Отъ послѣдней она отличается большимъ объемомъ содержанія и большею точностью положеній. Нельзя не указать на чрезвычайное развитіе письменности, какъ на отличительный признакъ ея по сравненію съ Русскою Правдою, гдѣ господствуетъ исключительно словесная форма.

Богатому развитію частно-правовой системы въ Псковѣ не суждено было идти далѣе. Объединительное движеніе, шедшее со стороны Москвы, уничтожало на своемъ пути всѣ мѣстныя особенности, какъ бы высоко ни стояли онѣ по сравненію съ московскими порядками.

Не менѣе, если еще не болѣе, благопріятно сложились обстоятельства въ другомъ сѣверномъ народоправствѣ—въ Великомъ Новгородѣ. Псковъ, сначала пригородъ, а потомъ младшій братъ послѣдняго, едва ли могъ уйти въ правовомъ отношеніи отъ своего образца.

А между тѣмъ дошедшая до насъ Новгородская Судная Грамота не оправдываетъ такого предположенія. Очевидно, уцѣлѣвшая грамота представляетъ собою только отрывокъ болѣе обширнаго и богатаго по содержанію памятника. Возникаетъ однако вопросъ, возможно ли, чтобы исторія не сохранила намъ столь важнаго памятника законодательства такихъ крупныхъ центровъ, какъ Новгородъ? Въ этомъ можно видѣть руку Москвы, уничтожавшей все, что не подходило подъ создаваемый ею самою государственный типъ. Только

историческая случайность сохранила намъ и Псковскую Судную Грамоту. Лѣтописи же слишкомъ заняты внѣшними событіями, чтобы упоминать о какихъ-то измѣненіяхъ въ гражданскомъ законодательствѣ, о какихъ-то замѣнахъ одного сборника другимъ. Но во всякомъ случаѣ изъ того, что къ намъ не дошло полное гражданское законодательство Новгорода, нѣтъ основанія заключать, чтобы такового и вовсе не было въ этой торговой республикѣ.

Въ началѣ дошедшей до насъ Грамоты указано, что она составлена на вѣчѣ, всѣми 5 концами, всѣмъ Государемъ Великимъ Новгородомъ, по благословенію архіепископа Ѳеофила, «доложа господа великихъ князей» Ивана III и его сына. По лѣтописи, Иванъ III велѣлъ въ 1471 году переписать судную докончательную грамоту на свое имя, т.-е. переиздать ее заново, но уже не отъ имени одного вѣча, а и новаго новгородскаго властелина. Это и выражено въ начальныхъ словахъ Грамоты.

Нѣсколько иной характеръ получило развитіе началъ Русской Правды на юго-западѣ. Если въ сѣверныхъ народоправствахъ развитіе шло совершенно самопроизвольно, путемъ внутренняго роста, безъ постороннихъ вліяній, то здѣсь русскому праву пришлось испытать давленіе со стороны польскаго, нѣмецкаго и римскаго права.

Въ юго-западномъ краѣ, составлявшемъ нѣкогда основную часть древней кіевской Руси, а потомъ вошедшемъ въ составъ литовскаго государства, сила Русской Правды держалась весьма долго. Причины, почему послѣдняя такъ долго сохраняла здѣсь свое значеніе, несмотря на запустѣніе кіевской земли, на основаніе потомъ новаго государства, заключается въ томъ, что здѣсь былъ древній центръ ея дѣйствія, и что авторитетъ ея былъ здѣсь особенно силенъ. Литовское завоеваніе не принесло съ собою замѣны общественныхъ формъ. Когда, въ половинѣ XIII вѣка, Литва пришла въ соприкосновеніе съ Русью, послѣдняя по своей культурѣ стояла значительно выше первой, и по общему историческому закону побѣдители подчинились ей. Русскій языкъ господствуетъ на судѣ, въ офиціальныхъ грамотахъ, онъ становится употребителенъ при литовскомъ дворѣ. Между литовцами стали распространяться русскіе нравы. Понятно, что юридическія формы древней Руси не только не исчезли, но нашли себѣ новое подтвержденіе въ фактѣ воздѣйствія русской цивилизаціи. Право русскихъ еще потому должно было имѣть успѣхъ

среди литовцевъ, что при сліяніи тѣхъ и другихъ въ одно политическое общество, первые имѣли уже писанные законы, а у вторыхъ ихъ еще не было. А въ такихъ случаяхъ писанное право всегда беретъ верхъ надъ неписаннымъ. Такимъ образомъ, къ концу XIV столѣтія, когда въ Литвѣ началось польское вліяніе, основы русскаго права успѣли пустить настолько глубокіе корни въ жизни, особенно низшихъ и среднихъ классовъ, что не сразу поддались польской культурѣ.

Въ результатѣ, когда въ литовскомъ княжествѣ поставленъ былъ вопросъ о кодификаціи мѣстнаго права, старинное русское право, нашедшее себѣ выраженіе въ Русской Правдѣ, должно было получить доступъ и въ новый кодексъ. Дѣйствительно, Литовскій Статутъ во многихъ своихъ постановленіяхъ воспроизводитъ положенія Русской Правды.

Необходимость кодификаціи обнаружилась съ очевидностью къ концу XV столѣтія. Въ Литвѣ не было общаго права, а была лишь масса мѣстныхъ правъ, какъ обычныхъ, такъ и уставныхъ, довольно быстро другъ друга смѣнявшихъ, масса привиллегій, такъ что получалась полная неопредѣленность дѣйствія закона какъ въ отношеніи пространства и времени, такъ и лицъ.

Литовскій Статутъ былъ составленъ въ 1529 году при королѣ польскомъ и князѣ литовскомъ Сигизмундѣ I. По всей вѣроятности, онъ былъ составленъ на русскомъ языкѣ, а потомъ переведенъ на латинскій и, наконецъ, на польскій. Онъ не былъ отпечатанъ, а потому сохранился только въ спискахъ. По просьбѣ литовцевъ, въ виду обнаруженныхъ пробѣловъ и противорѣчій, Статутъ подвергнутъ былъ пересмотру и составленъ вновь въ 1566 году. Эта вторая редакція значительно обширнѣе первой. Этотъ Статутъ, написанный по-русски же, также не былъ напечатанъ. Люблинская же унія 1569 года, усилившая вліяніе Польши на Литву, отразилась и на Статутѣ. Если литовско-русское населеніе отказалось принять цѣликомъ польскіе законы, то пришлось, по крайней мѣрѣ, нѣсколько согласовать свое право съ польскимъ. Составленный проектъ былъ разсмотрѣнъ варшавскимъ коронаціоннымъ сеймомъ и утвержденъ королемъ въ 1588 году. По объему Статутъ въ этой послѣдней редакціи превышаетъ обѣ первыя.

Источниками Литовскаго Статута послужили: a) Русская Правда, b) мѣстныя права и привиллегіи, c) римское право, d) польское и e) нѣмецкое право. Вліяніе Русской Правды, обнаруживающееся изъ значительнаго сходства нѣкоторыхъ постановленій Статута съ правилами древняго русскаго сборника, проявилось наиболѣе очевидно въ первой редакціи. Въ дальнѣйшихъ редакціяхъ этотъ источникъ долженъ былъ все болѣе и болѣе отступать передъ другими источниками, выдвинутыми польскимъ вліяніемъ. На гражданскомъ правѣ Статута замѣчается вліяніе римскаго права, на государственномъ — польскаго, на городскомъ—нѣмецкаго.

Литовскій Статутъ обнимаетъ собою всю систему права. Въ расположеніи матеріала замѣчается стремленіе ввести порядокъ, а именно, въ первыхъ трехъ раздѣламъ сосредоточивается государственное, въ остальныхъ—гражданское и уголовное право.

Гражданское право Литовскаго Статута имѣетъ, конечно, корни въ Русской Правдѣ, но здѣсь не видно того естественнаго развитія ея основъ, какое наблюдаемъ въ Псковской Судной Грамотѣ. Въ Статутѣ, напротивъ, замѣчается видоизмѣненіе этихъ основъ подъ вліяніемъ чуждыхъ началъ иного, болѣе развитого, права. Тѣмъ не менѣе Литовскому Статуту, а не Псковской Судной Грамотѣ, суждено было играть значительную роль въ дальнѣйшемъ развитіи русскаго законодательства.

§ 3. **Судебники.** Характеристическою чертою первой половины московскаго періода русской исторіи является стремленіе къ собиранію и сплоченію русской земли. Московскій бытъ первоначально представляетъ такія же мѣстныя особенности, какъ и бытъ другихъ частей. Но поглощая постепенно разныя земли, Москва старалась придать послѣднимъ общерусскій характеръ. Такое распространеніе московскаго политическаго устройства, нравовъ, воззрѣній, образованія шло параллельно съ уничтоженіемъ всего, что, благодаря инымъ историческимъ условіямъ, нарушало московскій типъ жизни. Точно такъ же и право московское должно было стать правомъ русскимъ.

Благодаря новому мѣсту дѣйствія, новому составу населенія, довольно значительному промежутку времени, отдѣляющему московскій періодъ отъ перваго, московская культура не составляетъ продолженія древне-русской, кіевской, а представляетъ собою совершенно новое историческое явленіе. Соотвѣтственно тому, древне-русское

право находить себѣ мало примѣненія на московской почвѣ. Русская Правда весьма мало отразилась на юридическихъ памятникахъ московскаго періода, особенно позднѣйшаго времени, когда Москва стала вырабатывать свой самостоятельный историческій типъ.

Особенности московской исторіи, наложившія печать на всю ея культуру, заключались въ назначеніи отстоять русскую индивидуальность, обезпечить внѣшнюю самостоятельность. Эта задача придала московскому быту чисто военный, лагерный складъ, въ которомъ все подчиняется единоличной власти начальника, всѣ интересы молкнуть подъ давленіемъ суровой дисциплины. Все вниманіе обращено на обезпеченіе московскаго государства достаточными личными и матеріальными силами. Государственныя заботы сосредоточиваются исключительно на публичныхъ интересахъ, а частные находятся въ полномъ пренебреженіи. Все должно уступить основной исторической задачѣ, ради которой между населеніемъ распредѣляются повинности. Различные классы различаются по обязанностямъ, но не по правамъ, какъ на западѣ: купцы должны доставлять средства государству, а гости, этотъ «финансовый штабъ правительства», вести казенныя предпріятія; служилые люди должны лично отстаивать государство, а для матеріальнаго ихъ обезпеченія крестьяне должны обрабатывать ихъ землю. Точно въ соціалистическомъ государствѣ, заявляется, что «земля великаго князя, а нашего владѣнія». При созданіи московскаго государства вся забота обращена на крѣпость воздвигаемаго зданія, безъ всякаго вниманія къ удобству внутренняго расположенія для его обитателей. Политическій строй привелъ къ полному раболѣпію, которое выразилось въ уничижительныхъ именахъ, въ признаніи себя, со стороны даже бояръ, прирожденными холопами царя, въ превосходствѣ званія «слуги» передъ боярскимъ достоинствомъ. Иностранцы поражались рабскими инстинктами русскаго населенія, отсутствіемъ у него всякой потребности въ свободѣ личности и въ имущественной обезпеченности. Отсутствіе всякой индивидуальности производило со стороны впечатлѣніе, будто московиты «всѣ словно одного возраста». Конечно, характеръ населенія и его общественнаго быта находятъ себѣ оправданіе въ исторіи, но нельзя не признать, что на этотъ разъ условія сложились крайне неблагопріятно для развитія гражданскаго права, которое предполагаетъ нѣкоторую свободу личности и имущественную обезпеченность.

Когда московское правительство приступило къ законодательной дѣятельности, оно не дало гражданскаго права, выработаннаго московскою жизнью. Оно или совершенно пренебрегало этою стороною юридическаго быта въ уставныхъ грамотахъ, или заимствовало частноправовыя нормы изъ мѣстныхъ русскихъ памятниковъ. Это обстоятельство показываетъ, или—что московскій бытъ вовсе не выработалъ юридическихъ нормъ частнаго права, или же что московскій законодатель не пожелалъ унижаться до собиранія обычныхъ нормъ частнаго права, самъ же былъ слишкомъ мало юридически подготовленъ, чтобы попытаться создать ихъ самостоятельно. Неудивительно, что иностранцы поражались бѣдностью московскаго законодательства, которая не соотвѣтствовала, по ихъ представленію, могуществу московскаго государства.

Знаменемъ своей законодательной дѣятельности московское правительство выставило принципъ національности, который былъ формулированъ на московскомъ соборѣ 1551 года слѣдующимъ образомъ: «въ коейждо странѣ законъ и отчина, а не приходятъ другъ къ другу, но своего обычая кійждо законъ держитъ». Между тѣмъ въ дѣйствительности принципъ этотъ имѣлъ силу только на словахъ. При ближайшемъ обозрѣніи источниковъ, положенныхъ въ основаніе позднѣйшаго московскаго законодательства и содержанія юридическихъ памятниковъ, не трудно убѣдиться, что московское правительство широкою рукою черпало изъ иностраннаго права и очень мало поработало надъ установленіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ своего обычнаго права.

Первымъ крупнымъ законодательнымъ актомъ объединеннаго московскаго государства былъ памятникъ, получившій позднѣе названіе перваго Судебника. Онъ появляется въ 1497 году, т.-е. въ концѣ царствованія Ивана III, которому удалось почти окончательно собрать русскую землю. Время появленія этого памятника лучше всего объясняетъ причины, его вызвавшія. Тогда, какъ и теперь, отлично сознавали, что правовое единство, являясь весьма важнымъ культурнымъ условіемъ, служитъ цѣлямъ политическаго сплоченія.

Составителемъ Судебника былъ дьякъ Владиміръ Гусевъ. Изданъ Судебникъ отъ имени князя и боярской думы.

Судебникъ—не самостоятельная законодательная работа. Это—сводка правовыхъ нормъ, дѣйствовавшихъ до того времени въ разныхъ мѣ-

стахъ, которыя вошли теперь въ составъ единаго московскаго государства. Но такъ какъ при этомъ для различныхъ мѣстностей статьи Судебника явились однѣ старыми, другія совершенно новыми, то никоимъ образомъ нельзя утверждать, будто Судебники не внесли ничего новаго въ юридическій бытъ, будто они только записали то, что ранѣе примѣнялось въ жизни. Для тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ впервые стали прилагаться нормы, заимствованныя изъ другихъ угловъ русской земли, Судебникъ имѣлъ реформаторскій характеръ.

Главнымъ источникомъ для нормъ государственнаго права послужили уставныя грамоты, опредѣлявшія порядокъ управленія въ различныхъ частяхъ московскаго государства. Для гражданскаго права составитель Судебника воспользовался богатымъ готовымъ матеріаломъ, который заключался въ Псковской Судной Грамотѣ. Статьи, посвященныя гражданскому праву, представляютъ собою почти сплошь заимствованія изъ этого богатѣйшаго источника. Русская Правда весьма мало послужила матеріаломъ для составителя. Составители сборника не воспользовались обычнымъ правомъ, такъ что, среди нормъ гражданскаго права, можно указать весьма немного указывающихъ на существовавшіе обычаи. Такова статья, въ которой время отказа крестьянина отъ найма опредѣлено Юрьевымъ днемъ. И тѣмъ не менѣе по отношенію къ гражданскому праву Судебникъ носитъ наиболѣе реформаторскій характеръ, потому что бытъ псковской республики такъ рѣзко отличался отъ быта Москвы, что выработанныя въ Псковѣ нормы были новостью для послѣдней.

Дѣйствіе Судебника Ивана III было весьма непродолжительно. По имѣющимся указаніямъ уже при преемникѣ его Василіи Ивановичѣ изданы были какіе-то дополнительные законы. При Иванѣ IV, въ самомъ началѣ его самостоятельнаго правленія, появляется новый законодательный памятникъ, называемый обыкновенно Царскимъ Судебникомъ.

Причины появленія Царскаго Судебника могутъ заключаться съ одной стороны въ томъ, что ошибочно на счетъ закона отнесено было зло, имѣвшее корень въ нравахъ, а именно: неправосудіе, взяточничество; съ другой же стороны—въ томъ, что молодой царь, послѣ происшедшаго въ немъ нравственнаго перелома, пожелалъ выступить передъ народомъ въ качествѣ устроителя. Иванъ IV задался цѣлью «исправить Судебникъ по старинѣ»; но что могла помочь

старина, когда зло крылось въ старинѣ? Царь думаетъ помочь жизни, вводя ее непремѣнно въ старое русло, тогда какъ Максимъ Грекъ училъ въ то время, что «нельзя только мѣнять заповѣди, обычаи же царскіе и земскіе перемѣнять слѣдуетъ, какъ лучше государству».

Царскій Судебникъ составленъ былъ въ 1550 году. Изъ рѣчи Ивана IV, произнесенной на Стоглавомъ соборѣ, обнаруживается, что онъ приступилъ къ этому дѣлу съ благословенія духовенства. На томъ же Стоглавомъ соборѣ 1551 года Иванъ IV произнесъ слѣдующія слова: «Да благословился есми у васъ тогда же Судебникъ исправить по старинѣ и утвердити, чтобъ былъ судъ праведенъ всякія дѣла непоколебимы вовѣки, и по вашему благословенію судебникъ исправилъ... прочтите и разсудите, чтобы было дѣло наше по Бозѣ въ родъ и родъ и вашему благословенію неподвижимо, аще достойно сіе дѣло на святѣмъ соборѣ утвердивъ и вѣчное благословеніе получивъ и подписати на судебникѣ».

Источниками для составителей послужили Судникъ Ивана III и дополнительные законы Василія Ивановича. Въ основу положенъ первый Судебникъ, въ которомъ статьи переставлены, раздѣлены, соединены, дополнены.

Содержаніе Царскаго Судебника, какъ и перваго, главнымъ образомъ процессуальное. Гражданско-правовой отдѣлъ представляетъ собою повтореніе того, что уже было въ первомъ Судебникѣ. Измѣненій произведено весьма немного.

По мысли законодателя содержаніе Судебника является исчерпывающимъ, такъ что никакихъ нормъ внѣ Судебника быть не должно: «впередъ всякія дѣла судити по сему Судебнику» (ст. 97). Вмѣстѣ съ тѣмъ законодатель призналъ, что жизнь не перестанетъ выдвигать новыя отношенія, для которыхъ потребуется юридическое опредѣленіе. «А которые будутъ дѣла новыя, а въ семъ Судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору вершатся, и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати». Такимъ образомъ, обычному праву совершенно не дано простора. Конечно, дѣйствительная жизнь пробивала себѣ теченіе помимо Судебника, но съ исторической точки зрѣнія важно то обстоятельство, что самъ законодатель думалъ, будто онъ включилъ въ свой сборникъ все содержаніе частно-правовой жизни.

Въ продолженіе ста лѣтъ со времени изданія второго Судебника

кодификаціонныя работы пріостанавливаются. Издаются отдѣльные законы, одинъ за другимъ, по мѣрѣ того, какъ текущая жизнь выдвигаетъ тотъ или другой вопросъ. При раздѣленіи задачъ управленія между разными приказами и при отсутствіи всякаго порядка обнародованія законовъ, послѣдніе становятся исключительнымъ достояніемъ того приказа, практикою котораго вопросъ былъ выдвинутъ и къ вѣдомству котораго предметъ относился. Такимъ образомъ, вмѣсто общаго законодательнаго потока, получился рядъ рукавовъ, между собою не сообщающихся. Всѣ эти законы, слѣдующіе за Судебникомъ и носящіе обыкновенно не совсѣмъ точное названіе дополнительныхъ указовъ, заносились въ указныя книги приказовъ, въ порядкѣ хронологической послѣдовательности, а иногда и съ періодическими попытками систематизаціи. Каждый приказъ зналъ и хранилъ относившіеся къ нему указы и въ то же время не зналъ законовъ, изданныхъ для другихъ вѣдомствъ. Въ практикѣ приказовъ постоянно возникали вопросы, побуждавшіе каждый изъ нихъ разыскивать въ другихъ приказахъ, не было ли издано соотвѣтствующихъ узаконеній.

Такіе розыски и запросы не могли не затруднять практику, которая должна была искать какого-либо иного источника, способнаго дать ей руководящія начала. По мнѣнію нѣкоторыхъ, такимъ источникомъ послужило обычное право. Но при характерѣ московскаго правительства, которое стремилось само стать единственнымъ источникомъ руководящихъ правилъ народной жизни, при централизаціи всего управленія въ Москвѣ, при заносчивости и высокомѣріи московскаго чиновенства,—пользованіе со стороны практики обычнымъ правомъ не представляется вѣроятнымъ. Болѣе подходящимъ источникомъ для московской практики явилось чужеземное право, особенно —право сосѣдняго народа. Литовскій Статутъ былъ той книгой, которою пользовались приказы въ затруднительныхъ для нихъ случаяхъ. Пользованіе со стороны приказовъ иностраннымъ источникомъ не подлежитъ въ настоящее время сомнѣнію, и только это обстоятельство можетъ объяснить содержаніе Уложенія Алексѣя Михайловича. Однако, со свойственной тому времени неискренностью, эти заимствованія производились негласно, подъ прикрытіемъ ненависти ко всему чужому.

§ 4. **Уложеніе Алексѣя Михайловича.** Въ половинѣ XVII вѣка, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, создается новый законодательный памятникъ, извѣстный подъ именемъ Уложенія. Можно было заранѣе предвидѣть, что правленію именно этого государя суждено будетъ привести въ порядокъ юридическій строй московскаго государства.

Потрясенія, испытанныя русскимъ народомъ въ началѣ XVII столѣтія, надолго расшатали молодой, едва сложившійся организмъ государства. Прежде всего необходимо было обезпечить самостоятельность Россіи, и эта трудная и тяжелая задача выпала на долю Михаила Ѳеодоровича. Только въ концѣ этого царствованія можно было успокоиться насчетъ внѣшней безопасности, и тогда выступила новая задача—внутренняго устроенія государства, которая пришлась всецѣло на царствованіе Алексѣя Михайловича, хотя и начала осуществляться уже въ концѣ предшествовавшаго царствованія. Междоусобныя войны обнаружили недостаточное внутреннее скрѣпленіе. Населеніе, которое пристало къ Москвѣ въ надеждѣ на бо́льшую защиту, страдало отъ крайняго произвола администраціи и почти полнаго отсутствія правосудія. Московское правительство отлично понимало, что, по отраженіи внѣшнихъ враговъ, оно могло вернуть себѣ авторитетъ только установленіемъ твердаго юридическаго порядка.

Второю причиною, побуждавшею къ составленію Уложенія, было печальное состояніе законодательства. Если произволъ администраціи и недостатокъ правосудія достаточно объяснялись увѣренностью сильныхъ людей въ своей недосягаемости, то эти явленія находили себѣ также нѣкоторое оправданіе въ отсутствіи сколько-нибудь точныхъ и опредѣленныхъ нормъ. Никто не зналъ дѣйствующаго права—ни населеніе, ни само правительство. Судебникъ вышелъ изъ употребленія, а позднѣйшія нормы нашли себѣ мѣсто въ книгахъ отдѣльныхъ приказовъ и оставались неизвѣстными какъ для всего населенія, такъ и для другихъ органовъ управленія.

Ближайшимъ поводомъ къ составленію уложенія является, какъ кажется, давленіе, оказанное на правительство народными волненіями, которыя произошли въ Москвѣ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича.

Безпорядки происходили въ Москвѣ въ началѣ лѣта 1648 года, а 16 іюля того же года царь Алексѣй Михайловичъ, посовѣтовавшись

съ патріархомъ Іосифомъ, митрополитами, архіепископами, епископами и всѣмъ священнымъ соборомъ и поговоривъ съ боярами, окольничими и думными людьми, рѣшилъ приступить къ составленію Уложенія. Съ этою цѣлью образована была комиссія, которой поручено было выписать изъ правилъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отцовъ и градскихъ законовъ греческихъ царей статьи, какія пристойны къ государственнымъ и земскимъ дѣламъ; собрать царскіе указы и боярскіе приговоры и справить ихъ со старыми судебниками; написать и изложить статьи, на которыя прежнихъ государей въ судебникахъ указу не положено и боярскихъ приговоровъ не было. Желая сдѣлать составленіе уложенія дѣломъ народнымъ, Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ созвать земскій соборъ, «чтобы его государево царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердити, и на мѣрѣ поставить, чтобы тѣ всѣ великія дѣла, по нынѣшнему Его Государеву указу и соборному уложенію, впредь были ничѣмъ нерушимы».

Съ 3 октября началось слушаніе соборомъ Уложенія. Слушали не всѣ одновременно, а произошло раздѣленіе. Царь, патріархъ, весь освященный соборъ выслушали сначала; а потомъ отдѣльно, въ отвѣтной палатѣ, Уложеніе читалось передъ выборными людьми.

По выслушаніи законопроекта царь повелѣлъ написать все Уложеніе на списокъ, а уже потомъ, по подписаніи этого списка всѣми выборными, приказалъ царь вновь переписать то Уложеніе въ книгу, съ которой уже и должно было печатать.

Послѣ подписанія того свитка, на которомъ, по окончательномъ обсужденіи, помѣстилось Уложеніе, всѣми выборными и скрѣпы его дьяками, оно было переписано въ книгу и напечатано. Затѣмъ печатные экземпляры были разосланы во всѣ приказы и въ города. Здѣсь впервые встрѣчаемся съ печатаніемъ законовъ, и, что особенно важно, съ обнародованіемъ ихъ. Книга не только была разослана по присутственнымъ мѣстамъ, но и обращена въ продажу, для чего и потребовались два или три изданія. Гласность закона—явленіе въ высшей степени важное въ исторіи правовой жизни народа.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича признается продуктомъ чисто національнымъ, чистымъ выраженіемъ правовой жизни московскаго государства. Оправданіе такому воззрѣнію можетъ заключаться только въ соотвѣтствіи содержанія Уложенія предшествующему праву. Если законодательный памятникъ основывается на болѣе раннихъ

сборникахъ, если онъ представляетъ собою дальнѣйшее развитіе нормъ, уже дѣйствовавшихъ въ тѣхъ же предѣлахъ, то имѣется полное основаніе признать памятникъ національнымъ. Если же въ него врываются совершенно постороннія теченія, продукты правовой жизни другихъ народовъ, то о національности кодекса приходится говорить съ осторожностью. И чѣмъ болѣе, для приведенія дѣйствующаго права въ соотвѣтствіе съ новыми потребностями, памятникъ пользуется готовыми нормами права другихъ государствъ, тѣмъ менѣе основанія настаивать на его національномъ характерѣ. Въ отношеніи Уложенія Алексѣя Михайловича этотъ вопросъ разрѣшается тѣми источниками, которыми составители пользовались, какъ матеріаломъ.

При учрежденіи комиссіи для составленія Уложенія ей даны были указанія, какими источниками должна она воспользоваться для выполненія своей работы. Эти источники слѣдующіе: 1) правила св. апостоловъ и св. отцовъ Церкви, 2) византійское право, 3) старые судебники, царскіе указы и боярскіе приговоры. Къ этимъ источникамъ комиссія присоединила Литовскій Статутъ.

Прежде всего, конечно, приходится остановиться на вопросѣ, насколько составители воспользовались дѣйствовавшимъ до Уложенія правомъ. Нѣкоторые, находя въ Уложеніи слѣды Русской Правды, признаютъ его дальнѣйшимъ логическимъ развитіемъ перваго русскаго права. Но слѣды эти весьма незначительны. Между Русскою Правдою и Уложеніемъ такъ же мало связи, какъ между культурою днѣпровской Руси и московскаго государства.

Такимъ образомъ, въ основу Уложенія могло быть положено московское право, начиная съ Судебниковъ. Эта мысль выражена въ самомъ предисловіи къ Уложенію. Комиссіи поручалось «прежнихъ, великихъ Государей, Царей и великихъ Князей Россійскихъ и Отца его Государева, блаженныя памяти великаго Государя Царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи, указы и боярскіе приговоры съ старыми судебниками справити». Итакъ, дѣло представляется въ такомъ видѣ, что комиссіи слѣдовало, взявъ исходнымъ пунктомъ Судебники, измѣнить, пополнить ихъ содержаніе, соотвѣтственно тому матеріалу, который накопится въ послѣдующихъ узаконеніяхъ.

Какъ мы уже видѣли, дополнительные къ Судебнику указы нашли себѣ мѣсто въ книгахъ отдѣльныхъ приказовъ. Что комиссія пользовалась этими книгами, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Нѣтъ никакихъ свѣдѣній, чтобы комиссія обращалась къ обычному праву. Въ данныхъ ей инструкціяхъ нѣтъ указаній на этотъ источникъ.

Комиссіи рекомендовалось воспользоваться для своей работы правилами св. апостоловъ и св. отцовъ. Это не значило, конечно, что комиссія должна была заняться изученіемъ каноновъ въ подлинникѣ. Ей предлагалось обратиться къ канонической части того сборника, который, подъ именемъ номоканона или кормчей, содержалъ въ себѣ смѣшеніе церковныхъ и свѣтскихъ положеній и давно уже обращался въ Россіи въ области духовной юрисдикціи. Комиссія воспользовалась этимъ источникомъ главнымъ образомъ для того, чтобы придать нѣкоторымъ постановленіямъ религіозную санкцію. Этотъ источникъ въ общемъ, какъ и слѣдовало ожидать, мало принятый комиссіей для выработки матеріальныхъ положеній, отразился въ области гражданскаго права на запрещеніи взимать проценты при займѣ, на запрещеніи договора личнаго найма между иновѣрцами и православными.

Патріархъ Никонъ, оказавшійся злѣйшимъ врагомъ Уложенія, напалъ на составителей его за то именно, что они мало воспользовались этимъ источникомъ, а тамъ, гдѣ пользовались, извращали его. Однако, нападки патріарха являются простыми придирками и не обнаруживаютъ въ немъ пониманія правовой стороны государственнаго быта. Это особенно ярко обнаруживается въ его критикѣ гл. X, ст. 1, въ которой говорится, что судъ—государя царя, тогда какъ по мнѣнію Никона «судъ-де Божій есть и отъ сперва, а не царевъ».

Римское право, оказавшее такое громадное воздѣйствіе на правовой бытъ Западной Европы, проявило свое вліяніе и въ отношеніи Россіи, но только посредственно, въ византійской обработкѣ. Греко-римское право поставлено оффиціально въ предисловіи къ Уложенію среди его источниковъ. Особенно замѣчательно, что ему отведено первое мѣсто, оно поставлено выше своего отечественнаго права, которое, повидимому, должно бы быть основнымъ источникомъ, лишь пополняемымъ со стороны другихъ. Этотъ доступъ греко-римскому праву въ замкнутый московскій міръ и это видное мѣсто, предоставленное ему, объясняются вліяніемъ духовенства. Законодательное предпріятіе, результатомъ котораго явилось Уложеніе, задумано было царемъ совмѣстно съ духовенствомъ, естественно стоявшимъ за византійское право, которымъ оно привыкло пользоваться въ сферѣ

своей юрисдикціи. Въ московскомъ государствѣ установился тѣсный союзъ между государственною властью и православнымъ духовенствомъ, которыя взаимно другъ друга поддерживали. Благодаря этому тѣсному союзу, государственный и правовой строй принималъ нѣсколько религіозно-православный характеръ. Со времени все болѣе и болѣе выступавшаго раздѣленія Церквей православное духовенство обратило свои взоры исключительно на византійскую культуру и усиленно пропагандировало ее, какъ орудіе противъ вторженія западной культуры, за которою стояло латинство. Естественно поэтому, что духовенство предлагало правительству воспользоваться правовымъ матеріаломъ византійской культуры, можетъ-быть, и не подозрѣвая существованія тѣсной связи ея съ римско-латинскимъ правомъ. Въ этомъ случаѣ государственная власть только слѣдовала указаніямъ духовенства.

Византійское право не представляло въ эпоху составленія Уложенія новости для Россіи. Оно давно уже было внесено въ ея предѣлы вмѣстѣ съ христіанствомъ, оно давно составляло содержаніе кормчихъ. Но до сихъ поръ поле его дѣйствія ограничивалось сферою церковной юрисдикціи, изъ которой оно изрѣдка и случайно выходило и въ другія области. Теперь же при составленіи Уложенія византійскому праву открыто предоставляется опредѣлять свѣтскія отношенія московскихъ людей, передъ свѣтскими судами. Греко-римское право приглашается восполнить и исправить русское право. При всемъ вліяніи византизма въ московскомъ государствѣ, до этого времени византійское право не признавалось, какъ основаніе для перестройки всего русскаго правового строя.

Таковы были источники, предложенные комиссіи для руководства, и ими исключительно, по указанію предисловія къ Уложенію, пользовались составители при выполненіи своей задачи. Но въ дѣйствительности при составленіи Уложенія сильно воспользовались иностраннымъ источникомъ, на который нѣтъ оффиціальныхъ указаній, а именно—Литовскимъ Статутомъ.

Этотъ законодательный памятникъ принадлежитъ государству, наиболѣе близкому по культурѣ, и притомъ былъ недавняго происхожденія. Со времени ливонскихъ войнъ между московскимъ государствомъ и польско-литовскимъ установились довольно тѣсныя отношенія—частью военныя, частью мирныя. Государственная близость должна была чувствоваться уже при возникавшихъ предположеніяхъ объ избраніи мо-

сковскихъ царей на польскій престолъ, а польскихъ королей—на русскій. Постоянныя посольства, продолжительный плѣнъ, долгое пребываніе въ чужихъ предѣлахъ во время военныхъ дѣйствій, должны были освоить русскихъ съ польско-литовскою культурою. Вслѣдствіе того въ московскихъ приказахъ развилась постепенно привычка обращаться къ Статуту въ затруднительныхъ юридическихъ случаяхъ. Странно было бы думать, что именно при составленіи Уложенія эта привычка была вдругъ оставлена. Дѣйствительно, составители Уложенія полною рукою черпали въ этомъ источникѣ, хотя и не упоминали о томъ.

Заимствованія производились двоякимъ путемъ. Заимствовались только вопросы, поставленные въ Статутѣ и до сихъ поръ не выдвигавшіеся въ Москвѣ, и давались свои рѣшенія, соотвѣтствующія мѣстнымъ условіямъ. Или же заимствовались самыя юридическія положенія, цѣликомъ или съ большею или меньшею передѣлкою. Во всякомъ случаѣ, объемъ заимствованій изъ этого источника громаденъ. При такомъ свободномъ пользованіи Литовскимъ Статутомъ со стороны комиссіи трудно было бы предполагать, что одно гражданское право останется чуждо этимъ заимствованіямъ. И на самомъ дѣлѣ вліяніе Литовскаго Статута оказывается весьма значительнымъ и въ этой небольшой части Уложенія.

Уложеніе Алексѣя Михайловича представляетъ собою огромный сборникъ, превысившій по объему все виданное до сихъ поръ въ московскомъ государствѣ.

Обращаясь къ характеристикѣ Уложенія Алексѣя Михайловича, мы прежде всего встрѣчаемся съ вопросомъ о томъ, насколько оно можетъ считаться чистымъ продуктомъ народно-русскаго творчества. Всѣ изслѣдователи Уложенія, какъ старые такъ и новые, единодушно признаютъ, что «въ немъ выразился народный отечественный характеръ», что «оно высилось въ жизни народной стройно и преемственно»; что «оно естественно историческимъ путемъ развилось изъ народной жизни, что оно лишь пополнило и объединило старыя постановленія, но не внесло въ русскую жизнь ничего новаго»; однимъ словомъ, что «оно представляетъ собою строго-національный кодексъ». Если однако отложить патріотическій мотивъ, то всѣ эти мнѣнія останутся безъ достаточнаго научнаго основанія, такъ какъ они не исходятъ изъ понятія о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ именемъ «строго-національнаго кодекса».

Если станемъ на эту точку зрѣнія, то увидимъ, что національный характеръ можно признавать за такимъ только законодательнымъ памятникомъ, котораго содержаніе представляетъ собою развитіе предшествующаго законодательства, вызываемое усложненіемъ бытовыхъ отношеній. Это развитіе должно состоять въ распространеніи, обобщеніи, измѣненіи старыхъ нормъ, насколько въ томъ обнаружилась потребность. Основаніемъ къ такому измѣненію должно служить изученіе жизни своего народа и самостоятельное, соотвѣтствующее ей творчество юридическихъ нормъ. Если же право народа измѣняетъ свое содержаніе не путемъ внутренняго роста, а вслѣдствіе присоединенія огромнаго количества чужеземныхъ нормъ, то едва ли можно приписывать ему національный характеръ. Подобное заимствованіе само по себѣ не даетъ основанія къ осужденію законодательнаго памятника. Напротивъ, право каждаго народа должно поддаваться чужому вліянію, какъ и его литература, наука, искусство, должно пользоваться готовымъ образцомъ вмѣсто того, чтобы начинать заново работу, уже выполненную другими. Всё дѣло въ критическомъ отношеніи къ заимствуемому матеріалу, въ разумномъ пользованіи образцомъ.

Обозрѣніе источниковъ Уложенія въ достаточной степени обнаружило, что содержаніе его въ доброй части не составляетъ продукта отечественнаго творчества, а напротивъ заимствованіе изъ права другихъ народовъ, притомъ съ такими несходными культурами, какъ Византія съ одной стороны, Польско-Литовское государство—съ другой.

Замѣчено, что Уложеніе, по сравненію съ предшествующими законодательными памятниками, отличается необыкновенно жестокими наказаніями. Денежныя наказанія, свойственныя старому русскому праву, уступаютъ мѣсто смертной казни, членовредительнымъ наказаніямъ, ссылкѣ. Но заливаніе горла оловомъ, сожиганіе, четвертованіе—все это не русскаго происхожденія, а навѣяно византійскими и литовскими источниками. Такимъ образомъ, эта характерная черта строго-національнаго памятника—суровость является сама заимствованною.

Второю характерною чертою Уложенія признаютъ его православно-религіозное начало: «оно, какъ и народъ, создавшій его, православно». Но едва ли можно признать религіозность характерною чертою Уложенія. Два, три заимствованія изъ св. писанія еще недостаточны для того, чтобы придать характерный признакъ такому объемистому

произведенію, какъ Уложеніе. Запрещеніе процентовъ на основаніи правилъ св. апостоловъ соотвѣтствуетъ подобнымъ же запрещеніямъ, вводимымъ на томъ же основаніи во всей Западной Европѣ. Если Уложеніе создаетъ рядъ религіозныхъ преступленій, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что такъ же поступали всѣ кодексы Западной Европы, а прежде всего—Кодексъ Юстиніана и Литовскій Статутъ, послужившіе Уложенію образцами, такъ что въ этомъ обстоятельствѣ Уложеніе не представляетъ ничего отличительнаго. Поэтому и нельзя признать религіозно-православное начало, какъ характерный національный признакъ Уложенія.

Отличительною чертою Уложенія, по сравненію съ современными ему законодательными памятниками, могла бы считаться идея равенства, провозглашенная въ предисловіи къ Уложенію... если бы она получила въ немъ осуществленіе. Въ предисловіи выражено желаніе, «чтобы московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго до меньшаго чину, судъ и расправа во всѣхъ дѣлахъ была всѣмъ равна». Эта идея была бы не только характерна для Уложенія, отличая его отъ другихъ кодексовъ, но и отвѣчала бы вполнѣ историческому духу московскаго государства, она могла явиться дѣйствительною выразительницею національности. Передъ самодержавною властью московскаго государя всѣ были равны, всѣ люди несли на себѣ равно государево тягло, и никто не смѣлъ заявлять о какихъ-либо неотъемлемыхъ своихъ правахъ,—полная противоположность западному правовому строю, основанному на сословныхъ началахъ. Но идея равенства не нашла себѣ выраженія въ Уложеніи и именно потому, что оно вовсе не было національнымъ. Эта идея, являясь любимымъ правиломъ самого Алексѣя Михайловича «разсуждать людей въ правду, всѣмъ равно», вырвалась подъ вліяніемъ народныхъ волненій, вызванныхъ отсутствіемъ равнаго суда. А между тѣмъ составители Уложенія не нашли ничего подобнаго въ образцахъ, сами же, напротивъ, проникнись противоположными тенденціями Статута. И по всему Уложенію проходитъ различіе между людьми «большаго и меньшаго чину».

Съ вопросомъ о характерѣ Уложенія стоитъ въ близкой связи вопросъ, является ли оно сводомъ или кодексомъ. Большинство изслѣдователей признаютъ Уложеніе сводомъ, который «сконцентрировалъ, отразилъ въ себѣ, какъ въ оптическомъ фокусѣ все то, что было вы-

работано предшествующимъ законодательствомъ». Въ настоящемъ случаѣ для признанія Уложенія сводомъ руководствуются представленіемъ объ этомъ памятникѣ, какъ вѣрномъ отраженіи старыхъ началъ. Но понятіе о сводѣ имѣетъ свое спеціальное значеніе, которое важно не терять изъ виду, особенно въ Россіи. Подъ именемъ свода понимается приведенная въ систему совокупность нормъ, уже дѣйствовавшихъ до того времени. Съ этой точки зрѣнія Уложеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться сводомъ. Оно вовсе не простой итогъ всего предшествовавшаго московскаго права. Разсмотрѣніе источниковъ Уложенія могло уже убѣдить насъ въ томъ, что въ Уложеніе внесена масса нормъ, до того времени совершенно чуждыхъ московскому законодательству.

То обстоятельство, что Уложеніе Алексѣя Михайловича не держалось строго-національныхъ началъ, что оно восприняло въ себя много чуждыхъ положеній, разсчитанныхъ на болѣе сложную жизнь, придало особенное значеніе этому памятнику и обезпечило за нимъ примѣненіе на долгое время, несмотря на то, что дѣйствіе его пришлось какъ разъ въ эпоху рѣзкихъ переломовъ въ русской жизни. Оно явилось основою дальнѣйшаго развитія права, оно лежитъ въ основаніи нынѣ дѣйствующаго гражданскаго права.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Вопросы книги и жизни.

Сезонъ педагоговъ. — Формалистика и воспитаніе. — Корпоративное начало. — Право матери.—Щедринъ объ участи дѣтей.—Родительская исповѣдь.—„Равненіе подъ одно“.—Типъ новѣйшаго ученика.—Господинъ Дѣепричастіе.—„Бѣжинъ Лугъ“ и педантизмъ.—Зубристика.—Юный Чичиковъ.—Любитель тишины и благонравія.—Золотая медаль г-жи Крандіевской.

Сезонъ педагоговъ,—вотъ какъ можно назвать истекающее полугодіе. Взоры всего общества обращены на педагогическій міръ. Всѣ ждутъ, кромѣ неисправимыхъ пессимистовъ, чего-то новаго, какихъ-то крупныхъ преобразованій въ школьномъ дѣлѣ. И общество имѣетъ полное право ихъ ожидать: тому порукой служатъ указанія г. министра народнаго просвѣщенія на справедливость жалобъ родителей, всего болѣе недовольныхъ «бюрократическимъ характеромъ средней школы», какъ выражено въ оффиціальной бумагѣ. Въ школѣ царитъ, по справедливому замѣчанію министра, «сухой формализмъ».

Постараемся вникнуть въ смыслъ этого обвиненія. Отъ чего зависитъ, на что опирается этотъ формализмъ, этотъ бюрократическій духъ школы? Многіе объясняютъ себѣ это явленіе слишкомъ уже просто. Все зависитъ, думаютъ они, отъ характера личности педагога. Надо, видите-ли, приглашать въ преподаватели, въ директора и пр. людей, чуждыхъ молчалинскаго духа. Эти доктринеры не догадываются, что Молчалины не рождаются Молчалиными отъ природы: ихъ создаетъ система, условія жизни.

Нѣтъ другого такого дѣла, которому была бы еще болѣе вредна формалистика, какъ святое дѣло воспитанія. Вѣдь тутъ главный руководитель, главный двигатель успѣха всего дѣла—сердце, добрыя, простыя, можно сказать, родственныя отношенія наставниковъ къ питомцамъ. А можетъ-ли просто себя держать человѣкъ, чувствующій надъ собою въ своемъ родѣ Дамокловъ мечъ въ видѣ начальническихъ

предписаній, предостереженій, выговоровъ и т. п. «Судьи всему, вездѣ; надъ ними нѣтъ судей»,—вотъ какими кажутся въ глазахъ педагоговъ ихъ начальники. Учитель безпрекословно повинуется распоряженіямъ инспектора и директора; инспекторъ и директоръ съ буквальною точностью исполняютъ предписанія попечителя и т. д., и, такимъ образомъ, въ живомъ дѣлѣ воспитанія главною пружиною, приводящею все въ движеніе, является оффиціальная бумага, одинаково обязательная на всемъ пространствѣ Имперіи, не допускающая ни возраженій, ни объясненій, ни отступленій.

Въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ педагогъ не можетъ, кажется, ничего самостоятельнаго сдѣлать, измѣнить, даже и въ незначительныхъ мелочахъ своего преподаванія и класснаго воспитанія,—хотя бы условія мѣста и времени и духовныя потребности учениковъ настойчиво требовали этого. Всякій знаетъ азбучную истину, что только то дѣйствіе выполняется хорошо, которое совершается нами сознательно, по убѣжденію. А развѣ педагогамъ предоставляется право на такую дѣятельность? Они должны дѣлать такъ, какъ приказано, какъ признаетъ нужнымъ начальникъ. Можетъ-ли быть въ такомъ учрежденіи, при такихъ порядкахъ, иной какой-либо духъ, кромѣ духа субординаціи, кромѣ формальнаго отношенія къ дѣлу?

Школьное дѣло должно вестись дружески, артельно, на началахъ товарищества, взаимопомощи и взаимнаго уваженія. Лучшій изъ русскихъ, признанныхъ всѣми за авторитетнѣйшаго педагога - администратора, знаменитый попечитель учебныхъ округовъ, Н. И. Пироговъ, и собственными своими поступками, и «горячимъ словомъ убѣжденія» проводилъ въ общественное сознаніе, а еще болѣе—въ сознаніе педагоговъ идею корпоративнаго начала въ школьномъ дѣлѣ. Такъ какъ всякое дѣло ведется особенно успѣшно тамъ, гдѣ соединены люди завѣдомо солидарные между собой, то для успѣха такого дѣла, въ которомъ эта солидарность особенно потребна, духъ товарищеской взаимопомощи особенно важенъ. Тутъ не можетъ быть начальства и подчиненныхъ: тутъ всѣ равны между собою, а главный руководитель, заправляющій всѣмъ дѣломъ, есть только первый по опытности и талантамъ между равными.

Нѣчто подобное замѣчается, повидимому, въ настоящую минуту, когда изо дня въ день, не жалѣя времени и силъ, собираются русскіе педагоги, подъ руководствомъ попечителей учебныхъ округовъ,

для прямого и открытаго высказыванія своихъ педагогическихъ взглядовъ. Г. министръ народнаго просвѣщенія прямо внушилъ попечителямъ полную терпимость къ чужимъ мнѣніямъ, предложивъ имъ собрать, для обсужденія предстоящей реформы, педагоговъ «разныхъ направленій».

Не должны ли и въ будущемъ, и впредь навсегда, начальники учебныхъ заведеній на обычныхъ педагогическихъ совѣтахъ съ такою же терпимостью и безпристрастіемъ относиться постоянно къ самостоятельнымъ взглядамъ преподавателей? Необходимо нужно дать возможно большій просторъ самодѣятельности преподавателя, дать возможно большую самостоятельность педагогическимъ совѣтамъ, возможно полную равноправность членамъ этихъ совѣтовъ. Для того, чтобы гарантировать педагогамъ независимость ихъ положенія, начальники учебныхъ заведеній должны, по мнѣнію Пирогова, избираться самими педагогами изъ ихъ среды. Нельзя не признать такого мнѣнія въ высокой степени основательнымъ и заслуживающимъ полнаго вниманія.

Такъ или иначе, но долженъ быть въ корнѣ измѣненъ весь строй *„управленія" учебнымъ и воспитательнымъ дѣломъ* въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ: главный центръ этого «управленія», вся живая сила его—должны исходить изъ дружно сплоченной семьи педагоговъ каждаго учебнаго заведенія, семьи, всѣ члены которой равноправны въ разрѣшеніи учебно-педагогическихъ вопросовъ своего воспитательнаго заведенія. Необходимо нужно строго отдѣлить въ учебныхъ заведеніяхъ обсужденіе и рѣшеніе педагогическихъ вопросовъ отъ формально-административной стороны «управленія». А эти двѣ стороны неразрывно связаны теперь межъ собою, и начальникъ заведенія, въ силу обстоятельствъ, превратился въ администратора и принужденъ былъ совсѣмъ забыть свои обязанности какъ педагога, забыть эти обязанности потому, что онѣ могутъ быть проводимы въ жизнь при существованіи извѣстныхъ *правъ*, самостоятельности въ дѣлѣ, а этого-то и лишенъ педагогъ казенной школы, какъ учитель, такъ и директоръ.

Педагогическій міръ современной казенной школы не представляетъ собою дружно сплотившейся единомысленной корпораціи, энергично работающей на пользу одного, всѣмъ равно близкаго, роднаго дѣла, это не «друзья свободнаго искусства», служащіе одной ве-

ликой цѣли—приготовить для родины достойныхъ дѣятелей-гражданъ, воспитать цѣльныхъ людей съ опредѣленными, устойчивыми характерами,—это не педагоги въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а холодные исполнители идущихъ извнѣ формальныхъ требованій, распоряженій, съ коими, по существу, они часто бываютъ совсѣмъ не согласны, это чиновники административно-учебной канцеляріи; и это не ихъ вина, это дѣло всей системы «управленія» педагогическимъ дѣломъ. Не такими безотвѣтными исполнителями должны быть учителя-воспитатели, и не «начальникомъ» ихъ долженъ быть директоръ.

Директоръ учебнаго заведенія въ дѣлѣ педагогическомъ долженъ играть такую же роль, какъ во всѣхъ общественныхъ коллегіяхъ, состоящихъ изъ полноправныхъ членовъ,—онъ лишь исполнитель общей воли. Въ педагогическомъ совѣтѣ онъ руководитъ преніями, не оказывая, однако, давленія на членовъ собранія. Онъ не подсказываетъ имъ любезнаго для себя рѣшенія, не останавливаетъ тѣхъ, кто позволяетъ себѣ «смѣть свое сужденіе имѣть», не дѣлаетъ выговоровъ и внушеній, и каждый можетъ смѣло и открыто ему возражать, отстаивать свое мнѣніе, хотя бы оно и было прямо противоположно его взглядамъ. Онъ спрашиваетъ совѣта своихъ—не подчиненныхъ, а товарищей,—собратьевъ по одному и тому же дѣлу. И все, что рѣшено будетъ собраніемъ, все должно быть имъ и осуществлено въ жизни заведенія. Тогда и каждый членъ этого собранія скорѣе, настойчивѣе и честнѣе будетъ проводить въ жизнь тѣ постановленія «совѣта», въ выработкѣ которыхъ онъ принималъ непосредственное участіе.

Конечно, ни одно дѣло безъ извѣстныхъ формальностей обойтись не можетъ. Свое мѣсто должны онѣ занять и въ школѣ. Но, повторяемъ, чисто административная сторона дѣла должна быть строго отдѣлена отъ педагогической стороны.

Если мы хотимъ добиться какъ можно скорѣе и вѣрнѣе искорененія того бюрократизма, на который жалуются постоянно родители да и педагоги тоже, то мы должны озаботиться также и о томъ, чтобы всесторонне установить связь общества со школой. Для этого, помимо той, важной по нашему убѣжденію, мѣры, на которую мы указывали въ прошлой нашей бесѣдѣ,—а именно,—привлеченіе родителей и вообще представителей общества къ участію въ педагогическихъ совѣтахъ,—необходимо также установить такой порядокъ, чтобы общество

всегда и хорошо было освѣдомлено обо всемъ томъ, что и какъ дѣлается въ школѣ, о ея взглядахъ на дѣло воспитанія, о ея планахъ и задачахъ, которыя она себѣ начертала. Иначе, какимъ образомъ общество, а въ частности—родители, могутъ содѣйствовать школѣ въ дѣлѣ воспитанія, идти съ нею согласно, рука объ руку, если они не будутъ имѣть возможности близко познакомиться не только съ казовой, праздничной стороной дѣла, не только съ формальной, чисто внѣшней стороной, проявляющейся въ видѣ правилъ, сообщеній, распоряженій и проч., но и съ обыденной, будничной, внутренней жизнью школы, съ ея руководящими принципами, жизненными идеалами. «Секретовъ» между школою и обществомъ быть не должно. Представители общества должны не только знать, какъ именно ведется дѣло воспитанія ихъ дѣтей, но даже имѣть и голосъ въ разъясненіи, въ обсужденіи этихъ вопросовъ, и это *не теперь только*, но и постоянно, всегда. Родители учащихся въ средней школѣ дѣтей—не невѣжественная въ большинствѣ случаевъ масса, а люди не менѣе образованные, чѣмъ и сами педагоги, носящіе въ себѣ опредѣленныя стремленія, и при томъ же близко знающіе своего ребенка, воспитывавшагося подъ ихъ руководствомъ въ до-школьный періодъ его жизни. Школа должна быть продолженіемъ семьи, ея отдѣленіемъ, ея временнымъ замѣстителемъ. А потому тамъ мѣсто не чиновникамъ, слѣдящимъ, во всей ли точности выполняются всѣ буквы всѣхъ параграфовъ устава, циркуляровъ, предписаній, а педагогамъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, а вмѣстѣ съ ними—и родителямъ, кои не могутъ же равнодушно отдавать своихъ дѣтей въ безконтрольное распоряженіе неизвѣстныхъ имъ наставниковъ и начальниковъ. «Да, вѣдь, это мое прирожденное дѣтище»,—не перестаетъ горячо чувствовать каждый родитель,—«я за него передъ Богомъ и своею совѣстью отвѣчаю, за каждый его порокъ, за каждый соблазнъ, не предупрежденный заранѣе, за каждое искушеніе и вредное вліяніе, которыя исходятъ отъ окружающихъ его лицъ, какъ сверстниковъ, такъ и другихъ окружающихъ его людей. Вѣдь, я болѣю, страдаю за него, горячо желаю, чтобы онъ не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ росъ «родителямъ на утѣшеніе, отечеству на пользу». Я долженъ знать навѣрное, исходитъ ли изъ школы на мое дитя та «благодать духа», что дарствуетъ смыслъ и укрѣпляетъ волю. Для этого я долженъ знать все, что продѣлывается въ школѣ надъ моимъ сыномъ. Мнѣ надо во-время узнать всякую

опасность, грозящую духовному здоровью сына, чтобы во-время взять мѣры предосторожности и приняться за борьбу съ надеждою на успѣхъ, пока еще не поздно. Я, наконецъ, настолько озабоченъ и волнуюсь за него, что мнѣ—не знать во всей подробности школьную жизнь моего мальчика—это великое лишеніе, великая жизненная тягота. Раскройте же предо мной весь тотъ міръ, въ которомъ живетъ и дышитъ вся моя надежда, счастье моей жизни, мое настоящее и еще болѣе—все мое будущее, свѣтлое или мрачное, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ воздѣйствій школы.

Такъ сказали бы отцы; а что же выразили бы матери, если бы имъ предоставленъ былъ голосъ?!

Матери! Онѣ выговорили бы себѣ цѣлою долгихъ моленій только одно право: право—плакать и просить, кротко, робко просить, снисхожденія къ своему ненаглядному ребенку, умолять о пощадѣ для него, ходатайствовать о прощеніи его, или смягченіи участи его, увѣрять и клясться, что онъ не такой ужъ закоснѣлый преступникъ, какимъ онъ какъ-будто бы представляется своему начальству, по существу своему не только не злому, но въ большинствѣ—людямъ добрымъ, и лишь подъ вліяніемъ «службы» утратившимъ духъ «терпѣнія и любви», давшимъ развиться въ себѣ духу «любоначалія», мѣшающему человѣку «зрѣти своя прегрѣшенія» противъ той высокой заповѣди, которая гласитъ:—«Отцы! не раздражайте своихъ чадъ!..»

Матери! о, какъ много выиграли бы и онѣ, и педагоги, если бы кто-нибудь изъ начальниковъ школы, увидавъ это скорбное, безотвѣтное и полное мольбы лицо которой-нибудь изъ нихъ, постарался бы узнать, какія мысли, какія сомнѣнія мучатъ ее въ эту минуту! Она бы разсказала много назидательнаго. Какъ жаль, что до сихъ поръ ни одинъ беллетристъ не взялся изобразить внутреннюю жизнь матери учащагося отрока! Вѣдь, мать лучше чѣмъ кто-нибудь знаетъ, чутьемъ угадываетъ, какія мысли гнѣздятся въ маленькой головкѣ школьника-юнца, какія волненія обуреваютъ его хрупкую, но буйную головушку, что̀ оскорбляетъ его, безъ сомнѣнія сильно развитое въ немъ, если онъ нормальный ребенокъ, самолюбіе и сознаніе своего человѣческаго достоинства. Мы, взрослые, обыкновенно и представить себѣ не можемъ, какъ часто школьникъ негодуетъ, выходитъ изъ себя, а то и хуже,—клянетъ свою судьбу и мрачно смотритъ на свою участь.

Не даромъ говорилъ Щедринъ:—«изъ всѣхъ жребіевъ, выпавшихъ на долю живыхъ существъ, нѣтъ жребія болѣе злосчастнаго, нежели тотъ, который достался на долю дѣтей». Взрослые люди являются непроизвольно, совсѣмъ невѣдомо для себя ихъ мучителями. Напрасно они думаютъ, что у дѣтей нѣтъ своихъ твердыхъ убѣжденій, дѣтскихъ убѣжденій, чувства правды и чувства обиды, когда оскверняютъ эту правду, чувства злобы, когда ихъ, по ихъ собственному самочувствію, неправедно преслѣдуютъ, чувства апатичнаго отношенія къ жизни, когда имъ не умѣютъ показать ея лучшихъ сторонъ, ея счастья, ея наслажденій, когда съ раннихъ лѣтъ не даютъ имъ возможности, простора и удобствъ, чтобы познать всю истинную прелесть бытія, когда не раскрываютъ имъ секрета жизни и того искусства, что французы мѣтко называютъ savoir vivre, въ лучшемъ и разумнѣйшемъ смыслѣ этихъ словъ. Мы, взрослые, своимъ непониманіемъ натуры дѣтской и ея естественныхъ запросовъ, педантическимъ отношеніемъ къ ихъ воспитанію и формалистикой въ обращеніи съ ними, доводимъ ихъ иной разъ чуть не до злобы и ненависти... А примѣромъ собственной своей нерѣдко лживой, пошлой жизни мы вносимъ въ ихъ чистыя души нечистый соблазнъ.

Такъ поразспросимъ же эту смущенную женщину, растерявшуюся совсѣмъ при видѣ этого строгаго судьи всѣхъ дѣтскихъ уклоненій отъ параграфовъ устава. Какъ живется ея бѣдному сынку?

— «О, вы не знаете, какъ убиваетъ онъ меня,—разскажетъ вамъ она.—Едва онъ прибѣжитъ изъ училища домой, онъ первымъ дѣломъ примется разсказывать съ волненіемъ, прерывисто и задыхаясь, о чемъ и какъ спросилъ его учитель, будетъ жаловаться съ дрожью въ голосѣ на то, что тотъ его сбивалъ съ одною цѣлью, чтобы поставить ему слабую отмѣтку. Съ горечью и обидой онъ жалуется на то, что учитель нарочно спросилъ его какъ разъ именно этотъ урокъ, потому что этотъ урокъ трудный, а трудные уроки онъ спрашиваетъ только своихъ нелюбимцевъ. Мой Ваня зорко, съ нервнымъ безпокойствомъ слѣдитъ за каждою отмѣткой каждаго изъ своихъ соперниковъ—товарищей. Онъ по пальцамъ пересчитываетъ, сколько кто ошибокъ сдѣлалъ въ отвѣтѣ. Онъ по морщинамъ, по движенію бровей, по мановенію руки учителя изо всѣхъ силъ старается догадаться, доволенъ или недоволенъ учитель тѣмъ или инымъ отвѣтомъ.

Онъ по движенію пальца его мучительно пытается отгадать, какую отмѣтку тотъ выводитъ въ журналѣ. Онъ въ теченіе всѣхъ пяти часовъ дрожитъ, ожидая, что вотъ-вотъ его вызовутъ. Каждый день я слышу назойливыя его жалобы на несправедливую его участь, на недовѣріе къ нему учителей.—«Я училъ, а мнѣ говорятъ, я не училъ»,—ропщетъ онъ со слезами на глазахъ. О, если бы учителя только знали, какія тяжелыя сцены происходятъ у насъ въ домѣ между мною и моимъ супругомъ, между ребенкомъ и его несчастнымъ, не менѣе насъ мучающимся за ребенка, добрымъ и честнымъ идеалистомъ студентомъ, репетирующимъ ребенка,—если бы знали только они, сколько крови портитъ себѣ ребенокъ изъ-за этихъ отмѣтокъ, изъ-за грозныхъ для него вызововъ, изъ-за вѣчной мысли о стоящемъ надъ душой контролемъ, сколькихъ дневныхъ заботъ и безсонныхъ ночей, а если и сновъ, такъ сновъ лихорадочныхъ съ кошмаромъ, съ мрачными картинами «проваловъ», выговоровъ, каръ и увольненій, приходится переживать ребенку, всѣмъ своимъ существомъ сливающемуся съ интересами своей невеселой школьной жизни. Какъ дрогнули бы тогда ихъ сердца, какъ постыдились бы они своей невольной, но, по результатамъ, вредной роли въ жизни цѣлаго ряда поколѣній!»

Если бы мы вникли въ подобныя признанія матерей, если бы мы внимательно прислушались къ родительскому голосу, то мы не только бы поняли, но и всѣмъ существомъ своимъ прекрасно почувствовали бы, что всѣ эти муки учащихся происходятъ, дѣйствительно, отъ того главнаго недостатка школы, на который прежде всего указалъ и г. министръ. Я разумѣю формализтику. А ей всего болѣе способствуетъ тенденція истекшаго тридцатилѣтія—нивелировать всѣ школы, дать всѣмъ учебнымъ заведеніямъ обширной Россіи однѣ и тѣ же программы, уставы, расписанія, правила и даже пріемы ученія. Конечно, съ внѣшней точки зрѣнія такое «равненіе всѣхъ подъ одно» весьма удобно: оно значительно облегчаетъ контроль надъ школами. Стоитъ только справиться, сколько параграфовъ одного и того же учебника пройдено одновремено во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, сколько письменныхъ ошибокъ сдѣлано,—ошибокъ крупныхъ, среднихъ и мелкихъ,—всѣми учениками во всѣхъ классахъ всѣхъ учебныхъ заведеній всего округа, чтобы узнать, насколько преуспѣваетъ одна школа сравнительно съ другими, и выразить это

преуспѣяніе, эту сравнительную величину возможно точнѣе цыфрами—цѣлымъ съ дробью. Вотъ вы и будете сразу знать, что дѣлается въ каждомъ отдѣльномъ учебномъ заведеніи. Если выполняются вездѣ одни и тѣ же правила, то вы можете быть спокойны за дальнѣйшее процвѣтаніе всего отечественнаго просвѣщенія. А войдите въ школу: сколько въ ней образцоваго порядка! Все на мѣстѣ, все дѣлается точно и аккуратно, *какъ приказано*, во-время и какъ слѣдуетъ. Посмотримъ, первымъ дѣломъ, на головы учащихся: о, головы ихъ блюдутся самымъ усерднымъ образомъ—всѣ острижены подъ гребенку! Посмотрите на мундиры,—всѣ съ иголочки, каждая пуговица застегнута, блеститъ и радуетъ своимъ сіяніемъ вашу душу. Обратитесь къ ученику съ вопросомъ,—онъ мигомъ встанетъ, руки по швамъ, шея вытянута, глаза почтительно устремлены на васъ, тонъ рѣчи дѣловой. Ни увлеченія, ни страсти, ни, Боже упаси, веселой беззаботности и радости, столь свойственныхъ ребяческому возрасту, вы не прочтете на его лицѣ. Ни слова лишняго: все обдумано, каждое слово заранѣе взвѣшено въ его головѣ: онъ знаетъ, о чемъ можно говорить и о чемъ должно умолчать. Онъ знаетъ, какимъ способомъ, подъ какой формой отвѣта скрыть свое незнаніе, свое непониманіе. Онъ знаетъ, какъ вамъ можно угодить, понравиться, какъ произвести впечатлѣніе солиднаго, дѣлового, знающаго ученика. Загляните въ его тетрадки: онѣ чисты. Почеркъ ровный. Учебники всѣ въ переплетахъ, не обгрызаны, не испачканы глупыми надписями во вкусѣ простодушной старины. Загляните въ ученическую записную тетрадь—тамъ аккуратно и подробно выписано, «отъ какихъ и до какихъ» задано на завтра, на послѣзавтра и т. д.; кто изъ учителей былъ, кто не былъ, и особыя замѣчанія, записанныя уже рукой менторской: «тогда-то, въ такомъ-то часу, отъ такой-то минуты до такой-то просидѣлъ въ карцерѣ за неумѣстный (sic) разговоръ съ помощникомъ класснаго наставника и за непослушаніе преподавателю гимнастики» (отставному унтеру).

Какая аккуратность, какое внимательное отношеніе къ каждой мелочи въ жизни ученика!

А послушайте, какіе отвѣты съ поразительной пунктуальностью даетъ ученикъ учителю,—самымъ литературнымъ языкомъ, въ самыхъ точныхъ выраженіяхъ! Правда, все это затвержено слово въ слово по учебнику, затвержено безъ всякаго интереса, а пожалуй и со-

знанія, но зато все-таки аккуратно. Какъ спокойно учителю слушать эти ровные, гладкіе, казенно-монотонные звуки, въ тактъ отбиваемые миніатюрнымъ чиновничкомъ-ученикомъ! Это прямо, можно сказать, не дѣтская рѣчь, а докладная записка, реляція, почтительное доношеніе департаментскаго Акакія Акакіевича учителю-чиновнику, господину-Дѣепричастію, такъ хорошу сфотографированному съ самой дѣйствительности Гоголемъ.

А что подѣлываетъ, что представляетъ собою самъ этотъ гоголевскій господинъ-Дѣепричастіе, онъ же и чеховскій «Человѣкъ въ футлярѣ»? О, онъ идеальнѣйшій примѣръ своимъ воспитанникамъ. «Не надобно иного образца, когда въ глазахъ примѣръ отца»,— *человѣка въ футлярѣ. Онъ ни на одну минуту не опоздаетъ, и то*, что́ намѣтилъ себѣ сказать ученикамъ сегодня, исполнитъ въ цѣлостности: не допуститъ ни себѣ, ни ученикамъ ни одного лишняго слова, ни одного вопроса или отвѣта, не предвидѣннаго имъ наканунѣ. У него уже вчера было напередъ внесено въ журналъ все то, что́ онъ будетъ объяснять сегодня,—ни больше, ни меньше. Если вы чего-нибудь не поняли и переспросите его въ ту минуту, когда переспрашиванія въ его программѣ дня не назначалось, то онъ вамъ за нарушеніе порядка уменьшитъ баллъ за вниманіе, прилежаніе и поведеніе. Онъ спроситъ какъ разъ именно тѣхъ учениковъ, кого онъ заранѣе рѣшилъ спросить. И если, на свою бѣду, кто-нибудь изъ такихъ учениковъ окажется отсутствующимъ, по нездоровью или по другой какой, независящей отъ ученика, причинѣ, то этого нарушенія предрѣшеннаго порядка учитель ему не проститъ. Онъ будетъ на ученика дуться. Онъ заподозритъ его въ намѣренномъ уклоненіи отъ учебной повинности.

Формализмъ и педантизмъ,—не въ томъ ли они заключаются, чтобы всѣхъ и каждаго заставлять дѣлать все то, чего «никто не любитъ и все живущее клянетъ», заставляя ихъ изо дня въ день мысленно съ мукой на душѣ повторять: qu'il fait sombre dans cette classe!» (какъ темно въ классѣ!) Какъ здѣсь душно! Скучно! Непріятно! Холодно!»

Формализмъ и педантизмъ,—не въ томъ ли они еще заключаются, чтобы вырвать душу изъ самаго живого предмета и сдѣлать его мертвымъ и сухимъ, какъ суха, по выраженію Ломоносова, грамматика; отнять живую рѣчь, искреннее, свободное слово у ученика и

сдѣлать его косноязычнымъ, какъ та схоластическая философія, которую косноязычной называлъ тотъ же Ломоносовъ?

Интересную иллюстрацію къ этой мысли мы можемъ найти въ новой книгѣ г. Розанова «Сумерки просвѣщенія», о которой мы упомянули въ прошлой нашей бесѣдѣ. «Кто не размышлялъ, говоритъ онъ, надъ этимъ фактомъ: вотъ заданъ тремъ-четыремъ мальчуганамъ, помѣщеннымъ на «братской квартирѣ» (есть такія) «Бѣжинъ лугъ»,—и усиленно, при свѣтѣ лампы, они учатъ діалоги тѣхъ мальчугановъ на «Бѣжиномъ лугу», какъ и что̀ сказалъ одинъ и что отвѣтилъ ему другой, чего они оба испугались. Имена мальчиковъ, которыя случайно избралъ Тургеневъ, «Митя» тамъ или «Петя», нужно твердо знать: если ихъ переврешь на завтра, уже не получишь «пяти» за отвѣтъ, пожалуй, даже получишь «три», а между тѣмъ, при легкости урока, слѣдуетъ именно завтра запастись «пятеркой», т.-е уже заранѣе поправить возможную и даже вѣроятную «единицу» въ томъ мѣсяцѣ. Все это отчетливо и твердо соображается тремя-четырьмя мальчуганами, уже чуть-чуть хитрыми, дальновидными, лукавыми, «искусившимися» за три протекшіе года ученія: они теперь въ 4 классѣ. И съ усиліемъ, до боли въ головѣ—потому что это они приготовляютъ къ завтрашнему дню пятый урокъ—они учатъ, что мальчики на «Бѣжиномъ лугу» испугались водяного или разговаривали объ «утопленникѣ» Хорошо не помнится, но они на завтра не должны въ этомъ сбиться...

Но вотъ всѣ трое-четверо,—замѣтивъ, что старушка, за ними «наблюдающая» на «братской квартирѣ», заснула,—осторожно, на цыпочкахъ, выходятъ въ сѣни, на улицу, дальше, за околицу, и, пробѣжавъ нѣсколько улицъ города, дѣйствительно, переживаютъ «Бѣжинъ лугъ», — переживаютъ поэтичнѣйшіе три-четыре часа теплой осенней ночи, вбѣгая въ опушку чернаго, густого лѣса и съ визгомъ неистоваго страха выскакивая оттуда назадъ, купаясь въ теплой, до странности теплой, какъ парное молоко, водѣ настоящаго озера, т.-е. озера не изъ «Бѣжина луга», но гдѣ-нибудь около Борисоглѣбска... На другой день все узнано: наказаніе, строжайшее наказаніе, почти исключеніе изъ гимназіи и, конечно, «единица» изъ «русскаго языка и словесности».

Эти строки сами за себя говорятъ. Лучше, чѣмъ что-нибудь на свѣтѣ, иллюстрируютъ онѣ всю вопіющую несостоятельность школь-

ной схоластики и рутины, все то роковое противорѣчіе, въ которое впадаютъ педагоги, думающіе, что они готовятъ дѣтей для жизни, обсуждая вмѣстѣ съ учениками явленія жизни, изображаемыя въ художественной литературѣ и въ то же время запрещающіе молодымъ людямъ проявлять, болѣе или менѣе свободно и самостоятельно, малѣйшіе признаки живой личности. Ученикъ, вслѣдъ за учителемъ, говоритъ о необходимости развитія личности въ каждомъ человѣкѣ, осуждаетъ воспитаніе Онѣгина, давшее ему одни поверхностныя знанія вмѣсто развитія, винитъ родителей и воспитателей Обломова за то, что они не сообщили ему характера и подавили въ немъ волю, а самъ въ то же время страдаетъ не менѣе, чѣмъ эти знаменитые литературные герои, и безволіемъ, и тоской человѣка, не нашедшаго себѣ смысла жизни, не пріученнаго глубоко вдумываться въ вопросы бытія и сосредоточивать свое вниманіе, свой умъ и силы, на чемъ бы то ни было. Ну не потѣшно ли это? Не весело-потѣшно, а горько-смѣшно!..

Не потѣшно ли и то, что ученики смѣются, съ разрѣшенія своего учителя, надъ Митрофанушкой, какъ онъ апатично повторяетъ и долбитъ на память, вслѣдъ за Кутейкинымъ, текстъ:—«Азъ есмь скотъ, сирѣчь человѣкъ, поношеніе человѣкомъ» и т. п., а самъ, въ то же время, зубритъ наизусть свои учебники:—«Нипонъ, Іеддо, Сикоко, Кіу-Сіу, «absque, a, ab, abs ude, coram clam, cum, ex и e, sine, tenus, pro и pre», «Алкивіадъ былъ богатъ и знатенъ, природа щедро одарила его», «Бѣгъ, бѣда, бѣлуга, бѣльмо, бѣлка, бѣлье, бѣсъ, бѣшеный, вѣять, вѣтръ, свѣжій, свѣтъ», «ужъ, межъ, близъ, вверхъ, покамѣстъ», и т. п.

Не смѣшно ли, что ученики презираютъ Молчалина, называя его, вслѣдъ за своимъ учителемъ, лакействующею личностью, угождающею всѣмъ, кто сильнѣе его, а сами выслушиваютъ наставленія учителей, что надо угождать, во всемъ слушаясь, своимъ наставникамъ? Ученики пишутъ сочиненія о воспитаніи Чичикова въ духѣ надуванія своихъ учителей, и отвѣчаютъ объ этомъ на устномъ урокѣ, раскрывъ книгу и считывая по ней и получаютъ за это хорошій баллъ, не замѣчая, что они сами не хуже Чичикова надуваютъ своихъ учителей.

Интересно, какъ отнесется вдумчивый юноша къ тому литературному матеріалу, который онъ изучаетъ въ классѣ, и въ которомъ такъ живо задѣта вся его собственная жизнь.

Возьмемъ, для примѣра, одиннадцатую главу первой части «Мертвыхъ Душъ» Гоголя. Тамъ изображается яркими красками, какимъ способомъ добился Чичиковъ того, что его считали въ школѣ лучшимъ ученикомъ, хотя, по словамъ Гоголя, онъ не отличался способностями.

«Ахъ, это и у насъ тоже,—смекнетъ юноша:—нашъ первый ученикъ—ужасная тупица!»

«Отличался онъ больше прилежаніемъ и опрятностью», — продолжаетъ Гоголь.

— Вотъ-вотъ,—думаетъ ученикъ:—и нашъ премьеръ зубритъ, знаетъ каждую страницу, всякій вздоръ, и вдоль и поперекъ, не играетъ съ нами на дворѣ, а все ходитъ съ книгой въ рукѣ.

«Сидѣть на лавкѣ никто не умѣлъ такъ смирно»...

— За это-то нашему «подлизалѣ» и ставятъ лишній баллъ за отвѣты.

Но вотъ истинный комизмъ,—когда учителю, строгому, суровому педанту, сыплющему единицы направо и налѣво за «дерзкія» выходки учениковъ, вышедшихъ изъ повиновенія и осмѣливающихся критиковать рѣчи и поступки его, ихъ учителя,—и вдругъ этому самому учителю вы разсказываете изъ 11-й главы «Мертвыхъ Душъ» о томъ, что наставникъ Чичикова былъ любитель «тишины и хорошаго поведенія и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ». О, какъ немногіе педагоги любятъ такихъ мальчиковъ! Какъ они преслѣдуютъ ихъ за каждое откровенное слово! Гоголь поясняетъ, почему наставникъ Чичикова не любилъ такихъ учениковъ: «ему казалось, что они непремѣнно надъ нимъ смѣются».

Такихъ учителей, которые помѣшаны на той мысли, что надъ ними постоянно смѣются, не мало, и стóитъ ученику болѣе или менѣе выразительно произнести эту гоголевскую фразу на урокѣ передъ однимъ изъ такихъ учителей, какъ этотъ послѣдній сбавитъ баллъ за отвѣтъ, запишетъ имя этого юноши въ число неблагонадежныхъ, и съ этой минуты завяжутся между ними натянутыя отношенія, которыя могутъ окончиться очень плачевно для ученика.

Но далѣе слѣдуетъ еще болѣе ядовитое по своей сатиричности мѣсто: «Достаточно было тому, который попалъ на замѣчаніе со стороны остроумія,—достаточно было ему только пошевелиться или какъ-нибудь ненарокомъ мигнуть бровью, чтобы подпасть вдругъ подъ

гнѣвъ. Онъ его гналъ и наказывалъ немилосердно.—«Я, братъ, изъ тебя выгоню заносчивость и непокорность!»—говорилъ онъ:—«я тебя знаю насквозь, какъ ты самъ себя не знаешь. Вотъ ты у меня постоишь на колѣняхъ, ты у меня поголодаешь!»

И хотя теперь на колѣни рѣдко ставятъ, но голодать оставляютъ очень часто, едва ли меньше, чѣмъ въ гоголевскія времена.

«Способности и дарованія—это все вздоръ!» — говорилъ учитель Чичикова:—«*я* смотрю только на поведеніе».—Развѣ не то же продѣлывается и теперь? Развѣ не геніально-правдивы эти слова Гоголя, не справедливы по отношенію ко всѣмъ временамъ въ исторіи школы, и къ нашему не менѣе, чѣмъ къ какому иному? Талантами здѣсь не интересуются, ихъ не поддерживаютъ, да ихъ и не узнаютъ. И какъ догадаться о присутствіи особеннаго дарованія у юноши по его казенному отвѣту, состоящему изъ вызубренныхъ по книгѣ фразъ? Таланты тутъ сплошь и рядомъ вмѣсто того, чтобы развиваться, забиваются, и только лучшіе учителя, которые сами отмѣчены искрой Божіей, даровитою натурой, умѣютъ отличить способнаго отъ только усидчиваго и питать, нѣжить и холить это нѣжное созданіе — талантъ ребенка.

«Я поставлю полные баллы во всѣхъ наукахъ тому, кто ни аза не знаетъ, да ведетъ себя похвально; а въ комъ я вижу дурной духъ да насмѣшливость, я тому—нуль, хотя онъ Солона заткни за поясъ!»

Охъ, этотъ «дурной духъ!» Сколькихъ горькихъ слезъ, моленій и проклятій онъ—тяжеловѣсный представитель!..

А какихъ жертвъ, здоровья, силъ и нравственной борьбы стоитъ пріобрѣтеніе того духа, который у гоголевскихъ педагоговъ называется хорошимъ! Объ этомъ даетъ представленіе правдивый разсказъ молодой новой писательницы, г-жи Крандіевской, «Золотая медаль», разсказъ помѣщенный въ только что вышедшемъ сборникѣ ея разсказовъ *).

Любочка страстно мечтаетъ добиться золотой медали. Для этого нужно по всѣмъ предметамъ схватить пятерочки, «кругленькія пятерочки». И она усердно принялась за осуществленіе своей завѣтной мечты; училась дни и ночи напролетъ, училась съ жадностью, съ

*) „То было раннею весной“ и другіе разсказы, А. Р. Крандіевской, Москва, 1900, ц. 1 р., изд. кн. маг. „Трудъ“.

какою-то мучительною надсадою. Вотъ она выдержала блестяще всѣ экзамены, остался одинъ послѣдній экзаменъ по исторіи, стало быть, придется къ множеству безсонныхъ ночей, проведенныхъ ею за приготовленіемъ къ экзаменамъ, прибавить еще три дня и три безсонныхъ ночи, и она напрягла для этой цѣли послѣдній запасъ своихъ силъ.

«Киръ легко возмутилъ недовольныхъ персовъ... Астіагъ послалъ войско подъ начальствомъ Гарпага. Гарпагъ перешелъ на сторону Кира»...

Любочка еле-еле переводила духъ.

«Ксеркъсъ... Артаксеркъсъ... Царство Лидійское... Царство Мидійское»...

А между тѣмъ ей, несчастной, мучительно хочется спать. Чтобы искусственно заглушить сонливость, она во все горло кричитъ: «Варронъ далъ Аннибалу рѣшительную битву... Римляне потерпѣли пораженіе», и т. п.

Зубритъ Любочка до изнеможенія, на вѣрную пятерку. Вотъ она уже добилась того, что у нея грудь заболѣла, спина заныла, голова горитъ огнемъ, губы пересохли, какъ въ лихорадочной агоніи...

А со двора въ открытое окно врывается весна. Пахнетъ черемухой, желтой акаціей, гдѣ-то заливается малиновка.

— О, какъ хорошо!..

Любочка бросила книжку и, склонивъ голову на подоконникъ, чуть было не заснула, если бы не окрикъ матери, разбудившей ее и вернувшей ее снова къ царямъ, полководцамъ, союзамъ, договорамъ, побѣдамъ и пораженіямъ. Наступаетъ вечеръ. Пріѣзжаетъ тетя Агнія и принимается «гонять» Любочку по всему Иловайскому. Но бѣдная головушка притомилась, и все завертѣлось у нея безпорядочно, хаотически, все спуталось въ одну кучу; вретъ Любочка немилосердно. Войны греческія смѣшала съ войнами римскими, перепутала Конрадовъ и Генриховъ, Карловъ и Фридриховъ, забыла имена полководцевъ, мѣста сраженій, перепутала столѣтія и годы.

И тетка, и мать—въ ужасѣ. Люба—въ отчаяніи. По совѣту тетки, Люба выпила крѣпкаго кофе съ коньякомъ, чтобы выдержать зубреніе бодро до самаго утра. Уже наступаетъ второй часъ ночи, а между тѣмъ Любочка изъ трехъ книжекъ Иловайскаго успѣла прочесть, да и то изъ пятаго на десятое, только одну. Прежде чѣмъ

приступить ко второму выпуску, Любочка рѣшила провѣрить себя спросить что-нибудь изъ перваго выпуска. Она вынула изъ заранѣе приготовленнаго для этой цѣли конверта, въ которомъ лежали свернутые въ трубочку билеты, первый попавшійся билетикъ, развернула его и прочла: «Персидская монархія, Евреи. Годы: 587—560—525 до Р. Х.». Хоть шаромъ покати въ головѣ: ничего не помнитъ Люба. Страшно ей стало. Все внутри у нея захолонуло. Забыла, забыла!.. Да что же это съ нею дѣлается? Господи, хоть бы одну фразу вспомнить, одно слово!..

— Ахъ, да! Псаменитъ... Камбизъ... Слава Богу!.. слава Богу... Дѣвицы въ одеждѣ рабынь, сынъ съ веревкою на шеѣ и двѣсти юношей... Вспомнила! Благодарю Тебя, Господи!..

Съ лихорадочной поспѣшностью принялась она читать второй выпускъ и читала до тѣхъ поръ, пока буквы не начали прыгать передъ ея глазами и не слились въ одну сплошную, сѣрую массу, въ которой ничего уже нельзя было разобрать.

Опять возбудительное средство—кофе. Но на этотъ разъ оно привело къ головокруженію. Любочка ложится въ постель. Но заснуть не можетъ. Безсвязныя слова и обрывки мыслей назойливо сверлятъ мозгъ.

«Сила относится къ сопротивленію такъ, какъ... Османъ... Стефанъ Душанъ... Камо пойду отъ духа твоего и отъ лица твоего... Вѣра есть увѣренность... Ксерксъ... Артаксеркъ... А что, если достанется билетъ о Баязетѣ?.. Баязетъ продолжалъ турецкія завоеванія и уже готовился взять... взять... Что взять?.. кого взять?.. Метафора есть такая форма... Квадратъ гипотенузы...

О, какая чепуха!.. Она сходитъ съ ума!.. Господи, хоть бы уснуть!.. Въ пятомъ часу утра она заснула, а ровно въ семь часовъ мамочка ее будитъ. Черезъ силу, едва ли сознавая, что дѣлается вокругъ нея и что дѣлаетъ она сама, Любочка отправилась на экзаменъ, а тамъ съ нею случился обморокъ. Ее полумертвою привезли изъ гимназіи домой. Послѣ тяжелой болѣзни Любочка оправилась и собственноручно, къ величайшему своему счастію, получила на публичномъ актѣ золотую медаль, которую ей, какъ первой и безпримѣрно-старательной ученицѣ, присудило начальство безъ экзамена.

Что же теперь дѣлать? Получена медаль, изъ-за достиженія которой испытано было столько страданій и тяжкая болѣзнь,—ну, а дальше что? Чѣмъ вознаградятся всѣ эти страданія и лишенія?

Жизнь потянулась однообразная, скучная. Слабость здоровья не позволяла Любочкѣ вдоволь пользоваться единственнымъ удовольствіемъ провинціалки—танцами, вскорѣ и совсѣмъ запретилъ ей докторъ выѣзды. Умственныхъ интересовъ гимназія не дала, книги не вызывали въ ней интереса: онѣ такъ успѣли опротивѣть ей въ гимназіи, что она только съ омерзѣніемъ могла смотрѣть на нихъ. Такъ и пошла унылая, безрадостная жизнь...

Ужасная, но правдивая картина! Не даетъ школа жизнерадостности, не внушаетъ дѣтямъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что рядомъ съ нашею обыденною, будничною жизнью есть другая жизнь, болѣе человѣческая, жизнь духовныхъ интересовъ и умственныхъ наслажденій, жизнь, просвѣтленная стремленіемъ къ идеалу и къ высокой цѣли, жизнь, неудержимо влекущая человѣка къ движенію, къ дѣйствію, къ борьбѣ, къ истинѣ, къ счастью — своему и чужому,—и къ вѣчному блаженству всего міра, къ юношески-свѣтлымъ, волшебно-заманчивымъ мечтамъ о мирѣ всего міра, о воскресеніи мертвыхъ людей, о жизни будущаго вѣка...

Ничего этого не даетъ школа. Впрочемъ, оговоримся: не давала до сихъ поръ. А что она будетъ давать послѣ,—поживемъ, увидимъ.

В. Ермиловъ.

Изъ текущей литературы.

Лѣнь и нейрастенія. Болѣзнь, называемая *нейрастеніей*, нерѣдко проявляется признаками, очень сходными съ *признаками лѣни*: нерасположеніемъ къ работѣ, желаніемъ уклониться отъ всякаго болѣе или менѣе продолжительнаго труда, отсутствіемъ интереса къ дѣлу, невниманіемъ, разсѣянностью, быстрой утомляемостью, *неспособностью* довести до конца какое-либо дѣло, апатичнымъ настроеніемъ духа и пр. Если такіе симптомы замѣчаются у взрослаго, дотолѣ энергичнаго работника, если этотъ взрослый не въ силахъ побороть указанное ненормальное состояніе организма, — то не возникаетъ никакого сомнѣнія въ существованіи болѣзни, которую требуется устранить лѣчебными мѣрами. Не то наблюдается по отношенію къ учащейся молодежи. Если описанные симптомы будутъ замѣчены у школьника, то и родители, и педагоги охарактеризуютъ ихъ словомъ «*лѣнь*», сочтутъ за порокъ, а не за болѣзнь и прибѣгнутъ къ обычнымъ дисциплинарно-воспитательнымъ мѣрамъ. А между тѣмъ, «едва ли найдется хотя одинъ случай лѣни,—говоритъ профессоръ Ротъ,—въ которомъ независимо отъ безобразныхъ условій воспитанія и пріобрѣтенныя физическія измѣненія въ организмѣ не играли бы никакой роли, не говоря уже о врожденныхъ особенностяхъ нервной организаціи». Разумѣется, карательныя мѣры не устранятъ ни врожденныхъ, ни пріобрѣтенныхъ, ни физическихъ, ни психическихъ моментовъ, вызывающихъ указанныя проявленія болѣзни или лѣни. Дѣйствительно, если внѣшнія проявленія лѣни сходны съ симптомами нейрастеніи, то можно думать, что и скрытыя измѣненія въ нервной системѣ, вызывающія появленіе этихъ симптомовъ сходны въ томъ и другомъ случаѣ.

Въ чемъ же заключаются физіологическія условія и психическіе моменты того душевнаго состоянія, которое характеризуетъ *нейрастенію*?

При нейрастеніи, какъ и при лѣни, замѣчается: 1) быстрое истощеніе вниманія (утомленіе), 2) отвлеченіе вниманія въ другую сторону (при нейрастеніи болѣзненными ощущеніями, при лѣни—посторонними пріятными впечатлѣніями) и 3) вялое, апатичное, подавленное настроеніе.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ допустить, что и въ случаяхъ лѣни

всегда можно найти болѣзненную причину, будетъ ли она выражаться общимъ страданіемъ нервной системы, врожденнымъ или пріобрѣтеннымъ или какой-нибудь мѣстной болѣзнью (глазъ, носа и пр.); сюда же слѣдуетъ отнести всѣ истощающіе моменты, недостаточное закаливаніе организма, изнѣживающее воспитаніе, отсутствіе движенія на чистомъ воздухѣ, школьную духоту и другія антигигіеническія условія школьной жизни. Не наказывать нужно за лѣнь, а отыскать ея истинную причину въ каждомъ данномъ случаѣ и постараться удалить ее раціональными мѣрами. «Мнѣ казалось необходимымъ, — говоритъ В. К. Ротъ,—подчеркнуть всю важность этого, чтобы врачамъ предоставлена была болѣе дѣятельная роль въ жизни школы, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ лѣности школьника, было спрошено ихъ мнѣніе, чтобы были приняты серьезныя мѣры противъ общихъ, вредныхъ въ гигіеническомъ отношеніи, условій школьной жизни, въ однихъ случаяхъ—создающихъ нейрастениковъ и лѣнтяевъ, во всѣхъ остальныхъ — затемняющихъ свѣтлую работу мысли, угнетающихъ чувство и связывающихъ волю». (*Журн. „Будьте здоровы“*).

Соборное уложеніе 1649 года. 3 октября 1899 г. исполнилось ровно двѣсти пятьдесятъ лѣтъ съ того времени, какъ царь Алексѣй Михайловичъ, собравши въ Москвѣ великій земскій соборъ, приступилъ къ составленію одного изъ самыхъ выдающихся памятниковъ нашей юридической старины — Соборнаго Уложенія 1649 года.

Памятникъ этотъ замѣчателенъ не только какъ документъ, по которому мы можемъ составить себѣ представленіе о юридическомъ мышленіи нашихъ предковъ, но онъ представляетъ едва ли не большій интересъ по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя вызвали его къ жизни, и потому, что въ обсужденіи его принимала участіе вся русская земля.

Эпоха Алексѣя Михайловича была, какъ извѣстно, одной изъ самыхъ тяжелыхъ, какія только переживала Русь. Ей предшествовалъ цѣлый рядъ событій, которыя чрезвычайно тяжело отражались на народной жизни, разоряя цѣлыя области и доводя народъ до полной нищеты и совершеннаго отчаянія. Вспомните централизацію Ивана III, кровавыя дѣла его внука Ивана IV, закрѣпощеніе народа, ужасный голодъ при царѣ Борисѣ, погубившій свыше 400,000 человѣкъ, вспомните длинную вереницу войнъ, смутное время, самозванщину, кровавымъ смерчемъ пронесшуюся по странѣ, да прибавьте къ этому самовластіе бояръ и воеводское управленіе землей,—и предъ вами развернется одна изъ самыхъ печальныхъ страницъ русской исторіи. Именно этой страницей и открывалось царствованіе Алексѣя Михайловича, вступившаго на престолъ 16-ти-лѣтнимъ мальчикомъ. Дѣла молодому царю предстояло, такимъ образомъ, болѣе чѣмъ достаточно; приходилось устраивать страну и заботиться о каждомъ сословіи въ отдѣльности, ибо всѣ, за исключеніемъ придворныхъ, были недовольны. Дворяне заваливали

царя челобитными, жалуясь, что они «служили безпрестанныя службы и отъ службъ обѣдняли, одолжали всякими долги и конми опали, а помѣстья ихъ и вотчины опустѣли и домы ихъ оскудѣли и разорены безъ остатку». Не отставали отъ дворянъ и купцы и тоже жаловались: «Милосердный Государь! Царь и Великій Князь всеа Русіи!»—читаемъ въ одной челобитной,—«пожалуй насъ холопей и сиротъ своихъ, всего государства торговыхъ людей: возри, Государь, въ насъ бѣдныхъ и не дай намъ, природнымъ своимъ государевымъ холопемъ и сиротамъ, отъ иновѣрцевъ быть въ вѣчной нищетѣ и скудости, не вели, Государь, искони вѣчныхъ нашихъ промышлишковъ у насъ бѣдныхъ отнять. Вели, Государь, аглинскимъ и анбурскимъ (гамбургскимъ) и бараборскимъ (брабантскимъ) и голанскимъ и датскимъ нѣмцамъ... торговать у корабельной пристани у Архангельскаго города». Въ объясненіе этой слезницы слѣдуетъ сказать, что иностранные «гости», при содѣйствіи бояръ и при системѣ откуповъ, совершенно поглощали русскую торговлю. Посадскимъ людямъ и крестьянамъ жилось, конечно, еще тяжелѣе, хотя они и меньше жаловались. Но жаловались все-таки и они. Такъ, чердынцы писали: «Многіе люди учинились сильны, а воеводъ подкупали, и отъ нихъ де насильства многія, посадскіе люди и уѣздные крестьяне разбрелись врознь, а тѣ де сильные люди живутъ во льготѣ».

Хуже всѣхъ, однако, жилось инородцамъ. Такъ, до насъ дошли свѣдѣнія о кровавыхъ подвигахъ якутскаго воеводы Голицына, который засѣкалъ, вѣшалъ и жегъ инородцевъ цѣлыми толпами (онъ сѣкъ ихъ, какъ значится въ ихъ челобитной, «въ три палача»). Таково было, въ общихъ чертахъ, положеніе всѣхъ сословій того времени.

Не мудрено, что при такихъ обстоятельствахъ вспыхнулъ, наконецъ, кровавый мятежъ 25 мая 1648 года.

Этотъ мятежъ и послужилъ ближайшимъ толчкомъ для составленія Уложенія. Необходимо было привести въ ясность права отдѣльныхъ сословій, обуздать сильныхъ и дать защиту слабымъ, а этого всего лучше можно было достигнуть путемъ упорядоченія законовъ, которые до того времени состояли изъ устарѣвшихъ судебниковъ и безчисленныхъ сепаратныхъ указовъ и царскихъ грамотъ, разрозненныхъ и писанныхъ безъ системы и безъ общей руководящей идеи. Съ этой цѣлью и былъ созванъ соборъ 1649 года, которому предстояло «государевы и земскія дѣла утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобы московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровна».

Что касается вопроса, почему Алексѣй Михайловичъ, задумавши составить Уложеніе, счелъ нужнымъ созвать представителей всѣхъ сословій, а не поручилъ этого своимъ боярамъ, искусившимся въ писаніи грамотъ и указовъ, то можно отвѣтить, что предшествовав-

шая эпоха смутъ и междуцарствія, когда спасать землю приходилось обществу, чрезвычайно выдвинуло это послѣднее. Всю тяжесть междуцарствія вынесло на своихъ плечахъ русское общество того времени, и это, говоритъ профессоръ Бѣляевъ, «поставило его въ такое положеніе, что всѣ важныя государственныя дѣла и особенно тѣ, въ которыхъ разсуждалось о денежныхъ и другихъ сборахъ, рѣшались не иначе, какъ по соборному приговору выборныхъ людей отъ всей русской земли, какъ служилыхъ, такъ и неслужилыхъ».

Если обычай требовалъ, чтобы вопросы о податяхъ и даже о взысканіи простыхъ недоимокъ рѣшались на соборѣ, то такое огромное дѣло, какъ составленіе уложенія, и подавно не могло, по понятіямъ того времени, обойтись безъ участія «всей земли», и само московское правительство называло Уложеніе «государевымъ и *земскимъ* дѣломъ».

Къ этому можно еще добавить, что правительству было чрезвычайно важно узнать истинныя нужды всѣхъ сословій въ государствѣ, чтобы, сообразуясь съ ними, писать законы, а кто же могъ лучше разсказать о нуждахъ сословій, какъ не выборные ихъ представители?

Соборъ 1649 года составился изъ «всякихъ чиновъ людей» и состоялся въ формѣ двухъ палатъ: въ одной находились государь, духовныя власти, бояре, окольничіе и думные люди; въ другой (въ отвѣтной палатѣ) собирались всѣ выборные люди, какъ дворяне, такъ и посадскіе.

Предметомъ обсужденія палатъ служили, во-первыхъ, законодательные матеріалы, собранные особо уполномоченными на то лицами (кн. Одоевскимъ, Прозоровскимъ, Волконскимъ и дьяками Леонтьевымъ и Грибоѣдовымъ), и, во-вторыхъ, челобитныя.

Труды собора продолжались отъ 3 октября по 29 января, и вся его огромная работа была записана на колоссальномъ свиткѣ въ 434 арш. длиною. На одной сторонѣ свитка были помѣщены статьи Уложенія, на другой 315 подписей участниковъ собора. (Этотъ свитокъ хранится въ настоящее время въ московской Оружейной палатѣ).

Что касается содержанія Уложенія, какъ законодательнаго памятника, то слѣдуетъ замѣтить, что хотя мы найдемъ въ немъ не мало статей, которыя по чрезмѣрной строгости своей могутъ быть съ полнымъ основаніемъ названы драконовскими законами, но, въ то же время, въ Уложеніи имѣется множество статей, которыя представляютъ собой живой откликъ на просьбы народа. Многія статьи прямо составлены изъ челобитныхъ. Иногда это шло даже вразрѣзъ съ интересами привилегированныхъ людей и сословій. Такъ, напримѣръ, посадскіе люди жаловались, что нетяглые классы, т.-е. духовныя власти, монастыри, служивые люди и вообще привилегированные «затѣснили и изобидѣли многими обидами» тяглыхъ посадскихъ и торговыхъ людей. Отвѣтомъ на эти челобитныя явился цѣлый рядъ статей XIX главы Уложенія, и обиженнымъ дана защита въ законѣ.

Въ первой статьѣ XIII главы, опредѣляющей учрежденіе особаго Монастырскаго приказа для дѣлъ по искамъ къ духовенству и монастырямъ, прямо говорится, что эта статья возникла по челобитнымъ. Чтобы понять огромную ея важность, достаточно вспомнить, что ею нарушалась одна изъ существеннѣйшихъ прерогативъ духовенства, одного изъ сильнѣйшихъ сословій въ государствѣ.

Самъ патріархъ Никонъ, всесильный Никонъ, поставившій свою власть почти на степень царской, былъ возмущенъ этой статьей и долго добивался ея упраздненія. Вотъ что писалъ онъ въ грамотѣ къ восточнымъ патріархамъ въ 1665 г.:

«Написана книга «Уложеніе», св. Евангелію, правиламъ св. Апостолъ, св. отецъ и законамъ греческихъ царей во всемъ противная, почитаютъ ее больше Евангелія: въ ней-то, въ 13 главѣ, уложено о монастырскомъ приказѣ; другихъ беззаконій, написанныхъ въ этой книгѣ, не могу описать, — такъ ихъ много! Много разъ говорилъ царскому величеству объ этой проклятой книгѣ, чтобы ее искоренить, но, кромѣ униженія, не получалъ ничего».

Такъ великъ былъ въ глазахъ нашихъ предковъ авторитетъ земскаго собора. („*Сынъ Отеч.*“).

А. Я.

Что читать народу? Литературное «разслѣдованіе» по вопросу о средствахъ улучшенія народной литературы, предпринятое редакціей «Revue des Revues», вызвало нѣсколько интересныхъ разсужденій. На эти мнѣнія стóитъ обратить вниманіе,—тѣмъ болѣе, что вопросъ о «народной» литературѣ представляетъ интересъ не для одной только Франціи.

Большинство писателей сходится въ томъ, что, во-первыхъ, необходимо дать большой публикѣ чтеніе художественное и нравственное, а во-вторыхъ, необходимо позаботиться о развитіи въ этой публикѣ болѣе высокихъ умственныхъ и нравственныхъ требованій. Двѣсти лѣтъ тому назадъ,—говоритъ Анри Беранже,—французскій народъ пахалъ землю, служилъ «тремъ сословіямъ» и не зналъ никакой литературы, кромѣ своихъ немудрыхъ пѣсенъ и сказокъ. Сто лѣтъ тому назадъ тотъ же народъ, возбужденный третьимъ сословіемъ и философами, произвелъ революцію, но все-таки продолжалъ ничего не читать. Его фельетонными романами были наполеоновскія войны; онъ и писалъ эти романы своей кровью,— и никакихъ другихъ не зналъ. Учиться читать и писать онъ началъ только въ 40-хъ годахъ, и сейчасъ же сталъ искать себѣ подходящей литературы. Это была эпоха книжниковъ-ходебщиковъ, разносившихъ по деревнямъ пѣсни Беранже, романы Дюма-отца и Эженя Сю,—эпоха, можно сказать, эпическая, героями которой были Артаньяны, Родэны и Монте-Кристо.

Имперія Наполеона III усердно старалась опошлить всякую литературу — политическую, религіозную, общественную; она придала фельетонному роману ту «уголовную разнузданность», какою онъ отли-

чается и въ наше время; она развратила націю, принизила и опошлила народное чувство; она льстила порочнымъ наклонностямъ толпы и одурманивала ее изображеніемъ кровавыхъ преступленій и низкихъ удовольствій.

Третья республика, смѣнившая вторую имперію, во многихъ отношеніяхъ явилась ея достойной продолжательницей: «перемѣна правительства не повела къ измѣненію нравовъ», — и съ установленіемъ республиканскаго режима фельетонный романъ нисколько не сталъ благороднѣе прежняго. Напротивъ, расплодившись безъ числа въ дешевыхъ уличныхъ листкахъ, онъ продолжалъ развращать французскую демократію и парализовать всѣ старанія школы, направленныя къ нравственному подъему народа. А такъ какъ ежедневная печать почти всецѣло находится въ рукахъ разнаго рода сомнительныхъ «дѣльцовъ», то ни одинъ редакторъ газеты не смѣлъ, да и не думалъ бороться противъ фельетоннаго романа, точно такъ же, какъ ни одинъ политическій дѣятель не думалъ бороться съ кабакомъ.

Слѣдовательно,—заключаетъ Бераже,—воспитаніе народа должно совершаться не путемъ дешевыхъ листковъ, а помимо ихъ, и даже вопреки ихъ существованію. Не эти листки поднимутъ умственный и нравственный уровень толпы, а наоборотъ,—толпа должна будетъ ихъ облагородить: придетъ время, когда она сама заставитъ ихъ давать ей литературу не «популярную», и человѣческую.

Литературы «популярной», собственно говоря, нѣтъ и не должно быть; *есть только одна литература*—человѣческая, вѣчная, литература великихъ писателей и великихъ, неумирающихъ произведеній.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Бераже, вопросъ заключается не въ преобразованіи фельетоннаго романа, а въ его уничтоженіи,—въ томъ, чтобы замѣнить его поэмами Гомера, трагедіями Шекспира и Корнеля, романами Гюго, стихотвореніями Ламартина...

Поднять всю народную массу на ту высоту, на которой теперь стоитъ только избранное меньшинство, сдѣлать ее способною наслаждаться твореніями геніевъ, — вотъ задача современныхъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей. Не нужно никакой особой литературы для народа, а нуженъ такой народъ, который былъ бы способенъ понимать литературу всемірную. Къ этой идеальной цѣли и должны быть направлены всѣ усилія друзей человѣчества.

«Судьба страны связана съ воспитаніемъ народа»,—говоритъ Габріэль Сеайль, развивая ту же мысль. «Мы увеличили количество школъ и значительно уменьшили число неграмотныхъ; но мы не подумали о томъ, что же народъ будетъ читать, когда онъ выучится азбукѣ? Мы и теперь стоимъ только при самомъ началѣ задачи. Вы возмущаетесь пошлостью и безнравственностью фельетонныхъ романовъ, которые фабрикуются для народнаго чтенія извѣстными литературными промышленниками; но, вѣдь, черта, отдѣляющая фельетонъ отъ остальнаго текста газеты, есть не боль-

ше, какъ фикція: романъ-фельетонъ, въ сущности, распространяется на всѣ столбцы, на все содержаніе газетнаго листа. Въ самомъ дѣлѣ, что такое, напримѣръ, наша «хроника»? это — тотъ же фельетонъ, только въ сокращенномъ видѣ, источникъ, откуда фельетонистъ черпаетъ всѣ эти преступленія, кражи, убійства и т. п., которыми онъ въ такомъ изобиліи украшаетъ своихъ романическихъ героевъ. Предоставляю криминалистамъ и соціологамъ судить о вліяніи подобныхъ разсказовъ и изображеній на нравственность читателей. Полиція наблюдаетъ за ассенизаціей города отъ всякихъ нечистотъ и такимъ образомъ ограждаетъ человѣка отъ возможности отравляться собственными своими отбросами. Можетъ-быть, лѣтъ черезъ сто додумаются и до того, что запретятъ вливать въ человѣческое сердце потоки всевозможныхъ нравственныхъ нечистотъ. Но въ наше время это дѣлается еще безнаказанно!

«Перечитайте затѣмъ передовыя статьи, трактующія о дѣлахъ внутреннихъ, объ отношеніяхъ международныхъ. Здѣсь-то ужъ, казалось бы, писатель, прежде всего долженъ сознавать себя воспитателемъ публики, строго слѣдить за собой, не нарушать хотя бы элементарныхъ правилъ логики, воздерживаться отъ лжи и клеветы, излагать свои мысли ясно и просто и, во всякомъ случаѣ, не отступать отъ основныхъ нравственныхъ требованій, — не оправдывать и не восхвалять нарушенія закона, подлоговъ, убійства. Есть, конечно, писатели, которые все это соблюдаютъ; но очень многіе предпочитаютъ болѣе упрощенную методу фельетоннаго романа. Вопросы внутренней и внѣшней политики можно разсматривать съ разныхъ сторонъ; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ очень сложными интересами, нерѣдко противоположными; наиболѣе благоразумный образъ дѣйствія заключался бы въ томъ, чтобы постараться понять резоны своихъ противниковъ и отразить ихъ логическими доводами... Но люди, изучающіе жизнь по фельетоннымъ романамъ, знаютъ, что народы, точно такъ же, какъ и отдѣльныя личности, дѣлятся на добрыхъ и злыхъ, на героевъ и злодѣевъ; разсуждать и спорить съ злодѣями — дѣло совершенно лишнее: довольно одной только брани,—что съ ними церемониться? И вотъ, политическій обозрѣватель начинаетъ «отдѣлывать» великія державы, вдается въ воинственный азартъ, хвастаетъ, величается...

Въ области внутренней политики—романъ-фельетонъ также торжествуетъ надъ здравымъ смысломъ и добросовѣстностью: авторъ статьи честнѣйшій и благороднѣйшій патріотъ, а всѣ тѣ, кто не раздѣляетъ его мнѣній,—измѣнники, отщепенцы, заговорщики, которыхъ, во что бы то ни стало, надо заставить замолчать. Такимъ образомъ, свободному и безпристрастному обсужденію жизненныхъ вопросовъ, требующему отъ читателя размышленія и вниманія, предпочитаются мелодраматическія галлюцинаціи, подстрекающія любопытство и потакающія дурнымъ страстямъ и

предразсудкамъ. И *люди*, которые наживаются, развращая подобными пріемами народную совѣсть и сознаніе,—эти люди читаютъ намъ лекціи патріотизма.

Фельетонный романъ со всѣми своими глупостями и пошлостями, лганьемъ и хвастовствомъ, повторяется во всѣхъ отдѣлахъ,—и въ хроникѣ, и въ политическомъ обозрѣніи, и въ статьяхъ о внутреннихъ дѣлахъ: онъ не заботится ни о здравомъ смыслѣ, ни о вѣроятности, дѣлитъ своихъ лицъ на добрыхъ и злыхъ, возбуждаетъ глупое, ротозѣйское любопытство, льститъ животнымъ наклонностямъ толпы.

Что же, однако, дѣлать? Вѣдь, одного сознанія зла еще недостаточно: нужно, чтобы это сознаніе вело къ какому-нибудь дѣйствію. Жюль Кларти и Адольфъ Бриссонъ полагаютъ, что очищеніе и возрожденіе литературы можетъ быть только дѣломъ геніальнаго писателя; а до тѣхъ поръ, пока не явится такой геній, слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы дать хорошимъ литературнымъ произведеніямъ какъ можно болѣе широкій ходъ въ массу публики и оберегать эту массу отъ литературной грязи.

Морисъ Бушоръ, извѣстный устроитель народныхъ чтеній и популярныхъ научныхъ курсовъ, говоритъ: нѣтъ сомнѣнія, что фельетонные романы имѣютъ вредное вліяніе на читателей, потому что въ этихъ романахъ все фальшиво, все ложно, а безъ правды нѣтъ ни воспитанія, ни нравственности, хотя бы романъ и оканчивался торжествомъ добродѣтели и наказаніемъ порока. Кромѣ того, отсутствіе въ этого рода произведеніяхъ всякой серіозной идеи развращаетъ умъ, пріучая его обходиться безъ мыслей. Наконецъ, постоянно повторяемое описаніе всевозможныхъ преступленій возбуждаетъ вредный, развратный интересъ къ злодѣйству.

Бушоръ высказываетъ пожеланіе, чтобы въ изящной словесности на первомъ планѣ поставлена была забота о правдѣ, объ идеяхъ и слогѣ, чтобы она не отталкивала отъ себя большой публики изысканностью своихъ выраженій и манеръ, горечью пессимизма и аристократическимъ презрѣніемъ къ «человѣческой глупости», которою писатели склонны такъ щедро надѣлять всѣхъ людей, забывая только самихъ себя. Кромѣ того, необходимо, чтобы порокъ не изображался съ такимъ благосклоннымъ сочувствіемъ, какъ это *принято* теперь въ большинствѣ романовъ, и чтобы *писатели, касаясь* важныхъ нравственныхъ вопросовъ, относились *къ своему предмету* съ тѣмъ чувствомъ собственнаго достоинства, которое исключаетъ всякія поползновенія льстить дурнымъ инстинктамъ читателя.

Ренэ Вазэнъ и Морисъ Барресъ идутъ нѣсколько дальше. Думать, что народъ осужденъ вѣчно читать только безграмотныя, развратныя и ничтожныя книжонки, значитъ—презирать народъ. Опытъ народныхъ чтеній показываетъ, что простой публикѣ вполнѣ доступны великія художественныя произведенія. Дайте ей «Несчастныхъ» или «Войну и Миръ»,—и она будетъ тронута, заинтересована, станетъ нравственно выше; она полюбитъ Гюго и Толсто-

го и уже не промѣняетъ ихъ на литературный хламъ. Во всѣхъ классахъ общества есть люди, которые не интересуются литературой, не любятъ читать; но нельзя на этомъ основаніи дѣлить литературу на аристократическую и народную; спеціально народной литературы нѣтъ, — а есть только произведенія прекрасныя, истинныя, поучительныя, трогательныя, которыя должны быть общимъ достояніемъ. Стало-быть,—что же нужно сдѣлать? Очень немногое и самое простое: не уничтожая фельетоннаго романа, къ которому привыкла извѣстная часть публики, поставить на мѣсто нелѣпыхъ писаній Понсонъ дю-Террайля романы Гюго, Толстого и другихъ великихъ писателей; этимъ новымъ «фельетономъ» безповоротно будетъ убитъ старый... Excelsior. С.-Пб. В.

Народное образованіе въ Швеціи (*изъ писемъ Льва Толстого-сына*). Шведское народное образованіе началось въ связи съ введеніемъ здѣсь лютеранства, которое требуетъ прежде всего разумнаго пониманія Библіи. И вотъ уже съ начала 17-го вѣка государство взялось за просвѣщеніе народа.

Ближайшее руководство надъ школами было поручено Церкви. Сначала духовенство одно учило народъ грамотѣ и Закону Божьему, но это ученіе тогда не шло дальше умѣнья читать. Такъ продолжалось почти два вѣка. За этотъ періодъ постоянныхъ школъ не существовало. Были школы подвижныя, при церковныхъ приходахъ. Въ нихъ учили странствовавшіе учителя, зависѣвшіе отъ священниковъ. Съ начала нынѣшняго вѣка въ Швеціи всюду вводятся школы постоянныя. Каждый приходъ обязанъ имѣть хоть одну такую школу. Во многихъ приходахъ ихъ нѣсколько, не говоря о городахъ. Обученіе грамотѣ въ Швеціи теперь обязательно для всѣхъ дѣтей отъ 7 до 14 лѣтъ безъ исключенія. Безграмотные люди не подлежатъ церковному обрученію, и бракъ ихъ совершается гражданскимъ образомъ, офиціально не признающимся законнымъ... Дѣти бѣдныхъ получаютъ помощь отъ приходскихъ попечительствъ въ видѣ платья, книгъ и даже денегъ; дѣти, неспособныя къ ученію, не принуждаются наравнѣ съ другими проходить положенные курсы, а выучиваются только читать и считать и нужнымъ молитвамъ.

Всѣ школы управляются школьными совѣтами, въ которыхъ предсѣдателями—мѣстные священники, члены же—по выбору, включая и женщинъ.

Надъ школьнымъ совѣтомъ стоитъ ближайшая консисторія съ епископомъ во главѣ, а высшее руководство школами страны отведено королю. Кромѣ того, есть инспектора, какъ у насъ, контролирующіе школы и назначаемые королемъ. Обученіе въ школахъ безплатное. Онѣ раздѣляются въ Швеціи на слѣдующія: 1) малыя или низшія школы для дѣтей; 2) меньшія народныя школы; 3) просто «народныя школы»; 4) «школы, продолжающія» образованіе, и 5) высшія народныя школы. Первыя изъ этихъ школъ даютъ пер-

воначальное образованіе дѣтямъ младшаго возраста; вторыя имѣютъ ту же цѣль, но существуютъ въ менѣе населенныхъ мѣстностяхъ страны; третьи даютъ болѣе полный курсъ народнаго образованія, и въ нихъ учатся дѣти старшаго возраста; въ четвертыхъ и пятыхъ читаются высшіе курсы для народа.

Учителя получаютъ, кромѣ квартиры съ отопленіемъ и часто кормомъ для коровы, по меньшей мѣрѣ 600 кронъ въ годъ. Это жалованье втрое превосходитъ не только минимальное, но и среднее жалованье нашего народнаго учителя или учительницы. Среднее же жалованье учителя равняется здѣсь 1,500 кронъ (крона—около 50 к.).

Для приготовленія учителей въ народныя школы существуетъ 7 мужскихъ и 5 женскихъ казенныхъ семинарій. Кромѣ того, 27 другихъ городскихъ и частныхъ училищъ съ тою же цѣлью. Въ семинаріяхъ курсъ 4-лѣтній. При нихъ устроены школы, въ которыхъ будущіе учителя и учительницы на практикѣ учатся преподавать. На ряду со шведскимъ языкомъ, Закономъ Божіимъ, математикой и естественными науками, стоятъ ручной трудъ, огородничество, садоводство и пѣніе. Эти знанія не остаются мертвой буквой, они, дѣйствительно, проходятся и хорошо усвоиваются будущими учителями и потомъ такъ же дѣльно передаются въ народныхъ школахъ учащимся. Всѣхъ народныхъ учителей въ Швеціи было въ 1893 году 5,144 чел., учительницъ—8,291. На каждаго изъ нихъ приходилось по 62 ученика. Изъ 812,629 дѣтей школьнаго возраста въ Швеціи было въ 1896 году: 16,900 почему-либо совсѣмъ освобожденныхъ отъ образованія, 28,308, учившихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, 364,192—въ постоянныхъ народныхъ школахъ и 57,111—въ передвижныхъ, 272,426—въ малыхъ и 26,090—учившихся дома. Отъ государства одного жалованья народнымъ учителямъ было уплачено 4.341,970 кронъ.

Говоря о народномъ образованіи въ Швеціи, нельзя не сказать о высшихъ курсахъ для взрослаго населенія. Это не то, что высшія народныя школы для дѣтей, а совсѣмъ особенныя учрежденія, организованныя на частныя средства при временныхъ субсидіяхъ отъ правительства. Такихъ курсовъ, или «академій» для народа теперь существуютъ въ Швеціи 25, изъ нихъ 10 для мужчинъ, а 15—для женщинъ и мужчинъ безъ различія. Для мужчинъ, по большей части, курсы читаются зимой, для женщинъ—лѣтомъ. Они состоятъ изъ всевозможныхъ предметовъ, начиная съ математики, естественныхъ наукъ, философіи и политической экономіи и кончая практическими знаніями, въ родѣ землемѣрія, домашняго хозяйства, гигіены. Эти лекціи очень охотно посѣщаются крестьянскимъ и другимъ населеніемъ и представляютъ изъ себя типъ народно-образовательнаго учрежденія, новый, полный интереса и важнаго значенія.

Король шведскій, человѣкъ просвѣщенный и горячо интересующійся вопросами образованія

вообще, постоянно заботится о ходѣ послѣдняго въ своемъ королевствѣ, оказывая покровительство и упомянутымъ высшимъ курсамъ для народа и дѣлая всевозможное для ихъ совершенствованія и развитія.

Школы въ Швеціи доступны всякому постороннему, желающему войти въ нихъ и посмотрѣть на преподаваніе.

Въ десять часовъ, когда уже дѣти проучились цѣлый часъ и начали второй, я пріѣхалъ въ школу.

Зданіе школы довольно большое, одноэтажное, раздѣляется широкимъ корридоромъ, служащимъ передней для платья учениковъ, на двѣ половины.

Направо отъ входа — квартира учителя, состоящая изъ сѣней, двухъ комнатъ и кухни, налѣво — двѣ классныя комнаты: одна большая для старшаго отдѣленія, другая меньше—для младшаго.

Классныя комнаты высокія, свѣтлыя, съ громадными окнами почти сплошь по двумъ стѣнамъ.

Когда я отворилъ дверь и вошелъ въ большую комнату, полную дѣтей, ученіе шло. Я назвалъ себя учителю, сидѣвшему направо на каѳедрѣ и, пройдя налѣво, сѣлъ на длинную лавку, назначенную, вѣроятно, нарочно для посѣтителей.

Ученикъ, бѣлокурый мальчикъ, читавшій книгу, по приказанію учителя, продолжалъ чтеніе. По расписанію телъ часъ легкаго чтенія. Дѣло шло о рудникахъ Даннеморы.

Я оглядѣлъ учениковъ и всю комнату. Въ ней сидѣло до 40 человѣкъ мальчиковъ и дѣвочекъ вмѣстѣ. Мальчики сидѣли налѣво отъ учителя, дѣвочки—направо. Старшимъ могло быть не болѣе 14, младшему мальчику было 9 лѣтъ. Дѣти были чисто одѣты въ платьица и курточки, хотя у нѣкоторыхъ во многихъ мѣстахъ аккуратно заштопанныя, ноги почти у всѣхъ были разуты по случаю лѣта. Въ Швеціи дѣти, даже высшихъ классовъ, лѣтомъ почти всегда бѣгаютъ босикомъ, потому что это здорово.

Учитель былъ одѣтъ въ синій, полосатый, свѣтлый лѣтній костюмъ. Это былъ мѣстный псаломщикъ, молодой, стройный и высокій человѣкъ на видъ, хотя уже женатый и съ двумя дѣтьми. Держался онъ необыкновенно прямо, говорилъ громкимъ, бодрымъ голосомъ.

Чтеніе продолжалось. Каждое не совсѣмъ простое слово учитель поясняль. Потомъ онъ досталъ ящикъ изъ одного изъ шкаповъ по стѣнамъ комнаты и вынулъ изъ него кусокъ знакомой мнѣ руды изъ Даннеморы. Кусокъ этотъ онъ передалъ дѣтямъ, которыя, изучая его и пробуя его тяжесть, по очереди его разглядывали. За желѣзной рудой изъ Даннеморы учитель показалъ кстати еще нѣсколько кусковъ руды другихъ составовъ, въ числѣ которыхъ была и цинковая, и сѣрная, и кусокъ желтой сѣры, изъ нея добытой. Укладывая образчики руды обратно въ ящикъ, учитель спрашивалъ дѣтей, куда употребляется желѣзо и цинкъ и сѣра, на что дѣти весело, вперебивку отвѣчали, поднимая руки.

Урокъ кончился. Учитель сложилъ книгу, за нимъ всѣ дѣти убрали книги съ пюпитра столовъ. Потомъ всѣ они встали и, построившись въ ряды, стали исполнять

гимнастическія движенія руками. Это продолжалось всего минуту для расправки груди. По знаку учителя, дѣти рядами, начиная съ ближняго къ двери, чтобы не было въ ней толкотни, стали выбѣгать изъ классной комнаты. Они выбѣжали въ школьный садъ, гдѣ устроены небольшія фруктовыя насажденія и школьный огородъ. Садикъ и огородъ содержатся въ большой чистотѣ и порядкѣ. Кромѣ яблонь, картофеля, капусты и другихъ овощей, тутъ есть и малина, и смородина, и другіе ягодные кусты.

Вторымъ урокомъ была географія. Задано было раздѣленіе Швеціи на провинціи, озера и рѣки внихъ. На стѣнѣ висѣли большая карта Скандинавіи и другая—Палестины. Кромѣ того, на особо устроенныхъ рамахъ висѣло еще съ десятокъ прекрасныхъ географическихъ картъ разныхъ частей свѣта; карты спускаются и поднимаются на шнурахъ. Дѣти вошли и сѣли на мѣста. По очереди они вызывались къ картѣ и палочкой указывали на ней разныя мѣста. Учитель стоялъ рядомъ и все такъ же бодро и весело, какъ сначала, велъ урокъ. При этомъ онъ разсказывалъ ученикамъ о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ поѣздки въ мѣстность, о которой шла рѣчь, что придавало особенную живость и интересъ уроку.

Ученикамъ, повидимому, далеко не было скучно учиться географіи, и они съ интересомъ и вниманіемъ слушали. Когда рѣчь зашла о шлюзахъ, которыхъ въ Швеціи большое множество, учитель нарисовалъ устройство ихъ мѣломъ на доскѣ.

Послѣ географіи была большая перемѣна отъ 12 до часу, когда ученики обѣдаютъ принесеннымъ изъ домовъ хлѣбомъ и молокомъ. Предъ тѣмъ, какъ имъ выбѣжать изъ классной, всѣ они стали въ благочестивыя позы, сложивъ руки на груди, и прочли, скорѣе пропѣли отрывисто и стройно, короткую предтрапезную молитву:

„Во имя Христа идемъ мы ко столу.
„Благослови, Боже, пищу, которую мы получаемъ;
„Благослови также Твое святое слово,
„Которое пусть будетъ пищей душѣ.
Amen".

Послѣ обѣда у дѣтей было еще три часа занятій, которыя всегда выбираются для конца дня самыми легкими: чистописаніе, естественная исторія и гимнастика.

Въ народныхъ школахъ Швеціи въ настоящее время проходятся слѣдующіе предметы: 1) священная исторія и лютеранскій катехизисъ, 2) шведскій языкъ: a) правописаніе, b) чтеніе, c) разговорный языкъ, 3) чистописаніе, 4) ариѳметика, 5) геометрія, 6) географія, 7) исторія, 8) естествознаніе, 9) рисованіе, 10) пѣніе, 11) гимнастика, 12) садоводство, 13) кустарное дѣло. Всѣ эти предметы необходимо изучить, чтобы получить выпускной аттестатъ. По полученіи его ученикъ уже держитъ экзаменъ у священника предъ конфирмаціей.

Я оставилъ описанную мной школу съ чувствомъ, которое трудно передать.

Я увидѣлъ теперь наглядно, гдѣ и въ чемъ кроются причина и основа шведской культуры и, сравнивая нашу деревенскую школу съ

только что видѣнной, мнѣ стало грустно при мысли, что мы еще такъ далеки отъ достигнутыхъ шведами результатовъ.

Не одна внѣшняя чистота, порядокъ и благоустройство шведской школы, не только матеріальный ея достатокъ, даже богатство въ ней поразительны, она, главнымъ образомъ, производитъ впечатлѣніе своей внутренней жизнью и содержаніемъ, выражающимися въ отвѣтахъ и лицахъ учениковъ, въ степени ихъ развитости, въ сравнительно высокой образованности шведскаго народнаго учителя.

Въ преподаваніи видна выработанная на разумныхъ началахъ система, въ учителѣ видны знанія, спокойствіе, увѣренность въ себѣ и сознаніе исполненія долга, въ ученикахъ—понятливость и воспитаніе. Я не говорю, что шведскія дѣти понятливѣе, умнѣе другихъ,—подъ понятливостью я разумѣю здѣсь относительную понятливость школьниковъ въ данныхъ условіяхъ школы, а не врожденную. Дѣти въ школѣ, которую я посѣтилъ, понимали то, чему ихъ учили, что особенно важно.

Шведская народная школа достигаетъ результатовъ, какихъ нѣтъ, можетъ быть, ни въ одной другой странѣ Европы. Безграмотныхъ здѣсь менѣе одного процента. Нѣтъ крестьянина или мастерового, который бы не читалъ газетъ. Новыхъ книгъ по-шведски ежегодно выходитъ болѣе 1,000. Со всякимъ рабочимъ и мужикомъ можно говорить, о чемъ угодно, о политикѣ, о финскомъ и норвежскомъ вопросахъ, о русскихъ голодающихъ, объ Англіи и Трансваалѣ.

Замѣчательна та внѣшняя и внутренняя порядочность, какая свойственна шведу, даже мужику. Онъ не только честенъ, какъ шведъ, и развитъ, онъ полонъ достоинства, спокойствія и именно порядочности, качества трудно опредѣлимаго.

Обойдитесь со шведомъ грубо или неучтиво,—вы этимъ жестоко огорчите его; попробуйте подкупить его, вы приведете его въ изумленіе и потомъ негодованіе; зато будьте съ нимъ ласковы, добры и открыты, онъ отдастъ вамъ тѣмъ же въ сто разъ. Не говорю уже о внѣшнихъ признакахъ, показывающихъ свободный духъ и умственную развитость шведскаго народа. Конечно, надо за руку поздороваться со слугой или работникомъ, не говоря уже о крестьянинѣ, надо всегда поблагодарить извозчика или кучера, привезшаго васъ, надо никогда не забывать, что всѣ служащіе тебѣ такіе же равные тебѣ люди и не только равные, но часто считающіе себя выше. Въ Швеціи нельзя, какъ у насъ, подкупить кондуктора за цѣлковый и отобрать этимъ въ свое распоряженіе лучшее купэ въ поѣздѣ, нельзя заставить лакея шаркать и кланяться передъ тобою за два двугривенныхъ, ругать дурными словами артельщика или извозчика; здѣсь не подѣйствуютъ ни генеральская фуражка, ни красныя штаны, ни кокарда, ни полицейская сѣрая шинель. Здѣсь всѣ равны, всѣ свободны, всѣ сами себѣ хозяева предъ лицомъ закона.

Законы, существующіе въ Швеціи для гражданъ, основаны на той

же свободѣ, какъ и тѣ, какими управляется все шведское государство: 1) обезпеченіе личности и собственности; 2) обезпеченіе правосудія; 3) свобода совѣсти и 4) свобода печати. Вотъ законы, которыми дышитъ всякій шведскій частный человѣкъ—гражданинъ.

(*«С.-Петерб. Вѣд.»*).

Частная инициатива въ дѣлѣ народнаго образованія во Франціи. Пять лѣтъ тому назадъ французскій министръ народнаго просвѣщенія Рибо поручилъ профессору Эдуарду Ити произвести систематическое изслѣдованіе о состояніи частнаго послѣшкольнаго образованія во Франціи въ формѣ различныхъ курсовъ, лекцій, чтеній, библіотекъ и т. п. Представленный г. Ити отчетъ поразилъ своей неожиданностью и общество, и правительство: оказалось, что по всей Франціи, въ городахъ и селеніяхъ, возникло на почвѣ частной инициативы сильное движеніе, направленное къ поднятію умственнаго, нравственнаго и культурнаго уровня народной массы; оказалось, что десятки тысячъ учителей, учительницъ, студентовъ, докторовъ, аптекарей, адвокатовъ и другихъ представителей провинціальной интеллигенціи систематически занимаются устройствомъ вечернихъ и воскресныхъ курсовъ, литературн. вечеровъ, бесѣдъ, спектаклей, народныхъ библіотекъ, школьныхъ и послѣшкольныхъ обществъ, товариществъ и т. д.; оказалось, что народъ горячо откликнулся на этотъ починъ интеллигенціи: сотни тысячъ человѣкъ, грамотныхъ и неграмотныхъ, мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей, систематически посѣщали курсы, милліоны слушателей явились на чтенія и бесѣды.

Отчетъ г. Ити произвелъ тогда истинную сенсацію, и министръ народнаго просвѣщенія рѣшилъ ежегодно повторять это изслѣдованіе, чтобы имѣть возможность слѣдить за новымъ движеніемъ и, не посягая на его свободу, оказывать ему необходимую матеріальную поддержку.

Послѣдующіе ежегодные отчеты систематически свидѣтельствовали, что движеніе это безпрерывно растетъ, развивается и крѣпнетъ: каждый новый отчетъ указывалъ, что въ теченіе года число курсовъ и лекторовъ удвоилось или утроилось, увеличилось на нѣсколько или много тысячъ, а число учениковъ, слушателей и членовъ товариществъ—на десятки и сотни тысячъ.

Курсы устраиваются отдѣльно для неграмотныхъ и для грамотныхъ. Въ первыхъ занятія ограничиваются преподаваніемъ самыхъ элементарныхъ предметовъ: чтенія, письма, первыхъ правилъ ариѳметики. Курсы второго разряда имѣютъ программу гораздо болѣе обширную и разнообразную, и въ нихъ большое мѣсто отводится занятіямъ «воспитательнаго характера», направленныхъ къ тому, чтобы «пробудить и укрѣпить въ учащихся высокія, гуманныя чувства, благородныя стремленія, состраданіе къ слабымъ, любовь къ правдѣ и стремленіе къ братству». Ведутся бесѣды о морали, о гра-

жданскихъ обязанностяхъ и правахъ; читаются лекціи по исторіи, по географіи, по различнымъ естественнымъ наукамъ, по политической экономіи, праву. На многихъ курсахъ введены уроки пѣнія, музыки, иностранныхъ языковъ и т. п. На спеціально женскихъ курсахъ ведутся бесѣды о роли женщины въ семьѣ и обществѣ, о гигіенѣ, общей и дѣтской, и проч.

Рядомъ съ этими общеобразовательными предметами, почти на всѣхъ курсахъ, ведутся систематическія занятія по предметамъ чисто практическаго характера: обученіе ремесламъ, рукодѣлью, домоводству, веденію книгъ и перепискѣ коммерческаго характера, черченію и т. д. Занятія практическаго характера гораздо болѣе преобладали на женскихъ курсахъ, гдѣ много времени удѣлялось обученію шитью, рукодѣлію, кройкѣ, кухонному искусству и, вообще, домоводству.

Бесѣды, какъ и курсы, велись не по опредѣленной, всюду одинаковой, программѣ. Характеръ ихъ тоже варьировался соотвѣтственно требованіямъ и нуждамъ мѣстнаго населенія. Охотнѣе всего посѣщались бесѣды по географіи, преимущественно о французскихъ колоніяхъ. Изъ лекцій по исторіи особеннымъ успѣхомъ пользовались разсказы о Великой революціи, о войнѣ 70 года и о прошломъ мѣстнаго края. Въ нѣкоторыхъ департаментахъ населеніе особенно интересовалось лекціями по земледѣлію, садоводству, лѣсоводству. Но больше всего бесѣдъ было посвящено алкоголизму, съ которымъ, въ послѣдніе 2—3 года, ведется энергично и систематически борьба по всей Франціи. «Можно сказать съ увѣренностью,—говоритъ господинъ Пти,—что въ теченіе 1898—1899 г. кампанія противъ алкоголизма, при помощи бесѣдъ, велась въ 20.000 коммунъ Франціи». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ читались лекціи о синдикатахъ, взаимномъ страхованіи, коопераціяхъ, причемъ лекторы—преимущественно мѣстные учителя,—пользуясь впечатлѣніемъ чтенія, тутъ же брали на себя иниціативу по организаціи земледѣльческихъ синдикатовъ, кооперативныхъ обществъ, кассъ взаимнаго страхованія скота, тутъ же успѣшно убѣждали слушателей ввести у себя химическія удобренія, выписать усовершенствованныя земледѣльческія орудія, лучшія сѣмена и т. д.

Особенно плодотворно проявилась дѣятельность по устройству чисто литературныхъ народныхъ чтеній. «Успѣхъ и распространеніе литературныхъ чтеній, въ теченіе зимы 1898—1899 г.,—пишетъ г. Пти,—превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Читали въ деревняхъ и городскихъ предмѣстьяхъ, читали на вечернихъ курсахъ подросткамъ, читали въ народныхъ аудиторіяхъ и въ семейныхъ кружкахъ—и всюду успѣхъ былъ огромный». (*«Од. Нов.»*).

Что можетъ сдѣлать починъ частныхъ лицъ по распространенію въ народѣ книги. Въ Харьковской губерніи народныя библіотеки распространяются, главнымъ образомъ, благодаря дѣятельности комитета по устройству сельскихъ

библіотекъ и народныхъ читаленъ, существующаго при Харьковскомъ обществѣ распространенія грамотности. Комитетъ этотъ началъ свою дѣятельность 24 мая 1894 г. Въ это время на всю Харьковскую губернію существовала лишь одна народная библіотека въ с. Марковѣ; теперь же, чрезъ 5 лѣтъ, народныхъ библіотекъ въ селахъ губерніи насчитывается 153, изъ которыхъ 138 открыты исключительно комитетомъ, 11—при его участіи и лишь 4—безъ содѣйствія комитета. Въ 1-й годъ дѣятельности комитета у него было средствъ всего 202 руб., но уже въ этомъ году на помощь комитету пришло Харьковское губернское земство, ассигновавъ въ его распоряженіе 1000 руб.; въ 1896 и 1897 гг. земство ассигновало комитету уже по 4,300 руб., а въ 1899 году—11,500 руб. Въ настоящее время комитетъ предполагаетъ выработать нормальную сѣть сельскихъ библіотекъ и читаленъ для Харьковской губерніи и затѣмъ продолжить свою дѣятельность, имѣя въ виду заполненіе этой сѣти, такъ что чрезъ нѣсколько лѣтъ всякій грамотный житель этой губерніи получитъ возможность пользоваться безплатною библіотекою. („Р. Ш.“).

Удивительное селеніе. Совершенно исключительное явленіе представляетъ одно изъ селъ Новоторжскаго уѣзда, Тверской губ.—Пречистая Каменка. Это село, представляющее центръ волости, имѣетъ у себя: волостной банкъ, ссудосберегательное товарищество, складъ сѣмянъ, земледѣльческихъ орудій и машинъ, вольное пожарное общество, безплатную библіотеку-читальню, попечительство о бѣдныхъ, домъ для разумныхъ развлеченій, только что законченный, въ которомъ будутъ помѣщаться: чайная, читальня, залъ для спектаклей, концертовъ и народныхъ чтеній съ туманными картинами. Удивительнѣе всего, что всѣ эти учрежденія созданы, поддерживаются, организуются самимъ населеніемъ волости и, въ частности, села Пречистой Каменки, по собственному его почину, его собственными средствами. Напримѣръ, послѣднее изъ перечисленныхъ учрежденій—домъ для разумныхъ развлеченій, возникло по желанію крестьянъ; они собрали между собою средства и построили посреди села большое зданіе, прилично, хотя и просто, обставили его, купили волшебный фонарь, заказали для него картины, даже организовали небольшой хоръ изъ любителей пѣнія для устройства въ теченіе зимы концертовъ, а теперь возбудили ходатайство о разрѣшеніи поставить въ своемъ «домѣ» сцену и декораціи. Или, напримѣръ, попечительство о бѣдныхъ, уставъ котораго составленъ самими крестьянами-учредителями его. Изъ него мы видимъ, что попечительство устроено съ цѣлью доставленія средствъ къ улучшенію матеріальнаго и нравственнаго состоянія бѣдныхъ крестьянъ и крестьянокъ волости, а также и проживающихъ здѣсь другихъ бѣдныхъ, «безъ различія пола, возраста, званія, состояній и вѣроисповѣданій». Уставъ предоставляетъ попечительству, для до-

стиженія своей цѣли и «съ разрѣшенія начальства», открывать общественныя столовыя, чайныя, дешевыя квартиры, убѣжища, пріюты, дома трудолюбія, больницы, лавки, мастерскія и т. п.

Пожарное общество также устроено образцово: оно имѣетъ хорошо организованную дружину, собственное депо, очень полно составленный обозъ и толковаго распорядителя, въ лицѣ волостного старшины; оно не ограничиваетъ своей дѣятельности мѣрами борьбы съ огнемъ, а заботится также и о предупрежденіи пожаровъ; съ этой цѣлью оно недавно выхлопотало у губернскаго земства ссуду въ 500 р. и рѣшило устроить въ селѣ кирпичный заводъ съ продажей кирпича по заготовочной цѣнѣ.

А библіотека-читальня, устроенная безъ всякаго вліянія со стороны земства или «меценатовъ» и, тѣмъ не менѣе, первая по времени своего открытія въ уѣздѣ и обязанная своимъ существованіемъ такому совершенно необыкновенному обстоятельству, что волостной писарь въ Каменкѣ не только хорошій человѣкъ и умѣлый организаторъ, но и умѣетъ читать толково и «съ душой»: крестьянамъ такъ нравилось его чтеніе вслухъ, которому тотъ охотно посвящалъ свое свободное время, что они сами стали покупать книжки, приносили ихъ ему и просили «почитать». Таково было основаніе пречисто - каменской читальни, устроенной потомъ на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ объ открытіи безплатныхъ читаленъ по закону 15 мая 1890 г. (*«Спб. Вѣд.»*).

Внѣшкольное образованіе рабочихъ. Вышелъ въ видѣ отдѣльной брошюры общій обзоръ дѣятельности съѣзда начальниковъ промышленныхъ училищъ. Составитель отчета, г. Лавриновичъ, останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на данныхъ, касающихся образованія среди рабочихъ, которымъ школа недоступна, почему и признано было необходимымъ устройство общеобразовательныхъ курсовъ. Такіе курсы стали возникать довольно давно, и въ организаціи ихъ видное мѣсто принадлежитъ спб. постоянной комиссіи по техническому образованію. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда на это обратило свое вниманіе министерство народнаго просвѣщенія, разрѣшивъ циркуляромъ 18 февраля 1895 года устройство такихъ курсовъ при фабрикахъ, заводахъ и при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, они стали возникать повсемѣстно. Этотъ источникъ внѣшкольнаго образованія рабочихъ представляетъ собою существенный способъ насажденія образованія, принятый почти во всѣхъ передовыхъ государствахъ. Небезынтересныя свѣдѣнія объ этомъ даетъ упомянутый выше циркуляръ, который, признавая, что существующихъ промышленныхъ школъ слишкомъ недостаточно для цѣлей образованія рабочихъ, останавливается на мысли, что профессіональныя знанія могутъ быть сообщаемы не только ученикамъ школъ, но и ли-

цамъ, уже получившимъ общее образованіе и посвятившимъ себя практической дѣятельности. Для такихъ лицъ министерство народнаго просвѣщенія сочло полезнымъ дополненіе ихъ общаго образованія спеціальными знаніями, необходимыми для избранной ими практической дѣятельности, а лучшею формою, въ которой могли бы быть сообщаемы имъ эти знанія, признаны были вечерніе и воскресные курсы, на которыхъ должны быть выдвинуты на первое мѣсто рисованіе и черченіе, какъ общее, такъ и въ приложеніи къ различнымъ ремесламъ и отраслямъ промышленности. На первое время министерство предлагало озаботиться устройствомъ вечернихъ и воскресныхъ занятій по рисованію и черченію для ремесленниковъ и заводскихъ рабочихъ въ примѣненіи къ тѣмъ ремесламъ, которыми они занимаются, и курсовъ по технологіи этихъ ремеслъ, а также по физикѣ, химіи и проч. Курсы черченія и рисованія для рабочихъ были открыты въ 1893 г., при Брянскомъ рельсопрокатномъ заводѣ на средства завода, а въ 1894 г. — при кишиневскомъ Александровскомъ ремесленномъ училищѣ съ пособіемъ отъ мѣстной городской думы и ремесленной управы. Въ обоихъ случаяхъ явилось весьма значительное число лицъ, пожелавшихъ посѣщать эти курсы. Въ виду такого удачнаго опыта, министерство народнаго просвѣщенія предложило начальникамъ техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній войти въ сношенія съ городскими думами, земскими собраніями, купеческими, мѣщанскими и ремесленными обществами, фабрикантами и заводчиками и проч., для выясненія мѣстныхъ потребностей въ курсахъ для рабочихъ и для опредѣленія доли участія мѣстныхъ учрежденій и частныхъ лицъ въ содержаніи курсовъ.

Съ 1895 года курсы возникли въ Иваново-Вознесенскѣ при реальномъ училищѣ, въ Нѣжинѣ при нѣжинскомъ техническомъ училищѣ, въ Одессѣ при одесскомъ городскомъ ремесленномъ училищѣ, въ Москвѣ, въ виленскомъ учебномъ округѣ, въ Тифлисѣ, Елисаветградѣ, Омскѣ, Владикавказѣ, Петербургѣ и др. городахъ. Директоръ иваново-вознесенскаго училища сообщилъ на съѣздѣ, что курсы ариѳметики и геометріи мало привлекали рабочихъ, такъ какъ большинство ихъ оказались настолько малограмотными, что не могли усвоивать этихъ предметовъ, но зато курсы по бухгалтеріи и счетоводству, открытые для служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ, а также курсъ электротехники, привлекли много слушателей. Въ лучшемъ положеніи находятся курсы, устроенные при Брянскомъ заводѣ еще въ 1893 году. Въ настоящее время на этихъ курсахъ имѣется 100 вакансій, но кандидатовъ въ слушатели гораздо больше. Здѣсь слушатели обучаются черченію, начиная съ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для черченія, и кончая вычерчиваніемъ довольно сложныхъ вещей. Въ Одессѣ это дѣло поставлено особенно прочно. Курсы открыты въ 1895 году, и городъ ассигнуетъ на нихъ 500 руб. въ годъ.

Предметами преподаванія на этихъ курсахъ служатъ черченіе и рисованіе, причемъ, кромѣ геометрическаго и проекціоннаго черченія, преподаются техническое черченіе для столяровъ и слесарей и техническое рисованіе для столяровъ, рѣзчиковъ и слесарей. Кромѣ этихъ курсовъ, существуютъ еще курсы математики, физики и технологіи металловъ. Содержатся они исключительно на сборъ платы за ученіе, и хотя плата взимается довольно высокая—въ размѣрѣ 50 к. за каждый предметъ преподаванія, что составитъ за всѣ предметы около 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ, — желающихъ поступить на курсы является очень много. Но наплывъ слушателей вскорѣ начинаетъ уменьшаться; причину этого завѣдующій курсами усматриваетъ въ условіяхъ жизни рабочихъ; часто рабочіе задерживаются на фабрикахъ для вечерней работы и тѣмъ лишаются возможности посѣщать курсы. Кромѣ того, слушателей отвлекаетъ отъ этихъ курсовъ одесскій народный университетъ, гдѣ лекціи читаются безплатно. Въ Москвѣ существуетъ цѣлый рядъ курсовъ и классовъ. Преобладаютъ здѣсь классы черченія и рисованія, которые учреждаются и при заводахъ и школахъ и имѣютъ значительный успѣхъ. Въ виленскомъ учебномъ округѣ дѣло устройства курсовъ получило сильное развитіе. Такъ, курсы устроены при двинскомъ, бѣлостокскомъ и виленскомъ реальныхъ училищахъ и вскорѣ открываются въ Минскѣ и Гроднѣ. Особеннымъ успѣхомъ пользуются курсы по химіи, физикѣ и по производствамъ, устроенные при виленскомъ реальномъ училищѣ, и курсы счетоводства. Въ Тифлисѣ, при тифлисскомъ ремесленномъ училищѣ, открыты курсы по черченію, рисованію, ариѳметикѣ, токарному, кочегарному и механическому дѣлу и по общеобразовательнымъ предметамъ на 100 чел. При омскомъ ремесленномъ училищѣ курсы существуютъ третій годъ. Несмотря на то, что рабочіе записываются на курсы очень охотно, до конца года доходитъ лишь человѣкъ 10.

Тамъ, гдѣ неумѣло вели дѣло, не приспособлялись къ слушателямъ, они разбѣгались очень скоро.

Недостатокъ времени у рабочихъ—другая главная причина малоуспѣшности курсовъ: трудно ждать, чтобы послѣ 12 или $11\frac{1}{2}$-часового тяжелаго труда нашлось среди рабочихъ много желающихъ идти слушать лекціи. Въ этомъ отношеніи гораздо большій успѣхъ имѣли воскресные курсы, на которые идутъ свободные и отдохнувшіе люди.

Общая и самая главная причина неуспѣха курсовъ лежитъ въ малограмотности рабочихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ человѣкъ усвоить себѣ свѣдѣнія изъ геометріи, физики, химіи, технологіи и прочихъ предметовъ, когда онъ подчасъ не знаетъ даже грамоты. Извѣстно, что большинство нашихъ рабочихъ и до настоящаго времени не грамотны, большинство же грамотныхъ — малограмотны. Болѣе чѣмъ 25-лѣтній опытъ постоянной комиссіи по техническому образованію, по устройству школъ для взрослыхъ рабочихъ показалъ, что

устройство спеціальныхъ классовъ и курсовъ по предметамъ, лежащимъ въ основѣ каждаго спеціальнаго знанія (физики, химіи, механики и технологіи), возможно только тамъ, гдѣ, благодаря многолѣтнему существованію воскресно-вечернихъ классовъ по общеобразовательнымъ предметамъ, имѣется достаточное число подготовленныхъ для слушанія этихъ предметовъ взрослыхъ рабочихъ. *(Спб. Вѣд.).*

Губернскія земства и начальное образованіе. Недавно вышла очень интересная работа статистическаго отдѣленія псковской губернской земской управы подъ заглавіемъ: «Очеркъ дѣятельности губернскихъ земствъ по народному образованію». Изъ этого «Очерка» видно, что въ послѣднее десятилѣтіе мѣропріятія губернскихъ земствъ въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія выражаются въ слѣдующемъ. Первое мѣсто (по числу земствъ) занимаютъ мѣропріятія, направленныя къ образованію контингента свѣдущихъ учителей. Сюда относится содержаніе учительскихъ семинарій, устройство педагогическихъ курсовъ, устройство и содержаніе учительскихъ библіотекъ, устройство курсовъ садоводства, огородничества и проч. Въ этихъ мѣропріятіяхъ принимаетъ участіе 29 губернскихъ земствъ. Затѣмъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, идутъ слѣдующія мѣропріятія: 1) доставленіе средствъ для внѣкласснаго образованія, т.-е. устройство библіотекъ, народныхъ читаленъ, воскресныхъ и повторительныхъ классовъ, безплатная раздача книгъ, книжные склады, продажа книгъ посредствомъ книгоношъ и проч.,—участвуетъ 22 земства; 2) изслѣдованіе народнаго образованія и положенія школьнаго дѣла въ губерніи, а также и разработка проектовъ къ вопросу о лучшей постановкѣ народнаго образованія,—20 земствъ: 3) содѣйствіе возведенію и улучшенію школьныхъ помѣщеній,—20 земствъ; 4) улучшеніе матеріальнаго быта учителей, т.-е. періодическія прибавки къ жалованью, устройство эмеритуры, доставленіе учителямъ возможности обучать своихъ дѣтей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, субсидіи обществамъ вспомоществованія учащимъ и проч.,—19 земствъ; 5) снабженіе школъ учебными книгами и пособіями,—14 земствъ; 6) устройство и содержаніе школъ въ уѣздахъ,—11 земствъ; 7) составленіе школьной сѣти,—8 земствъ; 8) содержаніе земскихъ инспекцій,—1 земство, и 9) устройство общежитій и почлежныхъ пріютовъ для дѣтей, посѣщающихъ школы изъ отдаленныхъ селеній,—1 земство. *(«Сынъ Отечества»).*

Школьныя попечительства. Газеты сообщаютъ, что въ министерствѣ народнаго просвѣщенія поставленъ на ближайшую очередь вопросъ о реорганизаціи попечительства надъ народными училищами, и что при этомъ будетъ разсмотрѣнъ проектъ устройства коллективныхъ школьныхъ попечительствъ. По положенію 25-го мая 1874 г., ближайшее завѣдываніе каждымъ начальнымъ училищемъ принадлежитъ попечителю или попечительницѣ, избираемымъ, если училище содержится земствомъ, го-

родскимъ или сельскимъ обществомъ, — этими послѣдними. Законъ возлагаетъ на попечителя полную отвѣтственность за порядокъ въ училищѣ и въ виду этого, предоставляетъ ему право присутствовать на урокахъ преподавателей, вникать во всѣ нужды школы и оказывать ей всестороннее, не только матеріальное, но и нравственное содѣйствіе. Такъ широко очерченная въ законѣ роль попечителя даетъ этому общественному представителю весьма важное значеніе въ школьномъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, однако, на практикѣ институтъ попечителей не получилъ того развитія, на которое разсчитывалъ законодатель.

Замѣна единоличныхъ попечителей коллегіальными попечительствами изъ учителей, попечителей, выборныхъ отъ сельскихъ обществъ и изъ другихъ лицъ, обязующихся извѣстнымъ ежегоднымъ денежнымъ взносомъ въ пользу школы, о чемъ возбужденъ вопросъ въ настоящее время, представлялась бы весьма полезной.

Идея подобныхъ попечительствъ имѣетъ уже довольно продолжительную исторію. Еще въ 1880 году она была высказана и съ достаточной опредѣленностью формулирована черниговскимъ губернскимъ земствомъ, затѣмъ она служила предметомъ доклада и преній на происходившемъ въ 1896 г. въ Москвѣ II-мъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, не одинъ разъ высказывалась и обсуждалась также и въ печати. Наконецъ, два года назадъ курское губернское земское собраніе представило на утвержденіе министерства народнаго просвѣщенія выработанный имъ проектъ «Устава попечительствъ при начальныхъ земскихъ училищахъ Курской губерніи», въ которомъ идея коллективнаго попечительства получила детальное и вполнѣ опредѣленное выраженіе. Учреждаемое при каждомъ училищѣ, такое попечительство по курскому проекту, кромѣ учебнаго персонала школы, состоитъ изъ нѣсколькихъ выборныхъ представителей мѣстнаго общества и въ числѣ своихъ задачъ имѣетъ заботу о матеріальномъ положеніи училища, о санитарныхъ его нуждахъ, объ увеличеніи его библіотеки и т. д. Оно заботится объ устройствѣ повторительныхъ и воскресныхъ классовъ, народныхъ чтеній, разумныхъ развлеченій для народа, а также изыскиваетъ способъ къ содѣйствію способнѣйшихъ учениковъ продолжать образованіе. Поставленныя въ связь съ мѣстнымъ земствомъ, попечительства подобнаго типа, конечно, при условіи предоставленія имъ необходимаго простора дѣятельности и устраненія, съ другой стороны, излишнихъ формальностей, не вызываемыхъ существомъ дѣла, могутъ оказать школьному дѣлу немаловажныя услуги и во всякомъ случаѣ будутъ болѣе полезны, чѣмъ существующій нынѣ институтъ индивидуальныхъ попечителей. Важно уже то, что съ учрежденіемъ такихъ попечительствъ, учитель съ своей школой не будутъ, какъ теперь, одинокими и отчужденными отъ мѣстнаго общества, такъ какъ около нихъ, объединенныхъ об-

щимъ дѣломъ, сгруппируется кругъ людей, сочувствующихъ дѣлу, и при ихъ помощи учителю будетъ легче выполнять свое культурное назначеніе.

Желательно, чтобы при обсужденіи вопроса о школьныхъ попечительствахъ были приняты въ соображеніе мнѣнія земствъ, которыя могли бы дать полезныя указанія по этому предмету, и безъ дѣятельнаго участія которыхъ вопросъ этотъ врядъ ли можетъ быть разрѣшенъ удовлетворительно.

(*„Русск. Вѣд.“*).

«Проектъ устава о школьныхъ попечительствахъ», изданный владимірской губернской земской управой на основаніи постановленія губернскаго земскаго собранія 1898 г. Члены губернскаго училищнаго совѣта въ докладѣ своемъ губернскому земскому собранію выразили мысль о желательности привлеченія къ участію въ дѣлѣ народнаго образованія частныхъ силъ и средствъ. Наиболѣе цѣлесообразнымъ гг. члены училищнаго совѣта считаютъ замѣну отдѣльныхъ попечителей школъ «коллективнымъ патронатомъ»,т.-е. учрежденіемъ школьныхъ попечительствъ, въ составъ коихъ могли бы входить желающіе дѣлать ежегодный опредѣленный минимальный взносъ». При составленіи управой проекта устава «имѣлось въ виду: во 1-хъ, привлечь къ школѣ возможно больше мѣстныхъ жителей, какъ лицъ наиболѣе заинтересованныхъ въ правильной постановкѣ школы, во 2-хъ, сблизить школу съ мѣстными общественными учрежденіями, не ставя, однако, ее въ зависимость отъ нихъ, и въ 3-хъ, наконецъ, обставить школьное дѣло по возможности широкой и полной гласностью, какъ наиболѣе вѣрной гарантіей отъ застоя и мертваго формализма». Членскій взносъ предполагается установить въ 1 руб. Управа высказываетъ надежду, что молодое поколѣніе, бывшее воспитанниками данной школы, особенно охотно примкнетъ къ попечительству, считая своей нравственной обязанностью состоять въ немъ членами. Дѣятельность школьныхъ попечительствъ будетъ обставлена полной гласностью, и всѣ засѣданія общихъ собраній будутъ публичны. Цѣль попечительства опредѣляется уставомъ такъ: «заботиться объ улучшеніи школьнаго зданія, объ устройствѣ ночлежнаго пріюта, о наймѣ ночлежной квартиры и подводахъ для учениковъ, о снабженіи неимущихъ учениковъ одеждой и пропитаніемъ, о привлеченіи всѣхъ въ районъ даннаго училища дѣтей школьнаго возраста къ обученію въ школѣ, о снабженіи даннаго училища книгами и учебными пособіями, о пріисканіи средствъ, объ устройствѣ повторительныхъ классовъ, воскресныхъ и вечернихъ занятій, народныхъ чтеній и разумныхъ, развивающихъ развлеченій, экскурсій и т. п., о возбужденіи соотвѣтствующихъ ходатайствъ предъ правит. и обществ. учрежденіями».

Число членовъ не ограничено. Между прочимъ, всѣ учителя и учительницы данной школы, законоучитель, одно лицо отъ земства, избранное земскимъ собраніемъ, и сельскій староста, если отъ обще-

ства отпускается ежегодное пособіе и особое лицо, избираемое городской или посадской думой, если въ расходахъ городское общество постоянно участвуетъ — считаются непремѣнными членами. Управленіе дѣлами попечительства возлагается на совѣтъ, состоящій изъ трехъ непремѣнныхъ членовъ и четырехъ выборныхъ. Непремѣнными членами совѣта состоятъ: законоучитель, учитель и одинъ изъ непремѣнныхъ членовъ по выбору общаго собранія. («*Курьеръ*»).

Школьный налогъ. Поучительные данные и выводы находимъ въ статьѣ г. С. Григорьева «Начальная школа и промышленность» («Торгово-Промышл. Газ.»).

Разсматривая вопросъ о развитіи народнаго образованія въ связи съ развитіемъ капитализма, г. Григорьевъ приходитъ къ выводу, что ростъ промышленности и торговли не вызываетъ у насъ «соотвѣтственнаго усиленія начальнаго народнаго образованія».

Едва ли это обстоятельство можетъ быть признано нормальнымъ даже въ интересахъ самой торгово-промышленной жизни. Техника торговли и промышленности нуждается въ работникахъ, имѣющихъ хотя бы начальную образовательную подготовку; безъ нея и та, и другая должны нести непроизводительные расходы, которые, можетъ быть, не поддаются опредѣленному учету въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но, въ общемъ, должны имѣть весьма значительные размѣры, такъ какъ они сказываются въ менѣе продуктивной работѣ, въ пониженіи достоинства изготовляемыхъ издѣлій, въ затрудненіяхъ, какія встрѣчаются при введеніи усовершенствованій въ способахъ обработки и т. п.

Указавъ затѣмъ на экономическую несостоятельность русскаго народа, который самъ не можетъ значительно поднять уровень своего образованія, авторъ выступаетъ съ проектомъ, который заслуживаетъ полнаго сочувствія, а именно: онъ предлагаетъ *установленіе особаго школьнаго налога на промышленныя и торговыя предпріятія*, какъ это и существуетъ во многихъ иностранныхъ государствахъ. «Этотъ налогъ долженъ быть исключительно предназначенъ на устройство школъ при фабрикахъ и заводахъ, а также въ мѣстахъ съ болѣе развитыми торговыми предпріятіями».

Школьный налогъ на торгово-промышленныя предпріятія не исключаетъ, конечно, всѣхъ другихъ мѣръ къ развитію образованія. — Этотъ налогъ былъ бы справедливымъ добавочнымъ вознагражденіемъ народа, который своими силами и трудомъ въ крупной долѣ создаетъ и выноситъ колоссальныя промышленныя предпріятія и поэтому вправѣ разсчитывать, что хотя бы часть барышей отъ нихъ шла на его образованіе, одинаково необходимое какъ для него, такъ и для роста промышленности и торговли.

Само собой разумѣется, что было бы въ высшей степени полезно облегчить и поощрить всѣми мѣрами открытіе всякаго рода школъ при фабрикахъ, заводахъ и другихъ промышленныхъ и торговыхъ учрежденіяхъ. Во многихъ отрасляхъ нашего производства стремленіе фабрикантовъ устраивать подобныя

школы проявляется въ послѣднее время довольно часто, но осуществленію его нерѣдко препятствуютъ побочныя, случайныя обстоятельства. Между тѣмъ частная иниціатива въ этомъ дѣлѣ имѣетъ весьма важное значеніе. Если при возникновеніи и распространеніи общеобразовательной школы частный починъ игралъ выдающуюся роль, которая и теперь еще далеко не окончена, то въ развитіи профессіональнаго образованія частная дѣятельность можетъ сдѣлать, какъ подтверждаетъ опытъ государствъ западной Европы, а отчасти и у насъ, весьма много, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—даже все.

Инспекція народныхъ училищъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что то или иное состояніе нашей народной школы находится въ огромной зависимости отъ руководителей школы, особенно же—отъ инспекторовъ народныхъ училищъ.

Но, присматриваясь ближе къ работѣ, выпадающей на долю инспекторовъ, мы убѣдимся, что они почти не имѣютъ возможности даже и формально справиться со своимъ дѣломъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ губерній приходится по *нѣсколько сотъ школъ* на одного инспектора. Такъ, напримѣръ, въ петроковской губерніи—537; въ люблинской—444; въ херсонской—399 и т. п.; въ тульской—169, петербургской—182. Есть впрочемъ губерніи и области, гдѣ на одного инспектора приходится меньшее число школъ. Такъ, въ 11 губерніяхъ одинъ инспекторъ завѣдуетъ отъ 80—100 школъ. Въ 14 губерніяхъ приходится отъ 60—80 школъ. Въ 15 губерніяхъ—менѣе 60 школъ. Въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ областей на одного инспектора приходится лишь 20 школъ, какъ, напр., въ акмолинской, самаркандской, ферганской, семирѣченской, уральской и карской областяхъ. Волынская губ. находится также въ болѣе благопріятномъ положеніи: на каждаго инспектора, въ среднемъ, приходится нѣсколько больше 100 школъ. Но несоразмѣрность пространствъ, на которыхъ разбросаны школы, находящіяся въ завѣдываніи одного инспектора, отсутствіе хорошихъ путей сообщенія представляютъ громадное затрудненіе для правильной постановки инспекціи. Достаточно сказать, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, особенно на окраинахъ, районъ одного лица превосходитъ 100.000 кв. верстъ.

Мыслимо-ли инспектору, при всѣхъ этихъ условіяхъ и при самомъ добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, хоть разъ въ теченіе года обревизовать каждую школу? Разумѣется, все дѣло сводится къ выполненію извѣстныхъ формальностей. А гдѣ формализмъ наименѣе пригоденъ, какъ не въ начальныхъ школахъ? Государство затрачиваетъ деньги, и притомъ не малыя суммы, а вся инспекція сводится къ безжизненной отчетности. Мертвенность инспекціи передается и преподаванію, а это уже—серьезное бѣдствіе. Несомнѣнно, что именно фиктивность во многихъ случаяхъ надлежащаго руководства ведетъ къ тому, что иной разъ населеніе, горячо принявъ къ себѣ школу, потомъ вдругъ къ ней охладѣваетъ;

на посылку дѣтей въ школы въ иныхъ мѣстностяхъ крестьяне смотрятъ, какъ на напрасную обузу, а дѣти съ выходомъ изъ школы забываютъ все, чему они тамъ обучались.

Это безотрадное положеніе народной школы въ земскихъ губерніяхъ могло-бы быть въ значительной мѣрѣ улучшено, если бы земству предоставлено было больше самостоятельности и иниціативы въ дѣлѣ постановки народной школы. Земства могли-бы оказаться энергичными пособниками инспекціи, если бы имъ предоставлено было участіе въ наблюденіи за школами; въ губерніяхъ же не земскихъ могли бы этому содѣйствовать въ значительной мѣрѣ правильно поставленные періодическіе съѣзды народныхъ учителей и инспекторовъ. («**Волынь**»).

Общество учителей въ Вѣнѣ. Въ послѣдней книжкѣ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія» напечатана интересная статья Е. Ковалевскаго подъ заглавіемъ: «Успѣхи народнаго образованія въ царствованіе Франца Іосифа». Мы рекомендуемъ ее вниманію читателей; здѣсь же въ краткой замѣткѣ познакомимъ лишь съ одной изъ ея главъ, а именно,—о вѣнскомъ обществѣ учителей.

Это общество было основано въ 1886 году и сразу же завоевало къ себѣ большія симпатіи какъ среди учителей, такъ и среди сторонникъ лицъ, близко принимающихъ къ сердцу интересы народнаго образованія. Число членовъ годъ отъ году все росло, и черезъ 12 лѣтъ достигло внушительной цифры—8 тысячъ, а капиталъ возросъ до 100 слишкомъ тысячъ рублей на наши деньги. Членскій взносъ весьма не великъ, — учитель платитъ всего 80 коп. (1 гульденъ), а членъ-соревнователь—1 руб. 60 коп. въ годъ. Главный же доходъ общества слагается изъ отчисленій съ его оборотовъ.

Въ настоящее время дѣятельность общества выражается, между прочимъ, въ слѣдующемъ. Оно вошло въ сношеніе съ фабрикантами, складами и магазинами, по всевозможнымъ отраслямъ торговли и промышленности, которые обязались дѣлать скидку 5—10—15% съ продаваемыхъ ими товаровъ. Скидка не выдается на руки покупателю, а поступаетъ въ опредѣленные сроки въ кассу общества, откуда распредѣляется въ концѣ года между соотвѣтствующими членами общества,—и въ одинъ только прошлый годъ обществомъ выдано было свыше 30 тысячъ рублей. Кромѣ того, общество добилось для своихъ членовъ удешевленія входной платы на выставкахъ, въ театрахъ и другихъ увеселительныхъ мѣстахъ, на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ, пароходныхъ линіяхъ, конно-желѣзныхъ дорогахъ, въ баняхъ и ваннахъ, гостиницахъ и проч. и проч. Прекрасно идутъ и ссудо-сберегательныя операціи общества. Онѣ начались въ 1890 г. съ 177 участниками, а теперь ихъ болѣе тысячи, и оборотъ достигъ $1^1/_2$ милліоновъ гульденовъ (1200 тыс. руб.). Съ 1897 г. общество занялось и страховыми операціями. Учителя и учительницы могутъ обезпечить себѣ, при мини-

мальномъ взносѣ по два гульдена (1 руб. 60 к.), на случай смерти выдачу единовременной суммы на похороны, капитала дѣтямъ по достиженіи ими совершеннолѣтія или ежегодной ренты лично на старость вдовы, дѣтямъ и проч. Въ теченіе перваго же года оборотъ по страховымъ операціямъ достигъ 60 тыс. рублей. Въ настоящее время общество настолько окрѣпло, что рѣшилось приступить къ постройкѣ въ Вѣнѣ своего собственнаго, такъ называемаго «*Учительскаго дома*». Учительскій домъ долженъ заключать въ себѣ: 1) Центральную педагогическую библіотеку. 2) Постоянную выставку педагогическихъ пособій. 3) Собственное страховое учрежденіе, включающее въ себя ссудо-сберегательную и вспомогательную кассу. 4) Онъ долженъ служить центромъ всевозможныхъ педагогическихъ собраній, засѣданій, вечеровъ, способствующихъ духовному общенію членовъ, и, наконецъ, 5) имѣть квартиры для временно пріѣзжающихъ учителей и учительницъ, и особое бюро, которое будетъ исполнять порученія иногородныхъ учителей...

Какъ видите, наши общества взаимнаго вспомоществованія учителямъ и учительницамъ могутъ многому поучиться у своего заграничнаго коллеги. (*„Сѣв. Край“*).

Семейно-педагогическій кружокъ. По словамъ «Волжскаго Вѣстника», утвержденъ уставъ «семейно-педагогическаго кружка» въ городѣ Казани, организуемаго съ цѣлью взаимопомощи родителей и воспитателей въ дѣлѣ воспитанія и обученія дѣтей.

Для достиженія этой цѣли: 1) члены кружка періодически, по мѣрѣ надобности, собираются, для выслушанія сообщеній своихъ членовъ о наблюденіяхъ надъ жизнью дѣтей въ семьѣ, обсужденія вопросовъ и чтенія докладовъ; 2) кружокъ имѣетъ право съ надлежащаго разрѣшенія устраивать: публичныя лекціи педагогическаго содержанія, педагогическую и дѣтскія библіотеки; кабинетъ учебныхъ пособій, изданіе педагогическихъ и дѣтскихъ журналовъ и книгъ, съ соблюденіемъ общихъ цензурныхъ правилъ, начальныя школы и дѣтскіе сады; совмѣстные уроки для преподаванія предметовъ, необязательныхъ въ учебныхъ заведеніяхъ, какъ-то: музыки, пѣнія, иностранныхъ языковъ и т. п., игры, прогулки, дѣтскіе праздники, чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, литературныя дѣтскія утра и т. п.

Подготовка учительскаго персонала. Вмѣстѣ съ предположеніемъ о введеніи всеобщаго обученія въ Пермской губерніи возбуждается и вопросъ о томъ, откуда будетъ пополняться контингентъ хорошо подготовленныхъ учителей и учительницъ для вновь открываемыхъ школъ? На послѣднемъ съѣздѣ инспекторовъ народныхъ училищъ было признано необходимымъ открытіе въ Пермской губерніи учительской семинаріи и организація педагогическихъ курсовъ при всѣхъ женскихъ прогимназіяхъ. Прошлогоднее губернское земское собраніе признало также необходимымъ открытіе учительской семинаріи, но на счетъ казны, а не земства. Со своей стороны и попечитель орен-

бургскаго учебнаго округа высказался, что безъ устройства учительской семинаріи нельзя съ надлежащимъ успѣхомъ осуществить мысль о всеобщемъ обученіи въ Пермской губерніи; но открытіе семинаріи на средства казны не призналъ осуществимымъ. Не лишне замѣтить, что одногодичные курсы открываются уже при осинской и кунгурской прогимназіяхъ.

Краткосрочныя учительскія семинаріи. Введеніе всеобщаго обученія вызвало вопросъ о питомникѣ, который бы доставлялъ ежегодно нужное число подготовленныхъ учителей. Для этой цѣли въ Петрозаводскѣ открыты двухкомплектные курсы при городскомъ училищѣ. Вотъ общія основанія ихъ организаціи:

1. Курсы—2-годичные. 2. Принимаются на нихъ окончившіе курсъ городского училища. 3. Общее руководительство курсами принадлежитъ директору народныхъ училищъ. 4. Теорію учительскаго дѣла преподаютъ на вечернихъ урокахъ учителя городского училища, а практикѣ въ утренніе учебные часы учатся курсисты въ начальныхъ училищахъ города. 5. По теоріи преподаются: церковный уставъ, свѣдѣнія о мѣстномъ расколѣ, церковное пѣніе и скрипка, насколько она нужна для обученія пѣнію, педагогическая психологія, исторія педагогики, методика ариѳметики, методика русскаго языка и чтеніе наилучшихъ твореній русскихъ классиковъ. 6. Въ первый годъ курсисты по данной имъ программѣ въ начальныхъ школахъ прослушиваютъ на дѣлѣ всѣ пріемы обученія всѣхъ предметовъ всѣхъ отдѣленій народной школы и пишутъ отчеты о слышанныхъ ими урокахъ, а во второй годъ сами даютъ уроки въ присутствіи директора и преподавателей. Разъ въ недѣлю уроки, данные на недѣлѣ, разбираются самими практикантами. Теорія (методика) идетъ въ живой связи съ практикой. Практиканты второго года состоятъ помощниками учителей начальныхъ училищъ города и исполняютъ то, что имъ поручается. 7. Вознагражденіе: руководителямъ: одному 400, другому 200, учителямъ по 5 руб. съ ученика и самимъ курсистамъ — по 5 руб. въ мѣсяцъ на содержаніе. Учителямъ пѣнія—200 и 100; скрипка и проч. казенныя; на книги и пособія—по 100 рублей. (*„Олонецк. Вѣд.“*).

Педагогическая подготовка прогимназистокъ. Министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено лицамъ женскаго пола, не состоявшимъ ученицами правительственныхъ женскихъ гимназій, поступать въ VIII классъ гимназій въ качествѣ вольнослушательницъ.

Съѣздъ народныхъ учителей. На состоявшемся 24 сентября ежегодномъ съѣздѣ народныхъ учителей въ Ельцѣ, Орловской губ., дебатировался вопросъ о поднятіи уровня знаній въ народѣ и всеобщемъ обученіи. Поводомъ къ этому послужилъ докладъ г. Г. А. Ростовцева, о продленіи срока обученія въ народныхъ школахъ до четырехъ лѣтъ съ сохраненіемъ, однако, существующихъ трехъ отдѣленій, вслѣдствіе чего разъ въ четыре года въ школахъ не будетъ производиться пріемъ учениковъ, а изъ школъ не будетъ выпуска окончив-

шихъ ученіе. Свое предложеніе г. Р. дѣлаетъ въ видахъ предоставленія ученикамъ возможности лучше удовлетворить требованіямъ существующей министерской программы и тѣмъ поднять престижъ школы въ глазахъ народа и потому, что, по его мнѣнію, 10—15 знающихъ интеллигентовъ для деревни важнѣе, чѣмъ общее распространеніе грамотности. Этотъ докладъ вызвалъ возраженія въ томъ смыслѣ, что при существующемъ переполненіи школъ Елецкаго уѣзда пріемъ учениковъ черезъ три года на четвертый равносиленъ сокращенію числа учащихся; что основной задачей земства является, напротивъ того, увеличеніе числа учащихся; что введеніе четвертаго года обученія, безъ расширенія программы, не поведетъ къ поднятію уровня развитія народа и т. д. Въ заключеніе, предложеніе г. Ростовцева было отвергнуто большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ.

Изъ другихъ вопросовъ, обсуждавшихся на съѣздѣ, особое вниманіе привлекъ докладъ училищнаго совѣта о внѣшкольномъ образованіи народа.

По окончаніи засѣданія съѣзда, со стороны губернскаго предводителя дворянства М. А. Стаховича, учителямъ и учительницамъ сдѣлано было предложеніе собираться ежемѣсячно для собесѣдованій въ помѣщеніи земской управы въ тотъ день, когда они пріѣзжаютъ въ городъ за жалованьемъ. („*Сынъ Отеч.*“).

Учительскія библіотеки. Министерство народнаго просвѣщенія подтвердило, что оно признаетъ возможнымъ открыть для пользованія населенія учительскія библіотеки на точномъ основаніи слѣдующихъ правилъ: 1) чтобы выборъ книгъ и журналовъ для библіотекъ производился не иначе какъ съ разрѣшенія учебнаго начальства, и 2) чтобы публика ни въ какомъ случаѣ не была допускаема къ чтенію въ помѣщеніи библіотеки, но чтобы ей предоставлено было пользоваться книгами лишь для чтенія на дому. (*«Курьеръ»*).

Отмѣна экзаменовъ. «Россія» сообщаетъ, что по военно-учебному вѣдомству состоялось распоряженіе объ отмѣнѣ переходныхъ испытаній въ кадетскихъ корпусахъ, въ первыхъ пяти классахъ, воспитанники которыхъ будутъ переводиться изъ класса въ классъ по годовымъ отмѣткамъ.

Проектъ пенсіонной кассы для нар. учит. Министерство народнаго просвѣщенія составило и разослало на заключеніе вѣдомствъ проектъ устава пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ.

Санаторія на берегу Крыма для народныхъ учителей. Нижегородское общество взаимопомощи народныхъ учителей вошло въ вятское общество съ предложеніемъ принять участіе въ устройствѣ санаторіи для больныхъ учителей. Собраніе вятскаго общества высказалось, что санаторія весьма желательна и что помощь Вятскаго общества можетъ выразиться, во 1-хъ, въ отпускѣ 1000 руб. на первоначальное устройство санаторіи; во 2-хъ, въ возбужденіи ходатайствъ предъ земствами объ оказаніи пособій санаторіи и, въ 3-хъ,—въ организаціи сбора пожертвованій. (*«Вятск. газ.»*).

Трогательная депутація. Къ елецкому корреспонденту «Орловск. В.». явилась депутація, состоящая изъ трехъ мальчугановъ, подъ предводительствомъ дѣвочки. — «Мы изъ Ольшанской земской школы, учились уже въ старшемъ отдѣленіи, я кончаю на похвальный листъ; у насъ большое горе, наша учительница, Марія Александровна Никольская, покидаетъ насъ, нашу школу. Намъ ее очень жалко, она очень хорошая учительница, мы ее страсть какъ любимъ, привыкли къ ней, какъ къ родной, и всѣ желаемъ, чтобы она осталась у насъ».—Почему же она уходитъ отъ васъ? — Жалованье очень маленькое, а у ней большая семья, которой нужно помогать; если бы ей прибавили немного, она бы осталась, а такъ ей очень трудно. Мы вотъ и пріѣхали сами ужъ въ городъ просить, нельзя ли прибавить Марьѣ Александровнѣ жалованья; вся школа, вся деревня хочетъ, чтобы она осталась.—Намъ одинъ вѣрный человѣкъ сказалъ, что вы можете написать въ газетахъ, начальство прочтетъ и прибавитъ нашей учительницѣ жалованья».

Товарищамъ послѣ двадцатипятилѣтняго учительствованія въ селахъ.

Ко мнѣ, товарищи сѣдые!
Мы вспомнимъ годы молодые,
Когда, какъ рой, шумѣлъ
Нашъ кругъ, покорный назначенью.
Нашъ хоръ по страстному влеченью
Пусть снова грянетъ гимнъ ученью,
Какъ прежде онъ гремѣлъ.
Достойны-ль мы народной дружбы?
Годами самой вѣрной службы
Въ трудахъ закалены,
Какъ въ битвахъ дѣти древней Спарты.
А нашъ девизъ—готовьте парты,
Готовьте мѣлъ, чертите карты,
Ученье—свѣтъ страны.
Своихъ питомцевъ въ правдѣ строгой
Проводимъ узкою дорогой
Къ Христову алтарю.
Но люди сильные капризны...
Не намъ бы слышать укоризны,
Когда готовимъ слугъ отчизны,
Слугъ преданныхъ Царю.
Ко мнѣ: я жду пріятной встрѣчи—
Живой волной польются рѣчи
О тѣхъ родныхъ мѣстахъ,
Гдѣ четверть вѣка мирно жили:
И наслаждались, и тужили,
Зерно познанья заложили
Съ молитвой на устахъ;
Да возраститъ плоды Предвѣчный!
Но что-жъ на зовъ чистосердечный
Немногіе пришли?
Что-жъ медлятъ прошеные гости?
Увы! одни сложили кости
Подъ холмъ зеленый на погостѣ,
Надолго спать легли.
Ряды оставили другіе
Съ тоской въ груди, полунагіе,
Не выдержавъ борьбы.
Тѣ измѣнили безъ смущенья
Святому дѣлу просвѣщенья,
Вступивъ на путь обогащенья,
Какъ жалкіе рабы.
Но кто рожденъ съ высокимъ духомъ,
Кто не свалился подъ обухомъ
Судьбы,—впередъ, впередъ
Отъ жизни праздной и лѣнивой!
Прольемъ кровавый потъ надъ нивой:
Что сѣемъ мы душой ревнивой,
Потомство соберетъ.

«Новг. губ. вѣд.».

Библіографія.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Избранныя мѣста изъ его стихотвореній, поэмъ и повѣстей. Съ портретами поэта и иллюстраціями. По порученію городской Комиссіи по народному образованію составилъ В. П. Острогорскій. Изданіе С.-Петербургской городской Думы. С.-Петербургъ. 1899 г. 424 страницы.

Было бы, намъ думается, большою несправедливостью со стороны спеціально-педагогическаго изданія не отмѣтить это юбилейное изданіе столичной городской Думы, изготовившей его для раздачи въ качествѣ подарка, въ память столѣтней годовщины рожденія великаго русскаго поэта, 26 мая 1799 г., окончившимъ курсъ ученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ города С.-Петербурга, 30 мая 1899 г. Изданіе это, къ сожалѣнію, въ общую продажу не поступило, а весь его избытокъ продавался исключительно только для нуждъ учебныхъ заведеній. Петербургская Дума заслуживаетъ въ настоящемъ случаѣ благодарности не только за тѣ значительныя средства, которыя были ассигнованы ею на изданіе этого превосходнаго по внѣшности сборника, но также еще болѣе и за то, поистинѣ просвѣщенное, вниманіе, съ которымъ она отнеслась къ его обработкѣ соотвѣтственно нуждамъ юныхъ читателей. Вниманіе это сказалось прежде всего въ выборѣ составителя сборника. Болѣе опытнаго и любящаго свое дѣло спеціалиста, каковымъ является педагогъ, имя котораго обозначено на заголовкѣ книги, нельзя было подыскать.

Съ первой же страницы книги ея читатель долженъ почувствовать внимательное и сердечное отношеніе къ дѣлу опытнаго педагога. Въ статьѣ «вмѣсто предисловія», озаглавленной «*Учитель—учащимся*», онъ предусмотрительно подготовляетъ прежде всего своего читателя къ сознательному чтенію произведеній великаго поэта, объясняя ему такія понятія и выраженія, которыя *явятся для него* новыми, напр. *поэтъ, лира, муза, талантъ, геній* и т. д., не забывая въ то же время растолковать и самое понятіе о *юбилеѣ* и остановиться надъ вопросомъ о значеніи вообще произведеній поэтовъ, доставляющихъ намъ не только удовольствіе и наслажденіе, но и великую пользу. Пушкинскимъ произведеніямъ предпослана далѣе въ этомъ изданіи біографія поэта, написанная довольно подробно, задушевно и со свойственнымъ опытному педагогу тактомъ. (Замѣтимъ, кстати, что мѣстомъ рожденія Пушкина и здѣсь, какъ въ «Родникѣ» и въ «Игрушечкѣ», ошибочно указана улица Молчановка, вмѣсто Нѣмецкой). Затѣмъ слѣдуетъ самый сборникъ произведеній Пушкина, расположенныхъ по весьма оригинальному и остроумному плану, состоящему изъ восьми отдѣловъ, при ѣмъ каждый изъ послѣднихъ сопровождается особой вступитель-

ной статьей, сообщающей необходимыя для пониманія помѣщенныхъ въ немъ отрывковъ историческія или бытовыя данныя. Такъ, первому отдѣлу, носящему заглавіе «*Преданья старины глубокой*», предпослана небольшая статья «Сказочная Русь», подготовляющая читателя къ фантастическому содержанію отрывковъ изъ «Руслана», «Русалки» и четыремъ сказкамъ Пушкина; второй отдѣлъ озаглавленъ: «*Дѣла давно минувшихъ дней*», при чемъ статья «Древне-русскій Князь» предпослана «Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ», статья «О Грозномъ царѣ и Борисѣ Годуновѣ»—шести отрывкамъ изъ «Бориса Годунова», статья «Стенька Разинъ и волжскіе разбойники»—пѣснямъ о Стенькѣ Разинѣ. Во всѣхъ статьяхъ сообщаются историческія свѣдѣнія, относящіяся къ содержанію приведенныхъ произведеній великаго поэта. Такія же свѣдѣнія приведены и въ началѣ каждаго изъ слѣдующихъ отдѣловъ: «*Россія—съ Петра Великаго*» (отрывки изъ «Полтавы», «Мѣднаго Всадника», «Арапа» и др.), «*Вѣкъ Екатерины Великой*» (отрывки изъ повѣсти «Капитанская дочь» и проч.), «*Начало XIX-го вѣка*» (стихотворенія, связанныя съ Наполеономъ, 1812-мъ годомъ и т. д.). Далѣе имѣются еще отдѣлы: «*Русская природа и жизнь въ деревнѣ*», съ подотдѣлами — Русская природа, Помѣщичья жизнь, Крестьянская жизнь, «*Петербургъ—Москва—Южная Россія*» и «*Вѣнокъ изъ поэзіи Пушкина*». Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ помѣщены соотвѣтствующія по содержанію стихотворенія, а въ «Вѣнкѣ»—38 наиболѣе извѣстныхъ и любимыхъ стихотвореній, начиная съ «Птички» и кончая «Пророкомъ» и «Памятникомъ». 23 прекрасно исполненные портреты Пушкина, Петра Великаго, Екатерины Великой, Александра I-го и Наполеона I-го, многочисленные рисунки, изображающіе различныя зданія, связанныя съ памятью о поэтѣ, памятники, монументы и пр. (всего въ числѣ 23-хъ) значительно увеличиваютъ прелесть изданія, отпечатаннаго на хорошей бумагѣ и заключеннаго въ папку, украшенную рисунками. Въ цѣломъ рядѣ выносокъ подъ текстомъ напечатанныхъ произведеній Пушкина даются объясненія непонятныхъ словъ и выраженій, что также облегчаетъ пользованіе книгой для неопытныхъ читателей. Настоящимъ изданіемъ достаточно почтена память великаго поэта и оказано серьезное содѣйствіе къ разумному и толковому чтенію поэта нашимъ простымъ грамотнымъ народомъ. Мы все-таки думаемъ, что эта заслуга увеличилась бы во много разъ, если бы найдена была возможность переиздать этотъ сборникъ для всеобщаго пользованія.

Ан.

Бесѣды о человѣкѣ. Книга для чтенія въ семьѣ и школѣ. Строеніе и жизнь человѣческаго тѣла. Питаніе. Пищевареніе. **Подъ редакціей кандидата естественныхъ наукъ К. Ч. Добраго.** С.-Петербургъ. Изд. Н. С. Аскарханова. Ц. 20 к. Стр.—47.

Неизвѣстный авторъ, составлявшій эту книжку, совершенно напрасно написалъ на ея обложкѣ, что это—книга *для чтенія* въ семьѣ

и школѣ. Къ ней больше подходитъ названіе учебника, а еще больше—просто краткаго *конспекта* по физіологіи и анатоміи органовъ пищеваренія. Во всякомъ случаѣ, какъ бы эту книжку ни назвать, ясно одно, что для школьниковъ она совершенно не пригодна. Для того, чтобы познакомить школьниковъ съ строеніемъ и жизнью человѣческаго тѣла по книжкѣ г. Добраго, имъ придется сначала хорошенько освоиться съ такими словами и понятіями, какъ антропологія, раса, типъ, физіологія, гигіена, углеводы, кислородъ, азотъ, водородъ, казеинъ, птіалинъ, воспріятія чувствъ и т. п. Да и самъ авторъ, видимое дѣло, не особенно полагался на удобопонятность своей книжки, такъ какъ въ послѣдней главѣ: «дополнительные опыты и объясненія» онъ, давая «лектору или преподавателю» указанія, какъ и чѣмъ слѣдуетъ дополнить «бесѣды»,—между прочимъ говоритъ, что «лекторъ объяснитъ всѣ слова, написанныя курсивомъ» (стр. 46) и проч. А курсивомъ этимъ у г. Добраго испещрена положительно вся книжка. Кромѣ того, чтобы объяснить всѣ «курсивы» г. Добраго и вообще всю его книгу,—у преподавателя необходимо должна быть наличность такихъ солидныхъ знаній и по сравнительной анатоміи, и по физіологіи, и по физикѣ,—какихъ обыкновенно ни у кого не бываетъ. Такимъ образомъ надежда автора на то, что лекторъ сумѣетъ скрасить его до крайности сухія и скучныя «бесѣды»—тоже напрасна. Въ виду всего вышеизложеннаго, разбирать «бесѣды» мы не видимъ надобности.

Н. Ск.

Какъ вскармливать дѣтей до 3-хъ лѣтняго возраста? (Настольная книга для матерей). **Врача Г. О. Коварскаго.** Вильна. 1899 г. 59 стр. Цѣна не указана.

Авторъ задался цѣлью въ популярномъ изложеніи дать тѣ научныя свѣдѣнія, которыя помогли бы матери опредѣлить, «что такое нормальный ребенокъ, и какъ его вскормить, чтобы онъ не заболѣлъ». Несмотря на краткость изложенія, г. Коварскій вполнѣ достигъ этой цѣли. Въ его книжкѣ читательницы найдутъ и разныя анатомическія и физіологическія свѣдѣнія, и указанія на то, какъ кормить ребенка грудью, когда его отнимать, чѣмъ и какъ прикармливать; какъ стерилизовать молоко, какіе употреблять суррогаты его; когда приглашать кормилицу; какой образъ жизни должны вести кормилица и кормящая мать и проч. и проч.,—однимъ словомъ, всю діэтетику ребенка.

При полной научности содержанія книжка написана ясно, просто и увлекательно, и благодаря всему этомому она дѣйствительно можетъ быть признана, какъ и озаглавилъ ее авторъ — «настольной книгой для матерей».

Н. Ск.

«Книжка за книжкой». Для младшихъ. Первый возрастъ. Книжка первая 1899 г.

Въ ближайшемъ будущемъ мы дадимъ общій отзывъ объ этомъ оригинальномъ «журналѣ», выхо-

дящемъ въ 12-ти выпускахъ въ годъ, по 2—3 книжки въ каждомъ выпускѣ, при чемъ всякая книжка заключаетъ въ себѣ отдѣльное законченное произведеніе русскаго или иностраннаго въ переводѣ автора. До сего времени вышло 90 подобныхъ книжекъ, большинство ихъ посвящено беллетристикѣ, очень многія—естествознанію и техникѣ, землѣ и людямъ, исторіи, біографіи и т. д. Изданіе это имѣетъ цѣлью дать чтеніе для оканчивающихъ и окончившихъ начальную школу. Теперь предпринято изданіе книжекъ и для «младшихъ» (три выпуска въ годъ), съ матеріаломъ, приспособленнымъ къ тремъ обычнымъ отдѣленіямъ начальной школы: младшему, среднему и старшему. Передъ нами—первая книжка этой послѣдней серіи, только что вышедшая въ свѣтъ. По мысли издателей, матеріалъ для чтенія «младшихъ» долженъ составить какъ бы постоянно обновляемую и пополняемую книжку для класснаго и внѣкласснаго чтенія. Эту двойную цѣль и преслѣдуетъ упомянутая «первая книжка». Помѣщенный въ ней матеріалъ имѣетъ цѣлью, при помощи обильныхъ рисунковъ, дать маленькому читателю рядъ элементарныхъ понятій по ариѳметикѣ въ предѣлахъ до десяти (понятія: пара, тройка, пятерка и т. д.; начертанія цифръ—арабскія, римскія, славянскія); по геометріи—понятія о «сторонахъ», углахъ, линіяхъ и фигурахъ; по естественной исторіи—о различеніи животныхъ по зубамъ и свѣдѣнія о нѣкоторыхъ представителяхъ хищныхъ животныхъ (левъ, тигръ, волкъ). Всѣ эти свѣдѣнія изложены вполнѣ доступнымъ для младшаго возраста языкомъ и въ общемъ довольно занимательны. Даны также наглядныя свѣдѣнія о сторонахъ свѣта, дняхъ недѣли и мѣсяцахъ (по временамъ года). Статьи дѣлового характера чередуются съ небольшими разсказами, иногда шуточнаго, иногда правоучительнаго содержанія. Сборничекъ вообще производитъ хорошее впечатлѣніе и будетъ прочитанъ маленькими грамотеями съ пользой, особенно подъ руководствомъ учителя или родителя. Четкая, крупная печать, хорошая бумага и обиліе хорошо исполненныхъ рисунковъ и чертежей въ значительной степени привлекутъ вниманіе неопытныхъ читателей къ этой первой книжкѣ. Рекомендуемъ ее имъ съ удовольствіемъ. Подписная цѣна изданія «для младшихъ» (отдѣльно) весьма доступна, всего 80 коп., а съ пересылкой—1 рубль. **Ан.**

А. Бернштейнъ. Очерки по міровѣдѣнію. Переводъ съ нѣмецкаго М. К. Ф. Съ рисунками. Для подготовленныхъ читателей. 1899 г., ц. 10 к. Изданіе О. Н. Поповой.

Популяризаторы естествознанія въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія играютъ немаловажную роль. И вообще желательно больше имѣть толковыхъ сочиненій, подобныхъ «Очеркамъ по міровѣдѣнію» Бернштейна.

Здѣсь дается понятіе о главныхъ физическихъ законахъ, управляющихъ міровой эволюціей. Вся брошюра распадается на слѣдующія главы: 1) Цѣль естествознанія. 2) Волнообразное движеніе. 3) Жизнь. 4) О скорости силъ природы. 5) Тяжесть земли.

Наиболѣе выдается глава «Жизнь», въ которой интересно обрисовывается картина развитія органическихъ и неорганическихъ силъ природы.

Брошюра интересна и недорога по цѣнѣ.

А. Ф—въ.

К. Хрѣновъ. Пѣвцы народной жизни. О народныхъ поэтахъ: Цыгановѣ, Кольцовѣ, Никитинѣ, Суриковѣ и Дрожжинѣ. Съ четырьмя портретами. Съ предисловіемъ И. Горбунова-Посадова. Изданіе «Посредника». 1899 г., ц. 15 к.

Народная жизнь сказалась въ этой книжкѣ такой, какая она есть на самомъ дѣлѣ, т.-е. безъ всякихъ радужныхъ красокъ. Значеніе пѣсни охарактеризовано г. Горбуновымъ-Посадовымъ въ предисловіи: «Вездѣ у насъ въ народѣ любятъ пѣсни пѣть. И ведется это съ самой старой-престарой старины. Навалится горе на человѣка, сожметъ тоска его сердце,—изливаетъ человѣкъ въ пѣснѣ свое горе-тоску, свое несчастье, свои бѣды и скорби; озарится свѣтлой отрадой душа человѣка,—онъ въ пѣснѣ изливаетъ свою радость, свое счастье».

Просто и понятно разсказывается о жизни и трудахъ народныхъ пѣвцовъ: Цыганова, Кольцова, Сурикова, Никитина и Дрожжина.

О поэзіи ихъ говорится, что она бросаетъ свѣтъ на нравственную, духовную сторону представителей русскаго народа, при чемъ у Дрожжина особеннымъ образомъ выдѣляются общественные интересы современнаго крестьянина и рабочаго.

Книга вполнѣ доступна дѣтямъ старшаго возраста и вообще начитаннымъ грамотеямъ.

Приложены четыре хорошо исполненныхъ портрета. Цѣна изданію не дорогая. **А. Ф—въ.**

Разсказы о Польшѣ и полякахъ. Съ 31 рисункомъ. Изданіе «Посредника», ц. 20 к. 1899 г.

Авторъ просто и интересно разсказываетъ о Польшѣ, какъ человѣкъ, близко знакомый съ дѣломъ; онъ не скрываетъ передъ читателемъ грубости и невѣжества краковскихъ крестьянъ и приводитъ по этому поводу типичный разсказъ мѣстнаго жителя «Село подъ Краковомъ», воздаетъ хвалу трудолюбію польскихъ рабочихъ Варшавской губерніи, заманчиво описываетъ вольную жизнь карпатскихъ горцевъ и куреней изъ Зеленой Пущи, въ яркихъ краскахъ обрисовываетъ благосостояніе честныхъ земледѣльцевъ.

Обзоръ Польши ведется имъ съ «рѣки Вислы и горъ Карпатъ», затѣмъ берутся Привислинскія губерніи. Изображая подробно деревенскую жизнь Польши, авторъ даетъ понятіе и о польскихъ городахъ; первое мѣсто даетъ онъ Варшавѣ, Кракову, Величкѣ, Гнѣзно, разсказываетъ также объ ископаемыхъ богатствахъ края, о его разнаго рода промышленности, и о количествѣ жителей.

Любопытные разсказы о Польшѣ будутъ съ пользой прочтены дѣтьми старшаго возраста. Текстъ обильно иллюстрированъ.

А. Ф—въ.

Въ 1877 г. Даунсъ и Блёнтъ прочли въ Королевскомъ обществѣ записку („Изслѣдованія дѣйствія свѣта на бактерій и др. организмы"), въ которой они описывали свои изысканія по этому новому и интересному предмету.

Въ этихъ опытахъ стерилизованные пастеровскіе растворы *) разливались въ пробирныя трубочки, и въ нихъ затѣмъ вносилось незначительное количество жидкости, кишащей бактеріями, или трубки на короткое время выставлялись на воздухъ. Эти зараженныя пробирки ставились около окна, выходившаго на юго-востокъ, и оставлялись тамъ на нѣсколько дней, недѣль и даже мѣсяцевъ. Съ цѣлью повѣрки, нѣкоторыя изъ трубочекъ тщательно закрывались свинцовой бумагой; такимъ образомъ, онѣ находились въ одинаковыхъ условіяхъ съ другими, и лишь дѣйствіе свѣта было устранено отъ нихъ. Когда растворы мутнѣли, это служило признакомъ разростанія организмовъ; когда они оставались свѣтлыми, можно было предположить, что размноженія организмовъ въ нихъ не происходило. Однако, чтобы точнѣе установить это обстоятельство, нерѣдко прибѣгали къ микроскопическому изслѣдованію. Результатомъ этихъ наблюденій оказалось, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ, дѣйствіе свѣта вовсе не допускало развитія бактерій, а при условіяхъ менѣе благопріятныхъ, оно замедляло ихъ развитіе. Экспериментаторы нашли, что разсѣянный свѣтъ уже оказываетъ вредное вліяніе на бактерій, а солнечные лучи, непосредственно дѣйствующіе на нихъ, вліяютъ еще губительнѣе.

Такимъ путемъ впервые было выяснено совершенно новое и крайне важное свойство солнечныхъ лучей, а именно, способность разрушенія жизни бактерій, играющихъ столь видную роль, какъ добрую, такъ и злую, въ экономіи природы. Даунсъ и Блёнтъ распространили эти первоначальныя наблюденія въ весьма поучительномъ видѣ, произведя опыты, изъ которыхъ они убѣдились, что разрушительное дѣйствіе солнечныхъ лучей усиливается, а быть можетъ, и вполнѣ зависитъ отъ присутствія кислорода.

Еще болѣе точные результаты въ этомъ направленіи были получены недавно Момономъ въ Пастеровскомъ институтѣ. Вмѣсто того,

*) 100 частей воды, 10 ч. сахарнаго леденца, 1 ч. виннокаменнокислаго аммонія и 1 ч. жженыхъ дрожжей.

чтобы пользоваться жидкостями, въ которыхъ смѣшаны различные микроорганизмы, Момонъ сосредоточилъ вниманіе на способѣ дѣйствія бациллы сибирской язвы и ея споръ, выставлявшихся на свѣтъ въ различныхъ условіяхъ. Въ бо́льшей части этихъ опытовъ употреблялись *безспоровыя* бациллы, полученныя или изъ крови кролика, умершаго отъ сибирской язвы, или отъ бациллъ, искусственно лишенныхъ способности производить споры (Аспорагеновая бацилла сибирской язвы) *). Момонъ нашелъ, что, когда эти бациллы подвергались дѣйствію солнечнаго свѣта въ бульонѣ, въ *присутствіи* воздуха, онѣ погибали черезъ 2 или черезъ $2^1/_2$ часа, а въ *отсутствіи* воздуха онѣ еще продолжали жить послѣ 50 часовъ дѣйствія солнечнаго свѣта. Эти результаты показываютъ съ поразительной ясностью, что вліяніе свѣта чрезвычайно усиливается, когда дѣйствіе его сочетается съ дѣйствіемъ воздуха.

Момонъ указалъ также, что важное значеніе имѣютъ и свойства среды, въ которой пріостанавливается развитіе организмовъ, подвергающихся дѣйствію свѣта; этотъ фактъ, впрочемъ, угадывался уже многими предшествующими наблюдателями. Онъ былъ тщательно выясненъ Момономъ въ сравнительныхъ опытахъ съ кровью и бульономъ; онъ нашелъ, что въ высушенной крови, подвергаемой дѣйствію разсѣяннаго свѣта въ присутствіи воздуха, бациллы сибирской язвы могли жить въ теченіе 70 дней, а при подобныхъ же условіяхъ, въ высушенномъ бульонѣ, онѣ погибали черезъ 21 день. Въ полномъ солнечномъ освѣщеніи разводки въ высушенномъ бульонѣ погибали черезъ 5 или $5^1/_2$ часовъ, а въ высушенной крови онѣ жили нѣсколько дольше, но не болѣе 8 часовъ. Совершенно инымъ было отношеніе сильныхъ споровыхъ формъ, которыя, будучи высушены и выставлены на солнечный свѣтъ, въ присутствіи или отсутствіи воздуха, не были еще уничтожены въ теченіе 100 часовъ.

Д-ръ Пансини сдѣлалъ нѣсколько прекрасныхъ опытовъ, которые даютъ намъ точное понятіе о *быстротѣ*, съ которою бактеріи сибирской язвы уничтожаются въ солнечномъ свѣтѣ. Съ этой цѣлью

*) Шамберлэнъ и Ру сдѣлали любопытное наблюденіе, что бациллы сибирской язвы оказывались неспособными производить споры въ бульонѣ, къ которому прибавлено было небольшое количество фенола. Такія безспоровыя бациллы почти столь же заразительны, какъ обыкновенныя бациллы сибирской язвы.

онъ приготовилъ такъ называемыя капельныя разводки организмовъ, подвергнутыхъ имъ изслѣдованію. Эти разводки состоятъ въ томъ, что капля жидкости, содержащей бактеріи, помѣщается на тонкой стеклянной пластинкѣ или на стеклянной покрышкѣ; послѣдняя, съ каплею на нижней поверхности, кладется на вогнутое стеклышко или на верхнюю часть стекляннаго кольца, приклееннаго къ стеклянной пластинкѣ, какъ это видно на слѣдующемъ рисункѣ.

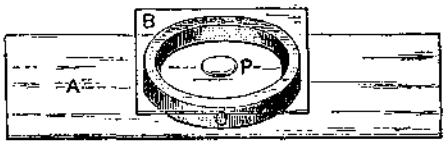
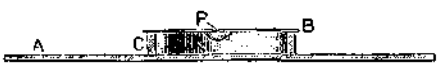


Рис. 38. Задержанныя разводки въ каплѣ. A—стеклянная пластинка. B—прикрывающее стеклышко. C—стеклянное кольцо, образующее стѣнку камеры. P—Капля питательной жидкости, въ которой разводятся микроорганизмы (Клейнъ).



Видъ снаряда сбоку.

Такимъ образомъ, бактеріи, содержащіяся въ каплѣ, могутъ быть наблюдаемы въ *живомъ* состояніи подъ микроскопомъ съ часу на часъ, со дня на день. Затѣмъ, Пансини приготовилъ такимъ же способомъ рядъ капельныхъ разводокъ изъ недавно культивированныхъ бациллъ сибирской язвы; послѣ того, какъ онѣ пробыли въ солнечномъ свѣтѣ отъ 10 до 70 минутъ, верхнее стеклышко было тщательно снято и перенесено въ распущенный желатинъ. Послѣ тщательнаго взбалтыванія, съ цѣлью равномѣрнаго распредѣленія организмовъ, а также полнаго удаленія ихъ съ поверхности верхняго стеклышка, пластинки смывались обычнымъ образомъ, и полученныя колоніи сосчитывались. Съ верхняго стеклышка, содержавшагося въ темнотѣ, было получено 2520 колоній бациллъ сибирской язвы, а съ такихъ же стеклышекъ, находившихся въ различное время въ солнечномъ свѣтѣ, было получено слѣдующее число колоній.

Верхнее стеклышко, выставленное на			10	мин.	на солнце,	360	колоній.
»	»	»	20	»	»	130	»
»	»	»	30	»	»	4	»
»	»	»	40	»	»	3	»
»	»	»	50	»	»	4	»
»	»	»	60	»	»	5	»
»	»	»	70 и болѣе		»	0	»

Какъ мы видимъ, уничтоженіе идетъ быстро въ первомъ періодѣ дѣйствія солнца, но наиболѣе упорные микробы требуютъ значительно бо̀льшаго времени для своего истребленія, выказывая индивидуальныя особенности, свойственныя членамъ одной и той же разводки.

Эти опыты служатъ для разъясненія нѣкоторыхъ изъ сложныхъ факторовъ, проявляющихся при изслѣдованіи губительнаго дѣйствія солнечныхъ лучей на бактеріи. Въ попыткахъ болѣе полнаго разъясненія этого дѣйствія было весьма естественно испытать въ отдѣльности различно окрашенные лучи, образующіе солнечный лучъ, относительно ихъ разрушающаго вліянія на бактерій. Къ этому изслѣдованію приступали Даунсъ и Блѣнтъ, но оно, пожалуй, удалось всего лучше д-ру Гейслеру въ Петербургѣ. Этотъ изслѣдователь разложилъ солнечный лучъ посредствомъ призмы и затѣмъ выставлялъ тифозныхъ бациллъ въ различныхъ частяхъ спектра, при чемъ трубочки съ желатиномъ, въ которыхъ онѣ заключались, были расположены такъ, что только отдѣльные лучи падали на нихъ. Опытъ продолжался въ теченіе $2^1/_2$ часовъ, послѣ чего было найдено, что тифозныя бациллы лучше всего разростались въ красныхъ лучахъ; на самомъ дѣлѣ, нельзя замѣтить никакого различія между ихъ разростаніемъ въ этихъ лучахъ и въ темномъ шкафу. Развитіе ихъ становилось все болѣе и болѣе скуднымъ при переходѣ отъ краснаго къ желтому, зеленому и фіолетовому лучамъ, а наименьшее разростаніе ихъ замѣчалось въ ультрафіолетовыхъ лучахъ.

Слѣдовательно, лучи, оказывающіе разрушительное или задерживающее дѣйствіе на жизнь бактерій,—именно тѣ самые, которые оказываютъ самое сильное дѣйствіе на фотографическую пластинку. Весьма интересны также сравнительные опыты Гейслера надъ дѣйствіемъ солнечнаго и электрическаго свѣта относительно уничтоженія бактерій. Между тѣмъ, какъ достаточно было 2—3 часовъ солнеч-

наго освѣщенія для замѣтнаго разрушительнаго дѣйствія на тифозныхъ бациллъ, потребовалось болѣе 6 часовъ полнаго блеска электрической лампы въ 1000 свѣчъ на разстояніи лишь 39 дюймовъ, чтобы достигнуть того же результата. Болѣе слабое дѣйствіе этого самаго яркаго изъ искусственныхъ освѣщеній, при прохожденіи лишь 39 дюймовъ, вполнѣ ясно выражается, когда мы сравнимъ его съ силою, обнаруживаемою лучами, исходящими изъ солнечнаго диска, послѣ прохожденія 93 милліоновъ миль мірового пространства.

Если даже прямого дѣйствія солнечныхъ лучей недостаточно для дѣйствительнаго уничтоженія бактерій, это вліяніе можетъ все-таки глубоко измѣнить ихъ свойства и повести къ важнымъ перемѣнамъ въ ихъ послѣдующемъ образѣ дѣйствій. Мы знаемъ, что нѣкоторыя бактеріи имѣютъ свойство производить замѣчательныя красящія вещества. Одна изъ такихъ пигментопроизводящихъ бактерій послужила недавно французскому изслѣдователю Лорану предметомъ весьма интересныхъ опытовъ.

Особый организмъ, выбранный имъ для изслѣдованій относительно дѣйствія солнечнаго свѣта, носитъ названіе красной бациллы (Bacille rouge de Kiel). Этотъ микробъ первоначально былъ добытъ изъ воды и обязанъ своимъ названіемъ красивому красному пигменту, обнаруживаемому имъ при разрастаніи на картофелѣ. Впрочемъ, и въ этомъ, и въ другихъ отношеніяхъ его трудно отличить отъ обыкновенной Bacillus prodigiosus, которая производитъ пятна великолѣпнаго кровяно-краснаго цвѣта, будучи привита къ ломтику картофеля.

Если ломтикъ картофеля, къ которому привита описанная выше красная бацилла, подвергнуть въ теченіе 5 часовъ дѣйствію іюльскаго солнца, то дальнѣйшаго разростанія уже не обнаруживается: бациллы окончательно уничтожаются солнечнымъ свѣтомъ. Если, однако, дѣйствіе свѣта продолжается не болѣе 3 часовъ, бациллы не истребляются: онѣ, видимо, разростаются на картофелѣ, но теряютъ свой ярко-красный цвѣтъ и становятся почти безцвѣтными, лишь съ немногими разбросанными розовыми пятнышками. При дѣйствіи свѣта не болѣе одного часа, въ разводкѣ уже много бѣлаго, но въ ней замѣтно болѣе розовыхъ пятенъ, чѣмъ при освѣщеніи въ теченіе 3 часовъ. Перенося нѣкоторое количество этой безцвѣтной разводки на свѣжій ломтикъ картофеля, Лоранъ убѣждался, что разводка на этомъ новомъ ломтикѣ также была безцвѣтною. Когда безцвѣтныя

колоніи брались съ ломтика, находившагося въ солнечномъ свѣтѣ лишь въ теченіе одного часа, разводка имѣла розовый цвѣтъ, откуда можно было заключить, что болѣе короткаго періода освѣщенія было недостаточно для появленія безцвѣтной породы бациллъ. Съ другой стороны, дѣйствіе солнечнаго свѣта въ теченіе 3 часовъ настолько измѣнило физіологическое свойство этой бациллы, что на ломтикахъ картофеля было получено не менѣе 32 послѣдовательныхъ неокрашенныхъ поколѣній. Весьма любопытно, что эта потеря способности производить пигментъ, первоначально вызванная солнечнымъ свѣтомъ, поддерживалась лишь до тѣхъ поръ, пока ломтики картофеля съ разводками находились въ температурѣ отъ 25 до 35° Ц.; если же они сохранялись въ температурѣ отъ 10 до 25° Ц., красный цвѣтъ появлялся вновь.

Дѣйствіе солнца въ сентябрѣ или октябрѣ, въ теченіе 3, 4 или 6 часовъ, также могло измѣнять способности бациллъ къ выдѣленію пигмента, хотя, по наблюденію Лорана, окрашиваніе не исчезало уже столь однообразно, и была замѣтна склонность его возвращаться къ первоначальному цвѣту. Присутствіе розовыхъ колоній среди безцвѣтныхъ центровъ Лоранъ приписываетъ неодинаковой способности сопротивленія у отдѣльныхъ бациллъ, а также и неравной толщинѣ разводки на различныхъ частяхъ картофельнаго ломтика.

Еще въ болѣе недавнее время Дарсонваль и Шаррэнъ изучили дѣйствіе солнечнаго свѣта на пигменто-производящую способность Bacillus pyocyaneus. Этотъ организмъ часто встрѣчается въ гноѣ и способенъ производить красивое свѣтящееся окрашиваніе зеленаго цвѣта, при разростаніи въ какой-либо средѣ, употребляемой для разводки бациллъ. Названные изслѣдователи нашли, что дѣйствіе солнечнаго свѣта, въ продолженіе 3 или 6 часовъ, совершенно лишало названную выше бациллу способности вырабатывать зеленое окрашиваніе, такъ какъ, при такихъ условіяхъ, появлялась лишь безцвѣтныя разводки; при дальнѣйшемъ вліяніи солнечнаго свѣта, бациллы совершенно уничтожались. Впрочемъ, если на бациллъ падали только красные лучи спектра, то дѣйствіе ихъ, даже въ теченіе 6 часовъ, не могло воспрепятствовать появленію типической свѣтящейся зеленой окраски. Даже и при болѣе продолжительномъ дѣйствіи красныхъ лучей, бациллы не только не уничтожались но, оставаясь живыми, обычнымъ образомъ выдѣляли свой пигментъ такъ, что красные лучи, повидимому, нисколько не безпокоили ихъ.

Потеря способности производить пигментъ не есть единственное водоизмѣненіе въ физіологическихъ свойствахъ микроорганизмовъ, вызываемое дѣйствіемъ солнечнаго свѣта. Еще любопытнѣе и значительнѣе вліяніе этого свѣта на способности заразныхъ или болѣзнѣтворныхъ бактерій къ произведенію болѣзней. Эта связь до сихъ поръ разъяснена еще весьма мало; но весьма недавно сдѣланъ былъ интересный вкладъ въ эту отрасль бактеріологіи д-ромъ Палермо въ Неаполѣ. Правда, еще въ 1885 г. Арлоэнь утверждалъ, что, благодаря дѣйствію солнечнаго свѣта, ему удалось получить ослабленныя культуры бациллъ сибирской язвы, въ значительной степени лишенныхъ своей заразительности. Послѣ дѣйствія солнечнаго свѣта въ теченіе около 30 часовъ, названныя культуры превращались въ подобіе вакцины; морскія свинки, которымъ онѣ были привиты, не только оставались въ живыхъ, но пріобрѣтали бо́льшую или меньшую способность противостоять послѣдующему зараженію сибирской язвой. Это было, впрочемъ, лишь единичнымъ наблюденіемъ, и въ однихъ случаяхъ оно подтверждалось, а въ другихъ отвергалось позднѣйшими изслѣдователями.

Д-ръ Палермо, работая надъ холерной бациллой Коха, съ цѣлью опредѣленія дѣйствія солнечнаго свѣта на заразительность этого организма, сдѣлалъ весьма важное добавленіе къ нашимъ свѣдѣніямъ по этому предмету. Эти бациллы, которымъ почти единогласно приписывалась честь вызывать азіатскую холеру у человѣка, губятъ въ теченіе 18 часовъ и морскихъ свинокъ. Г. Заболотный недавно открылъ также, что и сурки особенно чувствительны къ дѣйствію этихъ бациллъ, небольшое количество которыхъ, введенное подъ кожу этого животнаго, убиваетъ его въ нѣсколько часовъ.

Заразительныя холерныя бациллы подвергались дѣйствію солнечнаго свѣта въ бульонѣ въ теченіе различнаго времени, измѣнявшагося отъ 10 минутъ до $4^1/_2$ часовъ. При этомъ оказалось, что холерныя разводки, содержавшіяся въ темнотѣ, убивали морскихъ свинокъ въ теченіе 18 часовъ; тотъ же результатъ получался, когда разводки подвергались дѣйствію солнечнаго свѣта отъ 10 минутъ до 2 часовъ. Если же это дѣйствіе продолжалось не менѣе 3 часовъ, губительное вліяніе бактерій становилось менѣе быстрымъ; пробывъ въ солнечномъ свѣтѣ отъ $3^1/_2$ до $4^1/_2$ часовъ, бактеріи теряли уже свои заразныя свойства: морскія свинки, которымъ онѣ были привиты, не терпѣли отъ нихъ никакого вреднаго дѣйствія.

Столь непродолжительное дѣйствіе солнечнаго свѣта не только уменьшало или уничтожало заразность этихъ бактерій, но и морскія свинки, оставшіяся въ живыхъ послѣ выше описанныхъ опытовъ, подвергнутыя черезъ 8 дней прививкѣ заразныхъ холерныхъ бациллъ, не испытали никакого дѣйствія отъ такихъ дозъ, которыя въ самомъ непродолжительномъ времени убили бы неподготовленныхъ морскихъ свинокъ. Такимъ образомъ солнечный свѣтъ надѣлилъ холерныхъ бациллъ способностью защищать животныхъ отъ нападенія ихъ зловредныхъ и злонамѣренныхъ товарищей.

Д-ръ Палермо удостовѣрилъ также, что во время дѣйствія солнечнаго свѣта не происходитъ никакого уменьшенія числа бактерій, первоначально находившихся въ бульонной разводкѣ. Если же упомянутое дѣйствіе продлится отъ 6 до 7 часовъ, бациллы (не уменьшаясь количественно, какъ это можно видѣть въ колоніяхъ, развивающихся на желатиновыхъ пластинкахъ) утрачиваютъ, при изслѣдованіи подъ микроскопомъ въ капельныхъ разводкахъ, способность къ движенію, тогда какъ бациллы, находившіяся въ темномъ мѣстѣ, продолжаютъ выказывать оживленную подвижность, характерную для нихъ.

Въ связи со сказаннымъ выше, любопытно отмѣтить нѣкоторыя изслѣдованія, произведенныя Китозато надъ дѣйствіемъ солнечнаго свѣта на заразное дѣйствіе бульона, въ которомъ разводился микробъ столбняка. Въ этихъ опытахъ бульонъ сперва пропускался черезъ фильтръ изъ неполированнаго фарфора, съ цѣлью задержать всѣхъ находившихся тамъ бактерій. Такимъ образомъ, фильтратъ былъ стерилизованъ и содержалъ лишь ядовитыя вещества, выработанныя ранѣе того бациллами столбняка во время ихъ разростанія въ бульонѣ.

Въ *разсѣянномъ* свѣтѣ эти фильтраты столбняка постепенно утрачивали свои ядовитыя свойства; но этотъ процессъ былъ медленнымъ и утомительнымъ для наблюденія: даже послѣ 9 и 10 недѣль фильтраты были еще слегка ядовиты. Съ другой стороны, подобные же фильтраты, сохранявшіеся въ темнотѣ, даже послѣ 300 дней, оставались столь же заразительными, какъ въ самомъ началѣ своего изготовленія.

При *непосредственномъ* дѣйствіи солнечнаго свѣта, при температурѣ отъ 35 до 43° Ц., фильтраты столбняка совершенно теряли всѣ свои ядовитыя свойства въ теченіе 15—18 часовъ.

Эти интересные результаты еще недавно были подтверждены двумя итальянскими изслѣдователями, д-рами Ферни и Пернази.

Разсуждая объ этой способности солнца уничтожать бактеріи, мы естественно спрашиваемъ себя, какъ и когда она проявляется въ природѣ? Очевидно, это дѣйствіе можетъ проявляться лишь на поверхности земли; даже глубины въ небольшую долю фута вполнѣ достаточно, чтобы спасти бактеріи отъ этого могущественнаго и губительнаго дѣйствія.

Съ другой стороны, относительно воды, обладающей большой прозрачностью для свѣтовыхъ лучей, мы должны предположить, что разрушительная сила солнца проникаетъ въ нее до значительной глубины.

Года два тому назадъ я произвелъ нѣсколько опытовъ надъ дѣйствіемъ солнечнаго свѣта на споры сибирской язвы, плававшія въ водѣ Темзы, и въ ихъ сыромъ, не фильтрованномъ состояніи, и въ стерилизованномъ посредствомъ кипяченія или пропусканія черезъ фильтръ изъ пористаго фарфора. Слѣдовательно, въ одномъ случаѣ, споры сибирской язвы находились вмѣстѣ съ нѣкоторымъ количествомъ обыкновенныхъ водяныхъ бактерій, а въ другомъ рядѣ опытовъ споры были единственными хозяевами положенія и не приходили ни въ какія столкновенія съ другими микроорганизмами. Стклянки, содержавшія воду, зараженную бациллами сибирской язвы, были выставлены въ разсѣянномъ дневномъ свѣтѣ въ теченіе 7 мѣсяцевъ; тѣмъ не менѣе, споры сибирской язвы даже къ концу этого періода находились еще во всѣхъ сосудахъ. Въ стерилизованной водѣ споры сохраняли свою заразительность, такъ какъ бѣлыя мыши, къ которымъ были привиты нѣкоторыя количества этой воды, простоявшей 7 мѣсяцевъ, всѣ издохли. Было очевидно, однако, что заразительность значительно уменьшилась: хотя сибирскую язву можно было открыть въ крови, но признаки ея были выражены не такъ сильно, какъ въ обыкновенныхъ случаяхъ зараженія этой болѣзнью. Съ другой стороны, хотя въ нестерилизованной водѣ и можно было спеціальными способами открыть сибирскую язву, но заразность ея была настолько ослаблена, что зараженная вода не могла убить мышь.

При непосредственномъ дѣйствіи солнечныхъ лучей, результаты, какъ мы можемъ ожидать, получились совершенно иные. Ни въ одномъ случаѣ споры при дѣйствіи солнца не выживали дольше

151 часа, и почти во всѣхъ опытахъ уничтожались послѣ этого дѣйствія въ теченіе отъ 58 до 84 часовъ. Хотя солнечный свѣтъ и могъ вполнѣ уничтожать споры сибирской язвы, но меня поражала ихъ сравнительная долговѣчность. Другіе наблюдатели находили, что такія споры уничтожаются гораздо быстрѣе, что для этого довольно нѣсколькихъ часовъ дѣйствія солнечнаго свѣта на воздухѣ въ обыкновенной средѣ для культивированія ихъ, каковы бульонъ, картофель и т. п.

Пытаясь установить причину этого явленія, я дѣйствовалъ синтетическимъ путемъ, прибавляя тѣ или другія вещества къ перегнанной водѣ, и опредѣляя затѣмъ вліяніе этихъ примѣсей на дѣйствіе солнечнаго свѣта. Мнѣ удалось опредѣлить, что разрушительное дѣйствіе этого свѣта на бактеріи значительно увеличивается въ водѣ, содержащей поваренную соль (1,3 или 10 проц.), въ сравненіи съ дистилированной водой; съ другой стороны, прибавленіе сѣрнокислаго натра, въ тѣхъ же пропорціяхъ, почти не оказываетъ никакого вліянія. Нѣкоторые изъ этихъ результатовъ, полученныхъ съ поваренной солью, я свелъ въ слѣдующія таблицы, при чемъ ясно опредѣляется разница между трубками, находившимися въ солнечномъ свѣтѣ и въ темнотѣ.

Дѣйствіе солнечнаго свѣта на споры сибирской язвы, плавающія въ водѣ.

(Перси Франклэндъ).

Количество споръ сибирской язвы, содержащихся капляхъ въ 20 воды.

При солнечномъ свѣтѣ.

	прост. вода	1% соли.	3% соли.	10% соли.
4 часа въ солнечномъ освѣщеніи.	16.000	14.000	8.000	5.000
11 часовъ.	12.000	8.000	3.000	485
21 часъ	378	39	49	0

Въ темнотѣ.

	прост. вода	1% соли.	3% соли.	10% соли.
4 часа въ темнотѣ.	13.000	13.000	9.000	12.000
11 часовъ »	15.000	13.000	16.000	14.000
21 часъ »	18.000	15.000	14.000	9.000

Я убѣдился также, что предшествующее состояніе организма имѣетъ весьма рѣшительное вліяніе на послѣдующій образъ дѣйствія его при испытаніи солнечными лучами. Такъ споры сибирской язвы, появившіяся при обыкновенной комнатной температурѣ (18—20° Ц.), имѣютъ болѣе способности сопротивляться смертоносному дѣйствію солнечнаго свѣта, чѣмъ споры, воспитанныя при болѣе высокой температурѣ, а именно 35—38° Ц. Это обстоятельство всегда слѣдуетъ имѣть въ виду при сравнительныхъ опытахъ надъ способностями сопротивленія, выражаемыхъ при различныхъ условіяхъ извѣстными микроорганами. Въ предыдущихъ опытахъ всѣ взятыя споры были выведены при той же температурѣ (18—20° Ц.) и заимствованы изъ одной и той же разводки.

Опыты, о которыхъ я до сихъ поръ упоминалъ, производились въ лабораторіи и съ бактеріями, которыя, такъ сказать, находились въ заключеніи. Прежде, чѣмъ обобщать такія заключенія при обстоятельствахъ болѣе или менѣе искусственныхъ, мы всегда должны попытаться провѣрить наши результаты, насколько это возможно, какимъ-нибудь контрольнымъ опытомъ, сдѣланнымъ на открытомъ воздухѣ, въ лабораторіи самой природы.

Извѣстны нѣсколько опытовъ, интересныхъ въ этомъ отношеніи; но такъ какъ и помимо свѣта многіе другіе факторы могутъ участвовать и, безъ сомнѣнія, участвуютъ въ полученіи нѣкоторыхъ изъ наблюдаемыхъ результатовъ, то должна быть соблюдаема особая осторожность въ опредѣленіи участія свѣта въ этихъ результатахъ.

Такъ, справка съ результатами, изложенными въ видѣ таблицъ, моихъ изслѣдованій надъ бактеріями лондонской воды для питья, показываетъ съ перваго взгляда, что содержаніе микробовъ въ рѣкахъ Темзѣ и Ли гораздо меньше лѣтомъ, въ наиболѣе солнечные мѣсяцы, чѣмъ зимою, когда наименьшее количество свѣта проникаетъ въ эту воду. Хотя присутствіе или отсутствіе свѣта, безъ сомнѣнія, имѣетъ значеніе и, быть-можетъ, даже не малое, способствуя указанному различію, однако, нельзя оставить безъ вниманія и другія обстоятельства, каковы—доступъ болѣе чистой воды источниковъ въ рѣку въ лѣтніе мѣсяцы и сравнительное отсутствіе воды притоковъ. По той же причинѣ, слѣдующія изслѣдованія, произведенныя на рѣкѣ Изарѣ, выше Мюнхена, хотя и весьма интересныя, должны быть приняты съ нѣкоторыми ограниченіями.

Съ цѣлью опредѣлить дѣйствіе дневного свѣта на бактеріи въ текущей водѣ, два молодыхъ нѣмецкихъ энтузіаста, д-ръ Минкъ и д-ръ Неймайеръ, рѣшились провести всю ночь на берегу рѣки Изара, отъ 6 часовъ вечера до 6 утра. Они желали опредѣлить число бактерій въ водѣ съ часу на часъ, относясь къ этому дѣлу съ такимъ же бдительнымъ рвеніемъ, съ какимъ достойная довѣрія сидѣлка слѣдитъ за движеніями клиническаго термометра у постели паціента, переживающаго острый періодъ опасной болѣзни.

Эти ученые начали свои наблюденія въ 6 часовъ 15 минутъ пополудни, въ одинъ сентябрьскій вечеръ, когда насчитывалось 160 микробовъ, приблизительно, въ двадцати капляхъ рѣчной воды. Въ 12 ч. ночи это количество уменьшилось до 107; но въ 1 час. 45 мин. пополуночи микробы обнаружили послѣдствія продолжительнаго отсутствія свѣта, такъ какъ оказались въ количествѣ 380, въ 3 ч.—460, въ 4 ч.—520, въ 5 ч.—510, а въ 6 ч. 15 м. ихъ уже коснулся роковой для нихъ перстъ зари, и число ихъ упало до 250.

Было бы, конечно, интересно получить дальнѣйшее подтвержденіе этихъ замѣчательныхъ результатовъ; но можно опасаться, что затруднительность такой работы охладитъ пылъ даже самаго ревностнаго бактеріолога.

Особую важность и занимательность имѣетъ вопросъ, напрашивающійся самъ собою,—до какой глубины солнечные лучи могутъ вносить въ воду смерть и разрушеніе для микробовъ?

Точные опыты, произведенные въ Женевскомъ озерѣ, указали, что фотографическая пластинка испытываетъ впечатлѣніе отъ солнечныхъ лучей на глубинѣ 553 футовъ; напряженность свѣта на этомъ уровнѣ можно сравнить съ тою, какая обыкновенно наблюдается въ ясную, но безлунную ночь.

Опытныя опредѣленія глубины, до которой могутъ проникать въ воду солнечные лучи, не переставая оказывать разрушительное дѣйствіе на жизнь бактерій, сдѣланы были въ Штарнбергскомъ озерѣ, близъ Мюнхена. Мѣстомъ, избраннымъ для изслѣдованія, была пароходная пристань; вода здѣсь была не совсѣмъ чиста, такъ какъ постоянное движеніе судовъ несомнѣнно мутило ее. На глубинѣ 5 футовъ истребительное вліяніе солнечныхъ лучей на бактеріи не уступало тому, какое наблюдается внѣ воды; но уже на глубинѣ $8^1/_2$ ф. дѣйствіе это было гораздо менѣе замѣтнымъ, а на глубинѣ 10 ф.

оно уже почти не замѣчалось. Такимъ образомъ, разрушительная сила солнечныхъ лучей прекращается задолго до того, какъ свѣтъ угаснетъ, благодаря глубинѣ воды, черезъ которую онъ проходитъ.

Нѣкоторые новѣйшіе опыты, сдѣланные д-ромъ Прокаччи, въ Неаполѣ, показываютъ также быстрое уменьшеніе, происходящее въ силѣ дѣйствія солнца на жизнь бактерій, при прохожденіи его лучей черезъ воду. Съ этою цѣлью, стеклянные цилиндры, высотою въ 24 дюйма, были наполнены водою, и солнечные лучи должны были проходить вертикально внизъ, такъ какъ свѣтъ съ боку сосудовъ былъ устраненъ. Прежде чѣмъ ихъ подвергнуть дѣйствію свѣта, бактеріи были сосчитаны на поверхности, въ серединѣ и на днѣ цилиндра. Слѣдующая таблица показываетъ полученные результаты.

Вертикальное прохожденіе солнечнаго свѣта черезъ 24 дюйма воды.

(Прокаччи).

Бактерія приблизительно въ 20 капляхъ воды.

Іюня 28, 1893 г. отъ 11 ч. пол. до 3 ч. пол.	Передъ выставленіемъ на свѣтъ.	Черезъ 3 часа послѣ того.	Остав. въ темнотѣ въ теченіе 3 час.
Поверхность.	2,100	9	3,103
Средина	2,103	10	3,021
Дно	2,140	2,115	3,463.

Отсюда мы видимъ, что вначалѣ бактеріи были расположены по всему цилиндру довольно равномѣрно, такъ какъ практически нѣтъ никакой разницы между количествами ихъ на днѣ и на поверхности. Съ другой стороны, въ сосудѣ, остававшемся въ теченіе 3 час. въ темнотѣ, замѣчается небольшое приращеніе ихъ, которое особенно замѣтно на днѣ сосуда; количество ихъ всегда оказывается тамъ нѣсколько больше, вслѣдствіе склонности бактерій, оставленныхъ въ покоѣ, отлагаться на днѣ. Этотъ процессъ извѣстенъ подъ названіемъ осаживанія; какъ я недавно показалъ *), онъ играетъ важную роль въ очищеніи отъ бактерій воды, содержащейся въ резервуарахъ. Совершенно иною бываетъ судьба микробовъ, плавающихъ въ водѣ, находящейся на солнцѣ. Мы видимъ здѣсь, что,—вмѣсто слишкомъ

*) Centralblatt für Bakteriologie, vol. XIII, 1893.

3000,—остаются въ живыхъ только 9 и 10; это происходитъ, впрочемъ, лишь въ верхнихъ слояхъ воды. На днѣ сосуда бактеріи спаслись почти всѣ; хотя онѣ не размножились въ этотъ 3-часовой промежутокъ, но количество ихъ, практически, остается однимъ и тѣмъ же до и послѣ дѣйствія солнечнаго свѣта. Описываемые опыты, въ связи съ тѣми, какіе произведены были на Штарнбергскомъ озерѣ, имѣютъ особую важность и особый интересъ, показывая весьма ясно, что не слѣдуетъ слишкомъ довѣряться дѣйствію свѣта, какъ средству для очищенія воды.

Недавно въ Германіи приписывалось столь важное значеніе такъ называемому самоочищенію рѣчной воды, во время ея пути, что совѣтъ безпрепятственнаго проведенія водостоковъ въ Рейнъ изъ такого большого города, какъ Кельнъ, былъ предметомъ публичнаго обсужденія. При этомъ высказывалось предположеніе, что, при дальнѣйшемъ теченіи рѣки, болѣзнетворные матеріалы должны исчезнуть, такъ какъ свѣтъ считался однимъ изъ дѣятелей, оказывающихъ матеріальную помощь въ дѣлѣ уничтоженія этихъ болѣзненныхъ началъ.

Весьма остроумный и изящный методъ, допускающій множество приложеній и измѣненій и употребительный во многихъ опытахъ по этому предмету, былъ придуманъ года два тому назадъ проф. Бухнеромъ въ Мюнхенѣ.

Извѣстныя бактеріи, которыя должны подвергнуться дѣйствію свѣта, равномѣрно распредѣляются въ распущенномъ студнѣ, который выливается затѣмъ въ небольшое, круглое блюдо; на это блюдо тотчасъ же накладывается стеклянная крышка, и студень застываетъ. Когда содержимое блюда достаточно окрѣпнетъ, любыя буквы или цифры вырѣзываются изъ черной бумаги и прикрѣпляются къ нижней поверхности блюда, которое ставится затѣмъ въ солнечномъ свѣтѣ дномъ кверху, на желаемое время. Когда оно истечетъ, блюдо помѣщается въ темный шкафъ и держится тамъ въ температурѣ, удобной для разростанія находящихся въ немъ бактерій. При этомъ способѣ очевидно, что части блюда, покрытыя полосками черной бумаги, защищены отъ дѣйствія солнечнаго свѣта, и послѣдній можетъ вліять только на тѣ участки поверхности, которые вполнѣ предоставлены ему или ничѣмъ не защищены. Поэтому мы можемъ ожидать, предполагая дѣйствіе свѣта достаточнымъ, что раз-

водки не покажутся въ студнѣ, за исключеніемъ частей, заслоненныхъ отъ солнечнаго свѣта черными полосками. Въ томъ, что все это дѣйствительно такъ и происходитъ, мы убѣждаемся изъ слѣдующихъ рисунковъ, снятыхъ съ блюдъ, выставлявшихся проф. Бухнеромъ. На первомъ рисункѣ въ студень введено было большое количество такъ наз. *Bacillus coli communis*, организма, находящагося въ кишкахъ человѣка и животныхъ въ нормальномъ состояніи и родственнаго почти во всѣхъ отношеніяхъ съ хорошо извѣстными тифозными бациллами. Это блюдо стояло въ разсѣянномъ свѣтѣ въ теченіе 5 часовъ и затѣмъ перенесено было въ темноту; взглянувъ на рисунокъ, мы видимъ, гдѣ находились черныя буквы, прикрѣпленныя проф. Бухнеромъ до начала дѣйствія свѣта.

Рис. 39. Блюдо, содержащее *агаръ-агаръ*, къ которомъ посѣяны бациллы Coli communis, и который оставался въ разсѣянномъ свѣтѣ въ теченіе пяти часовъ (по Бухнеру).

На второмъ рисункѣ мы видимъ такое же блюдо, засѣянное холерными бациллами, но находившееся въ солнечномъ свѣтѣ лишь въ теченіе $1^1/_2$ часа.

Этотъ прекрасный способъ заставлять бактерій, такъ сказать, самихъ писать свое имя на студнѣ, я полагаю, всего лучше было бы назвать автографіей бактерій; впрочемъ, эти рисунки, пожалуй, еще лучше могутъ быть обозначены новымъ терминомъ, какой я позволилъ себѣ предложить для нихъ, а именно *фотобактеріографами*.

Хотя мы получаемъ, такимъ образомъ, весьма многочисленныя свидѣтельства того, что солнечные лучи и, въ меньшей степени, лучи

Рис. 40. Блюдо, содержащее *агаръ-агаръ* и засѣянное холерными бациллами, подвергавшееся непосредственному дѣйствію солнечныхъ лучей въ теченіе полутора часа (по Бухнеру).

электрической дуги имѣютъ разрушительное вліяніе на жизнь бактерій, для насъ все еще неясенъ механизмъ, какимъ производится это дѣйствіе.

Почти полное единогласіе существуетъ относительно того, что дѣйствіе солнечныхъ лучей значительно уменьшается, если не вовсе прекращается, въ отсутствіи свободнаго кислорода; весьма возможно также, что необходимымъ факторомъ является одновременно присутствіе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой влажности.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАГО И ОБЩЕНАУЧНАГО САМООБРАЗОВАНІЯ ВОСПИТАТЕЛЕЙ И НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшенъ для учительскихъ библіотекъ и безплатныхъ народныхъ читаленъ.

1899 г.

Годъ изданія тридцать первый.

Книжка восьмая.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева, Петровка, д. Обидиной.
1899.

Дозволено цензурою. Москва, 23-го ноября 1899 года.

Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу.

Гр. Алексѣй Константиновичъ Толстой *).

Отъ переработокъ мотивовъ народнаго эпоса и балладъ Толстого естественъ переходъ къ крупнымъ его произведеніямъ съ историческими сюжетами. Но предварительно слѣдуетъ дополнить перечень небольшихъ написанныхъ стихами пьесъ, пригодныхъ въ качествѣ педагогическаго матеріала, не подходящихъ ни подъ одну изъ названныхъ выше группъ и стоящихъ какъ бы особнякомъ. Таково, напримѣръ, красивое по формѣ и звучное по музыкальности своихъ гекзаметровъ, стихотвореніе:

Въ колоколъ, мирно дремавшій, съ налета тяжелая бомба
Грянула. Съ трескомъ кругомъ отъ нея разлетѣлись осколки.
Онъ же вздрогнулъ—и къ народу могучіе мѣдные звуки
Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой созывая.

Не можетъ быть обойдено въ педагогическомъ разборѣ и слѣдующее, замѣчательное по гуманной идеѣ, стихотвореніе:

Горними тихо летѣла душа небесами,
Грустныя долу она опускала рѣсницы;
Слезы въ пространство отъ нихъ упадая звѣздами
Свѣтлой и длинной вилися за ней вереницей.
Встрѣчныя тихо ее вопрошали свѣтила:
Что ты грустна? и о чемъ эти слезы во взорѣ?
Имъ отвѣчала она: я земли не забыла,
Много оставила тамъ я страданья и горя.
Здѣсь я лишь ликамъ блаженства и радости внемлю,
Праведныхъ души не знаютъ ни скорби, ни злобы,—
О, отпусти меня снова, Создатель, на землю,
Было бъ о комъ пожалѣть и утѣшить кого бы.

*) Окончаніе. См. „Педагогическій листокъ“, 1899 г., седьмая книжка.

Отдѣльно стоятъ также и два, сравнительно значительныхъ по размѣрамъ, изъ стихотворныхъ произведеній Толстого,—это поэмы «Грѣшница» и «Іоаннъ Дамаскинъ». Послѣднее произведеніе по яркой художественности образовъ, по силѣ и задушевности проникающаго поэму лиризма, можетъ быть особенно рекомендовано въ педагогическихъ цѣляхъ. Помимо общаго содержанія произведенія, въ немъ встрѣчается цѣлый рядъ отдѣльныхъ замѣчательныхъ поэтическихъ красотъ. Укажемъ, напр., на начало поэмы—просьбы Іоанна къ калифу отпустить его отъ суетнаго двора—и особенно на восторженно-лирическое обращеніе добившагося, наконецъ, свободы пѣвца къ лѣсамъ, долинамъ, нивамъ и горамъ:

Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубыя небеса!
И посохъ мой благословляю,
И эту бѣдную суму,
И степь отъ краю и до краю,
И солнца свѣтъ, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищій, я иду,
И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду!
О, если бъ могъ всю жизнь смѣшать я,
Всю душу вмѣстѣ съ вами слить;
О, если бъ могъ въ мои объятья
Я васъ, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!
Какъ горней бури приближенье,
Какъ натискъ пѣнящихся водъ,
Теперь въ груди моей растетъ
Святая сила вдохновенья.

И вообще, самый этотъ идеальный образъ чистаго душой, вдохновеннаго творца молитвенныхъ гимновъ долженъ имѣть извѣстное воспитательное, гуманизирующее значеніе.

Переходимъ къ грандіозному поэтическому созданію А. Толстого,—его извѣстной драматической трилогіи: «Смерть Іоанна Грознаго», «Царь Ѳедоръ Іоанновичъ» и «Царь Борисъ». Конечно, всего лучше и желательнѣе было бы, чтобы и юношество и лица изъ народа увидѣли эти пьесы въ сценическомъ ихъ исполненіи. Сила впечатлѣнія, разумѣется, будетъ въ такомъ случаѣ несравненно значительнѣе, нежели при простомъ чтеніи ихъ по книгѣ. Но такъ какъ опытъ показалъ, что постановка ихъ сопряжена съ большими затрудненіями *), что для удовлетворительнаго сценическаго ихъ исполненія требуется значительная и хорошо подобранная по составу труппа (а это встрѣ-

*) Такъ, трагедія „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ“ въ теченіе тридцати лѣтъ не могла явиться даже на столичной сценѣ.

чается лишь въ театрахъ большихъ городовъ), что обстановка этихъ пьесъ стоитъ довольно дорого,—то все это и заставляетъ серьезно подумать объ ознакомленіи юношества и народа съ этими выдающимися произведеніями національной драмы посредствомъ чтеній. А такъ какъ только при очень хорошихъ декламаторахъ—на что можно разсчитывать скорѣе въ видѣ исключенія, нежели общаго правила—чтеніе цѣликомъ всей драмы можетъ быть неутомительно, то этимъ обусловливается выборъ сценъ наиболѣе характерныхъ, въ смыслѣ сосредоточенія на нихъ драматическаго интереса или яркой обрисовки характеровъ, съ тѣмъ, однако, чтобы опускаемыя въ чтеніи сцены замѣнялись краткимъ пересказомъ ихъ содержанія *).

Оговариваясь еще разъ, что мы ни одну сцену не считаемъ излишней въ общемъ строѣ драмы, позволяемъ себѣ только отмѣтить сцены наиболѣе важныя, ознакомленіе съ которыми юношества и народа должно считаться особенно необходимымъ, и переходимъ къ разсмотрѣнію съ этой точки зрѣнія частей трилогіи въ отдѣльности.

Помимо прекраснаго и живого ознакомленія съ эпохой, трилогія, какъ крупное художественное произведеніе, имѣетъ и серьезное воспитательное значеніе.

Въ первой ея части, въ трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго», правда, нѣтъ возможности относиться съ долей сочувствія и состраданія къ главному дѣйствующему лицу, почти дошедшему до состоянія озвѣрѣнія (на это весьма опредѣленно указываетъ уже самый эпиграфъ къ пьесѣ), но идея великаго значенія нравственнаго начала, присущая всякой истинно-художественной драмѣ, составляетъ ея глубокій гуманизирующій смыслъ. «Кара самовластья», о которой говоритъ въ трагедіи боярин Захарьинъ, и есть тотъ «рокъ», который тяготѣетъ надъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Это торжество нравственнаго начала, дающаго о себѣ знать, нѣсколько разъ весьма ощутительно выражается въ пьесѣ.

Такъ, тяжко ложатся на душу Іоанна полныя горькой правды слова посланія Курбскаго, когда онъ нападаетъ на больное мѣсто совѣ-

*) Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ, насколько намъ извѣстно, дѣлались попытки публичныхъ чтеній пьесъ классическаго репертуара нѣсколькими лицами (съ раздѣленіемъ ролей). Нельзя не отнестись сочувственно къ такого рода начинаніямъ.

сти царя, спрашивая его какъ разъ въ то время, когда его враги одерживаютъ побѣду за побѣдой:

Гдѣ всѣ твои минувшія побѣды?
Гдѣ мудрые и свѣтлые мужи,
Которые тебѣ своею грудью
Твердыни брали, и тебѣ Казань
И Астрахань подъ ноги покорили?
Ты всѣхъ избилъ, изрѣзалъ и измучилъ и т. д.

Въ высшей степени характерна сцена со схимникомъ: царь, намѣренно порывавшій всѣ нравственныя связи, въ трудную годину обращается за совѣтомъ къ подвижнику. Тотъ, не зная ничего, указываетъ Іоанну на тѣхъ помощниковъ, которые уже истреблены имъ, и невольно причиняетъ этимъ новыя терзанія его совѣсти; когда не оказывается ни одного изъ названныхъ лицъ, схимникъ оставляетъ Іоанна въ безнадежности.

Когда, въ ожиданіи смерти, Іоаннъ даетъ наставленіе своему преемнику:

Цари съ любовію и съ благочестьемъ,
И съ кротостью. Напрасно не клади
Ни на кого ни казни, ни опалы—

Чувствуется, что слова эти внушены не однимъ удручающимъ царя страхомъ ада, а и тщательно таимымъ въ душѣ сознаніемъ несостоятельности всей своей системы дѣйствій, доведшей Іоанна до того безпомощнаго состоянія, въ какомъ онъ находится.

Переходимъ къ указанію отдѣльныхъ, наиболѣе замѣчательныхъ сценъ. Первая сцена, начинающая драму,—весьма характерная картина боярства. Грозный отказался отъ престола, терзаемый раскаяніемъ послѣ убійства сына. Казалось бы, боярамъ, обрадованнымъ этою вѣстью, теперь самое время серьезно подумать о выборѣ новаго правителя; но долгіе годы униженія вытравили въ нихъ послѣдніе остатки государственнаго смысла, и, вмѣсто рѣшенія важнаго вопроса, потомки прежнихъ удѣльныхъ князей тягаются изъ-за мѣстъ съ извѣчными слугами московскаго князя. Эта внутренняя слабость и безпомощность боярства великолѣпно вырисовывается въ мастерской сценѣ безпрепятственнаго внушенія имъ со стороны Годунова рѣшенія, удобнаго для него, но идущаго въ разрѣзъ со всѣми ихъ мечтаніями:

Давно отвыкли
Собой мы думать, дѣйствовать собой.
Мы цѣлаго не составляемъ тѣла;
Та власть, что насъ на части раздробила,
Она жъ одна и связываетъ насъ.

Вторая сцена—чтеніе письма Курбскаго и пріемъ бояръ — очень рельефно изображаетъ всю неуравновѣшенность характера Грознаго, съ его моментальными переходами отъ смиреннаго самоуниженія къ свирѣпой жестокости, подозрительности и злобѣ.

Первая сцена второго акта въ чтеніи можетъ быть опущена и замѣнена пересказомъ ея содержанія. Она обрисовываетъ характеръ Бориса Годунова, но, въ общей связи, имѣетъ меньшее значеніе, сравнительно съ другими.

Сцена 2-я въ домѣ Шуйскаго можетъ быть также опущена и передана въ пересказѣ: бояре нанимаютъ Битяговскаго возбудить голодающій народъ противъ Годунова, какъ виновника его бѣдствій. Входитъ Годуновъ. Гости расходятся, хозяинъ—Шуйскій также долженъ удалиться, потому что за нимъ прислалъ царь. Годуновъ принимаетъ Битяговскаго къ себѣ на службу.

Дѣйствіе 3, сцена 1—покои царицы Марьи. Захарьинъ подтверждаетъ подозрѣнія царицы насчетъ замысловъ Ивана о бракѣ. Входитъ царь съ Годуновымъ. Иванъ объявляетъ царицѣ о своемъ рѣшеніи развестись съ нею. Захарьинъ безуспѣшно пытается вступиться за царицу.—Сцена можетъ быть дана въ пересказѣ.

Сцена 2—престольная палата—пріемъ польскаго посла Гарабурды—должна быть прочитана: дикій, необузданный характеръ Ивана рельефно сказывается здѣсь. Царь въ изступленіи бросаетъ въ посла топоръ и приходитъ въ еще большее бѣшенство, когда слышитъ о взятіи Нарвы шведами.

Дѣйствіе 4, сцена 1.—Народная сцена на площади въ Замоскворѣчьи. Кикинъ подстраиваетъ народный бунтъ противъ Годунова, Битяговскій стоитъ за послѣдняго. Григорій Годуновъ оповѣщаетъ народъ о хлѣбныхъ раздачахъ Бориса. Сцена можетъ быть дана въ пересказѣ.

Сцена 2.—Внутренніе покои царя.—Царица, Ѳедоръ, жена его и жена Годунова смотрятъ на комету. Съ наружнаго крыльца входитъ Грозный и объявляетъ, что онъ «знаменіе понялъ»...

... Вы видите звѣзду?—
Она мнѣ смерть явилась возвѣстить.

Затѣмъ даетъ наставленіе Ѳедору, спрашиваетъ его, какъ будущаго царя, что онъ намѣренъ дѣлать. Являются волхвы, предсказывающіе царю смерть—въ «Кириллинъ день, осьмнадцатаго марта». Иванъ въ гнѣвѣ приказываетъ волхвовъ за колдовство посадить въ тюрьму. Чтеніе синодика убитыхъ и казненныхъ царемъ. Дворецкій приноситъ вѣсть о пожарѣ дворца въ слободѣ отъ удара молніи. Царь, въ ужасѣ, видитъ въ этомъ знаменіе и на колѣняхъ проситъ прощенія у бояръ, потомъ даетъ наставленія Ѳедору. Является схимникъ, за которымъ посылалъ царь. Иванъ спрашиваетъ, что́ ему дѣлать въ критическихъ для государства обстоятельствахъ. Отшельникъ называетъ Ивану лицъ, которые могли бы ему помочь, но всѣ оказываются казненными. Наконецъ, схимникъ называетъ убитаго Грознымъ царевича Ивана. Царь въ гнѣвѣ. Схимникъ удаляется. Иванъ приказываетъ боярамъ цѣловать крестъ Ѳедору и диктуетъ унизительныя условія мира съ Баторіемъ. Сцена эта должна быть прочитана цѣликомъ.

Дѣйствіе 5, сцена 1. Сцена между царевичемъ Ѳедоромъ и Годуновымъ, потомъ Годуновымъ и его женой и волхвами—можетъ быть опущена.

Сцена 2.—Царскій осмотръ сокровищъ и выборъ подарковъ невѣстѣ.—Иванъ садится съ Бѣльскимъ играть въ шашки. Входитъ Годуновъ съ отвѣтомъ отъ волхвовъ, что Кириллинъ день еще не минулъ. Грозный приходитъ въ изступленіе, падаетъ и умираетъ. Годуновъ отъ имени новаго царя отправляетъ въ ссылку враждебныхъ ему бояръ.—Сцена должна быть прочитана цѣликомъ.

Трагедія «Царь Ѳедоръ Іоанновичъ»—одно изъ замѣчательнѣйшихъ созданій драматическаго творчества и, какъ таковое, уже въ силу своихъ чисто художественныхъ достоинствъ, не можетъ не имѣть глубокаго воспитательнаго значенія. Это драма не только историческая и бытовая, но и общечеловѣческая, и съ этой стороны, пожалуй, даже наиболѣе интересная и оригинальная, по разрѣшенію поставленной въ ней нравственной и психологической проблемы. Выдающійся психологическій интересъ представляетъ личность царя Ѳедора, этого мученика на тронѣ, съ очевидностью иллюстрирующая собою ту истину, что одна нравственная чистота и доброта, не освѣщаемая критическимъ сознаніемъ, можетъ повести, при извѣстныхъ условіяхъ, къ результатамъ чисто отрицательнымъ и, глубоко

симпатичная сама по себѣ, однако, какъ общественная сила, представляетъ весьма сомнительную цѣнность.

При яркой оригинальности драматическаго замысла и тонкости его выполненія, трагедія эта—своего рода трагедія идеализма въ обстановкѣ русской жизни XVI вѣка. Сознаніе царемъ своего безсилія хоть сколько-нибудь осуществить свои, полныя любви и благожелательности къ людямъ намѣренія въ концѣ пьесы разрѣшается отчаяннымъ воплемъ его наболѣвшей души: «О, Господи, зачѣмъ меня царемъ поставилъ Ты!»

Представитель одного непосредственнаго *чувства*, не руководимаго соображеніями *ума*, царь Ѳедоръ дѣйствуетъ слѣпо, причиняя лишь вредъ и себѣ, и другимъ.

Прямой противоположностью ему является Годуновъ, живущій исключительно умомъ, хитрымъ соображеніемъ и расчетомъ. Въ разбираемой пьесѣ торжество остается за нимъ, но окончательные итоги его дѣятельности опредѣлятся въ послѣдней, заключительной части трилогіи.

Кн. Иванъ Петровичъ Шуйскій представляетъ, сравнительно съ двумя предшествующими типами, человѣка чуждаго какой-либо нравственной односторонности: онъ руководится и соображеніями разума, и доводами нравственнаго чувства. И если онъ терпитъ неудачу, то виной тому тяжелыя историческія условія тогдашней московской жизни, требовавшей, для достиженія успѣха, дѣйствій, не стѣсняемыхъ внушеніями неэгоистическаго характера.

Таковы главнѣйшіе герои драмы, какъ характеры общечеловѣческіе. Какъ представители извѣстныхъ *русскихъ* историческихъ традицій, наиболѣе интересны типы обоихъ противниковъ—Годунова и Ив. Шуйскаго.

Годуновъ—послѣдовательный завершитель того теченія московской исторіи, которое заключалось въ постепенномъ выдѣленіи единой личности надъ всею землей. Шуйскіе—представители и оберегатели стариннаго земскаго начала.

Итакъ, и съ общепсихологической и съ исторической точки зрѣнія, эта часть трилогіи представляетъ образовательный матеріалъ весьма желательный и благодарный. Въ первой картинѣ намѣчается завязка предстоящаго дѣйствія. Въ домѣ Шуйскаго затѣяна интрига для низверженія ненавистнаго Годунова. Въ сознаніи Ив. Шуйскаго:—

«мой путь не прямъ»—уже звучитъ предчувствіе бѣды, которая и должна разрѣшиться кровавой драмой.

Сцена эта, какъ прекрасно вводящая въ пьесу, въ чтеніи едва ли должна быть опущена, равно какъ и слѣдующая картина,—въ царскомъ теремѣ,—знакомящая съ личностью главнаго героя, дающая «вступительный аккордъ въ его характеръ».

Во второмъ актѣ сцена примиренія Шуйскаго съ Годуновымъ полна захватывающаго драматическаго интереса. Характеры дѣйствующихъ лицъ обрисовываются здѣсь во всю ширь: слабый, безпомощный, какъ ребенокъ, добрякъ Ѳедоръ, смѣлый, прямодушный Шуйскій, властолюбецъ Годуновъ—встаютъ передъ зрителемъ во весь ростъ.

Первая картина 3 акта,—сцена въ саду у Шуйскихъ,—какъ менѣе важная въ общемъ строѣ пьесы, можетъ быть сообщена въ пересказѣ.

Вторая картина—въ покоѣ царя—должна читаться цѣликомъ. Приходъ Шуйскаго съ жалобой на Годунова, окончательное разочарованіе Шуйскаго въ Ѳедорѣ, требованіе Годунова, чтобы Шуйскій былъ казненъ, и разрывъ царя съ Годуновымъ—это такія мастерскія сцены, что въ пересказѣ давать ихъ нельзя.

Начальныя сцены 4 дѣйствія,—рѣшимость Шуйскаго измѣнить; гнусный договоръ Клешнина съ Волоховой,—сцены яркія, но не особенно значительныя, могутъ быть пересказаны.

Сцена на половинѣ царицы должна быть прочитана цѣликомъ. Крайнее великодушіе Ѳедора по отношенію къ уличенному въ измѣнѣ Шуйскому и слѣдующій затѣмъ припадокъ изступленія, подъ вліяніемъ доноса Шаховского—сцена, наиболѣе характеризующая личность Ѳедора.

Изъ пятаго акта непремѣнно должна быть прочитана цѣликомъ заключительная картина—передъ Архангельскимъ соборомъ—когда рядъ бѣдъ обрушивается на несчастнаго Ѳедора, вѣсть о двойномъ убійствѣ—Шуйскаго и царевича,—когда убитый горемъ царь остается на сценѣ съ царицей и подъ монотонное пѣніе нищихъ горько сознается:

Моей виной случилось все! А я
Хотѣлъ добра...

Заключительная часть трилогіи, трагедія «Царь Борисъ», по обрисовкѣ главнаго лица можетъ быть сопоставлена съ знаменитой драмой Пушкина. Трагизмъ положенія Бориса въ пьесѣ Толстого заключается въ томъ, что, провозглашая принципъ—

... я лишь дѣла караю,

Но ни въ чью не вмѣшиваюсь мысль,—Годуновъ сталъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, со своимъ прошлымъ и съ своимъ положеніемъ, и когда опытъ отрезвилъ его отъ этихъ иллюзій, Борису приходится услышать жестокое осужденіе себѣ даже со стороны самыхъ близкихъ и любимыхъ людей—сына и дочери.

Словомъ, съ умнымъ, разсчетливымъ Борисомъ случилось, на повѣрку, то, что, какъ выражается Вас. Шуйскій,—

... мудрецъ считалъ
Да все считалъ, да видитъ, что обчелся,
Тутъ и пошелъ плутать.

Эффектная вступительная сцена, хорошо характеризующая широкіе замыслы Бориса, должна читаться вся. Но особенное вниманіе читателей должно быть остановлено на второй сценѣ, гдѣ Борисъ въ кельѣ сестры развиваетъ цѣлую программу своей дѣятельности.

Изъ дальнѣйшихъ сценъ должны быть прочитаны цѣликомъ—первая сцена четвертаго дѣйствія: живая, характерная народная сцена на Красной площади; третья сцена—смерть Христіана; первая *картина пятаго акта—бесѣда Бориса съ Клешининымъ*, вторая—тяжелое для Бориса объясненіе съ сыномъ, наконецъ, заключительная часть послѣдней сцены—смерть царя, сознавшаго въ эту минуту, что

Отъ зла лишь зло родится; все едино—
Себѣ ль мы имъ служить хотимъ иль царству,
Оно ни намъ, ни царству впрокъ нейдетъ!

Давно уже сдѣлавшаяся любимымъ народнымъ чтеніемъ (къ сожалѣнію, только въ нелѣпыхъ передѣлкахъ) повѣсть «Князь Серебряный» не нуждается въ рекомендаціи для этого круга читателей. Самый успѣхъ ея свидѣтельствуетъ о томъ, что она удачно отвѣчаетъ запросамъ на живое историческое чтеніе. Въ виду скудости у насъ хорошихъ произведеній этого рода, произведеніе Толстого

должно особенно обращать на себя вниманіе. При этомъ желательно обращать вниманіе читающихъ и на близкія по содержанію и историческому сюжету произведенія художественнаго слова. Такъ, относительно личности Грознаго царя должны быть указаны и народныя пѣсни о немъ, и «Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ», и разсказъ о Грозномъ Пимена въ Пушкинской драмѣ. Хорошо, если при этомъ чтеніе будетъ иллюстрировано демонстраціей снимковъ съ произведеній пластическаго искусства, изображающихъ Іоанна, напр. съ извѣстной скульптуры Антокольскаго и т. п. Повѣсть Толстого даетъ рядъ блестящихъ историко-культурныхъ и историко-бытовыхъ картинъ. И на эту сторону и должно быть обращено преимущественно вниманіе читателей, потому что интрига довольно блѣдна и имѣетъ значеніе второстепенное. Съ этой точки зрѣнія особенно должны быть отмѣчены слѣдующія главы: начало главы 4—описаніе Москвы въ XVI вѣкѣ, глава 6—пріемъ у Морозова, 7—Александровская слобода, 8—пиръ у Грознаго, 11—ночное шествіе, 20—царская соколиная охота, 31—«Божій судъ» и 34—«Шутовской кафтанъ». Разумѣется, желательно, чтобы читатели знали всю повѣсть; но обратить ихъ вниманіе особенно на эту историческую сторону произведенія очень необходимо въ виду присутствія въ повѣсти другого элемента, увлекающаго воображеніе мало развитого читателя—цѣлой разбойничьей эпопеи, на которую какъ разъ и обратили преимущественное вниманіе всѣ лубочныя передѣлки повѣсти.

Вообще, въ историко-художественныхъ произведеніяхъ А. Толстого мы имѣемъ чрезвычайно цѣнный матеріалъ для образовательнаго воздѣйствія на юношество и народъ. И если «Князь Серебряный» нашелъ дорогу даже къ простымъ читателямъ, то толковая, объяснительная популяризація въ массѣ такихъ грандіозныхъ вещей, какъ драмы, вошедшія въ составъ трилогіи, это во всякомъ случаѣ, дѣло будущаго, еще ожидающее преданныхъ и энергичныхъ работниковъ.

Н. Демидовъ.

О популяризаціи правовѣдѣнія.

VIII.

Мы видѣли въ предшествовавшихъ главахъ, что въ теченіе многихъ вѣковъ одни мыслители разныхъ народовъ изобрѣтали устройство лучшаго, по ихъ мнѣнію, государства, а другіе изучали формы и дѣятельность историческихъ, существовавшихъ и существующихъ государствъ. Научное изслѣдованіе явленій подлинной жизни, изученіе того, какъ эти явленія возникали и развивались, дополнялось такимъ образомъ сочиненіями, въ которыхъ выражались идеалы даннаго времени, въ той или другой степени отражавшіеся въ умахъ мыслителей. Правовѣдѣніе, слѣдовательно, и *наука*, поскольку оно стремится открыть законы существованія права и его историческихъ измѣненій, и *искусство*, по скольку оно указываетъ цѣли законодательной дѣятельности, разъясняетъ пути для осуществленія лучшихъ законовъ и лучшихъ формъ жизни людей въ обществѣ.

Какъ ни мѣнялись государства въ исторіи, между ними есть и основное сходство, которое позволяетъ всѣ ихъ назвать государствомъ въ отличіе отъ другихъ союзовъ, церковнаго, напримѣръ, или отъ самоуправленія мѣстнаго, земскаго или городского.

Итакъ, что же такое государство? «Государство,—говоритъ современный русскій ученый,—есть общественный союзъ, возникающій и существующій благодаря объединенію индивидуумовъ (гражданъ) высшею, юридически ни отъ кого независимою властью» *). Для того, чтобы мы признали за даннымъ общежитіемъ форму *государства*, необходимо *населеніе*, которое устанавливаетъ на опредѣленномъ пространствѣ земли (*территорія*) какую-либо изъ формъ верховной власти (единоличной, принадлежащей меньшинству или всему народу).

*) *Проф. Ивановскій: Государственное право* (приложеніе къ 4 выпуску *Малаго Энциклопедическаго словаря*).

Многіе ученые считаютъ государство *организмомъ*. Сходство есть, конечно, но понятіе организма взято изъ естественныхъ наукъ и не имѣетъ юридическаго значенія. *) Кромѣ того, можно ли называть съ одинаковымъ правомъ организмомъ птицу, напримѣръ, и муравейникъ, и улей? Въ послѣднемъ есть, однако, и населеніе, и верховная власть, и территорія,—какъ будто въ государствѣ. Но государство требуетъ *сознательнаго* участія гражданъ, *сознательнаго* образованія верховной власти, *сознательной* дѣятельности этой власти. Безъ этого ни о какомъ правовѣдѣніи и рѣчи быть не можетъ. Конечно, государство коренится въ неизвѣданной глубинѣ вѣковъ. Быть можетъ, когда-нибудь государство и походило на муравейникъ или улей, но тогда не было еще никакого права. Правовѣдъ-муравей или правовѣдъ-пчела хороши для шутки или сказки. Ученіе объ обществѣ стоитъ надъ болѣе общимъ ученіемъ о жизни, иными словами: *соціологія* сложнѣе и уже *біологіи*, ея задача—спеціальная, дополняющая біологическія задачи,—изученіе въ обществѣ *надъ-органическаго* развитія.

«Формы общества и государства *вообще* не существуетъ, какъ не существуетъ человѣка *вообще*,—говоритъ профессоръ А. Д. Градовскій.—Общественныя и государственныя формы являются слѣдствіемъ общенія людей даннаго времени, съ его экономическими условіями, вѣрованіями, страстями и умственными стремленіями» **).

Но неизбѣжная подвижность, перемѣнчивость формъ государственной жизни не исключаютъ, конечно, полной возможности ихъ научнаго изученія. Подвижность эта имѣетъ рядъ причинъ въ біологическихъ и психологическихъ законахъ, и сама подлежитъ законамъ развитія (соціологической эволюціи). Тутъ научная работа только начата, и потому существуетъ много преждевременныхъ обобщеній и односторонніхъ предположеній (гипотезъ). Не подлежитъ сомнѣнію, что въ тѣхъ случаяхъ, когда наукѣ удастся опредѣлить *направленіе развитія* въ прошломъ, она можетъ уже предсказывать съ извѣстною утвердительностью его направленіе въ будущемъ. Мы видимъ,

---

*) Кромѣ того, и въ естественныхъ наукахъ оно не отличается точностью (ср. статью Н. А. Иванцова—*Понятіе организма—въ Сборникѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ московскаго университета*. М. 1897).

**) *Проф. Градовскій: Собраніе сочиненій*, томъ III, 350.

напримѣръ, какъ сознаніе и сознательная планомѣрная дѣятельность все сильнѣе и сильнѣе развивались и развиваются на нашихъ глазахъ въ отдѣльномъ человѣкѣ и во всемъ обществѣ. Въ будущемъ мы имѣемъ полное основаніе предсказать его всеобщее и еще болѣе могущественное развитіе.

Проф. Градовскій въ упомянутомъ сочиненіи (*Общество и государство*) горячо вооружается противъ односторонних теорій и мрачныхъ утвержденій, которыя часто слышатся въ настоящее время. «И авторитетъ, и свобода, и право,—говоритъ онъ,—останутся существенными элементами общества, несмотря на грозные симптомы настоящаго. Послѣдніе указываютъ только, что мы должны дать имъ иное основаніе, найти въ нихъ иной смыслъ, согласный съ дѣйствительнымъ положеніемъ обществъ. Скажемъ больше. Мы убѣждены, что подобныя изслѣдованія приведутъ къ лучшему и болѣе гармоническому пониманію существа свободы, роли авторитета и знанія права».

Желающимъ полнѣе усвоить общія начала современнаго государственнаго права могу рекомендовать прочесть введеніе въ *основныхъ началахъ государственнаго права* профессора Эсмена (переведены подъ редакціей М. М. Ковалевскаго, изданіе К. Т. Солдатенкова, два тома). Нѣсколько извлеченій изъ этого введенія я приведу.

По опредѣленію Эсмена, «государство—это юридическое олицетвореніе націи; это субъектъ (носитель) и опора публичной власти».

Для осуществленія верховныхъ правъ въ государствѣ нужно *правительство*, совокупность учрежденій, имѣющихъ цѣлью защиту націи отъ внѣшнихъ нападеній, поддержаніе порядка внутри государства и оказаніе всѣмъ правосудія. Но мнѣ приходилось уже указывать, что современное государство не можетъ ограничиваться этими задачами: оно призвано играть и культурную роль, содѣйствовать распространенію просвѣщенія, устройству путей сообщенія и т. д.

«Можетъ казаться, говоритъ Эсменъ, что верховная власть не имѣетъ никакихъ предѣловъ, и что права государства безграничны. Таково было, безспорно, представленіе греческой и римской древности». Одна изъ наиболѣе прочно установленныхъ и плодотворныхъ идей новѣйшаго времени «заключается въ признаніи за личностью правъ, которыя предшествуютъ правамъ государства и стоятъ выше ихъ, которыя, слѣдовательно, государство обязано уважать».

Для практическаго примѣненія законовъ государство нуждается въ органахъ управленія, совокупность которыхъ составляетъ правительство. Органы управленія, раздѣляются на главные, или центральные, и на второстепенные, или мѣстные. Послѣдніе дѣлятся на административные и на органы самоуправленія. Приведу нѣкоторыя подробности о русскихъ органахъ управленія и самоуправленія.

Высшимъ органомъ нашего управленія является Государственный Совѣтъ. Члены его назначаются Государемъ Императоромъ. Онъ былъ учрежденъ при Александрѣ I. Задачею этого учрежденія, по мысли знаменитаго Сперанскаго, было постановлено: «учреждать постепенно образъ правленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона».

Всѣ законы, уставы и учрежденія предлагаются и соображаются въ Государственномъ Совѣтѣ. «По точному смыслу учрежденія 1810 г. предполагалось, что императоръ будетъ имѣть дѣло только съ мнѣніемъ большинства Совѣта, утверждая или отвергая его въ полномъ составѣ» *).

Мнѣніе Государственнаго Совѣта выслушивается и по главнѣйшимъ вопросамъ управленія (администраціи), которые требуютъ утвержденія Государя Императора.

Органами высшаго административнаго управленія являются у насъ Совѣтъ Министровъ, въ присутствіи Его Императорскаго Величества, и Комитетъ Министровъ, предсѣдатель котораго назначается Государемъ. Здѣсь разрѣшаются вопросы, которые не имѣетъ права разрѣшить отдѣльный министръ. Министерства явились у насъ въ 1802 году. Въ настоящее время они такъ распредѣляются: 1) министерство иностранныхъ дѣлъ; 2) министерство военное; 3) морское; 4) внутреннихъ дѣлъ; 5) финансовъ; 6) земледѣлія и государственныхъ имуществъ; 7) народнаго просвѣщенія; 8) юстиціи (судебное вѣдомство); 9) путей сообщенія; 10) государственнаго контроля (общее наблюденіе за правильностью расходовъ по всѣмъ вѣдомствамъ); 11) вѣдомство Императрицы Маріи (многія учебныя и благотворительныя учрежденія); 12) министерство Императорскаго Двора.

Высшимъ наблюдательно-правительствующимъ и судебнымъ учрежденіемъ является у насъ Сенатъ.

---

*) *Градовскій: Начала русскаго государственнаго права,* томъ II, стр. 192 (второе изданіе).

По исторіи Сената у насъ есть сочиненіе г. Петровскаго. Желающіе познакомиться съ его исторіей и правами съ пользою прочтутъ отведенныя этому страницы у Градовскаго (названное сочиненіе, II томъ, стр. 232—329). «Въ дѣлахъ управленія духовнаго, Синодъ облеченъ правами, равными правамъ Сената въ области управленія гражданскаго». (*Градовскій: Начало русск. госуд. права*, II, 329).

Управленіе губерніей и уѣздомъ извѣстно, вѣроятно, учителю и учительницѣ; имена губернатора, исправника и станового достаточно, я думаю, знакомы имъ. Точно такъ же можно не говорить объ органахъ земскаго и городского самоуправленія. Въ нѣкоторыхъ частяхъ устарѣвшее сочиненіе Градовскаго—его третій томъ *Начало русск. госуд. права* (*органы мѣстнаго управленія*)—можно все-таки рекомендовать, какъ полезное пособіе.

Органамъ (учрежденіямъ) соотвѣтствуютъ функціи (дѣятельность). О правѣ уголовномъ и гражданскомъ,—функціяхъ судебной власти,—было уже сказано.

Остается сообщить основныя свѣдѣнія о правѣ полицейскомъ и финансовомъ, а затѣмъ о международномъ или междугосударственномъ.

IX.

За вопросомъ о формѣ государства, объ его устройствѣ, для правовѣда возникаетъ вопросъ объ его дѣятельности, объ управленіи. Объ этомъ много говорится, конечно, у всѣхъ мыслителей, занимавшихся государственными или политическими науками; но новые ученые, въ особенности въ Германіи, выдѣлили вопросъ объ управленіи въ особую отрасль знанія.

Нужно замѣтить, что отъ греческаго слова *полисъ* (городъ-государство) произошли названія *политика и полиція*. У Аристотеля, какъ припомнитъ читатель, политикою называлось общее ученіе о государствѣ; но съ теченіемъ времени этому слову стали придавать болѣе узкое значеніе, разумѣя подъ нимъ практическую дѣятельность правительства въ области иностранныхъ сношеній (дипломатія и война) и въ области внутреннихъ дѣлъ. О послѣдней нѣмцы строили теоріи и выводили правила въ *наукѣ о полиціи* (*Polizeiwissenschaft*), а собственно юридическіе вопросы разсматривали при этомъ въ *полицейскомъ правѣ*. Подъ такимъ названіемъ преподается этотъ предметъ и въ нашихъ университетахъ. Было бы правильнѣе назвать его, какъ это

дѣлаетъ знаменитый покойный профессоръ Лоренцъ Штейнъ, *ученіемъ объ управленіи* (Verwaltungslehre)*).

Полицейское право обыкновенно дѣлятъ на *полицію безопасности* и *полицію благосостоянія*. Содержаніе первой части ученія ясно: подъ полиціей благосостоянія разумѣются планомѣрныя заботы объ экономическомъ подъемѣ населенія, о народномъ образованіи и здравіи, о путяхъ сообщенія, и т. д. Заботы эти могутъ исходить или непосредственно отъ правительства, или отъ разныхъ органовъ самоуправленія (у насъ земство, города, крестьянскій «міръ»). Въ меньшихъ размѣрахъ тѣ же цѣли достигаются частными союзами (напримѣръ обществами грамотности, ссудосберегательными товариществами, и т. п.).

По Штейну, ученіе объ управленіи, какъ система прикладной или практической государственной науки, дѣлится такимъ образомъ: 1) управленіе внѣшними сношеніями (министерство иностранныхъ дѣлъ); 2) войскомъ (военное и морское министерства); 3) хозяйственною жизнью (министерство финансовъ, министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, министерство путей сообщенія); 4) правосудіемъ (министерство юстиціи); 5) внутренними дѣлами въ тѣсномъ смыслѣ (министерство внутреннихъ дѣлъ), къ этому надо присоединить министерство народнаго просвѣщенія.

Для выполненія всѣхъ этихъ задачъ современнаго культурнаго государства необходимы большія средства. Государство черпаетъ ихъ или изъ своихъ имуществъ (лѣса, рудники, и т. д.), или собираетъ налоги, или заключаетъ займы. Тутъ мы вступаемъ въ область *финансоваго права*.

Эта наука получила наибольшее развитіе также въ Германіи. Въ русской литературѣ существуютъ курсы финансоваго права профессора Лебедева и профессора Янжула. Болѣе доступны соотвѣтствующія главы въ *Краткомъ курсѣ политической экономіи въ связи съ финансами* профессора Ходскаго.

Финансы государства или государственное хозяйство отличается принудительнымъ характеромъ: граждане *обязаны* платить подати, иначе имъ грозятъ штрафы и наказанія. О томъ, что такое *государственное имущество*, говорить нечего: это такое же имущество, какое можетъ быть предметомъ частной собственности,—земля, заводы,

*) Курсы полицейскаго права у насъ существуютъ Бунге, Андреевскаго, Тарасова. Ср. мою статью *ученіе объ управленіи* (задача и метода) въ *Юридическомъ Вѣстникѣ* (іюнь, 1880 года).

и т. п. Отъ государственныхъ имуществъ слѣдуетъ отличать государственныя *регаліи* и *монополіи*. Было время, напримѣръ, когда почтовая пересылка находилась въ частныхъ рукахъ. Это сопровождалось многими неудобствами, и государство взяло почту (и телеграфъ) въ свои руки. Конечно, за пересылку и за депеши граждане платятъ; но государство ставитъ на первый планъ общественный интересъ и удобство частныхъ лицъ, извлеченіе же прибыли имѣетъ второстепенное значеніе. При первой возможности плата за пересылку письма или телеграммы все понижается. Это—регалія. Монополіей же называется слѣдующее: ради дохода, государство беретъ на себя исключительно какую-либо отрасль производства, во Франціи и Австріи, напримѣръ, фабрикацію папиросъ и сигаръ. У насъ вводится теперь винная монополія.

Для краткаго ознакомленія съ разными видами податей могу рекомендовать свою брошюрку: *Что такое подати и для чего ихъ собираютъ* (изданіе третье журнала *Русская Мысль*).

Доходы съ податей и съ государственныхъ имуществъ, регалій и монополія—обыкновенные доходы. Ихъ должно хватать на обыкновенныя ежегодныя нужды правительства (и самоуправленія, которое также имѣетъ собственность и собираетъ въ установленномъ порядкѣ налоги на мѣстныя нужды). Но у государства всегда находятся такія задачи, осуществить которыя въ одинъ годъ нельзя. Такова, напримѣръ, постройка необходимой для государства желѣзной дороги. До ея окончанія никто ею пользоваться не будетъ, а продолжаться это пользованіе будетъ десятки и болѣе лѣтъ. Для подобныхъ предпріятій прибѣгаютъ къ *государственнымъ займамъ*, при чемъ проценты и погашеніе долга раскладываются на многіе годы. Займы заключаются или за границей, или внутри страны.

Кромѣ того, государство призываетъ гражданъ къ отбыванію *натуральныхъ повинностей*. Важнѣйшая изъ нихъ — воинская. Иногда государство требуетъ натуральной повинности для быстраго исправленія путей сообщенія, и т. д.

Особенностью государственнаго хозяйства является еще то, что *расходы* государства (необходимые) опредѣляютъ его *доходы*. Иными словами: если государству предстоятъ неожиданныя издержки, то оно вынуждено или увеличить налоги, или прибѣгнуть къ займу; если расходы сокращаются, то въ соотвѣтствіе съ этимъ могутъ быть уменьшены тѣ или другія подати, потому что государству копить деньги незачѣмъ.

Необходимо, разумѣется, заранѣе сообразить, по силамъ ли государству предположенные расходы, и изъ какихъ источниковъ надо покрыть ихъ. Всѣ министерства (о нихъ мы говорили) представляютъ свои смѣты. Министерство финансовъ ихъ разсматриваетъ и вырабатываетъ роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ (*бюджетъ*). Если обыкновенныхъ доходовъ при этомъ не хватаетъ, то приходится прибѣгать къ займу или увеличивать на слѣдующій годъ налоги, и тогда получается недоборъ (*дефицитъ*). Конечно, это явленіе ненормальное, котораго правительства избѣгаютъ.

X.

Государство, о которомъ мы говорили, вступаетъ въ сношенія съ другими государствами, заключаетъ съ ними договоры торговые, литературные (о переводахъ или воспроизведеніи картинъ и т. д.). Приходится иногда полюбовно опредѣлять границы между государствами, условливаться о выдачѣ бѣжавшихъ преступниковъ и о многихъ другихъ вопросахъ. Это — область *международнаго права* (междугосударственнаго и частнаго).

Въ послѣднее время все большіе и большіе успѣхи имѣетъ благородная мысль о разрѣшеніи споровъ между государствами не войною, а третейскимъ судомъ. Несмотря на то, что наше время какъ будто не благопріятствуетъ идеѣ всеобщаго мира, идея эта медленно, но побѣдоносно завоевываетъ сознаніе образованнаго человѣчества.

Приведенныя свѣдѣнія могутъ служить маленькимъ введеніемъ къ изученію права, его элементарною, общедоступною *энциклопедіею*. Кто заинтересуется затронутыми здѣсь вопросами, тотъ долженъ познакомиться съ *исторіей философіи права*. Для этого можно рекомендовать книгу профессора Коркунова: *Исторія философіи права* (второе изданіе) *).

Всѣ юридическія явленія, всѣ теоріи права находятся въ живой связи съ другими явленіями общественной жизни, съ успѣхами другихъ отраслей знанія и съ общимъ ходомъ философской мысли. И каждый человѣкъ долженъ быть причастенъ интересамъ права, т.-е. идеямъ справедливости и человѣческаго достоинства.

В. Гольцевъ.

*) Сочиненіе это можно рекомендовать, какъ полное и новѣйшее, но со взглядами автора часто нельзя соглашаться.

„ДУХЪ ВРЕМЕНИ“.

I.

Глубоко знаменательныя явленія въ жизни нашего общества, въ жизни нашей школы, какъ средней, такъ и народной, и вообще въ области педагогическихъ идей, переживаемъ мы теперь. Въ офиціальныхъ и частныхъ педагогическихъ собраніяхъ, въ педагогической и общей литературѣ, въ частныхъ семейныхъ кружкахъ, во всѣхъ уголкахъ необъятной Россіи обсуждаются коренные вопросы школьнаго образованія, подвергается болѣе или менѣе свободной критической оцѣнкѣ современный строй школы, составляются проекты школьной реформы. Не менѣе знаменательно и то, что авторами этихъ проектовъ «новой» школы являются одновременно и высшій государственный сановникъ, и не слышный доселѣ голосъ «изъ общества» и даже «изъ народа»; и нужно признать, что этотъ, такъ своеобразно составившійся, безъ всякихъ предварительныхъ спѣвокъ, хоръ не только не разноголоситъ, но исполняетъ свое дѣло, въ общемъ, довольно согласно и даже стройно. А самымъ характернымъ для нашего времени явленіемъ долженъ быть признанъ тотъ первоисточникъ, изъ котораго началось все это движеніе, разросшееся теперь въ общенародное, въ общегосударственное дѣло. До сего времени различные проекты разныхъ перемѣнъ, желанныхъ или нежеланныхъ, крайне необходимыхъ или же совсѣмъ безполезныхъ, ненужныхъ и даже вредныхъ, нарождались или въ кабинетѣ мечтателя-идеалиста, ученаго теоретика, журналиста и вообще руководителя общественнаго сознанія, или же въ столичной канцеляріи, при затворенныхъ плотно дверяхъ, и проводились въ жизнь лицами и учрежденіями, власть имущими. На этотъ же разъ главный толчокъ движенію дало само общество; сознаніе необходимости коренной школьной реформы со-

зрѣло, такимъ образомъ, въ жизни того самаго общества, для образованія котораго школа и создана, и содержится государствомъ.

Всѣ, призванные и добровольно примкнувшіе къ хору, голоса вполнѣ *сходятся въ одномъ*—въ своемъ недовольствѣ современною школою, въ неотложной необходимости коренныхъ реформъ въ существующей системѣ образованія. Исключеніе составляютъ развѣ только тѣ, для которыхъ лично близокъ, выгоденъ, необходимъ существующій строй: не можетъ же, напримѣръ, учитель греческаго языка подать свой голосъ за исключеніе его предмета изъ курса школы...

Необходимость реформы признается болѣе или менѣе всѣми, но въ рѣшеніи вопросовъ *что* и *какъ* измѣнить, въ какомъ *направленіи* должна быть произведена желанная реформа,—въ этомъ замѣчается, особенно же въ кругахъ педагогическихъ, значительная разноголосица, и именно въ кругахъ педагогическихъ,—само же общество и печать выражаютъ свои желанія довольно согласно и вполнѣ опредѣленно. Прислушиваясь къ сужденіямъ присяжныхъ судей—педагоговъ, можно услышать много дѣльныхъ и цѣнныхъ мыслей, не мало и мелочныхъ, узкихъ, односторонніхъ предложеній, и много-много всевозможныхъ и разнообразныхъ проектовъ; но въ этомъ хорѣ голосовъ, какъ это ни странно, намъ ни разу не привелось слышать не только о разрѣшеніи, но и о постановкѣ основного въ этомъ дѣлѣ вопроса—*о цѣляхъ образованія, объ общихъ задачахъ, какія призвана рѣшать современная школа*. Казалось бы, безъ разрѣшенія этого основного вопроса о цѣляхъ ученія, нельзя говорить и о предметахъ преподаванія, которые сами по себѣ служатъ лишь орудіемъ просвѣщенія. «Средняя школа имѣетъ своею задачею приготовить зрѣлыхъ слушателей для университета; университетъ же готовитъ научныхъ дѣятелей, ученыхъ»,—это одна цѣль, требующая для достиженія опредѣленныхъ средствъ. «И средняя, и высшая школа въ концѣ концовъ должны приготовить исполнительныхъ слугъ государства, образованныхъ и развитыхъ чиновниковъ, послушныхъ волѣ своего начальства»,—это другая цѣль, требующая другого строя ученія и воспитанія. Къ достиженію этой послѣдней цѣли довольно близко подходитъ общеизвѣстное опредѣленіе задачи всего школьнаго ученія, какъ средства «для возможно широкаго умственнаго (формальнаго) развитія ученика». Дѣйствительно, такой формально-развитой юноша скорѣе и легче всего можетъ сдѣлаться послушнымъ и угоднымъ исполнителемъ чужой

воли, и такіе дѣятели, конечно, нужны бываютъ въ общемъ обиходѣ; но можно ли выработку такихъ „характеровъ“ считать задачей воспитанія, для всѣхъ равно необходимаго, нужнаго? и всѣ ли согласятся признать достойною школы такую цѣль образованія, не откажутъ ли ей въ уваженіи? и, наконецъ, къ этому ли сводится переживаемое нами движеніе въ области общественно-педагогической? — Формальное умственное развитіе, и притомъ возможно широкое, входитъ и непремѣнно должно входить въ цѣли образованія, но одного его еще мало, такъ какъ развитіе это касается лишь одной изъ сторонъ духовной природы человѣка, оно можетъ оказаться потомъ или мертвенно-безплоднымъ, ни къ чему неприложимымъ, или же, въ зависимости отъ случая, въ одинаковой степени приложимымъ и къ возвышенно-благородной и къ узко-эгоистичной, низменной дѣятельности.—Не говоря уже о задачахъ профессіональнаго образованія, можно было бы указать и много иныхъ разнообразныхъ цѣлей, кои просвѣчиваютъ въ разсужденіяхъ о школьномъ образованіи, въ проектахъ школьныхъ реформъ,—цѣли „нравственнаго“ воспитанія, „патріотическаго“ (при чемъ нравственность и патріотизмъ понимаются крайне узко, своеобразно), воспитанія и образованія сословно-исключительнаго, традиціонно-русскаго (въ противоположность западу) и проч., и проч., и проч. Повторяемъ, школа можетъ преслѣдовать разныя цѣли, можетъ не преслѣдовать и вовсе никакихъ цѣлей, а лишь выполнять установленныя программы, но все же вопросъ о цѣляхъ ученія—коренной вопросъ, изъ котораго должны проистекать, *какъ радіусы изъ центра, къ которому должны сходиться*, коимъ должны провѣряться всѣ сужденія о выборѣ предметовъ ученія, о выборѣ матеріала изъ каждаго учебнаго предмета, о формахъ обученія, о классной дисциплинѣ, о всемъ строѣ школьной жизни, объ *отношеніяхъ школы къ семьѣ*, къ обществу и проч., и проч. Безъ разрѣшенія этого вопроса нельзя разсуждать, въ частности, чему и какъ учить въ русскомъ языкѣ, въ исторіи, въ географіи; нельзя строить проектовъ разнаго типа школъ; нельзя, наконецъ, удовлетворительно отвѣтить такъ возбужденнымъ въ настоящее время желаніямъ и ожиданіямъ общества, намѣреніямъ высшихъ руководящихъ сферъ, и очень легко можетъ случиться, что выработанные и осуществленные проекты не удовлетворятъ никого — ни общества, ни „сферъ“.

Существующею школою и прежде были недовольны, и вопросъ о *системахъ* образованія въ недавнемъ прошломъ былъ жгучимъ въ печати и въ обществѣ вопросомъ, а произведенная тогда реформа школы, не принявшая въ расчетъ желаній общества и голоса печати, какъ оказывается теперь, принесла, по сознанію всѣхъ,—и общества, и педагоговъ, и администраціи, горькіе плоды... Чтобы не повторить, по примѣру этого прошлаго, непоправимыхъ въ дѣлѣ воспитанія ошибокъ, необходимо нужно чутко прислушаться къ современной жизни, къ ея настойчивымъ требованіямъ, обобщить и опредѣлить существо этихъ требованій, согласовать ихъ съ идеальными задачами воспитанія и создать такой типъ, или нѣсколько типовъ школы, которая отвѣчала бы въ одно и то же время и общечеловѣческимъ идеаламъ, и потребностямъ современной русской жизни.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ послѣднюю четверть вѣка въ жизни всего русскаго общества и въ его воззрѣніяхъ на жизнь, а отсюда и на школу, произошли коренныя перемѣны. Кому не извѣстно, что дореформенная школа первой половины истекающаго столѣтія была не только не лучше, но и несравненно хуже нынѣшней, и въ учебномъ, и въ дисциплинарномъ отношеніяхъ; однако же, если и нельзя сказать, что ею всѣ были довольны, то во всякомъ случаѣ съ нею примирялись, молчаливо признавая необходимость суроваго ея режима. Тогдашняя школа не только не шла въ разрѣзъ, но и гармонировала съ тогдашнею жизнію, отвѣчая воззрѣніямъ большинства на жизнь и на подготовку къ ней: и жизнь, и школа были одинаково суровы, безправны; и въ школѣ, и въ жизни было одинаково мало знаній, истиннаго просвѣщенія, сознанія законности и необходимости примѣненія гуманныхъ идей; узко ограниченны, односторонни и матеріально грубы были запросы отъ жизни, таковы же были и средства, коими воспитывали дѣтей и въ семьѣ, и въ школѣ; наконецъ, государство, рѣзко раздѣляя весь русскій народъ на привилегированные и непривилегированные классы, создало школу лишь для первыхъ, и то исключительно лишь въ виду государственныхъ (а не воспитательныхъ, не общеобразовательныхъ) цѣлей, и эта школа, сообразно своей цѣли, должна была (и это она дѣлала) равнять всѣхъ, такъ сказать, подъ одинъ ранжиръ, уничтожать въ каждомъ личное, своеобразное (обезличивать), сурово дисциплинировать, „закалять", какъ тогда выражались...

Въ то „доброе, старое время“ наше „избранное“, привилегированное общество отдавало своихъ дѣтей съ единственною цѣлію открыть имъ черезъ школу доступъ къ служебно-государственной карьерѣ, и школа, сообразно своему назначенію, готовила государству послушныхъ слугъ, „безъ разсужденій“ исполняющихъ чужую волю. Правда, корень ученія былъ горекъ, но зато плоды его были осязательно для всѣхъ сладки.

Но вотъ жизнь, въ короткій сравнительно срокъ, быстро и круто измѣнилась: привилегированные классы лишились значительной доли своихъ привилегій (и, между прочимъ, исключительной привилегіи на образованіе); въ жизнь проникаютъ и примѣняются въ ней гуманныя идеи права, справедливости, равенства; въ жизненномъ обиходѣ знанія увеличиваются количественно и качественно, и предъявляемые къ жизни запросы становятся все шире и шире, расходятся и растутъ все болѣе и болѣе въ широкомъ кругу; наконецъ, на мѣсто привилегированныхъ классовъ становится то, что теперь называютъ „обществомъ“, „интеллигенціей“; школа, какъ источникъ просвѣщенія, является во всеобщемъ сознаніи необходимою для всѣхъ и каждаго, даже и для крестьянина, и государственное ея значеніе понимается уже не въ узкомъ смыслѣ приготовленія государству слугъ—чиновниковъ, офицеровъ, а въ смыслѣ приготовленія сознающихъ свой долгъ гражданъ, просвѣщенныхъ людей, честныхъ работниковъ, кои могли бы быть полезны государству и родинѣ, народу и обществу, семьѣ своей и себѣ самимъ. Школа, такимъ образомъ, по современному сознанію просвѣщеннаго общества, должна быть, по духу своему, не государственнымъ только учрежденіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и общественно-образовательнымъ, составляющимъ какъ бы приготовительный классъ къ современной жизни.

Интересы личной и общественной жизни не должны исключать (какъ въ школѣ, такъ и въ жизни) изъ себя интересовъ жизни государственной; но послѣдніе вовсе не исчерпываютъ первыхъ, а потому и не могутъ сами по себѣ ихъ и удовлетворить.

Жизнь круто и рѣзко разошлась съ прошлымъ и во многомъ по существу измѣнилась, и этотъ новый духъ обновленной жизни незримо вѣетъ повсюду, проникая во всѣ взгляды и дѣла людей, во всѣ ихъ отношенія ко всему и ко всѣмъ, и сообщается онъ въ той или другой мѣрѣ всѣмъ и каждому—отъ мала до велика; и нынѣш-

ній малецъ народной школы, и гимназистъ, и студентъ,—всѣ дышутъ этимъ новымъ духомъ новаго времени. Обновилось въ нашей жизни все, или очень многое... не измѣнилась совсѣмъ, или измѣнилась очень мало, лишь наша средняя школа, и по этому самому не отвѣчаетъ она на запросы современной жизни: по старымъ традиціямъ она все еще готовитъ, главнымъ образомъ, къ государственной службѣ. Нѣсколько улучшились въ ней за послѣдній періодъ формы обученія, смягчились формы обращенія учителей и начальниковъ съ учениками, улучшена (въ смыслѣ научномъ) и постановка нѣкоторыхъ изъ учебныхъ предметовъ,—общій же духъ школы, общій характеръ всего школьнаго образованія остался по существу тѣмъ же, чѣмъ былъ онъ и прежде. И теперь, какъ и прежде, школа заботится лишь о формальномъ развитіи своихъ учениковъ, изощряя въ нихъ мыслительныя силы и лишая реально-жизненнаго содержанія, совсѣмъ забывая о воспитывающемъ воздѣйствіи на ученика, на выработку его личнаго характера, убѣжденной воли. Наука воспитанія, а за нею и жизнь, настойчиво требуютъ, чтобы школа не только сообщала бы знанія, но и воспитывала бы въ ученикѣ самодѣятельную и самостоятельную, нравственно развитую личность, которая сама бы въ силахъ была потомъ найти для себя, по своимъ способностямъ и влеченію, жизненное дѣло, создать его для себя, если такого не было и нѣтъ, и честно пролагать себѣ жизненный путь съ убѣжденно-свободнымъ сознаніемъ своего нравственнаго долга и передъ собой, и передъ родиной. Соотвѣтственно этимъ требованіямъ, долженъ быть измѣненъ весь строй современной школы, ея внѣшняя и внутреняя дисциплина, ея предметы ученія и самое содержаніе этихъ предметовъ. Школа не должна сторониться отъ жизни, она должна итти навстрѣчу къ ней. Школа должна перенести центръ тяжести ученія съ безжизненно-формальныхъ знаній и упражненій на предметы жизненно-воспитывающіе, общепріемлемые къ жизни (не въ утилитарномъ, конечно, смыслѣ). Ученикъ долженъ, главнымъ образомъ, упражняться не въ грамматикѣ и въ формальныхъ разборахъ литературныхъ отрывковъ, знать не *древнюю* только русскую литературу (а стало-быть — и жизнь), а возможно больше упражняться въ чтеніи образцовыхъ писателей, знать новую и новѣйшую нашу литературу, чтобы по ней узнать современную жизнь съ ея положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ. Ученикъ долженъ

широко быть ознакомленъ не только съ исторіей «государства россійскаго», но и, преимущественно, съ правдивой культурной исторіей своей родины, особенно же послѣдняго ея періода,—съ ея настоящимъ общественнымъ и государственнымъ устройствомъ, съ ея основными законами (права и обязанности гражданина) съ современнымъ бытомъ и жизнію родного народа, съ природою своей родины, съ культурной исторіей другихъ европейскихъ народовъ и народовъ всего міра, съ ихъ современною жизнію, общественными и государственными учрежденіями, съ законами и жизнію природы и проч., и проч. И не только одни знанія долженъ вынести изъ школы ученикъ, школа должна облагородить и жизненно воспитать его чувства, стремленія, дать возвышающіе человѣка жизненные идеалы, выработать въ немъ доброе направленіе, сложить міросозерцаніе, чтобы онъ, выходя въ жизнь, не только зналъ, «къ чему итти, куда стремиться, въ чемъ силы юныя пытать», но и неудержимо хотѣлъ бы этого, и началъ бы осуществлять это въ своей дѣятельности. Понятно, что это обновленіе школы можетъ быть сдѣлано лишь при условіи исключенія изъ существующихъ программъ всего мертвеннаго, возможно большаго сокращенія всего того, что́ хотя и почитается необходимымъ для общаго образованія, но имѣетъ лишь условное образовательное значеніе, не какъ цѣль, а лишь какъ средство для достиженія другихъ, существенно-важныхъ, жизненныхъ цѣлей; обновленная школа потребуетъ и обновленныхъ дѣятелей—не учителей только, а доброжелательныхъ, снисходительныхъ, спеціально-подготовленныхъ къ своей дѣятельности педагоговъ, воспитателей, любящихъ дѣтей и любимыхъ ими, руководящихъ ими въ подготовкѣ къ жизни совмѣстно и согласно съ ихъ семьей, съ ихъ родителями, съ лучшими традиціями, живущими въ лучшей части просвѣщеннаго общества. Тогда-то школа и будетъ и для дѣтей, и для ихъ родителей, и для всего общества дорогимъ учрежденіемъ, и только при условіи этой нравственной связи школы съ обществомъ, при поддержкѣ общества, и возможно, и осуществимо воспитывающее воздѣйствіе школы. Наше время есть по-преимуществу время общественной борьбы съ отжившею, мертвенной, потерявшей всякій кредитъ рутиной, борьба жизни за свое законное право на законное существованіе, и школа, если она хочетъ быть жизненною, должна безповоротно отказаться отъ мертвеннаго, а потому и безплоднаго, прошлаго и открыто стать на

сторону жизни; тогда-то ей и будетъ принадлежать высокая и благотворная роль руководительницы жизни.

II.

Важное общественное дѣло, которое теперь такъ горячо обсуждается и педагогами и всѣмъ русскимъ обществомъ, касается не одной только средней мужской школы, но и школы женской, и школы начальной; и та или иная реформа средней школы, ея направленіе, ея духъ такъ или иначе отразятся на характерѣ и направленіи всего русскаго просвѣщенія, на дальнѣйшемъ жизненномъ его развитіи. Не слѣдуетъ забывать, что то самое обновленіе и то самое движеніе, которое переживало до сихъ поръ и переживаетъ теперь русское образованное общество, незримо для поверхностнаго наблюдателя совершилось и совершается и въ тайникахъ народной жизни. И, что всего замѣчательнѣе, поступательное въ сторону просвѣщенія движеніе идетъ и здѣсь совершенно въ томъ же направленіи,—и здѣсь предъявляются такіе же широкіе жизненные запросы къ школѣ, и не только къ школѣ, но и ко всѣмъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ, каковы школьныя и народныя библіотеки и читальни, публичныя чтенія, книжные склады, книгоиздательство для народа, народный театръ, литературные и музыкальные вечера, просвѣтительныя учрежденія для народныхъ учителей, курсы для нихъ, съѣзды, и проч., и проч. Для народа требуется, въ доступныхъ ему предѣлахъ, то же самое жизненное просвѣщеніе, какъ и для «общества», такъ какъ современная жизнь стремится слить общество и народъ въ одно нераздѣльное цѣлое; и особенно знаменательно то, что эти просвѣтительные запросы предъявляетъ въ настоящее время непосредственно уже и самъ народъ—въ своихъ желаніяхъ, въ своихъ симпатіяхъ къ истинно просвѣтительнымъ учрежденіямъ, въ своихъ посильныхъ дѣйствіяхъ на устроеніе и поддержку этихъ учрежденій.

Какъ, сравнительно, ни мало лѣтъ существуетъ наша народная школа, возникшая 3—4 десятка лѣтъ тому назадъ, но она уже много пережила и складывается всѣ болѣе и болѣе въ опредѣленный жизненный типъ. Лучшая часть нашего руководящаго общества пережила уже несправедливый и оскорбительный для народа взглядъ, что народная школа должна быть не чѣмъ инымъ, какъ «*му-*

жигцкой» школой, — по убѣжденію нашего времени, народная школа—всесословная школа, и всѣ народно-просвѣтительныя учрежденія—это первый, общій и одинаковый для всѣхъ, основной концентрическій кругъ умственнаго и нравственнаго развитія, въ то же время это и первая ступень, возводящая къ дальнѣйшему образованію, или во всякомъ случаѣ—къ самообразованію. Народная школа, по сознанію общества и самого народа, не должна быть профессіональной школой и вообще не должна усвоивать себѣ какого-либо *спеціальнаго* и *односторонняго* направленія,—она должна быть школой *общеобразовательной*, развивающей всѣ стороны духовной природы человѣка и въ то же время отвѣчающей и на запросы жизни. Народъ нуждается, несомнѣнно, въ профессіональномъ образованіи, но это образованіе должно созидаться лишь на основѣ образованія общаго. Наша народная школа («новая», какъ ее когда-то называли), возбуждавшая въ народѣ, въ первые дни своего существованія, новизною формъ и предметовъ ученія, удивленіе, а иногда и протесты, въ настоящее время признается самимъ народомъ *своею* школою, ея формы и предметы ученія одобряются народомъ, а ея общеобразовательный характеръ утвержденъ теперь и самимъ правительствомъ. Правительство же ставитъ школѣ въ обязанность примѣняться къ условіямъ мѣстной жизни, столь разнообразной въ различныхъ областяхъ обширной Россіи, предоставляетъ школѣ право расширять свой курсъ, какъ во времени (свыше трехъ лѣтъ), такъ и въ программахъ ученія—до самостоятельной постановки каждаго изъ общеобразовательныхъ предметовъ, каковы—исторія, географія, свѣдѣнія о природѣ и проч. Народная школа въ сознаніи общества и народа—школа по-преимуществу *земская*, не по участію только земства въ матеріальныхъ на нее расходахъ, но и по заботамъ земства о преуспѣяніи ея, по контролю ея просвѣтительной дѣятельности; если въ этомъ отношеніи земство пока и мало еще имѣетъ формальныхъ правъ на *свою* школу, зато у него много на нее правъ нравственныхъ. Въ послѣднее время, наконецъ, всѣ пришли къ непререкаемому убѣжденію, что народное просвѣщеніе есть необходимая основа духовнаго и матеріальнаго преуспѣянія не только самого народа, но и всего общества и государства, и потому первоначальное образованіе должно быть если не обязательнымъ, то во всякомъ случаѣ всеобщимъ, для всѣхъ равно доступнымъ и осуществимымъ,

чтобы каждый изъ гражданъ (кто бы онъ ни былъ по своему званію и состоянію), стучащійся въ двери школы, не получалъ бы отказа на принадлежащее ему по закону право образованія.

Всѣ эти нравственныя пріобрѣтенія наша народная школа завоевала себѣ подъ вліяніемъ жизни, при руководительствѣ просвѣщенной и безкорыстной части образованнаго русскаго общества. И пріобрѣтенія эти можно считать прочными уже по одному тому, что значеніе ихъ теперь признано, ихъ благо стало непререкаемой аксіомой не только для просвѣщеннаго общества, но и для самого народа.

И народъ въ настоящее время, руководимый жизнію и нѣкоторымъ уже опытомъ, предъявляетъ къ школѣ все болѣе и болѣе широкія разумныя требованія относительно наилучшей постановки школьнаго ученія и воспитанія,—въ смыслѣ расширенія программы ученія, въ смыслѣ заботливаго вниманія къ духовнымъ потребностямъ учениковъ, удовлетворенія школою развивающихся и въ народѣ потребностей жизни и даже—гуманнаго отношенія къ дѣтямъ. Какъ ни тяжелы и неприглядны условія жизни нашего народа, тѣмъ не менѣе, онъ за послѣдній періодъ значительно ушелъ впередъ въ своемъ культурномъ развитіи, значительно ушелъ впередъ и въ своихъ запросахъ на истинное просвѣщеніе. Тотъ самый народъ, который не болѣе какъ три десятка лѣтъ тому назадъ признавалъ школу дѣломъ барскимъ и для себя ничего другого не желалъ, кромѣ церковной грамоты, умѣнья читать Часовникъ и Псалтирь, и единственнымъ средствомъ, побуждающимъ дѣтей къ ученью, почиталъ *лозу*,—этотъ народъ безошибочно, не хуже насъ, отличаетъ теперь хорошую школу отъ плохой, „*настоящаго*“ учителя, разумнаго, дѣльнаго и добраго, отъ учителя самодѣльно-доморощеннаго, желающаго лишь получать рубли, этотъ бѣдный народъ, когда ему представится хоть нѣкоторая возможность выраженія своихъ симпатій,—не скупится въ земскихъ собраніяхъ на средства и соглашается на болѣе чѣмъ щедрыя ассигновки на земскую школу, на земскія библіотеки и проч. И здѣсь, въ народѣ, какъ и въ просвѣщенной части нашего общества, идетъ глухая и настойчивая борьба обновленной жизни, принесшей съ собою закономѣрно-свободолюбивые и просвѣтительно-культурные запросы и настойчивыя требованія, борьба съ старыми и отжившими, безжизненными теперь формами, борьба свѣта съ вѣковою тьмою, борьба освобожденной личности за предоставленныя ей закономъ и

жизнію права. Исходъ этой борьбы угадать не трудно: „тьма пускай еще ярится,—день взойдетъ могучъ"... „Воля, братья, это только первая ступень въ царство мысли, гдѣ сіяетъ вѣковѣчный день".— Пусть даже предстоящая реформа средней школы не отвѣтитъ вполнѣ всеобщимъ жгучимъ чаяніямъ, пусть народная школа и вообще народное просвѣщеніе еще и еще будутъ задерживаться въ своемъ жизненномъ развитіи,—но рано или поздно жизнь свое возьметъ, и эти задержки лишь увеличатъ потомъ силы и размахъ противоестественно задержаннаго движенія. Порукою служитъ все наше прошлое,—и историческія наши эпохи,—каково время Петра Великаго, Александра II, такъ, въ частности, и пережитая такъ недавно нами безплодная и даже горькая по своимъ результатамъ реформа средней школы. Такъ, суровая зима крѣпко сковываетъ землю и останавливаетъ ростъ посѣянной съ осени озими; но жизненные и здоровые ростки не только не гибнутъ подъ снѣгами въ промерзшей землѣ, но еще кустятся, запасаются новыми жизненными средствами къ дальнѣйшему своему развитію, и, при первомъ же блескѣ свѣтлаго и теплаго весенняго солнца, неудержимо развиваются съ новою и бо́льшею мощью и являются во всей своей жизненной силѣ и красѣ.

Д. И. Тихомировъ.

Объ играхъ и игрушкахъ.

I.

Не такъ еще давно въ нашемъ обществѣ не только на игрушки, но даже и на дѣтскую литературу смотрѣли только какъ на забаву. Теперь правильный взглядъ на дѣтскую литературу болѣе или менѣе уже установился, начинаютъ измѣняться и взгляды на игры и игрушки дѣтей, хотя до сихъ поръ сужденія, высказываемыя по этому предмету, довольно разнорѣчивы и порою обнаруживаютъ отсутствіе правильнаго пониманія педагогическихъ задачъ.

Одни, увлекаясь «новыми игрушками», явившимися, какъ результатъ запросовъ воспитанія, съ одной стороны, и какъ продуктъ прогрессирующей промышленности въ Европѣ—съ другой, готовы отречься отъ старыхъ игрушекъ, на которыхъ выросло столько поколѣній, и огульно отвергаютъ «лошадокъ, зайцевъ, новозочки и барабаны». Другіе, наоборотъ, не взирая на запросы времени, не вникая въ задачи воспитанія, негодуютъ на новизну и вооружаются противъ всего новаго.

Наконецъ, есть люди, которые думаютъ, что игрушки совсѣмъ не такъ и нужны дѣтямъ, и что случайно попавшіеся подъ руку ребенка предметы являются гораздо полезнѣе всякихъ игръ и замысловатыхъ игрушекъ.

Несомнѣнно, и первые, и вторые, и третьи имѣютъ много и за и противъ. Искренно любя дѣтей и долгое время состоя при игрушечномъ дѣлѣ, мнѣ хотѣлось бы попробовать установить болѣе или менѣе правильное отношеніе къ предметамъ забавы, развлеченія и развитія «маленькихъ человѣчковъ».

Міръ принадлежитъ взрослымъ; но и у дѣтей есть свой особенный міръ, въ которомъ они проявляютъ себя и умными, и добрыми, и великодушными. Этотъ міръ они создаютъ себѣ сами, въ немъ они

живутъ и развиваютъ свои наклонности, подражая дѣйствительной жизни въ самыхъ разнообразныхъ ея формахъ. Если мы будемъ наблюдать ребенка въ теченіе дня, то замѣтимъ, что ни одной минуты у него не проходитъ безъ игры или занятія: то онъ скачетъ на палочкѣ верхомъ и машетъ кнутомъ, то сидитъ на полу, воображая, что плыветъ въ лодкѣ, то прыгаетъ на одной ногѣ, то рисуетъ, то складываетъ, то строитъ и т. п.; а если онъ не играетъ,—это значитъ, что онъ усталъ, и тогда онъ начинаетъ капризничать и ссориться съ братьями, съ товарищами.

Если взрослымъ не слѣдуетъ слишкомъ вмѣшиваться въ дѣтскую игру и этимъ стѣснять полетъ дѣтскаго воображенія и, такимъ образомъ, мѣшать самостоятельному развитію творчества въ ребенкѣ, то во всякомъ случаѣ дѣло взрослыхъ—придти въ этомъ дѣлѣ на помощь дѣтямъ и направить ихъ игру такъ, чтобъ она, не утомляя ребенка, наполняла весь его досугъ, не оставляя времени праздности и капризамъ, такъ пагубно дѣйствующимъ на натуру дитяти. Дайте ребенку игру, которая доставитъ ему много движенія для развитія силъ и укрѣпленія здоровья, дайте что-либо такое, въ чемъ онъ нашелъ бы интересъ для своего маленькаго ума и удовлетвореніе для неудержимаго, постояннаго стремленія къ творчеству и, наконецъ, дайте ему игрушку, въ которой онъ могъ бы найти удовлетвореніе своимъ природнымъ инстинктамъ и склонностямъ.

Люди, увѣряющіе, что самыми полезными игрушками являются никому ненужные обломки вещей, обрѣзки бумажекъ, древесныя стружки, щепочки и палочки и т. п., доказываютъ, что подобный матеріалъ для забавы развиваетъ въ дѣтяхъ изобрѣтательность; можетъ быть, это и такъ, но несомнѣнно, что отъ природы нужно быть очень изобрѣтательнымъ, чтобъ съ пользою забавляться этимъ скуднымъ матеріаломъ, и нужно видѣть вокругъ себя во всемъ самую строгую простоту жизненной обстановки и потребностей чтобы удовлетвориться этими отбросами, а тѣмъ болѣе—заинтересоваться ими.

Я думаю, подобныя игрушки болѣе всего пріятны для иныхъ родителей съ точки зрѣнія экономіи во всемъ, что касается вдумчиваго и цѣлесообразнаго воспитанія дѣтей. Вѣроятно, Плюшкинъ руководствовался тѣми же педагогическими взглядами, подаривъ своему внуку пуговицу въ качествѣ игрушки.

II.

Что игрушки составляютъ большую необходимость дѣтской жизни,—это доказываетъ сама жизнь, это очевидно каждому, и вопросъ заключается не въ томъ, нужны или не нужны игрушки, а въ томъ, какими онѣ должны быть.

Первая игрушка, вѣроятно, появилась на свѣтъ вмѣстѣ съ первымъ ребенкомъ. Въ могилахъ древнихъ кельтовъ были найдены дѣтскія гремушки; въ древнихъ Семтаврскихъ могилахъ проф. Самоквасовымъ была найдена эта игрушка, сдѣланная въ видѣ голубя съ горошиною внутри; гремушку же дѣлаетъ и каждая крестьянка для своего ребенка,—для чего пользуется или отслужившимъ свою службу рожкомъ, или высушеннымъ гусинымъ горломъ, согнутымъ въ кольцо.

Еще Аристотель утверждалъ о необходимости изобрѣтенія *пригодныхъ* игрушекъ для дѣтей. Если дѣти въ своихъ играхъ, съ одной стороны, подражаютъ взрослымъ и отражаютъ въ игрѣ, какъ въ зеркалѣ, жизнь общества или народа, то съ другой стороны, въ этихъ же играхъ они проявляютъ и личныя природныя склонности ума и характера, здѣсь сплошь и рядомъ обнаруживается направленіе всей будущей дѣятельности человѣка,—дѣло же воспитанія—не упустить изъ виду тѣхъ наклонностей, къ творчеству и дѣятельности, которыя выражаются въ игрѣ, направить игру такъ, чтобы природныя способности ума и добрыя наклонности сердца развивались и крѣпли, выбрать соотвѣтственно характеру, вкусу и силамъ ребенка пособія для забавы, игры и дѣятельности. Всѣ эти пособія сообразно дѣятельности ребенка распадаются на три основныхъ группы: игрушки, занятія и игры.

Игрушки есть или пособія для упражненія внѣшнихъ чувствъ, какъ-то гремушки, свистульки, цвѣтные мячики и пр., или изображенія окружающихъ насъ предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ, служащія орудіями для воспроизведенія въ игрѣ окружающей жизни. Такъ, кукла изображаетъ человѣка—сестру, брата, ребенка, и потому имѣетъ огромное педагогическое значеніе, воспитывая чувство и способствуя развитію и укрѣпленію семейно-нравственныхъ инстинктовъ. Намъ случалось не разъ слышь мнѣніе, что въ играхъ

дѣвочки серьезны и придаютъ этимъ занятіямъ больше значенія, чѣмъ мальчики. Это можно сказать только относительно игры въ куклы, но не вообще. Дѣйствительно, у мальчиковъ нѣтъ игры, въ которой они съ такой полнотою проходили бы школу будущей жизни. Причину этого явленія отыскать нетрудно; мальчики по своей природѣ болѣе склонны къ сильнымъ физическимъ движеніямъ, и игры съ игрушками рано отходятъ у нихъ на второй планъ, тогда какъ дѣвочка чуть не до юношескаго возраста способна увлекаться своими куклами. Самая сфера жизни дѣвочки, будущей женщины, гораздо уже, чѣмъ мальчиковъ, и легче воплощается въ одну серьезную, полную значенія и смысла игру.

Окружающая обстановка въ этомъ отношеніи тоже болѣе благопріятствуетъ дѣвочкамъ, чѣмъ мальчикамъ, и особенно городскимъ мальчикамъ—дѣтская, столовая, мать и няня—вотъ область подражанія дѣвочекъ въ ихъ играхъ въ куклы. Дѣятельность же взрослаго мужчины, которая должна бы служить мальчику предметомъ для подражанія, совершается по бо́льшей части внѣ дома; и дѣти не имѣютъ возможности видѣть отца, брата и др. за какимъ-либо настоящимъ дѣломъ. По этимъ ли, или по другимъ причинамъ—игрушки занимаютъ мальчика лишь въ раннемъ дѣтствѣ, скоро уступая мѣсто играмъ подвижнымъ и общественнымъ. Однако, въ возрастѣ отъ 3-хъ и почти до 7 лѣтъ мальчики играютъ въ солдатики, полотеры, дворники, извозчики и т. п. съ не меньшимъ увлеченіемъ, чѣмъ дѣвочки своими куклами, и у нихъ есть своя излюбленная игрушка—лошадь.

Но опять-таки куклѣ посчастливилось больше, чѣмъ лошадкѣ,—войдите въ любой изъ игрушечныхъ магазиновъ, и вы найдете для куколъ посуду чайную, столовую и кухонную, найдете ванны, умывальники, кроватки, мебель для куколъ; между тѣмъ, къ лошадкѣ вы не найдете подбора экипажей, кучера, сбруи, не говоря уже о конюшняхъ, ясляхъ, ведрахъ, земледѣльческихъ орудіямъ, тогда какъ для куклы можно достать соотвѣтственной величины флаконъ одеколона и вѣеръ.

Посмотрите, въ какую расфранченную даму превратили наши торговцы классическую куклу! И эта крайность въ погонѣ за красотою и роскошью безусловно вредна. Эти разодѣтыя въ яркіе цвѣта бархата и шелка куклы, снабженныя всѣмъ гардеропомъ, могутъ пагубно

дѣйствовать на дѣтскую душу, прививая страсть къ нарядамъ и роскоши съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Не только куклы, но и вообще игрушки, роскошно украшенныя, слишкомъ хорошо и слишкомъ реально сдѣланныя, должны быть признаны безусловно вредными и непригодными для дѣтскихъ игръ,—первыя могутъ прививать дурныя наклонности, а вторыя и третьи исключаютъ возможность иллюзіи, убиваютъ фантазію, которая одна можетъ сдѣлать дѣтскую игру и содержательной, и безконечно интересной. Но изъ этого не слѣдуетъ, что желательнѣе уродливыя, нелѣпыя и безсмысленныя игрушки, какъ, напр.: слоны, покрытые черною курчавою шерстью, какъ у пуделя, зайцы, играющіе на барабанѣ, коровы, скачущія на манеръ сороки и т. п. Въ одномъ изъ большихъ игрушечныхъ магазиновъ Петербурга, лѣтъ пять тому назадъ, мнѣ случилось видѣть куклу, снабженную сбоку двумя веревочками; при употребленіи одной изъ нихъ она кричала «папа, мама», при употребленіи же другой она испускала крикъ, и мгновенно прелестное ея личико превращалось въ черную физіономію негра.

Несомнѣнно, всѣ подобныя игрушки прямо вредны, какъ внушающія нелѣпыя представленія съ одной стороны, какъ нарушающія эстетическое чувство—съ другой. Въ подобныя игрушки дѣти и не играютъ, и игрушки эти служатъ для дѣтей лишь предметомъ удивленія, да и то на самое короткое время.

Игрушки должны быть сдѣланы просто, но неуродливо; онѣ должны быть вполнѣ понятными, знакомыми для дѣтей предметами; онѣ должны быть таковы, чтобы вполнѣ легко могли примѣняться ко всѣмъ изгибамъ дѣтской фантазіи; такъ, простая кукла, подчиняясь этой фантазіи ребенка, говоритъ все,—она и плачетъ, зоветъ маму и няню, проситъ кушать и т. д.

Наша игрушечная промышленность, гоняясь за новизною, старается увлечь взрослыхъ виртуозностью своихъ выдумокъ, мало думая о дѣтяхъ; она хочетъ знать и видѣть, что тѣ простыя игрушки, которыми пользовались дѣти въ глубочайшей древности, живутъ и до сихъ поръ—какъ гремушки, каталки, простыя куклы, лошадки, животныя и проч. Игрушки же съ разными чудовищными превращеніями скоро отживаютъ свой вѣкъ, къ сожалѣнію, очень часто замѣняясь и вновь замѣняясь новыми причудами скоропроходящей моды.

III.

Второй большой отдѣлъ пособій для дѣтскаго развлеченія заключаетъ въ себѣ такъ называемыя «занятія и работы», т.-е. приборы, если можно такъ выразиться, служащіе для практическаго элементарнаго знакомства съ силами и явленіями природы (устройство фонтана, приборы для химическихъ опытовъ, опытовъ съ электричествомъ и проч.), съ устройствомъ наиболѣе распространенныхъ машинъ и механизмовъ и знакомство съ элементарными ручными работами.

Этотъ родъ занятій и развлеченій, очевидно, заслуживаетъ глубокаго вниманія и сочувствія.

Воспитатель одинаково долженъ слѣдить за физическимъ, умственнымъ и моральнымъ развитіемъ дѣтей, и различныя практическія занятія и ручныя работы являются ему на помощь, какъ превосходное воспитательное средство. Не говоря уже о томъ, что ручныя работы и практическія занятія удовлетворяютъ врожденной потребности дѣтей въ творчествѣ и дѣятельности, они развиваютъ ребенка физически, сообщая необходимую сноровку рукамъ, пріучаютъ его къ порядку, точности, чистотѣ и опрятности, научаютъ терпѣнію и настойчивости въ достиженіи извѣстнаго результата, упражняя, такимъ образомъ, и волю ребенка.

Амосъ Коменскій говоритъ: «Пусть дѣти будутъ, какъ муравьи, которые постоянно ползаютъ, несутъ, тащатъ, складываютъ, перекладываютъ. Дѣти съ удовольствіемъ строятъ, лѣпятъ изъ глины, изъ щепокъ деревянные или каменные дома, что составляетъ уже начало строительнаго искусства. Если дѣти хотятъ играть и могутъ это дѣлать безъ вреда себѣ, лучше помогать имъ въ этомъ, чѣмъ воспрещать, такъ какъ праздность вредна для тѣла и для духа. Четвертый, пятый и шестой года полны ручного (строительнаго) труда. Если ребенокъ постоянно сидитъ спокойно, то это вовсе не хорошій признакъ: бѣготня и непрестанная возня доказываютъ здоровое тѣло и бодрый духъ. Поэтому слѣдуетъ радоваться всѣмъ стремленіямъ дѣтей къ дѣятельности и стараться, чтобы все, что они дѣлаютъ, принимало разумныя формы».

Кому изъ воспитателей не приходилось наблюдать, какъ всѣ маленькія дѣти мало думаютъ и много дѣлаютъ: это постоянное стре-

мленіе къ дѣятельности и творчеству не должно быть заглушаемо при первомъ удобномъ случаѣ, а должно быть разумно направлено и удовлетворено.

Кому не извѣстно, какъ воспріимчивы и впечатлительны дѣти; кто не знаетъ, какъ глубоко всякое добро и зло западаетъ въ дѣтскую душу, какъ крѣпко прививаются хорошія и дурныя привычки. А между тѣмъ мы не можемъ сказать, чтобъ въ сознаніе нашего общества проникъ надлежащій серьезный взглядъ на эту сторону воспитанія.

Сплошь и рядомъ родители, замѣтивъ въ своемъ ребенкѣ и любознательность, и наклонность къ умственной работѣ, заваливаютъ его книжками, которыя и поглощаются съ жадностью маленькимъ чтецомъ; родители приходятъ въ восторгъ отъ своего «умницы», который такъ много читалъ и говоритъ, какъ большой, съ увлеченіемъ разсказываютъ о такомъ необыкновенномъ развитіи; но они забываютъ, что необыкновенное развитіе хорошо только въ феноменальныхъ дѣтяхъ, а обыкновеннымъ оно не проходитъ даромъ, и та скороспѣлость, которую иные родители готовы принять чуть не за геніальность, приноситъ печальные результаты. А между тѣмъ сколько умственныхъ, не отвлеченныхъ, но чисто практическихъ, реальныхъ развлеченій мы можемъ предоставить дѣтямъ.

Амосъ Коменскій говоритъ, что «четвертый, пятый и шестой года полны ручного (строительнаго) труда», наклонность же къ практическому изслѣдованію окружающихъ явленій природы и наблюдательность обнаруживаются еще раньше. «Когда вы посадите ребенка въ ванну и предоставите въ его распоряженіе игрушки, то вы легко убѣдитесь, что способъ его забавы—не тотъ обычный, который за нѣсколько минутъ вы видѣли, а совершенно особый: ребенокъ дѣлаетъ попытки потопить плавающіе предметы, а опустившіеся на дно заставить плавать; однимъ словомъ, онъ изучаетъ гидростатическія свойства своихъ игрушекъ, и только эта идея интересуетъ его теперь въ игрушкахъ» *); бросаніе камешковъ въ воду, пусканіе мыльныхъ пузырей, устройство фонтана, динамическіе легкіе опыты, опыты съ электричествомъ, съ центробѣжною машиною и проч. относятся къ развлеченіямъ этого же рода. Само собою разумѣется, что всѣ только что указанныя занятія могутъ быть примѣняемы на практикѣ

*) Сикорскій—„Воспитаніе въ возрастѣ перваго дѣтства“.

лишь при существованіи пригодныхъ для этого пособій. Люди, увѣряющіе, что полезнѣе дѣтямъ играть тѣмъ, «что̀ попадется подъ руку», т.-е. разными обрѣзками и обломками, обыкновенно, все свое упованіе возлагаютъ на дѣтскую *фантазію* и *вдохновеніе*, которыя въ этомъ случаѣ есть нечто иное, какъ простое желаніе оправдать свое равнодушіе къ запросамъ дѣтской жизни и воспитанія». Всякому извѣстно, что не все только полезное попадается дѣтямъ подъ руку, и что воображеніе и фантазія очень часто приводятъ дѣтей и къ порокамъ. Прямая обязанность воспитателя—устранить, «что̀ попадется подъ руку», замѣнить случайное пригоднымъ для дѣтской игры и дѣятельности пособіемъ, а фантазію и воображеніе направить на все благое.

Изобрѣтательность, какъ и все въ мірѣ, подчиняется закону постепенности, а отъ сохи, бороны и родимой дубинушки далеко до паровоза и телефона. Нашимъ дѣтямъ трудно быть изобрѣтательными, эстетичными, практически-дѣятельными, потому что отцы ихъ слишкомъ игнорируютъ развитіе этихъ способностей, и сами не могутъ передать этихъ качествъ своему потомству ни путемъ примѣра, ни путемъ наслѣдственности. Поэтому-то только что названныя свойства человѣческой души требуютъ особеннаго и тщательнаго вниманія воспитателей.

Практическія занятія ручными работами смолоду пріучатъ нашихъ дѣтей владѣть своими руками, научатъ заниматься порой и простымъ, не мудренымъ дѣломъ, что поставитъ ихъ ближе къ окружающей реальной жизни, въ которой они будутъ въ состояніи потомъ принять и активное участіе. Юноша, а впослѣдствіи мужчина, перестанетъ быть въ семьѣ гостемъ, иногда очень тяжелымъ, онъ будетъ въ состояніи раздѣлять съ семьей различныя домашнія заботы и занятія.

Ручныя же работы эстетическаго характера, какъ-то рисованіе, плетеніе, выжиганіе, живопись брызгами и т. п., способствуютъ развитію эстетическаго вкуса.

Теперь мы остановимся на вопросѣ, какія именно занятія и работы слѣдуетъ давать дѣтямъ, и что̀ сдѣлала промышленность въ этомъ направленіи?

Говоря объ издѣліи игрушекъ, мы не различали, что̀ въ этой области издѣлій получается изъ-за границы, и что̀ производится въ Россіи. Теперь же, задавая вопросъ,—что̀ сдѣлала промышленность по

отношенію къ образовательнымъ занятіямъ, мы должны придти къ заключенію: въ Европѣ сдѣлано въ этомъ направленіи много, въ Россіи же очень и очень мало. Это объясняется просто: промышленность всегда находится въ прямой зависимости отъ спроса.

Если въ Европѣ идеи Песталоци и Фребеля глубоко проникли въ сознаніе общества и крѣпко пустили свои корни, то у насъ въ массѣ общества самое имя Фребеля соединено съ смутнымъ представленіемъ о чемъ-то въ высшей степени методическомъ и скучномъ, и необходимость ручныхъ дѣтскихъ работъ и занятій у насъ вообще мало сознается. Все же спросъ на издѣлія этого рода съ каждымъ годомъ увеличивается, и за послѣднія 25 лѣтъ и у насъ кое-что сдѣлано въ этомъ отношеніи. У насъ даже существуютъ издательскія фирмы съ педагогическимъ направленіемъ, которыя не только вырабатываютъ издѣлія этого рода, но, какъ бы, и служатъ распространителями извѣстныхъ воспитательныхъ идей, путемъ пропагандированія своихъ изданій, снабженныхъ дидактическими объясненіями.

Существуетъ мнѣніе, что дѣти не любятъ ручныхъ работъ и занимаются ими неохотно. Если это такъ, то вина въ этомъ взрослыхъ. Все искусство воспитателя заключается въ томъ, чтобъ пріучить ребенка быть всегда дѣятельнымъ.

Чтобъ ребенокъ охотно занимался разными работами, онѣ непремѣнно и прежде всего должны быть *легки*, но не должны навсегда оставаться на одной степени легкости, а подвигаться впередъ, медленно и постепенно.

Занятіе должно быть *интересно* для ребенка; если вы его заставите склеить какой-нибудь кубъ или цилиндръ, вы только утомите его и, не доставивъ ему удовлетворенія этой работой, отвратите его отъ нея на будущее время; но дайте ему склеить домикъ или конюшню, куда могутъ помѣщаться его игрушечныя коровы и лошадки, и, если матеріалъ, изъ котораго онъ это дѣлаетъ, не представляетъ изъ себя куска скучнаго, сѣраго картона, а хорошенькую хромолитографію, то ребенокъ будетъ вполнѣ удовлетворенъ и заниматься будетъ *охотно* и *весело*. Конечно, если вы въ первый разъ въ жизни дадите ему въ руки клей и кисть, то онъ перемажетъ и руки, и платье, и только загрязнитъ и испортитъ ту хромолитографію, которая должна была доставить ему удовольствіе. Но если ребенокъ раньше, на болѣе простыхъ работахъ, когда вырѣзывалъ солдатиковъ или

звѣрей и приклеивалъ ихъ къ подставкамъ, пріобрѣлъ нѣкоторые навыки, то онъ сумѣетъ уже выполнить и болѣе сложное дѣло.

Такая же постепенность необходима и во всѣхъ дѣтскихъ работахъ: и въ постройкахъ, и въ выкладываніи мозаики, въ рисованіи, сколачиваніи и пр. Если вы строго будете соблюдать эту постепенность и доставлять дѣтямъ занятія, постепенно ихъ осложняя, то сами не замѣтите, какой найдете здѣсь богатый матеріалъ для производительнаго наполненія времени дѣтей и избѣгнете безцѣльнаго заваливанія дѣтской игрушками, которыми ребенокъ не занимается, какъ часто жалуются родители.

Изъ сказаннаго совсѣмъ не слѣдуетъ выводить заключенія, что дѣтей нужно занимать только пріятнымъ и легкимъ,— нѣтъ, нужно только искусно заставлять ихъ и охотою превозмогать *посильныя* трудности и непріятное въ занятіяхъ, увлекая дѣтей ожидаемымъ пріятнымъ результатомъ дѣла.

Дѣти любятъ, чтобъ изъ ихъ работы выходило что́-нибудь годное, какая-нибудь вещь,—они, какъ и взрослые, не любятъ безцѣльнаго труда. Интереснѣе всего, конечно, сдѣлать какую-нибудь игрушку, которой съ удовольствіемъ можно играть, нарисовать или выплести картинку, которую можно повѣсить на стѣну въ дѣтской и т. п.

Лучшими пособіями будутъ тѣ, которыя, удовлетворяя всѣмъ названнымъ выше требованіямъ, дадутъ хорошій и богатый матеріалъ для творчества дитяти, облегчатъ ему эту творческую работу толковыми указаніями (рисунки, образцы и наставленія) и будутъ интересны для дѣтей по своему смыслу или содержанію, а будетъ ли это рисованіе, плетеніе или что́ другое,—это все равно.

Къ сожалѣнію, у насъ не существуетъ систематическаго указателя пособій этого рода; правда, есть указатель П. Литвинскаго, но онъ слишкомъ общаго характера и цѣли не достигаетъ; нѣтъ тѣхъ педагогическихъ музеевъ, о которыхъ говорилъ еще покойный д-ръ Покровскій, въ нашихъ женскихъ гимназіяхъ; воспитаніе въ семьѣ вообще мало трактуется, и въ учебникахъ педагогики не отведено ни одной страницы для обзора игръ, игрушекъ и ручныхъ занятій, какъ воспитательныхъ орудій. Въ педагогическомъ журналѣ и другомъ органѣ печати не отводится мѣста критическимъ обзорамъ произведеній промышленности этого рода.

И даже болѣе. Дѣлавшіе таковую попытку брались за работу, совершенно не освоившись съ предметомъ, и нерѣдко впадали въ досадныя ошибки. Я позволю себѣ указать на нѣсколько подвернувшихся мнѣ подъ руку примѣровъ этого невѣдѣнія: г-жа Водовозова въ концѣ своей прекрасной книги «Умственное и нравственное развитіе дѣтей отъ перваго появленія на свѣтъ до школьнаго возраста» говоритъ, что при появленіи ея книги еще первымъ изданіемъ многіе родители выражали ей желаніе имѣть перечень «наиболѣе осмысленныхъ игрушекъ». Далѣе уважаемая писательница прибавляетъ, что ни въ одномъ игрушечномъ магазинѣ не существуетъ никакого каталога, совершенно упуская, что двѣ почтенныя издательскія фирмы «Дѣтское Воспитаніе» въ Москвѣ и «С.-Петербургская мастерская учебныхъ пособій и игръ» задолго до появленія ея книги отпечатали свои каталоги. Затѣмъ, перечисляя «наиболѣе полезныя игрушки», г-жа Водовозова не держится въ своихъ указаніяхъ никакой системы, даетъ перечень слишкомъ сухой и краткій и упускаетъ многое полезное и интересное для дѣтей и рѣшительно всѣ издѣлія «Дѣтскаго Воспитанія», тогда какъ эти послѣднія заслуживаютъ вниманія общества,—всѣ они цѣлесообразны, доброкачественны и (гдѣ слѣдуетъ) снабжены рисунками изъ русской жизни и природы.

Мнѣ приходилось имѣть случай наблюдать въ одномъ изъ магазиновъ столицы способъ покупки и продажи этихъ предметовъ: нѣмцы, англичане и французы, населяющіе столицу, приходятъ въ магазинъ съ опредѣленнымъ требованіемъ тѣхъ или другихъ работъ или занятій; русскіе же всегда просятъ посовѣтовать, указать и показать что-нибудь «новенькое», такъ что продавецъ въ этомъ случаѣ является и живымъ каталогомъ, и руководителемъ покупателя.

Изъ всего сказаннаго, мнѣ кажется, можно сдѣлать одинъ выводъ, что сознаніе пользы пособій этого рода безусловно живетъ въ обществѣ, но сознаніе неясное, смутное, вслѣдствіе отсутствія знакомства съ этимъ предметомъ, которому и литература наша не отвела еще должнаго мѣста. Ко всему этому нужно прибавить, что у нашихъ воспитательницъ не только нѣтъ требуемыхъ въ этомъ направленіи знаній, но и нѣтъ желанія пріобрѣсти ихъ путемъ внимательнаго изученія хотя бы и того, что уже есть, нѣтъ и охоты заняться вмѣстѣ съ ребенкомъ полезнымъ дѣломъ, помочь ему, направить, заинтересовать своимъ участіемъ. Часто случается, что все дѣло ограничи-

вается лишь тѣмъ, чтобы купить и — подарить, а у ребенка — посмотрѣть и — забросить. Интересъ къ какому бы то ни было занятію, а тѣмъ болѣе привычка къ нему, умѣнье достигать успѣшныхъ результатовъ рѣдко приходятъ сами собою, а всегда почти являются результатомъ умѣлаго, участливаго, терпѣливаго и настойчиваго руководительства со стороны воспитателя.

IV.

Третій отдѣлъ пособій для дѣтскаго развлеченія обнимаетъ собою собственно *общія игры*, гдѣ находитъ себѣ борьба или состязаніе двухъ противниковъ или двухъ лагерей; иногда это состязаніе преслѣдуетъ интересъ умственнаго и нравственнаго порядка, иногда оно носитъ характеръ физическаго упражненія силы и ловкости играющихъ.

По своему характеру этотъ отдѣлъ занятій рѣзко распадается на двѣ группы—игры подвижныя и игры усидчивыя; но тѣ и другія преслѣдуютъ одну и ту же цѣль—удовольствіе и веселье, но это удовольствіе первой и второй группъ нѣсколько разнится одно отъ другого. Игры усидчивыя имѣютъ въ виду развлеченіе умственнаго и нравственнаго порядка,—здѣсь торжествуетъ остроуміе, находчивость въ преодолѣніи противника, выдержка, смѣтливость и проч.; игры подвижныя, сохраняя за собой всѣ свойства игръ усидчивыхъ, вносятъ въ общество дѣтей болѣе полное и широкое веселье,—«то веселье, которое сильно бьетъ по нервнымъ центрамъ, заставляетъ ихъ освобождать токъ нервной силы, способной переполнить всѣ органы и затопить всѣ мышцы. Это то веселье, при которомъ глаза блестятъ, лицо горитъ, дыханіе усиливается и являются сильные жесты. Это веселье всего тѣла, alacritas римлянъ, говоритъ д-ръ Ф. Лагранжъ.

Изъ этого опредѣленія само собой становится яснымъ, что игры подвижныя являются болѣе могущественнымъ и необходимымъ элементомъ воспитанія; здѣсь веселье имѣетъ хорошаго и сильнаго союзника—это движеніе; но однако и игры усидчивыя, внося съ собою радость и веселье въ дѣтскій кругъ, тоже безусловно полезны.

Подвижная игра явилась на свѣтъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ первымъ живымъ существомъ. Склонность и настоятельную потребность въ *удовольствіи* и движеніи обнаруживаютъ не только люди, но и

животныя: кто не видалъ веселыхъ тѣлодвиженій молодой рыбки, выплывающей при солнцѣ на поверхность воды, движеній, про которыя мы говоримъ, что рыбка играетъ; кто не замѣчалъ неудержимаго веселья въ игрѣ и забавахъ молодыхъ, рѣзвящихся щенятъ и проч. и проч.

Кто не знаетъ, какую великую роль играетъ въ походахъ музыка, какъ возбудитель веселья; «уже давно хирурги отмѣтили тотъ фактъ, что веселое настроеніе духа должно быть поставлено въ разрядъ условій, благопріятствующихъ успѣху операцій». Но взгляните и на здороваго человѣка, развѣ не доказываетъ онъ ежедневно, насколько нужно ему удовольствіе. Всякаго рода развлеченія, путешествія, зрѣлища, балы—все это имѣетъ характеръ и значеніе удовольствія.

У ребенка этотъ инстинктъ, заставляющій его искать веселыхъ впечатлѣній и случая посмѣяться, проявляется на каждомъ шагу: толчки, паденія, снѣгъ и дождь въ лицо, шлепанье по грязи, холодъ,—это все поводъ къ удовольствію.

Радость необходима ребенку гораздо больше, чѣмъ взрослымъ, которымъ порывы негодованія, восхищенія или энтузіазма доставляютъ сильныя душевныя движенія, «благодѣтельныя не только для духа, но и для тѣла». Ребенку не знакомы эти чувства, а потому забота о доставленіи ему веселья и радости лежитъ на прямой обязанности взрослыхъ. А наилучшимъ средствомъ для доставленія ему этого веселья—это игра въ обществѣ сверстниковъ.

Общественныя дѣтскія игры составляютъ «наивысшій моментъ для окончательной подготовки дѣтей не только къ практической, но и общечеловѣческой дѣятельности», говоритъ докторъ Е. А. Покровскій.

Лучшими, конечно, играми будутъ тѣ, которыя по своему характеру и содержанію приходятся болѣе по нраву играющимъ, т.-е. игры національныя.

Игры англичанъ отличаются большой неустрашимостью и требуютъ немало напряженія физическихъ и психическихъ силъ; игры нѣмцевъ, особенно дѣвочекъ, отличаются сентиментальностью; въ играхъ французовъ постоянно проглядываетъ юморъ и веселье, въ нашихъ народныхъ играхъ всегда проявляется любовь русскаго человѣка къ веселью и движеніямъ, удальству, молодечеству и широкой, задушевной компаніи.

Отдавая законное предпочтеніе играмъ національнымъ, я не думаю лишать правъ гражданства въ нашемъ отечествѣ игръ иностранныхъ, которыя, будучи перенесены на русскую почву, ведутся съ оживленіемъ и интересомъ, какъ, напр., итальянское «Boccэ». Но кто же не знаетъ англійскихъ, уже сдѣлавшихся общеевропейскими, Крокета и Тенниса, поэзія и живая прелесть котораго воспѣта, если можно такъ выразиться, и увѣковѣчена художественною литературою.

Я не буду перечислять здѣсь русскихъ національныхъ игръ, только пожалѣю тѣхъ изъ читателей, которые ихъ не знаютъ, да порекомендую имъ прекрасную книгу д-ра Покровскаго «Дѣтскія игры, преимущественно русскія», которой они могутъ пополнить пробѣлъ своихъ знаній.

Игры безъ движеній, т.-е. усидчивыя или сидячія, какъ ихъ называютъ попросту въ общежитіи, основнымъ типомъ имѣютъ шахматы.

Само собою разумѣется, что сами шахматы не могутъ служить дѣтскою игрою, но они породили множество шашечныхъ игръ, болѣе или менѣе, легкихъ и интересныхъ для дѣтей: Бой за позиціи, Облава, Паутина, Осада крѣпости, Мельница, Гуси-лебеди домой, Ключъ крѣпости и др. доставляютъ не мало дѣтямъ удовольствія; также очень любимы безчисленныя варіаціи игры въ гусекъ, лото, домино, трикъ-тракъ, мародеръ, охота, тидль и различныя игры въ картинки: лото, квартетъ, шнапсъ, кукареку, черный Петръ и т. д. Лучшими, конечно, будутъ тѣ изъ игръ, которыя наибольше доставляютъ удовольствія, болѣе изощряютъ находчивость, сообразительность и выдержку характера, болѣе даютъ повода остротѣ, смѣху, шуму и оживленію—заставляютъ весело блестѣть глаза и быстрѣе циркулировать кровь. Изъ тѣхъ, которыя снабжены картинками, лучше выбирать русскія изданія, гдѣ рисунки изображаютъ предметы близкіе и знакомые, точно такіе, какіе русскій ребенокъ можетъ постоянно видѣть. Картинки не должны быть исполнены черезчуръ роскошно, но художественно - просто. Вообще дѣтскія изданія должны быть выполнены просто, чисто и аккуратно. Кромѣ веселья, которое вносятъ эти игры въ кругъ дѣтей, они хороши и полезны еще тѣмъ, что сообщаютъ дѣтямъ любовь къ обществу, разумнымъ развлеченіямъ и привычку быть веселыми и оживленными. Способность же и умѣнье развлекаться и отдаваться веселью безусловно составляетъ элементъ счастья.

Къ разряду «сидячихъ» игръ относятся такъ называемыя игры образовательныя, которыя, нужно сказать, имѣютъ много противниковъ, увѣряющихъ, что никакая наука не можетъ преподаваться, играя, что эти игры съ псевдо-научнымъ характеромъ: ариѳметическія, географическія, ботаническія, зоологическія и др.—пользы дѣтямъ не приносятъ, оказывая вредное вліяніе на систематичность, необходимую при всякомъ серьезномъ обученіи.

На эти положенія я не премину сдѣлать нѣсколько возраженій: подобный взглядъ на образовательную игру не вѣренъ, и требованія, предъявляемыя къ ней, неосновательны. Образовательная игра не имѣетъ цѣлью ни замѣнять учебника, ни излагать цѣлаго курса какой-нибудь науки и для систематическаго серьезнаго обученія совершенно не годится. Посредствомъ хорошо составленныхъ игръ этого рода дѣти только повторяютъ, незамѣтно для себя, или воскрешаютъ въ памяти забытое, а забытаго всегда много (какъ легко забыть города Японіи, колоніи Африки, острова Азіи и т. д.), и нужно замѣтить, что легче забывается пройденное на урокѣ, чѣмъ пріобрѣтенное въ игрѣ.

Искусно изданныя игры этого рода должны нравиться дѣтямъ: они любятъ играть въ школу, въ учителя, при чемъ предметомъ ихъ импровизованнаго ученья всегда бываетъ то, что они проходятъ въ настоящей школѣ. Это игрушечное ученье есть не что иное, какъ турниръ—состязаніе въ только что пріобрѣтенныхъ знаніяхъ. Между образовательными играми есть много, очень плохо изданныхъ, но это вина издателя, а не игры.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти игры могутъ служить и пособіемъ при обученіи маленькихъ дѣтей,—напр. азбучныя игры съ разрѣзными буквами, гдѣ могутъ предлагаться дѣтямъ различныя интересныя задачи на составленіе словъ, а впослѣдствіи и на правописаніе. Развѣ разумная мать или воспитательница не пользуется ящикомъ «построекъ изъ кубиковъ и брусковъ», чтобъ наглядно познакомить ребенка съ первыми десятью числами, прежде чѣмъ засадить его за урокъ?

Игры же для усвоенія иностранныхъ языковъ безусловно необходимы и служатъ незамѣнимымъ пособіемъ учительницамъ и бонамъ при исполненіи ихъ долга, а ребенку облегчаютъ трудность ученія, внося въ его занятія нѣкоторый элементъ удовольствія.

«Картинное лото», заключающее въ себѣ картинки изъ русской жизни и природы и окружающей обстановки, для бонны и учительницы играетъ ту же роль, какъ картины для нагляднаго обученія въ школѣ; она заставляетъ называть, знакомые ребенку, изображенные на картинахъ, предметы на иностранномъ языкѣ и имѣетъ возможность и случай по поводу этихъ картинокъ вести разумную бесѣду съ ребенкомъ. Да, наконецъ, часто молоденькая учительница не сразу находитъ предметъ разговора съ малознакомыми дѣтьми, и игра въ этомъ случаѣ сослужитъ ей большую службу.

Кромѣ картиннаго лото, заслуживаетъ вниманія воспитателя «лото иностранныхъ словъ» по обилію матеріала, предлагаемаго изданіемъ. На его таблицахъ не изображено картинокъ, какъ на предыдущемъ, а напечатаны слова по-русски. Вынимая и прочитывая билеты съ иностранными словами, дѣти закрываютъ ими русскія надписи; если слова покрыты вѣрно, то составляется хорошенькая картинка. Не безынтересно составленныя правила игры дѣлаютъ это лото привлекательнымъ для дѣтей средняго возраста.

Очень не безполезна «игра въ газеты», гдѣ дѣти изъ словъ составляютъ фразы, научаясь согласовать слова. Есть игры и съ готовыми уже фразами, которыя заучиваются наизусть.

Кромѣ игръ общественныхъ, существуетъ не мало игръ, такъ называемыхъ, и одиночныхъ, какъ подвижныхъ, такъ и безъ движенія. Къ числу первыхъ относятся бильбоке, обручи для катанія (cerco), японскія летающія бабочки и др. Но нужно сказать, что если эти игры и могутъ вестись безъ соучастниковъ или партнеровъ, служа исключительно къ упражненію силы и ловкости играющаго, а не преодолѣнію противника, то все же дѣти предпочитаютъ эти игры въ обществѣ сверстниковъ, по весьма понятному влеченію.

Игры одиночныя безъ движеній мало любимы дѣтьми и есть скорѣе достояніе взрослыхъ, это—различныя кхесгтеты, пасьянсы и солитеры. Говорятъ, какой-то философъ или ученый для отдохновенія отъ напряженія мысли имѣлъ обыкновеніе считать на крышахъ черепицы: солитеръ, вѣроятно, и играетъ именно эту роль. Впрочемъ, нѣкоторыя головоломки изощряютъ находчивость и сообразительность, напр. китайская,—и весьа пригодны, какъ дѣтская забава.

Безспорно, найдется очень много пособій или орудій для развлеченія, которыя не могутъ подойти подъ строгое опредѣленіе ни одной изъ трехъ перечисленныхъ группъ, напр. аппараты для показыванія фокусовъ, волшебный фонарь, китайскія тѣни, картины, театры, стереоскопы, стробоскопы, калейдоскопы и проч. Всѣ эти орудія служатъ прекрасными средствами забавы въ отношеніяхъ умственномъ и научномъ, нравственномъ и эстетическомъ, и безусловно полезны. Да, собственно говоря, на практикѣ строгаго распредѣленія на группы очень часто не можетъ, а иногда и не должно быть; такъ, очень нерѣдко игры съ игрушками переходятъ въ подвижныя игры, какъ, напр., ѣзда верхомъ на палочкѣ. Всѣмъ извѣстно, что игра въ куклы маленькихъ дѣвочекъ превращается въ безконечное рукодѣліе въ среднемъ возрастѣ. Промышленность уже подмѣтила въ своихъ маленькихъ потребителяхъ наклонность всюду примѣнять свои творческіе инстинкты и создала нѣсколько небезынтересныхъ въ этомъ отношеніи игрушекъ,—я укажу на лошадку въ упряжи, везущую возъ тесу. Этотъ тесъ есть не что иное, какъ подготовленный и пригнанный матеріалъ, изъ котораго легко составляется конюшня для лошадки, такимъ образомъ очень удачно соединяется простая игра съ лошадкою съ ручной творческой работой ребенка.

Мой очеркъ, который я этимъ и заканчиваю, далеко не исчерпываетъ всѣхъ тѣхъ занятій и забавъ *), которыя болѣе или менѣе имѣютъ важное вліяніе на развитіе и складъ характера ребенка; но я имѣла въ виду собственно *пособія* для игры или развлеченія или *орудія*, безъ которыхъ игра иногда совершенно не можетъ вестись, а иногда теряетъ свой характеръ.

С. Д—ко.

*) Собраніе различныхъ колл., уходъ за животными, шарады, гимнастическія задачи, плаваніе, греоля, игры безъ орудій и т. д., и т. д.

Народное образованіе въ Россіи *).

Новое движеніе въ русской жизни возникло, какъ извѣстно, послѣ Севастопольской войны, когда вопросы образованія становятся жгучими вопросами дня. Въ „*Морскомъ Сборникѣ*“ появляется впервые статья знаменитаго Н. И. Пирогова, доказывающая необходимость широкаго развитія общаго образованія. Въ морскомъ же, вѣдомствѣ служилъ и будущій главный реформаторъ нашей народной школы А. И. Головнинъ. Въ началѣ 1857 года отмѣняется запрещеніе открывать въ столицахъ частные пансіоны и школы. Въ концѣ того же года основывается въ Петербургѣ Педагогическое Общество, въ которое входятъ П. Г. Рѣдкинъ, А. С. Вороновъ, І. П. Паульсонъ; возникаетъ спеціально педагогическая литература („*Журналъ для воспитанія*“, „*Учитель*“ и др.). Русская студенческая молодежь кладетъ начало воскреснымъ школамъ, число которыхъ быстро росло и въ столицахъ, и въ провинціи. Открываются и обыкновенныя народныя училища въ деревняхъ (напр. гр. Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ). „Движеніе это быстро развивается послѣ изданія положенія 19 февраля, раскрывшаго крестьянамъ двери всѣхъ учебныхъ заведеній“. Авторы отмѣчаютъ почетную роль въ общественномъ движеніи того времени, сыгранную лучшей частью дворянства и „особенно духовнымъ сословіемъ“. Основанный въ самый годъ освобожденія крестьянъ Петербургскій Комитетъ Грамотности въ первое же время своего существованія поднялъ вопросъ о необходимости открытія учительскихъ семинарій вообще и женскихъ въ особенности; ему принадлежитъ иниціатива учрежденія первой въ Россіи женской учительской семинаріи. Въ то же время происходитъ дѣятельная разработка новаго законодательства по народному образованію. 28 іюля 1861 года составляется особый комитетъ для на-

*) Окончаніе. См. „Пед. Листокъ“ 1899 г. Книжка 7.

чертанія общаго плана устройства элементарныхъ школъ. Въ ноябрѣ того же года составленный планъ разсылается для замѣчаній по учебному вѣдомству и многимъ иностраннымъ педагогамъ. Полученные отвѣты составили многотомный „Сводъ замѣчаній на проектъ устава общихъ учебныхъ заведеній". Коренной вопросъ о томъ, въ какомъ именно вѣдомствѣ должно находиться управленіе дѣломъ народнаго образованія, разрѣшается Высочайшимъ повелѣніемъ 18 января 1862 года, гласившимъ: 1) учрежденныя нынѣ и впредь учреждаемыя духовенствомъ народныя училища оставить въ завѣдываніи духовенства съ тѣмъ, чтобы Министерство народнаго просвѣщенія оказывало содѣйствіе преуспѣянію ихъ по мѣрѣ возможности; 2) оставить на обязанности Министерства народнаго просвѣщенія учреждать во всей Имперіи, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, народныя училища, которыя и должны оставаться въ вѣдѣніи сего Министерства, при чемъ Министерству слѣдуетъ пользоваться содѣйствіемъ духовенства во всѣхъ случаяхъ, когда оно признаетъ это нужнымъ, и когда духовенство найдетъ возможнымъ оказать ему содѣйствіе". Въ 1863 г. учителя народныхъ училищъ и окончившіе уѣздныя училища *были освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній.* Наконецъ, 14-го іюля 1864 г., было издано *положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ,* лежащее въ основаніи и нынѣ дѣйствующаго положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 1874 года. Въ губернскіе училищные совѣты оно вводило губернатора и епархіальнаго архіерея, а въ уѣздные—представителей всѣхъ вѣдомствъ, содержащихъ училища; предсѣдатели этихъ совѣтовъ избирались членами изъ своей среды. Въ общемъ положеніе 1864 года открывало для общественнаго вліянія на народное образованіе гораздо большій просторъ, чѣмъ положеніе 1874 г. Изданіе положенія 1864 г. составляетъ, говорится въ очеркѣ, собой настоящую эру въ исторіи нашего народнаго образованія, такъ какъ вмѣстѣ съ изданнымъ въ томъ же году положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ оно дало населенію земскихъ губерній возможность принимать въ дѣлѣ народнаго образованія непосредственное ученіе.

Съ этой поры у насъ появляется на сцену *общественная школа,* немедленно же занявшая центральное мѣсто во всемъ послѣдующемъ развитіи школьнаго дѣла, несмотря на то, что земству и дру-

гимъ органамъ мѣстнаго самоуправленія приходилось работать при крайне неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Между прочимъ, въ 60-хъ годахъ не существовало единства въ народно-школьномъ дѣлѣ, находившемся по прежнему на попеченіи цѣлаго ряда вѣдомствъ, среди которыхъ выдѣлялось вѣдомство св. Синода, съ гр. Д. А. Толстымъ во главѣ. Въ офиціальномъ отчетѣ за 1862—1864 г.г. министерство народнаго просвѣщенія заявляетъ, „что многія изъ церковныхъ школъ существуютъ только по имени". Проявлялись случаи прямого антагонизма духовенства со свѣтской школой. Несправедливо было бы, однако, думать, что все наше духовенство было въ то время солидарно съ апологетами церковной школы. Значительная часть духовнаго сословія шла въ дѣлѣ народнаго образованія рука объ руку съ земствомъ и обществомъ, трудясь вмѣстѣ съ ними не надъ созиданіемъ цифръ, а надъ созиданіемъ дѣйствительной народной школы, не проявляя никакого антагонизма, не говоря уже о томъ, что то же сословіе выдвинуло изъ своей среды не мало выдающихся учителей и учительницъ, отдавшихъ свои силы служенію земской школѣ. Въ 1865 году А. И. Головнинъ оставляетъ постъ министра народнаго просвѣщенія, не закончивъ начатаго дѣла организаціи начальнаго народнаго образованія, и на его мѣсто вступаетъ гр. Д. А. Толстой, остающійся въ то же время и въ должности оберъ-прокурора св. Синода. Внесенный Головнинымъ въ Государственный совѣтъ проектъ объ учрежденіи 15-ти учительскихъ семинарій былъ взятъ обратно новымъ министромъ, но настоятельныя требованія жизни заставили устроить къ 1880 году 46 учительскихъ семинарій. Министерство гр. Д. А. Толстого направляетъ свою дѣятельность на организацію подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній, на объединеніе въ своемъ вѣдѣніи начальныхъ училищъ, находившихся ранѣе въ другихъ вѣдомствахъ. Въ 1869 году министерству предоставлено открывать повсюду одноклассныя и двухклассныя училища, въ качествѣ образцовыхъ для мѣстныхъ учрежденій. Внутренняя организація этихъ школъ опредѣляется особой инструкціей, изданной 4 іюня 1875 года и дѣйствующей до настоящаго времени. Приводимъ здѣсь дѣйствующія до настоящаго времени другія узаконенія по народному образованію, изданныя въ 60-хъ и 70-хъ годахъ (см. стр. 43 „очерка").

Въ 1870 году учители народныхъ училищъ были освобождены отъ рекрутской и другихъ натуральныхъ повинностей. Въ томъ же году ученики изъ дѣтей населяющихъ Россію инородцевъ не христіанъ были освобождены отъ обученія чтенію по церковнославянскимъ книгамъ. Въ 1872 г. было издано Положеніе о городскихъ училищахъ, въ которыя постоянно должны были преобразовываться прежнія уѣздныя училища, учрежденныя по уставу 1828 г. Въ 1873 году происходитъ преобразованіе еврейскихъ начальныхъ училищъ. Рескриптомъ 25 декабря 1873 года на имя гр. Д. А. Толстого дворянство призывается *„стать на стражъ народной школы“*; мѣстнымъ предводителямъ дворянства, въ званіи попечителей начальныхъ училищъ, поручается способствовать *„ближайшимъ своимъ участіемъ къ обезпеченію нравственнаго направленія этихъ школъ, а также къ ихъ благоустройству и размноженію“*, и вмѣстѣ съ тѣмъ заявляется, что *„дѣло народнаго образованія въ духѣ религіи и нравственности есть дѣло столь великое и священное, что поддерживанію и упроченію его въ семъ истинно благомъ направленіи должны служить не одно только духовенство, но и всѣ просвѣщеннѣйшіе люди страны“*. Въ соотвѣтствіи съ началами, провозглашенными этимъ рескриптомъ, *25 мая 1874 года, издается новое положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ*, являющееся у насъ до сихъ поръ основнымъ закономъ по народному образованію. Этимъ положеніемъ дворянству отведено очень видное мѣсто въ дѣлѣ мѣстнаго управленія народными школами. Въ 1869 году во всѣхъ земскихъ губерніяхъ учреждено по одной должности инспектора народныхъ училищъ, а 29 октября 1871 г. издана для инспекторовъ инструкція. Съ 1864 по 1880 годъ, какъ въ земскихъ, такъ и въ неземскихъ губерніяхъ число директоровъ и инспекторовъ постепенно увеличивается. Въ 1868 году выходятъ новые законы о частныхъ училищахъ и о домашнемъ обученіи. Въ слѣдующемъ году издается положеніе о народныхъ училищахъ въ губерніяхъ: кіевской, подольской и волынской. Народное образованіе въ 6-ти бѣлорусскихъ губерніяхъ регулируется узаконеніемъ 1863 г., а въ царствѣ Польскомъ законами 1862, 1864 (выс. указъ о народныхъ училищахъ въ царствѣ Польскомъ и введеніе дирекцій народныхъ училищъ), 1871 (введеніе въ народ. училища обученія чтенія и письму по-русски) и 1873 (инструкція для народныхъ

учителей Варшавскаго учеб. округа). Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ организація народнаго образованія опредѣлена законами 1856, 1860, 1866, 1869, 1870 и 1875 гг. По народному образованію Сибири изданы законы 1859, 1867, 1868, 1874 и 1877 гг., въ Туркестанѣ—1875 и 1877 гг., на Кавказѣ—1859 и 1867 гг.*).

Что касается до расходовъ по содержанію школъ разныхъ вѣдомствъ, сосредоточенныхъ постепенно (начиная съ 1867 г.) въ Министерствѣ народнаго просвѣщенія, то онъ былъ возложенъ въ земскихъ губерніяхъ на земства, а въ другихъ губерніяхъ (кромѣ Ковенской) для содержанія школъ былъ установленъ особый „временно“ подушный сборъ, взимавшійся, однако, цѣлыхъ 30-ть лѣтъ и уничтоженный только съ 1898 года.

Обращаясь къ общей характеристикѣ дѣятельности Министерства, начиная съ 1866 года (стр. 44—45), авторы, между прочимъ, останавливаютъ вниманіе читателя на томъ фактѣ, что Положеніемъ 1874 г. предусмотрѣнъ только одинъ видъ училищъ съ учебными курсами, ограничивающихся преподаваніемъ Закона Божія, чтенія по книгамъ гражданской и церковной печати, письма, первыхъ четырехъ дѣйствій ариѳметики и церковнаго пѣнія, при чемъ эта программа неизмѣнно толковалась въ смыслѣ ограничительномъ.

Переходя къ подробному обозрѣнію дѣятельности русскаго общества и земства по народному образованію, очеркъ указываетъ, что въ этомъ дѣлѣ они „не получили отъ дореформеннаго времени никакого наслѣдства“; все пришлось имъ начинать съ самаго начала. Для выполненія этой трудной задачи общество выдвинуло изъ своей среды такихъ замѣчательныхъ дѣятелей, какъ Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій, Л. Н. Модзалевскій, В. И. Водовозовъ, В. Я. Стоюнинъ, Н. А. Корфъ, Л. Н. Толстой и др. Характеристика земской народно-образовательной дѣятельности позволяетъ авторамъ послѣдовательно отмѣтить слѣдующія заслуги земства на этомъ поприщѣ. Оно выдвинуло на первую очередь вопросъ объ открытіи учительскихъ семинарій и школъ; привлекло къ дѣлу учительства въ народной школѣ женщинъ, такъ какъ дореформен-

*) Подробный текстъ всѣхъ этихъ законовъ смотри въ „Настольной книгѣ по народному образованію“, составл. гг. Фальборкомъ и Чорнолускимъ. 2 тома. С.-Пб. 1899 г. Первый томъ уже вышелъ и отмѣченъ нами въ кн. 6-й *Педаг. листка* за тек. годъ.

ная школа учительницъ не знала („на земскую службу идетъ цѣлая плеяда учителей и учительницъ, вѣрныхъ педагогическимъ идеаламъ Н. И. Пирогова и К. Д. Ушинскаго; земство взяло на себя заботу объ устройствѣ педагогическихъ курсовъ и учительскихъ съѣздовъ, организацію эмеритуры для учителей и выдачу ссудъ на постройку школьныхъ зданій; установило принципъ полной безплатности обученія; въ своихъ изданіяхъ оно дало богатѣйшій матеріалъ для изученія народной школы; оно усовершенствовало школу, не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи, расширивъ внутренній общеобразовательный объемъ обученія. Опытъ и практика общественной школы сослужили не малую службу и для лучшей постановки школьнаго дѣла въ губерніяхъ неземскихъ: вмѣстѣ съ поднятіемъ уровня народной школы, она перестаетъ быть мужицкой школой,—въ нее идутъ учиться дѣти привиллегированныхъ сословій—дворянъ, чиновниковъ, духовныхъ, купцовъ, слѣдовательно дѣлается „народной“ въ инстинномъ смыслѣ слова; плодотворная дѣятельность земства выражается также и въ дѣлѣ затратъ на народную школу (около 354 руб. на школу—въ 1880 г.), при чемъ видную роль въ школьномъ бюджетѣ играютъ поступленія отъ частныхъ лицъ (19,5% всѣхъ расходовъ). Въ результатѣ земской дѣятельности явился наплывъ въ школы учениковъ и ученицъ.

Послѣ графа Д. А. Толстого (въ 1880 году), министерскій постъ занимаютъ недолгое время А. А. Сабуровъ, затѣмъ А. П. Николаи. Съ именемъ послѣдняго связано довольно важное *распоряженіе о школахъ грамотности*, вопросъ о которыхъ игралъ въ 80-хъ годахъ очень видную роль. Послѣдовавшій въ отвѣтъ на ходатайство тотемскаго земства (Вологодск. губ.) циркуляръ министра народ. просвѣщ. Николаи далъ школамъ грамотности официальное признаніе и разрѣшилъ земствамъ ихъ открывать. Принципъ „дешевой“ школы нашелъ себѣ дѣйствительную опору въ лицѣ также „дешевой“ церковной школы, которая съ начала восьмидесятыхъ годовъ вступаетъ въ новый, третій по счету въ нынѣшнемъ столѣтіи, фазисъ своего развитія. Цитируя отчетъ Оберъ-прокурора, авторы *говорятъ*, что эта школа стремится воскресить типъ дореформенной школы, отрекаясь отъ началъ, выработанныхъ новой народной школой. Причиной сокращенія программъ церковно-приходской школы было выставлено стремленіе уменьшить ея

курсъ до двухъ лѣтъ и приспособить ее такимъ образомъ для обученія возможно большаго количества дѣтей. Цѣль эта оказалась однако недостижимой, и въ 1898 году продолжительность учебнаго курса въ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ была установлена въ три года, а для мѣстностей съ инородческимъ населеніемъ въ четыре года. Въ 1882 году церковныя школы получили первое ассигнованіе изъ государственнаго бюджета: изъ смѣты Министерства народнаго просвѣщенія въ смѣту Св. Синода было перечислено 55,500 р. на устройство и содержаніе духовенствомъ школъ для образованія народа; въ 1886 г. на церковныя школы было назначено по 120,000 р. въ годъ; въ февралѣ 1894 года—350,000 р., въ декабрѣ того же года—700,000 р., въ 1895 г.—по 3.279,145 р. въ годъ, въ 1897 году—еще по 1.500,000 р. въ годъ, а съ 1900 года сдѣлана на тотъ же предметъ новая ассигновка въ 1.859,605 руб. Одновременно увеличиваются также ассигновки на церковныя школы изъ земскихъ сборовъ въ губерніяхъ неземскихъ.

Тѣмъ временемъ постепенно создается организація устройства и завѣдыванія этими школами: въ 1884 году были изданы *правила о церковныхъ приходскихъ школахъ*, въ 1885 г. при Св. Синодѣ учреждается *особый совѣтъ* для завѣдыванія ими, въ 1888 г. издаются *Правила объ уѣздныхъ отдѣленіяхъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ*, въ 1891 г.—*Правила о школахъ грамоты*, въ 1896 г.—*Положеніе объ управленіи школами церковно-приходскими и грамоты*. Далѣе издаются особые штаты спеціальной инспекціи церковныхъ школъ; на содержаніе ея Синодомъ ассигновано свыше 338 т. руб. въ годъ, сверхъ стоимости содержанія епархіальныхъ наблюдателей. Правилами 1891 года всѣ школы грамоты, равно какъ и воскресныя школы, передаются въ духовное вѣдомство. Въ 1895 году учительство въ церковно-приходскихъ школахъ вмѣнено діаконамъ въ обязанность.

Въ 1875 году при министерствѣ было образовано особое отдѣленіе для собиранія статистическихъ свѣдѣній по народному образованію, но уже въ 1881 году дальнѣйшее его существованіе признано „излишнимъ“. Совершенно прекращаются въ Министерствѣ и сколько-нибудь широкіе проекты относительно дальнѣйшаго распространенія народнаго образованія. Такъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра за 1884 г., хотя и признается

теоретически справедливою мѣрою введеніе у насъ, по примѣру Западной Европы, обязательнаго обученія, къ каковой мѣрѣ склонялось Министерство народнаго просвѣщенія въ 1876 и 1877 годахъ, но, въ виду экономическихъ затрудненій, взамѣнъ этой мѣры, министръ указывалъ на необходимость прибѣгать для распространенія начальнаго образованія къ другимъ болѣе доступнымъ способамъ, („прежде всего на практикуемое у крестьянъ домашнее обученіе или устройство, такъ называемыхъ, школъ грамотности"). Кромѣ сочувственнаго отклика на общественное движеніе въ сторону „удешевленія" народной школы, нашло себѣ въ министерствѣ того времени благодарную почву также и другое движеніе—сдѣлать народную школу орудіемъ для распространенія профессіональныхъ знаній, въ видѣ садоводства, огородничества, пчеловодства, шелководства и т. п. Мысль эта, противорѣчившая общеобразовательному назначенію школы, однако, не встрѣчала себѣ сочувствія не только среди наиболѣе образованной части русскаго общества, но даже и въ средѣ нашихъ сельскихъ хозяевъ, высказавшихся на съѣздѣ 1895 года (въ Москвѣ) за необходимость освобожденія элементарной школы отъ всего, что не соотвѣтствуетъ ея прямой задачѣ и сверхъ того признавшихъ эту школу, по объему своего курса, недостаточной для хорошей подготовки воспитанниковъ въ низшія сельско-хозяйственныя училища. Съѣздъ призналъ, что необходимо разрѣшить земствамъ открытіе народныхъ школъ высшаго типа. Что касается до административной дѣятельности Министерства за тотъ же періодъ времени, то въ очеркѣ приводится цѣлый рядъ мѣръ по организаціи инспекціи народнаго образованія, преимущественно на окраинахъ государства и по сосредоточенію въ министерствѣ завѣдыванія всѣми народными школами, находившимися до того въ другихъ вѣдомствахъ, а именно: въ 1881 году переданы въ министерство народнаго просвѣщенія учебныя заведенія министерства финансовъ, центральныя училища и сельскія школы въ бывшихъ болгарскихъ и нѣмецкихъ колоніяхъ, а также школы въ колоніяхъ евреевъ-земледѣльцевъ; въ 1886 г.—евангелическо-лютеранскія школы прибалтійскихъ губерній; въ 1887 г.—иновѣрческія школы юго-западнаго края; въ 1890 г.—училища при церквахъ евангелическаго исповѣданія въ губерніяхъ царства Польскаго и протестантскія школы въ округахъ петербургской и москов-

ской консисторій; въ 1893 г.—училища при римско-католическихъ церквахъ; въ 1897 году — училища при армяно-грегоріанскихъ церквахъ и монастыряхъ. Далѣе идетъ рядъ дѣйствующихъ и нынѣ законовъ, нормирующихъ организацію образованія на окраинахъ Россіи. Относительно организаціи завѣдыванія народнымъ образованіемъ въ центральной Россіи, къ тому же періоду относятся слѣдующія три мѣры. Въ 1887 году, вслѣдствіе ходатайства пермскаго земства, министру предоставлено право разрѣшать участіе земскихъ врачей въ засѣданіяхъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ по вопросамъ, относящимся до санитарно гигіеническаго состоянія народныхъ училищъ. Въ 1888 г. приняты мѣры къ ограниченію участія нехристіанъ въ завѣдываніи народными училищами и установлено, что предсѣдателями училищныхъ совѣтовъ и членами ихъ отъ земства и городовъ могутъ быть только лица христіанскихъ исповѣданій. Въ 1895 г. въ члены уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ введены земскіе начальники.

Развитіе земской дѣятельности по народному образованію въ 80-хъ и началѣ девяностыхъ годовъ значительно замедлилось. Новое крупное оживленіе въ этой дѣятельности наступаетъ послѣ 1891—1892 гг., т.-е. послѣ тяжелой годины народныхъ бѣдствій отъ неурожая, пробудившихъ всѣ живыя силы русскаго общества, у котораго передъ лицомъ этихъ бѣдствій „еще болѣе окрѣпло убѣжденіе, что для предотвращенія подобныхъ ужасныхъ бѣдствій въ будущемъ есть только одно дѣйствительное средство: просвѣщеніе народа и созданіе нормальныхъ условій для развитія человѣческой личности“. Останавливаясь подробно на роли земства въ дѣлѣ народнаго образованія, авторы признаютъ наиболѣе важнымъ явленіемъ активную роль, принятую въ этомъ дѣлѣ губернскими земствами. Участіе послѣднихъ выразилось въ учрежденіи учительскихъ семинарій и школъ, а также лѣтнихъ педагогическихъ курсовъ и съѣздовъ учителей; въ непосредственномъ участіи въ расходахъ по содержанію школъ; въ заботахъ объ обезпеченіи матеріальнаго положенія учителей, путемъ приплаты къ ихъ жалованью и организаціи эмеритальныхъ и пенсіонныхъ кассъ; въ организаціи выдачи на льготныхъ условіяхъ ссудъ на постройку школьныхъ зданій и т. д. Самой же важной стороной заботъ губернскихъ земствъ является въ настоящее время стремленіе ихъ объединить

и систематизировать дѣятельность уѣздныхъ земствъ, при чемъ ими взята на себя разработка общихъ вопросовъ образованія, статистическое изслѣдованіе положенія школьнаго дѣла, выработка общаго плана введенія всеобщаго обученія и проч. Для достиженія этихъ задачъ избираются спеціальныя комиссіи изъ гласныхъ и (мѣстами) устраиваются справочно-педагогическія и школьно-статистическія бюро. Мѣропріятія губернскихъ земствъ выражаются съ одной стороны въ организаціи собственно школьнаго образованія (подготовка учителей, содержаніе школъ, ссуды и пособія на постройку школьныхъ зданій, выдача пособія на содержаніе школъ), съ другой—въ сохраненіи и дальнѣйшемъ развитіи начатковъ образованія, даваемыхъ школой (устройство народныхъ и школьныхъ библіотекъ, книжныхъ складовъ, народныхъ чтеній, воскресно-повторительныхъ классовъ и т. д.).

Чтобы дополнить историческія данныя по народному образованію, приведемъ нѣкоторыя наиболѣе интересныя свѣдѣнія о количественной сторонѣ дѣла. За отсутствіемъ полныхъ и однородныхъ свѣдѣній о числѣ народныхъ школъ и учащихся въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ, авторы очерка ограничиваются данными, почерпнутыми изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ министра народнаго просвѣщенія. Число учительскихъ институтовъ во всей имперіи въ 1894 году остается то же, что и въ 1879 году, т.-е. 10, а число учащихся въ нихъ уменьшилось; учительскія семинаріи и школы имѣлись въ количествѣ 62-хъ, выпустившихъ въ 1894 году 1061 окончившаго курсъ (изъ общаго числа учащихся въ 4843). Въ 1883—1887 гг. число этихъ учебныхъ заведеній было на шесть больше. Уѣздныхъ и городскихъ училищъ въ 1880 году было 476 съ 42,873 учащихся, а къ 1894 году—688 съ 83,008 учащихся. Число народныхъ училищъ вѣдомства Министерства народнаго просвѣщенія съ 21,762 въ 1880 г. достигло до 29,241 въ 1894 г., а число учащихся—съ 1,119,080 увеличилось до 3,874,154 человѣкъ. Расходы государства по вѣдомству Министерства народнаго просвѣщенія за тридцать лѣтъ увеличились незначительно (съ 1,6% до 2,03% всѣхъ обыкновенныхъ расходовъ). Въ частности же, расходы на начальное образованіе въ бюджетѣ самаго Министерства народнаго просвѣщенія за то же время выражаются въ слѣдующемъ: въ 1866 г. Министерство народнаго просвѣщенія тратило на низшія

и начальныя училища 20,8% (1,418,031 руб.) всего своего бюджета, а въ 1897 г. 14,1% (3,738,504 руб.). Расходы государства на управленіе учебныхъ округовъ и содержаніе дирекцій и инспекцій училищъ: Министерство тратило въ 1866 г. 3,9% (268,406 руб.) своего бюджета, а въ 1897 г. цирфа этихъ расходовъ достигла 1,242,668 руб., составляющихъ около 4,7% всего бюджета Министерства. Особенно быстрый ростъ произошелъ въ министерство гр. Д. А. Толстого.

Общественные расходы на народное образованіе за все это время непрерывно и быстро росли. Въ 1868 г. они составляли 738000 руб. т.-е. 5% всего бюджета; въ 1895 г. земскіе расходы уже достигли 8,300,142 руб., т.-е. 14,8% всего земскаго бюджета. Расходы городовъ въ 1871 г. равнялись 581,140 руб. (3% всѣхъ расходовъ), а въ 1894 г. они выросли до 5,181,869 руб., т.-е. 8,25% всего бюджета.

Въ 1881 г. въ 46 губерніяхъ Европейской Россіи изъ волостныхъ суммъ на народное образованіе было израсходовано 898,503 руб. (6,1% волостного бюджета), а въ 1894 г. въ 50-ти губерніяхъ Европейской Россіи расходы эти достигли 2,006,136 руб. (8,1%). Расходы сельскихъ обществъ, въ томъ же 1894 г. простирались до 3,221,483 руб., т.-е. 13,6% сельскаго бюджета.

Въ неземскихъ губерніяхъ въ 1895 г. на низшія и начальныя училища было израсходовано 1,711,289 руб., а въ 1897 г. эти расходы *понизились* до 1,250,355 руб.

Странички изъ исторіи русскаго законодательства*).

§ 5. **Кодификаціонныя попытки XVIII вѣка.** Несмотря на свое огромное значеніе, Уложеніе не остановило роста законодательства. Чуть не со второго дня по обнародованіи Уложенія появляются одинъ за другимъ законы, затрогивающіе или отмѣняющіе его постановленія.

Такъ какъ порядокъ обнародованія, принятый для Уложенія, не примѣнялся къ послѣдующимъ узаконеніямъ, то они оставались для большинства неизвѣстными. Когда въ 1700 году потребовалось, для кодификаціонныхъ цѣлей, собрать всѣ послѣдующія узаконенія и для этого обратились къ приказамъ, то оттуда получились отвѣты, что „иныхъ указовъ сыскать нельзя, ибо которые подъячіе въ тѣхъ годѣхъ сидѣли и тѣ померли". Это привело наконецъ къ рѣшительной мѣрѣ: по указу 1714 года велѣно всѣ дѣла вершить по Уложенію, а новоуказныя статьи и сепаратные указы отмѣнить, кромѣ тѣхъ, которые учинены не въ противность, а въ дополненіе къ Уложенію.

Однако такой способъ рѣшенія задачи не достигалъ своей цѣли. Дѣло заключалось не только въ многочисленности новыхъ узаконеній, но въ томъ реформаторскомъ духѣ, которымъ они были проникнуты, малой согласуемости законовъ новыхъ съ законами старыми, московскими. Новый періодъ, открывающійся съ царствованія Петра I, объявилъ полный разрывъ съ традиціями, полное игнорированіе прошлаго.

Въ сущности и московское законодательство не было консервативнымъ, хотя оно постоянно и прикрывалось стариною, но на самомъ дѣлѣ государственный и правовой строй Москвы подъ дѣйствіемъ московскихъ государей все болѣе и болѣе уклонялся отъ

*) Окончаніе. См. „Пед. Лист." 1899 г., кн. 7.

прошлаго. Напротивъ, на старину всегда ссылались оппозиціонные элементы въ своей борьбѣ съ усиливающимся самодержавіемъ. Разница въ томъ, что Петръ I прямо и открыто объявилъ войну старинѣ даже въ самыхъ мелочныхъ ея проявленіяхъ. Московское правительство занято было главнымъ образомъ реформированіемъ государственнаго порядка по византійскимъ идеаламъ, а Петръ пожелалъ частный бытъ поставить на западноевропейскую ногу и тѣмъ сразу выдвинулъ вопросы гражданскаго права. Московское законодательство сильно пользовалось чужими образцами, но облекало свои заимствованія въ московскую форму, такъ что открыть ихъ происхожденіе не такъ легко и просто. Напротивъ, при Петрѣ заимствованія дѣлаются совершенно явно, безъ замалчиванія источниковъ, и переходятъ нерѣдко въ простые переводы. Московское законодательство заимствовало у тѣхъ, съ кѣмъ Москву связывали или историческія воспоминанія, или близость культуры. Петръ не стѣснялся этимъ и дѣлалъ заимствованія у народовъ, съ которыми Россія имѣла мало общаго въ культурномъ отношеніи. Петръ руководствовался единственно принципомъ цѣлесообразности въ полной увѣренности, что неистощенная почва Россіи воспримета новыя сѣмена и дастъ современемъ богатый урожай.

Надѣясь на способность русскаго общества усвоить западную культуру и приспособиться къ западному праву, Петръ однако ничего не сдѣлалъ, чтобы облегчить переходъ отъ московскихъ порядковъ къ европейскимъ. Сдѣланныя неумѣлою рукою, обнаруживающія нерѣдко неудачный выборъ, изложенныя на непонятномъ для русскихъ языкѣ, заимствованія не могли пустить глубоко корни въ русскомъ быту. Отсюда нерѣдкое разочарованіе въ нихъ самого Петра. Бросаясь отъ чужого къ своему, то снова отъ своего къ чужому, Петръ не хотѣлъ понять, что русскому обществу претило не самое заимствованіе, а форма его. Отсюда въ царствованіе Петра происходитъ страшная законодательная путаница, подорвавшая у русскаго общества довѣріе къ законодательству, развивавшая въ немъ тотъ индиферентизмъ, который отразился на всѣхъ послѣдующихъ кодификаціонныхъ предпріятіяхъ.

А между тѣмъ потребность въ кодификаціи права обнаруживалась весьма настоятельно въ теченіе всего XVIII вѣка. Къ ней побуждали какъ многочисленность узаконеній, вышедшихъ послѣ Уложенія,

такъ и несогласуемость положенныхъ въ основаніе ихъ началъ. Съ одной стороны московская старина, съ другой иноземная новизна. Колеблясь между той и другой, Петръ I, какъ и его преемники, переходилъ поочередно отъ мысли о сводѣ къ мысли о кодексѣ. Но въ томъ или иномъ направленіи задуманныя кодификаціонныя начинанія оканчивались полнымъ неуспѣхомъ: XVIII вѣку такъ и не суждено было увидѣть кодификаціи русскаго права, несмотря на многочисленность попытокъ. Главною причиной неуспѣха слѣдуетъ признать полное отсутствіе юридической подготовки: въ Россіи были законовѣды въ лицѣ дьяковъ и подъячихъ, но не было образованныхъ юристовъ. А между тѣмъ для тѣхъ сложныхъ юридическихъ вопросовъ, какіе выдвигала жизнь XVIII столѣтія, нельзя уже было довольствоваться приказными людьми. Это почувствовалъ и самъ Петръ I, обратившій вниманіе на недостатокъ въ Россіи юриспрудентовъ. Наконецъ полный индиферентизмъ со стороны общества къ законодательнымъ вопросамъ, когда къ нему обращалось правительство, доходящія до смѣшного уклоненія отъ участія въ кодификаціонныхъ работахъ,—не предвѣщали успѣха задуманному предпріятію.

Послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ составить сводъ узаконеній, Петръ пришелъ къ другому плану,—заняться изготовленіемъ кодекса. Эта мысль должна была у него возникнуть послѣ рѣзкихъ реформъ, послѣ той ломки русскаго быта, которая уже не мирилась съ старыми юридическими формами. Но какъ составить кодексъ въ Россіи, гдѣ не было юристовъ, а только законовѣды, знавшіе старину и крѣпко за нее державшіеся. Если старый московскій порядокъ ломался въ пользу западныхъ порядковъ, то западное право, приспособленное къ этимъ порядкамъ, должно быть вполнѣ подходящимъ для новой русской жизни. И Петръ пришелъ къ мысли воспользоваться цѣликомъ иностранными кодексами. При этомъ было упущено изъ вида, что, какъ ни ломался русскій бытъ, онъ все же далеко не сталъ тождественъ съ западнымъ. Менѣе всего было сходства между русскимъ и шведскимъ бытомъ, который представлялъ значительныя особенности по отношенію къ западноевропейскому типу. А между тѣмъ Петръ I натолкнулся на мысль примѣнить къ русской жизни именно шведскій кодексъ. Въ 1720 году учреждена была комиссія, въ составъ которой вошли три иностранца и къ которой прикоман-

дированъ былъ одинъ переводчикъ. Комиссіи предстояло сличить шведскіе и русскіе законы и выбрать, что лучше. Для помѣстныхъ дѣлъ предложены права эстляндскія и лифляндскія, «ибо оныя сходнѣе и почитай однимъ манеромъ владѣніе имѣютъ, какъ у насъ». Уже это обстоятельство показываетъ, какъ мало знали инструкторы, приравнивая феодальные порядки къ русской помѣстной системѣ. Но и самое сличеніе было дѣломъ весьма труднымъ. Переводъ шведскаго кодекса подвигался туго, члены комиссіи большею частью языка этого не знали, наконецъ и самыя нормы не соотвѣтствовали другъ другу, такъ что нуженъ былъ весьма опытный глазъ юриста, чтобы сдѣлать самое сличеніе двухъ столь несходныхъ правъ. Правительство пригласило къ участію въ комиссіи 10 офицеровъ. Можно было заранѣе предсказать неуспѣхъ этого предпріятія. Не помогло и экстренное средство, къ которому прибѣгло правительство позднѣе, для ускоренія дѣла, а именно—порученіе выполнить задачу комиссіи нѣмецкому профессору, хотя и «человѣку науки высокой», но не знавшему ни русскаго языка, ни русскаго права.

Въ царствованіе Петра II, въ 1728 году, учреждается комиссія, которая должна была пополнить Уложеніе всѣми послѣдующими узаконеніями. А для этой цѣли предписано «выслать къ Москвѣ изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи по 5 человѣкъ». Какъ отнеслось дворянское сословіе къ этому призыву, видно изъ того, что, несмотря на значительный срокъ, назначенный для съѣзда выборныхъ, никто не явился, а когда на вторичное приглашеніе съѣхались наконецъ «добрые и знающіе люди», то правительству пришлось забраковать ихъ всѣхъ за полною ихъ непригодностью.

Съ воцареніемъ Анны Ивановны снова вернулись къ мысли о составленіи кодекса. Въ 1730 году учреждена была комиссія, просуществовавшая болѣе 10 лѣтъ. Анна Ивановна обращается къ общественной помощи и приглашаетъ къ составленію Уложенія уже не однихъ дворянъ, но и лицъ духовнаго и купеческаго званія. Какъ кажется, выборные на этотъ разъ вовсе не явились, а правительство не настаивало. Работа тянулась медленно нѣсколько лѣтъ, когда наконецъ правительство пришло къ мысли для облегченія основной задачи составить сводное уложеніе. Въ результатѣ работа не была выполнена

Елизавета Петровна пошла обратнымъ путемъ: она начала сводомъ, а кончила кодексомъ. Вскорѣ по восшествіи государыни на престолъ былъ изданъ указъ объ учрежденіи комиссіи изъ сенаторовъ, которая должна была пересмотрѣть всѣ указы и «оставить съ состояніемъ сего времени несходные». Отъ этой комиссіи не осталось никакихъ результатовъ по той причинѣ, что изданные законы вслѣдствіе отсутствія порядка обнародованія, мало кому были извѣстны. Въ 1754 году Елизавета Петровна изъявила желаніе, чтобы «преимущественно передъ прочими дѣлами сочинить ясные законы и тому немедленное положить начало». Въ виду этого была учреждена новая комиссія изъ 8 лицъ. Комиссія обратилась къ правительству съ просьбой созвать депутатовъ отъ трехъ сословій. Помня прежнее равнодушіе общества, правительство увѣщевало послѣднее придти ему на помощь, «потому всякаго сына отечества долгъ есть совѣтомъ и дѣломъ въ томъ помогать и къ окончанію съ ревностнымъ усердіемъ споспѣшествовать стараться». Но это обращеніе не въ состояніи было поколебать равнодушіе общества къ законодательнымъ вопросамъ, и сама комиссія въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ закончила свое безплодное существованіе.

Екатерина II поразила задуманнымъ ею законодательнымъ предпріятіемъ весь европейскій міръ. Замѣчательны были не самая мысль законодательной реформы, не призывъ общества, оставшагося до сихъ поръ глухимъ, но провозглашеніе съ высоты престола идей, которыя должны были лечь въ основаніе будущаго Уложенія. Въ концѣ 1766 года императрица издала манифестъ, въ которомъ, излагая настоятельную необходимость законодательной реформы, учреждала комиссію и приглашала народныхъ представителей къ участію въ этомъ дѣлѣ. Приглашеніе было обращено ко всѣмъ сословіямъ, за исключеніемъ духовенства, а также къ государственнымъ учрежденіямъ, сенату, коллегіямъ.

На этотъ разъ общество откликнулось на приглашеніе правительства. Къ назначенному сроку съѣхалось много депутатовъ, и составъ ихъ, судя по происходившимъ преніямъ, могъ считаться довольно удачнымъ. Депутаты пріѣхали не съ пустыми руками, а съ массою наказовъ, выражавшихъ пожеланія избирателей.

При открытіи перваго засѣданія собранію предложенъ былъ Наказъ,—плодъ литературной дѣятельности самой императрицы. Въ

немъ выражены были идеи, которыя съ половины XVIII столѣтія начинаютъ расшатывать старый общественный порядокъ. Принципъ законности, равенство всѣхъ передъ закономъ, уничтоженіе монополій, прощеніе преступнику при недоказанной точно виновности, распространеніе просвѣщенія, какъ предупредительное средство противъ преступности, исправленіе, какъ цѣль наказанія, отрицаніе жестокости наказаній, смертной казни, пытокъ, безпристрастіе судей и гласность судопроизводства, какъ условія правосудія,—таковы идеи, разбросанныя по всему наказу. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Наказъ произвелъ за границею страшную сенсацію, а у насъ вызвалъ слезы умиленія на глазахъ выслушивавшихъ его депутатовъ.

Однако, и этому предпріятію суждена была неудача. Основною причиной неуспѣха слѣдуетъ признать отсутствіе проекта, который такое многолюдное и юридически не образованное собраніе могло бы обсуждать, но никакъ не составлять. Комиссія бросалась изъ стороны въ сторону, не зная, за что ей приняться, и потому не закончила ни одного начинанія. Нельзя не признать, что между принципами Наказа и домогательствами сословій было часто значительное разстояніе. Да и сама императрица вскорѣ охладѣла къ предпріятію. Въ концѣ 1768 года, по случаю войны, комиссія была распущена, и все это дѣло было совершенно прекращено.

Гражданское право менѣе всего занимало вниманіе какъ императрицы, такъ и комиссіи. Въ Наказѣ встрѣчается весьма мало замѣчаній относительно этой области права, и это объясняется очень просто тѣмъ, что Монтескьё и Беккаріа, которыхъ Екатерина II, по ея собственнымъ словамъ, такъ «ловко обобрала», не касаются почти вовсе этой сферы. Въ депутатскихъ наказахъ также встрѣчается сравнительно немного заявленій, относящихся къ гражданскому праву, хотя и были высказаны нѣкоторыя соображенія о большей свободѣ оборота недвижимостей, о завѣщаніяхъ, о законномъ наслѣдованіи, объ уничтоженіи ограниченій права собственности, о находкѣ, кладѣ и нѣк. др. Да и сами депутаты сравнительно мало высказывались по вопросамъ гражданскаго права.

А между тѣмъ идея обособленія гражданскаго права отъ публичнаго сказывалась все болѣе опредѣленно. Уже въ начертаніи о приведеніи къ окончанію комиссіи проекта новаго уложенія указывается, что законодательство раздѣляется на двѣ части, на право общее и пра-

во особенное, или частное, «сдѣланное для каждаго лица особенно».

Кодификаціонныя попытки XVIII вѣка заканчиваются комиссіей, учрежденной императоромъ Павломъ въ 1797 году. На этотъ разъ правительство снова возвращается къ мысли о сводѣ и предписываетъ, собравъ всѣ дѣйствующіе законы, составить изъ этого матеріала три сборника, уголовный, гражданскій и казенныхъ дѣлъ. Эта комиссія работала уже безъ содѣйствія народныхъ представителей и со смертью императора закончила свое существованіе.

§ 6. **Кодификаціонныя попытки въ царствованіе Александра I.** Въ самодержавномъ государствѣ, какъ Россія, личность государя, его взгляды, направленіе, характеръ, имѣютъ рѣшающее значеніе для успѣха законодательныхъ предпріятій. Вступленіе на престолъ Александра I было встрѣчено всеобщею радостью и ожиданіями. Молодой государь, блестяще одаренный отъ природы и воспитанный въ духѣ новыхъ идей, преисполненъ былъ желанія пересоздать строй и бытъ старой Россіи. Болѣе всего возмущалъ императора произволъ, и онъ желалъ утвердить въ управленіи начало законности.

Образцомъ для реформаторскихъ замысловъ Александра I должна была послужить Франція, какъ первая страна, стряхнувшая съ себя феодальный покровъ и только что облачившаяся въ новую форму, и Англія, какъ страна, учрежденія которой играли у самихъ французовъ въ XVIII вѣкѣ роль путеводной звѣзды. Обращеніе Александра къ Франціи совпало съ увлеченіемъ русскаго общества всѣмъ французскимъ, великимъ или малымъ. Это французское увлеченіе, начавшееся при Екатеринѣ II и искусственно задержанное на короткое время въ царствованіе Павла, съ удвоенною силою прорвалось со вступленіемъ на престолъ Александра I. Между тѣмъ, бытъ русскаго общества, если не считать крестьянской массы, подъ вліяніемъ той правительственной ломки, которая началась при Петрѣ I и продолжалась въ теченіе всего XVIII столѣтія, значительно уже отступилъ отъ тѣхъ формъ, которыя приняты были въ Уложеніи Алексѣя Михайловича. Необходимость новаго юридическаго порядка была внѣ всякаго сомнѣнія. Прежнія неудачи можно было объяснить или неподготовленностью русскихъ къ самостоятельной кодификаціонной работѣ, или неудачнымъ выборомъ образцовъ. Теперь же передъ глазами

всѣхъ находился только что изготовленный кодексъ, съ новѣйшими идеями въ основѣ, именно кодексъ Наполеона.

Вскорѣ, по вступленіи Александра I на престолъ, былъ изданъ 5 іюля 1801 года указъ, которымъ учреждалась комиссія подъ управленіемъ графа Завадовскаго для составленія законовъ. Указъ не предрѣшалъ вопроса о планѣ работъ. Въ рескриптѣ на имя Завадовскаго послѣднему предлагалось пересмотрѣть работы всѣхъ предшествовавшихъ комиссій и самому выбрать наиболѣе подходящій планъ. Какъ кажется, дѣло совсѣмъ не подвинулось впередъ и черезъ два года было передано въ министерство юстиціи.

Здѣсь вся надежда была возложена на человѣка, который не зналъ ни русскаго языка, ни русской исторіи, ни русскаго законодательства. Это лицо, приглашенное въ комиссію въ качествѣ главнаго референдарія, былъ баронъ Розенкампфъ, окончившій курсъ въ лейпцигскомъ университетѣ и почему-то слывшій за весьма ученаго правовѣда. Такое обращеніе къ почти иностранцу, совершенно не подготовленному къ работѣ, ему порученной, можно объяснить полнымъ отсутствіемъ въ то время въ Россіи образованныхъ юристовъ.

Долго пришлось бы ожидать результатовъ дѣятельности этой комиссіи, если бы въ составъ ея не вошелъ человѣкъ, одаренный необыкновенною творческою способностью. Пока Розенкампфъ изучалъ русскій языкъ и русскіе законы, по служебной лѣстницѣ быстро поднимался Сперанскій, давно уже заинтересованный дѣлами комиссіи. Вступивъ въ 1808 году въ комиссію, Сперанскій послѣ поѣздки въ Эрфуртъ, которая дала ему твердую поддержку въ государѣ, принялся со всею своею энергіей за новую работу.

Послѣ поѣздки съ Александромъ I на эрфуртское свиданіе, Сперанскій вполнѣ отдался французскому увлеченію, которое при томъ совпадало съ настроеніемъ самого императора, одобрившаго мысль Сперанскаго, «что у насъ люди лучше, а у нихъ учрежденія». Съ этого времени Сперанскій занялся изученіемъ французскаго законодательства.

Воодушленный реформаторскими планами, Сперанскій готовъ былъ сдѣлать уступку трусливымъ умамъ и предложить имъ историческую видимость. Въ одномъ письмѣ къ Александру I, Сперанскій высказалъ мысль, отразившуюся послѣдовательно на всѣхъ его работахъ: «переходъ отъ настоящихъ установленій къ новымъ надлежитъ

такъ учредить, чтобы новыя установленія казались возникающими изъ прежнихъ». Когда въ государственномъ совѣтѣ при обсужденіи проекта гражданскаго установленія потребовали указаній русскихъ законовъ, на которыхъ оно основано, Сперанскій поручилъ извѣстному въ то время законовѣду Ильинскому подвести подъ каждую статью ссылки на тѣ указы, изъ которыхъ она будто бы почерпнута была. Ильинскій выполнилъ это порученіе съ величайшимъ, по его собственнымъ словамъ, затрудненіемъ и крайнею часто натяжкою.

Сперанскій, полный энергіи, умный, трудолюбивый и въ то же время ловкій, пользуясь поддержкою государя и сочувствіемъ лучшей части общества, принялся при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ за дѣло составленія гражданскаго уложенія.

При открытіи государственнаго совѣта 1 января 1810 года государь положилъ на столъ проектъ первой части гражданскаго уложенія. Въ томъ же году приготовлена была и вторая часть, которая также разсматривалась въ совѣтѣ. При обсужденіи двухъ первыхъ частей проекта въ государственномъ совѣтѣ было сдѣлано весьма мало возраженій и поправокъ. Третья часть проекта внесена была въ совѣтъ въ 1812 году.

Каковъ былъ бы результатъ этого законодательнаго предпріятія, трудно, конечно, сказать. Энергія Сперанскаго могла бы довести дѣло до конца. Но въ это время неожиданно измѣнились внѣшнія обстоятельства, отразившіяся крайне неблагопріятно на ходѣ законодательныхъ работъ,—враждебныя отношенія къ Наполеону, измѣнившія симпатіи общества ко всему французскому въ ненависть и повлекшія паденіе Сперанскаго.

Увлеченіе Александра I Наполеономъ стало постепенно уступать мѣсто враждебному чувству къ «генію зла». На этой почвѣ завистники построили свой планъ враждебныхъ дѣйствій противъ Сперанскаго. «Поповича» выставили ярымъ защитникомъ того порядка, съ которымъ Россіи предстояло вести борьбу; гнусная клевета не остановилась передъ самымъ дикимъ вымысломъ, подшепнувъ, будто онъ измѣнникъ и передался Наполеону. Какъ ни мало вѣроятны были подобныя обвиненія, они достигли своей цѣли: Сперанскій палъ. Личные его враги привѣтствовали его паденіе, какъ «первую побѣду надъ французами». Самъ императоръ признавался, что только

обстоятельства того времени могли вынудить у него «эту жертву общественному мнѣнію».

Отечественная война подняла національный духъ въ Россіи и вызвала реакцію противъ французскаго увлеченія. Какъ прежде въ заимствованіи не умѣли соблюсти мѣру и доходили въ подражаніи до смѣшного, такъ теперь, наоборотъ, началось ревностное гоненіе всего, что только носило печать французскаго происхожденія. Началось мелочное преслѣдованіе и осмѣиваніе французскихъ взглядовъ, языка, воспитанія, порядковъ, нарядовъ.

Въ мартѣ 1812 года Сперанскій былъ сосланъ, а вскорѣ затѣмъ преобразована была комиссія по составленію законовъ. Вновь организованный при ней особый совѣтъ счелъ первымъ долгомъ сдѣлать представленіе о гражданскомъ уложеніи. Совѣтъ спрашивалъ, должно ли оставить безъ измѣненія разсмотрѣнныя части или же подвергнуть ихъ новому разсмотрѣнію. Склоняясь самъ ко второму рѣшенію, совѣтъ высказалъ нѣсколько общихъ соображеній. «Всякіе законы тогда наиболѣе могутъ приличествовать государству, когда они освящены уже временемъ». Это положеніе, если бы оно было гдѣ либо принято, лишило бы законодательную дѣятельность всякаго смысла. «Всякая новизна оскорбляетъ то, что для людей всего любезнѣе — привычку». При этомъ упущено, что въ сложныхъ обществахъ такія привычки довольно разнообразны, такъ что однѣ должны уступить другимъ,—что привычки бываютъ весьма дурныя, къ которымъ законодатель не можетъ относиться равнодушно. «Искусные люди могутъ конечно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ составить уложеніе, довольно хорошо написанное, но если они замѣнятъ начала, дѣйствительно принятыя, началами чужеземными, то сіи уложенія будутъ не что иное, какъ книги, содержащія въ себѣ систематическія разсужденія о правѣ несуществующемъ». Но, съ другой стороны, когда общественная жизнь далеко ушла отъ стараго права, то систематизація его не будетъ ли также разсужденіемъ о правѣ несуществующемъ? Если нравы и бытъ общества примѣняются къ чужеземнымъ образцамъ, какъ это было въ Россіи въ началѣ XIX столѣтія, то не будетъ ли чужеземная юридическая форма ему болѣе подходить, чѣмъ устарѣлая русская форма XVII вѣка, съ которою жизнь давно и далеко уже разошлась? Въ концѣ концовъ, открещиваясь отъ французскаго кодекса, комиссія становится въ сторону систематизаціи древнихъ (!)

законовъ и только допускаетъ нѣкоторыя ихъ поправки, согласно указаніямъ опыта.

Военныя дѣйствія и отсутствіе государя пріостановили дальнѣйшее движеніе гражданскаго уложенія. Когда, по успокоеніи Европы, Александръ I возвратился въ Петербургъ, то въ августѣ 1814 года предписалъ государственному совѣту одинъ день въ недѣлю посвящать работамъ по изготовленію гражданскаго уложенія. Для надлежащаго единообразія предложено было третью часть обсудить совмѣстно съ разсмотрѣнными уже двумя первыми частями. Дѣло шло, конечно, не объ единообразіи, а о томъ, чтобы у разсмотрѣнныхъ частей отнять авторитетъ и имѣть возможность подвергнуть все пересмотру съ цѣлью затормозить дѣло. Въ государственномъ совѣтѣ на первомъ же засѣданіи нѣкоторые члены, идя на встрѣчу новому направленію императора, заявили, что теперь не слѣдуетъ входить въ обсужденіе каждой отдѣльной статьи, а разсмотрѣть, «на какихъ бывшихъ или нынѣ существующихъ россійскихъ законахъ, обрядахъ или обычаяхъ основаны статьи сего проекта». Разсмотрѣніе проекта въ государственномъ совѣтѣ не привело ни къ какимъ результатамъ, и дѣло это было погребено.

Главными выразителями враждебнаго отношенія къ гражданскому уложенію выступили Карамзинъ въ представленной имъ государю „Запискѣ о древней и новой Россіи“, и Трощинскій, представитель стараго чиновничества.

Главное возраженіе, выставленное противъ проекта гражданскаго уложенія то, что онъ представляетъ собою переводъ кодекса Наполеона. Нельзя отрицать громаднаго вліянія французскаго кодекса на составителей уложенія, отрицать подражанія системѣ, заимствованіе отдѣльныхъ нормъ, даже подчасъ дословный переводъ. Но самое поверхностное сравненіе проекта съ кодексомъ Наполеона должно показать, что первый вовсе не простой переводъ второго.

Само по себѣ замѣчаніе, будто проектъ есть переводъ, конечно, не говоритъ ни за, ни противъ. Слѣдуетъ доказать, соотвѣтствуетъ ли его содержаніе условіямъ той страны, гдѣ законъ долженъ примѣняться.

Не содержаніе, не юридическіе недостатки проекта, не доказанная непримѣнимость его къ русскому быту помѣшали осуществиться въ то время предпріятію Сперанскаго, а исключительно неблагопрі-

ятныя политическія обстоятельства и личная вражда, нерѣдко тормозящая у насъ законодательную дѣятельность подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ. Для своего времени проектъ былъ составленъ весьма недурно. Онъ написанъ кратко, очень ясно и систематично. Трудно сказать, почему бы онъ не могъ тогда стать русскимъ закономъ? Едва ли препятствіемъ тому могла послужить близость его къ кодексу Наполеона. Во-первыхъ, во всей позднѣйшей законодательной дѣятельности весьма мало замѣчается оригинальнаго творчества: это все подражаніе французскимъ и нѣмецкимъ образцамъ. Такой характеръ носятъ отдѣльные законы и проекты по гражданскому праву въ теченіе XIX вѣка. Во вторыхъ, жизнь русскаго общества стала въ то время сильно приближаться къ европейскому типу Почему другія государства и страны, получившія тотъ же кодексъ, остались при немъ въ теченіе всего текущаго столѣтія? Губерніи Царства Польскаго сжились и цѣнятъ кодексъ Наполеона, хотя историческія основы польскаго права имѣли такъ же мало общаго съ французскимъ правомъ, какъ и основы русскаго законодательства.

По возвращеніи Сперанскаго въ Петербургъ въ 1821 году, дѣло о составленіи гражданскаго уложенія снова поднялось. Со стороны общества условія измѣнились къ лучшему. Ненависть ко всему французскому постепенно стихала по мѣрѣ отдаленія отъ времени отечественной войны, уступая мѣсто все болѣе возраставшей симпатіи къ западнымъ порядкамъ. Но взгляды самого императора и окружающей его среды были уже не тѣ. Душевная усталость Александра I, обнаружившаяся послѣ 1815 года, не давала надежды на энергичную съ его стороны поддержку. Мрачный режимъ графа Аракчеева еще менѣе оправдывалъ какія-либо ожиданія. Самъ Сперанскій, утративъ привезенныя съ собою въ Петербургъ иллюзіи и замѣтивъ поднявшуюся снова придворную оппозицію, которая сравнивала его возвращеніе съ возвращеніемъ Наполеона и пыталась вновь представить его вольнодумцемъ, счелъ болѣе благоразумнымъ не настаивать. Подъ предлогомъ, что гражданское уложеніе требуетъ предварительнаго изданія устава гражданскаго судопроизводства, дѣло о составленіи гражданскаго уложенія было оставлено.

§ 7. **Сводъ законовъ.** Царствованіе Николая Павловича началось при такихъ обстоятельствахъ, которыя не давали никакой надежды на тѣ законодательныя предпріятія, какими открывалось цар-

ствованіе его предшественника. При охранительномъ направленіи новаго правительства нельзя было и думать о реформахъ не только государственнаго строя, но и гражданско-правового порядка. Однако неудобства, возникавшія вслѣдствіе невозможности знать дѣйствующіе законы, сказались настолько сильно, что и императоръ Николай I счелъ необходимымъ обратить вниманіе на состояніе законодательства. «Я еще смолоду слышалъ, говорилъ онъ позднѣе передъ государственнымъ совѣтомъ, о недостаткахъ у насъ по этой части, о ябедѣ, о лихоимствѣ, о несуществованіи полныхъ на все законовъ или о смѣшеніи ихъ отъ чрезвычайнаго множества указовъ, нерѣдко между собою противорѣчивыхъ».

Для приведенія законодательной части въ порядокъ пришлось обратиться къ единственному человѣку, стоявшему въ то время на высотѣ подобной задачи, къ Сперанскому. Государь относился къ нему недовѣрчиво, опасался его идей и даже отзывался о немъ рѣзко. Тѣмъ не менѣе, необходимо было воспользоваться его знаніями, способностями, подготовкою. Къ нему обратились не какъ къ государственному человѣку, чьи идеи, планы, направленіе могли бы послужить руководствомъ для правительственнаго механизма, а какъ къ рабочей силѣ, безъ помощи которой нельзя было привести механизмъ въ движеніе. Самъ Сперанскій, подъ вліяніемъ постигшихъ его тяжелыхъ испытаній, значительно перемѣнился къ тому времени. Правда, его симпатіи и взгляды остались неизмѣнны, но онъ уже научился скрывать ихъ или облекать въ форму, никого не поражающую. Эта черта характера сказалась въ тѣхъ работахъ, къ которымъ онъ былъ призванъ въ царствованіе Николая Павловича и которыя приведены были къ окончанію, только благодаря рѣдкому трудолюбію и способностямъ этого, уже не молодого, человѣка.

Въ 1826 году комиссія составленія законовъ была преобразована во второе отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, во главѣ котораго сталъ Балугьянскій. Сперанскій же, который былъ душою всего дѣла, предпринятаго во Второмъ Отдѣленіи, никакого официальнаго назначенія не получилъ, а оставался только членомъ государственнаго совѣта.

Сперанскому же было поручено составленіе плана предполагаемыхъ работъ по улучшенію законодательной части. Въ первое время Сперанскій пытался пойти по прежнему пути—сочиненія уложенія. Считая

необходимымъ привести въ извѣстность дѣйствующее право и возлагая эту работу на комиссію, Сперанскій бралъ на себя лично составленіе гражданскаго и уголовнаго уложеній. Но тутъ на первыхъ же порахъ обнаружилось принципіальное разногласіе между взглядами Сперанскаго и императора Николая I. Послѣдній вовсе не желалъ какихъ бы то ни было новшествъ, которыя необходимо соединены съ уложеніями, поэтому государь рѣшилъ ограничиться приведеніемъ въ порядокъ дѣйствовавшаго права, систематизаціей огромнаго и мало извѣстнаго матеріала. Сперанскій подчинился такому рѣшенію, сталъ работать въ этомъ направленіи, хотя никто, вѣроятно, лучше его не сознавалъ всей трудности задуманнаго предпріятія.

Мысль о сводѣ особенно неудачна въ примѣненіи къ гражданскому праву, потому что этотъ отдѣлъ въ старое время игнорировался законодателемъ, который касался этой сферы случайно, по связи съ какими либо правительственными интересами. Заранѣе можно было предсказать, что законодательный матеріалъ по этой части окажется недостаточнымъ. При безпорядочномъ состояніи русскаго законодательства далеко не легко было и отдѣлить законы дѣйствующіе отъ потерявшихъ силу.

Для выполненія основной задачи свода—отдѣленія законовъ дѣйствующихъ отъ потерявшихъ силу, необходимо было прежде всего собрать въ одно весь громадный, исторически накопившійся, законодательный матеріалъ. Исходнымъ пунктомъ для такого предпріятія взято было Уложеніе Алексѣя Михайловича. Законы, изданные съ Уложенія до вступленія на престолъ Николая I, заняли 45 большихъ томовъ и составили Первое Полное Собраніе Законовъ. Трудъ этотъ, болѣе археологическій, чѣмъ юридическій, представляется громаднымъ, особенно если принять во вниманіе небольшой промежутокъ времени, въ теченіе котораго работа была закончена. Успѣхъ этой части предпріятія должно отнести въ значительной степени на счетъ комиссій XVIII вѣка.

Сперанскій придавалъ большое значеніе Полному Собранію Законовъ. Оно являлось необходимымъ: a) какъ подготовительная работа по составленію Свода Законовъ, b) какъ основаніе для разрѣшенія дѣлъ, возникшихъ до изданія Свода, c) какъ способъ изъясненія смысла законовъ, помѣщенныхъ въ Сводѣ, d) какъ почва для дальнѣйшаго

движенія законодательства, е) какъ фундаментъ для отечественной исторіи и правовѣдѣнія.

По мѣрѣ того, какъ накоплялся матеріалъ для Полнаго Собранія Законовъ, составлялись, въ видѣ подготовленія къ Своду Законовъ, историческіе своды на каждый отдѣлъ. Историческій матеріалъ разносился, путемъ выписокъ, по книгамъ, раздѣламъ, главамъ и отдѣленіямъ, по заранѣе составленной схемѣ. При этомъ дѣйствующіе законы не отдѣлялись отъ потерявшихъ силу. Такимъ образомъ, по каждому сколько нибудь существенному вопросу можно было обозрѣть всѣ относившіяся къ нему узаконенія. Послѣдовательная ихъ преемственность должна была съ ясностью обнаружить, насколько и въ чемъ позднѣйшіе законы отмѣняли предшествующіе. Въ результатѣ оставалось отдѣлить части ненужныя, т.-е. потерявшія силу, или лишенныя юридическаго содержанія, или повторенія: остальное должно было составить сумму нормъ по данному вопросу. Такъ по крайней мѣрѣ представлялось дѣло по плану, намѣченному Сперанскимъ.

Систематизація матеріала была произведена на слѣдующемъ основаніи. «Два союза, два порядка отношеній, необходимы въ государствѣ: союзъ государственный и союзъ гражданскій. Союзъ государственный есть внутренній и внѣшній; здѣсь вопросъ только о первомъ. Союзъ гражданскій есть или семейственный или союзъ по имуществамъ. Изъ союзовъ возникаютъ права и обязанности. Тѣ и другія опредѣляются и охраняются законами. Отсюда два порядка законовъ: законы основные, учрежденія, законы государственные и законы гражданскіе». Законы государственные дѣлятся въ свою очередь на законы основные, учрежденія, законы силъ государственныхъ и законы о состояніяхъ—съ одной стороны, на законы предохранительные и уголовные съ другой. Отсюда хорошо извѣстное дѣленіе всего Свода Законовъ на 8 частей. Такимъ образомъ, система для русскаго законодательства, накопленнаго путемъ долгаго историческаго процесса, была взята не изъ него самого, а изъ теоріи. Не страннымъ ли послѣ этого представляется требованіе національности системы въ изложеніи русскаго права, когда самъ Сводъ Законовъ, въ распредѣленіи матеріала, совершенно чуждъ претензіи на самобытность?

Громадная работа по составленію Полнаго Собранія и Свода Законовъ была закончена въ сравнительно короткое время. Въ маѣ 1832 года весь трудъ былъ оконченъ, а 19 января 1833 года состоя-

лось торжественное засѣданіе Государственнаго Совѣта въ присутствіи государя. На столѣ уже лежали отпечатанные 15 томовъ Свода Законовъ, 46 томовъ Перваго Полнаго Собранія Законовъ и 8 Второго Собранія.

При всѣхъ недостаткахъ Свода, болѣе или менѣе сознаваемыхъ всѣми, за нимъ признаютъ многіе одно несомнѣнное достоинство—это его историчность. Говорятъ, что русское гражданское право, благодаря Своду, представляетъ такія самобытныя черты, какія неизвѣстны праву другого народа. Однако, ближайшее ознакомленіе съ содержаніемъ его въ значительной степени обнаруживаетъ большое несоотвѣтствіе между содержаніемъ т. X, ч. 1 и его историческими основаніями.

Самъ Сперанскій болѣе всего старался внушить мысль, что «Сводъ есть вѣрное изображеніе того, что̀ есть въ законахъ». «Все богатство наше,—говоритъ онъ,—есть наше собственное, благопріобрѣтенное».

Никогда, можетъ-быть, Сперанскій не былъ такъ мало искрененъ, какъ въ тотъ моментъ, когда писалъ эти строки. Но что было дѣлать? Составить систематическій сборникъ исключительно на основаніи историческаго матеріала, отвѣчающій требованіямъ жизни, было совершенно невыполнимой задачей. Сперанскій сдѣлалъ видъ, что подчиняется выбранному направленію, что изготовляетъ Сводъ, основанный исключительно на историческомъ матеріалѣ, и по возможности громче говорилъ о непригодности для насъ иностранныхъ образцовъ, о неисчерпаемомъ отечественномъ богатствѣ.

На самомъ же дѣлѣ онъ далъ полный просторъ этимъ симпатичнымъ ему иностраннымъ образцамъ, обставивъ заимствованное изъ нихъ ссылкою на русскіе источники. Сперанскій достигъ своей цѣли. Общество болѣе всего боится словъ. Успокоенное съ этой стороны, оно охотно приняло составленный Сперанскимъ сводъ гражданскихъ законовъ, какъ продуктъ національный, какъ выраженіе самобытности.

Благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, начинаетъ обнаруживаться истинный матеріалъ, изъ котораго построенъ сводъ гражданскихъ законовъ. Дѣйствительнымъ источникомъ значительной части этого Свода были западныя законодательства и литература.

§ 8. **Кодификація мѣстнаго права.** До половины XVII столѣтія Россія все еще собиралась, т.-е. соединяла тѣ части русской

земли, которыя нѣкогда принадлежали къ ея составу и, благодаря несчастнымъ обстоятельствамъ, разбрелись розно. Съ XVIII вѣка Россія переходитъ въ наступательное движеніе и завоевываетъ области съ совершенно иными нравами, обычаями, языкомъ, вѣрой, правомъ. Подчиняя эти области своей политической власти, русское правительство сохраняетъ всюду въ неприкосновенности сложившееся исторически въ этой мѣстности право. При составленіи Свода Законовъ, который долженъ былъ представлять по идеѣ изображеніе того, что есть, очевидно не могла возникнуть мысль о распространеніи дѣйствія его на тѣ окраины, въ которыхъ его источники не имѣли никогда примѣненія. Отсюда рядомъ со Сводомъ получился рядъ мѣстныхъ правъ, или кодифицированныхъ до присоединенія областей къ Россіи или кодифицированныхъ при участіи русскаго правительства.

1. Едва уложеніе Алексѣя Михайловича укрѣпило правовое единство въ Россіи, какъ присоединеніе Малороссіи въ половинѣ XVII вѣка вновь нарушило однообразіе юридическихъ нормъ. Въ Малороссіи до присоединенія ея къ Россіи дѣйствовали, въ качествѣ источниковъ права, Литовскій Статутъ и Магдебургское право. Алексѣй Михайловичъ оставилъ въ неприкосновенности дѣйствіе этихъ источниковъ.

Съ XIX столѣтія начинается другое теченіе: дѣло идетъ не объ утвержденіи правовой обособленности этого края путемъ кодификаціи, а напротивъ—о подчиненіи этихъ мѣстностей общему праву. Въ двадцатыхъ годахъ между Сенатомъ и мѣстными судами возникло пререканіе изъ-за магдебургскаго права. Сенатъ настаивалъ на примѣненіи его, а мѣстные суды указывали на полную неизвѣстность и невозможность ознакомленія съ нимъ. Для исполненія требованій Сената суды просили прислать имъ магдебургское право въ переводѣ. Отыскался какой-то переводъ 1735 года. Но дѣло обсуждалось въ комитетѣ министровъ, гдѣ заслушанъ былъ докладъ Сперанскаго, который, изложивъ исторію этого источника, пришелъ къ заключенію, что «законъ, подъ именемъ магдебургскаго права, въ малороссійскихъ городахъ введенный, съ давнихъ уже лѣтъ оставленъ въ бездѣйствіи, бывъ замѣненъ въ рѣшеніи дѣлъ отчасти Литовскимъ Статутомъ, отчасти общими русскими законами». Комитетъ согласился съ мнѣніемъ Сперанскаго и постановилъ оставить магдебургское право, какъ

источникъ, въ сторонѣ. Такимъ путемъ отмѣнена была сила одного изъ мѣстныхъ источниковъ.

Скоро дошла очередь и до другого источника. Въ 1840 году состоялся указъ, распространившій силу Свода Законовъ на всѣ западныя, возвращенныя отъ Польши области, мотивировавъ этотъ указъ тѣмъ, что личныя и имущественныя права опредѣлены въ сводѣ «точнѣе и удовлетворительнѣе». Вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что Сводъ Законовъ потерялъ на этотъ разъ сводный характеръ, переставъ быть «вѣрнымъ изображеніемъ того, что есть», потому что въ этихъ мѣстностяхъ источники, на которыхъ основанъ сводъ, никогда не имѣли значенія дѣйствующаго права. Однако, при второмъ изданіи Свода Законовъ (1842 г.) были сдѣланы извлеченія изъ Литовскаго Статута, которыя включены въ текстъ т. X ч. 1, въ видѣ изъятій изъ общихъ правилъ. Сила такихъ исключительныхъ положеній распространена только на губерніи Черниговскую и Полтавскую, которыя образовались въ 1802 году изъ бывшей Малороссійской губерніи. Слѣдовательно, и эти мѣстности находятся въ настоящее время подъ дѣйствіемъ общаго права лишь съ нѣкоторыми, указанными въ Сводѣ, изъятіями. Самый же Литовскій Статутъ лишенъ законной силы, хотя и можетъ служить средствомъ историческаго толкованія.

2. По нистадтскому миру 1721 года къ Россіи отошли Лифляндія и Эстляндія, а по третьему раздѣлу Польши (1795 г.) и Курляндія, соединившаяся въ 1566 году съ этимъ государствомъ. Такимъ путемъ весь остзейскій край вошелъ въ составъ Россійской имперіи. Какъ Петръ I, такъ и Екатерина II подтвердили неприкосновенность мѣстныхъ правъ, исторически сложившихся въ этихъ мѣстностяхъ.

Но это мѣстное право представляло собою такое разнообразіе источниковъ, что при нѣкоторомъ экономическомъ развитіи остзейскаго края эта неопредѣленность должна была оказаться стѣснительною. Здѣсь дѣйствовали масса старинныхъ статутовъ, сводовъ, рыцарскихъ и ленныхъ правъ, городскихъ и крестьянскихъ положеній, сборники новѣйшаго происхожденія, германскіе источники, какъ, напр., саксонское зерцало, римское право. Объединеніе всего края подъ русскимъ владычествомъ должно было возбудить мысль о необходимости объединенія правового. Дѣйствительно, въ теченіе XVIII вѣка вопросъ этотъ неоднократно возникалъ и разработывался.

Тѣ же кофикаціонныя попытки продолжаются въ теченіе XIX вѣка, пока наконецъ эта работа не перешла въ руки Второго отдѣленія. Здѣсь начались работы по составленію Свода, при чемъ составителю предложено было держаться насколько можно ближе того плана въ распредѣленіи книгъ, раздѣловъ и частей, какой принятъ былъ въ общемъ Сводѣ для Россійской имперіи. Сводъ гражданскаго права, подвергнутый ревизіи комитета, который былъ образованъ изъ депутатовъ отъ мѣстнаго населенія, былъ оставленъ безъ движенія въ виду того, что въ немъ не были указаны источники статей, помѣщенныхъ въ сводѣ. Въ 1857 году сводъ гражданскихъ законовъ порученъ былъ для переработки профессору дерптскаго университета и знатоку мѣстнаго права, Бунге. Произведеніе это было одобрено и въ 1864 году опубликовано на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ, а съ 1 іюля 1865 года сводъ гражданскихъ законовъ, составившій третью часть свода остзейскихъ законовъ, вступилъ въ дѣйствіе.

3. Въ 1809 году по фридрихсгамскому миру къ Россіи была присоединена Финляндія, которая до сихъ поръ была связана своею политическою судьбою со Швеціею. Какъ часть послѣдней, Финляндія находилась подъ дѣйствіемъ шведскаго уложенія 1734—1736 годовъ. Это уложеніе, въ виду обѣщанной Александромъ I неприкосновенности мѣстныхъ законовъ, осталось основнымъ источникомъ финляндскаго права. Правда, какъ до присоединенія Россіи, такъ и послѣ того издано было много отдѣльныхъ законовъ, существенно измѣнившихъ содержаніе уложенія, но все же послѣднее формально продолжаетъ лежать въ основѣ финляндскаго права.

Финляндское право представляетъ собою совершенно обособленную систему, и русское гражданское законодательство въ предѣлахъ Финляндіи никакого примѣненія не имѣетъ.

4. До присоединенія Бессарабіи къ Россіи въ 1812 году по бухарскому миру, въ этой мѣстности дѣйствовали довольно смѣшанные источники, но основнымъ источникомъ было византійское право, преимущественно, но не исключительно, въ формѣ шестикнижья Арменопула. Вскорѣ по присоединеніи Бессарабіи былъ поднятъ вопросъ о составленіи свода мѣстныхъ гражданскихъ законовъ и съ этою цѣлью было приступлено къ изслѣдованію, какіе источники дѣйствуютъ въ странѣ. Такими источниками были признаны: а) шестикнижье Арменопула, только въ 1804 году переведенное на молдав-

скій языкъ, а до того времени мало доступное народу; b) соборная грамота молдавскаго господаря Александра Маврокордато 1785 года, касающаяся главнымъ образомъ поземельныхъ отношеній и c) краткое собраніе законовъ Донича 1814 года, самаго недавняго происхожденія, представляющее собою учебное руководство на молдавскомъ языкѣ.

Законы 1818 и 1828 годовъ объ управленіи Бессарабскою областью оставили въ силѣ эти мѣстные источники впредь до составленія изъ нихъ особаго свода, съ распространеніемъ россійскаго законодательства на случаи, когда законы мѣстные окажутся недостаточными.

5. Въ части бывшаго королевства польскаго, преобразовавшейся подъ дѣйствіемъ успѣховъ Наполеона въ герцогство Варшавское, введенъ былъ, съ 1 мая 1808 года, по повелѣнію французскаго императора, французскій гражданскій кодексъ, а съ 15 августа 1810 года сила его была распространена и на области, которыя были отняты у Австріи и присоединены къ герцогству. Съ 1809 года получило примѣненіе и французское коммерческое уложеніе. Увлеченіе Наполеономъ и соединенныя съ нимъ политическія надежды облегчили принятіе обоихъ кодексовъ, столь несходныхъ съ историческими основами польскаго права и преодолѣли трудность ихъ усвоенія, вполнѣ естественную въ первое время. Вѣнскій конгрессъ 1815 года вручилъ герцогство Варшавское русскому императору, который сохранилъ въ странѣ дѣйствіе французскихъ кодексовъ.

Реакціонное направленіе, наступившее послѣ низверженія Наполеона, дало возможность католическому духовенству начать агитацію противъ кодекса, который ввелъ въ столь религіозный странѣ гражданскій бракъ. Но общество успѣло весьма скоро приспособиться къ новому праву, оцѣнить все его превосходство передъ старымъ польскимъ правомъ и потому твердо стояло за кодексъ. Наконецъ, въ 1836 году, изданъ былъ законъ о союзѣ брачномъ, который возстановилъ церковный бракъ. Со введеніемъ въ 1875 году судебныхъ уставовъ императора Александра II въ привислянскихъ губерніяхъ, потеряли силу нѣкоторыя статьи кодекса. Но въ общемъ французскій кодексъ продолжаетъ дѣйствовать въ странѣ почти въ томъ же видѣ, какъ и на родинѣ своей, во Франціи.

6. Въ прежнее время существовало еще мѣстное законодательство на Кавказѣ. Когда въ 1801 году закрѣпилась связь между Грузіею

и Россіею, русское правительство предоставило мѣстному населенію пользоваться обычаями и законами царя Вахтанга, а въ случаѣ ихъ недостаточности общими россійскими законами. Уложеніе грузинскаго царя Вахтанга составлено было въ началѣ XVIII столѣтія и представляетъ собою, рядомъ съ обычаями и указаніями царей грузинскихъ, сборникъ законовъ моисеевыхъ, византійскихъ, армянскихъ, что не мѣшало ему распространиться по всему Кавказу. Правительство русское задалось было цѣлью само привести въ извѣстность мѣстные законы и обычаи, но ограничилось офиціальнымъ изданіемъ въ 1828 году перевода Вахтангова сборника. Крайняя неудовлетворительность и неопредѣленность этого источника побуждали мѣстное населеніе обращаться къ правительству съ ходатайствомъ объ устраненіи мѣстныхъ законовъ. Отвѣтомъ на такія просьбы явилось Высочайшее повелѣніе 20 октября 1859 года: 1) дѣйствующія въ разныхъ частяхъ закавказскаго края, составляющихъ прежнія Грузію, Имеретію и Гурію, постановленія изъ уложенія царя Вахтанга замѣнить общими законами Имперіи, во всемъ ихъ пространствѣ, допустивъ изъ сихъ послѣднихъ законовъ нѣкоторыя изъятія, требуемыя мѣстными особенностями края; 2) изъятія сіи ввести въ общій сводъ гражданскихъ законовъ Имперіи, въ видѣ дополненія подлежащихъ статей этого свода. Сила этого положенія была распространена въ 1870 году и на Мингрелію. Слѣдуетъ замѣтить, что указанныя изъятія, особенно со времени введенія судебныхъ уставовъ въ Закавказье, весьма немногочисленны.

Г. Шершеневичъ.

Среди журналовъ.

Открывая съ настоящей книжки новый отдѣлъ «Среди журналовъ», редакція «Педагогическаго Листка» имѣетъ въ виду прежде всего сельскаго учителя. Заброшенный въ глуши, вдали отъ умственныхъ центровъ, живущій на скудные гроши учительскаго содержанія, этотъ скромный, но въ то же время важный труженикъ, долженствующій служить просвѣщенію земли русской, на ряду со всѣми другими невзгодами, обреченъ еще и на духовный голодъ. Для людей, живущихъ въ умственныхъ центрахъ, имѣющихъ возможность слѣдить за всѣми новостями художественной и научной литературы, выраженіе «духовный голодъ» можетъ быть и не представляется такимъ вопіющимъ, какимъ оно является иногда на самомъ дѣлѣ. «Книгъ, какъ можно больше книгъ!» взываетъ одна изъ учительницъ въ своемъ письмѣ въ Московское Общество Грамотности. Но гдѣ взять книгъ? Выписывать журналы—учителю не по средствамъ; учительскихъ библіотекъ у насъ вообще немного, да и тѣ, которыя имѣются въ нѣкоторыхъ земствахъ, часто бываютъ очень скудны и не могутъ удовлетворить учителя въ его запросахъ на книгу. Отвѣтить хотя до нѣкоторой степени этой насущнѣйшей потребности учителя и ставитъ себѣ задачей редакція «Пед. Листка», открывая настоящій отдѣлъ, въ которомъ найдутъ себѣ мѣсто въ изложеніи и выдержкахъ наиболѣе интересныя статьи изъ нашей періодической литературы. Недостатокъ мѣста, которое редакція можетъ удѣлить новому отдѣлу, не позволитъ, конечно, знакомить со всѣмъ, на что желательно было бы обратить вниманіе учителя, но все, наиболѣе важное для учителя, найдетъ себѣ здѣсь мѣсто и дастъ возможность читателю слѣдить за содержаніемъ, такъ назыв., «толстыхъ» журналовъ. Редакція была бы глубоко благодарна, если бы сами читатели пришли ей на помощь и высказали свое мнѣніе о томъ, какого рода статьи ихъ наиболѣе

интересуютъ. Эта живая связь съ читателемъ дала бы возможность редакціи вѣрнѣе и лучше выполнить принимаемую ею на себя задачу. Всякія указанія и совѣты будутъ приняты съ благодарностью.

Нравственный обликъ Пушкина. — А. Ѳ. Кони. *Начальная школа и промышленность.*—Григорьева. *Новый школьный законъ въ Швейцаріи. Художественныя произведенія въ классахъ, какъ средство для эстетическаго развитія учащихся.*

Полгода отдѣляетъ насъ отъ пушкинскихъ праздниковъ, а между тѣмъ на страницахъ періодической печати продолжаютъ появляться статьи, посвященныя памяти великаго поэта. Въ октябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» находимъ въ высшей степени интересную работу по этому вопросу извѣстнаго судебнаго дѣятеля и оратора А. Ѳ. Кони—«Нравственный обликъ Пушкина». «Поэтъ съ многострадальной душой—Пушкинъ,—говоритъ авторъ, — былъ не только геніальнымъ художникомъ, но и великимъ явленіемъ жизни русской. Въ признаніи именно такого его значенія сходятся между собою,—съ различныхъ точекъ зрѣнія,—Гоголь, Бѣлинскій и Достоевскій. Но великія явленія, какъ въ области нравственной природы, такъ и въ области природы физической, имѣютъ одно общее свойство: про нихъ никогда нельзя сказать, что они изучены окончательно. Ихъ глубокое значеніе, ихъ сила и воздѣйствіе на окружающее никогда не раскрываются вдругъ и сразу. Поэтому и Пушкинъ—несравненный выразитель коренныхъ началъ народнаго духа, могучій и вдохновенный ковачъ родного языка, мыслитель и пѣвецъ, историкъ и гражданинъ—представляетъ неисчерпаемый матеріалъ для изученія. Въ его духовной природѣ, по мѣрѣ созрѣванія и расширенія русской мысли, по мѣрѣ болѣе близкаго знакомства со всѣмъ, что къ нему относится,—открываются все новые горизонты. Этимъ онъ походитъ на своего любимаго историческаго героя,—на великаго Петра». Въ своемъ изслѣдованіи авторъ совершенно не касается безсмертныхъ заслугъ Пушкина для русскаго языка и словесности, его занимаетъ другой вопросъ, именно — нравственная сторона личности Пушкина, какъ человѣка и гражданина. Пользуясь сочиненіями поэта, его письмами, замѣтками, а также воспоминаніями о немъ Смирновой, князя Вяземскаго и др., Кони, со свойственнымъ ему блестящимъ талантомъ

ораторскаго искусства, рисуетъ намъ во весь ростъ величественный образъ Пушкина—человѣка.

«Въ душѣ его не было мѣста не только для грубаго себялюбія, приносящаго, по мѣрѣ силъ, въ жертву своимъ вожделѣніямъ все, что возможно, не брезгая никакимъ результатомъ, — но и для болѣе утонченнаго эгоизма, создающаго привычку всегда и при всякихъ впечатлѣніяхъ прежде всего думать исключительно о самомъ себѣ». Наоборотъ, въ его произведеніяхъ внятно и опредѣленно слышится «проповѣдь благороднаго альтруизма и нравственной обязательности въ отношеніяхъ къ окружающимъ людямъ, къ ихъ страданіямъ и человѣческому достоинству». Личность Пушкина дышетъ добротою и дѣятельною любовью. Голосъ «кроткой жалости» слышится не только на страницахъ его произведеній, но и въ порывахъ его сердца, дѣлающихъ его вѣчнымъ заступникомъ за нуждающихся, за несчастныхъ». По словамъ Гоголя, Пушкинъ всегда искалъ случая быть кому-либо полезнымъ и ловилъ каждую минуту благоволенія къ себѣ императора Николая, чтобы ходатайствовать передъ нимъ, но не о себѣ, а всегда о другихъ, нуждавшихся въ его заступничествѣ. Даже къ людямъ ему несимпатичнымъ онъ старался относиться справедливо. Особенно высоко ставилъ Пушкинъ дружбу. Онъ «понималъ ее серьезно и вѣрилъ ей искренно. Онъ отличалъ эту, по выраженію Шербюлье, «любовь безъ крыльевъ» отъ тѣхъ отношеній, которыя возникаютъ въ «легкомъ пылу похмелья», среди «обмѣна тщеславія и бездѣлья» и, прикрываясь названіемъ дружбы, выражаются лишь въ фамильярности и безцеремонномъ залѣзаніи въ чужую душу или въ «позорѣ покровительства». Та дружба, представленіе о которой разсыпано во множествѣ его произведеній, есть стойкое, неизмѣнное, самоотверженное чувство, «недремлющей рукой» поддерживающее друга «въ минуту гибели надъ бездной потаенной», оживляющее его душу «совѣтомъ иль укоромъ», врачующее его раны и способное разбить «сосудъ клеветника презрѣнный». По отношенію къ самому себѣ Пушкинъ былъ въ высшей степени строгъ и требователенъ. *Трудъ* и полную *правдивость* съ собою и съ другими ставилъ онъ необходимымъ условіемъ для поддержанія въ человѣкѣ самоуваженія. «*Любовью къ труду* и была проникнута вся его жизнь. Ему—«взыскательному художнику»—съ теплымъ чувствомъ вспоминается «живой и *постоянный*, хоть малый трудъ», — «молчаливый спутникъ

ночи, другъ Авроры златой». Онъ ощущалъ *обязанность* трудиться и жадно ждалъ любимаго осенняго уединенія, когда «роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ» и можно приняться съ обновленными силами за плодотворную работу. Не даромъ «въ шорохѣ ночи» слышится ему «укоризна или ропотъ имъ утраченнаго дня»;—не даромъ съ горечью вспоминаетъ онъ «растраченные годы» и его тревожитъ «призракъ невозвратимыхъ дней» въ то время, когда «судьбой отсчитанные дни» особенно дороги, чтобы «мыслить и страдать» и, слѣдовательно, работать умственно». Въ трудѣ Пушкина всегда царитъ любовь къ правдѣ,—«къ той высшей правдѣ, которая ищетъ и рисуетъ идеалъ дѣйствій человѣка, а не къ той низшей, которая изображаетъ все въ предѣлахъ факта, не устремляя взора кверху и вдаль, и «праздно угождая хладной посредственности, завистливой и жадной къ соблазну».

Воспитанный среди помѣщичьей обстановки, обусловленной крѣпостнымъ правомъ, Пушкинъ, тѣмъ не менѣе, всю свою жизнь не могъ примириться съ этой основой тогдашняго общественнаго строя. Въ пламенныхъ стихахъ онъ возвѣщалъ «о своей жаждѣ увидѣть народъ неугнетеннымъ и живущимъ подъ покровомъ просвѣщенной свободы»,—онъ звалъ, онъ торопилъ наступленіе этого времени... Съ этимъ наступленіемъ у него были связаны свѣтлыя надежды. «Послѣ освобожденія крестьянъ у насъ будутъ гласные процессы, присяжные, бо̀льшая свобода печати, реформы въ общественномъ воспитаніи и въ народныхъ школахъ»,—говорилъ онъ Соболевскому. Крѣпостное право въ обыденной жизни опиралось на домашнюю, произвольную и часто ничѣмъ необузданную расправу. Свой взглядъ на «насильственную лозу» Пушкинъ выразилъ въ запискѣ о народномъ воспитаніи, поданной императору Николаю, гдѣ говорилось о необходимости уничтоженія тѣлесныхъ наказаній для внушенія воспитанникамъ заранѣе правилъ чести и человѣколюбія, чтобы слишкомъ жестокое воспитаніе не сдѣлало изъ нихъ впослѣдствіи палачей, а не начальниковъ». А вотъ взглядъ, который выработалъ въ себѣ Пушкинъ на правосудіе еще задолго до судебной реформы: «истинный судъ,—по его мнѣнію, — лишь тамъ, гдѣ онъ прежде всего равно примѣняетъ ко всѣмъ равный для всѣхъ законъ,—гдѣ «всѣмъ простертъ *законовъ* твердый шагъ, гдѣ, сжатый *вѣрными* руками,—гражданъ надъ *равными* главами ихъ мечъ безъ *выбора* скользитъ,—

гдѣ преступленье свысока разится *праведнымъ* размахомъ», — гдѣ, наконецъ, судьи не только честны, но и независимы, такъ что неподкупна ихъ рука «ни къ злату алчностью, ни страхомъ». Праведность размаха, о которой говоритъ поэтъ,—несомнѣнно, должна прежде всего выражаться въ живомъ отношеніи къ личности человѣка, не допускающемъ равнодушія къ его судьбѣ, требующемъ обдуманныхъ и справедливыхъ мѣръ изслѣдованія и разумныхъ мѣръ наказанія. Именно, съ этой точки зрѣнія и смотрѣлъ Пушкинъ на отправленіе правосудія. Но «одной справедливости, однако, мало для того, чтобы размахъ карающаго меча былъ праведнымъ. Истинное и широкое правосудіе должно выражаться и въ человѣчномъ отношеніи къ виновному». Замѣчательно, что «идея кроткой жалости, милости и прощенія проникаетъ массу произведеній нашего поэта. Можно сказать, что это одна изъ основныхъ нотъ его творческой мысли».

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ всецѣло исчерпать все богатство содержанія замѣчательной статьи о Пушкинѣ А. Ѳ. Кони. Остановимся еще только на той ея части, гдѣ говорится о взглядахъ поэта на вопросы воспитанія и просвѣщенія. Касаясь общественныхъ язвъ своего времени и раскрывая ихъ, Пушкинъ, конечно, искалъ и исцѣленія ихъ. И это исцѣленіе онъ видѣлъ прежде всего въ свободномъ развитіи духовныхъ силъ народа путемъ общественнаго воспитанія и истиннаго просвѣщенія. «Отсутствіе воспитанія воли, ума, характера всегда служитъ корнемъ многихъ золъ жизни личной, — отсутствіе просвѣщенія народа — источникъ зла въ жизни государственной. Чѣмъ шире будетъ разливаться послѣднее, тѣмъ лучше. Лишь лукавый льстецъ можетъ говорить, что «просвѣщенья плодъ— развратъ и нѣкій духъ мятежный». Напрасно относить какія бы то ни было людскія безумства къ избытку просвѣщенія. Напротивъ, одно просвѣщеніе способно ограждать отъ общественныхъ бѣдствій»... Поэта не столько пугало несовершенство законовъ или отчужденность ихъ отъ жизни, сколько «сгущенная тьма предразсужденій» и поддерживающій ее «невѣжества губительный позоръ», не только кладущій постыдную тѣнь на общество, мирящееся съ нимъ, но очень часто и ведущій его къ гибели. «Отсюда удивленіе Пушкина предъ Ломоносовымъ, этимъ «единымъ самобытнымъ подвижникомъ русскаго просвѣщенія между Петромъ и Екатериною II; — отсюда его восхищеніе Петромъ, «самодержавною рукою смѣло сѣявшимъ про-

свѣщеніе»;—отсюда увлекающая его картина торжества, когда «раздался въ честь науки пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ!»

Будучи носителемъ благороднѣйшихъ чувствъ и выразителемъ возвышеннѣйшихъ стремленій лучшихъ людей своего времени, немудрено, что Пушкинъ являлся кумиромъ для современной ему молодежи. Въ немъ были «всѣ ея упованія, сокровенныя чувства, честнѣйшія побужденія, всѣ гармоническія струны души, вся поэзія мыслей, ощущеній,—все сводилось къ нему, все исходило отъ него»...

Слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ прошло съ того момента, какъ не стало Пушкина, а его нравственный обликъ съ неослабѣвающей силой продолжаетъ вѣщать намъ «о вѣчной красотѣ, о любви къ правдѣ, о милости къ падшимъ, о состраданіи»...

«Такъ, отдаленная звѣзда, уже прекративъ свое существованіе, продолжаетъ лить на землю свои чистые, свои плѣнительные лучи»...

«Тебя, какъ первую любовь,
«Россіи сердце не забудетъ»...

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ (№ 4) журнала «Техническое Образованіе» напечатана интересная статья г. Григорьева—«Начальная школа и промышленность». Многочисленныя изслѣдованія въ области экономической жизни страны давно уже съ несомнѣнной очевидностью доказали, какое важное, рѣшающее значеніе имѣетъ для развитія промышленности и торговли положеніе начальнаго образованія въ странѣ. Дешевый трудъ безграмотныхъ рабочихъ теперь далеко уже не представляетъ прежнихъ выгодъ и не можетъ такъ удешевить стоимость производства, чтобы при помощи его можно было долго выдерживать конкуренцію съ другими болѣе культурными народами. «Для успѣшной конкуренціи съ иностраннымъ производствомъ и, вообще, для дальнѣйшаго безостановочнаго развитія нашей промышленности, говоритъ почтенный авторъ, начальная школа является однимъ изъ важнѣйшихъ орудій, безъ котораго промышленность сама на твердую почву стать не можетъ; съ каждымъ годомъ невѣжество будетъ ставить ей все болѣе и болѣе опасныя преграды, не говоря уже о другихъ тяжкихъ послѣдствіяхъ народной безграмотности». Интересно, что къ такому же выводу приходятъ и сами предприниматели. Такъ, директоръ Никольской мануфактуры Морозовыхъ г. Алянчиковъ, высказываясь по вопросу

о нормировкѣ рабочаго дня, между прочимъ замѣчаетъ: «Кто близко стоитъ къ фабричному труду, тотъ знаетъ, какая разница во всемъ обиходѣ имѣть рабочаго бодраго и *развитого хотя немного*, или переутомленнаго тупицу, который буквально не понимаетъ иногда самаго простого приказанія, ломаетъ машину, портитъ и мѣшаетъ матеріалъ, суется, куда не слѣдуетъ, увѣчится, пьянствуетъ, прогуливаетъ и составляетъ предметъ многочисленныхъ хлопотъ, требуетъ усиленнаго надзора, хотя и получаетъ меньше жалованья». Въ томъ же смыслѣ высказывается и директоръ другой большой бумаго-прядильной фабрики г. Ѳедоровъ. «Въ настоящее время,—говоритъ онъ,—бумаго-прядильное производство достигло такого развитія, что отъ рабочаго требуется не сила, а *пониманіе* и ловкость—качества, которыя будутъ у рабочаго, стоящаго на высшей ступени, чѣмъ рабочій настоящаго времени. Уровень рабочаго долженъ быть поднятъ настолько выше, чѣмъ теперь, насколько выше нашъ рабочій рабочаго временъ крѣпостного труда. Какъ уничтоженіе крѣпостного состоянія выразилось въ улучшеніи мануфактурной промышленности, такъ улучшеніе рабочаго быта вызоветъ подъемъ и улучшеніе ея въ настоящее время».

Среди фабрикантовъ и заводчиковъ въ настоящее время, хотя и не часто, встрѣчаются уже такіе, которые, идя навстрѣчу запросамъ времени и желая обезпечить свои предпріятія подготовленными рабочими и мастерами, на собственныя средства заводятъ при своихъ фабрикахъ и заводахъ начальныя и спеціальныя школы. Несомнѣнно, что издержки на это дѣло съ избыткомъ покрываются лучшимъ качествомъ и интенсивностью работы мастеровъ, прошедшихъ школу. «Къ сожалѣнію, единичныя усилія не разрѣшаютъ общаго, уже достаточно назрѣвшаго вопроса объ обезпеченіи промышленности и торговаго труда подготовленными работниками. Необходимо выработать и настойчиво проводить въ жизнь общія мѣры для подъема начальнаго образованія и распространенія профессіональныхъ знаній».

Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи авторъ, пользуясь многочисленными цифровыми данными, выясняетъ одну изъ интересныхъ сторонъ затронутаго имъ вопроса, именно, *въ какой мѣрѣ распредѣленіе народнаго образованія соотвѣтствуетъ количеству населенія и размѣрамъ его промышленной и торговой дѣятельности.* Выводы, къ которымъ приходитъ г. Григорьевъ, любопытны и замѣ-

живаютъ быть отмѣченными, какъ неопровержимое доказательство нашей малокультурности вообще, въ частности же нашего индеферентизма къ вопросамъ такой первостепенной важности, какимъ, несомнѣнно, является вопросъ о развитіи дѣла начальнаго образованія. Авторъ сопоставляетъ слѣдующія цифровыя данныя, относящіяся къ 69 губерніямъ Европейской Россіи: число учащихся на 1000 жителей каждой губерніи, средній годовой доходъ въ рубляхъ на одного жителя отъ промышленныхъ предпріятій, тоже отъ торговыхъ предпріятій и число жителей на 1 кв. версту каждой губерніи (плотность населенія).

Изъ сопоставленія помянутыхъ данныхъ прежде всего оказывается, что одно и то же среднее число учащихся на 1000 жителей одинаково встрѣчается какъ въ губерніяхъ густонаселенныхъ, такъ и тамъ, гдѣ населеніе относительно рѣдко. Кромѣ того, въ губерніяхъ, въ которыхъ распространеніе школъ наименьшее, очень часто число учащихся такъ ничтожно, что онѣ требуютъ усиленныхъ мѣръ для подъема въ нихъ грамотности, хотя бы до средняго уровня *). «Изъ этого,—говоритъ авторъ,—само собой напрашивается безотрадное заключеніе, *что у насъ еще не установилось органической связи между распространеніемъ образованія и ростомъ населенія. Открытіе школъ, а слѣдовательно и подъемъ числа учащихся, должны бы развиваться быстрѣе и легче тамъ, гдѣ населеніе скучено, гдѣ въ этомъ дѣлѣ заинтересовано больше народа; у насъ же этого совершенно еще нѣтъ. Просвѣщеніе, даже въ его первой стадіи, у насъ является еще привиллегіей незначительнаго меньшинства, иногда очень ничтожнаго*». При наличности тѣхъ усилій, какія прилагаются въ дѣлѣ распространенія начальнаго образованія со стороны многихъ земствъ, городовъ и частныхъ обществъ и въ особенности при несомнѣнномъ уже сознаніи массы населенія, можно было бы разсчитывать на лучшіе результаты, но оказывается,—они далеко не велики. «Очевидно, что на удовлетвореніе общегосударственной потребности въ образованіи необходимо болѣе рѣшительное поощреніе со стороны правительства, а главное—больше средствъ и устраненіе препятствій, задерживающихъ развитіе школъ».

*) Цифры, съ которыми оперируетъ авторъ, мы вездѣ здѣсь опускаемъ.

Не оказываетъ благотворнаго вліянія на развитіе начальнаго образованія и промышленность. «Такъ, въ губерніяхъ Московской, С.-Петербургской, Петроковской, Владимірской, Бакинской промышленные обороты, можно сказать, громадны, между тѣмъ процентъ учащихся лишь въ Московской, С.-Петербургской, Владимірской и Петроковской губерніяхъ нѣсколько выше средняго, въ Варшавской онъ уже ниже, а въ Бакинской поразительно малъ. Такимъ образомъ, *наивысшее развитіе производства до сихъ поръ не вызвало у насъ должнаго подъема въ распространеніи образованія*. Не подготовляя себѣ грамотныхъ рабочихъ, промышленность, такимъ образомъ, сама готовитъ себѣ тѣ весьма серьезныя препятствія, которыя грозятъ ей въ недалекомъ будущемъ въ невѣжествѣ народа». Наконецъ, развитіе торговли и вообще ростъ капиталовъ точно такъ же при распространеніи начальнаго образованія имѣютъ у насъ третьестепенное значеніе.

Заканчивая свое интересное изслѣдованіе, г. Григорьевъ горячо высказывается за установленіе у насъ особаго школьнаго налога на промышленныя и торговыя предпріятія, какъ это и существуетъ во многихъ иностранныхъ государствахъ. «Этотъ налогъ долженъ быть исключительно предназначенъ на устройство школъ при фабрикахъ и заводахъ, а также въ мѣстностяхъ съ болѣе развитыми торговыми предпріятіями. Введеніе его можно обставить такимъ образомъ, что онъ не повліяетъ на выгодность предпріятій и не задержитъ дальнѣйшаго развитія промышленности, а между тѣмъ въ дѣлѣ устройства школъ онъ принесетъ несомнѣнныя и большія выгоды. Назначеніе школьнаго налога до такой степени справедливо, что едва ли даже встрѣтитъ ропотъ среди торгово-промышленныхъ дѣятелей, въ особенности, если налогъ будетъ пріуроченъ къ условіямъ каждаго района, и если плательщикамъ его будетъ предоставлено участіе въ его расходованіи». Важно также, чтобы «школьный налогъ имѣлъ свое спеціальное назначеніе въ предѣлахъ даннаго района, а не присоединялся бы къ общимъ сборамъ, и, кромѣ того, чтобы опредѣленіе его размѣра, а равно и расходованіе его было предоставлено самимъ участникамъ. Разсматриваемый налогъ былъ бы многими принятъ даже охотно, если бы организація и приспособленіе школъ къ потребностямъ мѣстной промышленности были предоставлены ея представителямъ, по выбору платящихъ школьный налогъ».

Въ интересахъ промышленности, торговли и вообще экономическаго развитія страны можно только пожелать, чтобы предположенія почтеннаго автора возможно скорѣе получили практическое осуществленіе. Жизнь не ждетъ, а современныя условія требуютъ самыхъ широкихъ и разнообразныхъ мѣропріятій въ области начальнаго образованія.

Въ октябрьской книжкѣ «Міра Божьяго» находимъ интересную замѣтку Н. Б—ка—«Новый школьный законъ въ Цюрихѣ». Образцовая постановка школьнаго дѣла въ Швейцаріи издавна обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ образованныхъ людей. «Многочисленные иностранцы-туристы, съѣзжающіеся со всѣхъ концовъ міра и такъ охотно посѣщающіе эту чудную страну ради ея величественныхъ горъ и живописныхъ видовъ, могли бы съ пользой взглянуть и въ эту область, представляющую много своеобразнаго и поучительнаго, чтобы видѣть, какъ съ малыхъ лѣтъ здѣсь подготовляются люди, создавшіе такой благоустроенный цвѣтущій уголокъ земли, гдѣ живется и дышится всѣмъ такъ легко и свободно, гдѣ формы, условія и обстановка жизни такъ несравненно, такъ чарующе привлекательны». Главнымъ базисомъ своего благосостоянія швейцарцы признаютъ народную школу, и не мудрено поэтому, что они «относятся къ ней съ чрезвычайнымъ, неослабѣвающимъ вниманіемъ и заботливостью; государство, общество и частные люди одинаково считаютъ себя непосредственно заинтересованными въ процвѣтаніи школы, и никакія затраты и жертвы для нея не считаются здѣсь чрезмѣрными». Подъ вліяніемъ такого отношенія со стороны швейцарцевъ къ своей школѣ, послѣдняя постоянно продолжаетъ совершенствоваться и въ настоящее время достигла такого уровня, при которомъ ее нельзя уже назвать «начальною» въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимается это у насъ. Программы, а также и воспитательное значеніе швейцарской школы превосходитъ не только нашу, болѣе чѣмъ скромную, дѣйствительность, но и свѣтлыя мечты о лучшей организаціи народной школы въ будущемъ. Между тѣмъ, швейцарцы далеко еще не удовлетворены своей школой и неустанно продолжаютъ идти по пути улучшенія ея. «Новый и крупный шагъ впередъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ недавно Цюрихскій кантонъ, населеніе котораго, въ силу народнаго голосованія, лѣтомъ текущаго года приняло новый

законъ, вступающій въ дѣйствіе съ 1 мая будущаго 1900 года. По новому закону курсъ обязательной начальной народной школы продолжается восемь лѣтъ (по нынѣ дѣйствующему—шесть); при чемъ общинамъ, если онѣ того пожелаютъ, предоставляется право дѣлать особыя постановленія, чтобы ученики послѣднихъ двухъ классовъ въ лѣтніе мѣсяцы были заняты въ школѣ лишь два раза въ недѣлю до обѣда, т.-е. всего 8 часовъ въ недѣлю; зимній же сезонъ обязательно продолжается не менѣе 23 недѣль съ полнымъ комплектомъ учебныхъ часовъ». Maximum число учениковъ, съ которымъ одинъ учитель можетъ одновременно вести занятія въ классѣ, новый законъ устанавливаетъ въ 70 человѣкъ. До сихъ поръ этотъ maximum равнялся 100 человѣкамъ. Усиливается по новому закону преподаваніе ручного труда и рукодѣлія. Безплатное снабженіе учащихся учебными руководствами, письменными принадлежностями и матеріалами для рукодѣлья и ручныхъ работъ, по новому закону, значительно расширяется. Опасеніе, что «даровщина» можетъ деморализировать учениковъ, что они привыкнутъ считать безплатно данныя имъ вещи ничего нестоющими и будутъ обращаться съ ними небрежно, опасеніе это, по сдѣланнымъ наблюденіямъ, не оправдалось; наоборотъ, въ воспитальномъ отношеніи получались прекрасные результаты: «ученику внушалось, что общество довѣряетъ ему свое добро, и онъ долженъ оправдать это довѣріе заботливымъ отношеніемъ къ ввѣреннымъ ему вещамъ, и ученики, дѣйствительно, бережно обращаются съ ними».

Не оставляетъ безъ вниманія новый законъ и дѣла охраны благополучія учащихся дѣтей. Учителямъ и школьному начальству вмѣняется въ обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы дѣти дома и внѣ его не обременялись чрезмѣрно какими-либо посторонними работами. Штрафу въ 15 франковъ подвергаются тѣ изъ родителей и воспитателей, которые не выполняютъ своихъ обязанностей по отношенію къ дѣтямъ; въ случаяхъ болѣе серьезныхъ виновные предаются суду. Что касается дѣтей подкинутыхъ или находящихся въ неблагопріятной (въ нравственномъ отношеніи) семейной обстановкѣ, то они могутъ быть отобраны и помѣщены въ спеціальныя учрежденія или же въ семейства, хорошо извѣстныя учебному начальству.

Участіе государства въ расходахъ на начальное народное образованіе, по новому закону, значительно увеличивается. «Государство

принимаетъ на себя двѣ трети жалованья (до сихъ поръ половину) народнымъ учителямъ, то-есть изъ 1200 франковъ, составляющихъ нормальное годовое жалованье учителя начальной школы, 800 франковъ уплачиваются казной и 400 общиной; кромѣ того, всѣ прибавки за выслугу лѣтъ (черезъ каждыя 5 лѣтъ по 100 франковъ) казна принимаетъ всецѣло на свой счетъ. Вознагражденіе учителя натурою (квартира, отопленіе и земля для огорода), сверхъ жалованья, остается, попрежнему, на обязанности общинъ. Особенно благодѣтельнымъ для учительскаго персонала цюрихскихъ народныхъ школъ является обезпеченіе учителей и учительницъ на случай болѣзни. По новому закону, государство принимаетъ на себя всѣ издержки по временному замѣщенію учителей и учительницъ, вынужденныхъ прервать занятія въ школѣ по случаю болѣзни, призыву къ военнымъ маневрамъ или вслѣдствіе заразительной болѣзни въ семьѣ учителя».

Новый законъ увеличиваетъ расходы цюрихской государственной казны на народныя школы на 300 тысячъ франковъ; до сихъ поръ на этотъ предметъ расходовалось $2^1/_2$ милліона франковъ въ годъ, при 4-хъ милліонномъ бюджетѣ на все вообще дѣло народнаго образованія цюрихской республики. Заканчивая свою замѣтку о новомъ школьномъ законѣ въ Швейцаріи, г. Н. Б—къ говоритъ: «и если вспомнить, что всѣ безъ исключенія швейцарцы обязательно прошли очень хорошую народную школу, что въ ихъ распоряженіи масса среднихъ общеобразовательныхъ и техническихъ учебныхъ заведеній, что въ Швейцаріи съ ея трехмилліоннымъ населеніемъ имѣются семь университетовъ (то-есть одинъ университетъ приходится, приблизительно, на 430 тысячъ населенія; у насъ въ Европейской Россіи 1 университетъ на 15 милліоновъ населенія, слѣдовательно, у насъ въ 35 разъ меньше университетовъ, если все это вспомнить, то станетъ понятнымъ, какимъ неотразимо сильнымъ орудіемъ располагаютъ швейцарцы въ борьбѣ съ жизнью, и чему они главнымъ образомъ обязаны тѣмъ высокимъ уровнемъ культурности и благосостоянія, которыя здѣсь такъ ярко во всемъ сказываются и поражаютъ и радуютъ (а иногда даже заставляютъ задумываться и сравнивать) пріѣзжихъ иностранцевъ».

Эстетическое развитіе учащихся, несомнѣнно, должно входить въ кругъ задачъ каждой благоустроенной, нормальной школы. Къ сожалѣнію, вопросъ объ этомъ въ нашей педагогической литературѣ разработанъ еще недостаточно, поэтому мы считаемъ далеко не лишнимъ познакомить нашихъ читателей съ небольшой замѣткой г. А. Нейфельди: «Художественныя произведенія въ классахъ, какъ средство для эстетическаго развитія учащихся», помѣщенной въ 5-й книжкѣ «Вѣстника Воспитанія» за нынѣшній годъ. «Требованіе, чтобы обстановка класса содѣйствовала задачамъ воспитанія, въ томъ числѣ развитію эстетическаго вкуса, далеко не новое. Амосъ Каменскій, требовавшій вообще столь многаго, что теперь выдается иногда за нѣчто совершенно новое, говоритъ въ своей «Великой дидактикѣ»: «Школа должна быть привлекательнымъ мѣстомъ, должна внутри и извнѣ представлять пріятное для глаза зрѣлище. Внутри должна находиться свѣтлая, чистая комната, изукрашенная картинами, будетъ ли то изображеніе знаменитыхъ людей, ландкарты, изображенія историческихъ событій, или какое-нибудь другое украшеніе для класса». Это же требованіе, вплоть до нашихъ дней, повторяется даже въ школьныхъ руководствахъ педагогики. Дѣйствительность, въ особенности въ сельскихъ школахъ, въ этомъ отношеніи не отвѣчаетъ даже самому скромному требованію. Голыя стѣны, образокъ (въ православныхъ школахъ), портретъ Государя—вотъ все, что представляется глазу нашему, когда мы входимъ въ школу. Художественныя украшенія, по мнѣнію нѣкоторыхъ, какъ будто даже и не соотвѣтствуютъ серьезности задачъ школы. А какъ часто школы напоминаютъ казарму или тюрьму! Есть, правда, и исключенія. Встрѣчаются картины религіознаго и патріотическаго содержанія; но что это за картины?—яко бы «художественныя» произведенія иллюстрированныхъ журналовъ, лубочныя изданія, купленныя у разносчика или на ярмаркѣ и т. д.». Мы совершенно согласны съ авторомъ, что нашимъ дѣтямъ вообще рѣдко приходится видѣть, дѣйствительно, художественно исполненныя картины, такъ какъ и въ книгахъ для чтенія, и въ коллекціяхъ для нагляднаго обученія, и въ дешевыхъ журналахъ картины въ большинствѣ случаевъ мало удовлетворяютъ требованіямъ художественности. «Вотъ почему,—говоритъ авторъ далѣе, — голыя стѣны классовъ должны украшаться, дѣйствительно, хорошими картинами. Матеріальныя условія большинства нашихъ школъ, къ со-

жалѣнію, таковы, что придется ограничиваться дешевыми копіями; но вѣдь различные способы воспроизведенія (фотографія и т. д.) въ настоящее время такъ развиты, что ими вполнѣ возможно пользоваться. А сколько выиграетъ классъ, украшенный фотографіями, гравюрами и т. п.? Въ такомъ классѣ дѣти почувствуютъ себя уютно; такая обстановка будетъ содѣйствовать въ извѣстной степени облагороженію чувствъ дѣтей. Можно даже надѣяться, что самыя отношенія между учениками и учителями улучшатся, когда они будутъ вмѣстѣ изучать содержаніе этихъ картинъ». Авторъ не раздѣляетъ мнѣнія нѣкоторыхъ педагоговъ о томъ, что при украшеніи классныхъ стѣнъ прежде всего нужно преслѣдовать утилитарныя цѣли, выкѣшивая преимущественно таблицы, карты и т. п.; по его мнѣнію, на стѣнахъ классовъ слѣдуетъ помѣщать исключительно художественныя произведенія. «Если насъ спросятъ,—говоритъ онъ,—какія же именно, то мы отвѣтимъ, что хотя въ этомъ отношеніи еще не обладаемъ достаточнымъ опытомъ, но во всякомъ случаѣ наши требованія должны быть по возможности высоки, и что не должно руководствоваться при выборѣ случайными соображеніями. Раскрашенныя картины заслуживаютъ предпочтенія, потому что *особенно нравятся* дѣтямъ. Родная флора и фауна представляютъ наглядный матеріалъ, доступный для каждой школы, и художественныя изображенія изъ этой области особенно удобны для развитія способности эстетической иллюзіи и сравненія природы и художественнаго изображенія природы. Хромолитографія, все болѣе совершенствуемая, можетъ дать намъ много подходящаго матеріала изъ указанныхъ областей. Картины должны быть содержательны, но ихъ содержаніе не должно выходить изъ круга дѣтскихъ наблюденій, хотя въ этомъ отношеніи и не слѣдуетъ впадать въ крайность, такъ какъ великое произведеніе всегда окажетъ извѣстное вліяніе, только не всегда оно сразу проявится. Картины должны быть достаточно велики. Обыкновенныя наши картины для нагляднаго обученія недостаточно художественно выполнены; большею частію на нихъ довольно безвкусно нагромождается масса предметовъ, никогда и нигдѣ не встрѣчающихся въ природѣ въ такомъ соединеніи. Если онѣ и могутъ быть подходящими для достиженія извѣстныхъ учебныхъ цѣлей, то никакъ не для украшенія классовъ».

Могутъ замѣтить, что картины на классныхъ стѣнахъ будутъ отвлекать вниманіе учениковъ во время уроковъ. На это авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что, «если урокъ не представляетъ интереса, то, конечно; но вѣдь въ этомъ случаѣ и пролетѣвшая муха можетъ отвлечь вниманіе учениковъ». Въ частомъ разсматриваніи картинъ авторъ видитъ одно изъ средствъ научить учениковъ цѣнить настоящее искусство, слѣдствіемъ чего, по его мнѣнію, явится то, что дѣти больше будутъ наслаждаться прекраснымъ въ природѣ, такъ какъ соприкосновеніе съ искусствомъ поможетъ имъ увидѣть то, что раньше совсѣмъ не замѣчалось. «Кто въ юности наслаждался прекраснымъ, тотъ и въ послѣдствіи будетъ стремиться къ нему при работѣ и на досугѣ. А сколько должны выиграть ремесла и промышленность отъ общаго развитія вкуса!»

Примѣръ Запада въ этомъ отношеніи для насъ особенно долженъ быть поучительнымъ. А тамъ въ этомъ направленіи дѣлается довольно много. Въ Германіи въ настоящее время возникло даже цѣлое движеніе въ этой области, результатомъ чего явилась особая «комиссія для художественнаго украшенія стѣнъ классовъ». Особенно много также заботятся объ украшеніи классовъ въ Бельгіи. Такъ, въ Антверпенѣ ежегодно ассигнуются особыя суммы на то, «чтобы талантливые молодые художники, окончившіе курсъ академіи, занялись художественною отдѣлкою школьныхъ помѣщеній». То же можно сказать и объ Америкѣ, Англіи, Франціи, Швейцаріи и др.

Нужно ли говорить о томъ, какъ стоитъ это дѣло у насъ? Да и «можно ли думать у насъ объ украшеніи, напр., сельскихъ школъ произведеніями искусства, когда въ нихъ нѣтъ воздуха, свѣта, нѣтъ сносныхъ партъ, иногда нѣтъ даже и необходимѣйшихъ учебныхъ пособій». Но вѣдь не всѣ же школы у насъ таковы; есть не мало и такихъ, которыя находятся сравнительно въ хорошихъ условіяхъ. Вотъ тутъ-то и слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы эстетическое развитіе учащихся совершалось согласно требованіямъ современной науки о воспитаніи.

Н. Тулуповъ.

Народныя библіотеки въ Англіи.

Публичныя библіотеки въ Англіи составляютъ предметъ, достойный особаго вниманія. Онѣ явились результатомъ движенія въ пользу повсемѣстнаго устройства библіотекъ-читаленъ, обнаружившагося въ половинѣ истекающаго столѣтія и вызвавшаго цѣлый рядъ соотвѣтствующихъ законовъ.

Послѣдній законъ, замѣнившій собою всѣ до него издававшіеся по этому предмету, есть законъ 1892 г., — Public Libraries Act. По основнымъ началамъ упомянутаго закона, каждый городской округъ представляетъ собою библіотечный округъ; библіотеки-читальни учреждаются городскимъ общественнымъ управленіемъ; никакой платы за входъ въ читальный залъ или за пользованіе книгами, выдаваемыми на домъ, не можетъ быть установляемо *).

Общее, выработавшееся на практикѣ, устройство библіотекъ-читаленъ въ Англіи, судя по тѣмъ учрежденіямъ этого рода, которыя мнѣ пришлось посѣтить въ Оксфордѣ и Лондонѣ, таково:

Прежде всего, обширное и просторное помѣщеніе отводится подъ читальный залъ (reading - room). Здѣсь посѣтитель располагаетъ весьма большимъ числомъ періодическихъ изданій, путеводителей, указателей желѣзнодорожныхъ и иныхъ сообщеній, собраній адресовъ. Газеты прикрѣплены къ особымъ пюпитрамъ съ надписями наверху, для какихъ именно изданій каждый пюпитръ предназначается. На широкихъ столахъ разложены, затѣмъ, журналы, ежемѣсячные и еженедѣльные; разные столы предназначаются для различныхъ отдѣловъ науки и литературы, къ которымъ относятся выкладываемыя на нихъ изданія. Читальня бываетъ открыта съ девяти часовъ утра и до десяти часовъ вечера, безъ всякихъ перерывовъ; но — какъ и прочія отдѣленія библіотеки — она бываетъ закрыта по воскреснымъ днямъ, соотвѣтственно той святости, съ какою соблюдается въ Англіи седьмой день въ недѣлѣ. Входъ въ читальню открытъ свободно каждому, исключая малолѣтнихъ. Ника-

*) „Everyman's Own Lawyer", 1898, p. 608.

кого надзора, никакого контроля. Читальня ввѣряется самой публикѣ. И публика тщательно соблюдаетъ правила, которыя предлагаются ей къ исполненію. Въ читальнѣ — всегда полная тишина; ни шопота, ни тѣмъ болѣе громкаго разговора; посѣтители входятъ и выходятъ безшумно. Читальня превосходно вентилируется. Освѣщеніе—обыкновенно электрическое.

Въ нѣкоторыхъ читальняхъ для женщинъ предназначаются особые столы съ изданіями, имѣющими преимущественный интересъ для женскаго пола; въ другихъ—дамамъ отводятся особыя помѣщенія, особыя комнаты. При этомъ посѣтителямъ предоставляется обращаться къ библіотекарю и требовать то или иное изданіе изъ дамскаго отдѣленія въ мужское и обратно, по списку имѣющихся въ читальнѣ періодическихъ изданій, который вывѣшенъ въ каждомъ отдѣленіи. Въ одной изъ безплатныхъ публичныхъ библіотекъ-читаленъ Лондона—именно въ библіотекѣ бѣднѣйшаго квартала, въ Уайтчэпелѣ,—оказалось, кромѣ того, особое отдѣленіе для мальчиковъ. Это было, такъ сказать, нѣкоторое дополненіе къ библіотекамъ, имѣющимся при каждой лондонской начальной школѣ *).

Второю составною частью безплатной публичной библіотеки является особый справочный отдѣлъ (reference library). Отдѣлъ этотъ состоитъ изъ массы изданій справочнаго характера, относящихся до различныхъ областей человѣческаго знанія и дѣятельности. Входъ въ справочный отдѣлъ также совершенно свободенъ для всѣхъ. Каждый посѣтитель только записываетъ при этомъ въ особой книгѣ свое имя и адресъ. Требуемыя изданія вписываются въ особые листки, которые и возвращаются посѣтителю, по сдачѣ книгъ и при выходѣ изъ библіотеки. Вообще, если здѣсь и соблюдается нѣкоторая процедура,—то самая незначительная, почти несопряженная съ затратою времени.—Справочный отдѣлъ открытъ также цѣлый день,—съ десяти часовъ утра и до девяти вечера.

Наконецъ, третьею составною частью безплатной публичной библіотеки является собраніе книгъ, выдаваемыхъ на домъ для чтенія, или собственно библіотека (lending library). Пользованіе этою частью также безплатное для обывателей округа; но только, вмѣ-

*) School Board for London. Report 1898, p. 52.

сто залога, въ обезпеченіе цѣлости имущества библіотеки, требуется извѣстное поручительство Эта часть библіотеки открывается въ теченіе дня на менѣе продолжительное время, чѣмъ читальня и справочный отдѣлъ.

Во всѣхъ отдѣленіяхъ публичной библіотеки заведены книги для жалобъ и для внесенія посѣтителями замѣчаній о тѣхъ изданіяхъ, которыя, по ихъ мнѣнію, желательно имѣть въ отдѣленіи. Такимъ образомъ, всѣ отдѣленія библіотеки постоянно пополняются, согласно съ требованіями самой публики и по непосредственной иниціативѣ администраціи.

Описываемыя библіотеки могутъ быть названы *народными*. Посѣтители ихъ—не трудно бываетъ видѣть—большею частью, представители низшаго городского рабочаго класса. Представители прочихъ классовъ располагаютъ другими не менѣе богатыми учрежденіями этого рода, имѣющимися при клубахъ, собраніяхъ, ассоціаціяхъ, ученыхъ учрежденіяхъ. Читальные залы безплатныхъ библіотекъ бываютъ, такимъ образомъ, особенно полны вечеромъ, по закрытіи торгово-промышленныхъ заведеній. Число посѣтителей въ нихъ, вообще, довольно велико *).

Отчасти тѣмъ, что библіотеки-читальни имѣютъ народный характеръ, быть-можетъ, объясняется то, что даже въ Лондонѣ въ нихъ имѣются исключительно англійскія, провинціальныя и столичныя, періодическія изданія. Только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно найти двѣ-три французскихъ газеты, двѣ-три нѣмецкихъ. Въ большей части—нѣтъ даже американскихъ газетъ. Изъ русскихъ газетъ и журналовъ пришлось видѣть только одну „Ниву“ и то лишь въ одной читальнѣ,—именно въ Уайтчэпельской.

Н. Дружининъ.

*) Въ „Педагогическомъ Листкѣ“ (книжка четвертая за 1899 г.) были уже приведены данныя о благотворномъ вліяніи англійскихъ народныхъ библіотекъ, выразившемся въ уменьшеніи нищеты и преступности. Это—совершенно естественно и понятно. Нельзя не замѣтить, кстати, что лучшая и наиболѣе посѣщаемая изъ видѣнныхъ мною въ Лондонѣ народныхъ библіотекъ-читаленъ именно,—библіотека въ бѣднѣйшемъ кварталѣ, Уайтчэпелѣ. При этой библіотекѣ находится и небольшой музей, открытый въ продолженіе всего того времени, пока бываетъ открыта и библіотека, — и также безплатный, согласно съ относящимся и до подобныхъ музеевъ указаннымъ выше библіотечнымъ закономъ 1892 г.

По поводу рождественскихъ каникулъ.

Многимъ, конечно, извѣстно, какъ проводится время нашей учащейся молодежью во время рождественскихъ каникулъ; но не въ этомъ суть дѣла, а я хочу только поговорить о томъ, нормально ли проводятся молодежью эти 2—3 недѣли, даютъ ли онѣ отдыхъ и возстановляютъ ли силы послѣ длинной учебной трети для продолженія слѣдующаго за симъ учебнаго времени?

Посмотримъ сперва, чѣмъ наполняется это время отдыха.

Прежде всего, заранѣе высчитывается, сколько разъ кому и гдѣ придется быть на елкѣ, намѣчаются елочные подарки; далѣе,—разсчитывается посѣщеніе театра, цирка или манежа, или знакомыхъ домовъ.

Прежде всего поговоримъ объ елкѣ. Много разъ мнѣ приходилось присутствовать на дѣтской елкѣ, и я вынесъ такое впечатлѣніе, что елка дѣтей мало интересуетъ, а интересуютъ ихъ подарки съ нея. Еще когда имъ это ново, т.-е. въ первые годы ихъ сознательной жизни, они еще нѣсколько ею интересуются, съ удовольствіемъ иногда занимаются приготовленіемъ, склеиваніемъ и развѣшиваніемъ на елку картонажей, далѣе—самымъ убранствомъ и освѣщеніемъ елки; потомъ этотъ интересъ, съ повтореніемъ, быстро падаетъ, и дѣти уже интересуются больше подарками.

Доставляетъ ли елка дѣтямъ веселье?

Мнѣ кажется, что по мѣрѣ того, какъ теряется интересъ къ елкѣ,—и оживленіе становится меньшимъ, если только не вводить сюда новые и новые ингредіенты, какъ-то: костюмированіе, волшебный фонарь, танцы и проч. Веселье уменьшается какъ-будто бы еще потому, что дѣтей стѣсняетъ надзоръ за ними старшихъ, и, кромѣ того, многимъ дѣтямъ приходится на елкѣ встрѣчаться иногда въ первый разъ, такъ что эта новизна и мѣста и лицъ порождаетъ дикость или застѣнчивость, мѣшающую тѣсному сближенію и общему веселью. И что еще удивительно, что у самихъ дѣтей рѣдко что-либо удается, если не примутъ участіе болѣе взрослые и болѣе изобрѣтательные.

Принимая все это въ соображеніе, мнѣ и кажется, что елка часто не даетъ дѣтямъ ни отдыха, ни веселья, ни нравственнаго удовлетворенія и вообще не имѣетъ за собой никакихъ особыхъ достоинствъ, а скорѣе сказываются здѣсь разные недочеты. Такъ, дѣти иногда являются съ елки домой взволнованными, долго не могутъ заснуть и успокоиться, мечутся въ постели, можетъ-быть, и нравственно страдаютъ, сердясь на какіе-нибудь неудачи или завидуя, что другой получилъ лучше подарокъ, или чѣмъ-нибудь былъ болѣе отличенъ. А развѣ гигіенична самая обстановка—проводить нѣсколько часовъ въ душной комнатѣ, вдыхать испорченный горѣніемъ воздухъ, который и въ обыкновенное-то время въ нашихъ квартирахъ бываетъ не особенно безукоризненъ?

Другія удовольствія, какъ театры, цирки и манежи, по-моему, тоже не достигаютъ цѣли, такъ какъ и дѣтскій и народный театръ у насъ только еще въ зародышѣ, и пока всѣ эти зрѣлища мало даютъ дѣтямъ здоровыхъ и воспитывающихъ впечатлѣній, приноровленныхъ къ дѣтскому пониманію. А скорѣе, мнѣ кажется, дѣти могутъ натолкнуться на примѣры глупой шутки или кривлянья, какъ, напр. въ циркахъ, балаганахъ; теперь напрашивается вопросъ: гдѣ же еще можно дѣтямъ отдохнуть душой?

Иногда это удается хорошо въ частныхъ собраніяхъ, между знакомыми, гдѣ дѣло устраивается нѣсколько проще и веселѣе. Тутъ дѣти поиграютъ—то въ комнатѣ, а то и на волѣ, особенно гдѣ есть на дворѣ катокъ или горка: тутъ они и на санкахъ покатаются, и въ снѣжки поиграютъ и болѣе себя будутъ чувствовать свободно, чѣмъ на какихъ-либо общественныхъ увеселеніяхъ. Игры на площадяхъ и бульварахъ, если бы таковые могли быть устроены отъ городского общества, а также катки и горы на площадяхъ бульваровъ или на рѣкѣ. Но при этомъ желательно было бы имѣть на зимнее время теплички, поливку же катковъ и расчистку отъ снѣга участвующіе, вѣроятно, приняли бы на свои заботы. Въ числѣ же милліонныхъ городскихъ расходовъ, этотъ необходимый и жизненный расходъ не особенно бы обременилъ городской бюджетъ. Далѣе, я указалъ бы прогулки на лыжахъ или въ розвальняхъ за городъ и, наконецъ, изрѣдка—спеціально для дѣтей—устраиваемые чтенія и спектакли.

Врачъ Н. Воминскій.

1899 г.—Москва.

Изъ текущей литературы.

Наше старинное религіозное сознаніе и образованіе. Въ ноябрьской книжкѣ журнала «Русская Мысль» (1899 г.) помѣщена въ высшей степени интересная статья *В. К.*—„*Образовательный проектъ конца вѣка*“ по поводу брошюры профессора Казанской духовной академіи Несмѣлова—„*О цѣли образованія*“. Рекомендуя нашимъ читателямъ названную выше статью г. В. К., мы приведемъ здѣсь изъ нея крайне интересныя историческія свидѣтельства, рисующія характеръ нашего стариннаго религіознаго сознанія и образованія.

Профессоръ Казанской духовной академіи Порфирьевъ, въ ряду другихъ фактовъ крайняго религіознаго невѣжества, указываетъ, наприм., на то, что новгородскій архіепископъ XIV в. Василій признавалъ, ссылаясь на апокрифическія сочиненія, существованіе рая и ада на землѣ (*Ист. русск. слов.*, I, стр. 462)

Н. С. Тихонравовъ (рецензія на Галахова, стр. 90) цитируетъ характерныя слова Курбскаго: «нынѣшняго вѣку мнящіеся учители больше въ болгарскія басни, албо паче въ бабскія бредни упражняются, прочитаютъ и похваляютъ ихъ, нежели въ великихъ учителей разумѣхъ наслаждаются“. По словамъ датскаго посланника XVI в. Ульфельда (см. московское изданіе его путешествія, 1889 г. 17—18), русскіе „не знаютъ и вовсе не понимаютъ Священнаго Писанія, приводя вмѣсто Евангелія враки и басни и почитая оныя за божественныя прорицанія“.

Преосв. Филаретъ, въ своей *Исторіи русской церкви* (III, стр. 95), говоря о школѣ и просвѣщеніи XVI в., спрашиваетъ со скорбью: „Гдѣ тутъ знаніе вѣры? Гдѣ знаніе правилъ жизни духовной? Гдѣ знаніе исторіи церкви, ея обрядовъ, ея благочестія?

П. Н. Милюковъ (*Очерки*, II, стр. 14) соглашается „съ мнѣніемъ проф. Московской духовной академіи и историка русской церкви, Е. Е. Голубинскаго, что народная масса древней Руси *еще ничего* не успѣла усвоить въ домонгольскій періодъ,—ни внѣшности, ни внутренняго смысла, ни обряда, ни сущности христіанской религіи. Масса осталась, попрежнему, языческою“. Иностранцы изумлялись

религіозному невѣжеству и языческому настроенію русскаго народа XVI—XVII вв. „Въ 1620 г. одинъ ученый шведъ, Іоаннъ Ботвидъ, защищалъ въ упсальской академіи диссертацію на тему: „Христіане ли московиты?“ (Ib., стр. 19). Нилъ Сорскій долженъ доказывать своимъ оппонентамъ—Іосифлянамъ, „что не всякій клочокъ писанной бумаги есть священное писаніе, что писанія многа, но не вся божественна суть“: „Кая заповѣдь Божія, кое отеческое преданіе, а кое—человѣческій обычай“. (Ib., стр. 31).

Много подобныхъ фактовъ указано и у В. А. Мякотина (*Аввакумъ*, 15—17). „Подъ 1476 г. можно прочесть въ новгородской лѣтописи такую запись: той же зимы нѣкоторые философове начаша пѣти: „о Господи помилуй“, а друзіи «Господя помилуй.» Если это разногласіе, даже не заслуживающее такого имени, эти споры „философовъ“ заносились въ лѣтопись, какъ важное событіе, то легко себѣ представить, какимъ убожествомъ отличалась русская религіозная мысль того времени (XIV—XVII вв.)... Предписываются (духовною литературой), наприм., подобныя правила (освященныя религіознымъ авторитетомъ): „аще плаваеши въ ладіи, помяни своего ангела Гавріила, и избавитъ тя отъ всякаго зла; аще хощеши идти по горамъ и пустынямъ, помяни святого ангела Разаила, соблюдетъ тя; аще воду піеши, помяни святого ангела Ноиля; егда ложися спати, помяни святого ангела Помаила“... и т. д. вплоть до предписанія поминать особаго ангела, когда пьешь вино или медъ, идешь судиться или отправляешься на пиръ“. По словамъ Маржерета (XVII в.), „таково невѣжество народа, что не найдется и третя, которая знала бы Отче нашъ и Вѣрую во Единаго. Можно сказать, что невѣжество народа есть мать его благочестія“. (Ibid).

Въ представленной Московской духовной академіи диссертаціи г. Преображенскаго: *Нравственное состояніе русскаго общества въ XVI в.* (М., 1881 г.) сказано: «Невѣжественно было тогдашнее монашество» (стр. 21); отцы Стоглаваго собора (сами очень невѣжественные) отзывались о тогдашнихъ учителяхъ, что они мало грамотѣ умѣли и силы въ божественномъ писаніи не разумѣли, а, по словамъ Геннадія, эти учителя только портили учениковъ,—„отойдетъ отъ мастера и ничего не умѣетъ,—едва бредетъ по книгѣ, а церковнаго порядка вовсе не знаетъ“ (стр. 22); по словамъ Курбскаго, „мы (русскіе) гладомъ духовнымъ истаеваемъ“ (стр. 23); въ XVI в. даже епископы иногда „мало учены бѣша грамотѣ“, а большинство духовныхъ властей знало писанія только «по чернилу» (стр. 35); Флетчеръ такъ передаетъ свое собесѣдованіе съ вологодскимъ епископомъ: „я предложилъ ему Новый Завѣтъ на русскомъ языкѣ и указалъ ему на первую главу Евангелія св. Матѳея. Онъ сталъ читать очень бѣгло. Тогда я спросилъ: какую часть Св. Писанія прочелъ онъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что не можетъ отвѣчать точно. Сколько же Евангелій въ

Новомъ Завѣтѣ: онъ отвѣчалъ, что онъ объ этомъ ничего не знаетъ. А сколько апостоловъ? И онъ даже заподозрилъ, что ихъ было двѣнадцать... Наконецъ, я его спросилъ: почему онъ сдѣлался монахомъ? И онъ мнѣ отвѣтилъ: для того, чтобъ ѣсть хлѣбъ въ покоѣ" (стр. 36). Г. Преображенскій говоритъ дальше о „жалкомъ состояніи у насъ религіознаго просвѣщенія" (стр. 41), доказываетъ, что „Россія XVI в. представляла страну по преимуществу внѣшняго благочестія" (стр. 42), что „народъ коснѣлъ въ невѣдѣніи спасительныхъ истинъ христіанскаго ученія» (стр. 48), что, благодаря отсутствію образованія, „древняя Русь представляла для насажденія и развитія христіанства почву весьма неудобную, неочищенную отъ укоренившихся на ней сорныхъ произрастаній, которыя и заглушали сѣмена христіанскаго ученія" (стр. 61—62) и т. д.

Родители и педагоги о реформѣ средней школы. Родители учащихся въ одесскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, совмѣстно съ педагогами, въ слѣдующихъ положеніяхъ формулировали свой взглядъ на недостатки современной школы:

1) Спеціализація, обрекающая дѣтей на извѣстный родъ дѣятельности въ то время, какъ наклонности ребенка еще не опредѣлились, пагубна. Преподаваніе въ 1-мъ классѣ латинскаго языка представляется явленіемъ нежелательнымъ; преподаваніе же греческаго языка могло бы лишь начинаться съ 5 класса. 2) Въ высшей степени нежелательнымъ явленіемъ представляется полное незнакомство учениковъ гимназій съ природой и окружающимъ міромъ. 3) Большее вниманіе слѣдуетъ удѣлять преподаванію роднаго языка. 4) Главными предметами русской школы должны быть: русскій языкъ съ литературой и отечественная исторія и географія. 5) Школа должна быть ближе къ жизни и лучше подготовлять своихъ учениковъ къ практической жизни. 6) Слишкомъ много рабочихъ часовъ посвящается классическимъ языкамъ. 7) Физическимъ воспитаніемъ въ нашихъ школахъ пренебрегаютъ. 8) Занятія въ средней школѣ распредѣлены ненормально; ученики младшихъ классовъ имѣютъ больше работы, чѣмъ ученики старшихъ. 9) Желательно устройство для учениковъ вечеровъ, бесѣдъ, прогулокъ, вообще болѣе частыхъ встрѣчъ учащихъ съ учащимися не только во время преподаванія. 10) Слѣдуетъ обратить вниманіе на ненормальный взглядъ учениковъ на отмѣтки. 11) Желательно усиленіе медицинскаго надзора. 12) Необходимо поднять эстетическое развитіе учащихся, для чего желательно лучшее, но не обременительное обученіе ихъ музыкѣ, пѣнію и рисованію. 13) Правильно было бы освободить учениковъ отъ каникулярныхъ работъ въ томъ видѣ, какъ онѣ теперь ведутся. 14) Необходимо увеличеніе промежутковъ между уроками. 15) Весьма желательна также отмѣна экзаменовъ. 16) Учебники очень дороги и слишкомъ часто выходятъ новыми изданіями съ незначительными измѣненіями

содержанія. 17) Институтъ помощниковъ классныхъ наставниковъ требуетъ радикальной реформы. Для занятія этихъ должностей необходимы лица съ образованіемъ.

(*„Вольнь“*).

Недостатки учебно-воспитательной системы въ Италіи. Анджело Моссо, д-ръ медицины и профессоръ физіологіи туринскаго университета, издалъ въ прошломъ году книгу объ учебно-воспитательной реформѣ итальянскихъ гимназій и университетовъ. Сочиненіе это представляетъ какъ бы заключительный выводъ изъ цѣлаго ряда его работъ (книгъ и публичныхъ лекцій), посвященныхъ вопросу о воспитаніи юношества.

За послѣдніе годы здѣсь всѣмъ стало очевидно, что существующая учебно-воспитательная система среднихъ и высшихъ заведеній оказывается неудовлетворительной и даетъ плохіе практическіе результаты. Профессоръ Баччели, министръ народнаго просвѣщенія, энергично занимается подготовкой широко захватывающей реформы. Плоды его трудовъ, проекты новыхъ законовъ о лицеяхъ, гимназіяхъ и университетахъ, будутъ внесены въ предстоящую зимнюю сессію на обсужденіе парламента.

Мы остановимся на нѣкоторыхъ указаніяхъ книги проф. Моссо.

Постепенное, но почти непрерывное въ теченіе 35—38 лѣтъ расширеніе программъ преподаванія, увеличеніе числа учебныхъ часовъ, ненужныя строгости экзаменовъ, отсутствіе или несоотвѣтственное примѣненіе упражненій и проч. довели итальянскую систему до такого неудовлетворительнаго по результатамъ состоянія, что переутомленная, неправильно развитая, какъ физически, такъ и интеллектуально, молодежь является, по выраженію Моссо, *„хилымъ общественнымъ элементомъ“*. Переутомленіе въ связи съ „преобладаніемъ метафизически отвлеченнаго направленія въ преподаваніи наукъ обусловливаетъ вялость и *безыдеальность“*. Въ этомъ кроется одна изъ причинъ упадка Италіи.

Онъ выражаетъ убѣжденіе, что настоящіе порядки калѣчатъ юношество на всю жизнь. Въ качествѣ медика и фізіолога, который въ теченіе 20 лѣтъ систематически занимался практическимъ изученіемъ вопросовъ о боязни, эмоціяхъ, воздѣйствіи на организмъ интеллектуальнаго, мускуллнаго труда, авторъ приходитъ къ заключенію, что равновѣсіе между умомъ и тѣломъ надлежитъ устанавливать медику.

По его мнѣнію, вопросъ о программахъ преподаванія, упорядоченіи расписанія учебныхъ часовъ, для возможно успѣшнѣйшаго усовершенствованія интеллектуальнаго и физическаго воспитанія молодежи, представляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вообще вопросовъ нашего времени. А между тѣмъ на практикѣ этотъ вопросъ развивается обратно указаніямъ науки и опыта.

Теперь мальчики 12—15 лѣтъ должны высиживать ежедневно на урокахъ 5, а иногда и цѣлыхъ 6 часовъ, почти безъ перерыва. Мнѣ удалось осязательными научными опытами установить, что достаточно нѣсколькихъ секундъ дѣятель-

ности нервныхъ клѣточекъ, если только ихъ работа сосредоточивается на одной изъ группъ двигательной области,—чтобы породить утомленіе этихъ клѣточекъ. Обыкновенно умственный трудъ кажется менѣе тяжкимъ, чѣмъ мускульный, потому что въ изгибахъ мозга существуютъ милліарды клѣточекъ, которыя при умственной работѣ могутъ чередоваться между собой, смѣнять одна другую. Однако, эта смѣна при достаточно сильномъ утомленіи все-таки не исключаетъ того, что *наша кровь отравляется*; что отъ излишняго мозгового напряженія умаляется даже наша мускульная сила, а также и энергія всѣхъ жизненныхъ центровъ".

Проф. Арнольдо Маджіора, работавшій въ лабораторіи Моссо, нашелъ, что данное количество умственной работы наноситъ гораздо большій вредъ всему организму, когда работа совершается при утомленномъ уже мозгѣ, чѣмъ когда она имѣетъ мѣсто при вполнѣ нормальныхъ условіяхъ. Выводы проф. Маджіора для нашего вопроса формулируются такъ:

„Послѣ трехъ часовъ уроковъ, мы воспринимаемъ гораздо менѣе, а утомляемся гораздо болѣе, чѣмъ въ первые два часа".

Слова, написанныя курсивомъ, Моссо желалъ бы видѣть начертанными крупными буквами во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, на стѣнахъ комнатъ, въ которыхъ собираются для совѣщаній преподаватели, дабы послѣдніе памятовали, что педагогія обязана руководиться физіологическими законами и не упускать изъ виду неоспоримыхъ указаній медицинской науки.

Педагогія должна всегда имѣть въ виду, что интеллектуальная работа третьяго часа,—а тѣмъ паче четвертаго,—несравненно менѣе полезна и болѣе утомительна, чѣмъ работа первыхъ двухъ часовъ; и что *вообще послѣ полудня* мозгъ человѣческій находится въ условіяхъ, менѣе подходящихъ для напряженнаго труда. Такъ какъ отъ ученика главнымъ образомъ требуется постоянное напряженіе памяти, то и выходитъ, что послѣполуденные часы составляютъ почти пропащее время, ибо впечатлѣнія, воспринимаемыя уже уставшимъ мозгомъ, быстро проскальзываютъ и исчезаютъ. *„Все равно, что въ рѣшето воду лить"*, говорилъ пріятель автора, всю свою жизнь занимающійся преподаваніемъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Кромѣ того, проф. Моссо небезосновательно усматриваетъ одну изъ причинъ зла въ томъ, что ученикамъ, даже и при хорошихъ среднихъ способностяхъ, приходится внѣ классовъ проводить ежедневно по нѣсколько часовъ за приготовленіемъ уроковъ.

Физическая слабость организма (и обусловливаемая ею интеллектуальная вялость и неустойчивость) является прямымъ послѣдствіемъ такого изнуренія.

Число лицъ, бракуемыхъ при рекрутскихъ наборахъ за узость груди, слабосиліе и другіе физическіе недостатки, увеличивается въ Италіи изъ года въ годъ, чуть что не параллельно съ расширеніемъ программъ учебныхъ заведеній.

При этомъ оказывается, что бракованію подвергаются по преимуще-

ству воспитанники среднихъ и высшихъ заведеній, достигшіе призывнаго возраста.

Неудовлетворительность существующей въ Италіи воспитательно-образовательной системы усугубляется, по мнѣнію Моссо, самымъ духомъ и отчасти выборомъ предметовъ преподаванія. «Одна изъ причинъ упадка современной Италіи, — пишетъ онъ, — заключается въ томъ, что мы чрезмѣрно усердствуемъ воспитать наше юношество на началахъ архаическихъ» — (авторъ здѣсь подразумѣваетъ преобладаніе метафизическаго метода и классицизма). — Мы этимъ избыткомъ архаизма подавляемъ въ молодежи интересъ къ идеаламъ, свойственнымъ нашему времени... Наша педагогія не принимала участія въ поступательномъ движеніи естественныхъ наукъ; она остается доселѣ отвлеченной метафизической доктриной». Итальянская учебно-воспитательная система не заботится вырабатывать въ юношѣ твердаго стремленія къ самостоятельному развитію и умѣнья подвигаться впередъ, достигать цѣли, при помощи только собственнаго труда, и воспитаніе, которое мы даемъ нашимъ дѣтямъ, направляетъ ихъ въ другую сторону. Всѣ наши стремленія направлены къ тому, чтобы получить штатныя мѣста, сдѣлаться чиновниками или добиться постояннаго занятія съ наименьшимъ количествомъ труда и наибольшимъ количествомъ жалованья. Итальянскіе же отцы съ обезпеченнымъ состояніемъ ни мало не заботятся о доставленіи дѣтямъ воспитанія, вырабатывающаго желаніе трудиться, приносить этическую пользу себѣ и другимъ. Они заботятся о томъ, чтобы ихъ сыновьямъ не приходилось вовсе работать... Если такой родитель и посылаетъ сыновей въ университетъ, то дѣлаетъ это скорѣе изъ тщеславія. Лекцій такіе юноши почти не посѣщаютъ и если получаютъ надлежащіе дипломы, то, большею частью, по протекціи. «Понятно, какіе общественные дѣятели вырабатываются при такихъ условіяхъ».

«Мы достигли предѣла, за которымъ необходимо, во что бы то ни стало, пойти по совершенно иному направленію. Воспитательная работа правительства и общества, какъ оказывается, была доселѣ безсильна и безплодна: семьи заботятся о карьерѣ сыновей, не придавая никакого значенія физическому воспитанію; педагоги школы средней и высшей пребываютъ въ невѣдѣніи физіологическихъ законовъ и даже современныхъ научныхъ идеаловъ. Правящіе классы формируются изъ лицъ, получившихъ воспитаніе при такихъ условіяхъ, и члены этихъ классовъ становятся изъ года въ годъ все слабѣе и хилѣе. «Иниціативы у современнаго итальянца нѣтъ».

Учебно-воспитательная система, несмотря на свою формальную требовательность и строгость, содѣйствуетъ развитію всесторонней распущенности. Она въ отдѣльныхъ личностяхъ вырабатываетъ вялость, нервность, подавляетъ способность къ самоотверженію и къ быстрой сообразительности.

Моссо признаетъ наилучшею воспитательно-учебною реформой та-

кую,— 1) которая направлена къ тому, чтобы молодежи въ школѣ преподавалось только дѣйствительно необходимое; 2) чтобы при этомъ всѣми мѣрами развивались у юношей стремленіе и способность къ дѣятельному, самостоятельному, индивидуальному совершенствованію и труду; 3) чтобы было обращено особенное вниманіе на физическое развитіе и 4) признавалась бы педагогами важность значенія физіологіи и медицины въ дѣлѣ воспитанія. (*«Сынъ Отеч.»*).

Э. Геккель о школьной реформѣ. Въ одномъ изъ засѣданій IV секціи одес. отдѣла общ. охран. народ. здр., при обсужденіи реферата А. Андріевскаго о мѣрахъ для поднятія физическаго воспитанія въ нашей средней школѣ, г. референтъ познакомилъ публику съ одною изъ главъ въ высшей степени интересной книги извѣстнаго ученаго, профессора Іенскаго университета, Э. Геккеля, вышедшей въ текущемъ году. Въ главѣ «Государство и школа» такъ формулируются общіе взгляды, болѣе или менѣе установившіеся уже въ ученомъ мірѣ по данному вопросу.

1) Въ существующемъ преподаваніи въ средней школѣ главную роль обыкновенно играетъ изученіе языковъ, изученіе же природы остается въ полномъ пренебреженіи.

2) Въ новой школѣ главнымъ предметомъ изученія должна быть природа. Человѣкъ долженъ пріобрѣсти правильное представленіе о вселенной, въ которой онъ живетъ. Онъ не долженъ жить внѣ природы, а тѣмъ болѣе—въ противорѣчіи съ нею, но долженъ быть ея высшимъ, благороднѣйшимъ произведеніемъ.

3) Изученіе классическихъ языковъ, отнимавшее до сихъ поръ главную часть учебнаго времени и труда, должно быть сильно сокращено и низведено до изученія только элементовъ языка.

4) На изученіе же новыхъ языковъ должно быть обращено особое вниманіе во всѣхъ среднихъ и высшихъ школахъ.

5) Въ преподаваніи исторіи должно быть обращено больше вниманія на внутреннюю, духовную жизнь, чѣмъ на внѣшнюю исторію народовъ (судьбы династій, войны и т. д.); должна изучаться исторія культуры.

6) Основныя положенія біологіи должны быть достояніемъ каждаго образованнаго человѣка. Новѣйшій наглядный методъ обученія облегчаетъ и дѣлаетъ болѣе привлекательнымъ изученіе біологическихъ наукъ.

7) Каждый образованный человѣкъ долженъ знать основные законы физики и химіи съ точными математическими доказательствами.

8) Каждый ученикъ долженъ учиться рисовать и непремѣнно съ натуры. Этюды и акварельные эскизы съ натуры (цвѣтовъ, животныхъ, ландшафтовъ, облаковъ и т. д.) не только возбуждаютъ интересъ къ природѣ и запечатлѣваютъ воспоминанія о ней, но и научаютъ учениковъ правильно видѣть и понимать видѣнное.

9) Необходимо употреблять гораздо больше, чѣмъ это теперь дѣлается, работы и времени на физическія упражненія, на гимна-

стику и плаваніе. Въ особенности необходимы еженедѣльныя общія прогулки и на каникулахъ нѣсколько прогулокъ пѣшкомъ.

Геккель, въ заключеніе этой главы, говоритъ: главною цѣлью высшаго школьнаго образованія была до сихъ поръ въ большинствѣ культурныхъ государствъ подготовка къ служебному поприщу; пріобрѣтеніе извѣстнаго количества знаній носило чисто бюрократическій характеръ; школа же 20-го столѣтія поставитъ своею главною задачею научить самостоятельно мыслить, ясно понимать пріобрѣтенныя знанія и вырабатывать свой собственный взглядъ на естественную связь между различными явленіями.

Новое культурное государство должно доставить каждому гражданину средства хорошимъ школьнымъ образованіемъ развить свой умъ, чтобы онъ могъ разумно примѣнять свои познанія на общее благо.

(«*Южн. Обзоръ*»).

Пенсіонная касса для учителей. Министерствомъ народнаго просвѣщенія составленъ и разосланъ на заключеніе другихъ вѣдомствъ проектъ устава пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ. Проектъ раздѣляетъ всѣхъ будущихъ участниковъ пенсіонной кассы на обязательныхъ и добровольныхъ. Обязательными участниками кассы считаются учителя и учительницы начальныхъ училищъ всякаго наименованія, какъ Министерства народнаго просвѣщенія, такъ и другихъ вѣдомствъ, содержимыхъ на средства государственнаго казначейства, а также содержимыхъ земскими и городскими учрежденіями и сельскими обществами и состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства народнаго просвѣщенія. Добровольными же участниками кассы могутъ быть учителя и учительницы въ томъ случаѣ, если служба ихъ сопряжена съ правомъ на пенсію изъ государственнаго казначейства, а также учителя училищъ, содержимыхъ частными лицами и состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства народнаго просвѣщенія. Изъ содержанія обязательныхъ участниковъ удерживается въ началѣ года въ доходъ кассы 6 проц. ежегодно, а добровольные участники уплачиваютъ—12 проц. своего содержанія. Капиталы кассы подраздѣляются на 4 категоріи: 1) фондъ участниковъ, 2) вдовій, 3) сиротскій и 4) запасный фондъ. Пенсія участнику назначается въ размѣрѣ содержанія, которымъ онъ пользовался въ послѣдній годъ участія въ кассѣ. Право на обыкновенную пенсію принадлежитъ лицамъ, оставившимъ службу способными къ труду, если они участвовали въ кассѣ не менѣе 15 лѣтъ; право на усиленныя пенсіи принадлежитъ лицамъ, оставившимъ службу неспособными къ труду, если они участвовали въ кассѣ не менѣе 5 лѣтъ. Участникъ кассы, оставившій службу способнымъ къ труду безъ права на пенсію, не пользуется никакими выдачами изъ кассы, если участвовалъ въ ней менѣе 5 лѣтъ; если же это участіе продолжалось болѣе 5 лѣтъ, то ему предоставляется право получить обратно свои личные взносы безъ проц., а участвовавшимъ въ кассѣ отъ 10 до 15 лѣтъ выдаются ихъ лич-

ные взносы съ начисленіемъ на нихъ сложныхъ процентовъ по разсчету изъ четырехъ годовыхъ. Точно также получаютъ обратно свои личные взносы и съ такимъ же начисленіемъ сложныхъ процентовъ участники, оставившіе службу безъ права на пенсію неспособными къ труду. Относительно права вдовы на пенсію проектъ устанавливаетъ, что размѣръ ея не можетъ превышать $^2/_3$ предѣльнаго размѣра пенсіи мужа. Дѣти получаютъ пенсію на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) одному ребенку назначается въ пенсію 5 проц. содержанія отца или матери въ послѣдній годъ его участія въ кассѣ, если оно продолжалось 10 лѣтъ, 2) за каждый годъ дальнѣйшаго участія до 30 лѣтъ включительно, пенсія одному ребенку увеличивается на $^1/_{10}$ этого размѣра; 3) за участіе въ кассѣ свыше 30 лѣтъ пенсія дѣтямъ не увеличивается; 4) двумъ дѣтямъ пенсія назначается въ размѣрѣ $1^3/_4$, тремъ — $2^1/_2$, а четыремъ и болѣе въ размѣрѣ 3 окладовъ пенсіи одному ребенку.

Дѣлами пенсіонной кассы завѣдуютъ: управленіе кассы, входящее въ составъ департамента Министерства народнаго просвѣщенія, комитетъ пенсіонной кассы, подъ предсѣдательствомъ лица, назначеннаго Министерствомъ народнаго просвѣщенія и, наконецъ, совѣтъ министра, въ которомъ сосредоточивается высшее наблюденіе за дѣлами кассы.

Пособія учителямъ земскихъ школъ Курской губ. на воспитаніе дѣтей. Прошлое очередное губернское земское собраніе по вопросу о воспитаніи дѣтей учителей постановило приходить впредь на помощь лицамъ въ земскихъ школахъ пособіемъ до 40 рублей въ годъ на каждаго стипендіата, при условіи такой же ассигновки со стороны уѣзднаго земства. Такимъ образомъ, губернское земство значительно облегчило уѣзднымъ земствамъ заботы въ этомъ направленіи. Въ Курскомъ уѣздѣ пособія учителямъ на воспитаніе дѣтей, земство оказываетъ ежегодно по особымъ ходатайствамъ, но общаго постановленія, которое обезпечивало бы учителямъ такое пособіе на все время обученія дѣтей, сдѣлавшихся разъ стипендіатами земства, издано не было, слѣдовательно, такія пособія въ Курскомъ уѣздѣ имѣютъ характеръ чисто случайный; отсюда понятно то тревожное состояніе, которое испытываетъ учитель предъ каждымъ земскимъ собраніемъ, ожидая разрѣшенія вопроса: будетъ ли выдано пособіе на слѣдующій годъ обученія сына или дочери? Земское собраніе высказалось за желательность постоянной организаціи помощи учителямъ въ дѣлѣ воспитанія ихъ дѣтей при пособіи отъ губернскаго земства, и кромѣ того собраніемъ былъ возбужденъ вопросъ о таковомъ же пособіи и другимъ малообезпеченнымъ служащимъ земства, какъ, напр., фельдшерамъ, акушеркамъ и проч., что и было рѣшено въ утвердительномъ смыслѣ «*С.-Пб. В.*».

Вызовъ учителей. Въ дирекцію народныхъ училищъ Нижегородской губерніи, какъ сообщаетъ «Волгарь»,

поступилъ изъ Министерства народнаго просвѣщенія запросъ: нѣтъ ли между учителями начальныхъ училищъ губерніи, изъ окончившихъ курсъ въ учительскихъ симинаріяхъ, желающихъ занять должности учителей въ Приморской области. Запросъ этотъ послѣдовалъ вслѣдствіе просьбы приамурскаго генералъ-губернатора. Содержаніе переселяющимся учителямъ назначается въ размѣрѣ 500 руб. въ годъ и 500 руб. выдается единовременно на путевыя издержки.

Недостатокъ учителей. Изъ Меленковскаго уѣзда Владим. губ пишутъ: не маловажнымъ тормозомъ успѣшнаго хода народнаго образованія въ земскихъ школахъ является недостатокъ учительскаго персонала. Благодаря этой причинѣ, въ протекшемъ году въ трехъ школахъ не было совсѣмъ ученія и въ трехъ ученіе продожалось только половину и безъ того короткаго учебнаго года. Недостатокъ учителей является для Меленковскаго уѣзда хроническимъ, и прошлогоднее земское собраніе, съ цѣлью борьбы съ этимъ недостаткомъ, постановило учредить прибавку учителямъ жалованья черезъ каждое пятилѣтіе по 50 р., до предѣльнаго оклада въ 500 рублей. Можетъ быть, въ будущемъ эта мѣра оправдаетъ возлагаемыя на нее надежды.

(«*С. О.*»)

Близкое разрѣшеніе вопроса объ учительскихъ съѣздахъ. Министерство народнаго просвѣщенія въ непродолжительномъ времени приступитъ къ обсужденію вопроса объ устройствѣ періодическихъ педагогическихъ съѣздовъ, преподавателей среднихъ и начальныхъ учебныхъ заведній. («*Сынъ От.*»).

Педагогическіе музеи для народныхъ учителей. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета министровъ предоставлено Министерству народнаго просвѣщенія право учреждать собственной властью педагогическіе музеи и утверждать ихъ уставы. Учрежденіе музеевъ имѣетъ цѣлью способствовать лучшей постановкѣ учебнаго дѣла въ народныхъ школахъ и расширенію пріобрѣтаемыхъ народными учителями учительскихъ познаній. Открытіе музеевъ имѣется въ виду производить на средства Министерства народнаго просвѣщенія, а также на частныя пожертвованія.

(«*Курьеръ*»).

Съѣздъ учителей казачьихъ школъ. На бывшемъ съ 17 по 22 августа съѣздѣ учителей казачьихъ школъ Амурской области, приняты слѣдующія постановленія: 1) Рѣшено замѣнить старую программу казачьихъ школъ программой начальныхъ школъ М. Н. П., какъ болѣе соотвѣтствующей своей цѣли; 2) рѣшено выписать для всѣхъ школъ однообразные учебники; 3) ввести пѣніе обязательнымъ предметомъ образованія; 4) возбуждено ходатайство объ ассигнованіи обществами суммы на пополненіе школьныхъ библіотекъ въ размѣрѣ 25 руб. ежегодно; 5) опредѣленъ возрастъ поступающихъ въ школы учениковъ въ 9 лѣтъ; 6) курсъ ученія опредѣленъ 4-хъ-лѣтній; 7) мальчики не могутъ оставлять школу до

окончанія курса, а дѣвочки—ранѣе окончанія учебнаго года; 8) отмѣнены переводные экзамены изъ класса въ классъ; 9) установлена норма учениковъ на одного учителя въ 50 человѣкъ, и 10) возбуждено ходатайство о выдачѣ ученикамъ свидѣтельствъ въ окончаніи курса.

Во избѣжаніе почти постоянныхъ недоразумѣній между учителями и станичными атаманами рѣшено возбудить ходатайство объ учрежденіи при каждой школѣ, по примѣру школъ кубанскаго казачьяго войска, школьныхъ попечительствъ. Рѣшено также возбудить ходатайство о сравненіи правъ учителей казачьихъ школъ съ правами учителей школъ М. Н. П. и о поднятіи минимума содержанія учителей до 500 р. с. (*«Ам. Газ.»*).

Могутъ ли сельскіе учителя преподавать Законъ Божій? «Салг.» сообщаетъ, что симферопольская земская управа возбудила передъ духовной консисторіей ходатайство о томъ, чтобы нѣкоторымъ сельскимъ учителямъ дозволено было преподавать Законъ Божій. Ходатайство это мотивировалось тѣмъ, что священники, живущіе зачастую за нѣсколько верстъ отъ мѣста расположенія школы, обремененные духовными требами, не имѣютъ возможности регулярно посѣщать школу, что̀ замѣтно отзывается на духовно-нравственномъ воспитаніи дѣтей. Духовная консисторія, руководствуясь опредѣленіемъ Св. Синода, по которому свѣтскія лица, не получившія богословскаго воспитанія, могутъ быть допускаемы къ преподаванію Закона Божія лишь въ крайнихъ случаяхъ и не иначе, какъ съ утвержденія Св. Синода, по представленію епархіальнаго начальства,—постановила отклонить ходатайство земства и объяснить, что въ каждомъ такомъ случаѣ земство должно входить съ отдѣльными ходатайствами въ Св. Синодъ черезъ преосвященнаго.

Кто можетъ читать въ народныхъ аудиторіяхъ. «*Восточное Обозрѣніе*» сообщаетъ, что по жалобѣ одного изъ членовъ иркутской комиссіи народныхъ чтеній на распоряженіе учебнаго начальства Правительствующій Сенатъ указомъ 29-го октября за № 9,974 сдѣлалъ разъясненіе по вопросу о лекторахъ въ народныхъ аудиторіяхъ:

«Согласно точному смыслу 394-й статьи уставовъ учебныхъ заведеній (Сводъ Законовъ т. XI, ч. I, изд. 1893 г.) къ публичному чтенію для народа, кромѣ духовныхъ лицъ и преподавателей правительственныхъ учебныхъ заведеній, допускаются и другія лица, лишь бы они были признаны со стороны учебнаго и губернскаго начальства благонадежными, причемъ эта благонадежность должна быть устанавливаема по отношенію къ каждому такому лицу въ отдѣльности; распоряженіе же о недопущеніи къ народнымъ чтеніямъ всѣхъ вообще лицъ, не принадлежащихъ къ числу преподавателей казенныхъ училищъ и священнослужителей, признано Правительствующимъ Сенатомъ неправильнымъ и несогласнымъ съ закономъ».

Библіографія.

Книги для родителей и учителей.

Записки о губернскихъ педагогическихъ курсахъ въ Курскѣ съ 16 мая по 20 іюня 1898 г. для учительницъ и учителей земскихъ школъ Курской губерніи. Составили руководители курсовъ: Д. И. Тихомировъ, П. Г. Поповъ, В. И. Долженковъ и Е. В. Ходуновъ. Изданіе Курскаго губернскаго земства. Курскъ. 1899 г. 295 страницъ большого формата.

Въ разное время намъ неоднократно приходилось говорить въ *Педагогическомъ Листкѣ* объ аналогичныхъ запискахъ (собственно отчетахъ), относившихся къ педагогическимъ курсамъ въ другихъ городахъ. Повторимъ поэтому теперь только, что подобные отчеты-записки имѣютъ огромное практическое и теоретическое значеніе прежде всего для учителей, принимавшихъ непосредственное участіе на курсахъ, какъ дорогое воспоминаніе о дняхъ, проведенныхъ въ совмѣстной работѣ съ товарищами какъ документъ, по которому можно всегда возстановить въ памяти все заслуживающее вниманія, какъ наконецъ, пособіе при преподаваніи; тѣ же записки чрезвычайно цѣнны, конечно, и для тѣхъ учителей данной губерніи и другихъ мѣстностей, которые не принимали участія на курсахъ, какъ превосходный матеріалъ для ознакомленія съ послѣднимъ словомъ школьно-педагогической науки; «записки» важны также и для ближайшаго персонала школьной администраціи а также для руководителей земскимъ дѣломъ и гласныхъ; они представляютъ несомнѣнный интересъ и для всякаго образованнаго человѣка, интересующагося дѣломъ народнаго образованія, заключая въ себѣ множество интереснѣйшихъ данныхъ о современныхъ нуждахъ и положеніи народной русской школы и ея учителя. Въ виду всего этого, можно только удивляться тому, что эти изданія не всегда поступаютъ въ общую продажу, о выходѣ ихъ въ свѣтъ не встрѣчаются публикацій въ распространенныхъ газетахъ. Не надо еще забывать, что богатый матеріалъ, надъ которымъ работаютъ на учительскихъ курсахъ ихъ руководители и учителя (въ тѣхъ

случаяхъ, конечно, когда курсы удается поставить на возможно правильную почву), получается главнымъ образомъ изъ письменныхъ отвѣтовъ учителей на тѣ предварительные запросы, которые разсылаются обыкновенно задолго до осуществленія самыхъ курсовъ. Поэтому, содержаніе вопросовъ, дебатируемыхъ на курсахъ, должно всегда соотвѣтствовать современному въ данной мѣстности положенію народной школы и, слѣдовательно, пріобрѣтаетъ значеніе цѣннаго матеріала для будущаго или современнаго историка движенія дѣла русскаго народнаго образованія.

Педагогическіе курсы, имѣвшіе мѣсто въ 1898 году, въ г. Курскѣ прошли, какъ видно изъ настоящаго весьма обстоятельнаго отчета, при особенно благопріятной условіяхъ въ отношеніи внѣшнихъ сторонъ ихъ дѣятельности: они пользовались симпатіей мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, особенно земскихъ и сочувствіемъ со стороны образованной части курскаго общества. Все это, несомнѣнно, какъ нельзя болѣе плодотворно отразилось какъ на самомъ ходѣ курсовъ, отличавшихся одушевленіемъ всѣхъ участвовавшихъ въ общей работѣ, такъ и на конечныхъ результатахъ. Нельзя не отмѣтить и того въ высшей степени интереснаго факта, что на этихъ курсахъ едва ли не впервые были введены въ число предметовъ занятій, кромѣ обычныхъ, еще ознакомленіе учащихъ въ рядѣ лекцій съ нѣкоторыми научными данными по метеорологіи (читалъ П. Г. Поповъ) и по школьной гигіенѣ (читалъ В. И. Долженковъ). Такое нововведеніе, сдѣланное по иниціативѣ курскаго земства, заслуживаетъ глубокой симпатіи и заставляетъ желать, чтобы и другія наши земства, при устройствѣ своихъ педагогическихъ курсовъ, не забыли послѣдовать этому благому примѣру. Если принять во вниманіе выводы, сдѣланные на основаніи отвѣтовъ самихъ же учителей о существующихъ въ ихъ средѣ недочетахъ въ общемъ и профессіональномъ образованіи и почти полную невозможность пополнить эти недочеты путемъ самообразованія за отсутствіемъ учительскихъ библіотекъ центральныхъ въ каждомъ уѣздѣ и частныхъ при каждой школѣ, то сдѣлается понятнымъ все значеніе скромной попытки курскаго земства обогатить мѣстнаго учителя полезными и необходимыми знаніями изъ области упомянутыхъ выше наукъ. Мы назвали попытку курскаго земства скромной потому, что на самомъ дѣлѣ сельскіе учителя нуждаются еще въ весьма многихъ свѣдѣніяхъ по разнообразнымъ отдѣламъ знанія, необходимыхъ имъ, прежде всего какъ наставникамъ народа, а съ другой стороны для болѣе широкаго умственнаго развитія. Подобнаго рода курсы, дабы не стѣснять по времени обычныя занятія на лѣтнихъ курсахъ могли бы, по нашему мнѣнію, быть пріурочены и къ зимнимъ рождественскимъ каникуламъ. Сельскіе учителя, болѣе чѣмъ какіе бы то ни было другіе общественные дѣятели, имѣли бы право на разумный от-

дыхъ въ половинѣ учебнаго года отъ своихъ однообразныхъ занятій въ обстановкѣ городской жизни, когда на ряду съ цѣлымъ рядомъ организованныхъ для нихъ общеобразовательныхъ лекцій, они могли бы воспользоваться и нѣкоторыми видами городскихъ развлеченій, въ родѣ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, театральныхъ спектаклей и т. п. Не подлежитъ сомнѣнію также, что на рождественскихъ каникулахъ гораздо легче найти компетентныхъ лекторовъ по разнымъ предметамъ. Что касается до денежной стороны дѣла, то если бы въ этомъ отношеніи оказались затрудненія у нѣкоторыхъ земствъ, то вполнѣ возможно было бы разсчитывать на помощь всегда отзывчивыхъ у насъ на всякое живое дѣло частныхъ лицъ. Замѣтимъ еще, что организацію рождественскихъ общеобразовательныхъ курсовъ могли бы взять на себя также и общества взаимопомощи учащихъ.

Возвращаясь къ «Запискамъ» о курскихъ губернскихъ курсахъ, мы должны сказать два слова о ихъ содержаніи. Главную ихъ часть занимаютъ «записки» руководителя по общей школьной педагогикѣ и методикѣ русскаго и церковнославянскаго языковъ Д. И. Тихомирова. Здѣсь читатель найдетъ въ подробномъ изложеніи или въ подлинникахъ, какъ всѣ рѣчи, произнесенныя на курсахъ разными лицами, вступительныя и заключительныя бесѣды, такъ и подлинный учебный матеріалъ, разрабатывавшійся участниками курсовъ въ образцовой школѣ. Все это въ цѣломъ представляетъ, какъ мы уже сказали, огромный практическій, теоретическій и историческій интересъ для всѣхъ лицъ, стоящихъ близко къ школьному дѣлу. Затѣмъ, въ книгѣ помѣщены: «Конспектъ краткаго курса элементарныхъ свѣдѣній по метеорологіи» П. Г. Попова, «Лекціи по гигіенѣ» В. И. Долженкова и «краткій отчетъ о томъ, что было сдѣлано по ариѳметикѣ на курсахъ Курскаго губернскаго земства въ 1898» году. Е. В. Ходунова. Для того, чтобы весь этотъ богатый и интересный матеріалъ книги сдѣлался доступнымъ для широкаго круга учителей русской народной школы, слѣдуетъ желать, чтобы она была пріобрѣтена во всѣ существующія земскія учительскія библіотеки. Издана книга въ пользу общества взаимопомощи учащихъ въ губерніи.

Ан.

Правописаніе до грамматики. Сборникъ упражненій для народныхъ и подготовительныхъ школъ. Составилъ Д. И. Тихомировъ. Изданіе редакціи «Дѣтское Чтеніе». М 1899 г. Цѣна 10 коп.

Въ программу курса современной низшей школы введена въ значительномъ объемѣ грамматика, съ цѣлью скорѣйшаго и наилучшаго усвоенія навыковъ правописанія. Въ дѣйствительности законченный кругъ знаній по этому предмету сообщается только *въ третій годъ* ученія, т.-е. наканунѣ завершенія всего курса ученія, и потому помощь грамматики правописанію является совсѣмъ запоздалою, оправдывая развѣ только отдѣльные ороографи-

ческіе случаи, которые усвоены уже ранѣе практическимъ путемъ. Однако, изученіе грамматической терминологіи, опредѣленій и такъ называемаго разбора, благодаря ихъ отвлеченности, «требуютъ со стороны учителя и учениковъ напряженныхъ (и, добавимъ, совершенно безполезныхъ для цѣлей и задачъ школы) усилій и большой затраты времени, и безъ того крайне скуднаго въ народной школѣ, и всѣ эти занятія лишаютъ учителя возможности надлежащимъ образомъ упражнять учениковъ въ толковомъ чтеніи, въ усвоеніи историческихъ, географическихъ и другихъ образовательныхъ знаній въ устномъ и письменномъ изложеніи мыслей».

Такъ мотивируетъ Д. И. Тихомировъ въ предисловіи къ своему новому труду необходимость „*дать возможно полную для подготовительной и народной школы систему орѳографическихъ упражненій, основанныхъ на наименьшемъ количествѣ грамматическихъ знаній*“. Собственно, настоящее руководство, впервые у насъ, вводитъ въ систему и извѣстный порядокъ ту грамматическую (по существу) работу, которая, попутно и незамѣтно, ведется въ школахъ, гдѣ для обученія грамотѣ принятъ звуковой методъ. Послѣдній даетъ именно учителю возможность, не углубляясь въ дебри грамматическихъ тонкостей, сообщать ученикамъ цѣлый рядъ основныхъ правилъ правописанія и частымъ повтореніемъ закрѣпить ихъ въ памяти. При такомъ преподаваніи учитель прибѣгаетъ къ помощи грамматики, какъ пособія тогда, когда считаетъ это необходимымъ и удобнымъ при существующихъ условіяхъ. Въ настоящемъ руководствѣ авторъ «Правописанія до грамматики» приходитъ на помощь учителю и ученикамъ, при чемъ, вмѣсто трудныхъ для дѣтей грамматическихъ *опредѣленій*, стремится выяснять имъ самыя *понятія*, вводить дѣтей въ разумѣніе словъ и ихъ взаимныхъ отношеній, въ пониманіе смысла рѣчи. Съ этою цѣлью весь матеріалъ руководства раздѣленъ на три отдѣла, изъ которыхъ первый посвященъ рѣчи, слову и слогу, звукамъ и буквамъ; второй—значенію словъ и измѣненію ихъ окончаній, а третій — понятію о предложеніи и его частяхъ и знакамъ препинанія. Въ каждомъ изъ переименованныхъ отдѣловъ и ихъ главъ вначалѣ приводится общее положеніе («для памяти»), а затѣмъ слѣдуютъ соотвѣтствующія ему «задачи», при помощи которыхъ должно усвоиваться каждое положеніе. Далѣе идетъ матеріалъ для списыванія и диктовки, и глава заканчивается вопросами для повторенія. Такой пріемъ, призывая къ дѣлу сознаніе ученика и не оставляя для него ничего неяснаго, дѣлаетъ эту работу живой и занимательной и, несомнѣнно, лучше знакомитъ ученика элементарной школы со «смысломъ рѣчи» и «разумѣніемъ словъ и ихъ взаимныхъ отношеній», чѣмъ спеціальныя занятія грамматикой, какъ наукой. Впрочемъ, какъ говорится въ предисловіи, «если бы ученику, послѣ проработки предлагаемыхъ въ нашемъ руководствѣ упражненій, предстояло затѣмъ пройти элементарный курсъ грамма-

тики, то всѣ усвоенныя имъ путемъ практическихъ упражненій наблюденія и понятія послужили бы ему прочною основою для разумнаго усвоенія отвлеченныхъ грамматическихъ знаній». Съ своей стороны, мы можемъ замѣтить, что это новое руководство отвѣчаетъ дѣйствительной потребности элементарной школы и имѣетъ цѣлью сберечь ея время для болѣе производительныхъ занятій, чѣмъ схоластическое и притупляющее дѣтскій умъ преподаваніе формальной грамматики.

Ан.

А. Пыльневъ. Элементарная грамматика русскаго языка для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. 1899 г. Ц. 85 к. С.-Пб.

Учебный матеріалъ въ названной грамматикѣ авторъ желалъ какъ-будто бы расположить концентрически.

Первый концентръ, предназначенный для прохожденія въ 1-мъ классѣ среднихъ учебныхъ заведеній, заключаетъ въ себѣ слѣдующія грамматическія свѣдѣнія: звуки и буквы; понятіе объ измѣняемыхъ частяхъ рѣчи; ихъ склоненіе, спряженіе дѣйствительнаго залога и возвратнаго (*на ся*); предложеніе; понятіе о членахъ его—главныхъ и пояснительныхъ; обращеніе; понятіе о предложеніяхъ безличныхъ, придаточныхъ и вносныхъ; наиболѣе употребительныя изъ словъ вводныхъ.

Во второй концентръ, предназначенный для II-го класса, внесены слѣдующія новыя свѣдѣнія: мѣстоименія отрицательныя и неопредѣленныя; спряженіе страдательнаго залога; причастія и дѣепричастія; неизмѣняемыя части рѣчи; предложенія слитныя, неполныя, сочиненныя.

Въ третій концентръ, предназначенный для учениковъ III-го класса, вошли слѣдующія новыя грамматическія свѣдѣнія: этимологическій составъ словъ; слова коренныя, производныя и сложныя; правописаніе суффиксовъ; приставки, отрицанія: не, ни, нѣ; предложенія придаточныя, ихъ виды; замѣна придаточныхъ предложеній; рѣчь прямая и косвенная; предложенія вводныя; предложеніе сложное; его виды; сводъ правилъ о знакахъ препинанія.

Необходимость концентрически располагать грамматическій матеріалъ для послѣдовательнаго прохожденія его въ разныхъ классахъ учебнаго заведенія теперь всѣми признана; но при этомъ сознана также и необходимость такъ располагать учебный матеріалъ, чтобы сначала сообщались ученикамъ болѣе легкія и притомъ такія свѣдѣнія, которыя подготовляли бы ихъ къ усвоенію послѣдующихъ свѣдѣній. Выходя изъ этихъ требованій, трудно понять, почему въ грамматикѣ г. Пыльнева грамматическія свѣдѣнія отнесены въ тотъ, а не въ другой концентръ. Такъ, напр., ученіе о составѣ словъ, усвоиваемое учениками 1-го или 2-го класса безъ всякаго затрудненія, могло бы найти себѣ мѣсто въ концентрѣ, предназначенномъ для этихъ классовъ, а не въ 3-мъ концентрѣ. Точно такъ же легко усвоиваемое понятіе о слитномъ

предложенія могло бы быть сообщено значительно раньше.

Да и въ одномъ и томъ же концентрѣ въ разсматриваемомъ учебникѣ грамматическія свѣдѣнія не вездѣ расположены по ихъ трудности или по ихъ значенію для усвоенія послѣдующихъ свѣдѣній. Такъ, наприм., *понятіе о наклоненіяхъ* глагола (неопредѣленное, изъявительное, условное и повелительное) и понятіе о залогахъ помѣщено ранѣе, чѣмъ понятіе о временахъ, числахъ и лицахъ глагола.

Грамматическія опредѣленія, приводимыя въ грамматикѣ Пыльнева кратки и ясны; но нельзя сказать, что всѣ они одинаково были точны и вѣрны. Возьмемъ хотя слѣдующее опредѣленіе залоговъ: «Глаголы дѣйствительнаго залога оканчиваются въ неопредѣленномъ наклоненіи на *ть, чь, ти* (обучать, печь, нести), а возвратнаго—на *ся* или *сь* (обучаться, печься, нестись)». Заучивши это правило, ученикъ преспокойно будетъ относить къ залогамъ дѣйствительнымъ и такіе глаголы, какъ: сѣсть, лечь, цвѣсти, а къ возвратнымъ такіе глаголы, какъ: грызутся (Полканъ съ Барбосомъ), строится (домъ), несется (поѣздъ). Казалось бы, давно уже пора перестать различать залоги по окончанію, а принять въ основаніе различенія ихъ внутреніе признаки.

Но при указанныхъ недостаткахъ грамматика Пыльнева имѣетъ и нѣкоторыя важныя сами по себѣ достоинства. Она имѣетъ чисто практическій характеръ, а такой характеръ и должна носить элементарная грамматика. Прямая задача элементарной грамматики—поставить учащихся въ сознательное отношеніе къ родной рѣчи и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать выработкѣ въ нихъ умѣнія писать орѳографически-правильно.

Г. Пыльневъ старается избѣгать въ своей грамматикѣ всякихъ отвлеченностей, не имѣющихъ практическаго значенія.

Все не установившееся въ русской грамматикѣ, а равно и не имѣющее чисто практическаго значенія не нашло себѣ мѣста въ книгѣ г. Пыльнева. Изложеніе орѳографическихъ правилъ занимаетъ главное мѣсто во всей грамматикѣ. Правила эти сообщаются ученикамъ попутно съ усвоеніемъ ими этимологическихъ и синтаксическихъ свѣдѣній.

Наиболѣе цѣннымъ въ трудѣ г-на Пыльнева является второй—практическій отдѣлъ. Здѣсь подобраны примѣры, служащіе какъ для вывода тѣхъ или другихъ грамматическихъ правилъ, такъ и для закрѣпленія ихъ. На каждое грамматическое правило подобраны такіе примѣры, въ которыхъ примѣненіе этого правила особенно выдѣляется.

Особенно много примѣровъ приведено для закрѣпленія въ памяти учениковъ орѳографическихъ правилъ. Одни изъ помѣщенныхъ въ грамматикѣ примѣровъ могутъ служить для работы учениковъ съ учителемъ, другіе—для самостоятельныхъ упражненій.

Для приведенія въ систему грамматическихъ свѣдѣній, усвоенныхъ учениками при прохожденіи грам-

матическихъ концентровъ, можетъ служить систематическое оглавленіе грамматическаго матеріала, съ указаніемъ страницъ и параграфовъ, въ которыхъ этотъ матеріалъ изложенъ. Это же оглавленіе можетъ служить ученикамъ для этимологическихъ, синтаксическихъ и въ особенности — орѳографическихъ справокъ.

К. Е.

Общество Русскихъ Врачей въ память Н. И. Пирогова. Рецензіи народныхъ изданій по медицинѣ и гигіенѣ. Труды комиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ. М. 1898 г. Ц. 50 коп.

У насъ до сихъ поръ не было ни одного справочнаго изданія, въ которомъ можно было бы найти указанія компетентныхъ лицъ на то, какія изъ существующихъ книгъ по медицинѣ и гигіенѣ пригодны для народа, какія нѣтъ. И не только не было указателя, но даже и болѣе или менѣе подробнаго каталога такихъ книгъ. И тотъ и другой пробѣлъ съ выходомъ въ свѣтъ разсматриваемой нами книжки до извѣстной степени пополненъ. Комиссія изъ земскихъ врачей составила каталогъ всѣхъ изданій по медицинѣ и гигіенѣ, о какихъ только она могла собрать свѣдѣнія какъ изъ литературы, такъ и отъ издателей и книготорговцевъ, и кромѣ того, подвергла большую часть изъ нихъ (86 книгъ) очень подробному и тщательному разбору. Заслуживаетъ вниманія и самый способъ коллективной оцѣнки той или иной брошюры, которыми пользовалась комиссія. Предварительно ею были выработаны общія основы для критики, которыми должны были руководиться рецензенты при разборѣ книгъ. Затѣмъ каждая написанная рецензія обязательно прочитывалась въ засѣданіяхъ комиссіи, неодобрительные отзывы должны были быть подробно мотивированы, чтобы дать возможность всѣмъ членамъ комиссіи убѣдиться въ справедливости мнѣнія рецензента. Въ случаѣ отзыва одобрительнаго брошюра передавалась еще тремъ лицамъ для прочтенія, и если со стороны ихъ возраженій не было, — то брошюра признавалась заслуживающей одобренія (такихъ брошюръ изъ 86-ти оказалось только 7!); въ случаѣ же несогласія кого-либо изъ трехъ лицъ съ мнѣніемъ перваго рецензента, въ комиссію должна была быть представлена новая рецензія съ мотивировкой неодобрительнаго отзыва о ней. Все это, конечно, служило сильнымъ коррективомъ къ неизбѣжному въ подобномъ дѣлѣ субъективизму. Книжка не только заслуживаетъ вниманія тѣхъ лицъ, которыя заинтересованы въ распространеніи *хорошихъ* медицинскихъ книгъ въ народѣ (какъ, напр., г.г. учителя, завѣдующіе земскими книжными складами и т. п.), но, по нашему мнѣнію, она прямо необходима для нихъ.

Н. Си.

P.S. Пользуясь случаемъ, — не можемъ не пожелать, чтобы и лица, близко стоящія къ сельской школѣ, по примѣру земскихъ врачей, занялись пересмотромъ народной литературы, въ чемъ въ настоящее время чувствуется большая потреб-

ность. Со времени изданія «Что читать народу», прошло уже много лѣтъ; «Ежегодникъ» М. общества грамотности, какъ видно, прекратилъ свое существованіе; а народная литература разрастается до почтенныхъ размѣровъ; на рынкѣ ежегодно появляется масса новыхъ книгъ. Разобраться въ нихъ и своевременно, и положительно необходимо.

Ск.

Книги для дѣтей.

Библіотека «Дѣтскаго Чтенія». По Уралу. Разсказы и очерки. Д. Н. Мамина-Сибиряка. М. 1900 г. Цѣна 50 коп.

Передъ нами третій сборникъ произведеній нашего талантливаго писателя, по содержанію доступныхъ для дѣтей средняго возраста, но по исполненію доставляющихъ истинное наслажденіе и всякому взрослому образованному читателю. Каждое дѣйствующее лицо этихъ разсказовъ изъ быта пріуральскаго населенія является передъ вами, изъ-подъ волшебнаго пера г. Мамина-Сибиряка, какъ бы выхваченнымъ прямо изъ жизни и надолго запечатлѣвается въ памяти, на ряду со всей обстановкой, среди которой лицо живетъ. Задушевность же разсказовъ дѣлаетъ всѣхъ этихъ скромныхъ героевъ какъ бы родными, близкими и давно вамъ знакомыми людьми. Превосходный языкъ разсказчика, обладающаго удивительнымъ умѣньемъ схватить оригинальную особенность рѣчи простого человѣка, представляетъ собою неизмѣнную прелесть подобныхъ произведеній писателя. Что касается до дѣтей, то, помимо художественныхъ впечатлѣній, они вынесутъ изъ чтенія сборника весьма цѣнное знакомство съ бытомъ, жизнью, и интересами населенія пріуральскаго края и научатся у автора любить этихъ скромныхъ людей, заброшенныхъ въ глушь лѣсовъ, цѣнить ихъ тяжелый трудъ, энергію и выносливость и проникаться по отношенію къ этимъ героямъ или мученикамъ труда тѣми гуманными чувствами, которыя разлиты повсюду въ разсказахъ г. Мамина-Сибиряка. Помимо всего сказаннаго, этотъ писатель совершенно незамѣтно знакомитъ дѣтей съ цѣлымъ рядомъ чисто техническихъ подробностей главнѣйшихъ мѣстныхъ промысловъ, напримѣръ: со способомъ добыванія различнаго рода драгоцѣнныхъ и иныхъ камней (въ разсказѣ «Дорогой камень») и пріемами ихъ обдѣлки и шлифовки, вмѣстѣ съ обстановкой этой тяжелой работы (въ разсказѣ «Вертель»), съ процедурой добыванія и промывки золотого песка и вліяніемъ этого промысла на жизнь мѣстной деревни (въ разсказѣ «Дѣдушкино золото»), съ обстановкою и процессомъ работы въ куреняхъ, гдѣ обжигается уголь (въ разсказѣ «Въ глуши»), съ жизнью рабочихъ мѣстныхъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ (въ разсказѣ «Кормилецъ») и, наконецъ, съ полною опасностей работою по весен-

нему сплаву желѣза на баркахъ въ гор. Пермь (въ очеркахъ «На рѣкѣ Чусовой»). Въ этихъ послѣднихъ очеркахъ дано также тщательное описаніе устройства барокъ, ихъ нагрузки разными сортами желѣза, хода по рѣкѣ, на ряду съ превосходной картиной природы ея береговъ, а также неимовѣрными трудностями и опасностями самаго сплава. Мы видимъ, такимъ образомъ, что Д. Н. Маминъ-Сибирякъ счастливо соединяетъ въ своемъ лицѣ талантъ художественнаго писателя съ талантомъ истиннаго педагога, неподдѣльную любовь къ своей родинѣ, ея природѣ и населенію, съ высокими чувствами гуманнаго и высокообразованнаго человѣка. Характерною особенностью этого писателя является, между прочимъ, то, что всѣ лучшія и драгоцѣннѣйшія свойства его произведеній—чудный слогъ, поэтическое настроеніе, задушевность и искренность тона—выступаютъ съ особенною силою и выпуклостью тогда, когда онъ предназначаетъ эти произведенія для дѣтей. Повидимому, нравственная чистота и невинность этихъ читателей будятъ въ душѣ г. Мамина лучшія свойства его литературнаго таланта и сообщаютъ ему то особенное возвышенное настроеніе, которое съ такою силою и прелестью отражается на всемъ, что онъ пишетъ и для дѣтей. **Ан.**

Библіотека «Дѣтскаго Чтенія». Милые шалуны. П. М. Невѣжина. М. 1900. Ц. 60 коп.

П. М. Невѣжинъ—писатель, создавшій себѣ имя главнымъ образомъ своими драматическими произведеніями, но не чуждающійся разсказовъ и повѣстей, помѣщаемыхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ первый разъ выступаетъ въ отдѣльномъ сборникѣ, какъ писатель для дѣтей. Помѣщенные въ книгѣ четыре разсказа печатались въ разное время въ дѣтскихъ журналахъ: *Дѣтское Чтеніе*, *Родникъ* и *Дѣтскій Отдыхъ*. Въ первомъ изъ нихъ были помѣщены «Миничка» (повѣсть) и «Строгая сестренка» (комедія). Миничка—единственный сынъ богатой вдовы, не чающей въ немъ души и своими неразумными заботами и баловствомъ крайне вредно вліяющей не только на его характеръ, но и на физическое здоровье. Хилому и вялому мальчику, наконецъ, докторъ «прописываетъ» товарища, каковымъ и является сынъ бѣднаго сапожника—бойкій, здоровый и жизнерадостный мальчуганъ. Послѣдній оказываетъ къ концу повѣсти благодѣтельное во всѣхъ отношеніяхъ вліяніе на своего избалованнаго товарища, впрочемъ, главнымъ образомъ, при помощи энергичной и умной гувернантки-француженки. Оба мальчика поступаютъ въ гимназію и вмѣстѣ учатся. Въ повѣсти описываются шагъ за шагомъ тѣ педагогическіе пріемы, при помощи которыхъ молодой воспитательницѣ удалось оказать на дѣтей благотворное вліяніе. Слѣдующею болѣе крупною вещью является повѣсть, озаглавленная «Пострѣленокъ» (печаталась въ *Дѣтскомъ Отдыхѣ*). Сынъ сельскаго учителя, оставшись послѣ смерти отца втро-

емъ съ матерью и маленькой сестрой, съ честью выполняетъ обѣщаніе, данное умиравшему отцу «быть добрымъ, честнымъ», хотя при его жизни былъ большимъ шалуномъ. Раздѣляя съ матерью несчастіе жить изъ милости у богатыхъ и чванливыхъ родственниковъ, мальчикъ добрымъ поведеніемъ, усердіемъ и прилежаніемъ заслуживаетъ любовь товарищей по гимназіи, куда онъ поступилъ, и даже сочувствіе директора, рекомендующаго ему урокъ и освобождающаго отъ платы за ученіе. По переѣздѣ матери въ другой городъ, на мѣсто начальницы пріюта, и послѣ перевода въ другую гимназію, герой разсказа употребляетъ неимовѣрныя усилія, чтобы примѣниться къ новымъ учителямъ и ихъ требованіямъ, и въ концѣ учебнаго года успѣваетъ, при помощи новыхъ товарищей, въ короткое время усвоить все пройденное за годъ, благодаря чему благополучно переходитъ въ слѣдующій (3-й) классъ, возбуждая удивленіе требовательныхъ къ нему учителей и уваженіе товарищей. Небольшой очеркъ «Естествоиспытатель» (*изъ ж. Родникъ*) рисуетъ передъ читателемъ маленькаго мальчика, очень любившаго природу, собиравшаго насѣкомыхъ и всѣмъ досаждавшаго вопросами о томъ, почему листья на деревьяхъ бываютъ разные и пр. Та же инстинктивная любовь къ природѣ заставила его въ обществѣ товарищей совершить двѣ неудачныхъ и опасныхъ экскурсіи: одну на озеро, съ цѣлью поплавать на лодкѣ, а другую въ старый огромный лѣсъ, чтобы погулять и насобирать насѣкомыхъ. Въ первомъ случаѣ пришлось сильно промокнуть подъ дождемъ и заболѣть, а во второмъ— заблудиться. Послѣ этого мальчикъ обѣщалъ совершать свои экскурсіи не иначе, какъ въ сопровожденіи своего учителя. Всѣ эти произведенія разсчитаны на читателя средняго возраста. **Ан.**

Книги, присланныя для отзыва, въ редакцію „Педагогическаго Листка" за 1899 годъ.

І. Андерсена. Книга картинъ безъ картинъ. Перев. П. Галанова. М. 1899 г., ц. 50 к.—*Врача А. Г. Архангельской.* Для чего доктора дѣлаютъ операціи. Какая отъ того бываетъ польза больному. Изд. комиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ. М. 1897 г., ц. 5 к. — *Бобровникова Н. А.* Методика начальнаго преподаванія ариѳметики и сборникъ упражненій въ умственномъ счетѣ. Изд. 1-е Особ. Отд. У. К. М. Н. Пр. допущена въ учительскія библ. нач. учил. Ц. 50 к. Казань 1898 г.— *Его-же.* Что такое хорошій урокъ. Изъ бесѣдъ съ учителями. Ц. 50 к. Казань 1898 г.— *Бетховенъ*, его

жизнь и музыкальная дѣятельность.—Біограф. очеркъ И. А. Давыдова. Изд. Ф. Павленкова. С.-Пб. 1893 г., ц. 25 к.—*Басни Крылова.* На сценѣ дѣтскаго театра. Сост. А. А. Одесса. 1899 г., ц. 15 к.—*А. Бине и В. Анри.* Умственное утомленіе. Перев. съ фр. съ 93 рисунк. и діаграмами. Изд. журн. «Вѣстникъ Воспитанія». М. 1899 г., ц. 2 р. 75 к.—*М. Васильева.* Наша бабушка Анна Максимовна. (Изъ разсказовъ о быломъ). М. 1898 г., ц. 3 к.—*Ело-же.* На шалыгѣ и въ перелѣскѣ. Два разсказа съ 6 рис. Одобрено Уч. К. М. Н. Пр. М. 1898 г., ц. 5 к.—*В. А. Висковатаго.* Какъ люди научились писать. Народн. библ. В. Н. Маракуева. Первое изд. одобрено У. К. М. Н. Пр. для низшихъ школъ и внесено въ каталогъ народныхъ читаленъ. 4 изд. Одесса. 1899 г., ц. 8 к.—*Д-ра Вильгельма Вегнера.* Перев. П. Евстафіева. Эллада. Очерки и картины древней Греціи для любителей классической древности и для самообразованія. Вып. I. С.-Пб. 1899 г., ц. 60 к.—*К. Гельти*, проф. Бернск. унив. Счастье. Изд. 3-е. Перев. А. Острогорскаго. С.-Пб. 1896 г., ц. 50 к.—*Вс. П. Гурта.* Добромъ усе переживетъ. Оповидання Грата Галайды. Харьковъ. 1899 г.—*Грентъ Аллент.* Бесѣды о растеніяхъ и ихъ жизни. Перев. П. Р. Фрейберга. М. 1898 г.—Безплатное приложеніе къ журналу «Естествознаніе и Географія».—*Анна Догановичъ и А. Круловъ.* Маша. Повѣсть для дѣтей. Съ рис. Михайлова. Изд. 3-е. М. 1899 г., ц. 40 к., въ папкѣ 60 к.—*Дядя Титъ Антоновичъ* учитъ, какъ надо любить ближняго. Въ 1 изд. одобрено Уч. К. М. Н. Пр. Изд. 2-е М. 1898 г., ц. 5 к.—*Изданія И. Ѳ. Жиркова.* Басни И. А. Крылова. Кн. I для младш. возр. ц. 5 к.; кн. II для средн. возр. ц. 5 к.; кн. III для старш. возр. ц. 5 к.; кн. IV для зрѣлаго возр. ц. 5 к. М. 1895 г.—*Л. А. Золотарева.* Родителямъ для сыновей. М. 1899 г., ц. 25 к.—Самообразованіе женщины-матери. М. 1899 г., ц. 30 к.—*Жоржъ Зандъ.* Крылья мужества. Народн. библ. В. Н. Маракуева. Одесса. 1899 г., ц. 15 к.—*А. Злобина.* Нѣмые диктанты (безъ диктующаго). Полный и систематическій сборникъ по русскому правописанію для самостоятельныхъ работъ учащихся въ школѣ и дома, съ приложеніемъ нѣмой христоматіи и руководящихъ вопросовъ къ курсу правописанія. Вып. II части рѣчи. Курсъ гимназическій. 4 изд. Томскъ. 1899 г., ц. 60 к.—*Классовскаго А.*—Физическая жизнь нашей планеты на основаніи современныхъ воззрѣній. Одесса. 1899 г.—*Калевала.* Финскія народныя былины. Для юношества пересказалъ И. А. Борисовъ. Изд. 2 съ рис. С.-Пб. ц. 50 к., въ папкѣ 75 к. Одобрено Уч. К. М. Н. Пр. и Уч. К. Вѣд. Имп. Маріи—*Краткое руководство* къ изготовленію картинъ для волшебнаго фонаря. Составлено комиссіей при Учебн. Отд. Моск. Музея прикладн. знаній подъ редакц. А. Гартвига. М. 1898 г., ц. 25 к.—*Н. Коротнева.* Наши пернатые благодѣтели и мѣры ихъ охраненія. Вып. I. Изд. 2. М. 1899 г., ц. 15 к.—*Е. Е. Кедринъ.* Учебникъ прямолинейной тригонометріи. М. 1898 г., ц. 50 к.—

В. Корнакова. Краткій практическій курсъ геометрическаго черченія и землемѣрія въ связи съ необходимыми свѣдѣніями по геометріи. 490 чертежей въ текстѣ С.-Пб. 1899 г., ц. 50 к.—Приборы и пособія, необходимые для уроковъ, геометр. черченія и краткаго курса землемѣрія въ народныхъ шк. 182 черт. въ текстѣ С.-Пб. 1899 г., ц. 45 к.—*П. Каптерева.* Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣятели. Изд. ред. жур. «Русская Школа». С.-Пб. 1898 г., ц. 80 к.—*Касса взаимопомощи* литераторовъ и ученыхъ.—Отчетъ за 1898 г. С.-Пб.—*Ладыженскаго В. и Орлежина П.* Бесѣды по вопросамъ воспитанія и обученія въ народныхъ школахъ. Изд. ред. журн. «Русская Мысль». М. 1899 г., ц. 75 к.— *Э. Левассера.* Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. II тома. Ред. Г. Фальборка и В. Чернолускаго С.-Пб. 1899 г.—*Мара.* Крымскія стихотворенія. С.-Пб. 1899 г.—*Мельшина.* Кобылка въ пути. Вып. I. Этико-художественная библіотека. М. 1899 г., ц. 15 к.—*А. В. Мезіеръ.* Русская Словесность съ XI по XIX столѣтія включительно. Книги и журнальныя статьи. Ч. I Русская словесность съ XI по XVIII в. С.-Пб. 1899 г., ц. 2 р.—*М. А. Маслова.* Несталоцци, его жизнь и дѣятельность. Харьковъ. 1899 г.—*Врача Назара Никитина.* Грамотнымъ дѣткамъ на здоровье. М. 1899 г., ц. 10 к.—*Л. П. Никифорова.* Джонъ Рескинъ. Воспитаніе. Книга. Женщина. Вып. III этико-худож. библ. М. 1899 г., ц. 20 к.—*Э. Оржешко.* О равноправности женщинъ передъ лицомъ знанія, труда и человѣческаго достоинства. Перев. Ст. Собанской. Вып. 4. Этико-худож. библ. М. 1899 г., ц. 15 к.—*Элизы Оржешко.* Приключеніе Яся. Переводъ съ польскаго Г. С. С.-Пб. 1899 г., ц. 25 к.—*Отчетъ* о дѣятельности Учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. за 1897 г. М. 1898 г.—*Отчетъ* о состояніи церковно-учительской школы по учебно-воспитательной части за 1897—98 уч. г. Екатеринославъ. **Изданія «Посредника»**: — *Пѣвцы народной жизни.* Никитинъ, Цыгановъ, Кольцовъ, Суриковъ и Дрожжинъ. Состав. К. Хрѣновъ. М. 1899 г., ц. 15 к.—*Женское горе.* Сборникъ стихотвореній. Для взрослыхъ. Сост. К. Хрѣновъ. М. 1898 г., ц. 6 к.—*Горе стараго каторжника* и другіе разсказы. М. 1899 г., ц. 3 к.—*Отецъ.* Повѣсть. По Франсуа Коппе. Изложила Н. А. Макшеева. М. 1898 г., ц. 10 к.—*Сказаніе о королевичѣ Бе-фріарѣ.* А. Хирьякова. М. 1899 г., ц. 1½ к. — *Адамъ Бидъ.* Романъ Джорджа Элліота. Съ англ. Е. Б. М. 1899 г., ц. 50 к.—*Свѣтъ Азіи.* Индійское сказаніе. Сост. по Арнольду О. Пассекъ. М. 1899 г., ц. 1½ к.—*Принцъ - калѣка.* Восточное сказаніе. По Жюлю Леметру. М. 1899 г., ц. 1½ к. — *Разсказъ* о томъ, какъ у насъ на Руси началось и шло земледѣліе съ самыхъ древнихъ временъ и до нашихъ дней. Сост. С. Дрѣмцовъ. М. 1899 г., ц. 8 к.—*Среди болотъ и лѣсовъ.* Краткій разсказъ о Бѣлоруссіи и Бѣлоруссахъ. Сост. М. Гуленко. М. 1898 г., ц. 3 к. — *Домой!* Изъ жизни сибирскихъ переселенцевъ

Разсказъ Н. Телешова. М. 1899 г., ц. 1½ к. — *Сиротка.* Разсказъ Софьи Стаховичъ. М. 1899 г., ц. 1½ к. — *Какъ живутъ японцы.* Состав. В. Овчининская. Съ 65 рис. М. 1899 г., ц. 40 к.—*Разсказы о Польшѣ и полякахъ.* Сост. Г. Р. Съ 31 рис. М. 1899 г., ц. 18 к.—*Хлѣбопашество и скотоводство въ Финляндіи.* В. Фирсова. М. 1899 г., ц. 8 к.—*Практическое наставленіе* къ столярному и дегтярному производствамъ для крестьянскаго хозяйства. Сост. С. Архиповъ. М. 1899 г., ц. 8 к.—*Божій міръ* въ бесѣдахъ и картинахъ. Основныя понятія изъ зоологіи, ботаники и геологіи. Вып. I. Сост. Полемъ Веромъ. Передѣлано съ франц. Е. И. Чижовымъ. Съ 392 рис. М. 1899 г., ц. 40 к. **Библіотека журнала «Всходы»**:—*Джона Беннета.* Жаворонокъ. Историческая повѣсть. Переводъ съ англійскаго. С.-Пб. 1898 г., ц. 50 к.—*Л. Ф. Личинга.* Вдали отъ родины. Перев. съ англ. С.-Пб. 1898 г., ц. 25 к.—*Э. Пименовой.* Воздушныя путешествія. Сост. по Фоноіеллю, Тиссандіе и др. С.-Пб. 1898 г., ц. 25 к.—*Іоганна Спири.* Дитя горъ. Повѣсть для дѣтей. Перев. съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1898 г., ц. 25 к.—*Ж. Г. Роже.* Валтрехъ. Человѣкъ каменнаго вѣка. Перев. съ франц. С.-Пб. 1898 г., ц. 25 к.—*Р. Мюнхгезанга.* Спартакъ. Разсказъ. Пер. съ нѣм. С.-Пб. 1898 г., ц. 25 к.—*Т. Гюгса.* Школьные годы. Тома Брауна. Перев. И. П—ъ. С.-Пб. 1898 г., ц. 25 к.—*А. Зарина.* Потѣшные люди. Повѣсть. С.-Пб. 1898 г., ц. 25 к.—*А. Анненской.* Михаилъ Фарадей. С.-Пб. 1898 г., ц. 25 к. — *Пресансе.* Безъ призора. Съ франц. С.-Пб. 1898 г., ц. 25 к.—*Ея же.* Фритіофъ Нансенъ. На лыжахъ черезъ Гренландію. С.-Пб. 1898 г., ц. 25 к.—*Коломба.* Сирота. Перев. съ франц. Е. Корсаковой.—*Э. Маевскаго.* Докторъ Мухоловкинъ. Фантастическія приключенія въ мірѣ насѣкомыхъ. Перев. съ польск. А. Ф. Доманской.—*Э. Пименовой.* Море и его обитатели. Составл. по Брему, Келлеру и др.—**Изданія «Посредника»**:—Графиня-тюремщица. Нѣмецкое сказаніе. Ив. Якунина (Захарьина). М. 1897. ц. 1½ к.—Нелло и Патрашъ. Разсказъ Уйда. Перев. съ англ. М. 1897 г., ц. 1½ к. —Дитя и мать. Сборникъ разсказовъ. М. 1897 г., ц. 1½ к. — Совѣты о томъ, какъ лѣчить наружныя болѣзни и ухаживать за больными. Сост. врачъ В. Рахмановъ. М. 1898 г., ц. 25 к. — *Прейсъ-Курантъ* оптовымъ цѣнамъ на издѣлія учебной мастерской игрушекъ Московскаго Губернскаго Земства. Адресъ:—Сергіевскій посадъ, Моск. губ.—*Избранныя сочиненія А. С. Пушкина* для дѣтей младшаго возраста. 1-ая премія журнала «Игрушечка». С.-Петерб. 1899 г. — *Н. И. Перелыгина.* Скользскій путь. Разсказъ для дѣтей. Перев. съ франц. Изд. 2-е М. 1899 г., ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.—*Сочиненія А. С. Пушкина.* Изд. книжнаго магазина «Знаніе». С.-Пб. 1899 г., ц. 50 к. —

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Педагогическаго Листка“ за 1899 годъ.

Январь.

Стр.

I. О педагогической подготовкѣ учителя. *Д. И. Тихомирова.* . . 3
II. Обзоръ преподаванія исторіи въ среднихъ школахъ Франціи. Перев. *Г. Алексинскаго.* 21
III. Примѣрные уроки чтенія и бесѣдъ въ старшемъ классѣ начальной школы. *Д. Т.* 30
IV. Воспитаніе у животныхъ. *Л. Е. Оболенскаго.* 41
V. О популяризаціи правовѣдѣнія. *В. А. Гольцева.* 60
VI. Изъ текущей литературы. 65
VII. Библіографія. **Книги для родителей и воспитателей.** Новая школа. Изд. *К. П. Побѣдоносцева.* М. 1898 г. Ц. 50 к. Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія. Вып. II. *Алексѣй Острогорскій.* Семейныя отношенія и ихъ воспитательное значеніе. Изд. „Родительскаго кружка“ при Педагог. музеѣ В. У. З. въ СПБ. подъ ред. П. Каптерева. 1898 г. Ц. 30 к. 67 стр. Вып. III. *И. О. Фесенко.* Городъ и деревня въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія дѣтей. Ц. 25 к., 47 стр. Вып. IV. *П. О. Каптеревъ.* О дѣтскихъ играхъ и развлеченіяхъ. Ц. 30 к. 58 стр.—Вып. V. *И. О. Фесенко.* Награды и наказанія въ семейномъ воспитаніи Ц. 25 к. 38 стр. Вып. VI. *П. Ѳ. Каптеревъ.* О дѣтской подражательности. Ц. 30 к. 61 стр. Стр. 99. *С. Зенченко.* О подготовкѣ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній къ педагогической дѣятельности. М. 1898 г. Ц. 25 к. Стран 107. Д-ра *Крепелина.* Гигіена труда. Умственный трудъ. Переутомленіе. Перев. съ нѣм. Ц. 30 к. СПБ. 1898 г. Изд. О. Н. Поповой. Стр. 110. Краткое руководство къ изготовленію картинъ для волшебнаго фонаря. Подъ ред. *А. Гартвига.* Изд. Политехн. муз. въ Москвѣ. М. 1898 г. Ц. 25 коп., стр. 113. *Р. Роковъ.* Лѣность и лѣнтяи. М. 1898 г. Ц. 30 к., стр. 115 **Книги для юношества и дѣтей.** *В. П. Авенаріусъ.* Школа жизни великаго юмориста. Третья повѣсть изъ біограф. трил. „Ученическіе годы Гоголя“. Изд. П. В. Луковникова. С.-Пб. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к. 374 стр. Стр. 117. *А. Сосницкій. Г. Р. Державинъ.* Біографическій очеркъ. Пособіе при изученіи русской литературы. М. 1899 г. Ц. 25 к., стр. 119. Библ. „Дѣтскаго Чтенія *К. С. Баранцевича.* Чудныя ночи. Рождественскіе и пасхальные разсказы и очерки. М. 1899 г. Ц. 45 к., стр. 120. Библіотека „Дѣтскаго чтенія“. *Д. Н. Мамина-Сибиряка. Сѣтлячки.* М. 1899 г. Ц. 1 р., стр. 121. Библіотека „Дѣтскаго чтенія“ *В. Е. Ермилова.* Нашъ родной учитель (*К. Д. Ушинскій*). Біографическій очеркъ съ портретомъ и рис. М. 1899 г. Ц. 20 к., стр. 122. „Книжка за книжкой“—серія книжекъ (восемьдесятъ названій), раздѣленная напять отдѣловъ: 1) повѣсти, разсказы, драматическія произведенія; 2) поясненія къ образцовымъ произведеніямъ; 3) книжки по естествознанію и техникѣ; 4) земля и

Стр.

людн; 5) исторія, біографія и сказанія. Ц. всѣхъ восьмидесяти кн.—11 руб.; отдѣльно книжки отъ 5 до 60 к.—стр. 123. *М. Крыковскій.* „Доброе сѣмя". Сборн. стих. для школьнаго возраста. Ц. 25 к. С.-Пб. Изд. О. Н. Поповой. 1898 г.—стр 123. *Ив. Феоктистовъ.* „Вѣночекъ". Сборн. стих. для маленькихъ дѣтей. С.-Пб. 1898 г.—стр. 124. *Д. Моэль.* Робинзонъ и Робинзона. Съ 52 рис. Перев. съ франц. С.-Пб. Изд. Аскарханова. Ц. 1 р. 50 к., стр. 174. „По щучьему велѣнью". Народная русская сказка. Изд. В. Я. Стромилова. С.-Пб. 1898 г.—стр. 125. Животныя. 24 табл. съ 276 хромолит. изображеніями животныхъ. Текстъ *Л. Шелуновой.* С.-Пб. Изд. Аскарханова. 1898 г., стр. 125. *Ридеръ Гаггардъ.* Открытіе клада короля Соломона. Сцены изъ жизни южной Африки. Перев. Съ англ. съ рис. С.-Пб. 1898 г. Ц. 1 р. 75 к. 96

Приложеніе. Наши тайные друзья и враги. Бактеріологическіе очерки. Перси Фаредэя Франкланда. Перев. подъ редакціей *Д. А. Корончевскаго.* Съ рисунками . . . . . 1—16

Февраль.

I. Типъ хорошаго учителя. *К. В. Ельницкаго.* 131

II. Уроки по церковно-славянскому чтенію въ народной школѣ. *Д. Т.* 141

III. Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. *Н. П. Дамидова.* 153

IV. Психическая жизнь животныхъ и методъ изученія предмета. *В. А. Вагнера.* 165

V. О популяризаціи правовѣдѣнія. II. *В. А. Гольцева.* 177

VI. Къ *вопросу* объ учительскихъ курсахъ-съѣздахъ. *Д. И. Тихомирова.* 181

VII. Памяти М. С. Корелина. *В. Г—ова.* 195

VIII. Педагогическое завѣщаніе профессора М. С. Корелина. *В. А. В—ра.* 198

IX. Елка для дѣтей отъ редакціи „Дѣтскаго Чтенія". 202

X. Изъ текущей литературы. 1) Гигіена чтенія. 2) Первые шаги ученія въ малорусскихъ школахъ. 3) Успѣхъ школы. 4) Народныя развлеченія для рабочихъ и служащихъ на Неожиданномъ пріискѣ Южно-Алтайскаго золотопромышленнаго дѣла 5) Къ счастливымъ родителямъ счастливыхъ дѣтей. 6) Юбилей учительницы. 7) Юбилей учительницы. 8) Общество ученическихъ экскурсій. 9) Союзъ учителей народныхъ школъ, гимназій и университета. 10) Общество „Народное Благо" въ Дрезденѣ. 11) Самодѣятельная школа. 12) Къ столѣтію А. С. Пушкина. . 205

XI. Библіографія. **Книги для родителей и учителей.** Разсказы о З. Сибири или о гг. Тобольской и Томской. Съ картой (планомъ) Сибири. М. 1898 г. Изд. № 300 „Посредника". Ц. 30 к., стр. 224. **Книги для дѣтей.** *Ив. Ив. Ивановъ.* Импер. Александръ II. Историческій очеркъ. Со многими рис. Изд. „Библ. Дѣтскаго Чтенія". М. 1899 г. Ц. 45 к., стр. 224. *П. А. Сергѣенко.* Сестра милосердія. Повѣсть. Изд. „Библ. Дѣтскаго Чтенія". М. 1899 г. Ц. 40 к., стр. 226. *А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ.* „Шуркина затѣя" и др. разсказы, сказки и стихотв. Со многими рис. и виньетками. Изд. „Библ. Дѣтскаго Чтенія". М. 1899 г. Ц. 60 к., стр. 227. *А. Сливицкій.* Исторія одного домика. Со мног.

Стр.

оригин. автотипіями съ рисунковъ Н. А. Богатова. М. 1898 г. Ц. 80 к., стр. 228. *Анна Доганович*ъ. Пчелиный домикъ. Повѣсть изъ жизни пчелъ. Съ рис. П. Литвиненко. М. 1898 г. Изд. В. С. Спиридонова. Ц 60 к., стр. 229. *Тальботъ*. Старшины Вильбайской школы. Перев. съ англ. М. Шишмаревой. Съ 24 рис. Ц. 1 р. С.-Пб. 1898 г. Изд. О. П. Поповой, стр. 230. *И. В. Засодимской*. Аля. Изъ біографіи одной маленькой дѣвочки. С.-Пб 1898 г., стр. 231. *Уйда*. Приключенія маленькаго графа. Разсказы для дѣтей. Перев. Н. П. Перелыгина. М. 1899 г. Ц. 30 к. Изд. М. В. Клюкина, стр. 232. *В. М. Величкина*. Швейцарія. Швейцарскія горы; швейцарскіе города и деревни; жизнь швейцарскаго народа. Изд. „Посредника“ № 308. М. 1898 г. Ц. 50 к., стр. 233. *А. Дьяконова*. Первыя зорьки. Сборн. стихотвор. для дѣтей средняго и старшаго возраста. Съ 70 рис. П. Литвиненко. М. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к. въ папкѣ, стр. 233. *Н. Юрьинъ*. Въ сонномъ царствѣ. Сказка. Рис. С. Малютина. М. Изд. А. И. Мамонтова. Ц. 50 к., стр. 234. *А. К. Сизовой*. Наканунѣ лихолѣтья. Историч. повѣсть. (Изъ Смутнаго времени 1602—1603 г.). Со мн. рис. Изд. библ. „Д. Ч.“. М. 1899 г. Ц. 25 к., стр. 234. *Чарльзъ Диккенсъ*. Блестящая будущность. Романъ. Сокращ. перев. съ англ. А. Н. Энгельгардтъ. Съ 10 рис. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 1 р. С.-Пб. 1898 г., стр. 235. *Г. Мало*. Въ семьѣ. Повѣсть. Перев. съ фр. Л. Черскаго. Изд. Н. Н. Морева. С.-Пб. 1898 г., стр. 136. Утренняя звѣзда. Сборн. стихотв. для дѣтей мл. возр. Ц. 20 к. С.-Пб. 1898 г. Изд. О. Н. Поповой., стр. 236. *Е. Чижовъ*. Тайны и чудеса Божьяго Міра. Земля и небо. Разсказы о разныхъ странахъ, о земномъ шарѣ о звѣздахъ и планетахъ. Со мн. рис. Изд. 2-е. „Посредника“ № 225. М. 1898 г. Ц. 50 к., стр. 237. *Н. Е. Кардо-Сысоева*. Три разсказа для дѣтей. М. Изд. маг. „Книжное дѣло“. 1899 г. Ц. 85 к., стр. 238. 224

Приложеніе: „Наши тайные друзья и враги“. Бактеріологическіе очерки. Перси Фаредэя Франклэнда. Переводъ подъ редакціей *Д. А. Коропчевскаго*. Съ рисунками. . . . . 1—273

Мартъ.

I. О письменныхъ испытаніяхъ учениковъ начальной школы *Д. И. Тихомирова*. 243

II. Объ англійскомъ воспитаніи и образованіи. *Вл-ва*. 254

III. Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. Яковъ Петровичъ Полонскій. *Н. П. Демидова*. (Окончаніе) 266

IV. Психическая жизнь животныхъ и методъ изученія предмета. *В. А. Вагнера* 281

V. О популяризаціи правовѣдѣнія *В. А. Гольцева* 292

VI. О провѣтриваніи классныхъ комнатъ сквознымъ вѣтромъ. *Э. Вульфсонъ*. 296

VII. Памяти Льва Ивановича Поливанова. *Д. И. Тихомирова* . . 300

VIII. Изъ текущей литературы: 1) О значеніи для дѣтскаго организма воздуха, свѣта и физическихъ упражненій. 2) Къ вопросу объ общественномъ содѣйствіи народному образованію. 3) Народное пьянство и образованіе. 4) Педагогическіе курсы въ Саратовѣ. 5) Общественные систематическіе курсы. 6) Ольгинскій дѣтскій пріютъ трудолюбія. 7) Дѣтскія утра. 8) Къ дѣ-

Отр.

ятельности попечителей народныхъ училищъ. 9) Народные учителя и учительницы. 10) Ревнительница народнаго просвѣщенія. 11) Порядокъ назначенія и увольненія народныхъ учителей. 12) Эмеритальная касса для народныхъ учителей. 13) Изъ письма сельскаго учителя. 14) Школьная прислуга. (Изъ жизни столичнаго учителя). 15) Учитель въ роли школьнаго сторожа. 16) Школьное хозяйство. 17) Къ Пушкинскому празднику. 18) Распространеніе заразныхъ болѣзней школой и необходимыя противъ этого мѣры. 19) Древнѣйшія въ мірѣ письмена. 20) Очерки глухой Карелін. 21) Истребленіе дикихъ людей цивилизованными. 22) Населеніе земного шара. 23) Семисотлѣтія со времени открытія каменнаго угля. 24) Деревенскія артели въ Даніи. 302

IX. Библіографія **Книги для родителей и учителей**. *Макс Леклеркъ*. Народные университеты въ Англіи. Перев. Ѳ. Латернера. Съ предисл. И. Н. Потаденко. *С.-пб. 1899* г. Ц. 20 к. стр., 362. *Э. О. Миттельштейнеръ*. Матеріалы къ вопросу о подготовкѣ учит. ср. уч. зав., съ обзоромъ главнѣйшихъ системъ въ Германіи. М. 1899 г. Ц. 50 к., стр. 363. **Книги для дѣтей**. Гр. *Л. Л. Толстой*. Яша Поляновъ. Воспоминанія для дѣтей изъ дѣтства. М. 1899 г. Ц. 1 р., стр. 366. *Н. Сорокинъ*. Всюду жизнь. Разсказъ для дѣтей изъ жизни и природы. Съ 20 рис. П. Литвинскаго. М. 1899 г. Изд. М. В. Клюкина. Ц. 30 к., стр. 368. *Фр. Германъ*. Бѣдный мальчикъ. Перев. съ нѣм. Н. П. Ахшарумовой. Съ рис. В. П. Шредера. С.-Пб. Ц. 1 р. 25 к., стр. 368 362

Апрѣль.

I. Учительскіе курсы и съѣзды. *Д. И. Тихомирова*. 371

II. Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. Ѳ. И. Тютчевъ. А. А. Фетъ. *Н. П. Демидова*. 382

III. Воспитательное значеніе Александра Сергѣевича Пушкина. *А. М. Скабичевскаго*. 393

IV. Пушкинъ въ народной школѣ. Къ столѣтію со дня рожденія Пушкина. *В. П. Острогорскаго*. 402

V. О популяризаціи правовѣдѣнія. IV. *В. А. Гольцева*. 411

VI. Учебникъ права и морали для англійскихъ начальныхъ школъ. *Н. Ц. Дружинина*. 414

VII. Изъ текущей литературы. 1) Историкъ-оптимистъ. 2) Роль общественныхъ наукъ въ дѣлѣ образованія и воспитанія. 3) Ассоціація взаимнаго спокойствія учащихъ во Франціи. 4) О самообразованіи учителей. 5) Учительскіе кружки для чтенія во Франціи. 6) Графологія, какъ пособіе въ педагогикѣ. 7) Вліяніе *библіотекъ* на нравственность народа въ Англіи. 8) Статистическія свѣдѣнія о народномъ образованіи юношества и взрослыхъ во Франціи въ 1897—1898 гг. 435

VIII. Библіографія. **Книги для родителей и воспитателей**. *И. Г. Виноградова*. Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей. Вып. III. М. 1899 г. Ц. 2 р. Стр. 457. *К. Тимирязевъ*. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Съ прилож. „Наши антидарвинисты“ Изд. 4-е В. П. Маракуева. М. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к., стр. 458. *В. Я. Стоюнинъ*, какъ педагогъ и человѣкъ. Рѣчь Ф. А. Витберга. С.-Пб. 1899 г. Ц. 20 к. (От-

Стр.

тискъ изъ эк. Педагог. сборн.), стр. 459 Памяти *Ѳ. И. Буслаева*. Съ портретомъ. Изд. Уч. Отд. Общ. Распр. Т. Зн. М. 1898 г. Ц. 75 к., стр. 460. *В. Гебель*. Внѣшкольное народное образованіе въ З. Европѣ и С. Америкѣ. По Рейсу и др. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к., стр. 462. Польза и вредъ нашихъ птицъ. Наглядная иллюстрированная таблица. Сост. Н. И. Коротневымъ подъ редакціей проф. М. А. Мензбира. Ц. 20 к., для школъ 10 к. за экз. безъ пересылки. Изд. Моск. отд. Р. О. Покров. жив., стр. 464. Ревнители русскаго слова прежняго времени. Рѣчь Ѳ. А. Витберга. С.-Пб. 1899 г. Ц. 75 к., стр. 465. Каталогъ дешевыхъ и общедоступныхъ книгъ. Сост. С. А. Ч. С.-Пб. 1899 г. Изд. О Н. Поповой. Ц. 20 к., стр. 466. *Ю. Айхенвальдъ*. Викторъ Гюго, какъ поэтъ семьи и дѣтей. М. 1898 г. Ц. 20 к., стр. 466. Уроки по электричеству Дж. Тиндаля. Перев. съ пол. англ. Изд. Е. А. Предтеченскій. Съ рис. С.-Пб. 1898 г. Изд. Н. В. Луковникова. Ц. 50 к., стр. 467. *А. Рамбо*. Живописная исторія древней и новой Россіи. Съ рис. Изд. 2-е И. Д. Сытина. М. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к., стр. 468. Японія и японцы. Сост. Е. И. Булгакова. Съ рис. М. 1899 г. Изд. кн. скл. Муринова. Ц. 30 к., стр. 469. Что читать дѣтямъ. Вып. I. Разборъ 264 дѣтскихъ книгъ. С.-Пб. 1898 г., стр. 475. **Книги для дѣтей.** *Дж. Беннетъ*. Жаворонокъ. Разсказъ. Перев. съ англ. А. Н. Рождественской. Изд. „Библ. „Д. Ч.“ М. 1899 г. Ц. 50 к., стр. 470. *Уйда*. Нюренбергская печь. Англійская сказка. Перев. М. А. Шишмаревой. Съ 18 рис. Изд. Ф. Павленкова. С.-Пб. 1898 г. Ц. 15 к., стр. 471. *В. П. Авенаріусъ*. Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній. Десять автобіографическихъ разсказовъ. Съ портретомъ автора и съ 15 отдѣльными рис. Изд. маг. Луковникова. С.-Пб. 1897 г., стр. 473. *Д. Григоровича*. Бѣдный мальчикъ. Повѣсть. Съ рис. С.-Пб. Изд. А. С. Суворина. Ц. 1 руб., стр. 473. *А. Ляминой*. Путешествіе Г. Н. Потанина по Китаю, Тибету и Монголіи. С.-Пб. стр. 475. *А. Васильковскій*. Изъ-за пустяковъ. Пригодился пріемышъ. *С. Орловскаго*. Нашъ Митя. Разсказъ. С.-Пб. 1898 г., стр. 476. Подъ звонъ мечей. Народныя сказанія Сѣвера и Запада Европы. Въ изложеніи П. Н. Полевого. С.-Пб. 457

Приложеніе „Наши тайные друзья и враги“. Бактеріологическіе очерки *Перси Фаредэя Франкланда*. Переводъ подъ редакціей *Д. А. Коропчевскаго*. Съ рисунками . . . . . 49—64

Сентябрь.

I. Школа на пушкинскомъ праздникѣ. *Д. И. Тихомирова* 483

II. Учительскіе курсы въ гор. Рязани въ 1898 г. *А. И. Кирпичникова*. 494

III. Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. А. А. Фетъ. *Н. П. Демидова*. Продолженіе. 505

IV. О популяризаціи правовѣдѣнія. *В. А. Гольцева*. Гл. V. Продолженіе. 517

V. О прямомъ и наклонномъ почеркѣ. *И. Евсѣева* 522

VI. Изъ дневника учительницы. I. Прогулка съ дѣтьми на рѣку и въ степь. II. Наглядное обученіе—разсматриваніе естественно-

Стр.

истор. коллекцій; посѣщеніе музея, знакомство съ заводами и пр. *Н.* 532

VII. Изъ текущей литературы. Наставники въ воспоминаніяхъ своихъ учениковъ. I. С. М. Соловьевъ, какъ преподаватель. II. Изъ воспоминаній П. Н. Обнинскаго. III. Изъ воспоминаній Д. Н. Сверебеева. IV. Какая самая лучшая опера на свѣтѣ? По міру съ букваремъ. Что знаетъ народъ о Пушкинѣ. Рѣчь М. Стасюлевича о народномъ образованіи въ Петербургѣ. Отношеніе земства къ народному образованію. Что сдѣлало по народн. образованію вятское земство къ 1 янв. 1899 года. Въ закрытію земск. пед. курсовъ въ Саратовѣ. Педагог. классы при городскомъ училищѣ. О съѣздахъ народныхъ учителей. . 546

VIII. Библіографія. **Книги для родителей и учителей.** *В. Острогорскій.* Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу, стр. 582. Иностранные университеты. Вып. I и II, стр. 584. *И. Горбуновъ.* Первыя понятія о томъ, какъ живетъ наше тѣло, и что для него полезно и вредно. *Н.*, стр 587. *И. Горбуновъ.* Русскій сельскій календарь на 1900 годъ, стр. 585. Книги для дѣтей. *Б. Б. Глинскій.* Царскія дѣти и ихъ наставники, стр. 588. *В. И. Немировичъ-Данченко.* О чемъ разсказывалъ вѣтеръ, стр. 590. *Богдановскій.* Какъ Петръ Захарычъ переселился въ сибирскіе лѣса, стр. 591. 582

Приложеніе. Наши тайные друзья и враги. Бактеріологическіе очерки Перси Фаредэя Франклэнда. Пер. подъ ред. *Д. А. Коропчевскаго* . . . . . 65—86

Октябрь.

I. Неотложныя нужды земскихъ школъ. *Д. И. Тихомирова.* . . . 595

II. О популяризаціи правовѣдѣнія Гл. VI. *В. А. Гольцева.* 627

III. На новомъ мѣстѣ. Изъ записокъ сельской учительницы. *Л. С.* . 630

IV. В. П. Острогорскій. Къ тридцатипятилѣтію его педагогической дѣятельности. *Д. И. Тихомирова.* 639

V. Вопросы книги и жизни.—О вступительныхъ экзаменахъ и публичныхъ актахъ.—Какъ объединить семью и школу?—Домашнія вечернія занятія учащихся и вечернія школы.—Гигіена школьника въ Голландіи.—Лѣность и ея лѣченіе.—Казенщина въ школѣ и примѣры ея въ газетѣ „Русскій Трудъ".—Педагогическая идея К. П. Побѣдоносцева и Демолена.—Школка-семья.—Вопросъ о частной школѣ.—Мысли г. Розанова въ „Сумеркахъ просвѣщенія". *В. Е. Ермилова.* 653

VI. Къ вопросу „о слабоодаренныхъ дѣтяхъ". *Л. К* 670

VII. Изъ текущей литературы. Педагогическій журналъ въ роли противника земства.—Инспекція народныхъ училищъ.—Къ вопросу о подготовкѣ народныхъ учителей.—Библіотеки при учительскихъ семинаріяхъ.—Экономическое значеніе грамотности.—Воспитаніе разумнаго повиновенія.—О самопознаніи. . . 673

VIII. Библіографія. I. **Книги для родителей и учителей.** Изъ педагогической автобіографіи Льва Николаевича Модзалевскаго, стр. 685. Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. Э. Левассера, стр. 687. Д-ръ Генрихъ Нуссбаумъ. О вліяніи душевной дѣятельности на болѣзненные процессы, стр. 688. Видьямъ Гаммондъ. Гигіена сна, стр. 689. I. Hess и L. Mehler. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ, стр. 690. Сергѣй

Стр.

Мечъ. Парижъ, стр. 691. Настольная книга по народному образованію. Составлена Г. Фальборкомъ и В. Чарнолускимъ, стр. 692. Ч. Вѣтринскій. Очеркъ жизни и дѣятельности Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго, стр. 694. Женское горе. Сборникъ стихотвореній. Составилъ К. Хрѣновъ, стр. 696. **Книги для дѣтей**. По волѣ Божьей. Вас. Немировича-Данченко, стр. 697. Изъ исторіи Москвы. И. Иванова, стр. 699 Обновленіе одного города. Н. П. Дружинина, стр. 700. Яшина книжка. Переводы В. Микуличъ, стр. 701. Бесѣды о звѣряхъ. Бекетова, стр. 702. Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Изд. „Игрушечки", стр. 703. Ольга Алларъ. Та самая, стр. 704. 685

Приложеніе. „Наши тайные друзья и враги". Бактеріологическіе очерки Перси Фаредэя Франклэнда. Пер. подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Съ рисунками . . . . . 81—96

Ноябрь.

I. Мечты. *Матильды Серао*. Съ итал. *Е. Быковской*. 707

II. Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. Гр. Алексѣй Константиновичъ Толстой. *Н. П. Демидова*. 722

III. О популяризаціи правовѣдѣнія. Гл. VII. *В. А. Гольцева*. . . 734

IV. Заключительная бесѣда на педагогическихъ курсахъ въ Саратовѣ. *Д. И. Тихомирова*. 738

V. Народное образованіе въ Россіи. *Ан*. 748

VI. Странички изъ исторіи русскаго законодательства. 758

VII. Вопросы книги и жизни.—Сезонъ педагоговъ.—Формалистика и воспитаніе.—Корпоративное начало.—Право матери.—Щедринъ объ участи дѣтей.—Родительская исповѣдь.—„Равненіе подъ одно".—Типъ новѣйшаго ученика.—Господинъ Дѣепричастіе. — „Бѣжинъ лугъ" и педантизмъ. — Зубристика. — Юный Чичиковъ.—Любитель тишины и благонравія.—Золотая медаль г-жи Крандіевской. *В. Е. Ермилова*. 782

VIII. Изъ текущей литературы.—Лѣнь и нейрастенія. — Соборное уложеніе 1649 года. — Что читать народу? — Народное образованіе въ Швеціи. — Частная иниціатива въ дѣлѣ народнаго образованія во Франціи.—Что можетъ сдѣлать починъ частныхъ лицъ по распространенію въ народѣ книги.—Удивительное селеніе. — Внѣшкольное образованіе рабочихъ.—Губернскія земства и начальное образованіе. – Школьныя попечительства. — „Проектъ устава о школьныхъ попечительствахъ".—Школьный налогъ. — Инспекція народныхъ училищъ.—Общество учителей въ Вѣнѣ. — Семейно-педагогическій кружокъ.—Подготовка учительскаго персонала.—Краткосрочныя учительскія семинаріи.—Педагогическая подготовка прогимназистокъ.—Съѣздъ народныхъ учителей.—Учительскія библіотеки.—Отмѣна экзаменовъ.—Проектъ пенсіонной кассы для нар. учит.—Санаторія на берегу Крыма для народныхъ учителей.—Трогательная депутація.—Товарищамъ послѣ двадцатипятилѣтняго учительствованія въ селахъ. 799

IX. Библіографія. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Избр. мѣста. Сост. В. П. Острогорскій. Стр. 828. Бесѣды о человѣкѣ. К. Добраго. Стр. 829. Какъ вскармливать дѣтей до 3-хъ лѣтняго возраста? Г. О. Коварскаго. Стр. 830. Книжка за книжкой.

Стр.

Для младшихъ. Первый возрастъ. Стр. 830. Бернштейнъ. Очерки по міровѣдѣнію. Стр. 831. К. Хрѣновъ. Пѣвцы народной жизни. Стр. 832. Разсказы о Польшѣ и полякахъ. Стр. 832 . . 828

X. Приложеніе. Наши тайные друзья и враги. Бактеріологическіе очерки. Перси Фаредэя Франклэнда. Переводъ подъ редакціей *Д. А. Коропчевскаго*. Съ рисунками . . . . . 97—112

Декабрь.

I. Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. Гр. Алексѣй Константиновичъ Толстой. (Окончаніе). *Н. П. Демидова* 835

II. О популяризаціи правовѣдѣнія. Гл. VIII, IX X. (Окончаніе). *В. А. Гольцева* 845

III. „Духъ времени". *Д. И. Тихомирова* 853

IV. Объ играхъ и игрушкахъ *С. Д-ко* 864

V. Народное образованіе въ Россіи. (Окончаніе). *Ан* 881

VI. Странички изъ исторіи русскаго законодательства. (Окончаніе). *Г. Шершеневича* 892

VII. Среди журналовъ. *Н. Тулупова* 913

VIII. Народныя библіотеки. *Н. П. Дружинина* 928

IX. По поводу Рождественскихъ каникулъ. *Врача Н. Ѳоминскаго* . 931

X. Изъ текущей литературы.—Наше старинное религіозное сознаніе и образованіе.—Родители и педагоги о реформѣ средней школы.—Недостатки учебно-воспитательной системы и въ Италіи.—Э. Геккель о школьной реформѣ.—Пенсіонная касса для учителей.—Пособія учителямъ земскихъ школъ Курской губерніи на воспитаніе дѣтей.—Вызовъ учителей.—Недостатокъ учителей.—Близкое разрѣшеніе вопроса объ учительскихъ съѣздахъ.—Педагогическіе музеи для народныхъ учителей.—Съѣздъ учителей казачьихъ школъ.—Могутъ ли сельскіе учителя преподавать Законъ Божій?—Кто можетъ читать въ народныхъ аудиторіяхъ 933

XI. Библіографія. **Книги для родителей и учителей.** Записки о губ. курсахъ въ Курскѣ. *Ан.* Стр. 944.—Правописаніе до грамматики. Д. И. Тихомирова. *Ан.* Стр. 946.—А. Пыльневъ. Элементарная грамматика. *К. Э.* Стр. 948.—Общество русскихъ врачей въ память Пирогова. *Н. Ск.* Стр. 950. **Книги для дѣтей.** По Уралу Д. Н. Мамина-Сибиряка. *Ан.* Стр. 951.—Милые шалуны. П. М. Невѣжина. *Ан.* Стр. 952 944

XII. Списокъ книгъ, присланныхъ въ редакцію 953

XIII. Оглавленіе „Педагогическаго Листка" 957

XIV. Приложеніе. „Наши тайные друзья и враги". Бактеріологическіе очерки. Перси Фаредэя Франклэнда. Переводъ подъ редакціей *Д. А. Коропчевскаго*. Съ рисунками . . . . . 113—136

XV. Объявленія о подпискѣ на „Дѣтское Чтеніе" и „Педагогическій Листокъ" 965

XVI. Объявленія . . . . . I—LVI

Открыта подписка на 1900 годъ,

на

ДВА ЖУРНАЛА:

XXXII. **„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“** XXXII.

для дѣтей школьнаго возраста

и

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“

ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ, ВОСПИТАТЕЛЕЙ и УЧИТЕЛЕЙ.

Вступая въ тридцать второй годъ изданія журнала „Дѣтское Чтеніе“, редакція его будетъ твердо держаться принятаго направленія, настойчиво и неуклонно проводимаго ею въ послѣднія пять лѣтъ: развивать въ читателѣ свѣтлыя мысли, добрыя чувства, сообщать ему образовательныя знанія, и всѣмъ этимъ подготовлять въ немъ разумнаго и добраго дѣятеля въ предстоящей ему жизни.

Въ отдѣлѣ художественныхъ произведеній редакція будетъ давать, въ живыхъ образахъ, правдивые, жизненные очерки, воспитывающіе въ читателѣ любовь человѣка къ человѣку, во всѣхъ житейскихъ его положеніяхъ, въ его радостяхъ и горестяхъ, въ лучшихъ сторонахъ его духовной природы (совершенствахъ) и въ его уклоненіяхъ и отрицательныхъ сторонахъ (недостаткахъ), въ его стремленіи къ благодѣтельному труду и святымъ завѣтамъ, вложеннымъ въ него самой природою, ищущей совершенствованія всѣхъ созданій. Желая воспитывать въ читателяхъ вкусъ къ изящному, и чуткость слуха звучной формой стиха, журналъ „Дѣтское Чтеніе“ давалъ въ прошлые годы, будетъ давать и въ 1900 г. въ каждой своей книжкѣ стихотворенія, рисующія живо картины родной природы, захватывающія своимъ содержаніемъ и пробуждающія въ читателяхъ чувства добрыя ко всему, что живетъ и проситъ живого, сочувственнаго отзвука себѣ.

Во второмъ отдѣлѣ журнала редакція „Дѣтскаго Чтенія“ дастъ—а) бо́льшее мѣсто статьямъ историческимъ, преимущественно по родной исторіи, памятуя, что уму и сердцу подростка и юноши-читателя должна быть близка и дорога его родина, которую онъ долженъ знать, чтобы сознательно полюбить

и приготовить себя на служеніе ей и быть ея истиннымъ гражданиномъ, знающимъ, чѣмъ онъ обязанъ своимъ отцамъ, дѣдамъ и прадѣдамъ, много поработавшимъ на ея благо—духовное, матеріальное—и на совершенствованіе жизни гражданской, общественной, наслѣдникомъ-продолжателемъ коихъ онъ является по самому своему рожденію, какъ гражданинъ русской земли, какъ славянинъ въ общеславянской семьѣ и какъ достойный членъ великой европейской семьи и еще бо́льшей—семьи общечеловѣческой; б) біографическіе очерки замѣчательныхъ людей—сильной воли, свѣтлаго ума, высокихъ, гуманныхъ началъ на всѣхъ ступеняхъ труда, творчества и искусства, кои послужили на благо человѣчества и, какъ вѣчные свѣточи, указываютъ молодымъ поколѣніямъ истинные пути къ совершенству, и служатъ достойными образцами всего высокаго, къ чему должны стремиться и до чего доходить и далѣе люди всѣхъ національностей, идя послѣдовательно впередъ; в) этнографическіе очерки, раскрывающіе бытъ, нравы, вѣрованія, историческую жизнь разныхъ народовъ, и прежде всего населяющихъ обширную Россію и ея окраины; г) географическіе очерки и путешествія, знакомящіе съ природою и жизнію разныхъ странъ въ климатическомъ, бытовомъ и экономическомъ отношеніи; д) очерки по естествознанію—характерный міръ животныхъ, міръ растеній въ общей объединенной ихъ жизни въ связи съ жизнію человѣка.

Юные читатели не замуравлены въ четырехъ стѣнахъ своей семьи, современная жизнь и отъ нихъ не закрыта, а въ иныхъ событіяхъ она часто захватываетъ и ихъ,—поэтому журналъ долженъ откликаться и на текущія явленія жизни и не оставлять своихъ читателей въ сторонѣ отъ современныхъ событій; вотъ почему „Дѣтское Чтеніе“ будетъ попрежнему давать подъ разными заголовками: „Странички изъ литературы и текущей жизни“, „Странички по производствамъ и техникѣ“ и т. п. интересныя свѣдѣнія изъ разныхъ областей человѣческой жизни, природы и труда, равно и отношеній людей и народовъ другъ къ другу, ихъ мирныхъ движеній къ совершенствованію, ихъ исконныхъ стремленій къ вѣчному миру, развивающему благоустроенную жизнь, дающему процвѣтаніе и благополучіе отдѣльнымъ людямъ и народамъ, а съ другой стороны будетъ отмѣчать и печальныя столкновенія, являющіяся временами, какъ недоразумѣнія въ отношеніяхъ сосѣднихъ народовъ и т. п.

Подъ заглавіемъ „Смѣхъ — не грѣхъ“ журналъ „Дѣтское Чтеніе“ давалъ и желаетъ дать и провести тотъ добрый и здоровый смѣхъ, который развиваетъ находчивость, наблюдательность и мѣткое добродушное остроуміе; сюда входили и войдутъ историческіе остроумные анекдоты извѣстныхъ людей, пословицы, загадки, сказки, посвященныя разработкѣ образцовъ народнаго твор-

чества, былины, басни, рисующія добродушно, шутливо, недостатки общечеловѣческіе обычно подъ образами животныхъ, а также шарады, притчи, игры въ комнатахъ и на воздухѣ, вообще въ этотъ отдѣлъ будетъ входить то, что острить умъ, бодритъ духъ и развиваетъ умную веселость, располагающую къ задушевной общительности.

Редакція „Дѣтскаго Чтенія“ вполнѣ сознаетъ всю трудность поставленной себѣ задачи и для разрѣшенія ея привлекала и не устанетъ привлекать и впредь выдающіяся, лучшія литературныя и научныя силы, которыя талантливо и умѣло послужили бы разрѣшенію великой задачи воспитанія подрастающихъ поколѣній и создали бы литературу не „дѣтскую“ и „народную“, а „человѣческую“, равно доступную и интересную для всѣхъ и каждаго—на извѣстной ступени развитія.

„Педагогическій Листокъ“, издаваемый до 1899 года въ видѣ приложенія къ „Дѣтскому Чтенію“, а съ 1899 года выходящій отдѣльнымъ и самостоятельнымъ журналомъ (8 разъ въ годъ, книжками въ 8 и болѣе листовъ), будетъ послѣдовательно и неослабно стремиться къ тому, чтобы отвѣчать болѣе и болѣе возрастающимъ духовнымъ потребностямъ начальнаго учителя и воспитателя въ самообразованіи и въ пополненіи его общаго и спеціально педагогическаго образованія и ознакомленія съ текущею школьно-общественною жизнію. Наравнѣ съ педагогическими, обще-дидактическими и методическими статьями, „Педагогическій Листокъ“ будетъ заботливо давать статьи обще-научнаго характера; въ 1900 году „Педагогическій Листокъ“ надѣется дать рядъ статей, представляющихъ собою законченные, общедоступные курсы по исторіи искусства, по исторіи всеобщей литературы, по всеобщей (политической) географіи, по гигіенѣ и проч. Чтобы дать возможность читателю быть освѣдомленнымъ съ выдающимися мыслями, развиваемыми въ нашихъ педагогическихъ и общелитературныхъ и научныхъ журналахъ, „Педагогическій Листокъ“ съ 1900 г. открываетъ на своихъ страницахъ *обзоръ* журналовъ и изложеніе болѣе выдающихся статей. Въ отдѣлахъ „Вопросы книги и жизни“ и „Изъ текущей литературы“ „Педагогическій Листокъ“ будетъ излагать и обсуждать всѣ текущіе вопросы и явленія изъ жизни семейной, школьной, школьно-общественной, школьно-государственной, жизни русской и заграничной. Для надлежащей постановки библіографическаго отдѣла, по каждой отрасли знаній приглашены спеціалисты, кои и будутъ давать отзывы о достойныхъ вниманія книгахъ,—учебныхъ, дѣтскихъ, народныхъ, о руководствахъ и пособіяхъ для учителя и воспитателя.

Для болѣе полнаго и прочнаго разрѣшенія намѣченныхъ задачъ, редакція „Дѣтскаго Чтенія“ и „Педагогическаго Листка“ предприняла и будетъ широко развивать отдѣльныя изданія со-

чиненій для ученической и учительской библіотеки подъ общими названіями—„*Библіотека „Дѣтскаго Чтенія*“ и „*Учительская библіотека*“.

Видя полное и живое сочувствіе къ своему дѣлу и въ обществѣ, и въ журнальной и газетной критикѣ, и со стороны лучшихъ литературныхъ работниковъ, не закрывая глаза на пройденныя уже и предстоящія еще далѣе трудности, редакція бодро смотритъ впередъ и твердо вѣритъ, что и впредь она найдетъ дѣятельное, бодрящее сочувствіе, и доброе содѣйствіе, и живую помощь, какъ въ лучшей части русскаго общества, такъ и въ творческихъ силахъ современныхъ литературныхъ дѣятелей. Задача правильной и наилучшей постановки первой ступени воспитывающаго чтенія, какъ первой ступени образованія и воспитанія подрастающихъ поколѣній и народныхъ массъ,—дѣло неотложное и крайне важное, дѣло общественное, и разрѣшено оно будетъ,—мы въ этомъ не сомнѣваемся, — при дружно-хоровомъ участіи всѣхъ благороднѣйшихъ силъ лучшей части русскаго общества.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія „Дѣтское Чтеніе“ за 1896 годъ *допущено* для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и впредь признано разрѣшеннымъ къ выпискѣ для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ; *одобрено* Ученымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній *включено* въ каталогъ для чтенія воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ.

„Педагогическій Листокъ“ (вмѣстѣ съ „Дѣтскимъ Чтеніемъ“) разрѣшенъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для учительскихъ библіотекъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ (1896 г.).

Подписная цѣна:

	на годъ.	на 1/2 г.	на 1/4 г.
На „Дѣтское Чтеніе“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“, съ перес.	6 руб.	3 руб.	1 р. 50 к.
„ „ безъ перес.	5 „	2 р. 50 к.	1 р. 50 к.
На „Дѣтское Чтеніе“, отдѣл. съ перес.	5 „	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.
„ „ безъ перес.	4 р. 50 к.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.
На „Педагогическій Листокъ“ съ пер.	2 руб.	1 р. 50 к.	—
„ „ безъ перес.	1 р. 75 к.	—	—

За границу—8 руб. Отдѣльный № 75 коп.

Уплата подписной суммы можетъ быть произведена и въ разсрочку—по полугодіямъ, по третямъ и четвертямъ года.

Издательница **Е. Н. Тихомирова.** Редакторъ **Д. И. Тихомировъ.**

Мы имѣемъ, слѣдовательно, основательныя причины для предположенія, что все явленіе разрушительнаго дѣйствія солнечныхъ лучей на жизнь бактерій зависитъ отъ процесса окисленія при низкой температурѣ. Давно уже было извѣстно, что во многихъ окислительныхъ процессахъ, при низкой температурѣ, часто образуются значительныя количества замѣчательнаго вещества, которое химики называютъ перекисью водорода и которое обладаетъ не только могущественными окисляющими свойствами, но и служитъ сильнымъ антисептическимъ средствомъ или средствомъ для истребленія бактерій. Въ самое недавнее время д-ромъ Ричардсономъ въ Бристолѣ было открыто, что перекись водорода, дѣйствительно, образуется въ жидкостяхъ, подвергнутыхъ дѣйствію солнечнаго свѣта, и что въ этихъ жидкостяхъ бактеріи не разростаются, пока перекись водорода находится въ нихъ.

Доказательство образованія перекиси водорода во время дѣйствія солнечныхъ лучей естественно порождаетъ вопросъ: зависитъ ли истребительное дѣйствіе свѣта на бактерій вполнѣ отъ названнаго вещества, или присутствіе послѣдняго только отчасти объясняетъ это явленіе? Этотъ важный вопросъ не легко поддается рѣшенію, такъ какъ существуютъ почти непреодолимыя трудности для уничтоженія возможности образованія перекиси водорода.

Д-ръ Ричардсонъ въ своихъ опытахъ нашелъ, что перекись водорода образуется въ мочѣ, при дѣйствіи на нее солнечнаго свѣта, и что она не образуется при дѣйствіи этого послѣдняго на воду и даже на растворъ мочевины. Такимъ образомъ, когда бактеріи плаваютъ въ водѣ, освѣщаемой солнцемъ, не можетъ происходить образованія перекиси водорода въ жидкости. Мы видѣли, однако, что, хотя бактеріи выказываютъ гораздо бо́льшее сопротивленіе дѣйствію солнечнаго свѣта, когда плаваютъ въ водѣ, чѣмъ въ обыкновенной средѣ ихъ культуръ, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что онѣ дѣйствительно уничтожаются, и иногда даже весьма быстро, находясь въ водѣ. Съ перваго взгляда, это какъ-будто доказываетъ, что истребительное для бактерій дѣйствіе свѣта, ускоряемое образованіемъ перекиси водорода, можетъ происходить и въ ея отсутствіи. Но мы не должны терять изъ виду возможности образованія перекиси водорода внутри клѣтокъ бактерій и ихъ споръ; легко понять, что это

вещество можетъ образоваться и внутри клѣтокъ, плавающихъ въ водѣ, къ которой воздухъ имѣетъ доступъ.

Этотъ общеизвѣстный фактъ указываетъ, повидимому, что образованіе перекиси водорода во многихъ случаяхъ можетъ быть дѣятельнымъ факторомъ въ истребленіи бактерій дѣйствіемъ свѣта, но нельзя еще сказать съ точностью, насколько такое образованіе необходимо для описываемаго процесса.

Этотъ вопросъ поднимаетъ другой, гораздо болѣе общій, давно уже занимавшій химиковъ, а именно, въ какой мѣрѣ окисленіе можетъ происходить, вообще, при полномъ отсутствіи водяныхъ паровъ. Факты, касающіеся этого болѣе широкаго вопроса, указываютъ безъ исключенія, что всѣ, повидимому, непосредственныя окисленія, при низкой температурѣ, требуютъ присутствія водяныхъ паровъ. Насколько дѣйствіе свѣта, уничтожающее бактерій, можно считать безспорно случаемъ окисленія при низкой температурѣ, существуютъ сильныя теоретическія и вѣскія опытныя доказательства, указывающія, что водяные пары, практически допускающіе возможность образованія перекиси водорода или подобнаго тому вещества, существенно необходимы для проявленія упомянутаго дѣйствія.

Такъ, современное научное изслѣдованіе ежедневно расширяетъ кругозоръ нашихъ свѣдѣній относительно необычайнаго вліянія, какое оказываетъ солнце почти на всякую частность въ жизни земли. Каждая отдѣльная наука поочередно доставляетъ свидѣтельство крайне важнаго значенія непрерывнаго потока энергіи, получаемаго нами отъ солнца, и можетъ предсказать только хаосъ и разрушеніе въ тотъ ужасный день, когда изсякнетъ этотъ приливъ благодѣтельныхъ силы. Даже изученіе мельчайшихъ живыхъ организмовъ, такъ многопривлекавшихъ къ себѣ вниманія въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, совершенно неожиданно послужило къ увеличенію нашего удивленія передъ чудесной властью солнца надъ нашей планетой. До настоящаго времени наука сосредоточивалась преимущественно на той работѣ, въ которой солнечная энергія выражается построеніемъ растительной и животной жизни. Въ настоящее время мы можемъ убѣдиться, что эта энергія безпрерывно употребляется на то, чтобы ограничивать и удерживать на своемъ мѣстѣ эти обширныя и безпокойныя толпы бактеріальныхъ формъ, которыя всегда готовы

завладѣть и воспользоваться для своихъ цѣлей тѣлами животныхъ и растеній.

Хотя и нельзя ожидать, чтобы конецъ XIX вѣка заставилъ насъ возвратиться къ поклоненію солнцу, существовавшему въ древнемъ мірѣ, но мы не можемъ не относиться сочувственно къ тому умственному направленію, которое создало такъ называемое обожаніе солнечнаго диска, преобладавшее въ Египтѣ при Аменатепѣ IV, почти за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х.; мы не можемъ не удивляться формѣ религіи, оказывающейся въ полномъ согласіи съ результатами научныхъ открытій, осуществившихся почти чрезъ четыре тысячи лѣтъ послѣ того.

Поэтому мы всѣ должны признать поэтическую образность выраженія Платона, когда онъ говоритъ: «Истина есть тѣло Бога, а свѣтъ—Его тѣнь».

VIII.

Новѣйшія примѣненія бактеріологіи.

Мы уже упоминали объ услугахъ, оказанныхъ бактеріологіей въ области предохранительной медицины, и видѣли, какимъ образомъ великая задача обезпеченія противъ заразительныхъ болѣзней, занимавшая послѣдніе годы дѣятельности Пастёра, вступила въ новый фазисъ, разъясняемая опытами Китозато относительно нечувствительности къ столбняку.

Ни въ одной области бактеріологіи не проявлялась въ послѣдніе годы болѣе живая дѣятельность, чѣмъ въ открытіяхъ относительно полученія и примѣненія антитоксиновъ въ лѣченіи болѣзней.

Между тѣмъ, какъ методы Пастёра состояли, главнымъ образомъ, въ томъ, что предохраняемый индивидуумъ подвергался дѣйствію болѣзнетворнаго организма въ разжиженномъ или разслабленномъ состояніи, новые способы приданія нечувствительности не требуютъ какого-либо соприкосновенія между индивидуумомъ и микроорганизмомъ въ какой-либо формѣ.

Какъ и можно ожидать, этотъ переходъ совершился не разомъ и не усиліемъ одного изслѣдователя; не слѣдуетъ удивляться и тому, что право преобладанія въ этомъ великомъ успѣхѣ оспаривалось не

только различными лицами, но явилось предметомъ спора между двумя великими соперничающими націями европейскаго материка...

Было бы безполезно входить въ подробности этого спора; достаточно сказать, что первымъ рѣшительнымъ шагомъ къ этому переходу было открытіе, уже упомянутое выше, что *искусственныя* разводки патогенныхъ бактерій могутъ быть совершенно освобождены отъ нихъ или стерилизованы и, тѣмъ не менѣе, производить характерныя дѣйствія при впрыскиваніи въ тѣло животнаго.

Такимъ образомъ, ядъ или токсинъ дифтеритной бациллы былъ добытъ Лёфлеромъ, которому удалось также открыть бациллу дифтерита, но этотъ токсинъ былъ точнѣе изслѣдованъ Ру и Іерсиномъ въ Пастёровскомъ институтѣ и докторомъ Сидней-Мартиномъ. Благодаря этому открытію, токсины дифтерита и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней были выдѣлены въ качествѣ специфическихъ ядовъ, какъ опіумъ или экстрактъ Nux vomica. Въ настоящее время возможно вызывать нѣкоторые характерные симптомы этихъ болѣзней, давая внутрь эти стерилизованные токсины.

Далѣе было найдено, что животныхъ можно постепенно пріучать къ специфическимъ токсинамъ, такъ же, какъ и человѣческій организмъ можетъ постепенно сдѣлаться нечувствительнымъ къ опіуму или табаку. Затѣмъ возникъ вопросъ, какимъ образомъ такія животныя, постепенно пріучавшіяся къ особому токсину, должны относиться къ послѣдующей прививкѣ самого болѣзнетворнаго организма?

Опытное изслѣдованіе этого вопроса показало, какъ мы уже говорили, что животное, подвергавшееся постепенному введенію бактеріальнаго яда, способно было противостоять послѣдующему дѣйствію самихъ ядовитыхъ бактерій. Этимъ важнымъ успѣхомъ въ обезпеченіи нечувствительности у животнаго безъ всякаго соприкосновенія съ самимъ болѣзнетворнымъ организмомъ мы обязаны работамъ Сальмона, Ру, Шамберлана и др. изслѣдователей.

Послѣдующій шагъ, несомнѣнно, еще болѣе поразительный, чѣмъ другіе, состоитъ въ доказательствѣ, что кровь животнаго, которому искусственно сообщена нечувствительность къ извѣстной болѣзни, содержитъ матеріалы, могущіе быть перенесенными на другое животное, вслѣдствіе чего это животное также становится предохраненнымъ отъ той же болѣзни.

Это поразительное антитоксическое свойство кровяной сыворотки искусственно иммунизированнаго животнаго было открыто впервые Рише и Герикуромъ, двумя французскими учеными, производившими опыты надъ кроликами съ одною изъ обыкновенныхъ бактерій, вызывающею абсцесы, Staphylococcus pyosepticus. Они нашли, что кролики, которымъ вспрыснута была кровь, взятая отъ собаки, предварительно подвергнутой прививкѣ этими стафилококками, оказались предохраненными отъ послѣдующихъ зараженій названнымъ микробомъ.

Дальнѣйшій важный шагъ сдѣланъ былъ Берингомъ и Китозато, которымъ удалось показать, что не только кровяная сыворотка искусственно иммунизированныхъ животныхъ противъ дифтерита и столбняка можетъ предохранить отъ этихъ болѣзней другихъ животныхъ, въ которыхъ впрыснута эта сыворотка, но и животныя, уже заболѣвшія этими болѣзнями, могутъ быть излѣчены послѣдующимъ введеніемъ антитоксической сыворотки.

Слѣдуетъ, однако, соблюдать такую предосторожность, чтобы употреблялось достаточное количество сыворотки, и чтобы впрыскиваніе ея не откладывалось до слишкомъ подвинувшейся стадіи болѣзни.

Первый опытъ примѣненія иммунизированной сыворотки къ лѣченію дифтерита у человѣка былъ сдѣланъ въ клиникѣ у фонъ Бергмана, въ Берлинѣ, осенью 1891 года; но этотъ опытъ вмѣстѣ съ другими имѣлъ только испытательный характеръ и былъ произведенъ съ слабой сывороткой въ недостаточныхъ дозахъ.

Лишь въ 1893 г. Берингу удалось добыть антидифтеритную сыворотку достаточной силы, и съ того времени усилія многочисленныхъ изслѣдователей направлены были не только къ тому, чтобы производить сыворотку бо́льшей силы, но и въ должномъ количествѣ для удовлетворенія требованій, появившихся изъ всѣхъ частей свѣта.

Изготовленіе этой терапевтической сыворотки для дифтерита получило уже характеръ коммерческаго предпріятія довольно значительныхъ размѣровъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, химія оказала неоцѣненную услугу медицинѣ.

Очевидно, что приготовленіе такой сыворотки, въ какомъ бы ни было размѣрѣ, требуетъ обширнаго состава весьма опытныхъ и научно-образованныхъ лицъ, которыхъ нельзя найти въ томъ или другомъ фабричномъ заведеніи въ любую минуту.

Въ настоящее время фирма Мейстеръ, Люціусъ и Брюнингъ, одна изъ большихъ промышленныхъ организацій, встрѣчающихся по преимуществу въ Германіи, въ мастерскихъ которыхъ каменноугольный деготь превращается во всѣ цвѣта радуги, въ благоуханія Аравіи и во многія цѣнныя средства новѣйшей медицины, эта крупная фирма съ многочисленнымъ составомъ научныхъ консультантовъ расширила свое дѣло, присоединивъ къ нему обширныя конюшни, въ которыхъ большое число престарѣлыхъ лошадей проводятъ удобную и полезную старость, доставляя антитоксическую сыворотку, предназначенную для облегченія страданій юныхъ жертвъ дифтерита.

Какъ и во всѣхъ новыхъ отрасляхъ, въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ бактеріологической науки не было недостатка въ нападеніи энергическихъ противниковъ. Но повсемѣстно собранная статистика относительно примѣненія этой антитоксической сыворотки, когда приготовленіе ея поручалось компетентнымъ лицамъ, повидимому, несомнѣнно доказываетъ, что антидифтеритная сыворотка есть специфическое врачебное средство, превосходящее своей дѣйствительностью, согласно указаніямъ судей, вполнѣ достойныхъ довѣрія, всѣ другіе способы лѣченія названной болѣзни.

Но возможность обезпечить предохраненіе отъ заболѣванія посредствомъ сыворотки иммунизированныхъ животныхъ заходитъ даже за предѣлы заразныхъ болѣзней.

Если сыворотка животнаго, сдѣлавшагося нечувствительнымъ къ извѣстной болѣзни, можетъ противодѣйствовать ядамъ, вырабатываемымъ специфическими бактеріями этой болѣзни, не можетъ ли она противодѣйствовать такимъ же образомъ ядамъ, не имѣющимъ бактеріальнаго происхожденія? Это дѣйствительно недавно было доказано по отношенію къ змѣиному яду докторомъ Кальметомъ, директоромъ Пастёровскаго института въ Лиллѣ, во Франціи.

Еще въ то время, когда онъ состоялъ директоромъ бактеріологическаго института въ Сайгумѣ въ Кохинхинѣ, доктору Кальмету представилась возможность приступить къ изслѣдованію змѣинаго яда, которое привело къ замѣчательнымъ успѣхамъ въ этой новой области предохранительной медицины.

На одну деревню, въ окрестности Бакъ-лье, въ Кохинхинѣ, осенью 1891 г. произведено было настоящее нападеніе стаи ядовитыхъ

змѣй, принадлежащихъ къ виду, извѣстному подъ именемъ «кобра» (Naya tripudians). Проливные дожди и послѣдовавшія за ними наводненія заставили этихъ страшныхъ пресмыкающихся укрыться въ хижинахъ туземцевъ, изъ которыхъ не менѣе сорока были жестоко укушены. Одному аннамиту удалось поймать 90 такихъ змѣй, и онѣ были доставлены въ бочкѣ въ бактеріологическую лабораторію. Многія умерли въ дорогѣ, но осталось въ живыхъ достаточное число, чтобы снабдить институтъ змѣинымъ ядомъ въ такомъ количествѣ, какое рѣдко достается въ руки научному изслѣдователю.

Значеніе изслѣдованій, за которое тотчасъ же принялся докторъ Кальметъ, лучше всего опредѣляется фактомъ, что въ одной только Индіи около 22 тысячъ человѣкъ ежегодно погибаютъ отъ укушенія этихъ ужасныхъ пресмыкающихся.

Трудность добыванія достаточнаго количества яда для научной работы надъ нимъ можно видѣть изъ факта, что ядовитыя железы взрослой кобры имѣютъ приблизительно величину миндаля въ шелухѣ, и каждая железа содержитъ около 20 капель прозрачнаго, жидкаго яда.

Докторъ Кальметъ и его помощники пожертвовали одиннадцатью змѣями; отдѣливъ ядовитыя железки и извлекши оттуда жидкость, они начали рядъ точныхъ изслѣдованій и опытовъ. Первою задачею ихъ было опредѣлить съ возможною точностью степень токсической силы этого яда. Какъ и можно было предполагать по роковымъ исходамъ укушенія этихъ змѣй, доставившимъ имъ такую страшную извѣстность, ядъ этотъ отличается замѣчательной силой. Одной капли его было достаточно, чтобы убить мелкихъ животныхъ, въ родѣ крысъ и голубей; при подкожномъ впрыскиваніи его, смерть наступала для нихъ менѣе, чѣмъ въ одинъ часъ; домашняя птица погибала въ болѣе продолжительное время. Еще медленнѣе погибали лягушки, перенося въ теченіе тридцати часовъ количество яда, убивающаго кролика въ десять минутъ. Рыбы не представляли исключенія для этого правила; безпозвоночныя, какъ, напримѣръ, піявки, становились жертвой весьма небольшого количества яда. Изъ всѣхъ животныхъ, изслѣдованныхъ до сихъ поръ, ему могутъ сопротивляться только змѣи; такъ даже шесть капель яду, введенныя подъ кожу маленькой неядовитой змѣи, длиною около 35 сантиметровъ и толщиною въ ми-

зинецъ, не производили никакого дѣйствія. Такими же результатами сопровождалось введеніе десяти капель яда подъ кожу кобры [1].

Ему удалось добиваться смертельныхъ исходовъ, вводя подъ кожу змѣй значительное количество яда, превышающаго втрое то количество его, какое находится обыкновенно въ ядовитыхъ железкахъ.

Ядъ кобры, повидимому, съ большимъ трудомъ утрачиваетъ свои ядовитыя свойства; противоположно разсмотрѣннымъ нами ядамъ бактерій, онъ можетъ выдерживать высокую температуру, нисколько не теряя своей ядовитости. Такъ токсическій характеръ его не испытываетъ никакого ослабленія отъ нагрѣванія въ водяной банѣ, въ теченіе получаса, при 97° Ц. Впрочемъ, для этой стойкости существуютъ извѣстные предѣлы: если температура, при описанномъ нагрѣваніи, поднимется до 98° Ц., впрыскиваніе подобнаго яда не ведетъ уже ни къ какимъ роковымъ послѣдствіямъ. Слѣдовательно, можно съ точностью установить, что ядъ кобры теряетъ свою ядовитость при температурѣ между 97° и 98° Ц.

Это наблюденіе, однако, непримѣнимо ко всѣмъ ядамъ, извлеченнымъ изъ всѣхъ разновидностей змѣй, такъ какъ ядъ двухъ видовъ австралійскихъ змѣй выказываетъ бо́льшую стойкость. Онъ сохраняетъ свою ядовитость даже при нагрѣваніи въ теченіе десяти минутъ между 100 и 102° Ц. и становится безвреднымъ лишь въ томъ случаѣ, если эта температура поддерживается не менѣе 15 минутъ подъ рядъ. Ядъ французской ехидны (Pelias berus), съ другой стороны, теряетъ свои вредныя свойства между 95 и 97° Ц. Въ видѣ опыта, ядъ подвергали дѣйствію болѣе низкихъ температуръ; но дѣйствіе температуры въ 38° Ц. даже въ теченіе пятнадцати дней не производило никакого вліянія на токсическія свойства яда кобры, между тѣмъ какъ дѣйствіе солнечнаго свѣта совершенно уничтожаетъ ихъ.

Такъ одному голубю было привито до двухъ кубическихъ сантиметровъ яда кобры, подвергшагося дѣйствію солнечныхъ лучей, и голубь не потерпѣлъ никакого вреда; въ то же время четверти кубическаго сантиметра яда, оставшагося въ темной комнатѣ, достаточно

[1] Докторъ Кальметъ сдѣлалъ нѣсколько дальнѣйшихъ изслѣдованій по этому предмету и нашелъ, что хотя пресмыкающіяся весьма устойчивы по отношенію къ яду, но нечувствительность ихъ къ нему нельзя считать безусловной, какъ предполагалось прежде.

было, чтобы убить другого голубя въ теченіе пятнадцати минутъ. Время вовсе не дѣйствуетъ на токсическія свойства этого яда; какъ разсказываетъ докторъ Кальметъ, онъ держалъ образцы его въ запасныхъ трубочкахъ болѣе года, и по окончаніи этого времени ядовитость его нимало не ослабѣла. Впрочемъ, выдержанный въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, этотъ ядъ до нѣкоторой степени теряетъ свои токсическія свойства, не утрачивая ихъ окончательно.

Имѣя теперь нѣкоторое понятіе о свойствахъ змѣинаго яда, мы должны обратить наше вниманіе на блестящія изслѣдованія, которыя привели въ результатѣ къ особому способу излѣченія змѣиныхъ укушеній, которому предстоитъ благодѣтельная роль для страждущаго человѣчества. Будетъ всего лучше, если мы разскажемъ это словами самого доктора Кальмета, заимствуя ихъ изъ его записки, представленной послѣднему собранію Британской медицинской ассоціаціи и заключающей послѣдніе результаты, достигнутые имъ его изслѣдованіемъ.

«Лучшій пріемъ для прививки крупнымъ животнымъ, отъ которыхъ должна быть взята противоядная сыворотка, состоитъ въ впрыскиваніи постепенно возрастающихъ количествъ яда кобры, смѣшаннаго съ уменьшающимися количествами 60-процентнаго раствора хлористой извести. Состояніе животныхъ и измѣненіе ихъ въ вѣсѣ должны быть тщательно отмѣчаемы для того, чтобы производить впрыскиванія рѣже, если животное не совсѣмъ хорошо ихъ переноситъ. Количества болѣе и болѣе крѣпкаго яда впрыскиваются поочередно, сперва достаточно разжиженныя, а затѣмъ болѣе концентрированныя; для того, чтобы животныя (лошади) могли доставлять достаточно энергичную сыворотку, необходимо, когда они пріобрѣли уже почти полную нечувствительность, впрыскивать яды, заимствованные отъ возможно большаго количества различныхъ видовъ змѣй.

«Продолжительность такой подготовки довольно значительна: требуетъ не менѣе 15 мѣсяцевъ прежде, чѣмъ сыворотка окажется настолько дѣйствительной, что ее можно употреблять съ лѣчебными цѣлями.

„Сыворотка, которую мы въ настоящее время приготовляемъ въ Пастёровскомъ институтѣ въ Лиллѣ, дѣятельна до степени $^1/_{200\cdot000}$, т.-е. достаточное, въ качествѣ профилактической доли для кролика, количество сыворотки, равно $^1/_{200\cdot000}$ части его тѣла; оно предохраняетъ его отъ количества яда, убивающаго животное такого же вѣса въ теченіе трехъ или четырехъ часовъ.

„Если эту сыворотку впрыснуть послѣ яда, для дѣйствительности ея достаточно дозы въ половину кубическаго сантиметра, введенной черезъ 33 минуты послѣ прививки количества яда, убивающаго животное въ три, четыре часа. Большія количества этой сыворотки были высланы въ послѣдніе мѣсяцы въ Индію, Кохинхину, Австралію и въ другія страны, гдѣ всего чаще встрѣчаются ядовитыя змѣи, и оказалось уже возможнымъ собрать нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія относительно укушенныхъ лицъ. Правда, въ большинствѣ случаевъ трудно получить свѣдѣнія относительно видовъ ядовитыхъ змѣй, причинившихъ рану.

„Весьма рѣдко удавалось убить или захватить на мѣстѣ змѣю, произведшую укушеніе; поэтому всѣ укушенія относительно видовъ змѣй, не подвергшихся такому опредѣленію, должны считаться сомнительными.

„Я уже обнародовалъ одинъ случай наиболѣе убѣдительный, въ которомъ дѣло идетъ объ аннамитѣ, сильно укушенномъ въ руку коброй въ бактеріологической лабораторіи въ Сайгунѣ и излѣченномъ простымъ впрыскиваніемъ 10 куб. сантиметровъ сыворотки. Я весьма недавно получилъ описаніе другого интереснаго случая, которымъ я обязанъ доктору Ханкину, директору лабораторіи въ Агрѣ, въ Индіи. Больной въ этомъ случаѣ былъ укушенъ однимъ изъ самыхъ опасныхъ пресмыкающихся, встрѣчаемыхъ въ Индіи.

„Сыворотка животныхъ, привитыхъ ядомъ какого-либо весьма ядовитаго вида въ родѣ кобры, оказывается вполнѣ антитоксической по отношенію къ яду всѣхъ другихъ видовъ змѣй и, какъ мнѣ удалось доказать, по отношенію къ яду скорпіоновъ.

„Можно считать вполнѣ доказаннымъ, какъ на основаніи опытовъ надъ животными, такъ и на основаніи лѣченія змѣиныхъ укушеній у человѣка, что въ описываемой сывороткѣ мы имѣемъ специфическое средство, вполнѣ дѣйствительное противъ ядовитыхъ укушеній. Необходимо поэтому съ возможной поспѣшностью распространять его во всѣхъ странахъ, гдѣ водятся ядовитыя змѣи.

„Единственное практическое затрудненіе заключается въ добываніи достаточныхъ количествъ яда, необходимыхъ для иммунизаціи крупныхъ животныхъ, какъ, напр., лошадей, могущихъ доставить нужное количество сыворотки.

„Пастёровскій институтъ въ Лиллѣ въ настоящее время обладаетъ

достаточнымъ количествомъ яда и довольно большимъ составомъ иммунизированныхъ лошадей, чтобы удовлетворить наиболѣе настоятельнымъ потребностямъ.

„Сыворотка, приготовленная въ безусловно чистомъ состояніи, можетъ сохраняться болѣе года, не теряя своихъ цѣлебныхъ свойствъ. Во всѣхъ странахъ, гдѣ змѣи находятъ большое количество жертвъ, въ особенности,—въ Индіи, было бы, безъ сомнѣнія, весьма полезно, чтобы различныя администраціи приняли мѣры къ учрежденію депо, хотя бы въ главныхъ земледѣльческихъ, лѣсныхъ и горныхъ округахъ, гдѣ какъ можно скорѣе могла бы доставляться врачебная помощь каждому укушенному, являющемуся за совѣтомъ. Каждый изъ этихъ постовъ долженъ быть снабженъ: 1) запасомъ сыворотки, возобновляющимся ежегодно, 2) шприцами для подкожнаго впрыскиванія, 3) свѣжеприготовленнымъ растворомъ хлористой извести и другими врачебными средствами и инструментами, необходимыми для лѣченія ранъ. Расходъ на такое учрежденіе былъ бы весьма незначителенъ.

Мы съ удовольствіемъ узнаемъ, что комитетъ въ Индіи, которому поручено изготовить планъ большого бактеріологическаго института, имѣющаго быть построеннаго тамъ, включилъ въ свою программу приготовленіе противоядовитой сыворотки.

До сихъ поръ мы останавливались исключительно на важныхъ и новѣйшихъ примѣненіяхъ бактеріологической науки въ области предохранительной медицины, ставящей себѣ цѣлью облегченіе человѣческихъ страданій и спасеніе дорогихъ жизней. Теперь мы должны обратить вниманіе на нѣкоторыя изслѣдованія, стремящіяся содѣйствовать интересамъ и благосостоянію той части общества, затрудненія которой въ послѣднее время часто служили предметомъ общественнаго вниманія и сочувствія. Бактеріологія и въ прошломъ не оставалась безучастною къ земледѣлію, и мы уже видѣли, насколько она выяснила нѣкоторые весьма важные вопросы по отношенію къ нитрификаціи и другимъ предметамъ, имѣющимъ основное значеніе для воздѣлыванія почвы.

Особое вниманіе привлекали къ себѣ замѣчательныя изслѣдованія Гельригеля и Вильфарта относительно усвоенія атмосфернаго азота мотыльковыми растеніями черезъ посредство нѣкоторыхъ бактерій, развивающихся внутри и около корней. Въ то же время стали

извѣстны опыты по тому же предмету профессора Ноббе, который не только подтвердилъ эти прежнія наблюденія, но и показалъ, что и каждое отдѣльное мотыльковое растеніе снабжено особыми микроорганизмами, которые помогаютъ ему усвоивать свободный азотъ.

Изслѣдованія, интересъ которыхъ до недавняго времени ограничивался, повидимому, кругомъ лабораторіи, въ настоящее время доставили уже практическіе результаты, могущіе отвѣчать строгимъ требованіямъ коммерческаго міра.

Докторъ Ноббе, вмѣстѣ съ докторомъ Гильтнеромъ, усердно продолжалъ свои изслѣдованія по выдѣленію особыхъ бактерій, отъ которыхъ, по его мнѣнію, зависитъ усвоеніе свободнаго азота.

До настоящаго времени добыты чистыя разводки организмовъ изъ утолщеній, встрѣчающихся на корняхъ 17 слѣдующихъ мотыльковыхъ растеній:

1) горохъ.
2) полевой горохъ.
3) вика.
4) полевые или конскіе бобы.
5) бѣлый лупинъ.
6) желтый лупинъ.
7) синій лупинъ.
8) красный клеверъ.
9) бѣлый клеверъ.
10) луговой клеверъ.
11) темнокрасный клеверъ.
12) мятликъ.
13) трефоль.
14) люцерна.
15) Onobrychis sativa.
16) серодела.
17) Lathylus sylvestris.

Хотя микроскопическіе организмы, добытые изъ утолщеній всѣхъ этихъ различныхъ мотыльковыхъ растеній, практически не различимы, но въ ихъ отношеніи къ растеніямъ другого рода замѣчаются замѣтныя различія въ тѣхъ услугахъ, какія они оказываютъ этимъ чуждымъ растеніямъ. Такъ называемыя чистыя разводки этихъ бактерій легко поддаются перевозкѣ, если ихъ помѣстить въ стеклянныя бутылки вмѣстимостью отъ 8 до 10 унцій. На днѣ этихъ склянокъ небольшое количество желатина доставляетъ матеріалъ, которымъ эти бактеріи поддерживаютъ свое существованіе, пока присущія имъ силы не будутъ вызваны къ дѣйствію. Эти склянки, послѣ помѣщенія въ нихъ особой бактеріи, запечатываются и держатся въ темнотѣ, чтобы избѣгнуть разрушительнаго дѣйствія свѣта.

Профессоръ Ноббе назвалъ всѣ эти чистыя разводки общимъ именемъ нитрогина, отъ словъ nitro (сокращ. nitrogen—азотъ и латинскаго слова ageri, быть дѣятельнымъ).

Производство нитрогина на коммерческихъ основаніяхъ уже начато той же крупной фирмой, занимающейся изготовленіемъ красокъ, которая посвятила такъ много вниманія выдѣлкѣ противодифтеритной сыворотки; нитрогинъ выдѣлывается подъ руководствомъ доктора Геделя, прежняго помощника доктора Ноббе и участника его работъ.

На каждой склянкѣ налѣпленъ ярлыкъ извѣстнаго цвѣта, соотвѣтственно тому растенію, для котораго предназначается бактерія, съ нѣмецкимъ и латинскимъ наименованіями растенія.

Содержимаго каждой склянки достаточно для прививки почти полъ-акра земли, на которой посѣяно растеніе, и въ настоящее время каждая бутылка стоитъ около $2^1/_2$ шиллинговъ. Такимъ образомъ, добавочный расходъ при употребленіи нитрогина составляетъ около 5 шиллинговъ на акръ (полдесятины).

Если вы посмотрите на одну изъ этихъ скляночъ, вы увидите только свѣтло-коричневый студень толщиною около $1^1/_2$ дюймовъ, по которому бѣлыя разводки развѣтвляются во всѣхъ направленіяхъ. Однако, этотъ наружный видъ зависитъ отъ живого или организованнаго фермента, и съ нимъ надо обращаться весьма осторожно, чтобы не повредить жизненности этихъ живыхъ частицъ. Для этой цѣли надо остерегаться, чтобы не подвергнуть ихъ дѣйствію температуры, высшей температуры тѣла, т.-е. выше 36° Цельз., и не подвергать ихъ дѣйствію сильнаго свѣта. Пренебреженіе этими мѣрами поведетъ къ уничтоженію бактерій и сдѣлаетъ ихъ совершенно негодными къ дѣлу; если же съ ними обращаться должнымъ образомъ, онѣ сохраняютъ свою силу на неопредѣленное время. Нитрогинъ употребляется для практическихъ, земледѣльческихъ цѣлей двумя различными способами: такъ, сѣмя можетъ быть привито непосредственно, что производится приведеніемъ его съ помощью воды въ соприкосновеніе съ нитрогиномъ; или часть полевой земли, на которой должно быть посѣяно растеніе, можетъ быть привита нитрогиномъ, и затѣмъ эта почва разсѣевается по полю и закапывается на глубину 3-хъ дюймовъ. Прежде всего содержимое склянки слѣдуетъ привести въ жидкое состояніе, что достигается пребываніемъ

ея въ теплой комнатѣ (не забывая вреднаго дѣйствія сильнаго свѣта), пока распустится студенистое вещество; или склянку можно поставить въ тепловатую воду, при чемъ надо помнить, что температура послѣдней не должна подниматься выше 37° Цельзія.

При употребленіи нитрогина должны соблюдаться слѣдующія правила:

1. При непосредственной прививкѣ сѣмянъ.

Для каждаго полуакра земли, предназначеннаго для посѣва, надо взять $1^1/_2$ пинту (пинта—полкварты) воды въ сосудѣ и вылить туда жидкое содержимое одной склянки. Чтобы вполнѣ опорожнить склянку, надо влить въ нее часть воды и взболтать съ жидкимъ содержимымъ склянки и затѣмъ все это вылить въ воду, находящуюся въ сосудѣ. Приготовленной такимъ образомъ водою тщательно опрыскивайте сѣмена и перемѣшайте кучу рукою (при большихъ количествахъ—лопатою) такъ, чтобы каждое сѣмечко пропиталось жидкостью.

Если воды окажется недостаточно, прибавьте еще, но вообще $1^1/_2$ пинты бываетъ достаточно для клеверныхъ сѣмянъ. Просушите сѣмена, смѣшивая ихъ съ сухимъ пескомъ или мелкою землей изъ того поля, гдѣ долженъ быть сдѣланъ посѣвъ.

Избѣгайте излишней сухости или влажности и не подвергайте сѣмена дѣйствію яркаго солнечнаго свѣта.

Сѣйте обыкновеннымъ способомъ.

2. При прививкѣ почвы.

Вмѣсто непосредственной прививки сѣмянъ, та же цѣль еще лучше достигается прививкою земли того поля, на которомъ долженъ быть сдѣланъ посѣвъ. Для этого на каждый полуакръ земли, предназначенной для посѣва, возьмите 56 фунтовъ земли изъ поля и вылейте на нее содержимое бутылки, какъ указано выше, но съ прибавленіемъ гораздо большаго количества воды; такимъ образомъ, произойдетъ прививка земли. Земля можетъ просохнуть на воздухѣ или, если это нужно, прибавьте къ ней сухой земли, затѣмъ разсыпьте все по поверхности, назначенной для посѣва, и задѣлайте на глубину около 3-хъ дюймовъ. Затѣмъ сѣйте обыкновеннымъ способомъ.

Что касается двухъ этихъ методовъ примѣненія нитрогина, докторъ Ноббе отдаетъ предпочтеніе прививкѣ почвы, хотя другой имѣетъ то преимущество, что, съ помощью его, организмы скорѣй приходятъ въ соприкосновеніе съ корешками. Если организмы оста-

ются просто на поверхности посѣва, они легко могутъ не достигнуть до корешковъ; но если они распредѣлены въ самой почвѣ, корешки, проходя черезъ привитую почву, почти навѣрное придутъ въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми организмами.

Впрочемъ, этотъ предметъ, безъ сомнѣнія, доставитъ еще много матеріала для дальнѣйшаго изслѣдованія.

Практическія преимущества примѣненія нитрогина сводятся къ слѣдующему:

1) Каждое отдѣльное сѣмечко окружается покровомъ бактерій, которыя послѣ воспроизвожденія проникаютъ въ корневые волоски и начинаютъ свою дѣятельность собиранія азота, что, даже безъ азотистаго удобренія и въ почвѣ, бѣдной азотомъ, обезпечиваетъ хорошій урожай.

2) Благодаря дѣятельности бактерій, почва обогащается усвоеннымъ азотомъ, который также идетъ на пользу растеній.

3) Невыгода употреблявшагося до сихъ поръ способа прививки неподготовленной земли при этомъ избѣгается.

4) Удобреніе азотомъ въ формѣ азотно-кислыхъ солей, амміакальныхъ солей и пр. является почти поверхностнымъ.

Опытныя изслѣдованія съ практическимъ характеромъ уже предприняты въ Англіи такъ же, какъ и на материкѣ Европы, и результаты работъ въ полѣ съ этимъ новымъ бактеріальнымъ производителемъ ожидаются съ величайшимъ интересомъ.

1. Въ этомъ отношеніи интересно слѣдующее извлеченіе изъ письма, полученнаго мною недавно отъ доктора Ноббе: «Лѣтомъ 1896 г. опыты прививки въ открытыхъ поляхъ производились въ Германіи на нѣсколькихъ стахъ фермахъ, и мы съ удовольствіемъ узнали, что около 30 процентовъ всѣхъ случаевъ дали удовлетворительные результаты. Это превосходило наши ожиданія, такъ какъ заранѣе можно было предположить, что въ теченіе перваго года должны произойти многочисленныя ошибки въ практическомъ примѣненіи почти незнакомыхъ методовъ. Такъ, напримѣръ, случались прививки полей, которыя уже содержали необходимыя бактеріи въ достаточномъ количествѣ или были столь богаты усвояемыми азотистыми соединеніями, что дѣйствіе бактерій на нихъ совершенно не было замѣтно. Точно такъ же можно было предвидѣть возможность ошибокъ въ приготовленіи, и распредѣленіи матеріала для прививки и въ защитѣ его отъ

солнца. Источники такихъ ошибокъ могутъ быть устранены при повтореніи этого процесса, и позволительно питать надежду, что прививка почвы для воздѣлыванія бобовыхъ растеній понемногу войдетъ въ обычай практическаго земледѣлія.

Прилагаемый рисунокъ заимствованъ изъ книжки Landversuchts Stationen, содержащей подробный отчетъ о нитрогинѣ; въ немъ прекрасно выясняется благодѣтельное дѣйствіе введенія въ почву бактерій корневыхъ утолщеній въ одномъ случаѣ сравнительно съ отсутствіемъ ихъ въ другомъ случаѣ.

Бактеріологія, впрочемъ, не только занималась выработкою научныхъ методовъ въ помощь земледѣлію для выращиванія растеній, но и оказала несомнѣнную услугу указаніемъ способа усовершенствованія качества и облегченія распредѣленія земледѣльческихъ продуктовъ. Благодаря тщательнымъ изслѣдованіямъ въ бактеріологіи молока, предпринятымъ въ Америкѣ и на Европейскомъ материкѣ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, мы уже не можемъ найти никакихъ оправданій, чтобы закрывать глаза на опасности, окружающія нашу молочную промышленность, и не замѣчать отвѣтственности и важныхъ послѣдствій, связанныхъ съ распространеніемъ не чистаго или зараженнаго молока. Мы уже знаемъ теперь, что эта питательная жидкость является самой удобной культурной средой для бактерій всякаго рода; поэтому мы не должны удивляться, что въ нѣсколькихъ капляхъ молока содержится иногда около милліона бактерій, или, по словамъ одного изслѣдователя, одна пинта молока можетъ питать отъ 33 до 56 милліоновъ бактерій. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ эта обширная армія микробовъ, завладѣвающая молокомъ и сливками, исходитъ отъ источниковъ, совершенно независимыхъ отъ самой коровы. Мы должны принять во вниманіе антигигіеническія условія, въ которыхъ очень часто ведется молочное хозяйство, спертый воздухъ дурно провѣтриваемыхъ помѣщеній, богатый зародышами, беззаботность по отношенію къ опрятности не только самихъ животныхъ, но и лицъ, которымъ поручено доить ихъ, а также и множество рукъ, черезъ которыя проходитъ молоко, прежде чѣмъ достигнуть потребителя. Если мы все это примемъ во вниманіе, тогда намъ не придется удивляться, что наше молоко въ сыромъ видѣ содержитъ иногда множество заразныхъ живыхъ центровъ.

Нѣкоторое понятіе о томъ, какимъ способомъ бактеріи распространяются въ молокѣ, когда пріобрѣтутъ доступъ къ нему, мы можемъ получить изъ слѣдующихъ наблюденій:

Была взята проба молока, въ которомъ, какъ оказалось, находилось до 153,000 микробовъ въ кубическомъ дюймѣ; при постоянной температурѣ въ 15° Цельз. въ ней содержалось 539,750 бактерій; черезъ семь часовъ это количество возросло до 1,020,000, а по истеченіи 25 часовъ число это достигло до 85,000,000 въ куб. дюймѣ!

Неоднократно уже указывалось, что среди такого множества зародышей проникаютъ въ молоко и зародыши, связанные съ различными болѣзнями; отвѣтственность за перенесеніе скарлатины, тифа, дифтерита и бугорчатки—лишь нѣкоторыя изъ тяжкихъ обвиненій, которыя справедливо возводятся на доставляемое намъ молоко.

Эти зародыши не только являются источникомъ опасности въ гигіеническомъ отношеніи: присутствіе ихъ вызываетъ множество затрудненій для самого молочнаго дѣла.

Молоко коровъ, содержимыхъ въ стойлѣ, или зимнее молоко содержитъ гораздо больше бактерій, чѣмъ молоко коровъ, пасущихся въ полѣ.

Въ первомъ часто находятся Bacillus coli communis; этотъ микробъ, несомнѣнно оказывающій весьма вредное дѣйствіе на молоко, въ особенности, когда оно дается дѣтямъ, служитъ часто источникомъ хронической діареи.

Но это еще не все. На этой бактеріи въ значительной степени лежитъ отвѣтственность въ гнилостной порчѣ сыра, столь знакомой сыроварамъ. Эта бацилла, способная къ обильному размноженію въ молокѣ, когда она укрѣпится въ этой средѣ, не допускаетъ должнаго развитія обыкновенной окислительной бактеріи, необходимой для настаиванія сливокъ и для выдѣлки сыра. Мы говорили, что огромное количество бактерій, содержащееся въ молокѣ, попадаетъ въ него уже послѣ доенія; но для этого правила существуетъ весьма важное исключеніе, касающееся бациллы бугорчатки, о которой мы уже упоминали выше.

Новѣйшія изслѣдованія показали, что бугорчатка весьма распространена среди рогатаго скота, и что коровы могутъ быть поражены ею, когда вымя кажется совершенно здоровымъ, при чемъ молоко этихъ животныхъ заражается зародышами этихъ болѣзней.

Бугорчатка, повидимому, болѣе преобладаетъ среди коровъ, содержимыхъ въ стойлѣ, чѣмъ пасущихся на открытомъ воздухѣ; вслѣдствіе того, молоко, получаемое въ городахъ, легче заражается этимъ опаснымъ организмомъ, чѣмъ привозимое изъ деревень.

Профессоръ Банкъ изъ Копенгагена свидѣтельствуетъ, что на нѣкоторыхъ городскихъ фермахъ онъ находилъ до 80% скота, зараженнаго бугорчаткой; несомнѣнно, что переполненіе скотныхъ дворовъ на городскихъ фермахъ можетъ быть такимъ же обильнымъ источникомъ зараженія бугорчаткой, какъ и переполненіе людей въ ихъ жилищахъ.

Гиршбергеръ также утверждаетъ, что 10% коровъ, живущихъ въ городскихъ окрестностяхъ, гдѣ окружающія условія не вполнѣ гигіеничны, страдаютъ отъ бугорчатки, и 50 процентовъ этихъ животныхъ даютъ молоко, содержащее туберкулезныя бациллы.

Припоминая, что эти вредные зародыши могутъ жить больше 120 дней въ маслѣ и болѣе 35 дней—въ сырѣ, мы видимъ, какой источникъ опасности представляетъ присутствіе ихъ въ молокѣ.

Бактеріологія, къ счастью, не довольствовалась простымъ указаніемъ опасностей, сопровождающихъ потребленіе молочныхъ продуктовъ, обыкновенно доставляемыхъ на рынокъ, но и тщательно занималась отысканіемъ методовъ, которыми молоко и его продукты не только могли бы дѣлаться совершенно безвредными и свободными отъ зародышей, но которые могли бы доставлять молочной промышленности существенныя выгоды и съ коммерческой стороны.

Стерилизація молока нѣсколько времени тому назадъ чрезвычайно распространилась на материкѣ Европы. Швейцарцы въ особенности явились просвѣщенными піонерами въ этомъ направленіи, и въ то же время едва ли можетъ быть сомнѣніе, что удача, доставшаяся на долю датчанъ въ завладѣніи масляннымъ рынкомъ Англіи, въ значительной степени зависитъ отъ того вниманія, какое они удѣляли стерилизаціи молока, и отъ усовершенствованной организаціи ихъ молочной промышленности.

Пастеризація молока состоитъ въ поддержаніи его при температурѣ 68°—69° Цельз., преимущественно посредствомъ нагрѣванія паромъ.

Чтобы молоко не пріобрѣтало непріятнаго прогорклаго вкуса, оно поддерживается посредствомъ особаго аппарата въ постоянномъ дви-

женіи; между тѣмъ температура регулируется такимъ образомъ, что она никогда не поднимается выше 70° Цельз., такъ какъ лишь при этой температурѣ происходитъ то измѣненіе вкуса, которое заставляетъ многихъ избѣгать кипяченаго молока.

Пастеризація, въ наиболѣе улучшенныхъ аппаратахъ, убиваетъ въ теченіе 20—30 минутъ, по словамъ доктора Бишера, всѣ болѣзненные зародыши, встрѣчающіеся въ молокѣ. Сливки также можно пастеризовать, прежде чѣмъ сбивать ихъ въ масло. Мнѣ недавно пришлось ознакомиться съ масломъ, сдѣланнымъ изъ стерилизованныхъ сливокъ, привитыхъ особой бактеріей, отъ которой зависитъ превращеніе сливокъ въ масло и приданіе ему вкуса; результатъ показался мнѣ вполнѣ удовлетворительнымъ.

Еще болѣе успѣха достигнуто съ производствомъ сыра и другихъ продуктовъ изъ пастеризованнаго молока съ помощью особыхъ микробовъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что по мѣрѣ того, какъ будетъ возрастать наше знаніе, мы все болѣе и болѣе будемъ различать полезныя отъ вредныхъ бактерій, участвующихъ въ производствѣ молочныхъ продуктовъ, и въ то же время будемъ въ состояніи производить въ точности желаемые сорта сыра. Отказываясь отъ невѣрныхъ пріемовъ, характерныхъ для слѣпыхъ методовъ, которыхъ держались до сихъ поръ, мы дойдемъ въ концѣ концовъ до того, что наша практика будетъ основываться на послѣднихъ научныхъ открытіяхъ.

Дополненіе по Кону.

Изучая бактеріи въ природѣ, мы находимъ, что нѣкоторые естественные процессы, связанные съ жизнью животныхъ и растеній, основаны на извѣстныхъ способностяхъ бактерій. Жизнь природы кажется безграничной, такъ какъ жизненные процессы происходили въ мірѣ безсчетное число лѣтъ съ неуменьшающейся силой; но въ самой основѣ ихъ мы находимъ извѣстную дѣятельность микроорганизмовъ. Продолженіе жизни на поверхности земли оказалось бы невозможнымъ если бы дѣятельность бактерій была прервана на продолжительное время. Другими словами, жизнь земного шара зависитъ отъ микроорганизмовъ.

Прежде всего мы видимъ значеніе ихъ въ томъ, что они поддерживаютъ поверхность земли въ условіяхъ, необходимыхъ для роста животныхъ и растеній. Большое дерево въ лѣсу умираетъ и падаетъ на землю. Нѣкоторое время стволъ сохраняетъ свое плотное строеніе, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ немъ происходитъ медленное измѣненіе. Кора становится мягче и отпадаетъ отъ дерева. И само дерево дѣлается все болѣе и болѣе мягкимъ, оно становится добычею насѣкомыхъ, плотность его все уменьшается, пока, наконецъ, оно не распадется въ видѣ мягкой, бурой, порошкообразной массы и совсѣмъ не сравняется съ почвой, покрывшись мхами и другой растительностью и, такимъ образомъ, совершенно исчезнувъ изъ глазъ.

Такому же процессу размягченія тканей, вслѣдствіе разложенія, подвергается и тѣло умершаго животнаго. Болѣе мягкія части распадаются быстро, и даже кости покрываются землею и разрушаются, пока не перестанутъ быть видимыми. Въ результатѣ крѣпкая масса тѣла дерева или животнаго разлагается.

Что же случилось съ нею? Отвѣтъ мы находимъ въ вѣчной свѣжести природы. Часть этой массы разсѣялась въ воздухѣ въ видѣ газовъ и водяныхъ паровъ; часть ея измѣнила свой составъ и соединилась съ почвой, при чемъ въ конечномъ результатѣ тѣло растенія или животнаго исчезаетъ, превращаясь въ газы и простыя соединенія, погружающіяся въ землю. Во всемъ процессѣ разложенія органической жизни бактеріи играютъ существенную роль. Въ случаѣ разложенія древесины древеснаго ствола, процессъ начинается дѣятельностью плѣсени, такъ какъ лишь эта группа организмовъ можетъ одолѣть твердое строеніе дерева. Но дальнѣйшее разрушеніе въ значительной степени производится бактеріями. При разложеніи животныхъ тканей, онѣ являются уже единственными дѣятелями: онѣ способствуютъ разсѣянію органическаго вещества въ воздухѣ и проникновенію его въ почву.

Разсматривая этотъ вопросъ съ чисто механической точки зрѣнія, мы не можемъ не поставить высоко очистительную роль бактерій въ природѣ. Если бы мы представили себѣ на минуту, что́ было бы съ нашимъ міромъ, если бы эти дѣятели разложенія не очищали поверхности земли отъ мертвыхъ тѣлъ животныхъ и растеній, намъ легко было бы понять, что земля была бы необитаема. Если бы мертвыя тѣла растеній и животныхъ прошедшихъ временъ просто скоплялись

бы на поверхности земли, не распадаясь на болѣе простыя соединенія, уже ихъ масса покрыла бы поверхность земли, не допуская дальнѣйшаго развитія растеній и животныхъ. Поэтому бактеріи, уже механически, въ качествѣ дѣятелей разложенія, необходимы для поддержанія поверхности земли въ состояніи свѣжести и возможности продолженія жизни.

Значеніе бактерій для продолженія животной и растительной жизни не можетъ не отражаться въ сельскомъ хозяйствѣ, занимающемся культурой растеній и животныхъ. Сельскій хозяинъ, хотя и безсознательно, постоянно пользуется дѣятельностью бактерій. Эта дѣятельность оказываетъ свое вліяніе уже въ произрастаніи сѣмянъ послѣ того, какъ они высѣяны въ почву. Когда сѣмена попадаютъ во влажную почву, они прорастаютъ отъ дѣйствія теплоты. Обильное бѣлковое вещество въ сѣменахъ доставляетъ превосходную пищу, и насколько бактеріи распространены въ почвѣ, онѣ неизбѣжно должны расти и питаться на счетъ сѣмянъ. При значительной влажности и теплотѣ, онѣ такъ быстро развиваются въ сѣмени, что уничтожаютъ его жизнь въ качествѣ ростка. Въ результатѣ сѣмя укореняется въ почвѣ. Но въ обыкновенной почвѣ не всегда такъ бываетъ, и здѣсь бактеріи разростаются въ сѣмени, но не съ такою силою, чтобы принести ему вредъ. Присутствіе ихъ въ небольшомъ количествѣ въ сѣмени необходимо для должнаго прорастанія его. Предполагаютъ, что разрастаніе ихъ ведетъ къ смягченію питательнаго матеріала въ сѣмени; молодой ростокъ легче можетъ пользоваться имъ для своего питанія, а безъ этого размягченія сѣмя окажется слишкомъ твердымъ, чтобы растеніе могло пользоваться имъ. Это мнѣніе, впрочемъ, нельзя считать вполнѣ доказаннымъ, такъ какъ сѣмена, повидимому, могутъ прорастать и безъ помощи бактерій.

Но бактеріи, тѣмъ не менѣе, разростаются въ сѣмени во время его прорастанія и, такимъ образомъ, помогаютъ растенію смягчать питательный матеріалъ его.

Въ процессѣ силосованія сельскій хозяинъ опять имѣетъ дѣло съ бактеріями. Дѣятельность обыкновенныхъ бактерій мѣшаетъ ему сохранять лѣтній кормъ для употребленія его зимою. Кормъ въ влажномъ видѣ неизбѣжно подвергается разложенію и въ короткое время становится негоднымъ; поэтому сельскій хозяинъ высушиваетъ часть его въ видѣ сѣна. Но не всякій кормъ можно сохранять въ такомъ

видѣ. Многіе стебли растеній питательны въ свѣжемъ видѣ, но въ сухомъ мало пригодны для скота. Собственнымъ наблюденіемъ и опытомъ хозяинъ прибѣгаетъ къ помощи бактерій, чтобы помочь этому затрудненію, обращаясь къ такъ называемому силосованію. Для этого беретъся большой, тяжелый ящикъ, открывающійся только сверху, и туда укладывается зеленый кормъ такъ плотно, что воздухъ можетъ касаться лишь его поверхности. При этихъ условіяхъ кормъ остается влажнымъ, но, тѣмъ не менѣе, не подвергается обычнымъ процессамъ гніенія и броженія и не портится въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Правда, онъ оказывается нѣсколько измѣненнымъ, но скотъ ѣстъ его охотно. Мы до сихъ поръ еще не знаемъ, какія измѣненія происходятъ въ кормѣ во время силосованія. Онъ не совсѣмъ предохраненъ отъ броженія; при медленной укладкѣ, въ немъ происходитъ несомнѣнное броженіе, значительно поднимающее температуру массы. Это нагрѣваніе производится нѣкоторыми видами бактерій, быстро разрастающимися даже при высокой температурѣ. Броженіе потребляетъ воздухъ, находящійся въ кормѣ, и производитъ осѣданіе послѣдняго, исключающее дальнѣйшій доступъ воздуха. Первое броженіе скоро прекращается, и затѣмъ уже происходитъ медленное измѣненіе Нѣкоторыя бактеріи, производящія кислоту, начинаютъ понемногу разростаться и черезъ извѣстное время кормъ отчасти становится кислымъ отъ присутствія уксусной кислоты.

Но устраненіе воздуха, плотная укладка и незначительная степень влажности, повидимому, препятствуютъ росту обыкновенныхъ гнилостныхъ бактерій, и силосованный кормъ остается годнымъ въ теченіе продолжительнаго времени. Плотно уложенный кормъ представляетъ тѣ же неблагопріятныя условія для разростанія обыкновенныхъ гнилостныхъ бактерій, какъ и прессованіе сыра. Наше знакомство съ этимъ предметомъ еще весьма недостаточно, но оно все-таки позволяетъ намъ понять, что успѣшный уходъ за силосованнымъ кормомъ сводится къ извѣстному обращенію съ бактеріями.

Настоящее дѣло сельскаго хозяина заключается въ извлеченіи пищи изъ земли. Онъ дѣлаетъ это непосредственно воздѣлываніемъ хлѣбныхъ растеній или косвенно разведеніемъ животныхъ, питающихся продуктами почвы. Въ томъ и въ другомъ случаѣ плодородіе почвы есть основной факторъ его успѣха.

Этимъ плодородіемъ онъ обязанъ бактеріямъ. Даже въ первомъ образованіи почвы оно въ извѣстной степени зависитъ отъ нихъ. Почва, какъ извѣстно, въ значительной степени произошла отъ измельченія разрушенныхъ горныхъ породъ. Это разрушеніе мы вообще называемъ вывѣтриваніемъ и приписываемъ его дѣйствію влажности и холода на горныя породы, вмѣстѣ съ окисляющимъ дѣйствіемъ воздуха. Это несомнѣнно справедливо, и вывѣтриваніе въ значительной степени можетъ быть названо химическимъ и физическимъ явленіемъ.

Тѣмъ не менѣе, въ этомъ основномъ процессѣ распаденія горныхъ породъ играютъ роль и бактеріи, хотя, быть можетъ, и незначительную. Нѣкоторые виды ихъ, какъ мы знаемъ, могутъ жить весьма простой пищей, находя въ свободномъ азотѣ и углекислыхъ соляхъ достаточно сложныя вещества для своего существованія. Эти организмы, повидимому, разрастаются на голой поверхности скалъ, усвоивая азотъ изъ воздуха, углеродъ изъ углекислоты воздуха, а также изъ весьма распространенныхъ углекислыхъ солей. Выдѣляемые ими продукты кислаго свойства способствуютъ размягченію породъ и, такимъ образомъ, облегчаютъ начало процесса вывѣтриванія. Но почва не вся состоитъ изъ распавшихся горныхъ породъ; она содержитъ, кромѣ того, различныя составныя части, содѣйствующія ея плодородію.

Между ними различныя сѣрно-кислыя соли составляютъ значительную часть пищи растеній; эти соли, по крайней мѣрѣ, частью, образуются съ помощью бактерій. Разложеніе протеиновъ, между прочимъ, даетъ начало сѣрнистому водороду. Этотъ газъ, часто встрѣчающійся въ атмосферѣ, окисляется разрастаніемъ бактерій, что даетъ начало нѣкоторымъ сѣрно-кислымъ солямъ почвы. Отложенію фосфорно-кислаго и кремне-кислаго желѣза также въ извѣстной мѣрѣ содѣйствуютъ бактеріи. Всѣ эти процессы являются факторами образованія почвы.

Мы уже говорили выше о значеніи бактерій для образованія азотистаго содержанія почвы. Но сельскій хозяинъ и въ другомъ отношеніи находится въ прямой зависимости отъ бактерій. Самымъ важнымъ факторомъ плодородія почвы является та часть ея, которая называется гумусомъ. Это весьма сложное соединеніе, не одинаковое въ различныхъ почвахъ; въ немъ содержится много азотистыхъ соединеній вмѣстѣ съ сѣрно-кислыми и фосфорно-кислыми солями и другими веществами. Если почва обрабатывается годъ за годомъ, ея питатель-

ныя составныя части медленно, но неизмѣнно истощаются. Изъ гумуса нѣчто извлекается ежегодно, и если оно не возмѣщается, почва теряетъ способность поддерживать жизнь. Сельскій хозяинъ понимаетъ, что плодородіе почвы для своего поддержанія требуетъ болѣе или менѣе постояннаго удобренія. Примѣненіе удобренія есть настоящее питаніе растеній. Самый обыкновенный способъ питанія посѣвовъ заключается въ употребленіи обыкновеннаго назёма. Причина, почему это вещество содержитъ пищу для растенія, легко объясняется тѣмъ, что оно состоитъ изъ непереваренной части пищи животныхъ вмѣстѣ съ ихъ выдѣленіями, и поэтому, кромѣ различныхъ минеральныхъ веществъ, въ немъ заключаются и азотистыя вещества. Но сельскій хозяинъ знаетъ, что эти выдѣленія, чтобы сдѣлаться пригодными для полей, должны подвергнуться процессу медленнаго измѣненія. Ради того, ихъ складываютъ въ кучи, гдѣ они постепенно превращаются въ тотъ видъ, который нуженъ для растеній. Происходящій при этомъ процессъ состоитъ въ разложеніи выдѣленій, въ которыхъ находятся весьма сложныя азотистыя соединенія; за разложеніемъ слѣдуетъ окисленіе этихъ соединеній. Участіе бактерій позволяетъ компостной кучѣ превратиться въ источникъ пищи для растеній. Различныя бактеріи завладѣваютъ всѣмъ, что попадаетъ въ эту кучу, и производятъ разложеніе его. При разложеніи происходятъ значительныя потери полезнаго вещества, вслѣдствіе летучести амміака. Чтобы избѣжать этого, къ компостной кучѣ надо прибавить химическія вещества, легко соединяющіяся съ амміакомъ; тогда бо́льшая часть азота будетъ задержана въ видѣ амміакальныхъ солей, уже не разсѣевающихся въ воздухѣ. Для этой цѣли прибавляется обыкновенно гипсъ и суперфосфатъ.

При земномъ удобреніи, бактеріи также играютъ разнообразную роль. Если были посѣяны травянистыя растенія, почвенныя бактеріи помогаютъ имъ поглощать азотъ изъ воздуха. Далѣе, послѣ того, какъ растенія будутъ запаханы, на нихъ нападаютъ бактеріи, производящія разложеніе; углеродъ разсѣевается въ воздухѣ, и слѣдующее поколѣніе растеній можетъ воспользоваться имъ; минералы и азотъ остаются въ почвѣ. Азотистыя части проходятъ черезъ тотъ же рядъ разложеній и синтетическихъ измѣненій, какой мы уже описали, и, такимъ образомъ, азотъ, поглощенный изъ воздуха, соединеннымъ дѣйствіемъ растеній и бактерій, превращается въ азотнокислыя соли и служитъ

пищею для растеній слѣдующаго посѣва на этой почвѣ. Мы видимъ такимъ образомъ, какъ задача сельскаго хозяина относительно задержанія азота въ почвѣ разрѣшается соотвѣтственнымъ обращеніемъ съ бактеріями.

Мы видѣли, какую пользу оказываютъ бактеріи сельскому хозяину, но онѣ могутъ принести ему и много вреда, производя разнообразныя разложенія его продуктовъ. Поэтому охраненіе этихъ продуктовъ отъ опустошеній бактерій никогда не должно быть упускаемо имъ изъ виду. Другими словами, въ настоящее и, надѣемся, въ будущее время можетъ имѣть успѣхъ только тотъ сельскій хозяинъ, который умѣетъ разумно и искусно управлять громадными силами, которыя доставляетъ ему размноженіе его микроскопическихъ союзниковъ.

Мы надѣемся, что предыдущій очеркъ жизни бактерій въ природѣ можетъ дать, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое понятіе объ этихъ организмахъ и исправить несправедливое мнѣніе по отношенію къ нимъ, весьма распространенное въ публикѣ.

Мы видѣли, что бактеріи въ качествѣ нашихъ друзей играютъ въ природѣ болѣе видную роль, чѣмъ въ качествѣ нашихъ враговъ. Эти растенія чрезвычайно малы и просты по своему строенію, но, тѣмъ не менѣе, они встрѣчаются во множествѣ различныхъ видовъ. Ихъ насчитываютъ гораздо болѣе сотни, и это исчисленіе конечно далеко не исчерпываетъ количества ихъ видовъ. Они встрѣчаются въ природѣ повсюду во множествахъ, не поддающихся исчисленію. Ихъ способность къ размноженію непостижима для насъ, и возможность производить глубокія химическія измѣненія вполнѣ безгранична. Поэтому эта группа живыхъ существъ представляетъ силу громаднаго значенія. За исключеніемъ нѣсколькихъ видовъ, производящихъ ядовитыя начала, вредныя для человѣка и животныхъ, мы должны вообще смотрѣть на нихъ, какъ на друзей и союзниковъ.

Безъ нихъ не было бы эпидемій, но безъ нихъ мы не жили бы на свѣтѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	Введеніе	1
	Дополненіе по Конну	7
II.	Микроорганизмы въ воздухѣ	10
III.	Микроорганизмы въ водѣ	22
IV.	Полезные микроорганизмы	30
	Дополненіе по Конну	46
V.	Вредные микроорганизмы	62
	Дополненіе по Конну	70
VI.	Теорія и практика предохраненія отъ болѣзней	76
VII.	Дѣйствіе свѣта на микроорганизмы	95
VIII.	Новѣйшія примѣненія бактеріологіи	115
	Дополненіе по Конну	131

Содержаніе декабрьской книжки (№ 12) „Дѣтскаго Чтенія“ 1899 года.

I. Пиръ у князя Владиміра „Красное Солнышко“. Рисунокъ художника Н. В. Ферстера. На отдѣльномъ листѣ. II. Пѣсня мистера Каль. Разсказъ *Д. Н. Мамина-Сибиряка*. Съ рисункомъ художника *К. Н. Чичагова*. III. Пѣсенка дровъ. Разсказъ въ стихахъ. *Т. Л. Щепкиной-Куперникъ*. Съ рисункомъ художника *К. Н. Чичагова*. IV. Первое Христославленье. Изъ дѣтскихъ воспоминаній. *С. Т. Семенова*. V. Виѳлеемская звѣзда. Стих. *Е. Бровцыной*. Съ рисункомъ. VI. Бабушка Параня. *П. А. Левицкаго*. VII. Какъ мы боролись съ морозомъ. Разсказъ. *В. М. Лаврова*. VIII. Въ родныхъ поляхъ. Стих. *Н. А. Милицына*. IX. Изъ одного гнѣзда. Повѣсть. (Окончаніе). *Е. П. Муратовой*. Съ рисункомъ художника *Г. Ѳ. Салатко-Петрищо*. X. Зима. Остатки желтыхъ листьевъ... Стих. *И. А. Бѣлоусова*. XI. Сказки природы. Мать. *В. М. Сысоева*. XII. Другъ-Романсъ. Разсказъ. *П. Добротворскаго*. XIII. Счастливое время. Изъ гимназическихъ воспоминаній. *К. Вишневой*. XIV. Какъ мужикъ погоду дѣлалъ. Нѣмецкая народная сказка. *В. Рюмина*. XV. Въ дорогѣ. Стих. *Л. М. Медвѣдева*. XVI. Разсказы изъ русской исторіи. Язычники и христіане на Руси. (Окончаніе). *М. Н. Ремезова*. Съ восемью рисунками. XVII. Изъ исторіи запорожскихъ казаковъ. *Д. И. Эварницкаго*. XVIII. Мирный завоеватель. Гл. VI и VII. (Окончаніе). *Н. А. Зимченко*. Съ тремя рисунками. XIX. Незамѣтные труженики. Очеркъ. *А. С. Баркова-Долина*. Съ семью рисунками. XX. Только маленькій Фредъ. (Изъ дѣтской жизни Ф. Шопена). *О. Прибытковой*. XXI. Три полтины. Стародавній сказъ. Стих. *А. А. Ѳедорова-Давыдова*. XXII. Боэры и Англичане. Очеркъ. *М.* XXIII. Странички изъ исторіи. Книгопечатаніе на Руси. *Н-ва*. Съ шестью рисунками. XXIV. Странички изъ литературы и жизни. Маланья—голова баранья. Изъ *Н. С. Лѣскова*. Стих. *М. Жемчужникова*. Твердость характера г-жи Гладстонъ.—Рѣдкій случай благодарности.—Трудъ. *Е. Т.*—Изъ быта цыганъ. *Е. Т.* Съ рисункомъ *К. Н. Чичагова*. XXV. По бѣлу-свѣту. Изъ писемъ объ Италіи. *Е. Т.* XXVI. Смѣхъ не грѣхъ. Веселыя странички. Волкъ Евстифей и Михайло Потапычъ. Сказка. (Окончаніе). *А. Можаровскаго*. Сытая утка. Басня *Н. Угрюмова*.—Вотъ такъ исторія. *А.* Съ рис. - Встрѣча. Бѣлорусская сказка.—Лодыжки. Игра вотяковъ.—Дурная привычка.—Тяжелый мечъ. *А. Ѳедорова-Давыдова*. Съ рис.—Майскій жукъ. Сказка. *А. Дорова*.—Разныя лазейки. XXVII. Рѣшенія. XXVIII. Объявленія. Картинки отдѣльныя: 1. Христославы (стр. 474); 2. Одолѣли (стр. 515). 3. Не-въ-пору гость (стр. 531); 4. Кобзарь. (стр. 561) 5. Завтракъ (стр. 611).

Приложеніе: Елка. Слова А. Н. Плещеева; музыка С. Бѣлова.

Вышла въ свѣтъ новая книга

Д. И. Тихомирова.

ПРАВОПИСАНІЕ ДО ГРАММАТИКИ.

Сборникъ упражненій для народныхъ и подготовительныхъ школъ.

Ц. 10 к.

Главный складъ: Москва, Б. Молчановка, д. № 24, книжный складъ Д. И. Тихомирова.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

„Библіотеки „Дѣтскаго Чтенія“.

Царскія дѣти и ихъ наставники. Очерки. Глинскаго, Б. Б. Ц. 1 р. 25 к.
Исторія цивилизаціи. Дюкудре. Подъ редакц. Д. А. Коропчевскаго. Т. I—Ц. 1 р. Т. II—Ц. 1 р. 50 к.
Обновленіе одкого города. Дружинина, Н. П. Ц. 10 коп.
По волѣ Божіей Немировича-Данченко, Вас. Ив. Ц. 75 коп.
Что было и что есть. Его же. Ц. 25 коп.
Ѳедька рудокопъ. Его же. Ц. 50 коп.
О чемъ разсказывалъ вѣтеръ. Его же. Ц. 50 коп.
Мысейкина хурда-мурда. Его же. Ц. 45 коп.
Друзья. Соловьева-Несмѣлова, Н. А. Ц. 5 коп.
Милые шалуны. Невѣжина, П. М. Ц. 60 коп.
Что такое подати. Гольцева, В. А.
Херсонесъ. Разсказы изъ русской исторіи Ремезова, М. Н. Ц. 10 к.
По Уралу. Мамина-Сибиряка, Д. Н. Ц. 50 коп.
Зеленый охотникъ Росинъ Гудъ. Спицыной Л. Ц. 20 коп.
Дочь солнца. Сизовой, А. К. Ц. 25 коп.
Маленькіе герои. Рождественской, А. Н. Ц. 45 коп.
Въ снѣгахъ. Носилова, К. Ц. 50 коп.
Язычники и первые христіане на Руси. Ремезова, М. Н. Ц. 10 коп.
На жизненномъ пути. Повѣсти и разск. Лукашевичъ, К. В. Ц. 1 руб.